

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ШЕСТОЙ

1962

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Подготовка иллюстративных материалов — А. Горбов, П. Северцов

В книге использованы фотографии из архива Аркадия Стругацкого, Бориса Стругацкого, Белы Ключевой, в том числе фотографии Лидии Камионко, В. Николаева, Михаила Лемхина

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

© Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1962, 2016

© Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2016

© Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2016

© Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2016

© Курильский В., Муринский Р., Рудман Л., комментарии, примечания, 2016

© Казаков В., Флейшман Ю., библиография, 2016

© Курильский В., указатели, 2016

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Попытка к бегству

I

— Хороший сегодня будет день! — сказал вслух Вадим.

Он стоял перед распахнутой стеной, похлопывая себя по голым плечам, и глядел в сад. Ночью шел дождь, и трава была мокрая, кусты были мокрые, и крыша соседнего коттеджа тоже была мокрая. Небо было серое, а на тропинке блестели лужи. Вадим подтянул трусы, спрыгнул в траву и побежал по тропинке. Глубоко, с шумом вдыхая сырой утренний воздух, он бежал мимо отсыревших шезлонгов, мимо мокрых ящиков и тюков, мимо соседского палисадника, где, выставив напоказ внутренности, красовался полуразобранный «колибри», через мокрые, пышно разросшиеся кусты, между стволами мокрых сосен; не останавливаясь, прыгнул в озерцо, выбрался на противоположный берег, поросший осокой, а оттуда, разгоряченный, очень довольный собой, все наращивая темп, помчался обратно, перепрыгивая через огромные спокойные лужи, распугивая маленьких серых лягушек, прямо к лужайке перед Антоновым коттеджем, где стоял «Корабль».

«Корабль» был совсем молодой, ему не исполнилось и двух лет. Черные матовые его бока были абсолютно сухи и едва заметно колыхались, а острая вершина была сильно наклонена и направлена в ту точку серого неба, где за тучами находилось солнце: «Корабль» по привычке набирал энергию. Высокая трава вокруг «Корабля» была покрыта инеем, поникла и пожелтела. Впрочем, это был приличный, тихого нрава звездолет типа «турист». Рейсовый рабочий звездолет за ночь выморозил бы весь лес на десять километров вокруг.

Вадим, оскальзываясь на поворотах, обежал «Корабль» и направился домой. Пока он, стеная от наслаждения, растирался мохнатым полотенцем, из дачи напротив вышел сосед дядя Саша со скальпелем в руке. Вадим помахал ему полотенцем. Соседу было полтора года лет, и он день-деньской возился со своим вертолетом, но все было втуне — «колибри» летал неохотно. Сосед задумчиво поглядел на Вадима.

— У тебя нет запасных биоэлементов? — спросил он.

— Что, сгорели?

— Не знаю. У них ненормальная характеристика.

— Можно связаться с Антоном, дядя Саша, — предложил Вадим. — Он сейчас в городе. Пусть привезет вам парочку.

Сосед подошел к вертолету и стукнул его скальпелем по носу.

— Что же ты не летаешь, дурачок? — сказал он сердито.

Вадим принялся одеваться.

— Биоэлементы... — ворчал дядя Саша, запуская скальпель во внутренности «колибри». — Кому это надо? Живые механизмы... Полуживые механизмы... Почти неживые механизмы... Ни монтажа, ни электроники... Одни нервы! Простите, но я не хирург. — Вертолет дернулся. — Тихо ты, животное! Стой смирно! — Он извлек скальпель и повернулся к Вадиму. — Это негуманно наконец! — объявил он. — Бедная испорченная машина превращается в сплошной больной зуб! Может быть, я слишком старомоден? Мне ее жалко, ты понимаешь?

— Мне тоже, — пробормотал Вадим, натягивая рубашку.

— Что?

— Я говорю: может быть, вам помочь?

Дядя Саша некоторое время переводил взгляд с вертолета на скальпель и обратно.

— Нет, — сказал он решительно. — Я не желаю применяться к обстоятельствам. Он у меня будет летать.

Вадим сел завтракать. Он включил стереовизор и положил перед собой «Новейшие приемы выслеживания тахоргов». Книга была старинная, бумажная, читаная-перечитаная еще дедом Вадима. На обложке был изображен пейзаж планеты-заповедника Пандоры с двумя чудовищами на первом плане.

Вадим ел, листая книжку, и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что-то о боях критиков по поводу эмоциализма. Дикторша была новая, и она нравилась Вадиму уже целую неделю.

— Эмоциализм! — со вздохом сказал Вадим и откусил от бутерброда с козым сыром. — Милая девочка, ведь это слово отвратительно даже фонетически. Поедем лучше с нами! А оно пусть остается на Земле. Оно наверняка умрет к нашему возвращению — можешь быть уверена.

— Эмоциализм как направление обещает многое, — невозмутимо говорила дикторша. — Потому что только он сейчас дает по-настоящему глубокую перспективу существенного уменьшения энтропии эмоциональной информации в искусстве. Потому что только он сейчас...

Вадим встал и с бутербродом в руке подошел к распахнутой стене.

— Дядя Саша, — позвал он, — вам ничего не слышится в слове «эмоциализм»?

Сосед, заложив руки за спину, стоял перед развороченным вертолетом. «Колибри» трясся, как дерево под ветром.

— Что? — сказал дядя Саша не оборачиваясь.

— Слово «эмоциализм», — повторил Вадим. — Я уверен, что в нем слышится похоронный звон, видится нарядное здание крематория, чувствуется запах увядших цветов.

— Ты всегда был тактичным мальчиком, Вадим, — сказал старик со вздохом. — А слово действительно скверное.

— Совершенно безграмотное, — подтвердил Вадим жуя. — Я рад, что вы это тоже чувствуете... Послушайте, а где ваш скальпель?

— Я уронил его внутрь, — сказал дядя Саша.

Некоторое время Вадим разглядывал мучительно трепещущий вертолет.

— Вы знаете, что вы сделали, дядя Саша? — сказал он. — Вы замкнули скальпелем дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он привезет вам другой скальпель.

— А этот?

Вадим с грустной улыбкой махнул рукой.

— Смотрите, — сказал он, показывая остаток бутерброда. — Видите? — Он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

— Ну? — с интересом спросил дядя Саша.

— Такова в наглядных образах судьба вашего инструмента.

Дядя Саша посмотрел на вертолет. Вертолет перестал вибрировать.

— Все, — сказал Вадим. — Нет больше вашего скальпеля. Зато «колибри» у вас теперь заряжен. Часов на тридцать непрерывного хода.

Сосед пошел вокруг вертолета, бесцельно трогая его за разные части. Вадим засмеялся и вернулся к столу. Он доел второй бутерброд и допил второй стакан простокваши, когда щелкнул замок информатора и тихий, спокойный голос сказал:

— Вызовов и посещений не было. Антон, уходя в город, желает доброго утра и предлагает немедленно после завтрака начать отрешение от всего земного. В институт поступило девять новых задач...

— Не надо подробностей, — попросил Вадим.

— ...Задача номер девятнадцать пока не решена. Пэл Минчин доказала теорему о существовании полиномиальной операции над Ку-полем структур Симоняна. Адрес: Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь. Все.

Информатор щелкнул, помолчал и добавил поучающе:

— Завидовать дурно. Завидовать дурно.

— Балбес! — сказал Вадим. — Я совершенно не завидую. Я радуюсь! Молодчина, Пэл! — Он задумался, глядя в сад. — Нет, — сказал он. — Сейчас все это долой. Надо отрешаться от земного.

Он швырнул грязную посуду в мусоропровод и вскричал:

— На тахоргов! Украсим кабинет Пэл Минчин — Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь — черепом тахорга!

И он спел:

Пусть тахорги в страхе воют,
Издавая визг и писк!
Ведь на них идет войною
Структуральнейший лингвист!

— Теперь так, — сказал Вадим. — Где радифон? — Он набрал номер. — Антон? Как дела?

— Стою в очереди, — ответил Антон.

— Что ты говоришь? И все на Пандору?

— Многие. И кто-то распространяет слух, что охота на тахоргов скоро будет запрещена.

— Но мы-то успеем?

Антон некоторое время молчал.

— Успеем, — сказал он.

— А девушки там рядом есть?

— Как не быть...

— А они тоже успеют?

— Сейчас спрошу... Они говорят, что успеют.

— Передай им привет от знакомого структурального лингвиста шести футов росту, с благородной осанкой... Слушай, Антон, что я хотел тебе сказать? Да! Привези, пожалуйста, дяде Саше скальпель. И пару «БЭ-6». И заодно «БЭ-7».

— И заодно новый вертолет, — сказал Антон. — Что этот старец сделал со своим скальпелем?

— Ну как ты думаешь, что можно сделать со скальпелем?

— Не знаю, — сказал Антон, подумав. — Скальпель — это вещь на века. Как Баальбекская платформа.

— Он уронил его в желудок своему «колибри».

В радифоне захихикало несколько голосов. Очередь развлекалась.

— Ладно уж, — сказал Антон. — Жди, я скоро буду. Будь моим суперкарго и начинай погрузку.

Вадим сунул радифон в карман и прикинул через три комнаты расстояние до выхода.

— Дух ног слаб, — процитировал он, — рук мощь зла!

Он встал на руки и живо побежал к выходу. На крыльце он сделал сальто и с криком «У-ух!» упал на четвереньки в траву перед крыльцом. Поднявшись и почистив руки, он произнес с выражением:

На войне и на дуэли
Получает первый приз —

Символ счастья и веселья —
Структуральнейший лингвист.

Затем он неторопливо отправился в аллею, где были свалены тюки и ящики. Груза было довольно много. Надо было везти с собой оружие, боеприпасы, запас пищи, одежду — отдельно для охоты и отдельно, чтобы посетить знаменитое кафе «Охотник» на плоской вершине Эверины, где между столиками вольно гуляет пряный ветер, а под обрывом на трехсотметровой глубине громоздятся, подобно грозovým тучам, непроходимые черные заросли; где исполосованные колючками охотники с хохотом осушают пузатые фляги «Крови тахорга» и вывихивают себе плечи в тщетных попытках показать, какой череп они могли бы добыть, если бы знали, с какой стороны у карабина приклад; где в темно-зеленых сумерках пары скользят на усталых ногах в «Светлом ритме», а над хребтом Смелых поднимаются в беззвездное небо зыбкие сплюсненные луны.

Вадим присел на корточки спиной к самому тяжелому ящику, приладился и рывком поднял ящик на плечи. В ящике было оружие — три автоматических карабина с прицелами для стрельбы в тумане и шесть сотен патронов в плоских пластмассовых обоймах. Пружина при каждом шаге, Вадим понес ящик через сад к «Кораблю». Он зашел со стороны приемника и пнул ногой в борт. Мембрана, затягивавшая овальный люк, лопнула, и Вадим свалил ящик в темноту, из которой пахло холодом.

Вадим пошел обратно, обрывая на ходу с кустов громадные ягоды какого-то гибрида. И каждый куст сбрасывал на него заряд холодного крупного дождя.

Надо взять не меньше пяти тахоргов, думал он. Один череп для Пэл Минчин Ричмондской. Пусть знает, что я хороший парень. Один череп маме. Мама череп не возьмет, она человек серьезный, и тогда я подарю этот череп первой девушке, которая пройдет мимо меня на углу Невского и Садовой после десяти утра. Третьим черепом я брошу в Самсона, чтобы умерить его скепсис: он странно вел себя у Нели, когда я рассказывал ей о последнем походе на Пандору. Четвертый череп — Нели, чтобы она верила мне, а не Самсону. А пятый череп я повешу над стереовизором. Он с наслаждением представил себе, как отлично будет выглядеть хорошенькая дикторша под оскаленным черепом чудовища.

Он перенес на «Корабль» четыре больших ящика с живым мясом, восемь ящиков с овощами и фруктами, два мягких тюка с одеждой и еще один большой ящик с подарками для старожилков и с корявой надписью: «Шкатулка для Пандоры».

Где-то за тучами солнце поднималось все выше и выше, становилось жарко. Все вокруг высыхало. Лягушки попрятались в траву. В пустых коттеджах с шелестом распаивались стены. Дядя Саша повесил гамак и разлегся возле своего «колибри» с газетой. Вадим кончил перетаскивать груз и пристроился к кусту крыжовника.

— Итак, вы улетаете, — сказал дядя Саша.

— Угу.

— На Пандору улетаете?

— Ага.

— Вот тут пишут, что заповедник собираются закрыть. На несколько лет.

— Ничего, дядя Саша, — сказал Вадим. — Успеем.

Дядя Саша помолчал и сказал негромко:

— Мне здесь очень скучно будет одному.

Вадим перестал жевать.

— Так мы же вернемся, дядя Саша! Через месяц.

— Все равно. Я на этот месяц вернусь в город. Что я здесь один буду делать в пяти коттеджах? — Он посмотрел на вертолет. — С этим дурачком. Полуживым.

В небе послышалось негромкое фырканье.

— Вон еще один летит, — сказал дядя Саша.

Вадим задрал голову. Невысоко над поселком медленно выписывал восьмерку ярко-красный «рамфоринх». На тощем брюхе четко выделялся белый номер.

— Так-то я тоже могу, — сказал дядя Саша. — А вот вы, голубчик, спикуруйте винтом, и чтобы не боком и не в пруд, а рядом...

«Рамфоринх» улетел. На бетонной дорожке за садом послышалось сопение машины.

— В нашем поселке становится оживленно, — сказал дядя Саша. — Движение как на Невском.

— Это Антон! — Вадим вскочил и побежал к «Кораблю».

Антон загонял машину в гараж. Выйдя из гаража, он рассеянно сказал:

— Все в порядке, Димка. Штурманскую книгу я зарегистрировал, «добро» получил...

— Но? — спросил проницательный Вадим.

— Что — но?

— Я отчетливо слышу в твоей речи «но».

Антон сказал неохотно:

— Я заезжал к Галке. Она не поедет.

— Из-за меня?

— Нет. — Антон помолчал. — Из-за меня.

— М-да, — глубокомысленно сказал Вадим.

Антон спросил:

— А как у нас с погрузкой, суперкарго?

— Все в порядке, шкип. Можно стартовать.

— А как у нас в доме? Прибрано ли?

— В чем доме?

— Например, в моем?

— Нет, шкип. Виноват, шкип. Я только что кончил грузить, шкип.

Низко над крышами снова пролетел красный «рамфоринх». Антон поглядел.

— Что за притча? — удивился он. — Опять ЦЩ-268. По-моему, я стал объектом пристального внимания. Этот красный «рамфоринх» с бортовым номером ЦЩ-268 гонится за мной с Дворцовой площади.

— Не замешана ли здесь женщина? — осведомился Вадим.

— Не думаю. Никогда еще женщины не гонялись за мной.

— Они могли бы и начать... — сказал Вадим, но тут его осенила новая мысль. — А может быть, это член тайного общества покровителей тахоргов?

«Рамфоринх» снова пролетел над головами и вдруг затих.

— Э, да это к дяде Саше, — сказал Вадим. — Пойдет на запасные органы. Бедный «рамфоринх»! Кстати, ты привез?

— Привез, — сказал Антон, глядя мимо него. — Нет, структуральный суперкарго. Это не к дяде Саше...

Из-за кустов появился высокий костлявый человек в широкой белой блузе и белых брюках. У него было очень смуглое худое лицо с мохнатыми бровями и большие коричневые уши. В руке он держал объемистый портфель.

— Он, — сказал Антон.

— Кто?

— Человек в белом. Он все время бродил около очереди. И смотрел всем в глаза.

— Сейчас я ему объясню, что такое тахорги, — проговорил Вадим, — и он поймет.

Человек в белом подошел вплотную и внимательно осмотрел обоих охотников.

— Вы знаете, что тахорги нападают на людей и иногда серьезно калечат их? — сказал Вадим. — Наносят им серьезные увечья.

— Вот как? — сказал человек в белом. — Тахорги? В первый раз слышу. Впрочем, это не по моей части. Я пришел к вам с просьбой. Здравствуйте. — Он коснулся двумя пальцами виска.

— Здравствуйте, — сказал Антон. — Вы ко мне?

Незнакомец бросил портфель под ноги и вытер со лба пот. В портфеле что-то глухобрякнуло. Это было огромное, битком набитое вместилище, сильно потертое, с огромным количеством ремней и медных застежек. «Портфель» по-японски — «кабан», — подумал Вадим. Японцы правы.

Незнакомец медленно проговорил:

— Да. Я к вам. — Он зажмурился и снова с силой провел ладонью по лицу. — Только, пожалуйста, не спрашивайте, почему именно к вам. Совершенно случайно к вам... Мог к кому-нибудь другому...

— Нам необыкновенно повезло, — весело сказал Вадим. — Просто удивительно, как нам сегодня везет.

Незнакомец поглядел на него без улыбки.

— Капитан вы? — спросил он.

— Я капитан потенциально, — ответил Вадим. — А кинетически я суперкарго и старший специалист по тахоргам... Если угодно, зверовед-аматёр...

Вадима понесло, он уже не мог удержаться. Он должен был во что бы то ни стало вызвать на лице незнакомца улыбку, хотя бы вежливую.

— Кроме того, я второй пилот-аматёр, — говорил он. — Это на тот случай, если у капитана вдруг случится отложение солей или колено горничной...

Незнакомец молча слушал. Антон сказал негромко:

— Очень смешно.

Наступила тишина.

— Как я понял, вы летите на Пандору, — сказал незнакомец. Он смотрел на Антона.

— Да, мы идем на Пандору. — Антон покосился на портфель. — Вы хотите что-нибудь переслать с нами?

— Нет, — сказал незнакомец. — Пересылать мне нечего. У меня совсем другое... У меня есть к вам предложение. Ведь вы едете развлекаться?

— Да, — сказал Антон.

— Если опасную охоту можно считать развлечением, — значительно добавил Вадим.

— Это славный отдых, — сказал Антон. — Турперелет и охота.

— Турперелет... — медленно, словно удивляясь, проговорил незнакомец. — Туристы... Послушайте, молодые люди, вы совсем не похожи на туристов. Вы молодые, здоровые ребята-открыватели... Зачем это вам — обжитые планеты, электрифицированные джунгли, автоматы с газировкой в пустынях? Да что говорить! Почему вам не взять неизвестную планету?

Ребята переглянулись.

— Какую именно планету? — спросил Антон.

— Не все ли равно? Любую. На которой человека еще не было... — Незнакомец вдруг широко раскрыл глаза. — Или таких уже нет?

Он не шутил. Это было совершенно очевидно, и ребята снова переглянулись.

— Почему же? — сказал Антон. — Таких планет сколько угодно. Но мы всю зиму собирались поохотиться на Пандоре.

— Лично я, — подхватил Вадим, — уже раздарил знакомым черепа своих неубитых тахоргов.

— И потом — что мы будем делать на новой планете? — мягко сказал Антон. — Мы не научная экспедиция, мы не специалисты. Вот Вадим лингвист, я звездолетчик, пилот... Мы не сумеем даже составить первичного описания... Впрочем, может быть, у вас есть какая-нибудь идея?

Незнакомец сдвинул мохнатые брови.

— Нет у меня никаких идей, — резко сказал он. — Просто мне нужно на неизвестную планету. И вопрос стоит так: можете вы мне помочь или нет?

Вадим стал застегивать и расстегивать «молнию» на куртке. Тон незнакомца его покоробил: это был не тот тон, к которому Вадим привык. И тем не менее положение было тяжелое. Человеку, который едет развлекаться, трудно спорить с человеком, которому нужно ехать по делу. Аргументов у Вадима не было, и поэтому он совсем было решил придраться к манерам, но тут случилось странное происшествие.

За деревьями залаяла собака. Это был дяди Сашин эрдель Трофим, дряхлый глупый пес с признаками аристократического вырождения и необыкновенно густым голосом. Залаял он скорее всего потому, что на нос ему села оса и он не знал, что с ней делать, но лицо незнакомца вдруг страшно исказилось. Он пригнулся и прыгнул далеко в сторону. Вадим даже не понял, что произошло. Прыгнув, незнакомец выпрямился и нарочито медленными шагами вернулся на место. На лбу у него блестела испарина. Вадим оглянулся на Антона. Лицо Антона было задумчиво-спокойным.

— Ну что ж, — сказал он рассудительно. — Во второй окрестности много желтых карликов с приличными планетами земного типа. Давайте слетаем. Возьмем хотя бы ЕН 7031. Туда уже собирались лететь, да отложили. Показалось неинтересно. Добровольцы не любят желтых карликов — им подавай гиганта, лучше красного... Устроит вас ЕН 7031?

— Да, вполне, — сказал незнакомец. Он уже пришел в себя. — Если только это действительно необитаемая планета.

— Это не планета, — вежливо поправил Антон. — Это звезда. Солнце. Но там есть и планеты. По всей видимости, необитаемые. А как вас зовут?

— Меня зовут Саул, — сказал незнакомец и впервые улыбнулся. — Саул Репнин. Я историк. Двадцатый век. Но я постараюсь быть полезным. Я умею готовить, водить наземные машины, шить, чинить обувь, стрелять... — Он помолчал. — И кроме того, я знаю, как все это делалось раньше. И еще я знаю несколько языков — польский, словацкий, немецкий, немного французский и английский...

— Жалко, что вы не умеете водить звездолет, — вздохнул Вадим.

— Да, жалко, — сказал Саул. — Но это ничего, звездолет умеете водить вы.

— Не вздыхай, Димка, — сказал Антон. — Пора и тебе посмотреть на странные пейзажи безымянных планет. Танцевать в кафе можно и на Земле. Покажи себя там, где нет девушек, воздыхатель...

— Я вздыхаю от восторга, — отозвался Вадим. — В конце концов, что такое тахорги? Громоздкие и всем известные животные...

Саул любезно осведомился:

— Надеюсь, я не вырвал согласие силой? Надеюсь, ваше согласие является в достаточной степени добровольным и свободным?

— А как же, — сказал Вадим. — Ведь что такое свобода? Осознанная необходимость. А все остальное — нюансы.

— Пассажир Саул Репнин, — сказал Антон. — Старт в двенадцать ноль-ноль. Ваша каюта третья, если вы не захотите занять каюту четвертую, пятую, шестую или седьмую. Пойдемте, я вам покажу.

Саул нагнулся за портфелем, и у него из-за пазухи выскользнул и тяжело шлепнулся на траву большой черный предмет. Антон поднял брови. Вадим пригляделся и тоже поднял брови. Это был скорчер — тяжелый длинноствольный пистолет-дезинтегратор, стреляющий миллионвольтными разрядами. Такие предметы Вадим видел только в кино. На всей Планете было не больше сотни экземпляров этого страшного оружия, и оно выдавалось только капитанам сверхдальних десантных звездолетов.

— Какой я неуклюжий, — пробормотал Саул, подобрал скорчер и сунул его под мышку. Затем он поднял портфель и объявил: — Я готов.

Некоторое время Антон смотрел на него, словно собираясь спросить о чем-то. Затем он сказал:

— Пойдемте, Саул. А ты, Вадим, прибери дома и отнеси старику инструмент. Он в багажнике. Я имею в виду, конечно, инструмент.

— Слушаю, шкип, — сказал Вадим и пошел в гараж.

Трудно быть оптимистом, размышлял он. Ведь что есть оптимист? Помнится, в каком-то старинном вокабулярии сказано, что оптимист суть человек, полный оптимизма. Там же, статьей выше, сказано, что оптимизм суть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором человек верит в будущее, в успех. Хорошо быть лингвистом — сразу все становится на свои места. Остается только совместить бодрое, а равно и жизнерадостное мироощущение с пребыванием на борту тяжеловооруженного лунатика...

Он забрал из багажника скальпель и биоэлементы и направился к дяде Саше. Старик сидел на корточках под красным «рамфоринхом».

— Дядя Саша, — сказал Вадим. — Вот вам новый скальпель и...

— Не надо, — сказал дядя Саша. Он вылез из-под «рамфоринха». — Спасибо. Мне подарили вот это. — Он похлопал «рамфоринха» по полированному боку. — Говорят, он очень живуч, а?

— Подарили?

— Да, один молодой человек, весь в белом.

— Ах, вот как, — сказал Вадим. — Значит, он был уверен, что улетит с нами. Или, может быть, он намеревался прорваться в «Корабль» с боем?

— Что? — спросил дядя Саша.

— Дядя Саша, — сказал Вадим, — вы знаете, что такое скорчер?

— Скорчер? Да, знаю, конечно. Это микроразрядное устройство на ткацких автоматах. Правда, теперь их нет, но, помню, лет семьдесят назад... А что, этот человек в белом тоже старый ткач?

— Может быть, он и ткач тоже, но скорчер у него, дядя Саша, не микроразрядный.

Вадим задумчиво пошел к своему коттеджу. Дома он бросил постельное белье в мусоропровод, переключил хозяйственную автоматику на режим отсутствия и, выйдя на крыльцо, написал карандашом на двери: «Уехал в отпуск. Прошу не занимать». Затем он отправился к Антону. Прибирая Антонов коттедж, он продолжал размышлять. В конце концов, не все потеряно. Тахорги, надо признаться, уже основательно приелись. Пандора, если говорить честно, — это всего-навсего очень модный курорт. Можно только удивляться, как я там высидел три сезона. Какой стыд, подумал он вдруг с энтузиазмом. Ведь было время, когда я хвастался ожерельем из зубов тахорга и разводил несусветную пандориану! Швырять в Самсона черепом тахорга — какая банальность! Самсон достоин большего, и Самсон будет увековечен. Неизвестная планета — это неизвестная планета. По неизвестной планете бродят неизвестные звери. Они, бедняги, еще не знают, как их зовут. А я уже знаю. Там я добуду первого в истории «самсона непарноногого перепончатоухого» или, скажем, «самсона неполнозубого гребенчатозадаго»... Запустить в Самсона черепом самсона — такого еще не было.

Когда он вернулся на лужайку, «Корабль» был готов к старту. Верхушка его больше не следила за солнцем, иней на траве вокруг исчез.

Вадим удобно устроился в люке, свесив ногу. Он смотрел на Антонов коттедж с распаханной стеной, на зеленые кроны сосен, на низкие облака, в которых то появлялись, то исчезали голубые проталины. Да, друг Самсон, непарноногий брат мой, мстительно подумал он. Может быть, ты и неплох против какого-нибудь библейского льва, но где тебе тягаться со структуральным лингвистом... Но что забавно: мне бы и в голову не пришло тащиться отдыхать на неизвестную планету, если бы не этот старик в белом. До чего же мы косный народ, даже лучшие из структуральных лингвистов! Вечно нас тянет на обжитые планеты...

На лужайку вышел эрдель Трофим. Он помигал на Вадима добрыми слезящимися глазами, зевнул, сел и принялся чесать задней ногой у себя за ухом. Жизнь была прекрасна и многообразна. Вот Трофим, подумал Вадим. Стар, глуп, добр, но —

смотрите-ка! — может еще напугать... А может быть, все лунатики боятся собачьего лая. Вадим уставился на Трофима. А почему я, собственно, решил, что Саул Репнин лунатик или как это там называлось?.. Зачем такое искусственное предположение? Проще предположить, что историк Саул никакой не историк, а просто соглядатай какой-нибудь гуманоидной расы у нас на планете. Как Бенни Дуров на Тагоре... Это было бы славно — целый месяц неизвестных планет и таинственных незнакомцев... И как все отлично объясняется! Самостоятельно с Земли он выбраться не может, собак он боится, а на неизвестную планету ему нужно, чтобы за ним туда прислали корабль — на нейтральную, так сказать, почву. Вернется он к себе и расскажет: так, мол, и так, люди они хорошие, полны оптимизма, и завяжутся у нас с ними нормальные гуманоидные отношения...

Вадим спохватился и крикнул в коридор:

— Антон, я на борту!

— Наконец-то, — откликнулся Антон. — Я было решил, что ты дезертировал.

Из-за деревьев, безобразно крутя хвостом, появился тощий красный «рамфоринх» и, неестественно завывая, начал описывать вокруг «Корабля» круг почета. Дядя Саша, откинув дверцу, махал чем-то белым. Вадим помахал в ответ.

— Старт! — предупредил Антон.

«Корабль» пошевелился и, мягко подпрыгнув — Вадим успел оттолкнуться от земли ногой, — стал подниматься в небо.

— Димка! — крикнул Антон. — Закрой-ка люк! Сквозняк.

Вадим в последний раз помахал дяде Саше, поднялся и зарастил люк.

II

Антон передал управление на киберштурман и, сложив руки на животе, задумчиво глядел на обзорный экран. «Корабль» шел на север по меридиану. Вокруг было густо-фиолетовое небо стратосферы, а глубоко внизу белела мутная пелена облаков. Пелена эта казалась гладкой и ровной, и только кое-где угадывались провалы исполинских воронок над макропогодными станциями — синоптики, пролив над Северной Европой дождь, загоняли облака в ловушки.

Антон размышлял над странностями человеческими. Он вспоминал странных людей, с которыми встречался. Яков Осинковский, капитан «Геркулеса», терпеть не мог лысых. Он их просто презирал. «А вы меня не убеждайте, — говорил он. — Вы мне лучше покажите лысого, чтобы он был настоящим человеком». Наверное, с лысыми у него были связаны какие-то нехорошие ассоциации, и он никогда никому не говорил, какие. Он не переменялся даже после того, как начисто облысел сам во время сарандакской катастрофы. Он только восклицал с заметной горечью: «Единственный! Заметьте, единственный среди них!»

Вальтер Шмидт с базы «Гаттерия» так же странно относился к врачам. «Врачи... — цедил он с неприличным презрением. — Знахарями они были, знахарями и останутся. Раньше была пыльная паутина и гнилая змеиная кровь, а теперь психодинамическое поле, о котором никто ничего не знает. Кому какое дело до того, что у меня внутри? Головоногие живут по тысяче лет безо всяких врачей и до сих пор благополучно остаются владыками глубин...»

Волкова звали Дредноут, и он был этим очень доволен: Дредноут Адамович Волков. Канэко никогда не ел горячего. Ралф Пинетти верил в левитацию и упорно тренировался... Историк Саул Репнин боится собак и не хочет жить с людьми. Я не удивлюсь, если окажется, что он не хочет жить с людьми именно потому, что боится собак. Странно, правда? Но он от этого не станет хуже.

Странности... Нет никаких странностей. Есть просто неровности. Внешние свидетельства непостижимой тектонической деятельности в глубинах человеческой природы, где разум насмерть бьется с предрассудками, где будущее насмерть бьется с

прошлым. А нам обязательно хочется, чтобы все вокруг были гладкие, такие, какими мы их выдумываем в меру нашей жиденькой фантазии... чтобы можно было описать их в элементарных функциях детских представлений: добрый дядя, жадный дядя, скучный дядя. Страшный дядя. Дурак.

А вот Саулу нисколько не странно, что он боится собак. И Канэко не кажется странным, что он не терпит ничего горячего. Так же как и Вадиму никогда в голову не придет, что его дурацкие стишки кое-кому кажутся не забавными, а странными. Галке, например.

Возьмем теперь меня. Вот я собрался было на Пандору. Если бы об этом узнал, скажем, капитан Малышев, он бы с изумлением на меня посмотрел и сказал: «Если ты собираешься отдыхать, то лучшего места, чем Земля, тебе не найти. А если ты решил поработать, то возьми черную систему ЕН 8742, которая стоит на очереди в плане, или возьми гиганта ЕН 6124 — им почему-то интересуются специалисты на Тагоре». И Малышев был бы прав. И чтобы Малышев меня понял и перестал смотреть с изумлением, пришлось бы сказать, что я соскучился по Димке и что Димка хочет стрелять тахоргов.

Антон усмехнулся. Зачем так сложно? Просто теперь все летают на Пандору, и однажды Галка сказала мне, что слетала бы туда. Так организуются в наше время перелеты. И так легко меняются планы. А мог бы я признаться Малышеву, что все дело в Галке? Почему человек никак не научится жить просто? Откуда-то из бездонных патриархальных глубин все время ползут тщеславие, самолюбие, уязвленная гордость. И почему-то всегда есть что скрывать. И всегда есть чего стесняться.

Антон посмотрел на букетик гвоздик, лежащий перед экраном. Эх, Галка, подумал он. Он подышал на пульт и написал пальцем на исчезающем матовом круге: «Эх ты, Галка...» Буквы быстро растаяли, он даже не успел поставить восклицательный знак. Тогда он еще раз подышал на пульт и поставил восклицательный знак отдельно. Потом он снова откинулся в кресле и в сто первый раз попытался логически решить задачу: «Я люблю девушку, девушка меня не любит, но относится хорошо. Что делать?»

Что, собственно, изменилось бы, если бы она меня полюбила? Можно было бы обнимать ее и целовать. Можно было бы быть все время вместе с ней. Я бы гордился. Все, кажется. Глупо, но все. Просто исполнилось бы еще одно желание. Как все это убого выглядит, когда рассуждаешь логически! А по-другому рассуждать я не умею. Пустой я человек, циник. Он увидел Галку, как она говорит, — немного через плечо, и глаза у нее прикрыты ресницами... Почему все устроено так глупо: можно спасти человека от любой неважной беды — от болезни, от равнодушия, от смерти, и только от настоящей беды — от любви — ему никто и ничем не может помочь... Всегда найдется тысяча советчиков, и каждый будет советовать сам себе. Да и потерпевший-то, дурак, сам не хочет, чтобы ему помогли, вот что дико.

— Позвольте, однако же, куда вы? — громко спросил Саул.

— В рубку, — ответил Вадим.

— Подождите! Ведь мы, по существу, еще не познакомились...

Дверь в рубку была открыта. Антон все время краем уха слышал, как в кают-компании бубнят что-то о тахоргах, о зарослях и о теории исторических последовательностей. Теперь он стал слушать внимательней.

— Ведь вас, кажется, зовут Вадим? — сказал Саул.

— Как правило, — серьезно ответил Вадим. — Но иногда меня зовут Структуральнейшим, иногда Летающим Быком, а в специальных случаях — Димочкой.

— Стало быть, Вадим... И сколько же вам лет?

— Двадцать два локально-земных...

— Локально... Ну да, разумеется... Как вы сказали? Локально-земных?

— Да. В старых звездных я не участвовал.

— Совершенно верно. Я так и думал. А отец ваш, извините, кем будет?

— Кем будет? Наверное, так и останется мелиоратором.

— Э-э... Понимаю, понимаю... Я это, собственно, и имел в виду.

Наступила пауза.

— Очень изящный стол, — стесненно сказал Саул.

Снова пауза.

— Стол хороший. Прочный.

— А мамаша ваша?

— Мамаша? Она у меня... это... стационарный смотритель. Работает на мезоядерной станции.

Было слышно, как Саул нервно забарабанил по столу пальцами.

— Не надо так, Вадим, — попросил он. — Вы не должны обращать на это внимания... Конечно, я странно говорю, и это, вероятно, смешно немножко... Здесь, видите ли, вот какое дело... Мой образ жизни... Мой, так сказать, модус вивенди... Я узкий специалист. Весь в двадцатом веке. Как говорилось когда-то, книжный червь. Вечно в музеях, вечно со старыми книгами...

— Влияние обстановки.

— Да-да, вот именно. Я редко бываю на людях, а теперь вот пришлось. Вы знаете профессора Арнаутова?

— Нет.

— Очень крупный специалист. Мой идейный противник. Он попросил меня проверить некоторые аспекты его новой теории. Ведь я не мог не согласиться, правда? Вот так мне и пришлось... покинуть пенаты. Вот... Но что это мы все обо мне да обо мне!.. Вы, кажется, структуральный лингвист?

— Да.

— Интересная работа?

— А разве бывает неинтересная работа?

— Да, конечно... И чем же вы занимаетесь?

— Я занимаюсь структурным анализом. Но учтите, Саул, я отрешился от земного. Давайте я расскажу вам еще что-нибудь про тахоргов.

— Да нет, благодарю вас, про тахоргов не надо. Лучше расскажите, как вы работаете.

— Саул, я же сказал, что отрешился.

— Ну как же это так — отрешился? Что же, вы теперь совсем не думаете о работе?

— Наоборот. Все время думаю. Я всегда думаю о той работе, которой занят в данный момент. Сейчас я суперкарго и второй пилот — это на тот случай, если у Антона вдруг случится отложение солей. Впрочем, об этом я, кажется, уже... Так вот, мне сейчас очень хочется пойти и немножко поводить «Корабль».

— Да вы еще успеете поводить! И потом, я прошу рассказать не о сущности вашей работы, а о внешней форме, так сказать... Вот вы приходите на работу. Обычные трудовые будни...

— Хорошо. Будни. Я ложусь на вычислитель и думаю.

— Ну-ну... Постойте — на вычислитель? Ну да, понимаю. Вы лингвист, и вы ложитесь на... И что же дальше?

— Час думаю. Другой думаю. Третий думаю...

— И наконец?..

— Пять часов думаю, ничего у меня не получается. Тогда я слезаю с вычислителя и ухожу.

— Куда?!

— Например, в зоопарк.

— В зоопарк? Отчего же в зоопарк?

— Так. Люблю зверей.

— А как же работа?

- Что ж работа... Прихожу на другой день и опять начинаю думать.
- И опять думаете пять часов и уходите в зоопарк?
- Нет. Обычно ночью мне в голову приходят какие-нибудь идеи, и на другой день я только додумываю. А потом сгорают вычислитель.
- Так. И вы уходите в зоопарк?
- При чем здесь зоопарк? Мы начинаем чинить вычислитель. Чиним до утра.
- Ну, а потом?
- А потом кончаются будни и начинается сплошной праздник. У всех глаза на лоб, и у всех одно на уме: вот сейчас все застопорится, и начинай думать сначала.
- Ну, ладно. Это будни. Однако же нельзя все время работать...
- Нельзя, — сказал Вадим с сожалением. — Я, например, не могу. В конце концов заходишь в тупик, и приходится развлекаться.
- Как?
- Как придется. Например, гоняю на буерах. Вы любите гонять на буерах?
- Э-э... Мне как-то не приходилось.
- Что же вы, Саул! Я вас обязательно покатаю. Какой у вас индекс здоровья?
- Индекс здоровья? Я вполне здоров. А над чем вы теперь работаете?
- Над свертками разобщенных структур.
- А зачем это нужно?
- Что значит — зачем?
- Ну, кому от этого будет польза?
- Каждому, кто этим заинтересуется. Вот сейчас проектируют универсальный транслятор. Универсальный транслятор должен уметь свертывать разобщенные структуры.
- Скажите, Вадим, а здесь, на «Корабле», можно послушать музыку?
- Конечно. Что бы вы хотели? Хотите «Трели» Шеера? Под эту музыку изумительно ведется «Корабль».
- А Бах?
- О, Бах! По-моему, у нас есть и Бах. Слушайте, Саул, а ведь с вами, наверное, слушать музыку будет очень приятно.
- Почему?
- Не знаю. Всегда приятно слушать музыку с человеком, который хорошо ее знает. Мендельсона вы любите?
- Вы знаете Мендельсона?
- Саул! Мендельсон — это лучший из старых! Я надеюсь, вы любите Мендельсона. Правда, его плохо слушать в «Корабле». Вы меня понимаете?
- Пожалуй... Я слушаю Мендельсона в своем уютном кабинете.
- Разговорились наконец, подумал Антон. Он взглянул на часы. «Корабль» входил в стартовую зону над Северным полюсом. На экране в фиолетовой глубине возникли темные точки звездолетов, ожидающих старта. Антон крикнул в дверь:
- Простите, что прерываю. Скоро старт. Димка, покажи Саулу, как пользоваться безынерционной камерой.
- Антон послал на контрольную станцию запрос о программе предстоящего перелета и через тридцать минут, в течение которых «Корабль» плывал в стратосфере вместе с двумя десятками других больших и малых звездолетов, получил программу на переход, семь вариантов программы обратного пути и разрешение на выход в Подпространство. Тогда он попросил пассажиров укрыться в камерах, вошел в камеру сам, произвел переключку и дал «Кораблю» команду на старт.
- Как всегда, Антона сильно затошнило. Через все тело прошла раскаленная волна, лицо и спина покрылись холодным потом. Антон осоловелым взглядом следил, как красная стрелка рывками прыгает по шкале, отмечая стремительно меняющуюся кривизну пространства. Двести риманов... четыреста... восемьсот... тысяча шестьсот риманов на

секунду... Пространство вокруг «Корабля» скручивалось все туже. Антон знал, как это выглядит со стороны. Четкий черный конус «Корабля» становится зыбким, медленно тает и вдруг исчезает совсем, а на его месте вспыхивает на солнце огромное облако твердого воздуха. Температура на сто километров вокруг резко падает на пять-десять градусов... Три тысячи риманов. Огненная стрелка остановилась. Эпсилон-деритринитация закончилась, и «Корабль» перешел в состояние Подпространства. С точки зрения земного наблюдателя он был сейчас «размазан» на протяжении всех полутора парсеков от Солнца до ЕН 7031. Теперь предстоял обратный переход.

При выходе из Подпространства всегда существует опасность оказаться слишком близко к какой-нибудь тяготеющей массе, а может быть, даже и внутри нее. Правда, опасность эта является чисто теоретической. Вероятность ее гораздо меньше вероятности угодить точно в печную трубу Эрмитажа, вывалившись над Ленинградом из стратоплана. Во всяком случае, ни то, ни другое событие ни разу не имело места за всю историю человечества. «Корабль» Антона благополучно выскочил в нормальное пространство на расстоянии двух астрономических единиц от желтого карлика ЕН 7031.

Антон отдышался, вытер пот со лба и вышел из камеры. В рубке все было в порядке. Он прошелся вдоль пульта, скользнул взглядом по обзорному экрану, затем выключил автоматику перехода. На пульте перед экраном по-прежнему лежал букетик гвоздик. Антон остановился. «Жалко», — пробормотал он. Он коснулся букетика пальцем, и цветы рассыпались в зеленоватую пыль. «Бедняги, — подумал Антон. — Не выдержали. Да и кто выдержит?» Он вспомнил о пассажирах и спустился в кают-компанию.

Зал кают-компании был круглый, сюда выходили двери всех восьми кают и люк в нижний этаж, где были кладовые, кухня-синтезатор, душ и прочее. Антон оглядел стол, кресла, поправил крышку мусоропровода и направился в каюту Вадима. Там он отодвинул заслонку камеры, и Вадим вывалился на него. Он был белый и мокрый как мышь.

— Плохо? — участливо спросил Антон.

Вадим грудным голосом пропел:

Воет ветер дальних странствий,
Раздается жуткий свист —
Это вышел в Подпространство
Структуральнейший лингвист.

Впрочем, он сейчас же откинул диван и сел.

— Вот почему я не стал звездолетчиком, — сказал он немного хрипло и прилег.

— Каждый раз ты это говоришь, — сказал Антон. Вадим промолчал. — Пойду освобожу Саула, — сказал Антон.

— Ты слышал нашу беседу? — спросил Вадим, не открывая глаз.

— Да.

— Интересный человек, а?

— Не знаю, — сказал Антон. — По-моему, он человек в беде.

— Еще бы! Другого бы ты на «Корабль» не взял. Стоит нам собраться куда-нибудь вдвоем, как ты начинаешь альтруировать. Постой, не уходи...

Антон остановился в дверях.

— Ты несешь болезненную чепуху, — сказал он, — а Саулу там сейчас, наверное, плохо. Это трудно представить, но он, я думаю, еще более хилый межпланетник, чем ты.

Вадим неожиданно вскричал трагическим шепотом:

— Слепец! О слепец!.. Нет, не уходи — мне тоже плохо... Неужели ты еще не понимаешь, кто он?!

— Что ты имеешь в виду?

Вадим наконец сел.

— Он же ничего не смыслит в лингвистике, — сказал он. — Надеюсь, это ты заметил?

— А что ты понимаешь в истории?

— Ты мне еще скажи, что он книжный червь. Мы все знаем одного такого червя. Его зовут Бенни Дуров. Поговори о нем с тагорянами.

Антон нехотя улыбнулся.

— Ладно, — сказал он. — Только ты все-таки воздерживайся. Я-то тебя переношу в любых дозах, а вот на свежего человека ты иногда производишь совершенно удручающее впечатление. Поменьше жеребьячьего оптимизма и побольше такта.

— Слушаю, шкип, — серьезно сказал Вадим. — Есть, шкип.

Антон вышел. Огибая стол, он опять улыбнулся: с Вадимом не соскучишься. В каюте номер три он прежде всего откинул диван и только тогда откатил заслонку, готовясь подхватить падающее тело. Вместо этого из камеры повалил синий дым. Антон отпрянул.

— Что, разве уже? — раздался из клубов дыма голос Саула.

Антон взгляделся. Саул сидел на своем портфеле, поставленном на попу, и курил длинную черную трубку. Вид у него был рассеянный и благодушный.

— Вас не тошнит? — спросил Антон, попятился и сел на диван.

— Отнюдь нет. Что, можно выходить?

— Прошу вас, — сказал Антон.

Саул поднялся, взял портфель и, наклонясь, вышел из камеры.

— Мы почти на месте, — сказал Антон. — Остается только выбрать планету и решить, где высадиться.

Саул сел рядом с ним.

— Мы далеко от Земли? — спросил он.

— Полтораста парсеков. Почти на пределе для нашего «Корабля».

Вадим заорал из своей каюты:

— Саул! Требуйте землеподобную планету! В скафандре вам не понравится, а кислородная маска — это еще туда-сюда...

Антон встал и плотно прикрыл дверь.

— Мне все равно, какую планету, — тихо сказал Саул. — Но, конечно, лучше такую, где можно дышать. — Он вдруг усмехнулся. — Это очень важно, чтобы можно было дышать. — Антон внимательно смотрел на него. — Но самое важное — чтобы там никого не было...

— Вот что, Саул, — сказал Антон. — Планету мы вам найдем. Это пустыки. У нас на борту есть жилой купол на шесть человек, есть глайдер, есть запас пищи для инициирования цикла, есть хорошая радиостанция. Мы поможем вам устроиться и сейчас же уйдем. Хорошо?

Саул сидел, опустив голову.

— Да, — сказал он хрипло. — Так будет лучше всего. Наверное.

— Ну, вот и хорошо. — Антон толкнул дверь. — Я пойду в рубку, а вы... Если захотите, тоже приходите в рубку.

В рубке Антон включил бортовой каталог и просмотрел сведения о системе ЕН 7031. Сведения были неинтересные. Вокруг желтого карлика крутились четыре планеты и два пояса астероидов. Пожалуй, больше всего подходила вторая планета: она была землеподобна и находилась на расстоянии полутора астрономических единиц от своего солнца. Антон подал эфемериду на киберштурман.

Из кают-компания доносились голоса.

— Как вы перенесли переход, Саул?

— Какой переход? Я не заметил никакого перехода.

— Я так и думал.

— Что?

— Что вы не заметите. Хотите душ?

— Нет. Нам долго еще?

— Наверное, нет. Чувствуете? — «Корабль» шевельнулся, и пол поплыл из-под ног.
— Это он ложится на курс. Пойдемте в рубку, а?

— А мы не помешаем?

— Конечно, нет. Мы же туристы. Вот в десантном или рейсовом звездолете нас бы не пустили... Зачем вы носите с собой портфель?

— Он мне дорог...

— Тогда не ставьте его на крышку мусоропровода.

Антон внимательно рассматривал изображение планеты на обзорном экране. Планета была голубая, как Земля, покрытая белой пеленой облаков, но очертания материков были незнакомые — один большой материк тянулся вдоль экватора, другой, поменьше, тяготел к полюсу.

— Вот ваша планета, Саул, — сказал Антон и взял листок, выпавший из вывода антенны-анализатора. — Прекрасная планета. Сжатия нет. Сутки — двадцать восемь часов, масса — один и одна десятая. Вредных газов тоже нет. Кислорода много. Маловато углекислоты, но пусть это вас не беспокоит.

Он поглядел на Саула. Саул смотрел на свою планету с каким-то странным выражением. Мохнатые брови его поднялись дугами, и Антону показалось даже, что он может заплакать. Антон был тронут.

— Товарищи! — сказал вдруг Вадим. — Давайте назовем эту планету Саулой.

— Нарекается Саулой! — сказал Антон.

Он пригнул к себе раструб бортового дневника и продиктовал:

— Юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь. Вторая планета системы ЕН 7031 нарекается Саулой, по имени члена экипажа историка Саула Репнина.

Все это не имело ровно никакого значения. Планеты нарекались по названиям кораблей и городов, по именам любимых литературных героев, названиями приборов и просто громкими звуко сочетаниями. А у кого не хватало фантазии, тот брал какую-нибудь книгу, открывал на какой-нибудь странице, выбирал какое-нибудь слово и как-нибудь его переделывал. И тогда получалось что-нибудь вроде Смеховины, Подраки или Бровии.

Но Саул был растроган необычайно. Он бормотал: «Спасибо, спасибо, друзья», — и жал Вадиму руку. Это было очень трогательно.

А между тем планета росла. Когда на экране остался только материк, растопырившийся вдоль экватора, Антон спросил:

— Так где же мы будем высаживаться, Саул?

Саул ткнул пальцем почти в центр материка. Антону показалось, что он сделал это загнувшись.

— Това-арищи, — протянул Вадим, — давайте поближе к побережью.

Было ясно, что ему хочется искупаться. Искупаться в океане Саулы, в волнах, которые не омывали еще ни одного землянина, которые не омывали, может быть, вообще ни одно разумное существо.

— Н-ну... К побережью так к побережью, — неуверенно сказал Саул. Он посмотрел на Антона. — Для моих целей, — он кашлянул, — выбор места не является существенным.

— Чудесно! — сказал Вадим. Он проворно уселся в кресло рядом с Антоном. — Хватит! — заявил он. — Капитана разбил паралич, и он в дурном состоянии отнесен в каюту. Широкоплечий и статный второй пилот взял управление на себя. — Он положил пальцы на контакты биоуправления, и «Корабль» сейчас же повалился в пропасть. Материк на экране стал тошнотворно поворачиваться. Вадим провозгласил:

Все от ужаса рыдает
И дрожит как банный лист!
Кораблем повелевает
Структуральнейший лингвист.

Саул с шумом уронил портфель и вцепился Антону в плечо.

— Димка, скажи хоть, куда ты целишься, — попросил Антон.

— Туда, — смутно ответил Вадим. — Где синие волны ласкают песок.

«Корабль» завалило на правый борт.

— Легче, легче, — сказал Антон. — Меньше эмоций. В материк не попадешь.

— Авось попаду.

— Тормоза! Ты же видишь — заносит!

— Я все вижу.

— Ох, и грохнет он нас сейчас, — сказал Антон в пространство.

— Небось, небось, — приговаривал Вадим.

Экран помутнел. «Корабль» вошел в атмосферу. Вспыхнула и пропала радуга на тучах твердого воздуха. Замелькали белые и черные пятна.

— Обдуй, — посоветовал Антон.

— Знаю.

— Ох, и валит тебя и кривит!

Вадим быстро сказал:

— Перехватишь управление — я тебе не друг.

— Вы, Вадим, и в самом деле не промахнитесь, — сказал Саул осторожно.

Карусель на экране прекратилась. Быстро надвинулось белое поле, потом экран потемнел и погас. «Корабль» вздрогнул.

— Вот и все, — сказал Вадим. Он потянулся, хрустнув пальцами.

— Что все? — спросил Саул. — Сломали?

— Сели, — сказал Антон. — Добро пожаловать на Саулу.

— Однако же вы лихой пилот, — сказал Саул Вадиму.

— Весьма лихой, — согласился Антон. — Знаешь, на сколько ты промахнулся, Димка? Километров на двести. Но экран выключить успел, молодец.

— Привычка, — небрежно сказал Вадим.

Антон встал.

— Между прочим, что такое «банный лист»? — спросил он.

Вадим тоже встал.

— Это, Тошка, вопрос темный. Есть такая архаическая идиома: «дрожать как банный лист». Банный лист — это такая жаровня. — Он стал показывать руками. — Ее устанавливали в подах курных бань, и, когда подавали пару, то есть обдавали жаровню водой, раскаленный лист начинал вибрировать.

Саул неожиданно захохотал. Он смеялся густо и с наслаждением, вытирая слезы ладонью и топая башмаками. Никто ничего не понимал, но через минуту смеялись уже все.

— Забавный обычай, верно? — сказал Вадим, кашляя от смеха.

— Правда, Саул, отчего вы смеетесь? — спросил Антон.

— Ох! — сказал Саул. — Я так рад, что прибыл на свою планету...

Вадим перестал смеяться.

— В конце концов, я не славяновед, — сказал он с достоинством. — Моя специальность — структурный анализ.

— Ну ладно, — сказал Антон, — пойдете наружу.

Все пошли из рубки. Вадим, придерживая Саула под локоть, говорил:

— Это не мой вывод. Это наиболее распространенная гипотеза.

— Неважно, неважно, — быстро отвечал Саул. Он стал серьезным. — Эта ваша гипотеза настолько далека от истины, что я не мог удержаться. Если я вас задел — простите...

— А вы как считаете? — спрашивал Вадим.

Саул раздраженно сказал:

— Нет такого выражения: «дрожать как банный лист». Есть выражения: «дрожать как осиновый лист» и «липнуть как банный лист».

— Но липнуть как лист — это примитивная метафора. Она восходит к липким листьям липы. Как может липнуть банный лист? Это же не лист растения. Чего ради листья каких-то растений попадут в баню? Это смешно!

Антон вскрыл мембрану люка. Крепкий морозный воздух хлынул в «Корабль». Саул оттолкнул Вадима и крикнул:

— Подождите! Пропустите меня, пожалуйста!

Антон, уже перенесший ногу через порог, остановился. Саул, держа над головой скорчер, протиснулся вперед.

— Хотите ступить первым? — спросил Антон улыбаясь.

— Да, — пробормотал Саул. — Лучше я.

Он пролез в узкий люк и остановился, загораживая дорогу. Антон, лезший следом, боднул его головой.

— Вперед, Саул, — сказал он.

Саул был как каменный. Сзади Вадим нетерпеливо постучал Антона по согнутой спине.

— Дайте же пройти, Саул, — попросил Антон.

Саул наконец посторонился, и Антон выбрался наружу. Вокруг был снег. И сверху падал снег большими ленивыми хлопьями. «Корабль» стоял среди однообразных круглых холмов, едва заметных на белой равнине. Под ногами из снега торчала короткая бледно-зеленая травка и много мелких голубых и красных цветов. А в десяти шагах от люка, припорошенный снегом, лежал человек.

///

Вадим вылез из «Корабля» последним и сейчас же обратился к Саулу:

— Проще всего было бы проверить это по старинным словарям Даля и Ушакова. Но на борту...

Тут он заметил, что Саул его не слушает. Саул держал скорчер наизготовку — стволом на согнутом локте, — и лицо у него было обеспокоенное. Глаза его бегали. Вадим быстро огляделся и тоже увидел человека.

— Вот тебе на, — растерянно сказал он.

Антон подошел к лежащему, а Саул остался на месте. Неужели я сбил его «Кораблем» при посадке? — с ужасом подумал Вадим. Внутри у него все сжалось от этой мысли. Он бросился вслед за Антоном и тоже наклонился над телом. Он только взглянул, затем сейчас же выпрямился и стал смотреть в сторону. Вокруг тянулись унылые холмы, заснеженные и одинаковые, небо было затянуто низкими облаками, а на горизонте угадывались бледные очертания горного хребта. Какая печальная планета, подумал он.

И поля и горы —

Снег тихонько все украл...

Сразу стало пусто.

Антон опустился на колени и осторожно потрогал руку лежащего. Рука была узкая, белая, с тонкими фарфоровыми пальцами, длинные ногти отливали золотом.

— Ну? — сказал Вадим и глотнул.

Антон поднялся и тщательно стер снег с голых колен.

— Замерз. Несколько дней назад. И он очень истощен.

— Безнадёжно?

Антон кивнул.

— Это уже камень.

— Камень... — повторил Вадим. — Как же так? Смотри, он совсем мальчишка... —

Он заставил себя смотреть на лицо мертвого. — Смотри, он похож на Валерку! Помнишь Валерку?

Антон положил ему руку на плечо.

— Да, похож.

— Я так испугался. Я думал, что сбил его при посадке.

— Нет, он лежит уже несколько дней. Он упал от слабости и замерз.

— Слушай, Антон, а почему он в рубашке?

— Не знаю. Пойдем на «Корабль».

Вадим не двинулся.

— Я не понимаю. Значит, мы не первые?

Он огляделся, ища взглядом Саула. Саула не было.

— Антон, может быть, ты ошибся? Может быть, еще можно что-нибудь сделать?

— Пойдем, пойдем, Димка.

— А как же... он?

— Откуда я знаю? Пойдем.

Они увидели Саула. Саул медленно спускался по склону холма, скользя по сыроватому снегу. Они стояли и ждали, пока он не подошел. Лицо у него было грустное, на щеках таяли большие снежинки. Колени были в снегу. Он подошел, вынул изо рта погасшую трубку и сказал:

— Плохо дело, молодые люди. Там еще четверо. — Он посмотрел на мертвого. — Тоже раздеты. Что вы намерены предпринять?

— Идемте в «Корабль», — сказал Антон, — там все тщательно обдумаем.

В кают-компания они сели в кресла и некоторое время молчали. Вадима бил озноб. И почему-то очень хотелось говорить.

— Ну и планета! — сказал он, напрягая челюсти. — Никогда о таком не слышал. Ничего не понять. Что? Откуда? Почему? Ведь говорили, что никто здесь раньше не бывал. И главное — мальчик. Мальчик-то как сюда попал? — Он замолчал и закрыл глаза, стараясь прогнать видение припорошенного снегом лица.

Антон поднялся и стал ходить вокруг стола, опустив голову. Саул набил трубку.

— Разрешите мне закурить, — попросил он.

— Да, пожалуйста, — сказал Антон рассеянно. Он остановился. — Сейчас мы сделаем вот что, — решительно заговорил он. — У нас есть глайдер. Возьмем продовольствие и одежду и проведем спиральный поиск вокруг «Корабля». На холмах могут оставаться живые.

В голосе его звучали твердые, незнакомые Вадиму нотки. Вадим с любопытством поглядел на него, и Антон заметил его взгляд.

— Видите ли, товарищи, — сказал он мягче, — турпохода у нас не вышло. Обстоятельства, по-моему, чрезвычайные. Мне, наверное, придется приказывать, а вам придется подчиняться. — Он поглядел на Саула и виновато развел руками. — Вы видите, Саул, ничего не поделаешь.

— Да, — сказал Саул. — Да. Конечно. Я готов, капитан. Приказывайте.

— А ты что, уже все понял? — спросил Вадим.

— Потом поговорим, — сказал Антон. — Сначала надо вырастить глайдер. Пойдем, Вадим.

Саул положил трубку и тоже поднялся, поправляя на плече ремень скорчера.

— Спасибо, Саул, мы сами справимся, — сказал Антон.

— Я хотел бы с вами, — сказал Саул. — Я вам не помешаю, капитан.

Они вынесли Яйцо и уложили его на вершине холма поодаль. Снег пошел гуще, снежинки щекотали щеки, и Вадим раздраженно размазывал их по лицу. Дул ветер, и было холодно стоять и смотреть, как Антон неторопливо и аккуратно укрепляет активаторы на гладкой поверхности механозародыша. Ветер обжигал голые руки и ноги, и Вадим вдруг подумал, что, может быть, где-то за холмами бредут сейчас, проваливаясь в сугробы, босые люди в длинных серых рубахах.

Антон выпрямился и подышал на покрасневшие руки.

— Кажется, так, — сказал он. — Проверь, Дима.

Вадим осмотрел расположение активаторов. Все было в порядке. Они пошли обратно к «Кораблю». Саул шел следом — он все время держался у них за спиной. «Корабль» уже набирал энергию, он черной горой возвышался на белом, изогнутая верхушка его следила за невидимой ЕН 7031. По дороге Вадим сорвал несколько цветков и пожалел их — какие они жалкие и бледные.

И живых и мертвых —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто.

Снег валил все сильнее и сильнее, и, когда они подошли к «Кораблю», Саул сказал:

— Скоро все заметет. Неплохо бы произвести вскрытие.

— Зачем? — сказал Антон. — Он безнадежно мертв.

— Вот именно. Надо бы выяснить, почему они умерли.

— Они замерзли, — сказал Антон. — И не нужно нам никакого вскрытия.

— Мне казалось... — начал Саул, но тут же замолчал и полез в люк.

В кают-компании Антон сказал:

— Поймите, я не настоящий врач. Мне... не хочется.

— Я понимаю, — сказал Саул.

— Вадим, — сказал Антон, — упакуй продовольствие. Все наличные запасы. Саул, вы говорили, что умеете шить. Надо подогнать костюмы. А я соберу медикаменты.

Комбинезоны были безразмерные, но разница в росте между Саулом и Антоном была слишком велика. Комбинезон для Антона надо было сжимать, а для Саула — растягивать. И сразу же выяснилось, что шить Саул не умеет. Он растерянно вертел в руках ультразвуковую насадку, мял и разглаживал костюмы и смущенно поглядывал на Антона. По-видимому, историки, сидя в своих уютных кабинетах, понятия не имели о таких простых вещах. Вероятно, их главным образом интересовало, как это делалось раньше. Вадиму пришлось отобрать у Саула насадку и показать, как это делается сейчас. К его изумлению, историк оказался понятлив, и через несколько минут каждый уже занимался своим делом.

Саул сказал, не поднимая головы от работы:

— Почему вы думаете, капитан, что остались еще живые?

— Я не думаю, — ответил Антон. — Я надеюсь.

Вадим кончил укладывать мешок, застегнул его и присел к столу.

— А те остальные четверо тоже молодые? — спросил он.

— Да, — сказал Саул. — Совсем мальчишки. Почти подростки. Гораздо моложе вас.

— Лет пять назад, — проговорил Вадим, — мы с ребятами хотели взять корабль и слетать на Тагору. Нам, конечно, не дали... Может быть, этим повезло?

— Непонятно, — сказал Антон. — Корабль может получить только пилот со стажем. А какой у этих стаж... Мальчишки! Вообще все непонятно. Золоченые ногти. Какие-то дикие рубахи на голое тело... И главное, как они попали сюда?

— Очень просто, — сказал Вадим. — Кто-нибудь собирался лететь, оставил звездолет перед домом, они ночью забрались и стартовали. Играли в Румату-Искателя. А здесь вылезли и заблудились. Ударил мороз. Вот и все.

— То, что ты говоришь, — холодно сказал Антон, — совершенно невозможно. — Если бы даже все было так, то я бы об этом знал. Они погибли несколько дней назад. На Земле был бы объявлен глобальный поиск.

— А если они здесь с кем-нибудь из старших?

Антон помолчал.

— Тогда поищем старших, — сказал он наконец.

— Меня смущает одно, — сказал Вадим. — Эти невообразимые рубахи...

— Это не рубахи, — сказал Саул неожиданно.

Ребята повернулись к нему.

— Это мешки. С дырками для головы и рук. Грубые джутовые мешки. Теперь таких не бывает. — Он невесело усмехнулся. — Понимаете, Вадим, мальчикам было бы легче раздобыть скорчер или батисферу, чем один такой вот мешок. Это было очень, очень давно. И мне очень не нравится, что они голые и что вместо одежды на них мешки.

Вадим почувствовал, что у него перестало биться сердце. Станным и жутким показалось ему это — джутовые мешки, которые были очень, очень давно. Это было ощущение не опасного, а именно жуткого. Как будто на твоих глазах человек вдруг стал стареть, стареть, стареть и превратился в дряхлого, морщинистого старика. Он встряхнулся, и ощущение пропало. Саул развернул комбинезон, поднял его на вытянутых руках и осмотрел.

— И поэтому я не согласен с вами, — продолжал он. — Я думаю, это местные жители. И... не знаю, поймете ли вы меня... Во времена джутовых мешков происходили странные вещи. Мне представляется, что этих юношей раздели до нитки. И бросили здесь, в пустыне. Примерьте, Антон.

Антон взял комбинезон.

— Значит, по-вашему, на Сауле существует своя цивилизация? — недоверчиво спросил он. — И здесь времена джутовых мешков?

— Ну, откуда я могу это знать, капитан? Я говорю только то, что вижу. Я вижу джутовые мешки, я знаю, что джутовых мешков на Земле в наше время нет. Значит, это не земляне. Может быть, это ограбленные. А может быть, это паломники. Фанатики. Шли на поклонение святым мощам, шли, по обету одетые в мешковину, сбились с дороги, попали в метель... Не знаю.

До Вадима все это плохо доходило. Все эти слова — «паломник», «мощи», «обет» — они были знакомы ему, это было что-то связанное с религиозной обрядностью, но они не имели для него никакого реального содержания. Мельком он подумал с уважением, что Саул, по-видимому, настоящий специалист. Но не это поразило его.

— Позвольте, — сказал он. — Значит, цивилизация? Вот так так... Отправились на прогулку и между делом открыли цивилизацию! Не верю, — заявил он.

— Между делом, — сказал Антон задумчиво. — Между делом ли? ЕН 7031 значится в плане исследований...

— Да, ты говорил об этом. Экспедиция не состоялась.

— Экспедиция не состоялась. А между тем ЕН 7031 находится в списке звезд, лежащих на гипотетическом пути Странников.

— Никогда не слышал о таком списке, — сказал Вадим.

— Такой список есть. Список Горбовского — Бадера. Так что шансы найти цивилизацию были, Вадим. И может быть, Саул прав, это местные мальчишки. А вот какое они имеют отношение к Странникам — это уже другой вопрос...

Вадим сидел, поставив локти на стол и обхватив голову руками. Вот так цивилизация! Хорошо, думал он, пусть это жертвы грабителей. Но это же чушь: здоровые шестнадцатилетние мальчишки дали себя раздеть без сопротивления и покорно замерзли.

Но не фанатики же они! Он представил себе фанатика. Это был изможденный плешивый старик с безумными глазами, с огромной ржавой цепью через плечо. Нет, подумал он. Какие это фанатики!.. Может быть, это сами Странники? Да. В джутовых мешках. Он вспомнил циклопические сооружения, оставленные Странниками на Владиславе, и его охватила тоска. Такая тоска наваливалась на него каждый раз, когда он брался за непосильную задачу.

— Антон, — сказал он. — Как там глайдер?

Антон взглянул на часы.

— Пора, — сказал он. — Пойдемте. Одевайтесь и берите по мешку.

— Позвольте, однако же, уточнить, — сказал Саул. — Что мы будем искать?

Вадиму показалось, что Антон колеблется.

— Мы будем искать терпящих бедствие.

Саул застегнул комбинезон.

— А если, по счастью, здесь больше никто не терпит бедствие? Я имею в виду вариант с грабителями.

— При этом варианте я бы не стал стесняться, — пробормотал Вадим.

— При любом другом варианте, — раздельно сказал Антон, — прошу не делать ни одного движения без моего приказа.

Он пошел к двери.

— Вы не берете оружия? — спросил Саул.

— Нам не понадобится оружие, — ответил Антон.

— Хватит здесь мертвецов, — сказал Вадим.

Они вышли из «Корабля» и сразу провалились в глубокий снег. Глайдер был еле виден за белой завесой. Это был глайдер-антиграв «кузнечик», надежная шестиместная машина, очень популярная у десантников и следопытов. Он стоял на краю громадной ямы-проталины, откуда поднимался густой пар, и гладкие борта его были еще теплыми, а в кабине было даже жарко.

Они свалили мешки в багажник и забрались в машину под гладкий прозрачный фонарь.

— Ах, досада! — сказал Антон неожиданно. — Димка, прости, пожалуйста. Ведь тебе для перевода, наверное, понадобится анализатор.

— Для какого перевода? — спросил Саул.

Вадим потер подбородок.

— Анализатор — не анализатор, — сказал он медленно, — а без мнемокристаллов на первый случай не обойтись. Придется кому-то сходить в «Корабль».

— Эх, — сказал Антон и полез из глайдера. — Сколько тебе их нужно?

— Одной пары будет достаточно. Только бери с присосками, чтобы не держать в руках.

Антон побежал по снегу к «Кораблю».

— О чем здесь шла речь? — осведомился Саул.

— Надо же будет как-то общаться с людьми, если мы их найдем, — ответил Вадим.

Он включил двигатель, мягко поднял глайдер и снова опустил.

— И вы об этом так, — Саул пошевелил пальцами, — легко говорите?

Вадим посмотрел на него с удивлением.

— А как я должен говорить?

— Ну да, естественно, — сказал Саул.

«Вот странный человек, — подумал Вадим. — Неужели он действительно всю свою жизнь просидел в своем кабинете, слушая Мендельсона?»

— Саул, — сказал он. — После работ Сугимото общение с гуманоидами — задача чисто техническая. Вы что, не помните, как Сугимото договорился с тагорцами? Это же была большая победа, об этом много писали и говорили...

— Ну как же! — с энтузиазмом произнес Саул. — Как такое забудешь! Но я думал почему-то, что... э-э... на это способен только Сугимото.

— Нет, — сказал Вадим пренебрежительно. — Это может сделать любой структуральный лингвист.

Вернулся Антон, сунул Вадиму коробку с кристаллами и забрался на свое место.

— Вперед, — сказал он. Затем посмотрел на Саула. — Что тут у вас произошло?

— А в чем дело?

— Мне показалось... Ну, это неважно. Вперед.

— Слушай, — сказал Вадим, глядя на еле заметный снежный холмик возле «Корабля». — Нехорошо оставлять их так. Может, сначала похороним?

— Нет, — сказал Антон. — Честно говоря, даже на это мы не имеем права.

Вадим понял. Это не наши мертвые, и не нам хоронить их по нашим законам. Он взялся за рукоятку руля и включил двигатель. Глайдер плавно взмыл над сугробами и кинулся в белую мглу.

Вадим сидел, привычно ссутулившись, и только чуть шевелил руль, проверяя устойчивость. Навстречу мчался снег. Вадим видел только белую тысячехвостую звезду, центр которой медленно плыл перед его глазами. Он включил поисковые локаторы.

— Что это за экраны? — спросил позади Саул.

Вадим объяснил:

— Во-первых, я ничего не вижу, а во-вторых, их могло засыпать снегом.

— Спасибо, — сказал Саул. — Я понял.

Глайдер выскочил из метели. Он несся над заснеженной холмистой равниной. Вадим медленно наращивал скорость, и двигатель густо свистел, и бешено неслись под днищем округлые вершины холмов. Небо было совершенно белое, невысоко над горизонтом справа светилось слепящее пятно — ЕН 7031, а на севере отчетливо проступили очертания скалистых гор. Слепящее пятно медленно смещалось вправо и назад: глайдер шел по десятикилометровой дуге вокруг «Корабля». И впереди, и справа, и слева были только холмы, холмы, холмы. Антон вдруг сказал:

— Смотрите, стадо!

Вадим затормозил и развернулся. Глайдер повис неподвижно. В ложбине между холмами быстро двигалась кучка каких-то животных. Это были некрупные четвероногие, похожие на безрогих оленей, и они, выбиваясь из сил, прыгали, проваливаясь в снег, закидывая назад длинные черноносые головы. Тонкие ноги их застревали в сугробах, и они падали, барахтались, поднимая тучи снежной пыли, и снова вскакивали, и снова бежали, изгибаясь при каждом прыжке. За ними оставалась борозда взрытого снега. А по этой борозде, низко пригнув длинные вытянутые шеи, мчались на голых голенастых ногах громадные, похожие на страусов птицы. Только клювы у этих птиц были не как у страусов — мощные, горбатые, с загнутым вниз страшным острием.

Вадим спикировал и пошел вдоль ложбины. Стадо пробежало под глайдером, даже не заметив его, а птицы — их было три — разом остановились, присели на согнутых ногах и, задрвав головы, страшно разинули клювы. Какая охота, мельком подумал Вадим, какая могла бы быть охота! Он снова поднял глайдер и перевел его в джамп-режим. Совсем близко, едва не царапнув по спектролиту фонаря, шелкнули чудовищные клювы и сразу исчезли. Теперь глайдер мчался двухкилометровыми прыжками, взлетая к низкому небу, и каждый раз равнина словно распаивалась внизу, и было видно, что на десятки километров вокруг тянется бескрайняя снежная пустыня.

— Плохо дело, — пробормотал Саул.

— Почему?

— Птицы...

Ну и цивилизация, подумал Вадим. Не могли организовать поиск. Дали мальчишкам уйти голыми, безоружными. Здесь, наверное, и шагу нельзя пройти без оружия. А ведь смелые, наверное, были ребяташки...

Глайдер замкнул десятикилометровый виток и начал второй, в двадцать километров. И сейчас же Антон сказал:

— Вот они откуда, наверное. Тридцать градусов вправо по курсу!

На краю равнины под серо-синей массой хребта виднелись какие-то смутные, правильной формы темные пятна.

— Похоже на большой населенный пункт, — сказал Саул. — Здесь нет бинокля?

Спектролит фонаря рассеивал дымку, и Вадим, нагнувшись к окулярам, различил очертания зданий, зубчатых стен и куполов.

— Город, — сказал он. — Что будем делать?

— Город? — спросил Саул. — Любопытно. И сколько до него?

— Километров пятнадцать.

— Так. Значит, до «Корабля» от города километров тридцать... При известной выдержке это можно пройти даже босиком.

Вадима передернуло.

— В жизни не стал бы пробовать, — пробормотал он.

Глайдер, чуть подрагивая под порывами ветра, висел в двух десятках метров над землей. До чего же здесь все нелепо устроено, думал Вадим. Где поисковые партии? Где глайдеры и вертолеты с добровольцами? Люди замерзли рядом с городом, и здесь на десятки километров вокруг ни одной живой души, кроме этих птичек. А птичкам здесь как раз совершенно нечего делать. Надо было их выбить еще сто лет назад и не устраивать под боком заповедника хищников. И чего медлит Антон? Почему бы нам не явиться в город и не наставить обитателей на путь истинный? Честное слово, формальностями первого контакта можно для такого случая пренебречь. Он поглядел на Антона.

Антон медлил. Он сидел выпрямившись, сильно прищурился глазами и сжав губы. Такое лицо у него было, когда он решал в уме навигационную задачу.

— Итак, шкип? — сказал Вадим.

Лицо Антона приняло обычное выражение.

— Честно говоря, — проговорил он, — нам следует сейчас вернуться на «Корабль». Но... Вперед. Остановишься на окраине. Держись повыше.

Глайдер преодолел расстояние до города в три прыжка, и уже в конце второго Вадим понял, что это не город. Во всяком случае, он сразу понял, почему здесь никто не беспокоится о судьбе пропавших мальчиков.

— Здесь произошел ужасный взрыв, — пробормотал за спиной Саул.

Глайдер повис над краем исполинской воронки, похожей на жерло действующего вулкана. Воронка шириной в полкилометра была до краев наполнена тяжелым шевелящимся дымом. Дым был сизый, и он лениво слоился и покачивался и был, вероятно, намного тяжелее воздуха, потому что ни одной струйки не поднималось над воронкой. Со стороны казалось, что это не дым, а жидкость. К краям воронки лепились засыпанные снегом развалины. Из сугробов торчали обглоданные остатки разноцветных стен, покосившиеся башни, скрученные металлические конструкции, проломленные купола.

Вадим ошеломленно глядел вниз. Саул бормотал невнятно:

— Ну, это нам знакомо... Бомбежка... Взорвались склады... И совсем недавно — дым еще не рассеялся, что-то там горит...

Вадим помотал головой:

— В таком городе жить нельзя. Люди разбежались кто куда, конечно. Удивительно, что мы нашли только пятерых.

— Остальные там, — сказал Саул, глядя в воронку.

— Это не цивилизация, а безобразия, — проворчал Вадим. — Что за подлое легкомыслие? Кто же ставит такие опыты в городе? Нужно быть последним...

Антон сказал негромко:

— А вон там идут машины...

С севера к воронке подходила узкая, едва заметная отсюда лента дороги. По ней густо и неторопливо ползли темные точки. Ага, подумал Вадим, значит, еще не все потеряно. Он повернул глайдер, пересек воронку, и они увидели превосходное шоссе, уходящее прямо в дым, а на шоссе — бесконечную колонну машин. Машины занимали все полотно шоссе. Они плотным строем шли с севера, только с севера, плоские зеленые машины, похожие на пассажирские атомокары, но без ветрового стекла; маленькие белосиние машины, тащившие за собой длинный хвост пустых открытых платформ; оранжевые машины, похожие на полевые синтезаторы; огромные черные башни на гусеницах и маленькие машины с широкими раскинутыми крыльями — все они неодолимо, ряд за рядом, в полном порядке катились по шоссе, с отчетливой точностью сохраняя интервалы и дистанции, и ряд за рядом скрывались в сизом дыму воронки.

— Это всего лишь автоматы, — сказал Вадим.

— Да, — сказал Антон.

— Значит, их кто-то посылает. Скорее всего, на восстановительные работы. И мы найдем людей на другом конце шоссе... — Вадим запнулся. — Послушайте, Саул, — сказал он, — а были такие машины в эпоху джутовых мешков?

Саул не отвечал. Как замороженный он глядел вниз, и на лице его были восхищение и благоговение. Он поднял на Вадима вытаращенные глаза. Мохнатые брови его торчали дыбом.

— Какая техника! — проговорил он. — Какое гомерическое шествие! Какие грандиозные масштабы! Им конца нет!

Вадим удивился и тоже посмотрел вниз.

— А что такое? — спросил он. — А! Масштабы? Да, масштабы безобразные. На восстановление города хватило бы десятка киберов.

Он снова посмотрел на Саула. Саул быстро замигал.

— А мне вот нравится, — сказал он. — Это же очень красиво. Разве вы не видите, что это красиво?

— Вадим, — сказал Антон, — давай вдоль шоссе. Разбираться так разбираться.

Вадим пустил глайдер. Поток машин внизу слился в пеструю полосу.

— Вот теперь красиво, — сказал Вадим. — Но вы мне не ответили, Саул. Совмещаются джутовые мешки с этой техникой?

— А почему же нет? Из разрушенных городов люди убегали и вовсе без ничего. Дались вам эти джутовые мешки! Джутовые мешки существовали несколько веков. Дешевая удобная вещь. Дрова носить, например.

— Какие дрова?

— Деревянные. Баню топить.

Вадим вспомнил про банный лист и замолчал, глядя вперед. Ни конца шоссе, ни конца колонне машин видно не было. По обе стороны шоссе уходила к горизонту нетронутая заснеженная равнина. Вадим прибавил скорость. Какое-то бессмысленное предприятие, размышлял он. Уходят в дым, как в пропасть. Он прикинул возможные размеры воронки и количество падающих в нее машин. Получалась нелепость. Впрочем, я не инженер. Рядовой гуманоид с Тагоры — они там все инженеры — решил бы, что это шоссе — просто довольно большой конвейер, несущий детали какой-то средних размеров машины, которую собирают под землей. А вот простой буколический леонидянин был бы убежден, что это стада животных, перегоняемых с пастбища на бойню.

— Антон, — позвал он. — Представляешь леонидян на нашем месте?

Антон ответил:

— Глупый леонидянин вообразил бы, что все ясно. А умный сказал бы, что информации недостаточно.

Да, информации недостаточно. Все машины идут на юг, и ни одна не возвращается. Если они действительно идут на восстановление города, то они восстанавливают его из самих себя. А почему бы, собственно, и нет?

— Вы знаете, — сказал вдруг Саул, — мне даже как-то страшно. Сколько мы уже прошли? Километров сорок? А они все идут и идут.

— Лучше бы они пустили эту технику, чтобы искать разбежавшихся, — сказал Вадим.

— Ну, это вы зря, — возразил Саул. — В такой каше не до отдельных людей.

— Как это так — не до людей? Для кого же они город восстанавливают? Тем мальчикам город уже не нужен...

Саул пренебрежительно махнул рукой.

— Во время взрыва погибло, наверное, тысяч десять таких мальчиков. Жалко, конечно, да не до них.

Вадим взбеленился. Глайдер рыскнул в сторону.

— Вы, Саул, извините меня, но ваш уютный кабинет и занятия историей повлияли на вас странно. Вы рассуждаете, как я не знаю кто. Вы еще нам тут скажете, что цель оправдывает средства.

— А что же, — согласился Саул хладнокровно, — бывает, что и оправдывает.

Вадим сдержался. Кабинетный реликт, подумал он. А вот оставь его без штанов в снегу, и он будет страшно обижен, почему вся техника Планеты не спешит к нему на помощь. Тут Вадим увидел проселок и резко затормозил.

Проселок уходил от шоссе на восток, петляя между холмами.

— Это первая дорога в сторону, — сообщил Вадим. — Будем сворачивать?

— Да не стоит, — сказал Саул. — Ну, что там может быть интересного?

Антон колебался. Ну что он все время мямлит, с раздражением подумал Вадим. Словно подменили человека.

— Так как же? — сказал он. — Я за то, чтобы идти дальше по шоссе.

— Я тоже, — сказал Саул. — Вернуться мы всегда успеем. Ведь правда, Вадим?

— Хорошо, лети прямо, — нерешительно сказал Антон. — Лети прямо. Хотя... имейте в виду... Ладно, лети прямо.

Вадим снова погнал глайдер вдоль шоссе.

— Что с тобой сегодня, Тошка? — осведомился он. — Ты мямлишь, как витязь на распутье: пойдешь направо — глайдер потеряешь, пойдешь налево — голову потеряешь...

— Вперед, вперед смотри, — ответил Антон спокойно.

Вадим пожал плечами и стал демонстративно смотреть вперед. Через пять минут он увидел впереди серое пятно.

— Опять яма с дымом, — сказал он.

Это была точно такая же воронка. Края ее были запорошены снегом, в ней тяжело колыхался все тот же сизый дым, и из дыма непрерывным потоком поднимались машины.

— Нечто подобное я ожидал увидеть, — сказал Антон.

— Но здесь же нет людей, — растерянно сказал Вадим. — Мы опять ничего не узнаем.

Странная мысль поразила его. Он взглянул на компас и нагнулся к окулярам. Развалин по краям воронки не было. Это была другая воронка.

— Потрясающе, — сказал Саул. — Выходят из дыма и уходят в дым.

— Давайте поворачивать, — нетерпеливо сказал Вадим. Он уставился на Антона. На лице Антона была опять та же отвратительная нерешительность.

— Виноват, — сказал Саул. — Пройти мимо такого удивительного феномена!..

— Да какой там феномен! — вскричал Вадим. — Что вы всё восхищаетесь? Какой-то бездарный инженер перебрасывает машины через Подпространство... Нашел место для нуль-транспортировки! Развалил город, бесталанный дурак... Ну, что ты все размышляешь, Антон?

— Шумно у нас что-то стало, — сказал Антон, глядя в сторону.

— Ну, а в чем дело? Тебя что, интересуют местные производственные процессы?

— Да нет... — вяло сказал Антон. — Какое мне до них дело?

Вадим повернулся вместе с креслом кругом, упер руки в колени и принялся рассматривать по очереди Антона и Саула. У Антона был такой вид, словно он засыпает. Он даже руки сложил на животе и сцепил пальцы. А Саул смотрел на Вадима с выражением какого-то удивленного восхищения и умиления. Рот у него был полуоткрыт.

— В чем дело? — сказал Вадим. — Чего вы оба нанюхались?

Саул встрепенулся.

— Да, конечно! — воскликнул он. — Как я сразу не подумал! Все понятно: имеем две дыры на расстоянии восьмидесяти километров. Из одной дыры выходят машины, проходят по превосходной автостраде и безо всякого видимого эффекта уходят в другую дыру. Из другой дыры они по подземному ходу возвращаются в первую...

Вадим тяжело вздохнул.

— Они не возвращаются в первую, — сказал он. — Это нуль-транспортировка, понимаете? (После каждого слова Саул истово кивал.) Элементарная нуль-транспортировка. Кто-то использует это место, чтобы перегонять технику на большие расстояния кратчайшим путем. Может быть, на тысячи километров. Может быть, на тысячи парсеков. Неужели не понятно?

— Да нет, почему же, все понятно! — воскликнул Саул. Вид у него был несколько обалделый. — Чего тут не понять? Типичная нуль-транспортировка...

— Ну да, — сказал Вадим. — И нет нам до нее никакого дела. Людей надо искать!

— Хорошо, — сказал Антон. — Будем искать людей. Поворачивай на проселок.

Вадим развернул глайдер и погнал его по шоссе обратно.

— Антон, ты что, плохо себя чувствуешь? — спросил он, помолчав.

— Чувствую я себя неважно, — сказал Антон. — Потом не забудь подтвердить это, если тебя спросят...

— Кто спросит?

— Спросят, — сказал Антон. — Будут такие... интересующиеся...

Вадим не стал расспрашивать — было ясно, что это бессмысленно. Он посмотрел на машины внизу, затем на спидометр.

— Примитивные автоматы, — пробормотал он. — Постоянная скорость, постоянные интервалы... Стоило из-за них сворачивать пространство...

Показался проселок.

— Как лететь? — спросил Вадим. — Над проселком или срезать?

— Над проселком, — ответил Антон. — И спустись пониже.

Вадим с удовольствием опустился почти к самой земле и пошел точно над дорогой — он очень любил быструю езду с крутыми поворотами. Сбоку, прыгая на неровностях, неслась по снегу округлая тень глайдера.

— Ну вот, опять птицы, — сказал Саул сердито.

Впереди у самой дороги топталось несколько давешних голенастых чудовищ. Они разгребали когтистыми лапами сугробы и шарили в разрыхленном снегу. Когда глайдер приблизился, они разом присели на лапы, закинули шеи и распахнули черные клювы. С клювов свисали какие-то лохмотья.

— Что за мерзкие твари! — сказал Саул с отвращением. Он перегнулся на сиденье и поглядел назад. — Что они там выкапывают?

Вадим вдруг понял, что они там выкапывают, но это было так страшно, что он не поверил.

— Вы не видели тахоргов, Саул, — сказал он с принужденной веселостью. — По сравнению с тахоргами это желтоносые цыплята. Надо будет подстрелить одну, Антон, а?

— Можно, — сказал Антон.

Саул сел прямо.

— Мне не нравится, что они там что-то выкапывают, — сказал он мрачно.

Никто не ответил. Так в молчании они летели еще минут десять. Снег на проселке был какого-то скверного навозного цвета. На нем виднелись следы не то гусениц, не то

колес, а справа и слева по снежной целине местами тянулись цепочки человеческих следов. Круглые холмы по сторонам были пусты. Кое-где из сугробов торчали чахлые прутьики да черные кривые корни, похожие на скрюченные руки.

— Еще одна, — сказал Саул.

На вершине холма стояла птица. Заметив глайдер, она стремительно ринулась наперерез. Она мчалась, высоко задирая ноги, растопырив маленькие крылья, вытянув жилистую шею и пригнув клюв к самому снегу. Маленький горящий глаз был устремлен на глайдер.

— Не успеет! — с сожалением проговорил Вадим.

Но птица успела. «Тэ-эк!» — крикнул Вадим с удовольствием. Глайдер содрогнулся. В воздухе мелькнула растопыренная когтистая лапа. Антон и Саул сейчас же обернулись.

— Еще катится! — сообщил Саул. — На редкость мерзкое животное... Ух ты! — изумленно воскликнул он.

Вадим сейчас же включил экран заднего вида. Взъерошенная птица была уже на ногах и, прихрамывая, мчалась следом за глайдером. Вид у нее был остервенелый. Скоро она отстала и скрылась за поворотом.

— Если мы встретим людей, — сказал Вадим, — я им предложу истребить эту мерзость на всей равнине. Раз у них у самих руки не доходят... Как ты полагаешь, Тошка?

— Там видно будет, — сказал Антон.

IV

Холмы стали ниже, и вдруг впереди открылся высокий снежный вал. Антон сразу заметил крошечные черные фигурки, копошившиеся на его гребне. Ну, начинается, подумал он и сказал:

— Останови.

— Зачем? — возразил Вадим. — Ты что, не видишь — там люди!

— Останови, говорят тебе!

— Ну вот, — недовольно сказал Вадим, но повиновался.

Сейчас он повернется и посмотрит на меня с неодобрением, подумал Антон. До чего же мне трудно...

Ему было трудно. Шанс столкнуться с неизвестной цивилизацией был чрезвычайно мал, но реален, и каждый звездолетчик знал инструкцию Комиссии по контактам, запрещающую самостоятельные контакты с неизвестными цивилизациями. Теперь глупо отступить, думал он. Надо было покинуть Саулу сразу же, едва мы увидели трупы. Надо было... Только никто бы этого не сделал. И все же существует инструкция. И составлена она как раз на такой вот случай — когда у тебя в экипаже один так и горит от жажды деятельности, а другой вообще непонятно чего хочет. А самого тебя раздрают противоречия. Ведь почти наверняка где-то поблизости тысячи людей терпят бедствие. Во-он те самые человечки, которые бессмысленно бродят по гребню... И Димка смотрит с неодобрением... И Саул смотрит с совершенно неуместным любопытством. Историк со скорчером. Кстати, не забыть о скорчере... И инструкция, очень толковая и простая инструкция: «...никаких самостоятельных контактов с аборигенами...» Очень просто: вышел, осмотрелся, заметил признаки живой цивилизации и... «необходимо немедленно покинуть планету, тщательно уничтожив все следы своего пребывания». А у меня там огромная яма из-под глайдера, а рядом с ямой — пять трупов...

— Ну, в чем дело? — спросил Вадим. — Приступ меланхолии?

Разумеется, структуральные лингвисты и историки понятия не имеют об инструкции. Объяснить им — наверняка воспримут как личное оскорбление: «Мы не дети! Сами знаем, что хорошо, а что плохо!»

Тут Антон обнаружил, что глайдер медленно ползет по направлению к валу. И он решил.

— Поднимайся на гребень, — сказал он. — Сядь подальше от людей. И вот что, товарищи. Я вас очень прошу. Не устраивайте вы там братства цивилизаций.

— Мы не дети, — с достоинством сказал Вадим, увеличивая скорость.

Глайдер рывком взлетел на гребень вала. Вадим откинул фонарь, высунулся и изумленно свистнул. Внизу за валом открылся гигантский котлован, и там было полно людей и машин. Но Антон не смотрел вниз.

Он с ужасом и жалостью смотрел на сгорбленного, синего от стужи человека в рваном джутовом мешке, который медленно, с трудом переставляя ноги, шел прямо на глайдер. Лицо его казалось пестрым от коросты, голые руки и ноги были покрыты цыпками, слипшиеся грязные волосы торчали во все стороны. Человек скользнул по глайдеру равнодушным взглядом и, обогнув его, пошел дальше по гребню. Оступаясь, он жалобно и привычно постанывал. Это же не человек, подумал Антон, это же только похоже на человека...

— Господи боже мой! — хрипло воскликнул Саул. — Что же там делается!

Тогда Антон посмотрел вниз. На дне котлована на грязном растоптанном снегу среди десятков разнообразных машин копошились, сидели и даже лежали, бродили и перебегали люди, босые люди в длинных серых рубахах. Вокруг на границе цельного снега люди стояли неровными, изломанными шеренгами. Их было много — сотни, а может быть, и тысячи. Они стояли понуро, глядя себе под ноги. Кое-где в шеренгах были видны лежащие, и на них никто не обращал внимания.

Машин в котловане было несколько десятков. Некоторые из них зарылись в землю, другие были скрыты под снегом, но Антон сразу увидел, что это такие же машины, как и те, что двигались по шоссе. Несколько машин судорожно дергались, разбрызгивая комья грязи и снега, безо всякого порядка и видимой цели.

Антон вдруг сообразил, что в котловане несоответственно тихо. Тысячи людей находились там, а слышно было только приглушенное ворчание механизмов да изредка пронзительные жалобные выкрики.

И кашель. Время от времени кто-то где-то начинал хрипло, надсадно кашлять, задыхаясь и сипя, так что начинало першить в горле. Этот кашель немедленно подхватывали десятки глоток, и через несколько секунд котлован наполнялся трескучими сухими звуками. На некоторое время движение людей останавливалось, затем раздавались жалобные выкрики, резкие, как выстрелы, щелчки, и кашель прекращался...

Антону было двадцать шесть лет, он давно уже работал звездолетчиком и повидал многое. Ему приходилось видеть, как становятся калеками, как теряют друзей, как теряют веру в себя, как умирают, он сам терял друзей и сам умирал один на один с равнодушной тишиной, но здесь было что-то совсем другое. Здесь было темное горе, тоска и совершенная безысходность, здесь ощущалось равнодушное отчаяние, когда никто ни на что не надеется, когда падающий знает, что его не поднимут, когда впереди нет абсолютно ничего, кроме смерти один на один с безучастной толпой. Не может быть, подумал он. Просто очень большая беда. Просто я никогда еще не видел такого.

— Никогда мы не сможем им помочь, — пробормотал Вадим. — Тысячи людей, и у них ничего нет...

Антон пришел в себя. Два десятка грузовых звездолетов, подумал он. Одежда. Пять тысяч комплектов. Еда, десяток полевых синтезаторов. Госпиталь, штук шестьдесят домов. Или мало? Может быть, здесь не все? И может быть, не только здесь?..

Хорош бы я был, если бы приказал с шоссе вернуться на «Корабль», подумал он с удовлетворением.

Они стояли молча, не выходя из глайдера. Было непонятно, чем заняты люди на дне котлована. Они возились с машинами. Наверное, машины были их надеждой. Может быть, они хотели исправить их или использовать, чтобы выбраться из снежной пустыни.

Вадим сел и включил двигатель.

— Стой, — сказал Антон. — Ты куда?

— На Землю, — ответил Вадим. — Нам не справиться.

— Выключи двигатель. Начинаются нервы.

— При чем здесь нервы? Нашими семью хлебами ты их не накормишь.

Антон поднял мешок с медикаментами и перебросил через борт. Потом он поднял мешок с продовольствием.

— Возьмите, — сказал он Саулу. — Вадим, приготовь свой транслятор. Будешь переводить.

— Зачем это? — сказал Вадим. — Зачем так усложнять? Мы только потеряем время, а здесь умирают каждую минуту, наверное.

Антон перебросил через борт мешок с продовольствием.

— Узнаем, сколько их. Узнаем, что им нужно. Узнаем всё. С чем ты собираешься возвращаться на Землю?

Вадим, не говоря ни слова, прыгнул в снег и взял на плечо мешок с медикаментами.

Антон выжидательно посмотрел на Саула. Саул вынул изо рта трубку.

— Все это правильно, — проговорил он. — Но не берите еду.

— Почему? Самых слабых мы накормим сразу же.

— Не делайте глупостей. Они увидят еду. Они увидят одежду. Они вас растопчат вместе с вашими мешками.

— Это не для всех, — вразумляюще сказал Антон. — Мы объясним, что это для самых слабых.

Несколько секунд Саул с выражением странного сожаления глядел на него. Затем он спросил:

— Вы знаете, что такое толпа?

— Берите мешок, — тихо сказал Антон. — Что такое толпа, вы мне расскажете потом.

Саул со вздохом взвалил мешок на плечо и нагнулся за скорчером, валявшимся на сиденье.

— Нет, эту штуку вы оставьте, — попросил Антон.

— Нет, это я возьму, — возразил Саул. Он с сопением продел голову в ремень скорчера.

— Я вас прошу, Саул. Вы боитесь и можете выстрелить.

— Конечно, боюсь. Я боюсь за вас.

— Я понимаю, что не за себя, — сказал Антон терпеливо.

Саул, оскалившись, полез через борт.

— Саул Репнин, — железным голосом сказал Антон. — Дайте сюда оружие!

Саул сел на борт.

— Вы не умеете стрелять, — заявил он.

— Умею, — сказал Антон, глядя ему в глаза.

И каждый раз так, с досадой подумал он. Каждый раз в самый важный момент объявляется кто-нибудь с нервами. И приходится урезонивать, вместо того чтобы заниматься делом.

Саул отдал скорчер. Антон сунул оружие за пазуху и прыгнул в снег рядом с Вадимом. Вадим с мешком на плече стоял, наклонив голову, и, поправляя на виске мнемокристалл, с любопытством следил за действиями шкипа.

— Так я возьму третий мешок, — сказал Саул как ни в чем не бывало.

— Да, пожалуйста, — сказал Антон вежливо.

Они стали спускаться в котлован.

— В случае чего, — сказал Саул, — стреляйте в воздух. Все сразу разбегутся.

Антон не ответил. Он думал, как действовать дальше.

— Вадим, — окликнул он. — Ты сумеешь с ними договориться?

— Как-нибудь. Главное — ты. Будь ты настоящим врачом, я бы ни о чем не беспокоился.

Да, подумал Антон, если бы я был настоящим врачом... Конечно, они гуманоиды. И анатомия их, наверное, не очень отличается от нашей. Но вот физиология... Он вспомнил, какие ужасные последствия вызвало применение простого йода гуманоидами на Тагоре.

— Хорошо было бы разобраться в машинах, — озабоченно сказал Вадим. — Мы бы вывезли их отсюда. Может быть, им больше ничего и не нужно. Только почему им никто не помогает? Что за нелепая планета!.. Не удивлюсь, если у них взорвались сразу все города...

Они уже прошли половину склона, когда Саул попросил:

— Подождите минуточку.

Все остановились.

— Что случилось? — спросил Антон. — Устали?

— Нет, — сказал Саул. — Я никогда не устаю. — Он пристально всматривался во что-то внизу. — Видите такую уродливую машину с краю? Во-он ту, самую ближнюю. На крыле — человек в сером...

— Вижу, — неуверенно сказал Антон.

— Ну-ка, ну-ка... У вас глаза помоложе.

Антон напряг зрение.

— Сидит человек, — сказал он и вдруг замолчал. — Странно... — пробормотал он.

— Там сидит человек в меховой одежде, — объявил Вадим. — Вот что я вижу. Закутан в меха до глаз.

— Ничего не понимаю, — сказал Антон. — Может быть, это больной?

— Может быть, — сказал Саул. — А вон еще двое больных. Я давно на них смотрю.

Далеко только очень...

На противоположной стороне вала на фоне белесого неба четко выделялись две черные мохнатые фигурки. Они стояли совершенно неподвижно, широко расставив ноги, держа в отставленной руке длинные тонкие шесты.

— Что это у них? — спросил Вадим. — Антенны?

— Антенны ли? — проговорил Саул, вглядываясь. — Кажется, я знаю, что это за антенны...

Резкий крик огласил котлован. Антон вздрогнул. Оглушительно взревел какой-то двигатель, раздался многоголосый жалобный вопль, и они увидели, как громоздкая, похожая на глубоководный танк машина со скрежетом закрутилась на месте и вдруг поползла, все увеличивая скорость и опрокидывая другие механизмы, прямо на шеренгу людей. Из ее недр выкарабкивались и кубарем скатывались в истоптанный снег человеческие фигурки. Шеренга не шелохнулась. Антон закрыл руками рот, чтобы не вскрикнуть. Сквозь грохот и рев прозвучал высокий жалобный голос, и тогда шеренга вдруг сомкнулась в плотную толпу и двинулась навстречу танку. Антон не выдержал — он закрыл глаза. Ему казалось, что сквозь рев двигателя слышится жуткий мокрый хруст.

— Боже мой... — непонятно бормотал над ухом Саул. — Ох, боже мой...

Антон заставил себя открыть глаза. На месте танка громоздилась огромная шевелящаяся куча, которая медленно двигалась, все больше и больше кренясь набок. За ней на снегу расплывалась широкая ярко-красная полоса. Вокруг этой груды тел была пустота, только четверо людей в шубах неторопливо шли в этой пустоте, не отставая ни на шаг от облепленного людьми танка.

Антон машинально поглядел на людей с шестами. Они стояли там же, в прежней позе, совершенно неподвижные, только один из них вдруг медленным движением переложил шест в другую руку и снова застыл. Кажется, они даже не глядели вниз.

Рев двигателя смолк. Танк был повален на бок, и люди медленно сползали с него, отходя в сторону. Тогда Вадим, не говоря ни слова, швырнул свой мешок вниз и гигантскими прыжками кинулся вслед за ним. Антон тоже побежал вниз. Сквозь шум в ушах он слышал, как спешивший по пятам Саул выкрикивает задыхаясь: «Ах, мерзавцы!.. Ах, подлецы!..»

Когда Антон добежал до танка, люди в мешковине уже снова строились в шеренгу, а люди в шубах ходили среди них и кричали жалобными, стонущими голосами. Вадим, волоча за собой мешок, вымазанный в грязи и крови, ползал на четвереньках среди разбросанных под танком тел и был, по-видимому, в отчаянии. Он поднял к Антону бледное лицо и проговорил:

— Здесь одни мертвые... Здесь все уже умерли...

Антон осмотрелся. Задыхающиеся, мокрые от пота и тающего снега, едва прикрытые серой рваной мешковиной, люди глядели на него мутными неподвижными глазами. И люди в шубах, сбившись поодаль в кучку, тоже глядели на него. На секунду ему показалось, что перед ним старинное натуралистическое панно: все они были неподвижны и смотрели на него сотнями пар неподвижных глаз.

Он взял себя в руки. Те, кого искал Вадим, стояли в шеренге — высокий костлявый старик с ободраным влажно-красным лицом; юноша, прижимающий к груди неестественно вывернутую руку; совершенно голый человек с серым лицом, вцепившийся себе в живот растопыренными пальцами с золотыми ногтями; человек с закрытыми глазами, поджавший одну ногу, из которой толчками била черная кровь... Все живые стояли в шеренгах.

— Спокойно, — сказал Антон вслух. Он нагнулся, раскрыл мешок с медикаментами и достал банку с коллоидом. Отвинчивая на ходу крышку, он направился к человеку с раздавленной ногой. Вадим с охапкой тампопластыря шел за ним по пятам.

...Скверная рана... Разворочены мускулы, кровь почти уже не идет. Почему он не сядет?... Почему его никто не поддержит? Коллоид... Теперь пластырь... Клади ровнее, Вадим, не выдавливай коллоид... Почему так тихо? Вот это уже хуже — разорван живот... Он уже мертв. Как же он стоит?... Вывернута рука — пустяк... Держи крепче, Вадим! Крепче! Почему он не кричит? Почему никто не кричит? А вон там уже кто-то упал... Да поднимите же вы его, вы там, здоровые!..

Кто-то тронул его за плечо, и он резко повернулся. Перед ним стоял человек в шубе. У него было румяное грязноватое лицо, скошенные вниз глаза, на кончике короткого носа висела мутная капля. Ладони в меховых рукавицах были сложены перед грудью.

— Здравствуйте, здравствуйте... — сказал Антон. — Потом... Вадим, разберись с ним.

Человек в шубе покачал головой и быстро заговорил, и сейчас же рядом заговорил Вадим с очень похожей интонацией. Человек в шубе замолчал, с изумлением поглядел на Вадима, затем снова на Антона и попятился. Антон досадливым движением поправил за пазухой тяжелый скорчер и повернулся к раненому. Раненый стоял, закрыв лицо руками. И все люди справа и слева от Антона стояли, закрыв лица руками, кроме того, мертвого, с серым лицом, который по-прежнему держался за живот.

— Ничего, ничего, — сказал Антон ласково. — Опустите руки, не бойтесь. Все будет хорошо...

Но в ту же минуту высокий жалобный голос что-то прокричал, и все люди в мешковине разом повернулись направо. Люди в шубах трусцой побежали вдоль шеренги. Снова прокричал жалобный голос, и колонна двинулась.

— Стойте! — крикнул Антон. — Не сходите с ума!

Никто даже не обернулся. Колонна проходила, и все, кто проходил возле Антона, закрывали лица руками. Только человек с распоротым животом остался стоять, потом кто-то задел его, и он мягко свалился в снег. Колонна ушла.

Антон растерянно провел мокрой ладонью по глазам и огляделся. Он увидел громадный поваленный танк, длинного черного Саула рядом, Вадима, дико глядевшего вслед колонне, да несколько десятков тел на растоптанном снегу. И стало совсем уже тихо, слышались только редкие жалобные выкрики в отдалении.

— Почему? — спросил Вадим. — Чего они испугались?

— Они испугались нас, — сказал Антон. — А скорее всего, они испугались нашей медицины...

— Я догоню и постараюсь объяснить...

— Ни в коем случае. Это надо делать очень деликатно. Как ваше мнение, Саул?

Саул, повернувшись спиной к ветру, раскуривал трубку.

— Мое мнение... — проговорил он. — Мне здесь очень не нравится...

— Да, — подхватил Вадим. — Какое-то ужасное, болезненное неблагополучие...

— Почему обязательно неблагополучие? — сказал Саул. — Вот как, по-вашему, кто эти подлецы в шубах?

— Почему обязательно подлецы?

— А кто они, по-вашему?

Вадим молчал.

— Здоровенные, упитанные парни в шубах, — сказал Саул со странным выражением. — Они приказывают людям кидаться под танк. Они не работают, а только смотрят, как работают. Они фигурно торчат на валу с пиками наготове. Кто они, по-вашему, эти парни?

Вадим молчал.

— Вот подумайте, — сказал Саул. — Здесь есть о чем подумать...

Антон сказал, глядя на небо:

— Смеркается. Давайте осмотрим машину, раз уж мы здесь. Все равно этим придется заняться рано или поздно...

— Пойдемте, — сказал Саул.

Антон аккуратно закрыл мешок с медикаментами, и они пошли к танку. Вадим не двинулся. Он угрюмо смотрел на склон, по которому медленно полз черный пунктир — хвост уходящей через вал колонны.

Овальная панцирь танка был раскрыт. Корпус машины разгораживала перепончатая стенка. Антон включил фонарик, и они стали осматривать гофрированные борта кабины, матовые сочленения двигателя, какие-то кривые зеркала на коленчатых шестах, похожих на бамбук, и дно кабины — чашевидное, покрытое множеством маленьких отверстий, похожее на гигантскую шумовку.

— Да-а, — протянул Саул. — Любопытная машина. Где же управление?

— Возможно, это кибер, — рассеянно сказал Антон. — Впрочем, нет, вряд ли... Слишком много пустого места...

Он забрался в двигатель. Это был довольно примитивный квазиживой механизм с высокочастотным питанием.

— Мощная машина, — с уважением сказал Саул. — Только вот как она управляется?

Они снова вернулись к кабине.

— Дырочки какие-то, — бормотал Саул. — Где же здесь руль?

Антон попробовал просунуть в одно из отверстий указательный палец. Палец не влезал. Тогда Антон сунул мизинец. Он ощутил короткий болезненный укол, и в то же мгновение в двигателе что-то с рычанием повернулось.

— Ну, вот и все ясно, — сказал Антон, рассматривая мизинец.

— Что ясно?

— Мы не сможем управлять этой машиной... И они тоже не смогут.

— А кто сможет?

— Боюсь утверждать наверняка, но, по-видимому, это из хозяйства Странников. Видите?... Это машина не для гуманоидов.

— Что вы говорите? — пробормотал Саул.

Некоторое время они молча стояли перед кабиной, пытаясь представить себе существо, которое чувствовало себя в этой шумовке так же удобно, как они сами в водительских креслах перед пультами и экранами.

— Я почему-то так и думал, — объявил Саул. — Слишком это парадоксально: джутовые мешки и нуль-транспортировка...

— Вадим, — позвал Антон.

— Что? — мрачно донеслось сверху. Вадим стоял на танке.

— Слышал?

— Слышал. Тем хуже для них... — Вадим тяжело спрыгнул в снег. — Пора возвращаться, — сказал он. — Темнеет...

Они взвалили на плечи мешки и стали подниматься на вал.

Какая каша, думал Антон. Машины, оставленные негуманоидами. Гуманоиды, потерявшие человеческий облик, отчаянно пытающиеся разобраться в этих машинах. Ведь они, несомненно, пытаются в них разобраться. Наверное, для них это единственное спасение... И у них, конечно, ничего не выходит. И еще какие-то странные люди в шубах...

— Саул, — сказал он. — Что такое пики?

— Копья, — ответил Саул, кряхтя.

— Копья...

— Длинный деревянный шест, — раздраженно сказал Саул. — На конце — острый железный наконечник, часто зазубренный. Используется для протыкания насквозь ближнего своего. — Саул помолчал, тяжело дыша. — Может быть, вам заодно объяснить, что такое меч?

— Знаем мы, что такое меч, — сказал Вадим не оборачиваясь. Он лез первым.

— Так вот, у каждого из этих бандитов в шубах висел за спиной меч, — сказал Саул. — Слушайте, молодые люди, давайте передохнем...

Они уселись на мешки.

— Вы много курите, — сказал Антон. — Это очень вредно.

— Курить — здоровью вредить, — отозвался Саул.

Стало совсем темно. Котлован внизу наполнился сумеречными тенями. Небо очистилось от туч, появились звезды. Слева таяло зеленоватое сияние заката. У Антона замерзли уши, и он с содроганием подумал о несчастных, бредущих сейчас босиком по скрипучему снегу. А куда они бредут? Может быть, здесь поблизости есть какое-нибудь убежище?.. А ведь еще только вчера мы сидели с Димкой на крыльце, было тепло, изумительным запахом несло из сада, кричали цикады, и дядя Саша звал нас из своего коттеджа отведать самодельного морса... Почему это Саул настроен против людей в мехах?

Саул со вздохом поднялся и сказал:

— Пошли.

Они ввалились в глайдер, задвинули фонарь, и Вадим сразу же на полную мощность включил отопление. Антон расстегнул куртку, вытащил теплый скорчер и бросил его на сиденье рядом с Саулом. Саул сердито дышал в пригоршню. На мохнатых бровях его таял иней.

— Итак, Вадим, — сказал он, — что вы надумали?

Вадим сел в водительское кресло.

— Думать будем потом, — заявил он. — Сейчас надо действовать. Люди нуждаются в помощи и...

— Почему вы, собственно, решили, что люди нуждаются в помощи?

— Вы, надеюсь, не шутите? — спросил Вадим.

— Мне не до шуток, — сказал Саул. — Я удивляюсь, почему вы не хотите попытаться понять, что здесь происходит. Почему вы все время твердите одно и то же: «нуждаются в помощи, нуждаются в помощи»?

— А как по-вашему? Не нуждаются?

Саул вскочил, стукнулся головой о фонарь и снова сел. Несколько секунд он молчал.

— Я снова обращаю ваше внимание, — сказал он наконец, — на то необычайно важное обстоятельство, что там, в котловане, вовсе не все люди нуждаются в одежде и

прочем. Что там, в котловане, мы видели людей здоровых, сытых, вооруженных. И для этих людей положение дел не представляется таким уж безнадежным, как для вас. Вы хотите помочь страждущим. Это великолепно. Возлюби, так сказать, дальнего. Но не кажется ли вам, что этим самым вы вступите в конфликт с неким установившимся порядком? — Он замолчал, пристально глядя на Антона.

— Не кажется, — сказал Вадим. — Я не хочу думать о людях хуже, чем о самом себе. У меня нет никаких оснований считать себя лучше других. Да, там, в котловане, есть неравенство. И меховые шубы выглядят дико. Но я совершенно уверен, что всему этому есть вполне человеческое объяснение. И помощь землян никогда не будет вредной. — Он перевел дух. — А что касается пик и мечей, то кто-то ведь должен охранять потерпевших? Надеюсь, вы не забыли приятных птичек на равнине?

Антон задумчиво покивал. Как это было на «Цветке», подумал он. Мы две недели сидели на половинном кислородном пайке и ничего не ели и не пили. Инженеры чинили синтезаторы, и мы отдали им все, что у нас было. И вид у нас в конце второй недели был, наверное, немногим лучше, чем у этих людей...

Саул нагнул голову и с тоской хрустнул пальцами.

— Плоскость, плоскость... — пробормотал он. — Все в одной плоскости, как всегда. Как тысячи лет назад.

Ребята молча ждали.

— Вы славные люди, — тихо сказал Саул. — Но сейчас я не знаю, плакать или радоваться, глядя на вас. Вы не замечаете того, что совершенно очевидно для меня. И я не могу вас винить за это. Но послушайте одну маленькую притчу. В незапамятные времена какие-то пришельцы — возможно, это были ваши Странники — забыли на Земле такой автоматический прибор. Он состоял из двух частей: из робота-автомата и из аппарата для управления этим роботом на расстоянии. Причем управлять роботом можно было при помощи мысли. Эти вещи провалялись в Аравии несколько тысячелетий. А потом аппарат для управления нашел арабский мальчик по имени Аладдин. Историю Аладдина вы, наверное, знаете. Мальчишка принял аппарат за лампу. Он тер ее, и со страшным грохотом прибежал неведомо откуда черный и, может быть, даже огнедышащий робот. Он улавливал несложные мысли, в которые были оформлены несложные желания Аладдина, и он разрушал города и строил дворцы. Вы представляете себе — нищий, грязный, невежественный арабский мальчишка. Его мир — это мир ифритов и волшебников, и робот для него — это, конечно, джинн, раб аппарата, похожего на лампу. Если бы кто-нибудь попытался втолковать ему, что джинн — дело рук человеческих, мальчишка сражался бы до последнего издыхания, отстаивая свой мир, стремясь остаться в плоскости своих представлений. И вы поступаете так же. Отстаиваете целостность своего мировоззрения, стремитесь отстоять достоинство разума. И никак не хотите понять, что здесь мы имеем дело не с катастрофой, не с каким-то стихийным или техническим бедствием, а с определенным порядком вещей. С системой, молодые люди. И это так естественно. Всего два с половиной века назад половина человечества была уверена, что черного кобеля не отмоешь добела и что человек как зверем был, так зверем и останется, и было достаточно оснований думать именно так. — Он хрустнул зубами. — Не хочу, чтобы вы вмешивались в это дело. Вас здесь убьют. Вам нужно вернуться на Землю и забыть обо всем этом. — Он посмотрел на Антона. — А я останусь здесь.

— Зачем? — спросил Антон.

— Мне нужно, — медленно сказал Саул. — Я сделал одну глупость. За глупости платят.

Антон лихорадочно думал: что сказать этому странному человеку?

— Вы, конечно, можете остаться, — сказал он наконец. — Но дело уже не в вас. Не только в вас. Мы тоже останемся. И давайте-ка пока держаться вместе.

— Вас убьют, — безнадежно сказал Саул. — Ведь вы же не умеете стрелять в людей.

Вадим хлопнул себя по коленям и сказал прочувствованно:

— Мы же вас понимаем, Саул! Но в вас говорит историк, и вы тоже не можете выйти из плоскости своих представлений. Никто нас не убьет. Давайте попроще. Не нужны нам никакие остроумные усложнения. Мы люди, и давайте действовать как люди.

— Давайте, — устало сказал Саул. — И давайте поедим. Неизвестно, что будет дальше.

Антону не хотелось есть, но еще меньше ему хотелось спорить. И Саул был, наверное, прав, и Вадим был прав, и, как всегда, была права Комиссия по контактам, и вообще сейчас больше всего нужна была информация.

Вадим неохотно ковырял ложкой в банке с консервами. Саул ел с громадным аппетитом, невнятно приговаривая:

— Ешьте, ешьте. Основа каждого мероприятия — сытый желудок.

Антон обдумывал план действий. Стихийное бедствие или социальное бедствие — все равно это бедствие. И вмешательство неизбежно. Только не следует оголтело, без оглядки кидаться домой, на Землю, с воплем: «Помогите!» — или так же оголтело вламываться в гущу событий, размахивая одиноким мешком с продовольствием... Саула жалко, но Саула пока придется отставить. Так что прежде всего информация... Антон сказал:

— Сейчас мы полетим по следам колонны. Думаю, что поблизости у них есть поселок.

Саул убежденно покивал.

— Найдем кого-нибудь посмышленей, — продолжал Антон, — и ты, Димка, у него все узнаешь. А там видно будет.

— Возьмем «языка», — заявил Саул, облизывая ложку, — правильно.

Несколько секунд Антон пытался понять: при чем здесь язык? Потом он вспомнил из какой-то книжки: «Идите, лейтенант, и без «языка» не возвращайтесь». Он покачал головой.

— Да нет, Саул, при чем тут «язык»? Все должно быть тихо, мирно. Но на всякий случай вы держитесь лучше позади. Оставайтесь в глайдере. Вы никогда не были в опасных ситуациях, и я просто боюсь, что вы растеряетесь.

Несколько секунд Саул смотрел на него запавшими глазами.

— Да, конечно, — медленно сказал он. — Книжный, так сказать, червь.

Была уже ночь, когда глайдер снялся с места, перепрыгнул через котлован и помчался вдоль утоптанной дороги, ведущей на восток. Над равниной поднималась маленькая яркая луна, а на западе над хребтом висел багровый узкий серп. Дорога свернула, огибая высокий холм, и они увидели несколько рядов занесенных снегом хижин.

— Здесь, — сказал Антон. — Снижайся, Вадим.

V

Вадим посадил глайдер на первой же улице. Он откинул фонарь, и в кабину ворвался гадкий запах — вонь испражнений на морозе, тоскливый запах большой беды. По сторонам улицы стояли покосившиеся, обшарпанные лачуги без окон, в лунном свете серебрились шапки чистого снега на плоских крышах и отвратительно чернели сугробы у входов. Улица была пуста, и можно было подумать, что поселок покинут, но тишина была полна хрипами, вздохами и заглушенным треском сухого кашля.

Вадим медленно повел глайдер вдоль улицы. Вонючий мороз обжигал лицо. Ни на улице, ни в темных боковых проулках не было видно ни души.

— Измотались, — сказал Вадим. — Спят. Придется будить. — Он снова остановил глайдер. — Вы здесь подождите, а я схожу посмотрю.

— Ну, хорошо, пойдем, — сказал Антон.

— Незачем вдвоем ходить, — возразил Вадим, выскакивая на дорогу. — Я только посмотрю и сейчас же вернусь. Если здесь ничего не получится, поедем дальше.

Антон сказал:

— Саул, посидите здесь. Мы сейчас вернемся.

— Не поднимайте шума, — предупредил Саул.

Вадим нерешительно остановился перед узкой загаженной тропинкой, ведущей к двери ближайшей лачуги. Страшно и гадко было идти туда. Он оглянулся. Антон уже стоял рядом.

— Ну, что ты? — сказал он. — Вперед.

Вадим решительно шагнул на тропинку, поскользнулся и чуть не упал. Его затошнило, и он зашагал, подняв голову, чтобы не видеть тропинки. Дверь с визгливым скрипом открылась ему навстречу, и из нее выпал совершенно голый, длинный, как палка, человек. Он повалился на обледенелый сугроб и мертво стукнулся о стену хижины. Вадим нагнулся над ним. Это был мертвец, уже давно закоченевший. Сколько же их я увидел за сегодняшний день, подумал Вадим. В хижине кашляли, и вдруг высокий скрипучий голос затянул песню. Это было похоже на вой. Голос выводил одни только тоскливые рулады без слов. А может быть, это был просто плач.

Вадим снова оглянулся. На дороге чернела округлая глыба глайдера, из нее неподвижно торчал черный силуэт Саула. Жутко блестел под яркой луной снег на пустынной улице. И протяжно плакал и жаловался высокий голос за дверью. Антон тихонько толкнул Вадима в бок.

— Что, страшно? — спросил он вполголоса. Лицо у него было белое, словно замерзшее.

Вадим не ответил. Он распахнул дверь и включил фонарик. Скверный, душный воздух ударил ему в нос, и он задохнулся. Круг света упал на сырой земляной пол, покрытый бледной вытоптанной травой. Вадим увидел десятки скорченных тел, прижавшихся друг к другу, сплетение тощих голых ног с огромными ступнями, высохшие лица, искаженные резкими тенями, раскрытые черные рты — люди спали прямо на земле и друг на друге. Казалось, они лежат штабелями в несколько рядов, и они дрожали во сне. А вой тянулся без передышки, не прекращаясь, и Вадим не сразу заметил певца, а потом поймал его в круг света. Человек, обхватив острые колени, сидел на спинах спящих. Он глядел на свет фонарика остекленевшими глазами и пел, вытягивая растрескавшиеся губы.

— Товарищ, — сказал Вадим. — Послушай меня. Погоди петь. Скажи что-нибудь.

Человек не шевелился. Казалось, он не видит света и не слышит голоса.

— Товарищ, — повторил Вадим. — Послушай.

Певец вдруг закончил песню сиплым выкриком, повалился навзничь и замер. Он сразу же смешался со спящими, и Вадим уже не смог бы найти его. Он судорожно глотнул, сделал шаг вперед и похлопал кого-то по голой ноге. Нога была ледяная, мертвая. Вадим дотронулся до другой ноги. И эта нога тоже была ледяная, мертвая. Тогда он повернулся и, пошатнувшись, налетел на что-то широкое и теплое.

— Тихо, — сказал голос Антона.

Вадим мотнул головой, приходя в себя. Он совсем забыл про Антона.

— Не могу, — пробормотал он. — Это безнадежно.

Антон взял его за локоть и повел к выходу. Морозный воздух показался Вадиму чистым и сладким.

— Не могу, — повторил он. — Здесь не найти живых. Они все окоченевшие. Мертвые. — Он отстранился от Антона и осторожно пошел по тропинке к дороге. Саул по-прежнему неподвижно торчал из глайдера. Вадим заметил, что фонарик еще горит, выключил его, сунул в карман и полез в глайдер. Саул молча смотрел на него. Подошел Антон, облокотился на борт и тоже стал смотреть на Вадима. Вадим уткнулся лицом в дугу руля и сказал сквозь зубы: — Это не люди. Люди не могут так. — Он вдруг поднял

голову. — Это киберы! Люди только те, которые в шубах! А это киберы, безобразно похожие на людей!

Саул глубоко вздохнул.

— Вряд ли, Вадим, — сказал он. — Это люди, безобразно похожие на киберов.

Антон перелез через борт и сел на свое место.

— Ну-ка, возьмем себя в руки, — сказал он. — Не будем терять времени. Нужен «язык». — Он хлопнул Вадима по плечу. — Действуйте, лейтенант, и без «языка» не возвращайтесь.

Саул не то всхлипнул, не то рассмеялся.

— Хотите, я пойду в хижину и возьму любого на выбор? — предложил он. — Только, по-моему, нам не это нужно.

— Тогда они днем работают, а на ночь умирают, — упрямо сказал Вадим. — Какая уродливая затея!

— Правильно, — сказал Саул. — Затея уродливая, и надо взять одного из затейников. В шубах.

Вадим смотрел вдоль улицы.

— Оптимизм, — сказал он, — суть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором человек...

В лунном свете он вдруг увидел, как вдали, пересекая улицу, цепочкой прошло несколько серых теней в рубахах.

— Смотрите, — сказал он.

Люди брели и брели через улицу, их было человек двадцать, а за ними прошли двое в мехах с длинными шестами.

— На ловца и зверь бежит, — зловеще сказал Саул. — Всего и дела-то — догнать и взять...

— Вы думаете, этих? — нерешительно сказал Антон.

— А вы собираетесь обшаривать лачугу за лачугой? Затейники в лачугах не живут, уверяю вас. Поехали, а то еще потеряем...

Вадим вздохнул и тронул глайдер. Он медленно ехал вдоль улицы. И пытался представить себе, как они берут испуганного, ничего не понимающего человека под руки, тащат его к глайдеру и впихивают в кабину, а он жалобно кричит и отбивается. Попробовали бы меня так, подумал он. Я бы все разнес... Он прислушался. Саул говорил:

— Не беспокойтесь. Я знаю, как это делается. У меня он не будет отбиваться.

— Вы меня неправильно поняли, — терпеливо сказал Антон. — Ни о каком насилии не может быть и речи.

— Слушайте, предоставьте вы это мне. Вы ведь только все испортите. Ткнут вас копьём, и начнется такая кровавая кутерьма...

Ай да кабинетный ученый! — подумал удивленно Вадим. Антон сказал:

— Вот что, Саул. Вы мне не нравитесь. Сидите в машине и ничего не смейте предпринимать.

— О господи, — вздохнул Саул и замолчал.

Вадим вывернул на поперечную улицу, и они увидели вдали приятного вида двухэтажный домик, возле которого толпились люди, освещенные красным огнем факелов. Сбившись в кучку, стояли люди в мешковине, а вокруг них сновали люди в шубах. Вадим поехал совсем медленно, прижимая глайдер к теневой стороне улицы. Он представления не имел, с чего начинать и что делать. Антон, судя по всему, тоже. Во всяком случае, он молчал.

— Вот здесь живут затейники, — сказал Саул. — Видите, какой уютный, теплый домик? А где-нибудь поблизости и уборная есть. Самое милое дело — брать «языка» возле уборной. Кстати, вы заметили, что здесь нет ни одной женщины?

Дверь домика раскрылась, оттуда вышли двое и остановились на крыльце. Раздался протяжный жалобный крик. Кучка людей в мешковине пришла в движение, построилась в

ряды и вдруг двинулась прямо навстречу глайдеру. Около крыльца закричали в несколько голосов. Вадим поспешно затормозил и посадил глайдер.

Он глядел во все глаза и ничего не понимал. Над ухом тяжело дышал Антон. Люди в мешковине приблизились и быстрым шагом прошли мимо. Вадим ахнул. Два десятка босых людей были впряжены в неуклюжие тяжелые сани, в которых развалился закрытый по пояс шкурами человек в шубе и в меховой конической шапке. В руках он вертикально держал длинное копьё с устрашающе зазубренным наконечником. Лица запряженных людей выражали радость, и они громко, ликуя, вскрикивали. Вадим оглянулся на Саула. Саул провожал глазами странную упряжку, и рот его был широко раскрыт.

— Хватит с меня загадок, — сказал вдруг Антон. — Поезжай прямо к дому.

Вадим рванул руль на себя, и домик стремительно бросился навстречу глайдеру. Люди в шубах, стоявшие у крыльца, несколько секунд смотрели на приближающуюся машину, а затем с удивительной быстротой рассыпались полукругом и выставили вперед копьё. На крыльце запрыгал, что-то жалобно выкрикивая, круглый мохнатый великан. Он размахивал над головой широким блестящим лезвием. Вадим посадил глайдер перед копьёми и вылез из кабины. Люди в шубах пятились, теснее прижимаясь друг к другу. Острия копий были направлены Вадиму прямо в грудь.

— Мир! — сказал Вадим и поднял руки.

Люди в шубах попятнулись еще немного. От них валил пар и несло козлом. Под капюшонами блестели испуганно вытаращенные глаза и ощеренные зубы. Толстый человек на крыльце разразился длинной речью. Он был невероятно толст и огромен. У него была гигантская трясущаяся физиономия. Физиономия блестела от пота. Он приседал, и снова выпрямлялся, и даже становился на цыпочки, тыкал мечом то себе под ноги, то в небо и визжал неестественно высоким жалобным женским голосом. Вадим слушал, склонив голову. Мнемокристаллы на его висках фиксировали незнакомые слова и интонации, анализировали их и уже давали первые, еще неопределенные варианты перевода. Речь шла о какой-то угрозе, о чем-то громадном и сильном, о жестоких наказаниях... Толстяк вдруг замолчал, вытер потное лицо рукавом и, надсаживаясь, провизжал что-то короткое и резкое. В голосе его было страдание. Люди с копьёми сейчас же нагнулись и очень медленно двинулись на Вадима.

— Ну, все ясно, — сказал Саул. — Начнем?

Он положил ствол скорчера на борт.

— Прекратите, Саул, — сказал Антон. — Вадим, в кабину!

— Ну, что вы раздумываете? — сказал Саул со злобой. — Это же дрянь, эсэсовцы! Жабь!

Люди в шубах все надвигались короткими медленными шажками. Когда широкие блестящие лезвия уперлись в грудь Вадима, он отступил и, повернувшись спиной, полез в глайдер.

— Типичный корнеизолирующий язык, — сообщил он, усаживаясь. — Очень ограниченный словарный запас, судя по всему. Мира они не хотят, это ясно.

— Давайте хоть страху нагоним, — попросил Саул. — Дать разок в воздух, чтобы они штаны потеряли!

Антон захлопнул фонарь. Люди в шубах вернулись к крыльцу и подняли копьё. Все они смотрели на глайдер. На необъятной физиономии толстяка бродила презрительная ухмылка.

— Эх, вы! — сказал Саул. — Нужен вам «язык» или нет? Давайте возьмем этого жирного! Это же живой рапортфюрер!

— Да поймите же, — с отчаянием сказал Антон, — они не хотят с нами договариваться! И это их право! Ну, что мы можем сделать?

— Нужен вам «язык» или нет? — повторил Саул. — Преимущество внезапности мы уже потеряли. Здесь без боя не обойтись. Но есть еще этот гад, который уехал на упряжке.

Ох, и лексика же у него! — с уважением подумал Вадим. Настоящий двадцатый век. Какой великолепный специалист! Он посмотрел на Антона. Антон был бледен и растерян. Никогда Вадим еще не видел его таким.

— Одно из двух, — продолжал Саул. — Или мы хотим узнать, что здесь делается, или мы летим на Землю, и пусть сюда пришлют людей порешительнее. А нам надо решать поскорее, пока против нас только копыя...

Мешкаем, подумал Вадим. Все время мешкаем. А в хижинах умирают.

— Тошка, — сказал он. — Давай догоним упряжку. Там только один с копьем, там будет проще. Отберем у него копьё и пригласим на «Корабль».

— Ухмыляются, жабы, — проговорил Саул, глядя через спектролит.

Он выразительно погрозил кулаком толстяку на крыльце. Тот тряхнул щеками и не менее выразительно помахал мечом.

— Видали? — сказал Саул с веселым бешенством. — Как мы друг друга понимаем, а?

— Попробую еще раз, — сказал Антон и распахнул фонарь. Толстяк вскрикнул. Один из копеечников широко развернулся, сдвигая рукав шубы к плечу, и с натугой метнул тяжелое копьё. Железный наконечник с визгом полоснул по спектролиту. Саул даже присел.

— Ну, семь-восемь... — сказал он непонятно, но чрезвычайно энергично. Антон успел поймать его за руку. Глаза у Антона были как черные щелки.

— Понятно, — сказал он зловеще и задохнулся. — Вадим, разворачивайся!

Вадим повернул глайдер.

— За упряжкой! — приказал Антон и откинулся на спинку кресла. — Здесь мы ничего не узнаем, — проворчал он. — Какая-то непроходимая тупость.

— Дать разок в воздух, — пренебрежительно сказал Саул, — и бери их голыми руками.

Антон молчал. Глайдер пронесся по пустынной улице и через несколько минут вылетел в поле.

— Я скажу вам только одно, — проговорил вдруг Антон. — Всем нам потом будет очень стыдно.

— А что делать? — спросил Вадим. — Люди-то умирают!

— Если бы я знал, что делать, — сказал Антон. — Комиссии и не снились такие обстоятельства.

«Какой комиссии?» — хотел спросить Вадим, но тут Саул произнес:

— Да перестаньте вы стесняться. Раз вы хотите делать добро, пусть оно будет активно. Добро должно быть более активно, чем зло, иначе все остановится.

— Добро, добро, — проворчал Антон. — Кому хочется быть услужливым дураком?

— Это уж точно, — сказал Саул. — Зато у вас совесть будет спокойна.

Они нагнали упряжку километрах в пяти от поселка. Люди бежали по целине, спотыкаясь и увязая в снегу, а человек в шубе, нахохлившийся в санях, то и дело лениво тыкал копьем отстающих.

— Я снижаюсь, — сказал Вадим.

— Сядь перед упряжкой, — приказал Антон, — и поговори с ним. Саул, дайте сюда скорчер. И сидите в машине, это не гад, а человек.

— Ладно, — сказал Саул. — Вот вам скорчер. А если он возьмет — и Вадима копьем? Вместо разговоров...

Вадим сказал:

— Копьё я у него отберу. Постромки надо будет перерезать, а еду и одежду раздать этим беднягам.

— Правильно, — сказал Антон.

Глайдер рухнул в снег прямо перед упряжкой, и люди-лошади остановились как вкопанные. Вадим выскочил наружу. Люди в мешковине стояли, закрыв лица руками. Они тяжело, со всхлипом дышали. Пробегая мимо них, Вадим весело крикнул:

— Всё, друзья! Сейчас пойдете домой!

Он направился к саням, на ходу примериваясь, как лучше отбить копьё. Человек в шубе стоял на коленях и с изумлением и страхом смотрел на него. Копьё он держал наперевес.

— Пойдемте, — предложил Вадим и схватился за древко.

Человек в шубе сейчас же выпустил копьё и выхватил откуда-то меч. Он был уже на ногах.

— Ну-ну, не надо, — сказал Вадим, отбрасывая копьё.

Человек в шубе вдруг заорал, протяжно и жалобно. Вадим взял его за руку, держащую меч, и потянул за собой. Ему было очень неловко. Человек в шубе рванулся. Вадим ухватил его крепче.

— Ну, что вы, в самом деле, все будет хорошо. Все будет в порядке, — убеждающе говорил он, разжимая потный кулак с мечом. Меч упал в снег. Вадим обнял человека в шубе за плечи и повел к глайдеру. Он бормотал какие-то ласковые слова, стараясь придать голосу местные интонации. Тут раздался предупреждающий крик Саула, и он почувствовал, что его валят с ног. Чьи-то ладони схватили его за лицо, кто-то повис на шее, несколько рук вцепились в его ноги — слабые, дрожащие руки.

— Что вы, с ума посходили? — заорал Саул обиженно. — Антон, держи их!

Человек в шубе снова сильно рванулся. Вадиму накинута на голову какое-то вонючее тряпье, и он ничего не видел. Он едва стоял в куче копошащихся тел, изо всех сил прижимая к себе человека в шубе. Потом он почувствовал острый удар в бок и боль. Он выпустил «языка», двинул плечами и, освободившись, сорвал с лица вонючий мешок. Он увидел барахтающихся в снегу людей и Антона, который пробирался к нему, шагая через тела. Он повернулся. Голый человек с мечом стоял перед ним по колено в снегу.

— За что? — сказал Вадим.

Человек ударил наотмашь, но меч в руке у него повернулся и упал на плечо Вадима плашмя. Вадим толкнул человека в грудь. Тот упал в снег и замер. Вадим поднял меч и, размахнувшись, забросил его далеко в сторону. Он чувствовал, как по бедру ползет что-то горячее и мокрое. Он огляделся.

Люди в снегу лежали неподвижно, как мертвые. Человека в шубе среди них не было.

— Ты жив? — крикнул Антон задыхаясь.

— Вполне, — сказал Вадим. — А где «язык»?

Он увидел Саула. Саул, широко шагая, шел к ним, волоча за шиворот человека в шубе.

— Вздумал удрать, — объявил он. — Но каковы людишки!

— Пойдемте отсюда, — сказал Антон.

Они пошли к глайдеру, осторожно ступая среди неподвижных тел. Саул рывком поднял человека в шубе на ноги и повел, толкая его рукой между лопаток.

— Иди, подлец! — приговаривал он. — Иди, жирная морда! Воняет от него ужасно, — сообщил он. — Год, наверное, не мылся.

Когда они подошли к глайдеру, Антон взял «языка» за меховое плечо и показал на кабину. Тот отчаянно закрутил головой, так что у него свалилась шапка. Потом он сел в снег.

— Цацкаться тут с тобой! — заорал Саул.

Он поднял «языка» за шубу и перевалил через борт. «Язык» с шумом упал на дно кабины и затих.

— Фу, — сказал Антон, — ну и работа!

Он взял два мешка, стоявшие возле глайдера, и потащил их к упряжке. Он распаковал мешки, достал всю одежду и разложил на снегу. То же самое он сделал с

продуктами. Люди казались мертвыми и только тихонько поджимали ноги, когда Антон проходил мимо.

Вадим стоял, устало прислонившись к теплому борту машины, и смотрел на взрытый снег, на опрокинутые сани, на тела, скорчившиеся под лунным светом. Он слышал, как Антон грустно сказал:

— Комиссия по контактам, где ты?

Вадим потрогал бок. Кровь еще шла. Он почувствовал дурноту и слабость и забрался в кабину. Все было не так, все получилось нехорошо. Пленник лежал ничком, закрыв голову руками. Судя по всему, он ждал смерти, а может быть, и пыток. Над ним, не сводя с него глаз, сидел свирепый Саул. Подошел Антон и тоже влез в кабину.

— Что же ты? — спросил он.

Вадим с трудом проговорил:

— Ты знаешь, Тошка, меня ранили. Я сейчас ничего не могу.

Антон секунду смотрел на него.

— А ну-ка, раздевайся, — потребовал он.

— Эх! — с досадой крикнул Саул.

Вадим стащил куртку. Его мутило, и в глазах было темно. Он увидел сосредоточенное лицо Антона и лицо Саула, сморщенное от жалости. Потом он почувствовал прохладные пальцы у себя на боку.

— Ножом, — сказал Саул. Голос его доносился словно из-за стены. — Как вы все это неумело! Я бы его одной рукой взял.

— Это не он, — пробормотал Вадим. — Это мечом... один голый...

— Голый? — сказал Саул. — Ну, товарищи, этого даже я не понимаю.

Антон что-то ответил, но тут перед глазами Вадима поплыли круги и звездочки, и он потерял сознание.

VI

— Смотрите, Антон, — заговорил Саул. — Антон! Он в обмороке, вы видите?

— Он спит, — сказал Антон. Он внимательно осматривал рану. Рана была рубленая и довольно глубокая. Удар пришелся под ребро, и меч расслоил мышцы. Антон облегченно вздохнул. Саул глядел через его плечо, встревоженно сопя.

— Плохо? — спросил он шепотом.

— Нет, вздор, — сказал Антон. — Через час все будет в порядке. — Он отстранил Саула. — Только вы сядьте, пожалуйста.

Саул откинулся в кресле и злобно уставился на неподвижного «языка». Антон неторопливо расстегнул мешок, вытащил банку с коллоидом и густо залил рану. Оранжевое желе сразу стало розовым, подернулось розовыми стрелочками — как пенка на молоке. Вот кровь, подумал Антон. Здоровенный парень Димка! Он посмотрел на лицо Вадима. Оно было немного бледнее обычного, но такое же спокойное и умиротворенное, как всегда, когда он спал. И дышал он, как всегда, носом — глубоко, бесшумно и просторно. Антон положил пальцы по сторонам раны и закрыл глаза.

Простейшие приемы психохирургии входили в подготовку звездолетчика. Практически каждый пилот умел вскрыть и срастить живую ткань, используя психодинамический резонанс. Это требовало большого напряжения и сосредоточенности. В стационарных условиях применялись нейрогенераторы, а в поле приходилось делать это по-знахарски, и каждый раз Антон жалел знахарей.

Словно сквозь сон, Антон слышал, как позади тяжело вздыхает и ворочается Саул и бормочет, всхлипывая, пленник. От пленника в кабине стоял неприятный кислый дух.

Антон открыл глаза. Рана затянулась, выдавив коллоид, — теперь это был просто розовый шрам. Пожалуй, хватит, подумал Антон. Иначе не смогу вести глайдер. Он был весь мокрый.

— Ну, вот и все, — сказал он, переводя дыхание.

Саул приподнялся и посмотрел на рану.

— Черт знает что, — проворчал он. — Как вы это делаете?

Антон огляделся и вздрогнул. Снаружи к фонарю прильнули страшные лица, тощие, с ввалившимися щеками, оскаленные. В этом была какая-то древняя исконная жуть: словно мертвецы заглядывали в твой дом. У Антона мороз пошел по коже. Саул сдвинул мохнатые брови и погрозил пальцем. По спектролиту бесшумно застучали костлявые кулаки.

— Домой идите! Домой! — громко сказал Саул.

Антон стал одевать Вадима.

— Сейчас полетим, — сказал он.

— Вы их всех поубиваете.

Антон покачал головой и перебрался на место водителя. Глайдер дрогнул и начал медленно подниматься. Лица за фонарем пропали. Длинная костлявая рука с обломанными ногтями скользнула по спектролиту и тоже пропала.

Развернув глайдер на пеленг «Корабля», Антон дал полный ход. Он спешил — была уже полночь.

— Что они в нем нашли? — пробормотал Саул. — Эсэсовец, животное, я сам видел, как он колот их пикой — подгонял.

Антон промолчал.

— О господи! — сказал Саул. — Сколько на нем всякой гадости. Так и ползают...

— Что ползает?

— Что-то вроде вшей. Надо сначала его вымыть и все продезинфицировать...

Вот и еще одно дело, подумал Антон. Саул, словно угадав его мысли, добавил:

— Ничего, я сам этим займусь. Только бы он не издох с непривычки.

Антон вел глайдер на максимальной скорости, держась в ста метрах над землей. Маленькая яркая луна стояла почти в зените, красный серп давно зашел, а навстречу из-за белого горизонта поднималась третья луна, розовая и сплюснутая. Вадим пошевелился, громко зевнул и, пробормотав: «Ты меня залечил?» — снова заснул.

— Что он делает? — спросил Антон. Он так устал, что ему не хотелось оборачиваться.

— Кто?

— «Язык».

— Лежит. Воняет. Давненько не слышал этого запаха.

Давненько, подумал Антон. Я вообще никогда не слышал. И не хотел бы... Саул прав: зря мы ввязались в эту историю. Саул умница. Это действительно система. Культура рабовладения. Рабы и господа. Правда, я думал, что верные рабы встречаются только в плохих книжках... Верный раб — какая это гадость! Ну ладно, дело сделано, отступить поздно и глупо. По крайней мере мы все узнаем наверняка. Да и не в этом суть... Если бы даже я сразу понял, что здесь происходит, все равно я не смог бы повернуться спиной... К котловану, где машины давят людей... к загаженному поселку... Интересно, потерпит ли Мировой Совет существование планеты с рабовладельческим строем? Он вдруг ощутил всю громадность проблемы. Никогда еще не было такой альтернативы: вмешиваться или не вмешиваться в судьбу чужой планеты? Жители Леониды и Тагоры слишком далеки от людей. Психология леонидян до сих пор загадка, и никто не скажет, какой там общественный строй... А гуманоиды Тагоры хотят от природы так мало, что вообще непонятно, как они доросли до создания своей техники... Но здесь, на Сауле, совсем другое дело. Нигде больше общественные отношения не принимают такой уродливой и в то же время, по-видимому, такой необходимой формы... Родной брат человечества — очень юный, очень незрелый и очень жестокий... И вдобавок ко всему эти дурацкие машины пришельцев...

Далеко впереди на голубой равнине показалась маленькая черная точка. Вот и «Корабль», подумал Антон. А возле, под снегом, мертвые. Как странно, всего день прошел, а я уже привык. Точно всю жизнь ходил среди голых мертвецов в снегу. Легко привыкает человек. Психическая аккомодация. Странно. Может быть, дело в том, что они все-таки чужие. Может быть, на Земле я сошел бы от всего этого с ума. Нет, просто я отупел...

Снижая скорость, он сделал круг над «Кораблем». «Корабль» выглядел ободряюще — знакомый черный конус над голубыми холмами. И две резкие тени от него: короткая черная и длинная розоватая. Глайдер опустился перед входом. Снег смерзся вокруг «Корабля» в сплошное ледяное поле. Антон похлопал Вадима по колену.

— Ну что, что? — сонно спросил Вадим.

— Подъем.

— А ну тебя...

— Вставай, Димка. Пойдем на «Корабль».

— Сейчас, — сказал Вадим и зачмокал. — Еще минуточку...

— Пощекотать его? — деловито предложил Саул.

Вадим сразу открыл глаза и поднялся.

— Ага, это «Корабль»... Понимаю.

Они вылезли на твердый скользкий снег. От морозного воздуха захватило дух. Было слышно, как Вадим застучал зубами. Саул придерживал «языка» за шиворот. Что думает сейчас этот бедняга? — подумал Антон.

— Вы поднимайтесь, — сказал Саул, — а я его прямо в душевую.

Они вошли в «Корабль», зарастили люк, и Антон, подталкивая Вадима, стал подниматься в кают-компанию. Вадим, постукивая зубами, дремал. Внизу страшно заорал пленник. Вадим встрепенулся.

— Чего они там? — тревожно спросил он.

— Мыть повели, — объяснил Антон. — Он весь в паразитах.

Послышался голос Саула:

— Добром иди, небось не сдохнешь...

Дверь душевой хлопнула. Они вошли в кают-компанию и разом повалились в кресла.

— Милый, добрый «Корабль», — сказал Вадим. — Как хорошо, как чисто...

Антон лежал с закрытыми глазами.

— Болит? — спросил он.

— Чешется...

— Значит, все хорошо... Слушай, что тебе нужно для работы?

— Вычислитель, — сказал Вадим. — Половина памяти. Оба анализатора. Побольше кофе и какой-нибудь вкусной еды для «языка». Через два часа он будет сидеть здесь за столом и беседовать с тобой о смысле жизни.

Снизу опять донеслись вопль, возня и шлепанье босых ног.

— Куда? — взревел Саул. — На место... Дай сюда!

— Здорово он его моет, — сказал Вадим с уважением. — Наверное, мыло в глаза попало... А вот интонации у Саула не те. Весь этот рев бедняга «язык» воспринимает как умоляющий лепет. Тон приказа вот. — Вадим, вытянув шею, жалобно и нестерпимо завизжал.

— Котенку наступили на голову, — сказал Антон.

— Вот-вот!

— Ну ладно, рубку ты займешь... Я все принесу.

Вадим внимательно поглядел на него.

— А ведь ты, милый, выжат как лимон, — сказал он.

— Есть немножко... Рана у тебя не очень серьезная, но я измотался. Знаешь, как это изматывает?

— Ложись спать, я справлюсь один. А Саул все принесет.

— Ладно, — сказал Антон. — Это моя забота. Иди. — Он махнул рукой. — Готовься.

Вадим поднялся.

— Советую все-таки поспать. — Он пошел в рубку и вдруг остановился. — А взяли они одежду?

Сначала Антон не понял, а потом сказал:

— Честно говоря, не знаю... Не помню. Но они нами очень недовольны.

— Ох, и каша, ну и каша! — сказал Вадим. — Ничего не понимаю. За что он меня ткнул мечом?

Он покачал головой и пошел в рубку. Антон сейчас же задремал. Ему приснилось, что он пошел на кухню, сварил очень много кофе, принес кофейник и консервы в рубку, а Вадим был занят и огрызнулся, и тогда он пошел в свою каюту, сел за стол, чтобы подобрать программу обратного перелета, но ему очень хотелось спать и все время попадались старые программы его прежних рейсов. Потом его разбудил Саул.

— Вот, — сказал Саул.

Перед Антоном стоял стройный светлолицый парень в трусах и тетраканэтиленовой куртке, черноглазый и испуганный.

— Хорош? — спросил Саул насмешливо.

Антон засмеялся.

— Красивая раса, — сказал он. — Здравствуй, младший брат.

Младший брат смотрел на него круглыми от страха глазами. Ну до чего славный парнишка, подумал Антон.

— А вот это было у него под шубой, — сказал Саул и положил на стол твердый пакет.

Пленник сделал движение к пакету.

— Н-но, — грозно сказал Саул. — Опять? Я тебя!

Пленник съезжился. По-видимому, интонации Саула он уже усвоил хорошо. Антон взял пакет, осмотрел его и вскрыл. В конверте из отлично обработанной кожи лежали замысловато сложенный лист бумаги, какой-то чертеж и несколько кусков окровавленного тампопластыря.

— Понимаете? — сказал Саул. — Это они ободрали с раненых.

Антон вспомнил изуродованных людей в шеренге и стиснул зубы.

— Это, наверное, донесение, — сказал он, помолчав. — О нашем появлении. Вадим! — позвал он.

Пленник вдруг заговорил. Он говорил быстро, ударяя себя ладонями по груди, на лице его были ужас и отчаяние, и это странно не вязалось с резкими и даже как будто насмешливыми интонациями его голоса. В зал спустился Вадим и остановился позади пленника, прислушиваясь. Пленник замолчал и закрыл лицо руками.

— Посмотри-ка, Вадим, — сказал Антон, протягивая листок.

— О! — сказал Вадим. — Письмо! Это же просто прелесть! Вдвое меньше работы!

Он взял пленника за рукав и повел в рубку, на ходу рассматривая листок. Пленник покорно плелся за ним. Саул внимательно изучал чертеж.

— Я не специалист, — сказал он, — но, по-моему, это точное изображение внутренности того танка. Помните, в котловане?

Он перебрал чертеж Антону. Чертеж был сделан синей краской, очень аккуратно, но на бумаге было много следов грязных пальцев. Это был план кабины-шумовки — по-видимому, очень точный план. Некоторые отверстия были отмечены грубо намалеванными крестиками, некоторые просто зачеркнуты. Антон зевнул и потер глаза. Ну вот, вяло подумал он. Отличные чертежи делают рабовладельцы.

— Слушайте, капитан, — сказал Саул, — идите спать. Все равно, пока наш лингвист не кончит, вы никому здесь не нужны.

— Вы думаете?

— Уверен.

Голос Вадима из рубки потребовал:

— Кофе и банку варенья.

— Сейчас! — крикнул Саул. — Идите, идите, Антон, — сказал он.

— Никуда я не пойду, — сказал Антон. — Я — здесь.

Он закрыл глаза и перестал сопротивляться. Он спал беспокойно, часто просыпался и открывал глаза. Он видел, как на цыпочках проходил Саул — в одной руке у него была пустая банка, в другой кофейник. В следующий раз Саул прошел в рубку с заставленным подносом, и в кают-компании пахло томатом. Потом Саул очутился за столом. Он задумчиво сосал пустую трубку и внимательно разглядывал Антона. Сверху из рубки доносились монотонные голоса. «Су-у... Му-у... Бу-у...» — говорил Вадим, и механический голос повторял: «Су-у... Му-у... Бу-у... Работать — ка-ро-су-у... Рабочий — каро-бу-у... Стать рабочим — карому-у...» Сон наплывал и уплывал снова. Голос Вадима непонятно вещал: «Блистающий... великий и могучий утес... идай-хикари... тика-удо...», и визгливый голос пленника поправлял: «Тико-о... удо-о...» Вадим кричал: «Саул! Кофе!» — «Третий кофейник!» — недовольно бормотал Саул.

Потом Антон проснулся и почувствовал, что больше не хочет спать. Саула в зале не было. Изрядно осипший голос Вадима старательно выговаривал наверху: «Соринака-бу... торунака-бу... сапонури-су...» Пленник что-то басовито ворковал в ответ. Антон взглянул на часы. Было три часа утра местного времени. Ай да структуральнейший, подумал Антон с уважением. Его вдруг охватило нетерпение. Надо было кончать.

— Димка! — крикнул он. — Как дела?

— Проснулся? — сипло отозвался Вадим. — Мы тебя ждем. Сейчас спускаемся.

Из каюты высунулась голова Саула.

— Уже? — осведомился он. Из приоткрытой двери валил дым.

— Входите, Саул, — сказал Антон. — Сейчас начнем.

Саул сел в кресло и бросил на стол чертеж. Из рубки спустился пленник, его покачивало. Щеки у него были вымазаны вареньем. Не обращая ни на кого внимания, он остановился и стал смотреть вверх с выражением собачьей почтительности в глазах. Сверху уже спускался Вадим, держа в обнимку большой блестящий ящик — приставку-анализатор. Он подошел к столу, поставил анализатор и рухнул в кресло. На лице у него было ликование.

— Я гений! — сообщил он сипло. — Я ум-ни-ца! Великий и могучий утес! Хикари-тико-удо!

При этих словах пленник перестал облизывать пальцы и сложил почтительно руки перед грудью.

— А? — вскричал Вадим, простирая к нему руку. Потом он заявил:

Есть на всякий, есть на случай

В «Корабле» специалист —

Ваш великий и могучий

Структуральнейший лингвист.

Антон с удовольствием посмотрел на него. На висках у Вадима торчали желтые рожки мнемокристаллов. У пленника тоже торчали желтые рожки мнемокристаллов. Было в них обоих что-то от добродушных молодых бесов. Впрочем, пленник был больше похож на телянку. Саул тоже улыбался, посасывая трубку.

— Предупреждаю, — заявил Вадим, — абстрактных вопросов ему задавать не надо. Дубина редкостная. Образование — два класса. — Он встал и роздал Антону и Саулу по паре мнемокристаллов. — Мыслит он исключительно конкретно. — Он повернулся к пленнику. — Ринга хоси-му?

«Хочешь варенья?» — понял Антон.

«Язык» заискивающе улыбнулся и опять сложил руки перед грудью.

— Вот видите? — сказал Вадим. — Он опять хочет варенья. Но он подождет. Давайте приступать.

Антон замялся. Он вдруг обнаружил, что не имеет ни малейшего понятия о том, как это делается. Вадим и Саул выжидательно смотрели на него. Пленник тоскливо переступал с ноги на ногу.

— Как вас зовут? — спросил Антон очень мягко. Ему не нравилось, что пленник до сих пор чувствует себя неуверенно и, несомненно, испытывает страх.

Пленник посмотрел на него с недоумением.

— Хайра, — ответил он и перестал переминыться.

«Из рода холмов», — понял Антон.

— Очень приятно, — сказал он. — Меня зовут Антон.

Недоумение на физиономии Хайры возросло.

— Скажите, пожалуйста, Хайра, кем вы работаете?

— Я не работаю. Я воин.

— Видите ли, — сказал Антон, — вы, наверное, оскорблены насилем, которое мы были вынуждены применить по отношению к вам. Но вы не должны обижаться. Право, у нас не было иного выхода.

Пленник упер руку в бок, отвесил нижнюю губу и стал смотреть мимо Антона. Саул гулко кашлянул и принялся барабанить пальцами по столу.

— Вы не должны бояться, — продолжал Антон. — Мы не сделаем вам ничего дурного.

На лице пленника явственно проступила надменность. Он осмотрелся, отошел на два шага в сторону и сел на пол боком к Антону, скрестив ноги. Осваивается, подумал Антон. Это хорошо. Вадим, развалившись в кресле, взирал на все это с удовлетворением. Саул перестал барабанить пальцами и начал постукивать по столу трубкой.

— Мы только хотим задать вам несколько вопросов, — с подъемом продолжал Антон, — потому что нам необходимо знать, что здесь происходит.

— Варенья, — неприятным голосом произнес Хайра. — И быстро.

Вадим захохотал от удовольствия.

— Such a little pig!¹ — сказал он.

Антон покраснел и оглянулся на Саула. Саул медленно поднимался. Лицо у него было неподвижное и скучающее.

— Почему не несут варенья? — осведомился Хайра в пространство. — И пусть все молчат, пока я буду спрашивать. И пусть принесут варенья и одеяла, потому что мне жестко сидеть.

Воцарилось молчание. Вадим перестал улыбаться и с сомнением посмотрел на анализатор.

— Do you think, — растерянно спросил Антон, — we should better bring him some jam?²

Саул, не отвечая, медленно приблизился к пленнику. Пленник сидел с каменным лицом. Саул повернулся к Антону.

— You have taken a wrong way, boys³, — проговорил он. — It won't pay with SS-men⁴. — Его рука мягко опустилась на шею Хайры. На лице Хайры мелькнуло беспокойство. — He is a pitekantropos, that's what he is, — нежно сказал Саул. — He mistakes your soft handling for a kind of weakness⁵.

¹ Каков поросенок!

² Как вы думаете, может быть, действительно принести ему варенья?

³ Вы избрали неправильный путь, мальчики.

⁴ С эсэсовцами это не годится.

⁵ Это же питекантроп. Мягкое обращение он принимает за слабость.

- Саул, Саул! — сказал Антон встревоженно.
 — Speak but English¹, — быстро предупредил Саул.
 — Где варенье? — неуверенно спросил пленник.

Саул мощным рывком поднял его на ноги. На каменном лице Хайры проступило смятение. Саул медленно пошел вокруг него, оглядывая его с головы до ног. Ну и зрелище, подумал Антон с невольным страхом и отвращением. У Саула был очень непривлекательный вид. Зато Хайра снова сложил на груди руки и заискивающе улыбался. Саул неторопливо вернулся к своему креслу и сел. Хайра смотрел теперь только на него. В кают-компании стояла мертвая тишина.

Саул стал набивать трубку, время от времени поглядывая на Хайру исподлобья.

— Now I interrogate², — сказал он. — And you don't interfere. If you choose to talk to me, speak English³.

— Agreed⁴, — сказал Вадим и что-то переключил в анализаторе. Антон кивнул.

— What did you do to that box?⁵ — подозрительно спросил Саул.

— Took measures, — ответил Вадим. — We don't need him to learn English as well, do we?⁶

— О'кей, — сказал Саул. Он раскурил трубку. Хайра с ужасом смотрел на него, отклоняясь от клубов дыма.

— Имя? — хмуро спросил Саул.

Пленник вздрогнул и согнулся.

— Хайра.

— Должность?

— Носитель копья. Стражник.

— Кто начальник?

— Кадайра. («Из рода вихрей», — понял Антон.)

— Должность начальника?

— Носитель отличного меча. Начальник охраны.

— Сколько стражников в лагере?

— Два десятка.

— Сколько людей в хижинах?

— В хижинах нет людей.

Антон и Вадим переглянулись. Саул бесстрастно продолжал:

— Кто живет в хижинах?

— Преступники.

— А преступники не люди?

На лице Хайры изобразилось искреннее недоумение. Вместо ответа он нерешительно улыбнулся.

— Ладно. Сколько преступников в лагере?

— Очень много. Никто не считает.

— Кто прислал сюда преступников?

Пленник говорил долго и вдохновенно, но Антон услышал только:

— Их прислал Великий и могучий Утес, сверкающий бой, с ногой на небе, живущий, пока не исчезнут машины.

— Ого, — сказал Саул, — они знают слово «машины»...

— Нет, — отозвался Вадим, — это я знаю слово «машины». Имеются в виду машины в котловане и на шоссе. А Великий и так далее — это, вероятно, местный царь.

¹ Говорите только по-английски.

² Я сейчас буду вести допрос.

³ А вы не мешайте. Если захотите что-нибудь сказать мне, говорите по-английски.

⁴ Ясно.

⁵ Что вы сделали с этим ящиком?

⁶ Принял меры. Ведь нам не нужно, чтобы он научился заодно и английскому?

Пленник слушал этот диалог с выражением тупого отчаяния.

— Ну ладно, — сказал Саул. — Продолжим. В чем вина преступников?

Пленный оживился и снова принялся говорить долго и много, и снова Антон понял далеко не все.

— Есть преступники, желавшие сменить Утес... Есть преступники, бравшие чужие вещи... Есть преступники, убивавшие людей... Есть преступники, желавшие странного...

— Понятно. Кто прислал сюда стражников?

— Великий и могучий Утес с ногой на земле.

— Зачем?

Пленник молчал.

— Я спрашиваю, что здесь делает стража?

Пленник молчал. Он даже закрыл глаза. Саул свирепо засопел.

— Так! Что здесь делают преступники?

Пленник, не открывая глаз, замотал головой.

— Говори! — рявкнул Саул так, что Антон вздрогнул. Комиссия по контактам, горестно подумал он, где ты?

Пленник жалобно застонал.

— Меня убьют, если расскажу.

— Тебя убьют, если ты не расскажешь, — пообещал Саул. Он достал из кармана перочинный нож и раскрыл его. Пленник затрепетал.

— Саул! — сказал Антон. — Stop it¹.

Саул стал чистить ножом трубку.

— Stop what?² — осведомился он.

— Преступники заставляют машины двигаться, — едва слышно произнес Хайра. — Стражники смотрят.

— На что смотрят?

— Как машины двигаются.

Саул взял чертеж и сунул пленнику под нос.

— Рассказывай все, — сказал он.

Хайра рассказывал долго и сбивчиво, Саул подгонял и подправлял его. Дело, по-видимому, сводилось к тому, что местные власти пытались овладеть способом управления машинами. Методы при этом использовались чисто варварские. Преступников заставляли тыкать пальцами в отверстия, кнопки, клавиши, запускать руки в двигатели и смотрели, что при этом происходит. Чаще всего не происходило ничего. Часто машины взрывались. Реже они начинали двигаться, давя и калеча всех вокруг. И совсем редко удавалось заставить машины двигаться упорядоченно. В процессе работы стражники садились подальше от испытываемой машины, а преступники бегали от них к машине и обратно, сообщая, в какую дыру или в какую кнопку будет сунут палец. Все это тщательно заносилось на чертежи.

— Кто делает чертежи?

— Не знаю.

— Верю. Кто привозит чертежи?

— Большие начальники на птицах.

— Имеются в виду наши знакомые птички, — пояснил Вадим. — Наверное, здесь их приручают.

— Кому нужны машины?

— Великому и могучему Утесу, сверкающему бою, с ногой на небе, живущему, пока не исчезнут машины.

— Что он делает с машинами?

¹ Прекратите.

² Что прекратить?

— Кто?

— Утес.

На лице пленника изобразилось смятение.

— Это же должность, Саул, — сказал Вадим. — Говорите полностью.

— Хорошо. Что делает с машинами Великий и могучий Утес, с ногой на небе... или на земле?.. Тьфу, черт, не помню... живущий, пока... это...

— Пока не исчезнут машины, — подсказал Вадим.

— Бессмыслица какая-то, — сказал сердито Саул. — При чем здесь машины?

— Это титулование, — пояснил Вадим. — Символ вечности.

— Слушайте, Вадим. Спросите его, что он делает с машинами.

— Кто?

— Да Утес же, черт бы его побрал!

— Говорите просто, — сказал Вадим. — Великий и могучий Утес.

Саул отдулся и положил трубку на стол.

— Итак, что делает с машинами Великий и могучий Утес?

— Никто не знает, что делает Великий и могучий Утес, — с достоинством сказал пленник.

Антон не выдержал и засмеялся. Вадим хохотал, держась за подлокотники. Пленник глядел на них со страхом.

— Откуда привозят чертежи?

— Из-за гор.

— Что за горами?

— Мир.

— Сколько в мире людей?

— Очень много. Сосчитать невозможно.

— Кто привозит машины?

— Преступники.

— Откуда?

— С твердой дороги. Там очень много машин. — Пленник подумал и добавил: — Сосчитать нельзя.

— Кто делает машины?

Хайра удивленно улыбнулся.

— Машины никто не делает. Машины есть.

— Откуда они взялись?

Хайра произнес речь. Он тер лицо, гладил себя по бокам и поглядывал на потолок. Он закатывал глаза и временами даже принимался петь. Получалось приблизительно следующее.

Давным-давно, когда еще никто не родился, с красной луны упали большие ящики. В ящиках была вода. Жирная и липкая, как варенье. И она была темно-красная, как варенье. Сначала вода сделала город. Потом она сделала в земле две дыры и наполнила эти дыры дымом смерти. Потом вода стала твердой дорогой между дырами, а из дыма родились машины. С тех пор один дым рождает машины, другой дым глотает машины, и так всегда будет.

— Ну, это мы и без тебя знаем, — сказал Саул. — А если преступники не захотят двигать машины?

— Их убивают.

— Кто?

— Стражники.

— И ты убивал?

— Я убил троих, — гордо сказал Хайра.

Антон закрыл глаза. Мальчишка, подумал он. Славный, симпатичный мальчишка. И он говорит об этом с гордостью...

— Как же ты их убивал? — спросил Саул.

— Одного я убил мечом. Я доказывал начальнику, что могу разрубить тело одним ударом. Теперь он знает, что я это могу. Другого я убил кулаком. А третьего я приказал сбросить мне на копье.

— Кому приказал?

— Другим преступникам.

Некоторое время Саул молчал.

— Скучно, — сказал пленник. — Служба гордая, но скучная. Нет женщины. Нет умных бесед. Скучно, — повторил он и вздохнул.

— Почему преступники не бегут?

— Они бегут. Пусть. На равнине снег и птицы. В горах стража. Умные не бегут. Все хотят жить.

— Почему у некоторых золотые ногти?

Пленник сказал шепотом:

— Это были люди большого богатства. Но они хотели странного, а некоторые даже пытались сменить Утес. Они отвратительны, как падаль, — сказал он громко. — Великий и могучий Утес, сверкающий бой присылает их сюда со всеми родными. Кроме женщин, — добавил он с сожалением.

— Вы знаете, — сказал Саул, — я испытываю огромное желание повесить сначала его, а потом всех остальных носителей мечей и копий на этой равнине. Но это, к сожалению, бесполезно. — Он снова набил трубку. — У меня больше нет вопросов. Спрашивайте вы, если хотите.

— Нас нельзя вешать, — быстро сказал побледневший Хайра. — Великий и могучий Утес с ногой на небе жестоко накажет вас.

— Плевать я хотел на твоего Великого и могучего, — сказал Саул, раскуривая трубку. Пальцы его дрожали. — Будете еще спрашивать или нет?

Антон помотал головой. Никогда в жизни он не испытывал такого отвращения. Вадим подошел к Хайре и сорвал с его висков мнемокристаллы.

— Что будем делать? — спросил он.

— Таков человек, — задумчиво проговорил Саул. — На пути к вам он должен пройти через все это и многое другое. Как долго он еще остается скотом, после того как поднимается на задние лапы и берет в руки орудия труда. Этим еще можно извинить, они понятия не имеют о свободе, равенстве и братстве. Впрочем, это им еще предстоит. Они еще будут спасать цивилизацию газовыми камерами. Им еще предстоит стать мещанами и поставить свой мир на край гибели. И все-таки я доволен. В мире этом царит средневековье, это совершенно очевидно. Все это титулование, пышные разглагольствования, золоченые ногти, невежество... Но уже теперь здесь есть люди, которые желают странного. Как это прекрасно — человек, который желает странного! И этого человека, конечно, боятся. Этому человеку тоже предстоит долгий путь. Его будут жечь на кострах, распинать, сажать за решетку, потом за колючую проволоку... Да. — Он помолчал. — А какова затея! — воскликнул он. — Овладеть машинами, не имея никакого понятия о машинах! Представляете? Какой это был дерзкий ум! Сейчас-то его, конечно, посадили бы в лагерь. Сейчас это все рутина, что-то вроде обряда в честь могучих предков... Сейчас, наверное, никто и не знает и знать не хочет, для чего все это нужно. Разве что как повод для создания лагеря смерти. А когда-то это была идея...

Он замолчал и стал усиленно сипеть трубкой. Антон сказал:

— Ну, зачем же так мрачно, Саул? Им вовсе не обязательно проходить через газовые камеры и прочее. Ведь мы уже здесь.

— Мы! — Саул усмехнулся. — Что мы можем сделать? Вот нас здесь трое, и все мы хотим творить добро активно. И что же мы можем? Да, конечно, мы можем пойти к Великому Утесу этакими парламентарями разума и попросить его, чтобы он отказался от рабовладения и дал народу свободу. Нас возьмут за штаны и бросят в котлован. Можно

напялить белые хламиды — и прямо в народ. Вы Антон, будете Христос, Вадим будет апостолом Павлом, а я, конечно, Фомой. И мы станем проповедовать социализм и даже, может быть, сотворим несколько чудес. Что-нибудь вроде нуль-транспортровки. Местные фарисеи посадят нас на кол, а люди, которых мы хотели спасти, будут с гиком кидать в нас калом... — Он поднялся и прошелся вокруг стола. — Правда, у нас есть скорчер. Мы можем, например, перебить стражу, построить голых в колонну и прорваться через горы, сжечь сюзеренов и вассалов вместе с их замками и пышными титулами, и тогда города фарисеев превратятся в головешки, а нас поднимут на копья или, скорее всего, зарежут из-за угла, а в стране воцарится хаос, из которого вынырнут какие-нибудь саддукеи. Вот что мы можем.

Он сел. Антон и Вадим улыбались.

— Нас не трое, — сказал Антон. — Нас, дорогой Саул, двадцать миллиардов. Наверное, раз в двадцать больше, чем на этой планете.

— Ну и что? — сказал Саул. — Вы понимаете, что вы хотите сделать? Вы хотите нарушить законы общественного развития! Хотите изменить естественный ход истории! А знаете вы, что такое история? Это само человечество! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству.

— Никто не собирается ломать хребты, — возразил Вадим. — Были времена, когда целые племена и государства по ходу истории перескакивали прямо из феодализма в социализм. И никакие хребты не ломались. Вы что, боитесь войны? Войны не будет. Два миллиона добровольцев, красивый, благоустроенный город, ворота настежь, просим! Вот вам врачи, вот вам учителя, вот вам инженеры, ученые, артисты... Хотите, как у нас? Конечно! И мы этого хотим! Кучка вонючих феодалов против коммунистической колонии — тьфу! Конечно, это случится не сразу. Придется поработать, лет пять потребуете...

— Пять! — сказал Саул, поднимая руки к потолку. — А пятьсот пятьдесят пять не хотите? Тоже мне просветители! Народники-передвижники! Это же планета, понимаете? Не племя, не народ, даже не страна — планета! Целая планета невежества, трясины! Артисты! Ученые! А что вы будете делать, когда придется стрелять? А вам придется стрелять, Вадим, когда вашу подругу-учительницу распнут грязные монахи... И вам придется стрелять, Антон, когда вашего друга-врача забьют насмерть палками молодчики в ржавых касках! И тогда вы озвереее и из колонистов превратитесь в колонизаторов...

— Пессимизм, — сказал Вадим, — есть мрачное мироощущение, при котором человек во всем склонен видеть дурное, неприятное.

Саул несколько секунд дико глядел на него.

— Вы не шутите, — сказал он наконец. — Это не шутки. Коммунизм — это прежде всего идея! И идея не простая. Ее выстрадали кровью! Ее не преподашь за пять лет на наглядных примерах. Вы обрушите изобилие на потомственного раба, на природного эгоиста. И знаете, что у вас получится? Либо ваша колония превратится в няньку при разжиревших бездельниках, у которых не будет ни малейшего стимула к деятельности, либо здесь найдется энергичный мерзавец, который с помощью ваших же глайдеров, скорчеров и всяких других средств вышибет вас вон с этой планеты, а все изобилие подгребет себе под сиденье, и история все-таки двинется своим естественным путем.

Саул рывком откинул крышку мусоропровода и принялся яростно выбивать туда свою трубку.

— Нет, голубчики. Коммунизм надо выстрадать. За коммунизм надо драться вот с ним, — он ткнул трубкой в сторону Хайры, — с обыкновенным простаком-парнем. Драться, когда он с копьем, драться, когда он с мушкетом, драться, когда он со «шмайссером» и в каске с рожками. И это еще не все. Вот когда он бросит «шмайссер», упадет брюхом в грязь и будет ползать перед вами — вот когда начнется настоящая борьба! Не за кусок хлеба, а за коммунизм! Вы его из этой грязи поднимете, отмоете его...

Саул замолчал и откинулся в кресле.

Вадим задумчиво чесал затылок.

Антон сказал:

— Вам виднее, Саул, вы историк. Конечно, все это будет очень трудно. Вадим тут нес, как всегда, легкомысленную чушь. Мы вдвоем с Вадимом или втроем с вами никогда не решим эту задачу — даже теоретически. Но мы все знаем одно: не было еще такого случая, чтобы человечество поставило перед собой задачу и не смогло ее решить.

Саул что-то неразборчиво проворчал.

— Как это будет делаться конкретно... — Антон пожал плечами. — Что ж, если придется стрелять, вспомним, как это делалось, и будем стрелять. Только, по-моему, обойдется без стрельбы. Пригласим, например, этих желающих странного на Землю. Начнем с них. Они, наверное, захотят уехать отсюда...

Саул быстро вскинул и снова опустил глаза.

— Нет, — сказал он. — Только не так. Настоящий человек уехать не захочет. А ненастоящий... — Он снова поднял глаза и посмотрел прямо в лицо Антону. — А ненастоящему на Земле делать нечего. Кому он нужен, дезертир в коммунизм?

Почему-то все замолчали. И почему-то Антону стало нестерпимо жалко Саула и страшно за него. У Саула, несомненно, была беда. И очень непростая беда, такая же, наверное, необычная, как он сам, как его слова и поступки.

Вадим с деланным оживлением вскричал:

— А вот, кстати... Мы же забыли! За что меня пырнули мечом эти угнетенные? Надо выяснить!

Он подбежал к Хайре, у которого ноги подламывались от усталости и плохих предчувствий, и снова прикрепил к его вискам рожки мнемокристаллов.

— Слушай-ка, питекантроп, — сказал он. — Почему преступники, которые везли тебя, напали на нас? Они что, тебя очень любят?

Хайра ответил:

— По велению Великого и могучего Утеса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, преступники заточаются здесь до тех пор, пока не исчезнут машины...

— То есть навсегда, — пояснил Вадим.

— ...но если преступник сделает, чтобы машина двигалась, он получает милость и возвращается за горы. Те, которые везли меня, шли домой. Они были почти уже люди. На заставе я должен был отпустить их и пересечь на птиц. Но они не сумели сохранить меня, хотя и хотели, потому что хотели жить. А теперь их заколют. — Он нервно зевнул и добавил: — Если солнце уже взошло, то их уже закололи.

Антон вскочил, опрокинув кресло.

— О господи! — сказал Саул и выронил трубку.

VII

Носителя копья из рода холмов посадили между Саулом и Антоном. Он снова был закутан в свою шубу, от которой теперь пахло дезинсектаем, и сидел смирно, беспокойно шевеля коротким носом: принюхивался. Было пять часов утра, занималась бледная ледяная заря. И было очень холодно.

Вадим молча вел глайдер на максимальной скорости и думал только одно: «Успеем или не успеем?» Хоть бы эти бедняги не решились сразу возвращаться в поселок. Но он понимал, что больше им деваться некуда. Это был их единственный шанс на спасение — попытаться смягчить начальника стражи рассказом о том, как они героически защищали его посланника. Эта грубая скотина прикончит их сразу же, с горечью подумал Вадим. Если мы не успеем. Он представил себе, как они поставят Хайру перед толстым носителем отличного меча, и он, Вадим, скажет: «Кайра-мэ сорината-му каро-сика!» — «Вот ваш человек!» — и визгливо-жалобно завопит: «Гатимата-нэ кори-су!» — «Не смей убивать этих свободных!» Он все время твердил в уме эти фразы, и в конце концов они потеряли

для него всякий смысл. Все это не так просто. Может быть, придется вести длинный разговор. А вряд ли носитель меча согласится добровольно прикрепить к своей немойтой начальственной голове мнемокристаллы. Вадим покосился на блестящий ящик анализатора. Придется его скрутить. Не зря же я тащил эти двадцать четыре килограмма от кают-компании до глайдера.

Антон спросил:

— А что было в послании?

Вадим достал из кармана смятый листок и, не оборачиваясь, протянул через плечо.

— Я немного отредактировал, — сказал он. — Перевод карандашом между строчек.

Антон взял листок и стал читать вполголоса:

— «Лучезарному колесу в золотых мехах, носителю грозной стрелы, слуге под самым сидением Великого и могучего Утеса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, к ступне повергает это донесение ничтожный стражник из рода вихрей, носитель отличного меча. Доношу первое: большая машина «воин-купол» пришла в движение от пальца в отверстии пятом и от пальца в отверстии сорок седьмом, и движение было неодолимое, быстрое и прямое. Доношу второе: явились на небывалой машине трое, не знающие речи, не носящие оружия, не понимающие установления и желающие странного. Не зная их сущности, пребываю в ожидании высоких приказаний. Доношу третье: уголь кончается, а топить мертвецами по вашему милостивому слову мы за невежеством и недоумием не умеем. При сем прилагаю: первое — чертеж большой машины «воин-купол» и второе — образцы материи, приклеенные неизвестными людьми к ранам преступников». Да, здесь ничего нового, — сказал Антон.

— Феодализм чистой воды, — произнес Саул. — Не особенно церемоньтесь с ними, не то как раз сядете на копьа.

Да, церемониться неохота, подумал Вадим. И, конечно, не из-за копий. Пленник вдруг заерзал на месте и грубым басом заискивающе попросил:

— Ринга...

— Сэнту! — визгливо крикнул Вадим.

Пленник замер.

— Опять варенья просит, — сказал Вадим.

— Потерпит, — сказал Саул. — «Жрать и пить, морду бить...»

— Ничего, — сказал Вадим. — Он у нас еще захочет странного.

— Вадим, — попросил Антон, — дай-ка пару кристаллов. Я хочу поговорить с ним.

— В кармашке справа, — сказал Вадим не оборачиваясь.

— Слушай, Хайра, — сказал Антон. — Если мы тебя вернем в поселок, отпустит твой начальник освобожденных, которые защищали тебя?

— Да, — быстро сказал Хайра. — А вы меня вернете в поселок?

— Конечно, вернем, — сказал Антон. — Не убивать же тебя.

Вадим посмотрел через плечо. Хайра приосанился.

— Начальник строг, — произнес он. — Начальник, может быть, не отпустит их и пошлет обратно в котлован. Но вы можете надеяться на милость. Возможно, он даже отпустит вас, если вы дадите ему ценные подарки. У вас есть ценные подарки?

— Есть, — рассеянно сказал Антон. — У нас все есть.

— Что он говорит? — проворчал Саул. — Вадим, где мои кристаллы? А, вот они...

— Может быть, действительно придется выкупить их, — проговорил Антон задумчиво. — Не устраивать же драку... Мне этого совсем не хочется.

Хайра заговорил снова, и голос его был тверд и визглив.

— А мне вы дадите вот эту куртку. — Он ткнул пальцем в куртку Саула. — И этот ящик. — Он показал на анализатор. — И все варенье. Все равно у вас все отберут перед тем, как отправить в хижины. Вы правильно решили — не устраивать драку. Наши копьа остры и зазубрены, и при обратном движении они извлекают из врага внутренности. И

еще я возьму вот эту обувь. И вот эту тоже. Ибо все между землей и небом принадлежит Великому и могучему... И это я тоже возьму.

Хайра замолчал озабоченно. Вадим, развлекаясь от души, оглянулся. Антон сосредоточенно смотрел в окно — видимо, он не слушал. Хайра сидел на полу, скрестив ноги, и осматривал его ботинки. Саул смотрел на Хайру, придерживая у виска один из кристаллов. На лице его было бешенство. Поймав взгляд Вадима, он нехорошо улыбнулся. Хайра наставительно сказал:

— Когда вас будут раздевать, не забудьте сказать, что это, — он показал пальцем, — это и это мое. Я первый.

— Молчать, — тихо сказал Саул.

— Молчи сам, — с достоинством сказал Хайра. — Или мы забьем тебя насмерть палками.

— Саул, — сказал Антон. — Перестаньте. Что вы как ребенок...

— Да, он не умен, — сказал Хайра. — Но куртка его хороша.

А ведь он действительно уверен, что мы в его власти, подумал Вадим. Он уже видит это — как нас раздевают и сталкивают в котлован, и мы спим на земляном полу, покрытом нечистотами, и всегда молчим, а он гонит нас босых по снегу, колет копьем, бьет по лицу, чтобы не отставали. А вокруг люди, которые думают только о себе, которые мечтают только о том, чтобы попасть пальцем именно в ту дырку, которая приведет машину в движение, и тогда их, радостных и ликующих, запрягут в сани и погонят по снегу навстречу свободе, босиком, через заснеженные холмы, под сиденье Великого и могучего... У Вадима круги пошли перед глазами от боли — так крепко он закусил губу. Я бы им устроил праздничек, подумал он с ненавистью. Это было странное чувство — ненависть. От него холодело внутри и напрягались все мускулы. Он никогда раньше не испытывал ненависти к людям. Он услышал, как Саул страшно сопит у него за спиной. Хайра мурлыкал песенку.

Внизу показался грязный котлован. На дне его в беспорядке сгрудились машины, нелепые и дикие орудия унижения и смерти. Эх вы, пришельцы, подумал Вадим. Впрочем, что с вас взять! Вы ведь даже не гуманоиды. Вода с неба... Варенье...

Он снизился и, тормозя, пошел вдоль улицы прямо к домику охраны. Хайра, узнав родные места, разразился радостными воплями, которые не брал даже мощный анализатор.

Перед домиком было полно народу. В зеленоватом свете зари мерцал снег. На снегу, сбившись в кучку, жалкие, голые, стояли, опустив головы, два десятка бывших освобожденных. Вокруг них, опираясь на копья, расставив ноги, стояли стражники в шубах. На крыльце возвышался носитель отличного меча. Отличный меч он держал перед собой и, повернув оттопыренное ухо к мечу, водил по острию большим пальцем. Потом он заметил снижающийся глайдер и замер, раскрыв черную пасть.

Вадим посадил глайдер прямо перед крыльцом. Он распахнул фонарь и крикнул:

— Кайра-мэ сорината-му! Татимата-нэ кори-су!

Он выбрался из-за руля, сгреб носителя копья из рода холмов в охапку и поставил его на ступеньки крыльца. Начальник опустил меч и с отчетливым хрустом захлопнул рот. Хайра согнулся и мелкими шажками проворно подбежал к нему.

— Почему ты еще не убит? — изумленно спросил начальник.

Хайра, сложив руки перед грудью, быстро и басовито заворковал:

— Случилось, что должно было случиться! Я рассказал им о величии и мощи Великого и могучего Утеса, сверкающего боя, с одной ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, и они в страхе пустили воду. Они накормили меня вкусной пищей и говорили со мной как покорные. И они явились сюда, чтобы склониться перед тобой.

Копейщики почтительно сплотились у крыльца. Только два десятка голых стояли на месте, покорно ожидая своей участи. Начальник важно и медлительно вложил меч в

ножны. Он больше не смотрел на глайдер. Он принялся равнодушно и неторопливо расспрашивать Хайру:

— Где они живут?

— У них большой дом на равнине. Очень теплый.

— Где они взяли эту машину?

— Не знаю. Наверное, на дороге.

— Ты должен был сказать им, что все небо и вся земля принадлежат Великому и могучему Утесу.

— Я сказал им. Но их обувь, и одна куртка, и блестящий ящик принадлежат мне. Не забудь этого потом, светлый и сильный.

— Ты дурак, — сказал начальник презрительно. — Все принадлежит Великому и могучему Утесу. А ты получишь то, что тебе достанется. Где послание?

— Они отобрали, — разочарованно сказал Хайра.

— Ты дурак еще раз. Это будет стоить тебе кожи.

Хайра увял. Начальник посмотрел куда-то в пространство между Вадимом и Антоном и произнес:

— Пусть они покажут свою обувь.

Саул зарычал и полез к борту.

— Тихо, тихо, — сказал Антон.

Начальник меланхолично высморкался на крыльцо.

— А какую еду ел ты? — спросил он.

— Варенье. Это не совсем варенье, но оно сладкое и радует язык.

Начальник слегка оживился.

— А у них много этого варенья?

— Очень много! — с энтузиазмом вскричал Хайра. — Но не приказывай бить меня.

— Я решил, — сказал начальник. — Пусть они отправляются домой и принесут к моим ногам все варенье. И всю другую еду. У них нет угля?

Хайра вопросительно посмотрел на Антона. Антон резко сказал:

— Потребуй у него свободы этим преступникам!

— Что он говорит? — спросил начальник.

— Он просит, чтобы ты не убивал этих преступников.

— А как ты понимаешь его речь?

Хайра указал обеими руками на рожки мнемокристаллов у себя на висках.

— Если приставить это к голове, то ты слышишь чужую речь, а понимаешь ее как свою.

— Дай сюда, — потребовал начальник. — Это тоже принадлежит Великому и могучему Утесу.

Он отобрал у Хайры мнемокристаллы и после нескольких неудачных попыток пристроил их у себя на лбу. Антон сейчас же сказал:

— Немедленно отпусти этих людей, заслуживших свободу.

Начальник с удивлением посмотрел на него.

— Ты не можешь говорить так, — сказал он. — Я прощаю тебя потому, что ты низкий и не знаешь слов. Ступай. И принеси также письмо и чертеж. — Он повернулся к копейщикам, которые почтительно ему внимали, и заорал: — Ну что вы тут стали, труполобы? Нечего вам обнюхивать их штаны! Штаны всех людей, кто разговаривает со мной, воняют одинаково. За работу! Гоните эту падаль в котлован. Гей! Гей!

Копейщики загоготали и трусцой побежали по улице, гоня перед собой бывших освобожденных. Начальник дружелюбно хлопнул Хайру по уху и приказал ему убираться. Хайра, шатнувшись от удара, юркнул в дверь. Оставшись один, начальник посмотрел на небо, посмотрел на хижину, протяжно, с прискуливанием зевнул, посмотрел на глайдер, лениво отхаркался и, глядя в сторону, сказал скучающим голосом:

— Делайте, как я указал. Возвращайтесь в свой дом, принесите мне сюда варенье и всю другую еду и идите в котлован, если хотите жить.

Вадим смотрел на эту громадную грязную фигуру и испытывал странную слабость во всех членах. У него было такое ощущение, как будто он во сне пытается взобраться на скользкую отвесную стену. Антон пробормотал рядом:

— Смотри, Димка, смотри хорошенько. Это тебе не мальчишка Хайра.

— Не могу, — странным бесцветным голосом сказал Саул. — Я его сейчас удавлю.

— Ни в коем случае, — сказал Антон.

Начальник гаркнул в открытую дверь:

— Зажарь мне мяса, Хайра, труполоб! И согрей ложе! Я сегодня весел. — Потом он встал к глайдеру боком и, глядя на горы, заговорил, подняв грязный указательный палец: — Сейчас вы еще неразумны и окаменели от страха. Но вам надлежит знать, что впредь, разговаривая со мной, вы должны согнуться в поясище и прижать ладони к груди. И не смотреть на меня, потому что вы низкие и взор ваш нечист. Сегодня я вас прощаю, а завтра прикажу избить дровками копий. И еще вы должны помнить, что самая высокая добродетель состоит в повинении и молчании. — Он сунул указательный палец в пасть и стал копать в зубах. Речь его стала невнятной. — Когда вы вернетесь сюда с вареньем, письмом и чертежом, вы разденетесь и оставите все на крыльце. Я не выйду к вам. Потом пойдите в хижины и обдерите там рубахи с мертвецов. Две рубахи брать нельзя. — Он вдруг заржал. — А то вы вспотеете на работе. Можете взять рубахи с живых, но только с тех, у кого золотые ногти...

В полуоткрытую дверь просунулся Хайра.

— Все готово, светлый и сильный, — сказал он.

Начальник продолжал:

— Ваша судьба будет легка. Великому и могучему Утесу нужны люди, умеющие двигать машины. Ибо будет же наконец война за земли, которые ему принадлежат! И тогда Великий и могучий Утес, — он поднял указательный палец, — сверкающий бой, с ногой на небе и с ногой на земле, живущий, пока не исчезнут машины...

— Гад! — оглушительно рявкнул Саул. Над ухом Вадима тускло блеснул вороненый ствол скорчера.

— Не надо! — крикнул Антон.

Саул оттолкнул Вадима и схватился за руль.

— Не надо? — закричал он. — А что же надо? Терпеть и ждать, пока не исчезнут машины? Хорошо!

Страшный рывок повалил Вадима между сидений. Не закрывая фонаря, Саул бросил глайдер в воздух. Раздался треск, над кабиной пролетело расщепленное бревно. Ледяной ветер завыл в ушах, глайдер круто накренился, и Вадим успел увидеть, что начальник стоит на четвереньках на крыльце, задрав необъятный зад, а крыша дома, вертясь и разваливаясь, падает на середину улицы. Вадим попытался закрыть фонарь. Фонарь не закрывался.

— Саул! — крикнул Вадим. — Сбросьте скорость!

Саул не ответил. Он гнал глайдер над улицей, по которой уже двигались цепочки заключенных, прямо к котловану. Он скрючился, скрывая лицо за маленьким козырьком. Скорчер лежал у него на коленях. Глайдер шел неровными толчками, встречный ветер стремился перевернуть его.

Вадим все пытался одной рукой закрыть фонарь. Другой он придерживал упавший ему на колени ящик анализатора. Саул говорил сквозь зубы:

— Мерзавцы... подлецы... мучители... Машины вам? Будут вам машины!.. Земли воевать? Будут вам земли!..

Вадиму наконец удалось вскарабкаться на сиденье, и он огляделся. Глайдер мчался прямо на котлован. Антон, вцепившись в подлокотники, щурясь от ветра, молча смотрел в спину Саула.

— Варенье тебе? — рычал Саул. — Я тебе покажу варенье!.. Сладкую еду... труполобы...

Глайдер взлетел над котлованом. Саул замолчал и, перегнувшись через борт, выпалил из скорчера прямо вниз. Вадим отшатнулся. Ослепительное лиловое пламя выбросилось из котлована, громовой удар рванул уши, и все осталось позади.

Вадим, напрягаясь так, что все у него внутри захрустело, захлопнул наконец фонарь. Стало тихо.

— Я им внушу другие понятия о вечности, — сказал Саул и замолчал.

— А может быть, не надо? — робко предложил Вадим. Он еще не понимал, чего хочет Саул. Ну, что с них взять, думал он. Тупые, невежественные люди. Разве на них можно сердиться по-серьезному?

Глайдер с ревом несся над верхушками холмов, разбрасывая тучи снежной пыли. Саул был очень неважным водителем, он подавал на двигатель слишком много энергии, и двигатель работал наполовину вхолостую. Зато за глайдером тянулась плотная стена изморози. Несколько птиц кинулись наперерез и сейчас же пропали в снежном вихре. А позади, над искрящейся мутью, поднимался в небо дымный столб.

— Одно жалко, одно... — снова заговорил Саул. — Как жаль, что нельзя уничтожить одним махом всю тупость и жестокость, не уничтожив при этом человека... Ну, одну-то глупость в этой безмерно глупой стране!..

— Вы летите к шоссе? — спокойно спросил Антон.

— Да. И не пытайтесь остановить меня.

— И не подумаю, — сказал Антон. — Только будьте осторожны.

Теперь Вадим понял и уставился на скорчер. Кажется, начинается такое, подумал он, чего я никогда в жизни не смогу описать... и не смогу понять.

На шоссе все было по-прежнему. Как и вчера, как и сто лет назад, бесшумно, ровными рядами шли машины. Из дыма выходили и уходили в дым. И так могло бы быть вечно. Но вот Саул посадил глайдер в двадцати метрах от полотна, откинул фонарь и положил ствол скорчера на борт.

— Я не терплю ничего вечного, — неожиданно спокойно сказал он и выстрелил.

Первый удар пришелся по громадной черепахообразной машине. Панцирь вспыхнул и разлетелся, как яичная скорлупа, а платформа на одной гусенице завертелась на месте, сшибая и опрокидывая идущие за нею маленькие зеленые кары.

— Нельзя изменить законы истории... — сказал Саул.

С громом запылала огромная черная башня на колесах, а другая такая же башня опрокинулась и загородила часть шоссе.

— ...но можно исправить некоторые исторические ошибки, — продолжал Саул, целясь.

Лиловая молния миллионвольтного разряда лопнула под днищем оранжевой машины, похожей на полевой синтезатор, и она, распадаясь на части, взлетела высоко в воздух.

— ...эти ошибки даже должно исправлять, — приговаривал Саул, непрерывно стреляя. — Феодализм... и без того достаточно... грязен.

Потом он замолчал. Справа росла гряда раскаленных обломков, а слева шоссе опустело — впервые, вероятно, за тысячи лет, — там пробегали только отдельные машины, случайно прорвавшиеся через огненную завесу. Потом пылающая гора распалась с шипением и треском, поднялся высокий столб искр и пепла, и сквозь облака дыма на шоссе хлынули новые ряды машин. Саул зарычал и снова припал к скорчеру. Снова загрелись разряды, запылала, взрываясь, машины, и снова начала расти гряда раскаленных обломков. Черные тяжелые клубы, прорезаемые фонтанами искр, повисли в небе. Из дыма мохнатыми хлопьями падал пепел, и снег вокруг почернел и дымился. У шоссе обнажилась земля.

Вадим сидел, упиравшись ногами в ящик анализатора, вздрагивая и щурясь при каждой вспышке. Потом он привык и перестал щуриться. Снова и снова вырастала на шоссе пылающая гора, снова и снова она рассыпалась, разбрасывая горящие обломки, шумно вздыхая волнами нестерпимого жара, а машины все шли и шли неодолимым потоком, равнодушные ко всему этому уничтожению, и не было им конца.

— Наверное, хватит, Саул! — попросил Антон.

Это бесполезно, подумал Вадим. Саул перестал стрелять — кончились заряды — и уронил голову на руки. Горячее дуло скорчера задралось в небо. Вадим поглядел на покрытые копотью голову и руки Саула и ощутил огромную усталость. Не понимаю, подумал он. Все зря. Бедный Саул. Бедный Саул.

— История, — хрипло сказал Саул, не поднимая головы. — Ничего нельзя остановить.

Он выпрямился и посмотрел на ребят.

— Сердце не вытерпело, — сказал он. — Простите меня. Сердце не вытерпело. Я просто не смог. Надо было хоть что-нибудь сделать.

Они сидели и долго глядели на шоссе. Машины ряд за рядом катились своим путем, сталкивая обломки на обочины, сметая пепел, и скоро все стало по-прежнему, только поперек шоссе медленно остывало багровое пятно, чернел испачканный снег вокруг и долго не рассеивалась над головой дымная пелена, сквозь которую, вздрагивая, глядел красный искаженный диск — желтый карлик ЕН 7031.

Саул закрыл глаза и сказал непонятно:

— Это как печи... Если разрушить только печи — построят новые, и все.

Где-то неподалеку раздались знакомые до отвращения жалобные крики. Вадим неохотно повернул голову. На проселке возле шоссе стояла толпа измученных людей в мешковине, и стражники в шубах и с копьями суетились вокруг. Что им здесь надо? — равнодушно подумал Вадим. Стражники древками пик выгнали из толпы какого-то несчастного. Дрожа и оглядываясь, он прошел по черному снегу и вышел на шоссе. Громадная блестящая башня мягко катилась на него. Несчастный с отчаянием посмотрел на стражников. Те проорали что-то про руки. Преступник закрыл глаза и раскинул руки крестом. Машины сшибла его и покатила дальше. Саул поднялся. Скорчер, глухо стукнув, упал на дно кабины.

— Хочу набить им морду, — сказал Саул. Пальцы у него сгибались и разгибались.

Антон поймал его за куртку.

— Честное слово, Саул, — сказал он, — это тоже бесполезно.

— Знаю. — Саул сел. — Вы думаете, я не знаю? Ну почему я ничего не могу сделать? Почему я ни там, ни здесь ничего не могу сделать?

Стражники вытолкнули на дорогу другого заключенного. Первый так и остался лежать, плоский, как пустой мешок. Второй раскинул руки и встал на пути красной платформы с кубическим ящиком. Платформа снизила скорость и остановилась перед ним в двух шагах. Стражники закричали. Заключенный поднял руки и, пятясь, стал сходить с шоссе. Красная машина, как привязанная, поползла за ним. Она съехала на проселок и тяжело закачалась на колдобинах. Заключенный все пятился и пятился, уводя ее от шоссе к котловану. А по шоссе все шли, шли и шли машины.

— Чепуху я сделал, — горестно сказал Саул. — Ругайте меня. Но все равно начинать здесь нужно с чего-нибудь подобного. Вы сюда вернетесь, я знаю. Так помните, что начинать нужно всегда с того, что сеет сомнение... Ну, что же вы меня не ругаете?

Вадим только судорожно вздохнул, а Антон сказал ласково:

— За что же, Саул? Вы не сделали ничего плохого. Вы сделали только странное.

VIII

— Димка, — сказал Антон, — пойди посмотри, как там Саул.

Вадим поднялся и вышел из рубки. Он спустился в кают-компанию и заглянул к Саулу. На него пахло застоявшимся табачным дымом. Саул лежал на диване в той же позе, в которой они уложили его после перехода: вытянув ноги с огромными ступнями, закинувшись, выставив щетинистый кадык. Вадим присел рядом и потрогал его лоб. Лоб горел. Саул несвязно забормотал:

— Сухари... сухари нужны... Что вы ко мне с ножницами? В портняжной ножницы... не маникюрные же... Я вас о сухарях спрашиваю... а вы мне ножницы... — Он вдруг сильно вздрогнул и прохрипел: — Цум бэфель, господин блоковый... Никак нет, бьем вшей...

Вадим погладил его по бессильной руке. На Саула было тяжело смотреть. Всегда тяжело видеть сильного, уверенного человека в таком беспомощном состоянии. Саул медленно открыл глаза.

— А... — проговорил он. — Вадим... Димочка... Ты ничего не думай... На допрос всегда противно смотреть... Ты не думай обо мне плохо... Я вернусь... Это была просто слабость... А теперь я отдохнул немножко и вернусь...

Глаза его снова стали закатываться. Вадим с жалостью глядел на него.

— Опять горим... — забормотал Саул. — Как дрова горим. Степанов горит! Да в рощу же, в рощу!..

Вадим вздохнул и поднялся. Он оглядел каюту. Беспорядок здесь был страшный. На полу валялся, вывернув внутренности, нелепый портфель. Содержимое было разбросано — странные серые картонные чехлы, набитые бумагой, украшенные стилизованным изображением какой-то птицы с раскинутыми крыльями. Один из чехлов раскрылся, и бумаги рассыпались по всей каюте. На столике тоже лежали бумаги. Вадим хотел было прибрать, но заметил, что Саул заснул. Тогда он на цыпочках вышел и прикрыл за собой дверь.

Антон сидел за пультом, положив пальцы на контакты, и задумчиво глядел на обзорный экран. По экрану медленно проползали вершины сосен, далекие сияющие этажи домов, красные огоньки энергоприемников.

— Плохо ему, — сказал Вадим. — Бредит. Сейчас, правда, заснул.

Он присел на подлокотник и уставился на стену, разрисованную изображениями человеческих фигурок и предметов.

— Вот стену я напрасно испачкал, — проговорил он. — Надо было у Саула попросить бумаги. У него, оказывается, полный портфель бумаги. Между прочим, Хайра до икоты испугался, когда я стал рисовать...

— Ты знаешь, Димка, — сказал Антон задумчиво. — Саул, конечно, человек странный. Но чтобы у взрослого дяди не было прививки биоблокады... — Он покачал головой.

— Ты хоть представляешь, чем он болен?

— Я тебе уже говорил — не представляю. Заразился чем-нибудь от Хайры...

Вадим представил себе, чем можно заразиться от Хайры, поморщился и сполз в кресло.

— Мне Саул нравится, — объявил он. — Он чудак с точкой зрения. И он восхитительно загадочен. Никогда в жизни я не слышал такого загадочного бреда.

— А сколько раз ты вообще слышал бред?

— Это несущественно. Я читал. Между прочим, он сказал, что его бегство с Земли было просто слабостью. Теперь, говорит, я отдохнул немного и вернусь. Я рад за него, Тошка.

— Это он тебе в бреду говорил?

— Нет. У него было прояснение. — Вадим посмотрел на экран. «Корабль» плыл над Хибинами. — Как ты думаешь, сколько времени прошло?

— Тысяча лет, — сказал Антон.

Вадим усмехнулся.

— На редкость содержательный отпуск. Здорово мы там, верно? — Блаженно улыбаясь, он стал вспоминать героические эпизоды, репетируя завтрашнее выступление перед Нели и Самсоном. Самсон зачехнет безо всяких черепов: я покажу ему шрам.

— Жаль, — сказал он вслух.

— Что?

— Жаль, что он ударил меня в бок. Надо было по лицу. Представляешь? Шрам от левого виска и через глаз до подбородка!

Антон посмотрел на него.

— Знаешь, Димка, — сказал он, — я к тебе, кажется, никогда не привыкну.

— А ты не беспокойся, Антон. Ты тоже был ничего. Мямлил, правда. Я расскажу Галке, что ты здорово командуешь.

Антон скривился.

— Нет уж, ты лучше ничего не рассказывай. — Он помолчал. — Здорово мямлил?

— По-моему, да.

— Понимаешь, ничего не мог с собой поделаться. Никогда мне еще не приходилось так туго. Всякое бывало, но вот такой ситуации, Димка, когда нужно что-то делать и абсолютно ничего нельзя сделать, когда вот так нужно что-то улучшить и знаешь, что сделать можно только хуже... Мямлил, конечно.

Вадим рассматривал Хибины.

— А командовал ты все-таки хорошо. Любопытно было видеть тебя в таком амплуа... Послушай, а Хайра-то лежит сейчас на своих вонючих шкурах и думает: какие были ботинки, ни у кого таких нет! Антон, дружище, а ты не можешь побыстрее?

— Не могу. Здесь нельзя быстрее.

— Мало ли чего нельзя... Давай я поведу.

— Нет уж, — сказал Антон. — И так вся эта эскапада будет стоить мне пилотского права.

— А что ты сделал?

— Да уж сделал... Уверяю тебя, второй раз на Саулу я полечу уже не классным звездолетчиком, а плохим врачом-энтузиастом.

Вадим удивился. А что мы сделали? Делали все, что могли, и все, что должны были делать. Как же иначе? Нас было-то всего трое. Будь нас человек двадцать, мы бы просто разоружили охрану, и конец делу. Во всяком случае, ругать нас не за что. Нехорошо, правда, получилось с теми ребятами, которые везли Хайру. Но откуда нам было знать? Да нет, что там говорить, разведку мы провели отлично. С честью. Теперь надо засучить рукава и собирать ребят. Сначала — комитет. Ну, я, Антон, несомненно. Саула я уломаю. Без Саула нельзя: нужен скептик. И человек он боевой и решительный, весь в двадцатом веке. Потом Самсон. Отличный инженер, при всей его ядовитости. Нели, артистка, пусть пленяет. Гриша Барабанов необходим: во-первых, он сам учитель; во-вторых, он знает бездну других учителей, судя по всему, людей настоящих... Врач! Врач нужен... Не может быть, чтобы в бездне учителей не нашлось ни одного врача. И охотников нужно. Вот что нужно так нужно. Выбить клювастых птичек-самсончиков. Вадим хихикнул. А потом мы всем комитетом выступим перед Землей, бросим клич...

У Вадима сладостно замерло сердце, когда он представил себе весь размах этой новой ослепительной затеи. Эскадры рейсовых Д-звездолетов, битком набитых удалыми добровольцами, синтезаторами, медикаментами... целые тонны эмбриомеханических яиц, из которых в полчаса вырастут дома, глайдеры, синоптические установки... и двадцать тысяч, тридцать тысяч, сто тысяч новых знакомств!

— Весь космофлот в разгоне, — сказал Антон.

— Что?

— Я говорю, весь космофлот в разгоне. Я прикинул: для начала нужно по крайней мере десятков рейсовых «призраков», а их всего пятьдесят четыре, и все сейчас у ЕН 117 для броска за Слепое Пятно.

— Построим новые, — решил Вадим.

Антон покосился на него.

— Опять у тебя в голове сверкающая каша... Ты, Димка, имей в виду, что на Саулу тебя, скорее всего, больше не пустят.

— Как это так — не пустят?

— Очень просто. Там нужны не двадцатилетние рубаки, а профессионалы в самом серьезном смысле слова. Я вот представить себе не могу, чтобы столько настоящих профессионалов можно было оторвать от Планеты. И это еще полбеды.

— Ну-ну, — поощрил Вадим. — А вторая половина?

— А вторая половина, голубчик ты мой... — Антон вздохнул. — Существует уже два века такая незаметная организация — Комиссия по контактам. И что для нее характерно: во-первых, без ее разрешения ни один звездолетчик не сядет в кресло пилота, а во-вторых, в ее составе нет ни одного рубаки, а люди все, как на подбор, серьезные, умные и видящие последствия.

Антон говорил серьезно, но Вадим все-таки спросил его:

— Ты что, серьезно?

— Совершенно серьезно. — Антон пробежал пальцами по контактам и сказал: — Дать тебе, что ли, снизиться в утешение... Нет, не дам. Хватит с меня мертвецов.

«Корабль» мягко и бесшумно опустился на поляне почти на том же месте, откуда взлетел тридцать девять часов назад. Антон выключил двигатель и немного посидел, ласково глядя рукой пульт.

— Значит, так, — сказал он. — Сначала — Саул.

Вадим, надувшись, смотрел перед собой. Антон включил бортовой радиодифон и настроился на волну скорой помощи.

— Пункт одиннадцать-одиннадцать, — сказал спокойный женский голос.

— Требуется врач-эпидемиолог, — попросил Антон. — Заболел человек, вернувшийся с новой планеты земного типа.

Некоторое время приемник молчал. Затем голос удивленно переспросил:

— Простите, как вы сказали?

— Видите ли, — объяснил Антон, — у него не была привита биоблокада.

— Странно. Хорошо... Ваш пеленг?

— Даю.

— Благодарю, приняла. Ждите через десять минут.

Антон поглядел на Вадима.

— Не дуйся, структуральнейший, обойдется. Пойдем к Саулу.

Вадим медленно выбрался из кресла. Они сошли в зал и сразу увидели, что дверь в каюту Саула открыта. Саула в каюте не было. Не было и его портфеля и бумаг, а на столике лежал скорчер.

— Где же он? — спросил Антон.

Вадим бросился к выходу. Люк был вскрыт, снаружи стояла теплая звездная ночь. Громко кричали цикады.

— Саул! — позвал Вадим.

Никто не отозвался. Вадим в растерянности сделал несколько шагов по мягкой траве. «Куда же он ушел, больной?» — подумал он и снова крикнул:

— Саул!

И снова никто не отозвался. Налетел теплый ветерок и нежно погладил Вадима по лицу.

— Димка, — негромко позвал Антон, — поди сюда...

Вадим вернулся к освещенному люку. Антон протянул ему листок бумаги.

— Саул оставил записку, — сказал он. — Положил под скорчер.

Это был обрывок грубой серой бумаги, захватанный грязными пальцами. Вадим прочел:

«Дорогие мальчишки! Простите меня за обман. Я не историк. Я просто дезертир. Я сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймете. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь. А вы возвращайтесь на Саулу и делайте свое дело, а я уж доделаю свое. У меня еще целая обойма. Иду... Прощайте. Ваш С. Репнин».

— Слушай, он совсем больной, — сказал Вадим растерянно. — Бежим его искать!

— Посмотри на обороте, — сказал Антон.

Вадим перевернул листок. На обороте большими корявыми буквами было написано:

«Господину рапортфюреру обершарфюреру СС господину Вирту от блокфризера шестого блока заключенного № 658617»

ДОНЕСЕНИЕ

Настоящим доношу, что по собранным мною наблюдениям заключенный № 819360 не является уголовным по кличке «Саул», а есть бывший бронетанковый командир Красной Армии Савел Петрович Репнин, взятый в плен немецкой армией еще под Ржевом в бессознательном состоянии. Указанный № 819360 есть скрытый коммунист и, безусловно, вредный для порядка человек. Он мною уличен, что готовит побег и участвует в той группе, про которую я Вам доносил в донесении от июля сего 1943. И еще настоящим доношу, что они готовятся...»

На этом текст обрывался. Вадим уставился на Антона.

— Не понимаю, — сказал он.

— Я тоже, — тихо сказал Антон.

Яркий свет упал на поляну. Над «Кораблем» медленно снижался санитарный «Огонек».

— Объясняйся с врачом, — сказал Антон с неопределенной усмешкой, — а я пойду и свяжусь с Советом.

— Что же я ему объясню? — пробормотал Вадим, глядя на клочок бумаги.

Заключенный № 819360 лежал ничком, уткнувшись лицом в липкую грязь, у обочины шоссе. Правая рука его еще цеплялась за рукоятку «шмайссера».

— Кажется, готов, — с сожалением сказал Эрнст Брандт. Он был еще бледен. — Мой бог, стекла так и брызнули мне в лицо...

— Этот мерзавец подстерегал нас, — сказал оберштурмфюрер Дейбель.

Они оглянулись на шоссе. Поперек шоссе стоял размалеванный камуфляжной краской вездеход. Ветровое стекло его было разбито, с переднего сиденья, зацепившись шинелью, свисал убитый водитель. Двое солдат волокли под мышки раненого. Раненый громко вскрикивал.

— Это, наверное, один из тех, что убили Рудольфа, — сказал Эрнст. Он уперся сапогом в плечо трупа и перевернул его на спину.

— Крайцхагельдоннерветтернохайнмаль, — сказал он. — Это же портфель Рудольфа!

Дейбель, перекосив жирное лицо, нагнулся, оттопырив необъятный зад. Дряблые щеки его затряслись.

— Да, это его портфель, — пробормотал он. — Бедный Рудольф! Вырваться из-под Москвы и погибнуть от пули вшивого заключенного...

Он выпрямился и посмотрел на Эрнста. У Эрнста Брандта было румяное глупое лицо и блестящие черные глаза. Дейбель отвернулся.

— Возьми портфель, — буркнул он и горестно уставился вдаль, где над лесом торчали толстые трубы лагерных печей, из которых валил отвратительный жирный дым.

А заключенный № 819360 широко открытыми мертвыми глазами глядел в низкое серое небо.

Из архива

Борис Стругацкий. Мыслит ли человек? (Некоторые новые данные о происхождении вида Homo Sapiens Erectus)

Перевод с неизвестного языка и примечания И. И. Варшавского

Предисловие переводчика

Вы знаете, я глубоко убежден, что предисловий писать не надо. Всем неизвестный автор по этому поводу прямо сказал: «В начале было слово» (а не предисловие). И вы знаете, я с ним согласен, потому что слово не требует предисловия, если это слово чего-нибудь стоит. А если оно ничего не стоит, то предисловие способно только испортить законченное впечатление о художественном несовершенстве.

Но поскольку приводимый текст не имеет начала, мне захотелось скомпенсировать этот недостаток. Я постарался быть краток, потому что чем короче предисловие, тем приятнее его читать.

Вы, конечно, уже прочли текст (мне всегда было непонятно, зачем вводить в язык два разных понятия — предисловие и послесловие, — если они обозначают абсолютно одно и то же: рассуждения никому не известного человека, которые никого не интересуют до прочтения книги и интересуют только критиков¹ — после прочтения). Итак, текст вы уже прочли и теперь ждете, что в предисловии вам скажут, откуда он взялся и в чем, собственно, дело.

Надо сказать, что это самые трудные вопросы из тех, что можно задать по этому поводу. Об ответах я могу только догадываться.

Дело в том, что в прошлом году я был за границей в командировке и встретился со старинным другом, который там полпредом. Естественно, мы пошли в Лувр и провели там весь день, наслаждаясь прекрасной экспозицией Гогена, а когда я очнулся, то увидел, что лежу у себя в номере, одетый в пальто, но без брюк. Пальто было не мое, а в кармане, кроме рюмки с вензелем N, лежала еще и маленькая плоская обойма для портативного диктофона. На ленте был записан текст, который я передал в распоряжение одного института, где его перевели с помощью одной электронной машины с кодовым названием «Дешифратор шпионской и дипломатической переписки № 6». Перевод осуществляли по методу доктора наук Андреева, и поэтому он представлял собою 7832642 возможных варианта разночтения. Задача, как всегда в науке, состояла в том, чтобы выбрать вариант по вкусу. Так, Андреев и сейчас еще изучает вариант № 0001007, представляющий собой случайное сочетание грамматических форм: овно, овнюк, овённый, овнецо, овновоз и т. д. Главный заказчик института заинтересовался вариантом № 1234567, который начинается так: «Петя, у Джона насморк. Тетя поехала в Гавану страдать неумеренной потливостью. Береги зубы, щеку и солитера...» Этот вариант по требованию заказчика сейчас пытаются дешифровать во втором приближении. А я выбрал вариант № 7000000 и литературно его обработал, т. е. расставил точки и запятые, потому что машина этого не умеет. Конечно, мой выбор не случаен. Происхождение человека, мозг, мышление — все это отличные темы для застольных бесед и поэтому интересуют меня издавна. О происхождении человека хорошо сказал мой годовалый внук: «То, что вы все произошли от обезьяны, — сказал он, — меня не удивляет. Странно, почему вас до сих пор не посадили. В клетку».

¹ В рукописи первоначально «эстетов». Затем заменено на «кретинов». — *Прим. сост.*

О мозге неплохо отозвался Гален: «Мозг, — писал он, — есть наисовершеннейшая пища, изготовленная природой»¹. Это сказано сильно, но не верно, потому что наисовершеннейшая пища, изготовленная природой, это коньяк с лимоном. И я не удивился бы, если бы конечной целью Материи было создание вовсе не царя природы — человека, а наисовершеннейшего коньяка с подсахаренным лимоном, а человек в этом процессе играл чисто вспомогательную роль орудия созидания.

* * *

Мося: ...онгруэнтно-неконпоротисепарабельная форма не всегда кантуемой псевдожизни. Я кончила.

Люпус Эст: Благодарю вас. Вы хотите что-нибудь дополнить, Оруд?

Оруд Гаи: Да, с вашего разрешения.

Люпус Эст: Прошу².

Оруд Гаи: Я хотел бы высказать несколько слов относительно сопутствующих обстоятельств. Они любопытны и, надеюсь, развлекут. Дипломантка лишь коснулась предыстории, что и естественно, так как ее тема в конечном итоге...

Голос: Громче!

Оруд Гаи (*орет так, что ничего не разобрать; постепенно голос его стихает*): ...Эта планетная система паразитирует на старой карликовой звезде и содержит одиннадцать больших планет. Мы выбрали третью, потому что она имеет большой безатмосферный спутник с отличным альбедо, а мне очень нравятся лунные ночи. Атмосферу планеты — планету мы назвали Земля — пришлось существенно переменить — там была масса ненужных газов, вызывавших у нас несвоевременные перпендикулы. Было забавно наблюдать катастрофическое вымирание огромных масс бессмысленной протоплазмы, формы которой были бесчисленны. Особенно активно распались довольно крупные животные, похожие на наших горных ящериц среднего размера. За время перелета я очень утомился — я работал тогда над математизацией проблемы «смысл смысла» — и, чтобы отдохнуть, первые десять-пятнадцать миллионов местных лет (примерно шесть наших суток) посвятил уборке этой весьма запущенной планеты. На седьмой день я почувствовал себя в силах заняться чем-нибудь более важным и засел за работу, поручив Мосе... прошу прощения... поручив дипломатке заняться изменением оси вращения, чтобы создать подходящий климат в той области, где мы решили поселиться. Однако сосредоточиться я не мог. Во-первых, Мося... прошу прощения, дипломатка, покончив с земной осью, сильно скучала. А во-вторых, мне ужасно мешали некрупные волосатые существа, бродившие окрест в поисках пищи. Их волосатая шкура, полная паразитов, их хвосты и бесстыдно замаранные голые...³ пробуждали во мне какие-то странные, забытые еще предками, ощущения и чувства. Сравнительно несложный анализ показал, что следует поручить Мосе произвести какие-то действия с этими существами. Действительно, аналитическая цепочка Мося — существа позволяла решить одновременно обе проблемы: существа перестанут отвлекать меня, а Мося перестанет скучать. (*Гул голосов в зале: «Очень интересно!..» — «Нет, это все-таки Гаи! Гаи — есть Гаи! Какой смысловой потуг вы применили, Оруд?..»*) Я думаю, меня простят, если я не буду распространяться о методах. Все-таки сегодня не я защищаю диплом, а? (*Одобрительный смех в зале.*) Итак, вначале я попытался поручить Мосе отгонять этих хвостатых пусковыми клепсидами, но очень быстро понял, что иду если не по ложному,

¹ В рукописи вычеркнуто: К этому можно добавить только, что если мозг — это закуска, то мысль — это, несомненно, выпивка. — *Прим. сост.*

² В рукописи вычеркнуто: Предоставляю слово научному руководителю. — *Прим. сост.*

³ Машине не удалось подобрать нужного слова. Вариант «зады», предложенный Андреевым, был ею решительно отвергнут.

то, во всяком случае, не по самому простому пути. Нетрудно представить, что это такое — женщина, занятая хозяйством: достаточно посмотреть на наше правительство¹. Поэтому, исправив наскоро последствия первого, признаюсь, опрометчивого решения, я предложил Мося построить несложную кибернетическую систему, способную, так сказать, воздвигнуть стену между мной, носителем Разума, и этими гнусными волосатыми тварями. Киберсистему я назвал (*хохочет*)... простите меня, пожалуйста, я назвал ее (*хохочет совершенно неприлично*)... о-ох... назвал Человеком (*хохочет; хохот в зале*)². О-ох! Простите меня, старика... Я сейчас кончаю. Техническое задание я сформулировал в общем виде, так что машина получилась довольно способной. Хвостатых отгоняла неплохо, хотя и переняла у них некоторые дурные привычки: чесаться под мышками, искаться, много и бессмысленно болтать, стараться урвать побольше, а сделать поменьше и т. д. Вот и вся предыстория. Мне кажется, Мося поработала неплохо и можно ей присвоить звание и диплом.

Люпус Эст: Благодарю вас. Кто желает задать вопросы? (*Пауза.*) Вы, Мося?!

Мося: Прошу прощения, у меня начался телеген. Я хотела бы выйти на две-три минуты.

Люпус Эст: О! Поздравляю вас! Прошу, прошу... Надеюсь, за это время собрание сформулирует вопросы...

Оруд Гаи: Я мог бы ответить желающим...

Голос: Как сформулировать смысл существования (*со смехом в голосе*) Человека?

Оруд Гаи: Смысл существования — преклонение. Квазистационарная дифференциация смысла: преклонение перед Потомством, преклонение перед Силой, преклонение перед Личностью, преклонение перед Удовольствием и, отчасти, преклонение перед Разумом, но это последнее выражено слабо.

Голос (*скептически*): Переработка информации на уровне протоплазмы...

Оруд Гаи: А что вы хотите от Человека? (*Хохочет; смех в зале.*) Простите... О-ох! Это же дипломная работа!

Голос: Но могли бы, в самом деле, закодировать, например...

Оруд Гаи: Э-э, батенька! Да кому интересно этим заниматься? У меня на такую чепуху и тогда времени не было, да и сейчас в обрез.

Голос: Могли бы хоть преклонение перед Разумом довести до значимости...

Оруд Гаи: А зачем ему? В носу ковырять? Ему этот Разум только мешал бы совершать естественные отправления механизма... А вот и Мося. Все, Мосенька?

Мося: Да.

Оруд Гаи: Ну вот и хорошо.

Люпус Эст: Еще вопросы?

Голос: А как он выглядит?

Мося: Кто?

Голос: Человек.

Мося: А-а... Да как бы вам сказать... Видели вы новую машинку для почесывания вымени у тахоргов? Нижние коленчатые стержни, верхние коленчатые, движение только в одну сторону — в сторону зрительных рецепторов... Оболочка пелеринчатая, служит одновременно для выделений...

Голос: Н-да-а...

Мося: Все это не представлялось важным.

Голос: Напомните, пожалуйста, параметры анализатора.

Мося: Белковый, сферический, мощностью 10 ватт, емкостью 10² полубанок, не восстанавливающийся. Работает по принципу избыточности информации. Но

¹ Намек не ясен. Но ясно, что действие происходит не на Земле. На Земле такого деятеля отправили бы сначала в вытрезвитель, а потом по инстанциям.

² Смех, в общем, понятен, но объяснить, почему ОНИ смеются, трудно.

избыточность малая. Память ничтожная, за ненадобностью, так как основная необходимая информация хранится в наследственном коде.

Голос: Знания хоть по наследству передаются?

Мося: Нет.

Голос: Расскажите вкратце о самовоспроизводстве.

Мося: Двупольный цикл...

Голос: Всего-то?

Мося: Обеспечивает перенаселение через 10–20 тысяч местных лет. Размножение начинается с гонки, причем...¹

Голос (*разочарованно*): Ну и примитив же... Зачем было так упрощать?

Мося: Я уже говорила, что считала своей задачей заполнить белые пятна в серии машин, действующих на уровне квазиразума...

Голос: Это все понятно, но все-таки... Люпус, можно я выскажусь?

Люпус Эст: Прошу.

Голос: У меня такое впечатление, что дипломантка работала старательно. Некоторые узлы — например, обонятельные рецепторы или, скажем, аппендикс, — выполнены очень остроумно и даже изящно. Особенно аппендикс. Сама по себе очень остроумная мысль — закодировать в аппендиксе потенциал омега-смысла. Правда, я не уверен, что схема будет работать в том виде, как она предложена, но, тем не менее, это небезынтересно. Магнитные ловушки анализатора тоже изящны. Но, вы знаете, все это производит впечатление стрельбы из фаулера по галактикам. Сама основа настолько примитивна и убога, настолько малообещающа, что я решительно против присвоения дипломанту звания. Я рекомендовал бы еще и еще раз продумать сам принцип механизма. Создание квазиразумной машины — очень важная, нужная и интересная, хотя и частная задача, и к ней следует подходить серьезно. В самом деле, что это за квазиразум? Простите за неуместную шутку, но если эти ваши человеки, может быть, способны серьезно спорить о том, мыслят они или нет (в квазисмысле, конечно), то уж у меня этот вопрос никаких сомнений не вызывает. Фактически работа дипломанта свелась к созданию еще одной бессмысленной и бесперспективной расы не всегда кантуемых квазиорганизмов, которых и так выдумано более чем достаточно, особенно организмов на белковой основе. Примитивнейший квазиразум, примитивнейшие квазичувства на уровне трехступенчатого инстинкта — все это уже было, было, старо и скучно. Я предлагаю следующее. Что касается дипломантки, то работу считать неудовлетворительной и предложить ей новую тему. А что касается этих рас, на которых защищено столько дипломов, и даже — по недосмотру — диссертаций, то предлагаю созвать очередную сессию Страшного Суда и рассмотреть там вопрос об их дальнейшем существовании. Я чувствую, большинство из них придется переработать в космическую пыль для юго-восточного рукава Мета-супергалактики, где наблюдается недостаток естественных веществ. Ведь я уже неоднократно предупреждал, что следует обратить внимание на систему защиты дипломов, когда дипломанты безответственно подходят к проблеме, создают квазиживые расы, причем зачастую даже без точки останова. Кстати, вы обеспечили хоть останов?

Мося: Да, конечно. Период полураспада расы порядка 40 тысяч локальных лет. Предусмотрено два варианта останова: злокачественные генетические опухоли или — на случай трансформации программы — останов по методу Бах-Траха.

Голос: Атомное ядро?

Мося: Да...

Дальше на пленке идет неперебиваемое шипение.

¹ Здесь машина включила все свои красные лампочки и отказалась работать.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Дорожный знак

Ложа Анкиного арбалета была выточена из черной пластмассы, а тетива была из хромистой стали и натягивалась одним движением бесшумно скользящего рычага. Антон новшества не признавал: у него было доброе боевое устройство в стиле Генриха Наварры — окованное черной медью, с колесиком, на которое наматывался шнур из воловьих жил. Что касается Пашки, то он взял пневматический карабин. Арбалеты он считал детством человечества, так как был ленив и неспособен к столярному ремеслу.

Они причалили к северному берегу, где из желтого песчаного обрыва торчали корявые корни мачтовых сосен. Анка бросила рулевое весло и оглянулась. Солнце уже поднялось над лесом, и все было голубое, зеленое и желтое — голубой туман над озером, темно-зеленые сосны и желтый берег на той стороне. И небо над всем этим было ясное, белесовато-синее.

— Ничего там нет, — сказал Пашка.

Ребята сидели, перегнувшись через борт, и глядели в воду.

— Громадная щука, — уверенно сказал Антон.

— С вот такими плавниками? — спросил Пашка.

Антон промолчал. Анка тоже посмотрела в воду, но увидела только собственное отражение.

— Исккупаться бы, — сказал Пашка, запуская руку по локоть в воду. — Холодная, — сообщил он.

Антон перебрался на нос и прыгнул на берег. Лодка закачалась. Антон взялся за борт и выжидательно посмотрел на Пашку. Тогда Пашка поднялся, заложил весло за шею, как коромысло, и, извиваясь нижней частью туловища, пропел:

Старый шкипер Вицлипуцли!
Ты, приятель, не заснул?
Берегись, к тебе несутся
Стаи жареных акул!

Антон молча рванул лодку.

— Эй-эй! — закричал Пашка, хватаясь за борта.

— Почему — жареных? — спросила Анка.

— Не знаю, — ответил Пашка. Они выбрались из лодки. — А верно — здорово? Стаи жареных акул!

Они потащили лодку на берег. Ноги проваливались во влажный песок, где было полным-полно высохших иголок и сосновых шишек. Лодка была тяжелая и скользкая, но они выволокли ее до самой кормы и остановились, тяжело дыша.

— Ногу отдал, — сказал Пашка и принялся поправлять красную повязку на голове. Он внимательно следил за тем, чтобы узел повязки был точно над правым ухом, как у голландских пиратов. — Жизнь не дорога, о-хэй! — заявил он.

Анка сосредоточенно сосала палец.

— Занозила? — спросил Антон.

— Нет. Содрала. У кого-то из вас такие когти...

— Ну-ка, покажи.

Она показала.

— Да, — сказал Антон. — Травма. Ну, что будем делать?

— На пле-чо! — и вдоль берега, — предложил Пашка.

— Стоило тогда вылезать из лодки, — сказал Антон.

— На лодке и курица может, — объяснил Пашка. — А по берегу тростники — раз, обрывы — два, омуты — три. С налимами. И сомы есть.

— Стаи жареных сомов, — сказал Антон.

— А ты в омут нырял?

— Ну, нырял.

— Я не видел. Не довелось как-то увидеть.

— Мало ли чего ты не видел.

Анка повернулась к ним спиной, подняла арбалет и выстрелила в сосну шагах в двадцати. Посыпалась кора.

— Здорово, — сказал Пашка и сейчас же выстрелил из карабина. Он целился в Анкину стрелу, но промазал. — Дыхание не задержал, — объяснил он.

— А если бы задержал? — спросил Антон. Он смотрел на Анку.

Анка сильным движением оттянула рычаг тетивы. Мускулы у нее были отличные. Антон с удовольствием смотрел, как прокатился под смуглой кожей твердый шарик бицепса.

Анка очень тщательно прицелилась и выстрелила еще раз. Вторая стрела с треском воткнулась в ствол немного ниже первой.

— Зря мы это делаем, — сказала Анка, опуская арбалет.

— Что? — спросил Антон.

— Деревья портим, вот что. Один малек вчера стрелял в дерево из лука, так я его заставила зубами стрелы выдергивать.

— Пашка, — сказал Антон. — Сбегал бы, у тебя зубы хорошие.

— У меня зуб со свистом, — ответил Пашка.

— Ладно, — сказала Анка. — Давайте что-нибудь делать.

— Неохота мне лазить по обрывам, — сказал Антон.

— Мне тоже неохота. Пошли прямо.

— Куда? — спросил Пашка.

— Куда глаза глядят.

— Ну? — сказал Антон.

— Значит, в сельву, — сказал Пашка. — Тошка, пошли на Забытое Шоссе.

Помнишь?

— Еще бы.

— Знаешь, Анечка... — начал Пашка.

— Я тебе не Анечка, — резко сказала Анка. Она терпеть не могла, когда ее называли как-нибудь еще. Антон это хорошо запомнил. Он быстро сказал:

— Забытое Шоссе. По нему не ездят. И на карте его нет. И куда идет — совершенно неизвестно.

— А вы там были?

— Были. Но не успели исследовать.

— Дорога из ниоткуда в никуда, — изрек оправившийся Пашка.

— Это здорово, — сказала Анка. Глаза у нее стали как черные щелки. — Пошли.

К вечеру дойдем?

— Ну что ты! До полудня дойдем.

Они полезли вверх по обрыву. На краю обрыва Пашка обернулся. Внизу было синее озеро с желтоватыми проплешинами отмелей, лодка на песке и большие расходящиеся круги на спокойной маслянистой воде у берега — вероятно, это плеснула та самая щука. И Пашка ощутил обычный неопределенный восторг, как всегда, когда они с Тошкой удирали из интерната и впереди был день полной независимости с неразведанными местами, с земляничкой, с горячими безлюдными лугами, с серыми ящерицами, с ледяной водой в неожиданных родниках. И как всегда ему захотелось заорать и высоко подпрыгнуть, и он немедленно сделал это, и Антон, смеясь, поглядел на него, и он увидел

в глазах Антона совершенное понимание. А Анка вложила два пальца в рот и лихо свистнула, и они вошли в лес.

Лес был сосновый и редкий, под ногами скользила опавшая хвоя. Косые солнечные лучи падали между прямых стволов, и земля была вся в золотых пятнах. Пахло смолой, озером и земляникой, где-то в небе верещали невидимые пичужки.

Анка шла впереди, держа арбалет под мышкой, и время от времени нагибалась за кровавыми лакированными ягодами земляники. Антон шел следом с добрым боевым устройством Генриха Наварры на плече. Колчан с добрыми боевыми стрелами тяжело похлопывал его по задку. Он шел и поглядывал на Анкину шею — загорелую, почти черную, с выступающими позвонками. Иногда он озирался, ища Пашку, но Пашки не было видно, только по временам то справа, то слева вспыхивала на солнце его красная повязка. Антон представил себе, как Пашка бесшумно скользит между соснами с карабином наготове, вытянув вперед хищное худое лицо с облупленным носом. Пашка крался по сельве, а сельва не шутит. «Сельва, приятель, спросит, и надо успеть ответить», — подумал Антон и пригнулся было, но впереди была Анка, и она могла оглянуться. Получилось бы нелепо.

Анка оглянулась и спросила:

— Вы ушли тихо?

Антон пожал плечами.

— Кто же уходит громко?

— Я, кажется, все-таки нашумела, — озабоченно сказала Анка. — Я уронила таз, и вдруг в коридоре шаги. Наверное, Дева Катя — она сегодня в дежурных. Пришлось прыгать в клумбу. Как ты думаешь, Тошка, что за цветы растут на этой клумбе?

Антон сморщил лоб.

— У тебя под окном... Не знаю. А что?

— Очень упорные цветы. «Не гнет их ветер, не валит буря». В них прыгают несколько лет, а им хоть бы что.

— Интересно, — сказал Антон глубокомысленно. Он вспомнил, что под его окном тоже клумба с цветами, которые «не гнет ветер и не валит буря». Но он никогда не обращал на это внимания.

Анка остановилась, подождала его и протянула горсть земляники. Антон аккуратно взял три ягоды.

— Бери еще, — сказала Анка.

— Спасибо, — сказал Антон. — Я люблю собирать по одной. А Дева Катя вообще ничего, верно?

— Это кому как, — сказала Анка. — Когда человеку каждый вечер заявляют, что у него ноги то в грязи, то в пыли...

Она замолчала. Было удивительно хорошо идти с нею по лесу плечом к плечу, вдвоем, касаясь голыми локтями, и поглядывать на нее — какая она красивая, ловкая и необычно доброжелательная и какие у нее большие серые глаза с черными ресницами.

— Да, — сказал Антон, протягивая руку, чтобы снять блеснувшую на солнце паутину. — Уж у нее-то ноги не пыльные. Если тебя через лужи носят на руках, тогда понимаешь, не запылишься...

— Кто это ее носит?

— Генрих с метеостанции. Знаешь, здоровый такой, с белыми волосами.

— Правда?

— А чего такого? Каждый малёк знает, что они влюблены.

Они опять замолчали. Антон глянул на Анку. Глаза у Анки были как черные щелочки.

— А когда это было? — спросила она.

— Да было в одну лунную ночь, — ответил Антон без всякой охоты. — Только ты, смотри, не разболтай.

Анка усмехнулась.

— Никто тебя за язык не тянул, Тошка, — сказала она. — Хочешь земляники?

Антон машинально сгреб ягоды с испачканной ладошки и сунул в рот. «Не люблю болтунов, — подумал он. — Терпеть не могу трепачей». Он вдруг нашел аргумент.

— Тебя тоже когда-нибудь будут таскать на руках. Тебе приятно будет, если начнут об этом болтать?

— Откуда ты взял, что я собираюсь болтать? — рассеянно сказала Анка. — Я вообще не люблю болтунов.

— Слушай, что ты задумала?

— Ничего особенного. — Анка пожала плечами. Немного погодя она доверительно сообщила: — Знаешь, мне ужасно надоело каждый божий вечер дважды мыть ноги.

«Бедная Дева Катя, — подумал Антон. — Это тебе не сельва».

Они вышли на тропинку. Тропинка вела вниз, и лес становился все темнее и темнее. Здесь буйно рос папоротник и высокая сырая трава. Стволы сосен были покрыты мхом и белой пеной лишайников. Но сельва не шутит. Хриплый голос, в котором не было ничего человеческого, неожиданно проревел:

— Стой! Бросай оружие — ты, *hombre*, и ты, *mañana*!

Когда сельва спрашивает, надо успеть ответить. Точным движением Антон сшиб Анку в папоротники налево, а сам прыгнул в папоротники направо, покатился и залег за гнилым пнем. Хриплое эхо еще отдавалось в стволах сосен, а тропинка была уже пуста. Наступила тишина.

Антон, завалившись набок, вертел колесико, натягивая тетиву. Хлопнул выстрел, на Антона посыпался какой-то мусор. Хриплый нечеловеческий голос сообщил:

— *Hombre* поражен в пятку!

Антон застонал и подтянул ногу.

— Да не в эту, в правую, — поправил голос. Было слышно, как Пашка хихикает. Антон осторожно выглянул из-за пня, но ничего не было видно в сумеречной зеленой каше.

В этот момент раздался пронзительный свист и шум, как будто упало дерево.

— *Уау!* — сдавленно заорал Пашка. — *Пошады! Пошады!* Не убивайте меня!

Антон сразу вскочил. Навстречу ему из папоротников пятясь вылез Пашка. Руки его были подняты над головой. Голос Анки спросил:

— Тошка, ты видишь его?

— Как на ладони, — одобрительно отозвался Антон. — Не поворачиваться! — крикнул он Пашке. — Руки за голову!

Пашка покорно заложил руки за голову и объявил:

— Я ничего не скажу.

— Что полагается с ним делать, Тошка? — спросила Анка.

— Сейчас увидишь, — сказал Антон и удобно уселся на пень, положив арбалет на колени. — *Имя!* — рявкнул он голосом Руматы-Освободителя.

Пашка изобразил спиной презрение и неповиновение. Антон выстрелил. Тяжелая стрела с треском вонзилась в ветку над Пашкиной головой.

— *Ого!* — сказал голос Анки.

— Меня зовут Себастиан Перейра, — неохотно признался Пашка. — «И здесь он, по-видимому, ляжет — один из тех, что были с ним».

— Известный насильник и убийца, — пояснил Антон. — Но он никогда ничего не делает даром. Кто послал тебя?

— Меня послал господин мой Великий Альвец, — соврал Пашка.

Антон презрительно сказал:

— Вот эта рука оборвала нить зловонной жизни Альвеца два года назад в пылающем Порто-дель-Карто.

— Давай я всажу в него стрелу, — предложила Анка.

— Я совершенно забыл, — поспешно сказал Пашка. — В действительности меня послал мистер Джон Гопкинс. Он обещал мне два миллиона кило стерлингов за ваши головы.

Антон хлопнул себя по коленям.

— Вот брехун! — вскричал он. — Да кто же не знает, что Гопкинс со всей своей компанией уже год как национализирован!

— Можно, я все-таки всажу в него стрелу? — кровожадно спросила Анка.

Антон демонически захохотал.

— Между прочим, — сказал Пашка. — У тебя отстрелена правая пятка. Пора бы тебе истечь кровью.

— Дудки! — возразил Антон. — Во-первых, я все время жую кактус пейотль, а во-вторых, две прекрасные индианки уже перевязали мне раны.

Папоротники зашевелились, и Анка вышла на тропинку. На щеке ее была царапина, колени были вымазаны в земле и зелени.

— Пора бросить его в болото, — объявила она. — Когда враг не сдается, его уничтожают.

Пашка опустил руки.

— Понимаешь, — сказал он. — Я никак не думал, что ты войдешь в игру.

— А надо было думать! — сказал Антон и тоже вышел на тропинку. — Сельва не шутит, грязный наемник.

Анка вернула Пашке карабин.

— Вы что — всегда так палите друг в друга? — спросила она с завистью.

— А как же! — удивился Пашка. — Что нам — кричать «кх, кх, пу, пу!», что ли?

В игре нужен элемент риска!

Антон небрежно сказал:

— Например, мы часто играем в Вильгельма Телля.

— По очереди, — подхватил Пашка. — Сегодня я стою с яблоком, а завтра он.

Анка оглядела их.

— Вот как? — медленно сказала она. — Интересно было бы посмотреть.

— Мы бы с удовольствием, — ехидно сказал Антон. — Яблока вот нет.

Пашка широко ухмылялся. Тогда Анка сорвала у него с головы пиратскую повязку и быстро свернула из нее длинный кулек.

— Яблоко — это условность, — сказала она. — Вот отличная мишень. Сыграем в Вильгельма Телля.

Антон взял красный кулек и внимательно осмотрел его. Он взглянул на Анку — глаза у нее были как щелочки. А Пашка развлекался — ему было весело. Антон протянул ему кулек.

— «В тридцати шагах промаха в карту не дам, — ровным голосом сказал он. — Разумеется, из знакомых пистолетов».

— «Право? — сказала Анка и обратилась к Пашке. — А ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?»

Пашка пристраивал колпак на голове.

— «Когда-нибудь мы попробуем, — сказал он, скаля зубы. — В свое время я стрелял не худо».

Антон повернулся и пошел по тропинке, вслух считая шаги.

— Пятнадцать... шестнадцать... семнадцать...

Пашка что-то сказал — Антон не расслышал, — и Анка громко рассмеялась. Как-то слишком громко.

— Тридцать, — сказал Антон и повернулся.

На тридцати шагах Пашка выглядел совсем маленьким. Красный треугольник кулька торчал у него на голове как шутовской колпак. Пашка ухмылялся. Он все еще играл. Антон нагнулся и стал неторопливо натягивать тетиву.

— Благословляю тебя, отец мой Вильгельм! — крикнул Пашка. — И благодарю тебя за все, что бы ни случилось.

Антон наложил стрелу и выпрямился. Пашка и Анка смотрели на него. Они стояли рядом. Тропинка была как темный сырой коридор между высоких зеленых стен. Антон поднял арбалет. Боевое устройство Генриха Наварры стало необычайно тяжелым. «Руки дрожат, — подумал Антон. — Плохо. Зря». Он вспомнил, как зимой они с Пашкой целый час кидали снежки в чугунную шишку на столбе ограды. Кидали с двадцати шагов, с пятнадцати и с десяти, и никак не могли попасть. А потом, когда уже надоело и они уходили, Пашка небрежно, не глядя бросил последний снежок и попал. Антон изо всех сил вдавил приклад в плечо. «Анка стоит слишком близко», — подумал он. Он хотел было крикнуть ей, чтобы она отошла, но понял, что это было бы глупо. «Выше. Еще выше... Еще...» Его вдруг охватила уверенность, что, если он даже повернется к ним спиной, фунтовая стрела все равно вонзится точно в Пашкину переносицу между веселыми зелеными глазами. Он открыл глаза и посмотрел на Пашку. Пашка больше не ухмылялся. А Анка медленно-медленно поднимала руку с растопыренными пальцами, и лицо у нее было напряженное и очень взрослое. Тогда Антон поднял арбалет еще выше и нажал на спусковой крючок. Он не видел, куда ушла стрела.

— Промазал, — сказал он очень громко.

Переступая на негнущихся ногах, он двинулся по тропинке. Пашка вытер красным кульком лицо, встряхнув, развернул его и стал повязывать голову. Анка нагнулась и подобрала свой арбалет. «Если она этой штукой трахнет меня по голове, — подумал Антон, — я ей скажу спасибо». Но Анка даже не взглянула на него.

Она повернулась к Пашке и спросила:

— Пошли?

— Сейчас, — сказал Пашка.

Он посмотрел на Антона и молча постучал себя согнутым пальцем по лбу.

— А ты уже испугался, — сказал Антон.

Пашка еще раз постучал себя пальцем по лбу и пошел за Анкой. Антон плелся следом и старался подавить в себе сомнения.

«А что я, собственно, сделал? — вяло думал он. — Чего они надулись? Ну Пашка ладно, он испугался. Только еще не известно, кто больше трусил — Вильгельм-папа или Телль-сын. Но Анка-то чего? Надо думать, перепугалась за Пашку. А что мне было делать? Вот тащусь за ними, как родственник. Взять и уйти. Поверну сейчас налево, там хорошее болото. Может, сову поймаю». Но он даже не замедлил шага. «Это значит навсегда», — подумал он. Он читал, что так бывает очень часто.

Они вышли на заброшенную дорогу даже раньше, чем думали. Солнце стояло высоко, было жарко. За шиворотом кололись хвойные иголки. Дорога была бетонная, из двух рядов серо-рыжих растрескавшихся плит. В стыках между плитами росла густая сухая трава. На обочинах было полно пыльного репейника. Над дорогой с гудением пролетали бронзовки, и одна нахально стукнула Антону прямо в лоб. Было тихо и томно.

— Смотрите! — сказал Пашка.

Над серединой дороги на ржавой проволоке, протянутой поперек, висел круглый жестяной диск, покрытый облупившейся краской. Судя по всему, там был изображен желтый прямоугольник на красном фоне.

— Что это? — без особого интереса спросила Анка.

— Автомобильный знак, — сказал Пашка. — «Въезд запрещен».

— «Кирпич», — добавил Антон.

— А зачем он? — спросила Анка.

— Значит, вон туда ехать нельзя, — пояснил Пашка.

— А зачем тогда дорога?

Пашка пожал плечами.

— Это же очень старое шоссе, — сказал он.

— Анизотропное шоссе, — заявил Антон. Анка стояла к нему спиной. — Движение только в одну сторону.

— Мудры были предки, — задумчиво сказал Пашка. — Этак едешь-едешь километров двести, вдруг — хлоп! — «кирпич». И ехать дальше нельзя, и спросить не у кого.

— Представляешь, что там может быть за этим знаком, — сказала Анка. Она огляделась. Кругом на много километров был безлюдный лес, и не у кого было спросить, что там может быть за этим знаком. — А вдруг это вовсе и не «кирпич»? — сказала она. — Краска-то вся облупилась...

Тогда Антон тщательно прицелился и выстрелил. Было бы здорово, если бы стрела перебила проволоку и знак упал бы прямо к ногам Анки. Но стрела попала в верхнюю часть знака, пробила ржавую жесь, и вниз посыпалась только высохшая краска.

— Дурак, — сказала Анка, не оборачиваясь.

Это было первое слово, с которым она обратилась к Антону после игры в Вильгельма Телля. Антон криво улыбнулся.

— And enterprises of great pitch and moment, — произнес он, — with this regard their currents turn awry and lose the name of action¹.

Верный Пашка закричал:

— Ребята, здесь прошла машина! Уже после грозы! Вон трава примята! И вот...

«Везет Пашке», — подумал Антон. Он стал разглядывать следы на дороге и тоже увидел примятую траву и черную полосу от протекторов в том месте, где автомобиль затормозил перед выбоиной в бетоне.

— Ага! — сказал Пашка. — Он выскочил из-под знака!

Это было ясно каждому, но Антон возразил:

— Ничего подобного, он ехал с той стороны.

Пашка поднял на него изумленные глаза.

— Ты что — ослеп?

— Он ехал с той стороны, — упрямо повторил Антон. — Пошли по следу.

— Ерунду ты городишь! — возмутился Пашка. — Во-первых, никакой порядочный водитель не поедет под «кирпич». Во-вторых, смотри: вот выбоина, вот — тормозной след... Так откуда он ехал?

— Что мне твои порядочные! Я сам непорядочный, и я пойду под знак.

Пашка взбеленился.

— Иди куда хочешь! — сказал он, слегка заикаясь. — Недоумок. Совсем обалдел от жары!

Антон повернулся и, глядя прямо перед собой, пошел под знак. Ему хотелось только одного: чтобы впереди оказался какой-нибудь взорванный мост и чтобы нужно было прорваться на ту сторону. «Какое мне дело до этого порядочного, — думал он. — Пусть идут куда хотят... Со своим Пашенькой». Он вспомнил, как Анка срезала Пашку, когда тот назвал ее Анечкой, и ему стало немного легче. Он оглянулся.

Пашку он увидел сразу: Себастиан Перейра, согнувшись в три погибели, шел по следу таинственной машины. Ржавый диск над дорогой тихонько покачивался, и сквозь дырку мелькало синее небо. А на обочине сидела Анка, уперев локти в голые колени и положив подбородок на сжатые кулаки.

Они возвращались уже в сумерках. Ребята гребли, а Анка сидела на руле. Над черным лесом поднималась красная луна, неистово вопили лягушки.

— Так здорово все было задумано, — сказала Анка грустно. — Эх, вы!

Ребята промолчали. Затем Пашка вполголоса спросил:

¹ И начинанья, взнесшиися мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия.

— Тошка, что там было под знаком?
 — Взорванный мост, — ответил Антон. — И скелет фашиста, прикованный цепями к пулемету. — Он подумал и добавил: — Пулемет весь врос в землю...
 — Н-да, — сказал Пашка. — Бывает.
 Дорога под знаком обрывалась у реки. Вероятно, когда-то там был паром.

Аркадий Стругацкий. Окно

1

Отец и мать были монтажниками и больше всего на свете любили строить термостанции. Как известно, термостанции строятся иногда в самых неожиданных углах нашей планеты, поэтому на каникулы Коля ездил обычно на трансконтинентальных поездах и самолетах. И так случилось, что на зимние каникулы во втором классе он поселился в новеньком бревенчатом домике на высоком берегу маленькой речки Силигир посреди почти первобытной якутской тайги.

До стройки было десять километров. Место для дома мать всегда выбирала подальше от стройки, считая, что, с одной стороны, хорошая прогулка по утрам может принести рабочему человеку только пользу и что, с другой стороны, три-четыре часа работы, пусть даже самой интенсивной, не могут утомить настолько, чтобы не ощущалось удовольствие от прогулки предобеденной. Только в непогоду, когда разыгрывалась пурга, отец звонил дежурному и просил прислать вездеход с программным управлением.

Итак, рабочий день отца и матери начинался с похода на работу. Коля, кутаясь в отцовскую меховую куртку, выходил на крыльцо и смотрел, как они становятся на лыжи. Рядом с отцом мать казалась маленькой, как школьница. Отец поправлял у нее крепления, а она давала Коле последние инструкции: непременно выпить молоко, не трогать кухонную машину, смазать двигатель аэросаней, не прикасаться к отцовскому ружью, не заходить далеко в тайгу и вообще вести себя славно. Затем отец говорил что-нибудь вроде: «Не донимай мальчишку», они брали в руки палки и пускались бегом вдоль берега на свою стройку.

2

Жизнь была вполне сносной. Отделавшись от молока и повозившись с аэросанями, Коля влезал в красивую, вышитую бисером кухлянку и отправлялся в первобытную тайгу.

Вообще-то Коля тайгу не любил. Он немного побаивался тусклой тишины и застывшего беспорядка, кое-как прикрытого пушистыми сугробами. И ему не нравилось, что там всегда сумрачно, даже в яркие солнечные дни. Но якутская тайга на берегах маленькой речки Силигир оказалась интересным местом. Отойдя подальше от дома, Коля обнаруживал любопытные и совершенно неожиданные вещи. Например, кучи крупного рыжего песка — словно великан рассеянно зачерпнул где-нибудь на приморском пляже гигантскую горсть и небрежно высыпал здесь, за десятки тысяч километров от теплых морей. Или почерневшую, сморщенную от холода ветку какого-то тропического растения. А однажды Коля нашел маленького зеленого попугая. Попугай запутался в дремучей проволоке схваченного морозом кустарника и замерз, растопырив крылья и разинув черный клюв. Коле стало жутко. Он вытащил попугая из куста, торопливо закопал в снегу и ушел, не оглядываясь. Но в тайгу он продолжал ходить каждый день, ожидая новых находок. Монтажникам он ничего не говорил — боялся, что все объяснится очень просто и неинтересно.

3

Когда возвращались монтажники, жизнь становилась веселой. Родители отправлялись в ванную. Пока мылась мать, Коля помогал отцу готовить обед на киберкухне, и отец рассказывал всякие смешные истории из своей школьной жизни. Пока мылся отец, Коля помогал матери накрывать на стол, и мать рассказывала, что вытворял сегодня отец на работе. Потом все садились за стол, и Коля рассказывал, как прошел день. «Я все мечтаю встретить медведя, — врал он, глядя на своих монтажников ясными глазами. — Почему вы не дадите мне ружье?» Мать сердито говорила: «Я очень прошу тебя, Колька-Николай, не ходи в тайгу. Возьми лыжи и катайся по реке». Отец ничего не говорил и только неопределенно-весело смотрел на Кольку-Николая.

После обеда полагался мертвый час. Отец брал Колю к себе на диван и начинал волшебную сказку: «Давным-давно на очень далекой планете жил один герой-монтажник...»

Вечером, после лихой лыжной пробежки по замерзшей реке, садились ужинать. За ужином включали СВ и смотрели и слушали новости науки и техники.

«...При строительстве стационарного плавучего острова «Лена» применен интересный метод крепления понтонов...»

«...В Иркутском институте экспериментальной генетики продолжают опыты по «воспитанию» хромосомных структур. Зародышевая клетка с «воспитанными» хромосомами будет развиваться в особь с готовыми условными рефлексам...» («Нет, — говорила мать. — Это выше моего понимания». — «Почему же? — возражал отец. — Почитать надо, и все поймешь...»)

«...Океанологическая субмарина «Хигаси» сообщила о новом виде гигантских головоногих моллюсков, близких к архитойтисам...»

«...Международная академия транспорта во взаимодействии с Харьковским институтом физики пространства продолжает эксперименты по осуществлению нуль-транспортировки. Руководители работ, связанных с нуль-транспортировкой, утверждают, что главная трудность сейчас состоит в невозможности локализовать точку нуль-перехода и зону финиша...» («Я уже несколько месяцев слышу про эту нуль-транспортировку, — говорил отец. — Что это такое?» — «Надо будет почитать, — отвечала мать. — Найти литературу и почитать...»)

«...На верфях Плато Солидарности, Луна, заложена новая серия фотонных планетолетов типа «Хиус-Молния», проект коллектива Варшавского института МУКСа...»

После ужина Колю отправляли спать. Коля, как правило, сопротивлялся. Тогда отец сажал его на колени и пел странную веселую песенку, в которой утверждал, что они — видимо, имелись в виду он сам и мать — отнюдь не кочегары и не плотники и нимало об этом обстоятельстве не сожалеют. «А что такое кочегары?» — спрашивал Коля. Отец отвечал что-нибудь смешное, и тогда Коля соглашался наконец отойти ко сну. Засыпал он быстро и сквозь сон слышал, как монтажники переговариваются в кабинете: «Ой, мне еще четыре задачи надо решить... и все на волновые функции». — «Где моя линейка? Ты опять куда-то засунула мою линейку, рыжая?» — «Передай таблицы и не ворчи на меня, пожалуйста».

4

До конца каникул оставалась всего одна декада. Таежные находки все еще занимали Колю, но он уже изрядно соскучился по школе и по друзьям. Конечно, размышлял он, мои монтажники — отличные люди, и с ними всегда очень интересно, и весело, и все такое. Но как-то это не то. Все-таки это родители. И вдобавок еще взрослые. Вот если бы здесь были Вовка и Лисица... или Кира с Галькой... вообще все наши — тогда бы было совсем другое дело. Впрочем, будем тактичными, раз уж мы дети. Монтажники не должны знать,

что мне скучновато. И он твердо решил пожертвовать собой для спокойствия монтажников.

Но двадцать первой ночью пребывания Коли на берегах Силигира все изменилось. На дворе взвыли и сразу же замолкли моторы, в окна ударила снежная пыль, затем раздался стук в дверь, шум, удивленные восклицания. Коля не смог проснуться. Он только почувствовал, что в его комнате зажгли свет, необычайно знакомый голос шепотом сказал: «Спит Заяц», задвигали мебель, и все стихло. Коля повернулся на другой бок и крепко заснул.

Когда он открыл глаза, было утро. В морозных окнах искрилось солнце, на голубой стене лежали солнечные квадраты, а по другую сторону медвежьей шкуры, покрывавшей пол, сидел на раскладушке и улыбался молодой человек лет четырнадцати. Улыбался он весело и радостно, так что на веснушчатой его переносице собрались тонкие морщинки.

— Здравствуй, Заяц, — сказал он необычайно знакомым голосом.

5

Это было просто отлично: было солнечное утро, а на раскладушке, появившейся в комнате, сидел и улыбался старый добрый друг.

— Тойво? — растерянно проговорил Коля.

Тойво был совершенно такой же, как прошлым летом в Приморье, — худой, вихрастый, загорелый, в черных трусах и синей футболке молодежного спортивного общества «Дальний Восток».

Коля отбросил простыню и подбежал к нему.

— Как ты к нам попал?

— Меня привезли.

— Ночью, да? Когда я спал?

— Конечно. Тут был такой шум, а ты хоть бы что.

— А кто тебя привез?

— Шахразада.

— О, Шахразада тоже у нас?

— Нет. Она сразу улетела обратно. У нее дела.

— Вечно у нее дела... Послушай, ты опять что-нибудь натворил?

— Ну что ты, Заяц, как можно?

— Тогда почему ты здесь?

— Если тебе не нравится, могу уехать.

— Что за глупости... Это просто мирово, что ты приехал. По правде говоря, я по тебе даже соскучился.

Тойво захохотал, схватил Колю и посадил к себе на плечо.

— Ого! — закричал Коля. — Вот здорово! А до потолка можешь?

— Могу. Только потом, ладно? — Тойво опустил Колю на медвежью шкуру. — Я по тебе тоже соскучился. Потому и приехал.

Коля задумчиво подтянул пижамные брючки и оглядел комнату. В углу стоял небольшой сверкающий чемодан.

— Ты мне что-нибудь привез? — спросил Коля.

— А как же... Вот позавтракаем, я тебе покажу.

— Давай лучше сейчас. Если тебе не трудно, конечно.

— Сейчас так сейчас...

Тойво открыл чемодан и извлек из-под белья великолепного краба, рыжевато-зеленого, с угрожающе растопыренными клешнями.

— Вот, — сказал он и поставил краба на пол. — Нравится?

Коля опустился на корточки. Краб неподвижно глядел на него выпуклыми тусклыми бусинами глаз.

— Здоровый, — сказал Коля. — Ты сам поймал?

— Сам. Попробуй, нажми на него сверху.

Коля потрогал пальцем панцирь. В ту же секунду краб зажужжал и пополз на него, царапая пол когтистыми лапами. Коля отскочил назад. Краб сейчас же остановился и затаился.

— Ну как? — спросил Тойво.

— Я даже испугался, — признался Коля. — Ты сам сделал?

— Сам. И краба сам поймал, и механизм сконструировал. Ползет на источник тепла. Как кибердворник. Вылезет на солнце и стоит, заряжается. Потом в тень уползает.

Коля снова сел на корточки и повторил опыт.

— У него не очень-то приятный вид, — объявил он. — Но он нам пригодится. Сначала мы покажем его монтажникам.

Тойво опять захохотал и хлопнул Колю по попке.

— Не выйдет! — сказал он. — Они уже знают.

— Жаль, — разочарованно сказал Коля. Он повернулся и поглядел на часы. — Клянусь честью! — воскликнул он. — Половина десятого! А где же наши монтажники?

— Они уже давно ушли. Решили не будить тебя сегодня. Они решили... только чур не обижаться, Заяц, ладно? Они решили, что теперь я буду присматривать за тобой. Завтрак и все прочее... Пусть они так думают. А на самом деле ты будешь присматривать за мной. Договорились?

Коля важно наклонил голову.

— Договорились, — сказал он. — Давай одеваться, убирать постель и завтракать. Не забудь умыться. И вычистить зубы.

— Непременно. Только сначала сделаем зарядку, как ты думаешь?

— Разумеется... Я это тоже имел в виду.

Тойво весело потер руки.

— Ты знаешь, что я сейчас вспомнил? — спросил он.

— Что?

— Прошлым летом ты явился ко мне и гордо сообщил, что знаешь целых двух русских царей...

— Не помню что-то.

— Царя Додона и царя Салтана.

Коля принялся убирать постель.

— Я был маленький, — сказал он. — И не будем мешкать. Я хочу показать тебе тайгу.

6

Коля повел Тойво излюбленным маршрутом — прямо от берега, в самую чащу, где сразу наступили сумерки. Они шли неторопливо, осторожно ставя широкие короткие лыжи между торчащих из сугробов жестких колючих прутьев. Тойво сначала с любопытством осматривался по сторонам, затем стал глядеть себе под ноги. На лбу у него выступили маленькие капельки пота. Коля, шедший впереди, спросил не оборачиваясь:

— Скажи правду, Тойво, ты что-нибудь натворил?

— Угу, — ответил Тойво.

— Рассказывай.

— Да нечего рассказывать, Заяц.

— Это нечестно. Я тебе всегда рассказываю.

— Правда, ничего особенного. Мы с ребятами хотели уйти в поход.

— Куда?

— На Камчатку.

— Пешком?

- Угу. На лыжах.
- И вас поймали...
- Как видишь.
- И Шахразада...
- Шахразада решила, что всем будет спокойнее, если я проведу остаток каникул с тобой. Она считает, что ты оказываешь на меня хорошее влияние. Так она говорит.
- Она правильно говорит. За тобой нужен глаз да глаз.
- Тойво засмеялся.
- Да, — сказал Коля серьезно. — Теперь я вижу: Кира тебе не подходит.
- Какая Кира?
- Девочка такая. Моя подруга. Я хотел выдать ее за тебя замуж.
- И она мне не подходит? — с любопытством спросил Тойво.
- Нет. Она слишком слабохарактерная. Лучше я женю тебя на Гале. Она будет держать тебя в руках.
- А она хорошенькая?
- Очень. Самая красивая в нашем втором. И у нее железная воля.
- Нет, — решительно сказал Тойво. — Не получится.
- Почему? Она тебе понравится, честное слово.
- Понимаешь, Заяц, мне нельзя жениться.
- Глупый, я же не говорю, что сейчас. Она еще маленькая, как и я. И ты тоже еще слишком молод.
- Ох, — сказал Тойво. — Ты как-то слишком быстро идешь. Давай отдохнем.
- Они остановились.
- Понимаешь, — сказал Тойво, — все равно ничего не выйдет. Я твердо решил пойти в космонавты, вот в чем дело.
- Ну и что же? Дядя Федор тоже космонавт, и он женат...
- Но я буду совсем другим космонавтом. Я буду летать к звездам.
- Какая разница?
- Огромная. Дядя Федор приезжает домой каждый месяц, а я буду летать годами.
- Кира будет ждать, уверяю тебя... то есть Галя...
- Это не годится, Заяц, и ты сам это понимаешь. Что это будет за жизнь, если один несколько лет где-то летает, а другая все это время сидит и ждет?
- Тогда бери ее с собой.
- А кем она собирается быть?
- Кажется, учительницей...
- Вот видишь! Что она будет делать в звездолете?
- Как что? У вас будут дети? Будут. Вот их она и будет учить.
- Тойво снял варежку и потер замерзшую щеку.
- Пожалуй, — сказал он задумчиво. — Только ведь дети не сразу будут... и потом нужно, чтобы они выросли, а что она будет делать тем временем?
- Коля опустил голову. Ему стало грустно. Он очень любил Тойво и очень хотел женить его на ком-нибудь из девочек, в которых был влюблен сам.
- Тойво, — сказал он, — а зачем тебе быть звездолетчиком?
- Надо открывать новые миры.
- Может, лучше тебе стать кем-нибудь другим? Например, монтажником, как папка... Тогда бы вы...
- Нет, Заяц, это невозможно. Я все время мечтаю о новых мирах. Неужели человек не имеет права открывать новые миры?

7

Коля взялся за палки и снова двинулся в путь. Тойво последовал за ним. Разлапистые ветви, тяжело нагруженные снегом, проплывали у них над головами.

— Это самое интересное, по-моему, — сказал Тойво. — Открывать новые миры. В Солнечной системе уже все открыто. Надо лететь к звездам. Увидеть новые миры... с иными солнцами, с иными формами жизни... с братьями по разуму...

— С кем?

— С братьями по разуму. Должны же быть где-то миры, где живут наши братья по разуму.

— И они прозрачные?

— Не знаю.

Коля сказал упрямо:

— Они прозрачные и летают на крыльях. Мне папа рассказывал. А Шахразада?

— Что Шахразада?

— Она тебя пустит?

— Почему же нет?

— На Камчатку не пустила, а уж к другим мирам и подавно.

— Так ведь это не сейчас. Это еще не скоро.

Коля оживился.

— Верно! Тебе еще нужно закончить школу...

— Конечно, Заяц. Закончить школу, поработать года два на верфях, пройти институт... Время еще есть, правда, Заяц? Слушай, Заяц, а куда ты меня ведешь?

Коля прямо ответил:

— Туда, где я нашел попугая.

Тойво некоторое время молчал.

— Ты шутишь?

— Нет. Я нашел здесь попугая.

— Живого?

— Что ты...

Выслушав историю с попугаем, Тойво заметил:

— Удрал из зоосада... или из живого уголка.

— Но здесь поблизости нет зоосадов. И интернатов тоже.

— Тогда просто из дома...

— До рабочего городка далеко, десять километров.

— Да, пожалуй, не долететь по такому морозу.

— А откуда песок, Тойво?

— Какой песок?

— Я нашел песок тоже...

Тойво поднял руку, и они остановились.

— Погоди-ка...

Коля огляделся. Кругом была тайга, холодная, тихая, совершенно безразличная. Коля подошел к Тойво поближе.

— Ты чего, Тойво?

Тойво принюхивался.

— Понюхай, Заяц. Ты ничего не слышишь?

Коля потянул воздух носом. Пахло тайгой. Морозом и чуть-чуть сухой корой. И, пожалуй...

— Что у вас здесь, свалка какая-нибудь? — спросил Тойво.

Посторонний запах, несомненно, был. Тонкий, едва уловимый запах падали.

8

Они переглянулись и поспешно пошли вперед. Воображению их представлялись странные картины. Свалка — это, конечно, чепуха. Кому вздумается устраивать свалки в чаще? Им виделись раздутые трупы лосей, или медведей, или — почему бы и нет? — целые гиппопотамы, заброшенные сюда той же непонятной силой, которая оставила здесь попугая. Правда, у Коли мелькала смутная мысль — на таком морозе ничто мертвое пахнуть не может. Но ведь что-то пахло! И запах усиливался с каждым шагом.

— Стой, — сказал Тойво вполголоса, и Коля сейчас же остановился.

Впереди, за стволами вековых сосен, начиналась поляна. Та самая, где на опушке Коля нашел трупик попугая. Но поляна эта вы- [Далее следует план окончания рассказа. См. также письмо АНС от 8.05.62.]

Дальше они обнаруживают огромную яму, вырытую словно громадным взрывом. Что-то прорыло громадный ров, разбросало деревья, взрыло огромный холм, все вокруг забрызгано льдом и воняет странной гнусной вонью, которая действует не только и не столько на эстетические чувства мальчиков, но и на какие-то инстинкты — страх, незнакомое, чужое и угрожающее. Любопытство их одолевает, они решили, что здесь кто-нибудь приземлился — чужой, несомненно, судя по запаху, начинают копать в этих кучах снега пополам со льдом и землей и поваленными деревьями и вдруг находят странных существ — совершенно чуждых земному, раздавленных, с выпученными глазами и разбросанных по веткам сосен. Они окончательно убеждены, что имеют дело с пришельцами, неудачно высадившимися.

Вернувшись домой, сообщают отцу. Тот говорит, что, действительно, в ночь, когда Тойво приехал, когда все в доме утомонились, он, засыпая, слышал в тайге отдаленный взрыв, грохот, но думал, что это работают геологи. Обещает на следующий день после работы привести с собой ребят-монтажников со стройки и сообщить куда надо и самим разобраться на месте. А ребятам предлагается больше туда не ходить.

Но ребята таки идут. Они снова на той же поляне. Все уже присыпано свежим снежком, вонь заметно уменьшилась. Они снова спускаются в ров и рассматривают обломки деревьев, как вдруг посредине рва открывается ОКНО.

Дальше даю еще две странички (из первого варианта):

...Над проталиной, колыхаясь, висел огромный шар, окруженный туманной оболочкой испарений. Пар поднимался к синему небу и искажал диковинную картину, открывавшуюся внутри шара, словно внутри хрустального яйца, найденного несчастным Кэйвом в своей лавочке.

— Что это? — прошептал Коля. — Что там показывают?

Тойво всматривался в глубину шара. Порывы ветерка сгоняли пары, и тогда перед глазами появлялся странный пейзаж — песчаный склон, странно, наискось растущие деревья, похожие на пальмы, а вдали, на фоне густого фиолетового неба — снежные вершины гор, опрокинутые набок.

— Это похоже на стереопроектор, — пробормотал Тойво. — И все-таки...

Он сбросил лыжи и, проваливаясь в снег, пошел поближе к шару. Коля, тесно к нему прижимаясь, следовал за ним. Это была настоящая тайна, даже если здесь был всего лишь стереопроектор, но в связи с мертвым попугаем и с падением снаряда пришельцев это

приобретало совсем иной смысл, от которого было жутко, и восторженно, и любопытно, и не хотелось оставаться одному.

Они остановились в шаге от поверхности шара и чувствовали на лицах пульсирующее тепло от влажных паров. Теперь шар уже не воспринимался как шар, это было гигантское окно в какой-то необычный перекошенный мир — с опрокинутым песчаным пляжем, с ядовитого цвета зеленью, с наклоненными горами под фиолетовым небом. И это было именно окно, а не экран проектора, — это чувствовалось каким-то седьмым чувством. За пленкой пара было настоящее пространство.

— Вот он, новый мир, — глухо сказал Тойво.

Коля не успел и слова сказать, как Тойво поднял руку и уперся ею в окно. Рука прошла!

— погоди, — сказал Коля. — Не надо. Не надо, Тойво.

— Надо.

— погоди, сейчас сюда придет папка...

— Это новый мир, — сказал Тойво, не спуская глаз с далеких гор на горизонте. — Я иду.

Он прыгнул и прыгнул вперед. Он прыгнул как пловец в воду, распластавшись в воздухе и вытянув вперед руки. Раздался тонкий жалобный звон. Коля зажмурился. Когда он открыл глаза, Тойво был уже по ту сторону. Он странно сидел боком, в неестественной позе, словно готовый вот-вот покатиться вниз по песчаному склону. Он ободряюще улыбался Коле, но был очень бледен.

— Здесь жарко, — сказал он. — Не бойся, Заяц! Я буду...

Он вдруг оглянулся, и на лице его изобразились испуг и смущение. Позади него появился, стоя так же косо, как и всё за окном, высокий полуголый человек, меднокожий и лоснящийся. В руке у него было копье, на лице круглая зеленая маска с огромными очками. Человек в величайшем изумлении оглядел Тойво, затем бросил взгляд на Колю, изумился еще больше и закричал:

— Кими! Сорэ-ананка?

И тут окно исчезло. Слово его и не было. Коля, ошеломленный и беспомощный, стоял совершенно один на дне широкого рва перед проталиной в снегу. Кругом стояла тишина. Коля стал потихоньку пятиться, не сводя глаз с проталины. Он видел, что к этому месту подходят две пары следов: его собственные следы — маленькие ямки от валенок — подходили к краю проталины и возвращались назад. А другая цепочка — от пары пьексов — обрывалась в шаге от проталины, словно тот, кто ее оставил, взлетел внезапно на небо. Коля повернулся и со всех ног кинулся вон из рва. Он забыл про лыжи и бежал, проваливаясь в снег и падая, стиснув зубы, ничего не видя от слез. Он не остановился даже тогда, когда впереди послышались голоса людей и голос отца, звавшего их.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Адарвинизм

А. — Будем мы писать рассказ или не будем?

Б. — Будем.

А. — А может, пьесу напишем?

Б. — Можно и пьесу.

(Долго молчат. А. ковыряет в носу, Б. чешется.)

Б. — Как ты думаешь: куда ведет эта канализационная труба?

А. — Это которая в море?

Б. — Да.

- А. — Наверное, она от всех санаториев. По всему побережью.
 Б. — Идеальное место для проникновения шпиона.
 А. — Ползком в извержениях туберкулезных больных.
 Б. — Ну, он будет в специальном костюме.
 А. — Дышать-то ему все-таки нужно...
 Б. — Ну, будут баллоны... Выход трубы-то под водой...
 А. — Нет уж, лучше без трубы.
 Б. — Конечно, можно просто вынырнуть с подводной лодки метрах в двухстах... доплыть до берега и идти. Правда, костюм нужен...
 А. — Цена шпиону без резидента дерьмо.

(Задумчивое молчание. А. разглядывает совокупляющихся мух на спинке кровати над его головой.)

- А. — Почему, интересно, у насекомых внутреннее оплодотворение? И у пауков тоже... А у позвоночных внешнее — у рыб, лягушек, ящериц... А потом снова внутреннее.
 Б. — У ящериц внутреннее.
 А. — Не может быть.
 Б. — У них спаривание сопровождается так называемым склещиванием. Я сам видел — они так переплетаются, что и не оторвешь, пожалуй.

(Задумчивое молчание.)

- А. — Рассказ мы будем писать?
 Б. — Будем, конечно. Давай что-нибудь про оплодотворение.
 А. — Давай. *(Берет блокнот.)*
 Б. — Интересно, как мухи узнают, кто у них самка, а кто самец?
 А. *(смотрит на него озадаченно)*. — По форме головогруды, вероятно.
 Б. *(проникновенно)*. — Знаешь, давай писать не рассказ, а пьесу.
 А. — Давай. Место действия?

(Долгое, очень долгое молчание. Оба ковыряют в носу.)

- Б. — Место действия — Крым.
 А. — Крым так Крым. *(Роняет ручку на пол и, свесив голову с кровати, смотрит на нее.)*
 Б. — Разбил?
 А. — Нет. *(Пробует достать ручку рукой.)*
 Б. — Ногой.
 А. — Сейчас. *(Пыхтит.)* Ты знаешь, у меня понос, кажется, начинается. Ну ее.
 Б. — Дай я. *(Вытягивает ногу и ухватывает ручку пальцами. Подает А.)*
 А. — У меня все лицо соленое. *(Проводит по лицу пальцами, затем лижет пальцы.)*
 Б. *(смотрит на него с завистью, затем принимается нюхать матрац. Вызывающе)*.
 — Здорово пахнет!
 А. *(нюхает свой матрац)*. — И у меня здорово пахнет.
 Б. — У меня здоровее!
 А. *(ехидно)*. — А у меня зато грудь волосатая!
 Б. *(после мучительного раздумья)*. — А видал, как я ручку ногой поднял?
 А. *(не говоря ни слова, поднимает ногу, снимает очки, дышит на них, вытирает о живот и надевает снова)*.
 Б. *(берет сигарету и на четвереньках бежит прикуривать от электроплитки. Вернувшись, с вызовом)*. — У меня зад красный!

А. *(бледнеет от зависти, затем расплывается)*. — Это у тебя загар, он пройдет!

Б. — Нет, это у меня естественное, от природы! *(Пытается выкусывать что-то под мышкой)*.) Черт, Копылов клопов развел... Нажрется молока со сливами...

А. *(тоже пытается добраться до подмышки и роняет очки)*. — Пусть их. *(Смотрит с кровати)*.) Пусть. *(Вылизывает колено)*.

Б. *(тоже пытается вылизать колено, но забывает, что во рту у него сигарета. Вопит)*. — Аы-а!

А. *(злорадно хохочет)*. — Кха-кха-кха-кха-крррр...

Б. — А я членораздельно говорить не умею! Аыа!

А. — Кхр-кхр-кхр!

Б. — Аыа! Мфух...

(Оба неловко вскарабкиваются на перекладину и начинают там искаться, покрикивая: «Аыа! Кх-кх-кх...»)

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Машина времени (почти по Г. Дж. Уэллсу)

Путешественник по Времени рассказывал нам странные вещи.

— Следите за мной внимательно, — говорил он. — Я буду опровергать одну общепринятую мысль. Собственно, я ее уже опроверг. Но чтобы вы поверили моему рассказу...

— Вряд ли мы ему поверим, — сразу заявил рыжеволосый Филя, большой спорщик.

— И тем не менее моя Машина времени стоит в соседней комнате и требует ремонта после первого путешествия.

— Я где-то об этом читал, — сказал Читатель.

— Возможно. Но не нужно меня перебивать, иначе...

— Не будете же вы утверждать, — укоризненно сказал Филя, — что путешествие по времени возможно? Эйнштейн...

— Я не имею в виду физическое время.

— Время есть форма существования материи, — пробубнил Философ, не открывая глаз.

— Я говорю не о физическом времени. Произвольно передвигаться по физическому времени, по-видимому, действительно невозможно. Однако существует еще время описываемое! Последовательность исторических событий в преломлении творческого воображения.

— Идеализм, — сказал Философ и открыл один глаз.

— Нет! Миры, в которых живут и действуют Анна Каренина, Дон Кихот, Пантагрюэль...

— Это я все читал, — поспешно сказал Читатель.

— Они реально существуют, эти миры, — сказал Путешественник. — Миры описываемого прошлого. Миры, созданные Толстым, Сервантесом, Рабле. Правда, там я еще не был. Зато я был в описываемом будущем. Теперь я знаю, что оно дискретно. Мне пришлось преодолевать гигантские временные интервалы, еще не затронутые воображением наших фантастов и утопистов... Там царит тьма, озаряемая только заревом пожаров и ядерных взрывов за Железной Стеной...

— За какой стеной? — спросил Филя недоверчиво.

— Давайте, я расскажу все по порядку, — предложил Путешественник и начал рассказ.

Это был мой первый полет, и я чувствовал себя неуверенно. Машина шла скачками, то и дело натываясь на призрачные развалины античных и средневековых утопий. Я видел куполообразные здания, над которыми кружились чрезвычайно странные аппараты, похожие на летучих мышей. Сначала мне показалось, что они все горят, но потом я понял: дым у них идет из больших конических труб. Людей видно не было. Только раз рядом со мной возник босой человек в белой хламиде, со свитком пергамента в одной руке и с лопатой в другой. Этот человек стоял возле меня в течение пятидесяти лет и, судя по движению его губ, говорил без остановки. Потом передо мной замелькали более отчетливые образы, и я затормозил.

Я очутился на улице города, и меня куда-то повезли. Присмотревшись, я понял, что стою со своей Машиной на ленте движущегося тротуара. Огромные здания со сферическими куполами проплывали мимо. Вокруг кишел народ. Множество скромных, но значительных людей прогуливалось взад и вперед и непонятно говорило о различных достижениях науки и техники. Были здесь и здоровенные молодцы в комбинезонах, которые, обнявшись, орали песни. Кажется, это были иностранцы. На углу двое юношей возились с несложным механическим устройством. «Изобретем, — говорил один из них. — Во что бы то ни стало изобретем». Другой озабоченно спрашивал: «Куда бы это реактор привесить? Нестирающиеся шины мы пристроили, но вот как быть с реактором?» В устройстве можно было легко узнать велосипед.

Я слез с тротуара на большой площади, забитой людьми и звездолетами. Играла музыка, произносились речи. Многие читали стихи. Стихи были либо знакомые, либо плохие, но из глаз слушателей струились слезы. Я вдруг понял, что присутствую при социальном катаклизме: половина населения расставалась с другой половиной. Это было похоже на тотальную мобилизацию. Мужчины отправлялись в космос (на Венеру, Марс, некоторые — в центр Галактики), а женщины оставались их ждать и занимали очередь в огромное здание с надписью «Пантеон-Рефрижератор». Рядом со мной юноша в голубом комбинезоне прощался с девушкой в розовом платье. «Я хотела бы стать астральной пылью, — монотонно говорила девушка. — Я бы космическим облаком обняла твой корабль...» Юноша благоговейно внимал.

Я подумал, что попал вовремя. Запоздай я на час, и в городе остались бы только замороженные на сотни тысяч лет женщины. И тут внимание мое привлекла высокая серая стена, огораживающая площадь с запада. Над стеной поднимались клубы жирного черного дыма. «Что это там?» — спросил я красивую женщину, понуро бредущую к Пантеону. «Железная Стена», — отвечала она, не останавливаясь. Над толпой грянули сводные оркестры, мои нервы не выдержали, я вскочил на Машину и рванул рычаг. Я еще успел заметить, как над городом взлетели тысячи звездолетов, а затем все вокруг, кроме таинственной стены, заволкло фосфоресцирующим туманом.

Время от времени город вновь обступал меня, и с каждым разом здания его становились все выше, сферических куполов становилось все больше, а звездолетов на площади становилось все меньше. Из-за стены непрерывно шел дым.

Я остановился, когда с площади исчез последний звездолет. Тротуары двигались. Парней в комбинезонах больше не было, зато увеличилось число скромных людей, гуляющих по двое и по трое. Они по-прежнему говорили о науке и, кажется, теми же словами. Один разглагольствовал о скульптуре, но так нудно и банально, что мне стало стыдно за него. Впрочем, слушателей у него хватало, и слушали его жадно. По тротуарам бегали металлические паукообразные машины. Не успел я оглянуться, как одна из них почистила мне ботинки. Проехала большая белая цистерна и, мигая многочисленными лампочками, опрыскала меня духами.

Вдруг раздался громовой треск, и с неба свалилась громадная ржавая ракета. Большая толпа двинулась посмотреть. В толпе разговаривали. «Это «Звезда мечты», она

стартовала двести лет назад, но благодаря эйнштейновскому сокращению времени для экипажа прошло всего два года». — «Благодаря чему?.. Ах, Эйнштейн... Да, мы это проходили в школе во втором классе». Из ржавой ракеты выкарабкался одноглазый человек без левой руки и правой ноги. «Земля?» — раздраженно спросил он. «Земля», — ответила толпа. «Слава богу», — сказал человек, и его никто не понял.

Увечный человек начал читать речь, в которой призывал всех лететь на планету Хош-ни-Хош освобождать братьев по разуму, стенающих под властью свирепого диктатора. Рев дюз заглушил его слова. На площадь спускались еще три ржавые ракеты. Из Пантеона-Рефрижератора бежали заиндевевшие женщины. Я понял, что попал в эпоху возвращений, и включил двигатель.

Город исчез и больше не появлялся. Осталась только стена, за которой с удручающим однообразием полыхали зарницы и валил черный дым. Это было страшное зрелище: совершенная пустота и только зловещая стена на западе. Наконец вспыхнул яркий свет, и я тотчас остановился.

Вокруг расстилалась безлюдная цветущая страна. Бродили тучные стада. На горизонте виднелись прозрачные купола, виадук и спиральные спуски. Совсем рядом на западе по-прежнему возвышалась стена.

Кто-то тронул меня за колено. Я вздрогнул. Возле меня стоял маленький мальчик с глубоко посаженными горящими глазами. «Твой аппарат поврежден?» — спросил он мелодично. «Взрослым надо говорить “вы”», — машинально заметил я. Сначала он удивился, но потом посветлел лицом. «Ах да, припоминаю. В Эпоху Принудительной Вежливости так было принято. И если обращение на «ты» дисгармонирует с твоими субэмоциональными вибронуклеотрясоидами, я охотно удовольствуюсь любым иным». Он присел на корточки перед Машиной и произнес еще несколько слов, которых я совершенно не понял. Это был славный мальчуган, здоровенький, ухоженный, но слишком серьезный, на мой взгляд.

За стеной оглушительно затрещало, и мы оба обернулись. Я увидел, как жуткая чешуйчатая рука о восьми пальцах ухватила за гребень стены, напряглась, разжалась и исчезла. «Мальчик, что это за стена?» — спросил я. Он обратил на меня серьезный застенчивый взгляд. «Это Железная Стена, — ответил он. — Мне неизвестна этимология этих слов, но я знаю, что она разделяет два мира — Мир Гуманного Воображения и Мир Страха Перед Будущим. Этимологию слова «страх» я тоже не знаю». — «А нельзя посмотреть, что там творится?» — «Конечно, можно. Вот коммуникационная амбразура». Это была низенькая арка, закрытая броневой дверью. Я взялся за щеколду. «Иди, — сказал мальчик. — Но помни — если с тобой что-нибудь случится, ты будешь отвечать перед Советом Сорока Миллиардов!»

Я приоткрыл дверь. Трах! Бах! Уау! Аи-и! Ду-ду-ду-ду! Все мои органы чувств были травмированы одновременно. Я увидел красивую блондинку, голую и длинноногую, палившую сразу из двух автоматов в некрасивого брюнета, от которого при каждом попадании летели красные брызги. Я услышал треск выстрелов, гул бомбардировки, вопли и рев чудовищ. Я обонял неопикуемый смрад гнилого горелого небелкового мяса. Раскаленный ветер недалекого атомного взрыва опалил мое лицо. А на языке я ощущал отвратительный вкус рассеянной в воздухе протоплазмы. Я захлопнул дверь, едва не прищемив себе голову. Мальчик исчез. Испугавшись, что он побежал жаловаться в Совет Сорока Миллиардов, я бросился к Машине.

Теперь я бросился вперед не меньше чем на миллион лет, а когда остановился, то даже застонал от разочарования: невдалеке опять высился громадный Пантеон-Рефрижератор, с неба спускалась ракета в виде шара, а за стеной по-прежнему поднимался дым и вспыхивали ядерные взрывы. Шар приземлился. Из него вышел давешний пилот в голубом, а из Пантеона появилась пятнистая от пролежней девица в розовом. Они взялись за руки. Поодаль, чуть смущаясь, индифферентно стоял какой-то

старикан и ловил золотых рыбок. Голубой пилот и розовая девушка затаили речь. Я торопливо дал задний ход.

* * *

Путешественник замолчал и опасливо взглянул на Философа. Философ дремал. Филя сказал решительно:

— Не верю.

— Очень интересно, — промямлил Читатель. — Маловато приключений... И потом, я все это где-то уже читал.

— Естественно, — сказал Путешественник, пожимая плечами. — Ведь я рассказал вам о посещении описываемого будущего...

И тогда в голову мне пришла забавная мысль.

— Простите, — сказал я. — А нельзя ли с помощью вашей машины посетить описываемое настоящее?

Аркадий Стругацкий. Дни Кракена

[Первый вариант]

Глава первая

На третьем курсе в университете Юлю Марецкую выбрали комсоргом факультета и затем переизбирали еще два раза. Она не отказывалась, так как декан и члены партбюро постоянно твердили ей, будто она прирожденный комсомольский вожак. Никаким вожаком она не была, но значило это для нее очень много. Она училась старательно, но язык давался ей плохо, а в качестве комсорга она быстро избавилась от чувства неполноценности, которое всегда испытывала рядом с более способными ребятами. Разумеется, никто не относился к ней свысока, ее и вообще-то не очень замечали, зато она ощущала себя как рыба в воде. Ей ничего не стоило разобраться в каком-нибудь мелком конфликте или собрать товарищей на политзанятия, потому что она была девушкой искренней и благожелательной. Правда, вся эта деятельность имела для нее и плохую сторону. Она так увлеклась общественными обязанностями, что оставила далеко в тылу все личные проблемы, с которыми любая студентка способна справиться в двадцатилетнем нежном возрасте. Она так и не сумела отделаться от некоторых ублюдочных принципов, которые ей внушили еще в школе.

На четвертом курсе у нее случился роман с одним молодым преподавателем, и она по ночам плакала в подушку, воображая себя разрушительницей чужой семьи, но преподаватель вскоре отступился и вернулся к своей жене, устав бороться с негибкими Юлиными принципами. Как-то я встретил этого преподавателя. Он хорошо помнил Юлю и очень интересовался, что с нею потом случилось. Вообще это довольно странно, потому что мало кто из однокурсников помнил ее, да и те, кто помнил, путали ее фамилию. Вообще-то она была милая девушка, даже хорошенькая, хотя все находили, что ей следует больше заботиться о внешности. На последнем семестре она была уже членом факультетского партбюро и стала носить очки, но перед госэкзаменами, кажется, сняла их.

Вскоре после университета она поступила в издательство «Иностранная литература» и тут же вышла замуж за старшего лейтенанта, только что уволенного в запас, веселого и развязного субъекта. У него не было гражданской специальности, поэтому она решила, что должна поставить его на ноги. У нее была комната в старом доме в районе Арбата, и первое время бывший старший лейтенант то ли с не привычки, то ли из чувства благодарности сдерживался. Но потом он снова стал пить, связался с какими-то

проходимцами, крал у жены деньги и даже пытался ее колотить. Юля из кожи вон лезла, чтобы перевоспитать его. Она ела и спала с книгами Макаренко, приводила домой сослуживцев, которые рассказывали, как славно работать в коллективе и любить свою работу. Неожиданно она узнала, что у него есть любовница, и прогнала его. К счастью, детей у них не получилось, но вся эта история крайне болезненно подействовала на ее самолюбие. Во-первых, ей было очень стыдно перед сослуживцами, хотя они жалели и всячески старались ободрить ее. И к тому же она сообразила, что не любит и никогда не любила мужа, а потому во всем виновата сама. Она поняла, что у нее с ним с самого начала не было никаких шансов на успех, поскольку собственная комната и довольно высокий оклад независимо от ее женского обаяния сами по себе представляли соблазн для бездомного бездельника. Она прямо-таки извелась, обвиняя себя в черствости и себялюбии, и долго еще снабжала бывшего мужа деньгами, когда он являлся к ней в подпитии с мольбами и упреками. Бедняжка успокоилась только через несколько месяцев, но из «Иностранной литературы» все-таки ушла и поступила к нам в редакцию современной прозы.

Работала она добросовестно и умело и нисколько не робела перед начальством, поэтому к ней так и льнули молоденькие девушки из корректорской и производственного отдела — она беззаветно и со студенческой пылкостью защищала их от раздраженных заведующих. Вскоре ее выдвинули в местком вместо старушки, ушедшей на пенсию, а затем она была выбрана в партийное бюро, хотя прошла большинством всего в два голоса. Это последнее обстоятельство ее обидело и в то же время прибавило ей рвения, так что на нее свалили всю текущую работу. В партийном бюро такие работники просто необходимы, и стоило ей однажды надолго заболеть, как с треском провалилось множество мелких мероприятий.

Мне она не нравилась еще в университете, и я сделал вид, что совсем не помню ее, когда она подошла ко мне в издательстве. Она меня раздражала. Есть люди с каким-то редкостным, книжным сочетанием необыкновенной душевной доброты и совершенно твердокаменных заблуждений. Это те самые, которые любят обиженно говорить: «Чем больше делаешь добра, тем хуже к тебе относятся». Мне приходилось сталкиваться с ними в армии — это были ефрейторы и сержанты из сибиряков и украинцев. Я никогда не сомневался, что в Юле главное — большое чутье к чужому несчастью и что она готова сеять добро любой ценой. Но переносить ее даже в небольших дозах очень трудно, может быть потому, что она никак не способна понять, что люди вокруг не добрые и не злые, что каждый человек очень сложен и может очень сильно отличаться от нее. Она навязывает тебе свое хорошее отношение, выстаивает за тебя очереди в буфете, мчится после работы за город за книжкой, которую тебе захотелось прочесть, но посидеть в ресторане и просто потрепаться в перерыв ты предпочитаешь с Костей Синенко, который не постесняется забрать у тебя последние два рубля, с легким сердцем утеряет рукопись, взятую тобой под честное слово в соседней редакции, или в самое горячее время станет проситься во внеочередной отпуск.

Все же в конце концов мы с Юлей стали друзьями. Мы встретились на дне рождения у общего знакомого, поговорили в углу на диване на общие темы, потанцевали, и она решила, что я хороший человек. «Я к тебе давно присматриваюсь, и мне очень хотелось сойтись с тобой поближе», — заявила она с таким видом, словно я должен был немедленно проникнуться благодарностью к ней за это признание. Затем, не сходя с места, она чистосердечно рассказала мне все о себе. Это было трогательно, тем более что у меня в тот вечер было отличное настроение, а она была очень хороша — румяная от вина, в красивом платье, закрытом до шеи, и с голыми руками. Я проводил ее домой. Мы долго прохаживались перед ее подъездом, потом долго стояли у подъезда, и она все говорила, доверчиво заглядывая мне в лицо. Я уверен, что если бы я попытался тогда поцеловать ее, она бы страшно удивилась и обиделась.

Она здорово привязалась ко мне и стала часто бывать в нашей редакции. Раза два она заходила даже ко мне домой, но я старался не поощрять ее. Возможно, она влюбилась, а скорее всего, просто чувствовала себя одинокой. Ведь я был ее единственным другом в издательстве, если не считать девчонок из корректорской. А может быть потому, что я только слушал ее и никогда не рассказывал сам. Это вообще очень импонирует людям. Они видят в этом признак участия. Или еще потому, что я обедал в кафе, ужинал булкой с колбасой, и ей хотелось поставить меня на ноги. Как-то она предложила мне познакомиться с одной приятельницей из «Иностранной литературы». Не помню уже, почему знакомство не состоялось. Впрочем, говорили мы главным образом о делах, и мне иногда думается, что для себя она оправдывала эту дружбу необходимостью живой связи с массами. Все-таки она очень меня раздражала, потому что я все время был чем-то обязан ей. Например, она научила меня играть в бадминтон.

В тот день, когда привезли Кракена, она зашла после перерыва поговорить о моих отношениях с Майским, и я по-настоящему разозлился на нее. Мы все трое лежали животами на подоконнике и смотрели, как внизу во дворе ворочается «маз» с громоздким прицепом-цистерной. Вокруг «маза», взволнованно размахивая руками, бегали беспозвоночники и пронзительными голосами подавали водителю советы. Беспозвоночками мы называли наших соседей, сотрудников Института беспозвоночных, да они и сами себя так называли. Костя пригляделся и сказал, что это беспозвоночкам привезли спирт, а Тимофей Евсеевич стал рассказывать, как бы он поступил на месте водителя. Тут подошла Юля, поздоровалась и сказала:

— Андрюша, ты, я вижу, не очень занят, мне надо поговорить с тобой.

Мы вышли в коридор и сели у стола, где обычно сидят с авторами, чтобы не мешать в редакции.

Она опустила ресницы, разгладила юбку на коленях, скорбно взглянула на меня и покраснела. Она не знала, с чего начать. Или притворялась, что не знает, — для нее это всегда было одно и то же. Я сразу понял, что она собирается резать мне в глаза правду-матку. Не люблю, когда мне режут эту самую правду-матку, но за удовольствие иметь такого друга приходилось время от времени платить. Я полез в карман за сигаретами, хотя у меня и без того было горько во рту от курения, и сказал:

— Давай, Юленька, рассказывай, что там еще стряслось. Синенко опять целовал Марину в рабочее время? Нет? Неужели Тимофей Евсеевич? Он старик, но еще может... Тоже нет? В чем же дело? Мне не к лицу этот галстук? Говори прямо и откровенно. Без околичностей и всяких там фиглей-миглей.

Пока я говорил все это, она с трагическим достоинством покачивала головой. Глаза ее были прикрыты. Затем она открыла глаза и сказала:

— Я не шучу, Андрюша. Вопрос очень серьезный. Боюсь, что тебе это будет не совсем приятно, но...

Последовала значительная пауза, и я поспешил заверить:

— Я слушаю тебя, Юленька.

— Что у тебя за отношения с Майским? — спросила она.

Я удивился.

— С Петей Майским? Хорошие отношения.

— Вы друзья?

— Не то чтобы друзья... А что случилось? Он попал в милицию? Это он может.

Она сурово сказала:

— Ты пьянствуешь с ним в ресторанах.

Это было сказано так убежденно и взволнованно, что я растерялся. Так мог бы сказать следователь, загнавший преступника в ловушку.

— Почему же именно пьянствую? — спросил я. — В ресторанах не обязательно пьянствовать, Юленька. Там разрешают и просто беседовать.

— Не в этом дело. Ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Не понимаю, — сказал я искренне.

— Ты заведующий отделом, коммунист. Майский твой автор. Ты не должен ходить с ним по ресторанам.

— Послушай, Юля, — сказал я, сдерживаясь. — Я давно взрослый. Я сам знаю, с кем мне ходить.

Тогда она наклонилась ко мне и проговорила вполголоса:

— Ты не имеешь права. Как твой товарищ и как член партбюро я предупреждаю тебя, это выглядит некрасиво. Ты включил Майского в план редподготовки?

— Ладно, — сказал я и встал. — Довольно с меня. Да, я включил Майского в план редподготовки. По этому поводу мы устроили в ресторане «Метрополь» очередную попойку, и там Майский выдал мне нотариальную доверенность на половину будущего гонорара. А затем мы с ним отправились в Сандуновские бани, и его рука мыла мою руку. Я признаю свою вину и готов предстать.

Это было грубо, потому что Юля, конечно, затеяла этот разговор из самых лучших побуждений. Она сидела, как прибитая. Но я разозлился. Какая-то полицейская логика: не потому вне подозрений, что честный, а потому честный, что вне подозрений. Мне такая логика никогда не нравилась, и в свое время я от нее натерпелся. Я повернулся и пошел прочь. Юля догнала меня и схватила за рукав.

— Андрюша, — сказала она жалобно, — пойми меня правильно. Я вовсе не хотела тебя обидеть. Ты чистый и честный человек, Андрюша, я тебе во всем верю... Но зачем тебе всякие ненужные разговоры, сплетни? Я не хочу, ну просто не желаю, чтобы кому-нибудь пришло такое в голову. Ты только пойми меня...

По коридору шли люди, и она замолчала.

— Я понял тебя, — сказал я. — Прости, пожалуйста, мне пора.

Она не отпускала рукав.

— Не сердись, — сказала она.

— Я не сержусь.

— Не сердись. Я просто должна была тебе это сказать. Я долго думала, а сегодня вдруг решила, что больше молчать не могу. Ты не сердишься?

— Нет, — сказал я. Я действительно больше не сердился. На нее было смешно обижаться. Больше всего мне хотелось бы положить ее на колени и отшлепать по мягкому. Потом это желание тоже прошло, и я засмеялся.

— Ладно, — сказал я. — Все в порядке.

Она отпустила мой рукав и несмело улыбнулась. Когда я вернулся в редакцию, Костя и Тимофей Евсеевич все еще лежали на подоконнике. Я разогнал их за рабочие столы и сел разбирать корреспонденцию. Одно из писем было из Иностранной комиссии ССП. Малинина просила меня явиться в будущее воскресенье на встречу с Цутому Хида в «Пекин» к восьми часам вечера. Конечно, можно было попытаться увильнуть от этой встречи, но мне не хотелось подводить Малинину. Я позвонил ей, а затем меня вызвали к главному редактору.

Глава вторая

Беседа с главным редактором затянулась, и я освободился только около семи. Я устал и хотел есть, дома меня ожидал «Призрак с хризантемой», завтра предстояла встреча с Кларой, но я все же обратил внимание на необычное оживление возле зимнего бассейна. Оттуда тянуло резким кислым запахом. Несколько рабочих в спецовках закладывали кирпичом обширный провал в стене, им помогали взволнованные и нервные беспозвоночники. У рабочих, как мне показалось, тоже был какой-то озадаченный и недоверчивый вид, и они очень торопились. Но я не стал подходить, так как решил, что бассейн просто-напросто опять ремонтируют.

Не знаю, когда и для чего построили посередине двора это грубое приземистое сооружение из потрескавшегося бетона. Судя по бледным надписям со стрелками, во время войны оно служило убежищем, затем в нем хранили уголь, а потом наши спортсмены объединились со спортсменами из Института беспозвоночных и оборудовали в нем приличный закрытый бассейн. Не бог весть какой он получился, глубиной всего полтора метра и площадью пятнадцать на двадцать, но ребята построили его сами и гордились кафелем, лампами дневного света и прочими удобствами. Летом в нем просто купались, а зимой занимались пловцы и команды ватерполистов профсоюза работников культуры.

Погода была прекрасная, и я побрел домой пешком, выбирая самые тихие переулки. По дороге я вспомнил, что у меня кончился кофе, зашел в магазин и купил пачку за сорок четыре копейки, а заодно двести граммов буженины и масла. Можешь за меня не беспокоиться, друг мой сердечный Юля Марецкая. Кофе и хороший бутерброд с бужениной — это очень хорошо. Это не только хорошо, но и уютно. Ты себе представить не можешь, как уютно выкушать часа в два ночи большую фамильную чашку кофе, и никто не уговаривает тебя сонным голосом, что пора спать и что надо спать, когда спят все порядочные люди, и ты можешь сидеть и работать и думать, сколько угодно. Не надо обо мне беспокоиться, дорогая Юленька, даже когда я сижу в ресторане и даже с беспутным Петькой Майским и возвращаюсь домой под утро. А если вы все-таки будете слишком беспокоиться, то смотрите, я разозлюсь и сделаю вам предложение, и вы по глупости и природной деликатности согласитесь стать моей женой, и вот тогда-то вы узнаете, что такое настоящее беспокойство, потому что у меня есть большой опыт по причинению близким беспокойства, а у вас нет практически никакого опыта, и поскольку я вас все-таки не люблю, а вы склонны видеть в семейной жизни некое продолжение общественного долга, вам придется очень, очень плохо. Так что не сердите меня, милая, останемся лучше друзьями. Я готов сколько угодно терпеть тебя в качестве члена партбюро и даже в качестве друга, но если ты воображаешь, что заботу обо мне можно простираť сколь угодно далеко, то прах с тобой, погибай. Вряд ли ты перенесешь еще одно разочарование.

Дома я принял душ, поужинал и стал готовиться к очередной схватке к Баньютэем. Я веду настоящую войну, по всем правилам и с высокой целью. Я наступаю, Баньютэй жестоко и умело обороняется. Это сильный противник, таких у меня еще не было. Он сопротивляется каждой строчкой, он подсовывает мне странные реалии, которых не найти ни в одном словаре, он сбивает меня с толку жаргонными оборотами и провинциальными словечками, он заманивает меня в ловушки поступками своих героев, на первый взгляд вполне естественными, но имеющими, как это неизменно случается, совершенно чуждый мне смысл. Настоящая война, сладкая каторга, которая выматывает так, что перестаешь гордиться собой и продолжаешь воевать из тупого упрямства.

Война ведется по вечерам и по ночам, и каждый раз перед боем я некоторое время стою перед столом, держась за спинку старого скрипучего кресла, и выжидаю. Как будто все готово. Серо-зеленая «комбина» заправлена чистым листком бумаги. Справа, так, чтобы было удобно дотянуться, разложены рыхлые от употребления тома Кацуматы, «Кодзиэн» и Роз-Иннеса. Слева раскрыта изящная книжка Баньютэя. Пепельница пуста, папиросница полна, на всем свободном пространстве разбросаны коробки спичек. Остается сесть, положить пальцы на клавиши и посмотреть на текст. Но это невозможно сделать сразу. Мало того, это нельзя делать сразу.

Мешает рефлекс, выработавшийся за долгие годы работы. Этот рефлекс предупреждает, что после первого удара клавиши я, свободный человек в свободной стране, на несколько часов стану бесправным галерником. Когда я стою перед письменным столом, что-то во мне с ужасом протестует, жалобно и жалко требует не начинать. Совсем не начинать, а пойти, например, на диван и выспаться. Ну, раз уж это так необходимо, то начать через часок. Через десять минут. А пока все-таки лечь на диван

и покурить, разглядывая потолок. Не знаю, как кто, а я люблю свои рефлексы. Особенно этот. Он ничему не мешает, он слаб и жалок, и, отдавая ему дань паузой, я ощущаю себя чуть ли не собственным благодетелем. При этом я хитрю. Я только делаю вид, что просто медлю. На самом деле я настраиваю себя на противника. Это не так просто — каждый вечер перетаскиваться из Москвы второй половины двадцатого века в Токио, вернее, в Эдо первой половины восемнадцатого. Забыть о метро и спутниках и провалиться в мир бидзэнских мечей и ёсиварских красавиц. Вползти в шкуру Баньютэя, увидеть его мир его глазами, разобраться в его эмоциях и постигнуть его логику.

Вот он идет по узкой улочке, бесцеремонно толкаясь и отпуская незатейливые шуточки, долговязый костлявый человек в стареньком кимоно с подоткнутыми полами. С первого взгляда в нем узнаешь «эдокко», настоящего коренного эдосца, во всяком случае — с первого слова. Его настоящее имя, конечно, не Баньютэй, но все зовут его так, потому что так он подписывает свои книжки в пестрых обложках и с потешными рисунками. Эти книжки захлеб читает вся столица, да что там, вся Япония от Сэндая до Сацумы, грамотные читают неграмотным, и все хохочут, начиная от грозного диктатора и кончая последним эта, уборщиком падали. Всюду в столице Баньютэй как дома, тем более что собственного дома у него нет. Он бесцеремонно вмешивается в чинную беседу двух купцов из провинции и передразнивает их медлительный выговор так, что толпа вокруг ревет от восторга. Он закатывает оплеуху слуге какого-то самурая, который пытается преградить ему дорогу своим деревянным мечом, и тут же отвешивает обомлевшему от такой наглости самураю почтительно-шутливой поклон. Он показывает фигу — так в Эдо приглашают девок — важной дебелий даме в паланкине и несколько минут наслаждается ее визгливыми ругательствами. Он весел сегодня, он хорошо продал свою очередную книгу «Призрак с хризантемой», и мир нехитрых удовольствий снова открыт для него. Скорее всего, он идет сейчас в веселые кварталы, где с друзьями и проститутками в два дня спустит всю выручку, а затем, если повезет, заставит еще неделю-другую развлекать себя какого-нибудь загулявшего купеческого сынка.

Я давно понял, какой веселый нетерпеливый талант носит в себе этот пройдоха и распутник. Талант гениального наблюдателя. Его сознание мгновенно отмечает мелочи, мимо которых равнодушно проходят другие люди, по взглядам, по позе, по голосу он отыскивает смешное в человеке, усилием воображения восстанавливает прошлое этого человека, мысленно ставит этого человека в необычайные обстоятельства — и вот уже готова небольшая новелла, которая, возможно, войдет в его следующую книгу...

Я обошел кресло, сел и придвинулся к столу. Мой дорогой рефлекс, воображающий себя, наверное, моим спасителем, больше не сопротивлялся. Я даже представил себе, как он огорченно махнул рукой и улегся дремать где-то в теплых глубинах подсознания. Добрый вечер, Баньютэй-сан. Глава двадцать седьмая. «Пришел все-таки, сволочь тоскливая, — сказал Тёдзаэмон. — И что ты под ногами путаешься?..» Цумаранэ яцу, отлично сказано. Редактор для этой книги нужен старше шестнадцати. Пожалуй, самое трудное у Баньютэя — это диалоги, из которых процентов на семьдесят состоят все его книги. Очень живописные диалоги, надо признать, и эдосский бытописатель не постеснялся передать их во всем сыром уличном великолепии, с грамматикой, словами и оборотами, давно канувшими в вечность. И реалии, реалии... У Кацуматы и в «Кодзиэне» есть, кажется, все, и реактор на медленных нейтронах, и рецессивная аллель, но нет никаких следов такого, например, слова, как «накаго». Что это? Меч в ножнах или стержень рукоятки?

Я проработал два часа. Стемнело, я зажег свет и закурил. За два часа едва одна страница. И это еще ничего, потому что в начале войны с Баньютэем бывали дни, когда страница текста обходилась мне в три и даже в четыре часа. Это не «Один в пустоте» бывшего солдата второго разряда бывшей Квантунской армии Цутому Хида, когда перевод сам лился в русские строчки, и я переводил столько, сколько успевал печатать. В воскресенье мне встречаться с Хида. Потерянный вечер. Но он хороший писатель, и,

может быть, будет интересно. Надо подарить ему перевод. И какой-нибудь сувенир. Придется поломать голову над сувениром. Не буду ломать. Куплю матрешку или фигурку из мамонтовой кости. Или бутылку юбилейной водки в оригинальной упаковке, кажется, это так называется. Надо будет завтра сходить в магазин русских вин. Там я покупал шампанское для Клары... Хотя нет, тогда этого магазина еще не было. Клара была в узкой короткой юбке, и на вечере все мужчины глазели на ее ноги. Красивые ноги, надо заметить. Ох, завтра мне встречаться с Klarой. Завтра — с бывшей женой Klarой, послезавтра — с бывшим солдатом второго разряда Цутому Хида. А сегодня, завтра, послезавтра и еще много-много дней подряд мне встречаться с веселым Баньютэем.

Вот вопрос: чего ради я связался с этим средневековым шутником? Ведь мне предлагали другую работу, куда более выгодную. Пухлую современную вещь на двадцать листов, работать можно почти без словаря. Закончил бы в полгода, расплатился с долгами, съездил бы в Карловы Вары... Правда, вещь эта скучна. До синих пятен скучна. Что-то из жизни наираспробеднейшего крестьянства, страдающего в лапах ростовщиков. Она сказала и заплакала. Он сказал и заплакал. И сопля дрожала на кончике его носа. Я не люблю таких вещей. От «Поликушки» меня тошнит. Даже от чеховских «Мужиков» меня тошнит. Баньютэй — другое дело. И сюжет незамысловат до глупости, да и взят он у какого-то китайца, чуть не у Цюй Ю Цзун-цзи, а как великолепно сделано! На мой взгляд «Призрак с хризантемой» сделал бы честь самому Акутагаве, который два века спустя вот так же использовал наивные сюжетики из «Кондзяку». Ладно. Кривошеин подождет, а в Карловых Варах будет весело и без меня. Я — чернорабочий мировой культуры.

Я перевел еще одну страницу, поставил завариваться кофе и постоял у окна, напрягая затекшие мускулы ног. Было уже совсем темно, похолодало, над крышами повисла распухшая красная луна. Внизу шуршали шины, стучали каблучки, кто-то визгливо засмеялся и сразу замолк. В окне напротив толстая женщина в сарафане укладывала спать маленькую девочку, тянула через голову платице и что-то говорила ей, ласково улыбаясь. Я подумал, что Юля сейчас тоже укладывается спать или уже лежит в постели и огорченно вспоминает, как она неделикатно со мной разговаривала. Тут вскипел кофе, и я вернулся к столу.

Интересно, почему человечество все время возвращается к великим вехам? Почему считается, что мы и сейчас — сейчас в особенности! — не можем жить без Шекспира, Сервантеса, Ду Фу, Мурасаки, Гомера? Может быть, потому, что это вещественные доказательства человеческого гения? Смотрите, мол, вы, антропоиды двадцатого века, на что были способны ваши предки. Ведь говоря по правде, Шекспира читать довольно скучно. А Гомера я вообще так и не одолел. И если бы речь шла только обо мне, я бы, конечно, помалкивал и тихонько краснел бы в тряпочку. Но и среди моих знакомых только двое способны по своей воле читать Шекспира и только один утверждает, что прочел «Илиаду». С другой стороны, для авторитетных и глубоко мною уважаемых людей Шекспир вовсе не скучен. Он является для них неисчерпаемой сокровищницей новых идей и ощущений. Они вдохновенно разглагольствуют об огромной роли, о выразителях интересов, о гигантских трагедиях и прочем и с презрительным терпением стараются растолковать все это нам, непонимающим. А что, если они врут? Что, если сами эти старые песочницы втихомолку с наслаждением читают растрепанные книжки Буссенара? Попробуй, проверь.

Впрочем, проверить нетрудно. Взять, например, Баньютэя. Русскому литературоведению японская литература известна плохо, а Баньютэй и вообще неизвестен. Понести рукопись Шкловскому и попросить: «Прочитайте, пожалуйста, и дайте свое авторитетное заключение. Писатель этот не бог весть что, в японском литературоведении о нем ничего не говорится, но мне кажется...» и так далее. Это был бы интересный опыт. Не станет же Шкловский наводить справки...

Я отхлебнул кофе и вернулся к переводу. Всего в этот вечер я перевел пять страниц и лег спать в половине третьего.

Глава третья

Я прождал всего минут пять, поэтому понял, что нужен Кларе по важному делу. Она была в белом платье и белых босоножках, свежая, словно только что из нарзанной ванны, стремительная, как мальчишка. Она подошла, улыбаясь, протянула ладонью вниз левую руку в белой ажурной перчатке и сказала:

— Доброе утро, милый.

— Здравствуй, дорогая, — сказал я.

— Очень мило, что ты пришел.

— Напротив, очень мило, что ты пожелала встретиться.

— Нет, правда, я очень рада тебя видеть.

— Я тоже в восторге.

— Ты неважно выглядишь, милый. Дела замучили?

— Да. Пропать дел.

— Но ты же знаешь, тебе нельзя утомляться.

— Что поделаешь... Зато ты выглядишь прекрасно.

— Нет, серьезно. Тебе не следует перегружать себя работой. Особенно в такую жару.

Я всегда ненавидел этот small talk, но Кларе он был необходим. В старое доброе время она как-то призналась мне, что для нее это нечто вроде разведки боем. Она-то, наверное, не помнила, что сказала мне об этом. Я сказал:

— Да, в последнее время стоит ужасная жара. Сегодня будет более жарко, чем вчера.

А завтра будет еще жарче. Итак?

Она глядела на меня, безмятежно улыбаясь.

— Ты прав, — сказала она. — Времени мало. Я вызвала тебя, чтобы сообщить, что я даю согласие на развод.

— Что ж, — сказал я, — это хорошо.

— Ты не рад?

— Да нет, мне все равно.

— Три года назад ты говорил иначе.

— Три года назад! — Я даже засмеялся. — Три года назад было очень давно. Целых три года. Теперь я привык.

Я видел, что она разочарована, и поспешно добавил:

— Нет, ты не думай, я с удовольствием. Действительно, сколько это может тянуться?

— Да, это тянется слишком долго. Ну, так или иначе, ты можешь подавать на развод и обрести желанную свободу.

— Наконец, — сказал я.

— Вот именно. Наконец. Почему ты улыбаешься?

— Это я от счастья. Ослепительные перспективы.

Мы помолчали.

— Ты все еще в издательстве? — спросила она.

— Да.

— Недавно я видела где-то какую-то книжку в твоём переводе.

— Да, я перевожу. Время от времени. Все еще перевожу.

Мы опять помолчали. Я поглядел на часы.

— Между прочим, он прекрасный человек, — сказала вдруг она тихо. — Ты не должен был обращаться с ним так... грубо.

— Но я тогда не знал, что он прекрасный человек, — возразил я.

— Он очень страдал.

— Я тоже. Я вывихнул пальцы и получил выговор по партийной линии.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания, Клара, — вежливо сказал я. — Очень рад был повидать тебя. Объявление я дам в ближайшее время.

Она ушла, не подав руки и не оглядываясь. Времени было в обрез, и я взял такси. Утро было ясное и жаркое, блестели на солнце политые улицы, люди спешили на работу и в магазины, стараясь держаться в тени домов и деревьев. У меня горело под веками, и сами собой закрывались глаза. Больше всего спать хочется утром, к полудню это проходит. Я подумал, что мог бы поспать лишний часок, и неожиданно для себя скверно выругался вслух. Шофер изумленно оглянулся.

— Ничего, ничего, — пробормотал я. — Все в порядке.

Когда мы подъехали к издательству, до начала занятий оставалось еще минут десять. Я подошел к автомату выпить стакан воды. Пока я рылся в карманах, ища трехкопеечную монету, возле меня остановился Полухин. Он по-отечески пожал мне локоть и сказал:

— Вот кстати, Андрей Сергеевич! А я вас вчера искал!

Он никогда не здоровался, но на него не обижались. Говорили, что он не здоровается даже с министром. Открывает дверь к нему в кабинет и радостно кричит: «Вот кстати, товарищ министр! Разрешите?»

— Когда? — спросил я.

— Вечером. Во второй половине дня.

— Я сидел у Келлера.

Он подождал, пока я пил воду с грушевым сиропом. Мимо нас в ворота проходили сотрудники и здоровались с ним, и он благосклонно кивал в ответ, сияя отеческой улыбкой.

— Тут такое дело, — сказал он. — Мне позвонили от соседей. Беспозвоночники. Звонил их директор и спросил, нет ли у меня на примете специалиста по японскому языку. Разумеется, Андрей Сергеевич, я сразу вспомнил о вас.

Я покачал головой.

— Спасибо, Борис Михайлович, но я не могу. Очень занят.

— Пустяки, пустяки! Я уверен, это не займет у вас много времени. Они получили из Японии какие-то материалы. Какие-то документы, понимаете? И им хочется узнать, что это такое.

— Пусть обратятся в Институт научной информации. Я не могу.

У него от огорчения обвисли щеки.

— Но я уже обещал им! — сказал он. — Мы с вами не можем вот так просто взять и отказаться. Это наши соседи, наконец!

Я промолчал.

— Я вас очень прошу, Андрей Сергеевич, — сказал он. — Я не могу вам приказывать в данном случае, я вас очень, очень прошу. Я совершенно уверен, что это не потребует много времени. Мы соседи, у нас множество общих интересов. В конце концов, должны же мы помогать друг другу, разве не так?

— Почему им не обратиться в Институт информации?

— Возможно, им следовало обратиться в Институт информации, не спорю. Но, с другой стороны, они имеют полное право рассчитывать на поддержку соседей. Почему бы и нет? Слушайте, Андрей Сергеевич, ну зайдите к ним, посмотрите... Ведь, может быть, вы только посмотрите и сразу им скажете.

Черт с тобой, подумал я устало, черт с вами со всеми.

— Хорошо, — сказал я. — К кому у них там обратиться? И когда?

Он снова воссиял.

— Прямо к директору. В любое время. Лучше всего прямо сейчас.

— Нет, прямо сейчас я не пойду. Мне нужно в редакцию.

— Как вам угодно, Андрей Сергеевич! Значит, договорились? Ну, я очень, очень рад. Совершенно уверен, что времени это у вас займет немного. В крайнем случае посидите денек-другой дома...

Тут он заметил главбуха, только что появившегося из-за угла, радостно завопил: «Вот кстати, Илья Матвеевич, а вы мне нужны!..» и помчался ему навстречу. Я прошел в ворота. Мне было тошно от всего этого — и от Клары, и от глупых Юлиных претензий, и от самоуверенности Полухина. И от предстоящей встречи с японцем. Мне хотелось только, чтобы меня оставили в покое. Во дворе возле зимнего бассейна опять толклись люди. Они устанавливали на грубых деревянных козлах большой бак, выкрашенный серой краской, и при этом сердито спорили. Газон перед бассейном выглядел так, будто на нем занималась строевой рота новобранцев. И, как вчера вечером, остро воняло какой-то кислотой. Черт с вами со всеми, думал я, ничего я не хочу. Ни бассейнов, ни газонов.

У лифта была очередь, и я поднялся по лестнице, поэтому мне пришлось подождать в коридоре, пока исчезнет тошнота. Ко мне подошел долговязый красавец Виля Смагин.

— Вот тебе и поплавали, — горестно сказал он. — Дай бедному Виле сигаретку. Придется теперь ездить в Химки.

— Почему, бедный Виля? — спросил я.

— Он еще спрашивает! Бассейн-то теперь нам отдадут месяца через два, не раньше...

— А что случилось с бассейном?

Виля недоверчиво посмотрел на меня.

— Ты что, дурачишь несчастного Смагина?

— Нет.

— Ты что, не знаешь, что бассейн у нас отобрали?

— Кто отобрал? Почему?

Виля вздохнул.

— Да, — сказал он. — Теперь я вижу. Ты действительно ничего не знаешь. Бассейн у нас отобрали беспозвоночники. В интересах науки, вот что ужасно. Они достали где-то громадную рыбу и запустили ее в наш бассейн. И бедному, несчастному Виле теперь негде тренироваться. Сочувствуешь?

— Да, — сказал я. — Интересно, какая это рыба?

Виля закурил, укоризненно покачал красивой маленькой головой и ушел. Почему-то мне стало весело. Не знаю почему. Я не был ватерполистом, как Виля, а рыба, для которой понадобился целый бассейн, — это было интересно. Видимо, ее и привезли вчера в цистерне-прицепе, и ради нее ломали и снова закладывали стену и ставили сегодня серый бак. Я направился в редакцию.

Все были на местах, и Люся сейчас же доложила, что меня спрашивала Марецкая. Костя Синенко сообщил:

— Она сегодня на редкость эффектна, Андрей Сергеевич. Этакая расклешенная синяя юбка, волосы...

— Придержите язык, Синенко, — холодно сказал я. — Аннотации вы написали?

— Не могу я писать аннотации.

— Хорошо. Я напишу сам.

— Давайте я напишу, — поспешно предложил Тимофей Евсеевич.

— Занимайтесь своим делом, — сказал я. — Вы закончили «Розу и зеркало»?

— Нет.

— Вот и заканчивайте. Занимайтесь своим делом. Вам ясно?

— Ясно, Андрей Сергеевич, — пробормотал Тимофей Евсеевич.

— Вот и хорошо. Синенко, давайте сюда материалы по аннотациям.

Костя сердито сказал:

— Я сам.

— Тогда не морочьте мне голову. Фомина, вы выписали неодобрение Глазунову?

— Нет еще, Андрей Сергеевич, сейчас выпишу.

— Поторопитесь.

Я взял из шкафа рукопись Майского и сел у окна. Некоторое время в редакции было тихо. Потом Тимофей Евсеевич робко кашлянул и сказал:

— Простите, Андрей Сергеевич, вчера вечером звонил Верейский...

— Да?

— Он получил рецензию Басова и страшно разозлился.

— Угу.

— Он сказал: «Передайте этому вашему интеллигентному павиану, что он кретин».

— Ну что ж, — сказал я. — Передайте, пожалуй. Только он будет польщен. Его еще никто не называл интеллигентным. Беда в том, что он у нас единственный человек, который знает суахили.

— А как быть с Верейским?

— Верните ему рукопись, вот и все.

Зазвонил телефон. Люся взяла трубку.

— Вас, Андрей Сергеевич, — сказала она.

Звонил Полухин.

— Вот кстати, Андрей Сергеевич, — заблеял он. — Я только что говорил с директором соседей. Он готов вас принять в любую минуту. Хоть сейчас. Вы сейчас свободны?

— Да, — сказал я. — Я иду.

Я повесил трубку и пошел к двери. В дверях я остановился.

— Я вернусь через час, — сказал я. — Может быть, немного позже. К обеденному перерыву все аннотации по плану следующего года должны быть у меня на столе. Всем ясно?

— Ясно, — сказал Тимофей Евсеевич.

— Синенко?

— Ясно, ясно, — проворчал Костя.

— И неодобрение Глазунову, Люся.

— Я сделаю, Андрей Сергеевич.

Я вышел и притворил дверь.

Глава четвертая

Институт беспозвоночных помещался в глубине двора в старинном двухэтажном особняке. Я там никогда прежде не был, но кое-кого из беспозвоночников знал. Они ходили обедать в наш буфет, а один молодой лаборант, специалист по фиксирующим смесям, как он отрекомендовался, серьезно болел нашей Люсенькой Фоминой и в конце рабочего дня посещал редакцию. Из-за жары я не пошел напрямик через двор, а направился круговой аллеей, прячась в тени дряхлых лип. У зимнего бассейна по-прежнему толпился народ, должно быть, их волновала огромная рыба. По дороге я понял, что кислым запахом несет именно оттуда, и подумал, что рыба, возможно, не совсем свежая. Потом, помнится, я рассеянно удивился, для чего могла понадобиться рыба беспозвонощикам.

В маленьком вестибюле старичок-вахтер словоохотливо объяснил мне, как пройти к директору. Директор сидел за столом в сумрачном от штор кабинете и грустно листал бумаги. Когда я представился, он оживился, отодвинул бумаги и предложил мне присесть. Он был толст, потен и то и дело снимал и протирал платочком очки с толстыми линзами без оправы. При этом он не спускал с меня бледных глаз с красноватыми веками и часто мигал.

— Да, — сказал он, — да! Я все знаю, товарищ Головин. Уважаемый Борис Михайлович мне все рассказал. Что вы очень заняты и прочее. Вы правы, мы могли бы послать эти документы на Балтийскую улицу. При иных обстоятельствах мы бы так, несомненно, и сделали. Несомненно! Но вы знаете, как это у них делается — заказ, оформление и прочее. А нам нужно срочно, очень срочно, немедленно! У нас здесь не океанарий на Вирджиния-Ки, у нас нет соответствующих специалистов-практиков, мы

должны действовать по наитию, и у нас голова идет кругом. Многоуважаемый Дмитрий Иванович, академик Щербаков, любезно обещал прислать альбомы и руководства, но на них мало надежды. Единственное, на что мы можем рассчитывать, это документы. Возможно, они содержат какой-либо ключ. Ключ, намек, что угодно. Если и в них ничего не окажется, тогда я не знаю. Он может сдохнуть, и тогда получится грандиозный скандал и прочее.

Я ничего не понимал, но молчал. В кабинете было прохладно, кресло было на удивление мягкое. Директор положил перед собой объемистый пакет из плотной глянцевиной бумаги.

— Я буду исходить из того, что вы согласны помочь нам, товарищ Головин. Вы пришли, следовательно, вы согласны и все прочее. Что нужно прежде всего? Прежде всего необходимо установить, каков должен быть режим. Не думаю, что нужно переводить все подряд. Сначала нужно все просмотреть и найти, выбрать, отчеркнуть то, что может помочь в определении режима. Это дело первостепенной срочности. Не нужно забывать, что он утомлен дорогой, напуган, может быть, даже болен. Вам приходилось когда-либо путешествовать в цистерне? Даже если цистерна выстлана водорослями. Правда, до Ленинграда его везли в довольно сносных условиях. Забортная вода и прочее. Но здесь, у нас, он чувствует себя, вероятно, значительно хуже.

— Простите, — прервал я директора. Мне стало как-то не по себе. — Кто это — он?

— То есть как это — кто? Наш спрут. Мегатойтис.

— Ваш спрут?

— Да, да. Спрут, которого нам на беду подарили и прочее.

Мы уставились друг на друга, потом директор смущенно хихикнул.

— Тысяча извинений, товарищ Головин, — сказал он. — Я совершенно упустил из виду, что вы ничего не знаете. Разумеется, воображаю, с каким изумлением вы слушали меня. Воображаю. Нам здесь ведь кажется, что весь мир осведомлен о наших невзгодах. Чтобы вам сразу все стало понятно, дело обстоит следующим образом. Наш институт получил из Японии уникальнейший экземпляр живого гигантского головоногого, и мы озабочены тем, чтобы создать ему сносные условия существования. Во всяком случае, не допустить, чтобы он погиб. Именно в этом вы можете оказать нам неоценимую помощь.

— Вы держите его в бассейне?

— У нас нет пока иного выхода. Месяца через два будет готов специальный аквариум, а пока придется держать его в бассейне. Вы не представляете, сколько хлопот доставил нам этот подарок. И сколько хлопот он нам еще доставит! Гигантское головоноего в центре Москвы!

— Да, — сказал я. — Интересно. Так вам его подарили?

— Подарили. В том-то все и дело. Совершенно неожиданно. В прошлом году наша экспедиция сняла с рифов в районе Бугенвиля океанологическую шхуну профессора Акасиды. Об этом писали в газетах, возможно, вы читали. Так вот, Акасида в благодарность прислал нам это чудовище. Не понимаю, как им удалось поймать его. Надо отдать Акасиде справедливость: это королевский подарок. Экземпляра такой величины нет ни в одном аквариуме мира. Мало того, этот вид головоногого — Акасида нарек его мегатойтисом, сверхкальмаром — еще не известен науке. Но мы оказались в ужаснейшем положении. Перед нами встали сложнейшие проблемы и прочее.

Положение, видимо, действительно было ужасным. На лице директора появилось выражение деловитого отчаяния. Он выставил перед собой пятерню.

— Вам следует знать, — заговорил он монотонным голосом, — что все эти мягкотелые монстры необыкновенно стенобионтны. Проблема номер один — вода. Вода должна быть, — он стал загибать пальцы, — проточной и свежей, достаточно теплой, солености не ниже тридцати пяти промиллей. К счастью, нам удалось достать солерастворитель. Проблема номер два — пища. Пока что мы договорились с живодерней, нам будут отпускать до двух пудов собачьего мяса в неделю. Возможно,

торговая сеть согласится отпускать нам испорченные рыбопродукты. Впрочем, собачье мясо он пока кушает с аппетитом. Наконец, проблема номер три. То, чего о нем никто не знает. Это абиссальное животное, не правда ли? А как на него подействует длительное пребывание под атмосферным давлением? Это в высшей степени подвижное животное, лучший пловец в природе. Как на него подействует длительное состояние вынужденной неподвижности? Он принадлежит к раздельнополым животным. Как на него подействует отсутствие партнера? — Директор положил руку на стол, подумал и произнес: — Или партнерши, мы еще не знаем. И прочее. Масса всевозможных вопросов, которые мы даже не догадываемся сейчас поставить. И вот тут на сцену выступаете вы, товарищ Головин.

Я слушал во все уши. Гигантский живой спрут в Москве, во дворе издательства, под нашими окнами — в этом было что-то забытое и возбуждающее. Как будто я вернулся в детство. Что кушает за обедом крокодил? Что кушает за обедом спрут? С нынешнего дня спрут будет кушать за обедом собачек, убитых на живодерне. И мне было очень жалко директора института. Если этот подарок подойдет, у директора действительно будут большие неприятности. Директор взял в руки пакет из гляцевитой бумаги.

— Вместе со спрутом, — сказал он, — господин Акасида прислал нам вот эти документы. В сопроводительном письме — к счастью, он догадался написать по-английски — говорится примерно следующее. Япония на протяжении всей своей истории имела дело с Тихим океаном, Южными морями и прочее. Японцы знают о спрутах больше, чем какой-либо другой народ. Богатейший опыт, если можно так выразиться. Существуют мифы о спрутах, легендарные рассказы, предания, хроники и прочее. Он, Акасида, чтобы мы могли насладиться его подарком более полно, — директор говорил с заметной горечью, — взял на себя труд и отобрал из мифов и хроник наиболее интересные материалы, касающиеся спрутов. Копии каковых он и посылает нам на рассмотрение.

У меня упало сердце.

— Разрешите взглянуть, — пробормотал я.

Директор протянул мне пакет, и я развернул гляцевитую обертку. Внутри была плотная пачка четких фотокопий на немислимо тонкой бумаге. Я вытянул одну наугад. Ах, чтоб их черти побрали, так и есть! Полускоропись, хэнтайгана. Головоломка. Необычайно добросовестный человек, этот господин Акасида. Снял копии прямо с ксилографических изданий какого-нибудь Хатимондзия. Отступить было нельзя, как я мог добровольно устранился от участия в таком деле? Мне оставалось только, пока железо горячо, закрепить свои позиции. Директор деловито говорил:

— Если я правильно понял господина Акасиду, здесь заключена народная мудрость, результаты вековых наблюдений за повадками головоногих, опыт многих поколений рыбаков и прочее. Для нас это единственная надежда. Повторяю, товарищ Головин, не надо переводить все подряд. Для начала проглядите бегло, отметьте существенные моменты...

— Что ж, — сказал я, — согласен. Вы понятия не имеете о том, что говорите. Но я согласен.

— Вы можете быть спокойны, — поспешно сказал директор. — Мы вам заплатим.

— Да, вы мне заплатите, — подтвердил я. — И заплатите хорошо, потому что вряд ли найдете сейчас в Москве другого чудака, который согласится бросить свои дела, чтобы бегло проглядывать токугавскую грамоту. На Балтийской улице или в другом месте. Но я уже согласился. А вы мне гарантируете свободный доступ в бассейн.

Он страшно удивился.

— Помилуйте, товарищ Головин, зачем это вам?

— Для вдохновения. Это мое единственное условие. Всю жизнь мечтал увидеть живого спрута.

Он поколебался, сморщился, как печеное яблоко, затем махнул рукой.

— Бог с вами, — сказал он. — Ему это вреда не причинит, вам, надо полагать, тоже... Теперь давайте договоримся о сроках. Когда мы можем рассчитывать?

— Через неделю я расскажу вам, о чем приблизительно идет речь на каждой страничке, — ответил я, заворачивая фотокопии. — И это при условии, если Борис Михайлович позволит мне несколько дней поработать дома.

— Неужели это так сложно? — произнес директор уныло.

— Да.

— Хорошо. Я постараюсь договориться с Борисом Михайловичем. Еще что-нибудь?

— Послушайте, не делайте вид, будто вы меня облагодетельствовали. Честное слово, я не спекулянт. Просто я устал и очень занят. Понимаете? Покажите мне спрута, и я поеду работать.

Он встал.

— Благодарю вас, товарищ Головин, — важно сказал он. — Вы были очень любезны и прочее. Я сейчас собираюсь посмотреть, как у нас дела в бассейне, и если вам угодно, вы можете пойти со мной.

Он отворил и придержал дверь, пропуская меня.

У входа в бассейн стоял огромный небритый детина в грязной рубахе и стоптанных сандалиях на босу ногу.

— Это наш сторож, — пояснил директор. — Товарищ Василевский, запомните вот этого товарища. Ему тоже разрешается входить внутрь.

— Заметано, — хрипло ответил детина и ухмыльнулся, разглядывая меня наглыми мутными глазами. От него воняло водкой и колбасой, а когда он раскрыл грязную пасть, эта вонь на секунду забила даже кислотину, которой остро тянуло из дверей павильона.

В бывшей раздевалке несколько рабочих в комбинезонах и беспозвоночников в перепачканных белых халатах возились с трубами и кранами. Пол был усыпан обломками кафеля и бетонной крошкой. В углу грузно стоял дерюжный мешок, заскорузлый мерзкими темными пятнами. Из мешка торчала окостеневшая собачья лапа.

— С фильтрами закончили? — не останавливаясь, спросил директор.

— Колонки подвезут, и все будет готово, — ответили нам вслед.

В низком длинном помещении бассейна ярко светили лампы и гулко плескалась вода. Бассейн был отгорожен от входа высоким, по грудь, парапетом из шершавых цементных плит. У парапета спиной к нам стояли трое беспозвоночников в белых халатах и смотрели вниз. Один держал наготове кинокамеру. Вот здесь был запах так запах. У нас сразу перехватило дыхание, мы остановились и дружно закашлялись. Директор стал протирать очки. Это был холодный резкий и в то же время гнилостный запах, как из преисподней, на дне которой кишат сонмища гнусной липкой нежити. Он вызывал в памяти жуткие наивные фантазии Босха и младшего Брейгеля. От него прямо мороз продирает по коже. Я поглядел на директора и увидел, что ему тоже не по себе. Он часто моргал слезящимися глазами и прикрывал нос платочком.

— Ужасно пахнет, — сказал он виновато. — Мне, знаете ли, приходилось бывать на крабokonсервной фабрике, но там гораздо легче, смею вас уверить.

Один из белых халатов вдруг зажужжал кинокамерой, и в то же мгновение из-за парапета косо взлетела толстенная струя воды, ударила в потолок и рассыпалась потоками пены и брызг. Белые халаты отшатнулись.

— Ну и дает! — сказал один с нервным смешком.

— Инстинкт движения, — объяснил другой.

Все утирались. Я подкрался к парапету. Сначала я ничего не видел. Вода волновалась, на ней прыгали блики света и крутились маслянистые пятна. Постепенно я начал различать округлый бледно-серый мешок, темный выпуклый глаз и что-то вроде пучка толстых серых шлангов, вяло колыхавшихся на воде, словно водоросли у берега. Спрут лежал поперек бассейна, упираясь в стенку мягким телом. В первую минуту он не поразил меня размерами. Внимание мое привлекли щупальца. На треть длины их скрывала какая-то дряблая перепонка, а дальше они были толщиной в ногу упитанного человека и к концам утончались и становились похожими на узловатые плети. Эти плети

непрерывно двигались, осторожно касаясь противоположной стены, и тут я сообразил, что ширина бассейна составляет почти шестнадцать метров! Но в общем-то таинственное чудовище океанских глубин, гроза кашалотов и корсар открытых морей походил больше всего на кучи простыней небеленого холста, брошенные отмокать перед стиркой.

Я глазел на спрута, директор вполголоса переговаривался с подчиненными, и я все никак не мог отождествить эту огромную вялую бледно-серую тряпку в бассейне с проворными чудовищами, лихо карабкающимися на борт «Наутилуса», как вдруг распахнулась дверь и ввалился воняющий потом и водкой Василевский, волоча по полу оскаленный труп собаки.

— Посторонись, граждане, — лениво просипел он, — время кормить.

Он нечаянно пихнул меня плечом, и я едва удержался, чтобы не ударить его. Я отошел от парапета.

— Мне пора, — сказал я директору. — Пожалуйста, не забудьте позвонить Полухину.

— Непременно, — отозвался директор. — Непременно. Но почему вы не хотите посмотреть, товарищ Головин? Это мало кто видел.

— Благодарю вас, — сказал я. — Нет, благодарю вас. Я должен идти.

Я услышал, как внизу шлепнулось в воду тяжелое тело. Наступила тишина, затем кто-то, кажется Василевский, испуганно и радостно вскричал: «Ага! Ага! Почуял!» Я почти бегом выбрался наружу. Мне было нехорошо. Я чуть не заплакал от солнца и чистого воздуха. У нас хороший двор, настоящий сквер с газонами, старыми деревьями и песчаными дорожками. Я шел по песчаной дорожке медленно, стараясь успокоиться и подавить тошноту.

Глава пятая

Я не поднялся сразу в редакцию, а некоторое время постоял в холодке возле лифта. Не знаю, что со мной было. Я не сентиментален и не люблю лучших друзей человека. Терпеть не могу ни собак, ни кошек. Но я все видел плачевную оскаленную морду дворняги, слышал плеск от падения тела и крик: «Ага! Почуял!» Я отлично сознавал огромную ценность спрута, знал, что беспозвоночники в любой момент готовы отдать ему всех собак Москвы, дохлых и живых, и что они правы. Но мне чудилось какое-то предательство в этом плеске и испуганно-радостном крике. Собаки принадлежали нашему миру. Они все время были с нами, на солнце и на воздухе. А чудовище в бассейне было невероятно чужим. Ни мы, ни наши собаки не имели с ним ничего общего. Оно было чужое, насквозь чужое. Даже в его запахе не было ничего знакомого, пусть хотя бы враждебного. Это было нелепо, что оно могло чего-то требовать от нас через разделявшую нас пропасть. А еще более нелепо было давать ему хотя бы самую незначительную частичку от нашего мира. И вдобавок низко радоваться, что оно приняло дань.

Потом я отдышался и вернулся в редакцию. Там все было привычно и светло. Тимофей Евсеевич торопливо царапал замечания на полях рукописи, наклонив над нею лысый череп и задрал правое плечо. Его желтоватая лысина тускло блестела под солнцем. Костя брезгливо перебирал запачканными в чернилах пальцами исписанные и исчерканные листки аннотаций. Волосы его были взъерошены, пестрая ковбойка расстегнута до пупа. Аккуратненькая Люся сидела очень прямо и стучала на машинке. Когда я вошел, она подняла мне навстречу хорошенькую мордочку и сообщила:

— Неодобрение я напечатала, Андрей Сергеевич, оно у вас на столе.

Я кивнул и прошел к своему столу. Костя с отворачиванием сказал:

— Аннотации я написал, но это все равно, по-моему, белиберда.

— Перепечатай и покажешь Тимофею Евсеевичу, — сказал я. — Сейчас я уйду и вернусь, наверное, только в понедельник. Тимофей Евсеевич, остаётся за меня.

— Слушаюсь, — тихонько отозвался Тимофей Евсеевич.

Они все внимательно глядели на меня. Но мне не хотелось рассказывать им о спруте. Я подписал неодобрение, убрал рукопись Майского в стол и поднялся.

— До свидания, — сказал я. — Если будет что-нибудь срочное — звоните. Но вообще постарайтесь не звонить.

— Знаем, — важно сказал Костя.

Люся, простая душа, осторожно оглянулась на него, покраснела и робко проговорила:

— Простите, Андрей Сергеевич, Марецкая опять заходила.

О господи! Что еще стряслось? Кто еще с кем пьянствует, кто с кем целуется? И что я еще такого натворил?

— До свидания, — повторил я и вышел.

В коридоре я с места перешел на бег. Я ринулся вниз по лестнице, прогрохотав каблуками по всем четырем этажам, как спринтер промчался через двор и перешел на солидный шаг только за воротами. У автомата я задержался и выпил два стакана воды без сиропа. Через минуту подошел троллейбус, и я до самой своей остановки сидел на горячем от солнца сиденье, закрыв глаза и безудержно улыбаясь. Я вел себя как пьяный, но ничего не мог поделать. Меня одолевало чувство свободы. Очередное сражение с Баньютэем откладывалось, и ответственность за это нес не я. Дома я швырнул пакет с фотокопиями на стол, повалился на диван и крепко заснул.

Меня разбудил стук в дверь. Стук был неуверенный и тихий, но я, вероятно, уже основательно выспался к тому времени и сейчас же открыл глаза. Спросонок я подумал, что это сосед принес почту, встал и распахнул дверь. За дверью стояла Юля.

— Здравствуй, Андрюша, — сказала она, смущенно улыбаясь. — Я не помешала?

— Ох, — сказал я. — Что ты, Юленька, как ты можешь мне помешать? Входи, сделай милость.

Она вошла, поглядела на диван и спросила:

— Ты спал?

— Да, — признался я. — Слегка вздремнул. Неужели уже вечер?

Она посмотрела на часы.

— Половина шестого.

— Ох, — сказал я. — Хорошо, что ты меня разбудила. Ты только подожди немного, я умоюсь и поставлю чайник.

— Если чай для меня, — сказала она, — то не беспокойся. Я сейчас уйду.

Я поставил чайник, с наслаждением попрыгал под ледяным душем, кое-как причесался и вернулся в комнату. Юля сидела в кресле и глядела на японскую саблю.

— Что это? — спросила она.

— А, — сказал я, — это у меня давно. Ты разве еще не видела?

Я вынул саблю из ножен и взялся за рукоятку обеими руками. Затем я сделал зверское лицо и, вращая клинок перед собой, двинулся на Юлю, приседая на полусогнутых ногах. Наверное, точь-в-точь как тот несчастный негодяй на набережной в Хончхоне. Юля испуганно отодвинулась.

— Перестань дурачиться, пожалуйста, — сказала она. — Ну что за манера? Откуда это у тебя?

— Так, подарил один японец, — сказал я и сунул саблю обратно в ножны. — Такой милый человек. Очень любезно с его стороны, правда? Великолепная сталь. Неужели ты в первый раз видишь? Хотя да, ты тогда сидела, кажется, на диване, к ней спиной. Хочешь на диван?

Она закрыла глаза и помотала головой.

— Ну как хочешь. Что бы тебе еще показать? — Я огляделся. — Что у меня еще есть хорошенького?

— Сядь пожалуйста, Андрюша, — сказала она довольно резко. — Мне надо серьезно поговорить с тобой.

Я сел на диван. Она была какая-то бледная, с синяками под глазами. Летом в жару очень тяжело работать. Особенно женщинам.

— Между прочим, — сказал я. — Ты знаешь, я сегодня видел живого спрута. Живого, понимаешь? Такая огромная серая скотина. Он живет у нас в бассейне. Честное слово, я не шучу.

— Да? — сказала она безо всякого интереса. — Очень интересно. Послушай, Андрюша, у меня есть к тебе очень серьезный разговор.

— Опять о Майском?

— Нет. Не о Майском. Не о Майском, а о нас с тобой. Ты знаешь, что о нас с тобой говорят в издательстве?

— Какие-нибудь гадости, — предположил я.

Она вся так и вспыхнула, даже уши загорелись, а глаза наполнились слезами.

— Вчера вечером этот подлец Ярошевич при всех, при Полухине, при Степановой намекнул, будто я... будто мы с тобой... В общем, будто ты и я — любовники.

Последние слова она произнесла хриплым трагическим шепотом, достала из сумочки носовой платочек и высморкалась.

— Старый дурак, — сказал я. — Какое ему дело, спрашивается?

— Это он мстит, — продолжала Юля хриплым голосом. — Он сам всю зиму приставал ко мне, волочился, меня прямо тошнило от него. В новогодний вечер полез ко мне целоваться своими слюнявыми губами, я ему там же при всех пощечину залепила. Вот теперь он и мстит, распускает про меня мерзкую клевету.

— И про меня, — сказал я. — А почему ты не залепила ему еще одну пощечину?

— Ну что ты, Андрюша, он все-таки пожилой человек... и в партбюро, в присутствии директора... И потом я растерялась, я даже не сразу поняла, что он имеет в виду. Знаешь, как он это подло умеет делать, будто просто такая стариковская шуточка, но все сразу поняли, ведь нас с тобой часто видят вместе.

— Да, — вздохнул я. — Очень часто. Но ты успокойся, Юленька. Не огорчайся. Ну кто же принимает Ярошевича всерьез? Старый дурак, только и всего.

— Нет, нет, это ужасно, — сказала Юля твердо. — Ты себе представить не можешь, как это ужасно. Мы сейчас ведем такую борьбу за моральную чистоту, стараемся не оставить без внимания ни одного случая нарушения норм коммунистической морали — и вот пожалуйста, коммунистка, член бюро подозревается в такой распущенности. С какими глазами я теперь буду выступать перед нашими девушками? У меня такое чувство, будто меня вымазали грязью и выставили на всеобщее обозрение.

Она опять страшно покраснела и стала сморкаться.

— Ну, ну, Юленька, — сказал я. — Не надо так расстраиваться. Пережили страшную войну, пережили кое-как культ личности, переживем и Ярошевича. Мне, между прочим, не совсем понятно. Сколько тебе лет?

— Двадцать восемь, — сказала она. — При чем здесь мой возраст?

— Я вот что не понимаю. С каких пор считается, что здоровая молодая женщина не имеет права на... э-э... интимную жизнь? Даже если она коммунист и член партбюро.

— Никто не говорит о праве на интимную жизнь. Речь идет о распущенности, неужели не понятно?

— Как! — вскричал я. — Ярошевич посмел намекнуть, будто ты спишь не только со мной, но и с другими мужчинами?

Она с ужасом поглядела на меня и встала.

— Ты не смеешь говорить со мной в таком тоне, — сказала она. Голос ее дрожал. — Это неприличный, гаерский тон. Я пришла к тебе как к ближайшему другу поделиться своей обидой. Но я вижу, что это тебя совершенно не трогает. По-видимому, мы смотрим на эти вещи по-разному. Я не из тех женщин, которые спят с мужчинами. И хотя мои

взгляды могут кое-кому показаться смешными, я все же твердо убеждена, что интимная жизнь, как ты это называешь, вне брака постыдна и аморальна. Это просто распущенность, вот и все. Ты так не считаешь, что же, тем хуже для тебя.

Все-таки она была очень мила, даже сейчас, когда несла эту беспардонную чушь, усталая, истомленная жарой, с распухшим от слез носиком. Но она и ангела могла довести до шизофрении своими добродетелями. Я уже раз двадцать терпел ее ламентации по поводу общего падения нравов в наше время и ее кровожадные проекты укрепления семьи. Вероятно, мне еще раньше следовало дать ей понять, что у меня совсем другие взгляды.

— Довольно молоть чепуху! — рявкнул я. — Да, я так не считаю. И слава богу, сплетни старых идиотов меня нисколько не задевают. И я не возьму в толк, почему они могут задевать тебя. Ты взрослая женщина, не замужем, и ты имеешь полное право жить с кем тебе заблагорассудится. И очень жаль, что мы не любовники, а то я бы постарался доказать тебе, что счастье не в печати от загса.

Она качнулась вперед, и мне показалось, что она хочет залепить мне пощечину, ту самую, которая по справедливости предназначалась старой песочнице Ярошевичу. Но она только высморкалась в последний раз и, не говоря ни слова, пошла из комнаты, пряча платок в сумочку. Что ж, это была у нас не первая ссора по принципиальному вопросу. И не последняя, надо думать. У нас редко случается, чтобы из-за принципиальных разногласий враждовали всерьез. Обыкновенно это горячие споры для души после плотного обеда или бесконечные самодовольные дуэты поверх рюмок с коньяком. А так как при этом не столько стараются уяснить точку зрения оппонента, сколько ищут способа его покрепче уязвить, то суть спора в конце концов исчезает в пучине празднословия, подобно песчинке в колодце. Но меня пугает не беспринципность. По-моему, в общежитии достаточно трех принципов: не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй. Гораздо страшнее тупая, мелочная, железобетонная принципиальность. Та самая, которая сводится к охотничьему инстинкту. Когда ловят на легкомысленном поступке, на неосторожном слове, на неправильно истолкованной мысли. Это от нее все гадости. Принципиальный человек быстро утрачивает драгоценное ощущение необходимости постоянной самопроверки. Принципиальность становится последней ступенью к уверенности в собственной непогрешимости. А что может быть ужаснее в человеке, да еще в неумном человеке, нежели абсолютная и непоколебимая уверенность в собственной правоте при любых обстоятельствах и в любую минуту!

Услышав, как захлопнулась входная дверь, я отправился на кухню и снял с плитки кипящий чайник. Идти в кафе мне не хотелось, и я решил ограничиться чаем, благо у меня еще остался карбонат и немного сыра, завернутого в мокрую тряпочку. Правда, сыр, несмотря на меры предосторожности, слегка подсох, да и вчерашний хлеб тоже.

Глава шестая

Фотокопии, присланные профессором Акасидой, были пронумерованы от первой до девяносто четвертой, на обороте каждой было аккуратно выведено название первоисточника, а строки в тексте, относящиеся к объекту интереса, были четко выделены не то чернилами, не то черной тушью. На одной странице красовалась целая картина, выполненная очень тонко и, вероятно, в красках: по пенистым волнам плывет спрут, ужасное животное с голой раздутой головой, человеческими глазами и длинными бородавчатыми щупальцами. К сожалению, больше иллюстраций не было. Некоторые первоисточники были мне знакомы, но вот уж не думал я, что мне придется когда-либо прочесть из них хотя бы строчку. «Книга вод», «Предания юга», «Записи об обитателях моря», «Книга гор и морей», «Сведения о небесном, земном и человеческом». Было две страницы из «Упоминаний о тиграх вод», а я-то считал, что «Суйко-коряку» — выдумка Акутагавы. Однако большая часть названий встречалась мне впервые. Видимо, это были

архивные материалы или документы из частных коллекций: провинциальные хроники, собрания трактатов с совершенно бессмысленными заголовками, какое-то «Свидетельство господина Цугами Ясумицу». Сомнительно, чтобы Акасида лично взялся за такую подборку, даже если чувство благодарности не давало ему покоя ни днем ни ночью. Конечно, этим занимались несколько человек и очень долгое время. И пусть они бегло читают корявую полускоропись, пусть воспринимают средневековую грамматику как свою нынешнюю, все равно я снимаю перед ними шляпу. Это титаническая работа.

Поразмыслив, я решил читать все подряд и тут же выписывать все, что может представлять интерес для беспозвоночников — и для меня самого. Через сорок часов, в воскресенье около тринадцати, я закончил тридцать вторую фотокопию, вылез из-за стола и забрался на родимый диван. Записал же я вот что:

1. «Ика имеет восемь ног и короткое туловище, ноги собраны около рта, и на брюхе сжат клюв. Внутри имеет дощечку, содержащую тушь. Когда встречает большую рыбу, извергает волнами тушь, чтобы скрыть свое тело. Когда встречает мелких рыб и креветок, выплевывает тушевую слюну, чтобы приманить их. В «Бэнь-цао ган-му» сказано, что ика содержит тушь и знает приличия». («Книга вод».)

2. «По мнению Бидзана, ика есть не что иное как метаморфоза вороны, ибо есть и в наше время у ика на брюхе вороний клюв, и потому слово “ика” пишется знаками “ворона” и “каракатица”». («Сведения о небесном, земном и человеческом».)

3. «К северу от горы Дотоко есть большое озеро, и глубина его очень велика. Люди говорят, что оно сообщается с морем. В годы Энсё в его водах часто ловили ика и ели в вареном виде. Ика всплывает и лежит на воде. Увидев это, вороны принимают его за мертвого и спускаются на него поклевать. Тогда ика сворачивается в клубок и хватает их. Поэтому слово «ика» пишется знаками «ворона» и «каракатица». Что касается туши, которая содержится в теле ика, то ею можно писать, но со временем написанное пропадает, и бумага снова делается чистой. Этим пользуются, когда пишут ложные клятвы». («Книга гор и морей».)

4. «Согласно старинным преданиям, ика являются челядью при особе князя Внутреннего моря. При встрече с большой рыбой они выпускают черную тушь на несколько футов вокруг, чтобы спрятать в ней свое тело». («Книга гор и морей».)

5. «У поэта древности Цзо Сы в «Оде столице У» сказано: «Ика держит меч». Это потому, что в теле ика есть лекарственный меч, а сам ика относится к роду крабов». («Книга вод».)

6. «В море водится ика, и спина его похожа на игральную кость «шупу», телом он короткий, имеет восемь ног. Облик его напоминает голого человека с большой круглой головой». («Записи об обитателях моря».)

7. «В бухте Сугороку видели большого тако. Голова его круглая, глаза как луна, длина его достигает тридцати футов. Цветом он был как жемчуг, но, когда питался, становился фиолетовым. Совокупившись с самкой, съедал ее. Он привлекал запахом множество птиц и брал их с воды. Поэтому бухту назвали Такогаура — Бухтой Тако». («Упоминания о тиграх вод».)

8. «В старину некий монах заночевал в деревне у моря. Ночью послышался сильный шум, все жители зажгли огни и пошли к берегу, а женщины стали бить палками в котлы для варки риса. Утром монах спросил, что случилось. Оказывается, в море около тех мест живет большой ика. У него голова как у Будды, и все называют его «бодзу» — «монахом». Иногда он выходит на берег и разрушает лодки». («Предания юга».)

9. «Береговой человек говорит «ика», «тако», но не знает разницы между ними. Оба знают волшебство, имеют руки вокруг рта и вместилище для туши внутри тела. А человек моря различает их легко, ибо у ика брюхо длинное и снабжено крыльями, восемь рук поджаты и две протянуты, в то время как у тако брюхо круглое, мягкое, и восемь рук протянуты во все стороны. У ика иногда вырастают на руках железные крючья, поэтому имодо (ныряльщицы) боятся его». («Упоминания о тиграх вод».)

10. «В деревне Хоккэдзука на острове Кусумори жил рыбак по имени Гэнгобэй. Однажды он вышел на лодке и не вернулся. Жена его, положенный год прождав напрасно, вышла за другого человека. Гэнгобэй через десять лет объявился в Муроцу и рассказал, будто лодку его опрокинул ика, огромный, как рыба Кунь, сам он упал в воду и был подобран пиратом Надаэмоном». («Предания юга».)

11. «Тако злы нравом и не знают великодушия к побежденному. Если их много, они дерзко друг на друга нападают и разрывают на части. В старину на Цукуси было место, где они собирались для совершения своих междоусобиц. Ныряльщики находят там множество больших и малых клювов и продают любопытным. Поэтому говорится: “тако-но томокуи” — “взаимопожирание тако”». («Записи об обитателях моря».)

Глава седьмая

Отдохнуть мне не удалось. Едва я завел глаза, как меня позвали к телефону. Казенно-благожелательный женский голос осведомился, не забыл ли я, что сегодня вечером меня ждет Хида. Я ответил, что не забыл, и пошел стирать носки и носовой платок. Затем, когда я гладил выходные брюки, позвонил Костя Синенко. Он был пьян, как змий, даже из трубки пахло.

— Я все-таки звоню, — сообщил он. — Ничего не поделаешь. Мой нравственный долг. Принцип «и».

— Ты где налился? — спросил я.

— Будь гуманен. Соблюдай принцип «жень». Я блюду принцип «и», а ты соблюдай «жень». Конфуций сказал: «Последовательно соблюдая мои принципы, вы улучшаете человеческую природу». Ты найдешь этот лозунг в любой столовой и закусочной.

— Хорошо, хорошо. Что случилось?

— Ты славный парень. Но ты лишен информации. А что сказал Винер? Винер сказал: «Чем более вероятно сообщение, тем меньше оно содержит информации». Такие плакаты ты увидишь в любом зале ожидания.

— Короче, — сказал я.

— Совершенно невероятное сообщение. Совершенно без энтропии. Я хотел позвонить тебе прямо вчера. Это мой долг, поскольку ты лишен информации. Но ты не разрешаешь. Не разрешаешь — не надо. Я и не звоню.

— Правильно делаешь, — нетерпеливо сказал я. — Сообщай скорей, мне некогда.

— Я не буду тебя томить. Преданный подчиненный не должен томить гуманного начальника. Все тот же принцип «и». Что же было вчера? Ты меня постоянно перебиваешь, и я могу сбиться. Да! Вчера утром беспозвоночники пригласили Полухина, Ярошевича, Степанову и прочих поглядеть на осьминога.

— На осьминога?

— Да. Превосходный осьминог, я потом тоже ходил смотреть. Но абсолютно беспринципный. Невзлюбил Степанову с первого взгляда и окатил какой-то черной жидкостью. Подумай только. Как сказал товарищ Апулей, «зловоннейшей мочой меня совсем залили». И у Степановой облез нос.

— Не может быть.

— Облез, можешь не сомневаться. Это нам так понравилось, что мы тоже пошли поглядеть. Всем издательством.

— На что пошли поглядеть? На нос Степановой?

— И на нос тоже. Но главным образом на осьминога. Да, совершенно забыл. Теперь у нас есть осьминог. Его привезли японцы, и он живет в бассейне, во дворе. Слушай, тут мои недоброжелатели не дают мне говорить. Отбирают трубку. Собралось множество хорошеньких девушек, и все как одна жаждут с тобой познакомиться. Особенно жаждет Зиночка. Я сказал, что ты холостой. Моя неосторожность. Теперь она жаждет...

Я повесил трубку. Ика содержит тушь и знает приличия. Интересно, подумал я, что в средневековой Японии понимали под приличиями? Если бы спрут профессора Акасиды знал приличия, он бы окатил не безобидную старую деву Анну Семеновну, а старого пройдоху Ярошевича. И Юля была бы отомщена. Впрочем, возможно, что он промахнулся. Или нравы головоногих здорово изменились. Я представил себе, как Анну Семеновну, плачущую, забрызганную серо-черными кляксами, выводят под руки из павильона. Эту тушь ведь не сразу отмоешь, не сразу отстираешь. Однажды в Байкове каракатица вот так же загадила китель одному моему знакомому, капитану траулера. Это был белый полотняный китель, и его пришлось выбросить, потому что ни мыло, ни щелок пятен не брали. Но жизнерадостному лоботрясу Косте все это представляется очень забавным. В общем-то он добрый мальчик, но его реакции на такого рода вещи, наверное, сродни реакциям живодера-сторожа. Уж не знаю, почему я вспомнил о Василевском. Мне даже почудился смрад перегара и колбасы.

Я вышел в начале шестого, пообедал в кафе напротив и отправился на улицу Горького. В магазине подарков я после долгих колебаний купил за восемь рублей фигурку медведя тобольской резьбы, а затем, выстояв порядочную очередь в магазине русских вин, получил тяжелую коробку с подарочной водкой. Это очень хорошая водка, приятная и чистая на вкус, зеленовато-золотистого цвета. Она продается в массивных прямоугольных флаконах со стеклянной пробкой, ее особенно приятно разливать в широкие бокалы или в чайные стаканы тонкого стекла. Чтобы размяться, я решил идти пешком, и пока я шел, водка то и дело звонко булькала у меня под мышкой.

В вестибюле «Пекина» меня встретил полужнакомый юноша из Института востоковедения. Радостно улыбаясь, он пожал мне руку обеими руками и сказал:

— Вот хорошо, Андрей Сергеевич, а Хида уже ждет вас. Пойдемте?

— Пойдемте, — сказал я.

— У него номер на третьем этаже. Я уж боялся, что вы не сможете прийти. Что бы я тогда с ним делал?

— Сводили бы в кино.

— Только кино нам с ним и не хватало! Вы не поверите — я совсем замучился. — Вид у него действительно был несколько ошалелый. — Восьмой день как на карусели. ВДНХ, Кремль, Третьяковка, Большой театр. Жара, пить все время хочется. Такси не достать. Юго-запад, Юго-восток. Канал! Господи, я москвич, но в жизни прежде не был на канале.

— А что ему нужно от меня?

— Право, не знаю. Может быть, просто решил отдохнуть вечером. Он ведь, бедняга, тоже округовел. И потом, вы перевели его книгу, издательский работник. Будет, наверное, просить, чтобы перевели его новую книгу.

— Он говорит по-русски?

— Совсем не говорит.

— Скверно. Я не говорил по-японски лет десять.

— Дзэн-дзэн дэкимасэн-ка?

— Скоси дэкиру-то омоимас-га...

— Наруходо дзаннэн дэс. Мне сегодня позарез нужно съездить в одно место.

— Конечно, поезжайте. Как-нибудь договоримся.

Он очень обрадовался.

— Спасибо, Андрей Сергеевич. Вы меня здорово выручили.

— Вот кстати, — сказал я с настоящими полухинскими интонациями, — когда ему можно отдать подарки? Сразу?

— Да когда захотите. Мужик он простой, без церемоний.

Хида занимал небольшой однокомнатный номер с небольшим столиком, небольшим шкафом и чудовищной двуспальной кроватью. Он встал, нагнул голову и молча двинулся к нам, протягивая руку. Юноша важно провозгласил:

— Господин Хида. Головин-сан.

— Зудораствуйте, — сказал Хида.

— Извините, Хида-сан, — поспешно сказал юноша по-японски, — но поскольку Головин-сан знает японский язык, я вам, вероятно, не буду нужен.

Хида вопросительно взглянул на меня.

— Дайдзёбу дэс, — сказал я.

— Дэ-ва саёнара, Зорин-сан, — сказал Хида.

— Саёнара, Хида-сан! — сказал юноша. — Асьта мадэ. — Он прямо-таки сиял от радости. Даже неловко было. — До свидания, Андрей Сергеевич! — Он сделал ручкой и исчез.

— Окакэнасай, — чопорно сказал Хида и показал на стул. — Позаруйста.

Я поставил коробку с водкой на столик и сел. Хида сел напротив, расставив ноги и оперев ладони в колени. Мы уставились друг на друга. У Хиды были твердые спокойные глаза в щелках припухших век.

— Я говорю по-японски плохо, — сказал я, — и прошу меня извинить. Прошу также господина Хиду говорить медленно.

Хида поклонился, взял со столика веер и стал обмахиваться.

— В прошлом году, — начал он, — я имел удовольствие получить от господина Головина свою книгу на русском языке с его доброжелательной и великодушной надписью. Мой друг Касима Сёхэй, специалист по русской литературе, ознакомился с переводом и к моей радости нашел, что перевод очень точен в смысловом и эмоциональном отношении. Благодарю.

— Рад это слышать, — сказал я, потому что он сделал паузу.

— Мою книгу издали также в Англии и во Франции, — продолжал Хида. — Английский перевод очень слаб, в нем опущены целые главы и сильно искажена моя мысль. Что касается французского перевода, то он сделан с английского варианта и, следовательно, тоже никуда не годится. Тем больше удовольствия доставил мне отзыв моего друга Касимы Сёхэя о переводе господина Головина. Благодарю.

Я повторил, что рад слышать. Я чувствовал, что разговор на таком официальном уровне я долго не выдержу. И вообще мне не давала покоя проблема подарков. Я решился.

— В свою очередь, — сказал я, старательно подбирая слова, — я тоже позволю себе искренне поблагодарить господина Хиду. Роман господина Хиды был тепло встречен советским читателем, девяносто тысяч экземпляров без остатка разошлись в несколько недель, и «Литературная газета» поместила на своих страницах самый лестный отзыв. Позвольте, господин Хида, в качестве скромного знака признательности за удовольствие, доставленное мне вашим романом «Один в пустоте», а также по случаю посещения вами Москвы вручить вам эти подарки.

Я переборщил. Для Хиды это звучало, наверное, так же, как звучала для мистера Кленнэма болтовня слабоумной простушки Флоры Финчинг. Во всяком случае, после первой моей фразы на его неподвижном лице изобразилось напряженное недоумение, которое исчезло только при слове «подарки». Он встал, я тоже встал. Приняв от меня водку и тобольского медведя, он протянул мне пластмассовый футляр с превосходной паркеровской авторучкой и маленькую деревянную куклу, похожую на кеглю.

— Господину Головину в память о нашей встрече в Москве, — сказал он и поклонился. — Благодарю.

Я тоже поклонился. Лед был сломан.

— Разрешите предложить вам коньяку, господин Головин, — сказал он. — Или пива?

— Благодарю вас, немного коньяку.

Он проворно поставил на столик две рюмки и открыл бутылку армянского коньяка. Он был коренастый, массивный и, когда сидел, казался неуклюжим. Но движения его были ловкие и точные. Он наполнил рюмки и сел.

— Господину Головину нравится японская литература? — спросил он.

— Я не специалист, — сказал я. — Я люблю хорошие книги. В японской литературе есть отличные книги. Мне нравится «Великое оледенение» Абэ Кобо. Потом «Море и яд» Эндо Сюсаку. Меня интересует Эдогава Рампо. Хотя вам он, наверное, не нравится, Хида-сан?

— У него есть примечательные вещи, — сказал Хида и отпил из рюмки.

— Потом мне нравится Гомикава. Нравится ваша «Луна над Малайей».

Хида отпил из рюмки.

— Очень хороший коньяк, — проговорил он сдавленным голосом и промокнул глаза платком. — К сожалению, мне много нельзя. Но бутылку вот такого коньяку и ваш подарок я обязательно отвезу домой и буду угощать только самых близких друзей. — Он поставил рюмку. — Господин Головин, конечно, понимает, что «Луна над Малайей» является автобиографическим романом. Как и «Один в пустоте».

— Понимаю. 15-я армия?

Он помедлил, разглядывая меня из-под тяжелых век.

— Да. Я был солдатом во 2-й дивизии. Рядовым второго разряда. В романе я вывел себя под именем ефрейтора Сомэ.

— Я так и понял.

— Не знаю, зачем я это сделал. Рядовым второго разряда приходилось гораздо хуже, чем ефрейторам. Но остальное все было так, как описано. Дивизию высадили под Новый год в Куантане. Второго февраля на переправе у Джохор-Бару я был ранен, и меня отправили в метрополию. Была даже красивая девушка Митико в гарнизонном госпитале Окаяма, не помню только, как ее звали по-настоящему. И больше в боях я не участвовал.

— Господину Хиде повезло.

— Да. Мне повезло. А господин Головин участвовал в боях?

— Участвовал, — сказал я. — Когда сдалась Германия, я лежал в гарнизонном госпитале в Кишиневе. Когда сдалась Япония, я лежал в госпитале в Хончхоне. В Хончхоне было лучше — меньше народу.

— Когда сдалась Япония, — грустно сказал Хида, — я сидел в военной тюрьме в Исикири. Меня освободили уже при американцах.

Мы помолчали. Мне почему-то было неприятно это молчание, и я бодро сказал:

— Господин Хида и я — мы оба воевали за мир, каждый по-своему.

Хида снова наполнил мою рюмку.

— Мир, — проговорил он. — Господин Головин изранен, мне в тюрьме отбили почки. Но что изменилось?

Наступил самый подходящий момент, чтобы затянуть дешевый диалог на тему «да, вы правы, жертвы народов были напрасны» или, как, наверное, ожидалось от меня, «нет, вы не правы, народы не дадут втянуть себя в новую бойню». Я сказал:

— Изменилось многое. Появилось множество факторов, которые не поддаются пока точному учету. Каждый из них может иметь определяющее влияние на ход событий. — Я подождал, проверяя, сумел ли Хида уловить смысл в моем ублюдочном японском. Хида кивнул. — Никто не имеет полной информации о положении в мире на каждый момент. — Я опять подождал, и Хида опять кивнул. — Политики знают больше нас, средних людей, но и они знают далеко не все. Сейчас люди могут только увеличивать или уменьшать вероятность возникновения войны. Никто не смеет утверждать: да, война обязательно будет. Или: нет, война невозможна. Можно только утверждать: да, возможность войны не исключена.

— Господин Головин — коммунист? — спросил вдруг Хида.

— Да, я коммунист и член коммунистической партии.

— Но господин Головин, — сказал Хида с хитренькой улыбкой, — говорит о войне как о явлении метафизическом. Он считает, что можно только верить, но не утверждать. А во что верить — это вопрос вкуса. Я правильно понял?

— Почти правильно. Это вопрос вкуса и совести. Не вижу в моей позиции никаких противоречий. Объективно, во всяком случае. Если верить, что война неизбежна, незачем работать. Но я, будучи убежденным коммунистом, не мыслю жизни без работы. Мне приятно верить, и я верю, что война не случится, что через какое-то время исчезнет ее возможность, и человечество заживет счастливо. И есть еще одно обстоятельство. Господин Хида не должен забывать, что люди могут увеличивать и уменьшать вероятность войны. Честная активная работа уменьшает эту вероятность. Я работаю. Господин Хида тоже работает. Мы не всегда это сознаем, но так или иначе господин Хида пишет антивоенные книги, а я способствую укреплению связей между нашими странами. И эта наша деятельность — не самая мало важная в мире. А теперь, если господин Хида разрешит, я хочу оставить эту тему. Я не каждый день встречаю японского писателя и не могу упустить случая выяснить некоторые вопросы о положении в современной японской литературе.

Господин Хида разрешил. Мы проговорили еще часа полтора, и я спохватился только, когда он встал, чтобы зажечь свет. Пора было уходить. Я больше не жалел, что пришел сюда. Хида был умница. Кроме того, он рассказал мне много интересного. Пока я курил последнюю сигарету, он завернул футляр с авторучкой и куклу в целлофан и с поклоном вручил мне.

— Было истинным удовольствием поговорить с вами, — сказал он вежливо.

— Напротив, — по всем правилам возразил я. — Это я получил большое удовольствие от беседы с вами. Между прочим, я совсем забыл. Господин Хида видел когда-нибудь осьминога?

— осьминога? — Он озадаченно поглядел на меня.

— Да. осьминога или каракатицу.

Он пошевелил пальцами, видимо, изображая щупальца.

— О, — сказал он. — Разумеется, я видел. Это очень вкусно. осьминога варят и заправляют соусом. Очень вкусно. И совсем недорого.

Мы попрощались.

Глава восьмая

Я спустился в вестибюль, раздумывая, не поужинать ли в ресторане. Я сильно проголодался, вероятно, из-за двух рюмок коньяка, выпитых у Хиды. До получки оставалось около тридцати рублей, и я мог позволить себе лапшу с подливой, стакан вэймэйсы и чашку кофе по-турецки. Неплохо было бы вареного осьминога, но осьминогов в «Пекине», по-моему, никогда не подавали. Вообще после того, как уехали китайские повара, готовить здесь стали гораздо хуже. осьминога бы наверняка испортили, а лапшу не испортишь, разве что она подгорит, вино разливают в Китае, кофе везде одинаковый.

Я повернул к ресторану и вдруг увидел Нину. Мне кажется, что за секунду до этого я почувствовал, что увижу ее. Что-то мягкое толкнуло меня в сердце, и я задохнулся. И меня опять охватило чудесное и горькое ощущение великой утраты и грустного счастья, и я остановился, чуть не плача от радости и жалости к ней и к себе, и все сразу вылетело у меня из головы. Японец, вэймэйсы, спрут — все. Я стоял в десяти шагах от входа в ресторан и в десяти шагах от дверей уборных и смотрел на нее, и глотал и не мог проглотить комок, застрявший в горле. Через минуту это прошло.

Она стояла у стола перед почтовым барьером и разговаривала с какой-то иностранкой в очках. На ней был белый джемпер и широкая клетчатая юбка, она рассеянно улыбалась, похлопывая себя по бедру плоской белой сумочкой, крупная, стройная, с прекрасным неправильным лицом, с массивной копной темных волос на прекрасной голове, с крепкой длинной шеей, с маленькой грудью и сильными толстоватыми ногами, бесконечно женственная и прекрасная, хотя я понимал, что по-прежнему никто кроме меня этого не знает и не замечает. Она словно совсем не

изменилась, а может быть, она не изменилась только для меня, даже наверное так, недаром я видел ее такой в самых лучших своих снах, когда и думать не смел увидеть когда-нибудь наяву.

Она стояла и разговаривала с иностранкой, а я стоял и смотрел, не в силах оторваться, не в силах заставить себя уйти и не в силах заставить себя подойти к ней. Тут она, скучая, повернула голову и увидела меня. Она рассеянно глядела на меня, продолжая говорить, потом замолчала на полуслове, и глаза ее потемнели и словно распахнулись, и одно-единственное мгновение она смотрела на меня так, как в то утро, в славном пустом сквере, когда маленькая дочка ее играла в песке у наших ног. Но это длилось одно-единственное мгновение. Она улыбнулась, кивнула и помахала мне рукой. Иностранка тоже посмотрела на меня и тоже улыбнулась, что-то сказала Нине, и они обе засмеялись. Потом иностранка ушла, вихляя тощим задом, и мы пошли навстречу друг другу и встретились посередине вестибюля.

— Здравствуй, Андрюшенька, — сказала она радостно. — Вот так неожиданность!

У нее были горячие, чуть-чуть влажные от жары руки, и я поцеловал эти руки, правую, в которой она держала сумочку, и свободную левую, и опять правую, и она отняла их от меня, опустила и сложила на животе. Я решил и поднял глаза. Она стала как будто выше ростом, потому что ее глаза были теперь на уровне моего подбородка. Ее лицо находилось совсем близко, сантиметрах в тридцати. Я увидел свое отражение в ее зрачках, и крошечные капли испарины на лбу и на пушистой верхней губе, и жесткие морщинки возле глаз и по сторонам рта. И заросшие дырочки от сережек в мочках ушей. Она тоже разглядывала меня, выпятив нижнюю губу.

— Здравствуй, Андрюша, — повторила она. — Вот как мы встретились.

— Да, — тупо сказал я.

— Ты давно в Москве?

— Давно. Уже лет пять... нет, шесть лет.

— И ни разу не зашел. Эх ты. А еще старый друг.

— Я не мог.

— Неужели так занят?

— Я никак не мог, Ниночка. Честное слово. Никак не мог.

— Нельзя забывать старых друзей.

Так могла сказать и Юлия Марецкая. Но ведь мы встретились. Она не отвернулась. Она могла кивнуть и отвернуться. Могла даже не кивнуть. Но вот мы стоим в тридцати сантиметрах друг от друга и разговариваем, и она разглядывает меня, выпятив нижнюю губу. Она всегда так делала, когда была озабочена.

— Андрюша, — сказала она почти с испугом, — ты совсем седенький стал!

— Это от веселой жизни.

— Что, неужели так плохо?

— Отчего же плохо? Просто трудно.

— Работа?

— И работа. И всякие другие вещи.

— Бедненький.

— И возраст, Ниночка.

Она вздохнула.

— Да, возраст. Ну, а я?

— Что?

— Я сильно изменилась?

Я помотал головой. Она обрадовалась.

— Нет?

— Ничуть.

— Правда?

— Честное слово. Ты прелесть и женщина.

Не знаю, как это у меня вырвалось. Но она либо забыла, либо не обратила внимания.

— Как приятно слы-ышать! — сказала она. — Только не очень-то завидуй, Андрюшенька. Это наполовину косметика. Парикмахерская, кабинет красоты.

— Неправда.

— Правда. У меня тоже очень утомительная жизнь. Хлеб свой насущный снискиваю в поте лица. И души, между прочим.

— Не сердись, — попросил я. — Я только хотел сказать, что ты совсем не изменилась.

— Я стараюсь. Но знал бы ты, как это трудно, Андрюшка!

Она нагнула голову. Некоторое время мы молчали, и я смотрел, как от моего дыхания шевелятся отставшие волоски на ее макушке. Она подняла лицо.

— Глупости, — сказала она решительно. — Все это глупости. Работа есть работа. Я что-то расклеилась сегодня. Слушай, я тебя не задерживаю?

— Что ты, конечно нет.

— Разве ты здесь один?

— Где — здесь?

— В ресторане. Я думала, ты вышел из ресторана. Нет?

— Вовсе нет. В ресторане я не был. Имеет место на редкость одинокий Головин, который как раз собирается поужинать. Разреши пригласить тебя, Ниночка.

— Я бы с радостью, — сказала она, — но не могу.

— Почему?

— Во-первых, я только что ужинала.

— А во-вторых?

— Понимаешь, Андрюшенька, мне пора домой. Одиннадцатый час.

Я оглянулся на часы над гардеробом. Было пять минут одиннадцатого.

— Тогда разреши проводить тебя.

— Проводи, — просто согласилась она. — Это недалеко, да ты помнишь, наверное.

— Помню, — пробормотал я.

Мы вышли из гостиницы, повернули направо и медленно пошли по Садовому. Нина жила на улице Алексея Толстого.

— Где ты работаешь? — спросил я.

— В «Интуристе».

Она взяла меня под руку. Я чувствовал сквозь рукав, какие у нее горячие и твердые пальцы, ее юбка задевала мое колено, и я опять, впервые за долгое, долгое время ощутил великое чудо и великую прелесть женщины, прелесть женского голоса, женских интонаций, и мне было необыкновенно хорошо.

— Ты со мной не шути, — сказала она. — Я старший гид-переводчик, вот кто я.

— Ты прелесть и женщина, вот кто ты, — сказал я на этот раз умышленно. Она промолчала. — Ты работаешь с японским?

— Что ты, с английским, конечно.

— Забыла?

— Начисто. Корэ-ва кабан дэс. Больше ничего не помню.

— Не жалко?

— Не знаю. Пожалуй, жалко. Слушай, Андрюша, ты встречаешь кого-нибудь с нашего курса?

— Очень редко. Майского вот встречаю. Помнишь Петю Майского?

— Майский, Майский... Он ведь турок?

— Почти. Арабист. Орлов в министерстве иностранных дел, Мишенька Сегал в радиокомитете, он недавно был у меня. Кстати, а не помнишь ты Юлю Марецкую? Она училась на два курса позже нас.

— Марецкую? Комсорга? Ну как же, очень хорошо помню. Она была такая беленькая, хорошенькая, очень серьезная и не умела одеваться.

— Вот, вот. Она сейчас работает в том же издательстве, что и я.

— Нет, Юлю Марецкую я хорошо помню. Году в пятидесятом я отказалась подписаться на заем, и мы с ней немножко повздорили. Она назвала меня девкой и антисоветской сволочью и сказала, чтобы я не смела заходить в уборную на нашем этаже. Сказала, что уборной имеют право пользоваться только честные студентки.

Я остановился и заглянул ей в лицо. Она спокойно улыбалась.

— Ну что ты остановился? Не веришь? Правда, правда. Я ее не послушалась, потому что, ты сам понимаешь, деваться мне было некуда. Но я весь месяц тряслась от страха, что меня лишат стипендии. Это у меня была полоса неприятностей. Нас обворовали, умерла мама, Наташка заболела scarлатиной, и, боюсь, я вела себя немножко нервно. Господи, как давно это было!

Юля Марецкая могла отколоть и не такое, но я понятия ни о чем не имел. Должно быть, это случилось до того, как Нина пришла за конспектами в нашу комнатушку под крышей. Я писал письмо в Ленинград, Петька Майский валялся на кровати и делал вид, что читает Коран, а Миша Злобин брился, и тут к нам несмело вошла Нина, ведя за руку крошечную смуглую девочку с носом-пуговкой.

— Нина, а что Наташа? — спросил я.

— Наташке пятнадцатый год, представляешь? Растет ужасно, скоро меня догонит. Мой домашний тиран.

— Ты замужем?

Она засмеялась.

— Что ты, Андрюшенька, я ведь убежденная мать-одиночка. И потом, зачем мне благодетели?

Мы медленно шли мимо скамеек под липками, где сидели старички в парусиновых фуражках и старушки в диковинных капотах.

— А ты? — спросила она с любопытством.

— Я развелся.

— Бедняжка.

— Да. Сирота.

— Детей, конечно, нет?

— Почему — конечно?

— Ну, это же видно.

— То есть?

Она пожала плечами и нагнула голову.

— Почем я знаю? Просто видно, и все.

— Она не хотела ребенка, — сказал я. — Не то боялась, не то считала, что рано.

В общем, все получилось к лучшему.

— Всегда все получается к лучшему.

— Надо надеяться.

Она держала меня под руку и смотрела вниз, старательно ступая в ногу со мной. На ней были светлые остроносые туфли на высоких каблуках. Вот отчего она показалась мне выше ростом. Прежде она никогда не носила туфель на высоких каблуках. Тук... тук... тук... — стучали каблуки по асфальту.

— Ты ее любишь?

— Нет, — быстро ответил я. Затем добавил: — Когда-то думал, что люблю. А теперь нет. Ни капельки.

— Молодец. Если это правда, конечно.

— Это правда.

— Вы давно разошлись?

— Давно. Я вернулся с Сахалина, и она от меня ушла.

— А что ты делал на Сахалине?

— Разное. Плавал, главным образом. Хорошо было.

— Зачем же вернулся?

— Право, не знаю. Домой, должно быть, захотелось.

— Андрюшенька, ты можешь ответить мне откровенно на один вопрос?

— Могу.

— Слово?

— Слово.

— Это ты к ней тогда ушел?

— К ней, Ниночка.

Тук... тук... тук... тук... тук...

Она выпустила мою руку и остановилась.

— Вот, — сказала она. — Я почти дома. Ступай обратно. Пускают до одиннадцати, и ты как раз успеешь.

На мгновение меня охватила паника. Нельзя нам было вот так просто попрощаться и разойтись. Я уже знал, что лучше мне умереть, чем снова потерять ее.

— Ну уж нет, — сказал я, стараясь говорить спокойно. — Я обратно не пойду. На кой черт, спрашивается, мне идти обратно?

— Но ты же собирался ужинать.

— Ничего подобного. Мне расхотелось.

— Ты голоден как волк.

— Это тебе кажется. Я сыт, как удав.

Она подняла руки и поправила волосы, искоса глядя на меня. Потом она улыбнулась.

— Ты уверен, что не голоден?

— Совершенно уверен.

— У тебя глаза какие-то голодные.

— У Босини тоже были голодные глаза.

— У кого?

— У Босини. Из «Саги».

По тому, как у нее застыло лицо, я понял, что она вспомнила.

— Эх ты, — тихо сказала она, — старый друг. Пойдем, нам на ту сторону.

Она опять взяла меня под руку и повела через улицу. Мы молчали, и только в лифте, повернувшись ко мне спиной и отыскивая нужную кнопку, она проговорила с нервным смешком:

— Интересно, что скажет Наташка.

Глава девятая

В прихожей нас встретила длинная худая девочка в выцветшем сарафане, из которого она выросла года три назад, с длинными голыми ногами и с хорошеньким круглым личиком. На мать она совсем не была похожа, разве только глаза у нее тоже были большие и серые и расставлены так же широко. Увидев меня, она насупилась и сердито сказала:

— Здравствуйте.

— Это моя дочь Наташа, — чинно сказала Нина. — Наташа, это Андрей Сергеевич. Он из-за меня остался без ужина, и мы должны накормить его. — Она изо всех сил старалась выглядеть виноватой, но это у нее плохо получалось. — Пожалуйста, сделай там что-нибудь.

— Прекрасно, — ледяным тоном произнесла Наташа. — Я сделаю яичницу.

— Как вы относитесь к яичнице? — спросила Нина, повернувшись ко мне.

— Побольше, — попросил я. — Я голоден как волк. И чаю, если нетрудно. Сладкого.

Наташа стремительно повернулась и удалилась на кухню, стукнувшись боком о косяк.

— Ну как? — спросила Нина шепотом.

— Прелесть, — пробормотал я. — Жаль носа-пуговки, а так — прелесть.

— Много ты понимаешь...

На кухне загремели сковородки. Нина подтолкнула меня, и мы прошли в комнату. Почти ничего здесь не изменилось, только исчез пузатый родительский комод, и вместо детской кроватки стояла широкая низкая тахта. По-прежнему было чисто и аккуратно, по-прежнему пахло свежим бельем и немножко парфюмерией. По-прежнему возле окна размещалось доброе полукруглое кожаное кресло. Дверь в мою комнату была приоткрыта. Там был виден желтый угол новенького письменного стола, край белой постели и маленький матерчатый тапочек на пестром коврик.

— Там теперь Наташкино царство, — сказала Нина.

Я взглянул на нее, и она поспешно отвела глаза.

— Что же мы стоим? — сказала она. — Пойдем, помоешь руки.

Я отправился в ванную, а она пошла на кухню. Через несколько минут она принесла мне полотенце.

— Держись, Андрюшка, — сказала она, загадочно усмехаясь. — Яичница на столе.

— Это опасно? — спросил я.

— Не знаю. В крайнем случае позовешь на помощь.

Затем она сказала, что будет переодеваться, и пожелала мне удачи. Когда я вернулся в комнату, на столе в семейной сковороде шипела гигантская яичница из десятка яиц, не меньше. Наташа сидела на тахте, выставив острые голые колени, и с интересом ждала, что я буду делать. Драться так драться, подумал я и бодро вскричал:

— Вот это здорово!

— Вы просили побольше, — смиренно напомнила она.

Я уселся, придвинул сковороду и взялся за дело. Ударить лицом в грязь мне было никак нельзя. Впрочем, я действительно проголодался. Я ел неторопливо, время от времени со вкусом макал в масло кусочки хлеба и одобрительно мычал. Одновременно мы вели светский разговор о школе и о пионерских лагерях. Вошла Нина в легком белом платье и села напротив. Вот тут я на минуту остановился, заглядевшись на нее. Она была румяной от холодной воды, в растрепавшихся волосах дрожали радужные капли, и глаза у нее были блестящие и ясные. Я вдруг подумал, как я выгляжу сейчас — толстый седой дурак над огромной сковородой яичницы, грузный и красный, в безобразном костюме от магазина готового платья, с расстегнутым воротником и сбитым набок галстуком. Почему-то эта мысль совсем не задела меня.

Нина краем глаза покосилась на Наташу и незаметно подмигнула мне. Я вернулся к яичнице, кое-как разделался с нею и сказал в пространство:

— Отличная была яичница, в жизни такой не ел. А теперь хорошо бы сладкого чаю. Сладкого и покрепче.

Наташа взирала на меня с благоговейным ужасом. Нина фыркнула и закрылась ладонью. «Ну что ты, мама, право», — укоризненно прошептала Наташа, покраснела и пошла за чайником.

Чай мы пили все втроем. Я рассказывал им про Камчатку и Курильские острова, про вулканы и про японских браконьеров, про спрута в бассейне, про документы профессора Акасиды, про Хиду и его книги. Это был славный вечер, и мне давно не было так легко и уютно. Потом Нина поглядела на часы и строго сказала:

— Все, Наташка, пора спать.

— Мамочка! — воскликнула Наташа с негодованием.

— Никаких мамочек. Попрощайся с Андреем Сергеевичем и отправляйся.

— Мамочка, еще десять минут.

— Нет.

— Капельку!

— Погоди, Нина, — сказал я и извлек из кармана подарок Хиды. — Возьми, Наташенька. Это тебе за твою чудесную яичницу.

— Что это? — спросила она.

— А ты разверни и погляди.

Она развернула и заулыбалась.

— Ой, какое чудо, смотри, мамочка, — сказала она. — Спасибо большое, Андрей Сергеевич.

— Это японец тебе подарил? — спросила Нина.

— Да, я подарил ему бутылку водки, и он сказал, что будет угощать своих друзей. Ну а я угощаю своих.

— Большое спасибо, — сказала Наташа, — мамочка, смотри, какая хорошенькая.

— Очень хорошенькая, — согласилась Нина. — А теперь ступай.

— Иду, мамочка, ты же видишь, я уже иду. Спокойной ночи. Андрей Сергеевич, спокойной ночи. Приходите к нам еще есть яичницу.

— Наталья! — сердито сказала Нина.

— Непременно, — пообещал я вполне искренне.

Она поцеловала Нину, повернулась ко мне, сделала книксен, приподняв кончиками пальцев подол своего короткого сарафана, и удалилась. Чудная девчонка. И в ней, конечно, есть много от матери. Какая-то милая угловатая гибкость, не знаю, как это объяснить. Я отодвинул стакан и встал.

— Спасибо, Ниночка, — сказал я. — Тебе тоже пора спать. Всем пора спать.

— Да, — пожаловалась она, — я встаю рано.

Мы вышли в прихожую. Я пропустил ее вперед и плотно прикрыл дверь.

— Когда мы увидимся? — спросил я.

— Не знаю.

— Тогда я знаю. Мы увидимся завтра. Давай?

— Не получится, Андрюшенька. Завтра я со своими англичанками уезжаю в Минск.

— Ну вот! — Я расстроено поглядел на нее.

— Ничего, это всего на два-три дня. Постой-ка...

Она подошла ко мне вплотную и стала поправлять мой галстук. Тогда я взял ее за плечи. Она вздохнула и опустила руки. Я поцеловал ее.

— Господи, — сказала она. — Господи, как давно это было.

Я поцеловал ее еще и еще раз.

— Не надо, — сказала она жалобно, — иди, пожалуйста. Иди, Андрюшка. Иди. Ну прошу тебя. Это же все было. Было. Было.

Глава десятая

Утром я позвонил в издательство и сказал Люсе, что буду не раньше среды. На моей совести было еще шестьдесят фотокопий, но заставить себя копаться в словарях оказалось после вчерашнего не так-то просто. Я лежал на диване, заложив руки за голову, глядел в белый потрескавшийся потолок и думал о Нине. Вернее, не думал, а видел и ощущал, какой она была вчера. Как она поднимала руки, чтобы поправить волосы. Как у нее дрожал подбородок, когда она старалась удержаться от смеха. Как стучали каблуки по асфальту. Как у нее напряглась спина под моей ладонью и как она закрыла глаза, когда я поцеловал ее в губы. И какие у нее были горячие губы, мягкие и сухие. Великое колдовство памяти о своей нежности. Так можно было пролежать и сто лет. Самое скверное то, что понемногу начинаешь жалеть самого себя. Я рывком поднялся и сел.

Развлечемся. Вот передо мной стеллаж. Это моя библиотека, семь некрашенных полок, набитых книгами. Строго говоря, это моя пятая библиотека. Одна осталась у Нины. На улице Алексея Толстого, на пятом этаже. Я привез из общежития два чемодана книг, книжного шкафа не было, и мы сложили книги в комод. Интересно, где они сейчас.

Наверное, в Наташкиной комнате, в моей комнате. А первая моя библиотека погибла в Ленинграде в сорок первом году. В дом попала бомба. Сейчас на месте дома приличный скверик. Я в то время был под Одессой, и при контратаке у Сухого Лимана румын проломил мне нос прикладом. Огромный заросший румын в желтой шинели с тусклыми пуговицами. Его тут же приколот маленький черноглазый матрос с окровавленной головой. Матрос тогда крикнул: «Живем, салага!» Через минуту его убили.

Вторую библиотеку я бросил в Порт-Артуре. Это было в сорок седьмом году, я еще не умел читать по-японски и не надеялся когда-либо научиться. Я был глуп. Отличная была библиотека, раньше она принадлежала японскому коммерсанту. Ирина из медсанбата приходила, стояла у шкафа, водила пальцем по корешкам, и вздыхала. Она была коротенькая, полногрудая, в мелких кудряшках, и чувствительно пела под гитару низким звучным голосом. Третья библиотека осталась на улице Алексея Толстого. Четвертую я отдал Поронайскому дому культуры, когда в пятьдесят шестом году возвращался на материк. Оставил себе только японские книги, которые подарил мне капитан «Конъэй-мару». Две книги: томик Кикутикана и «Человек-тень» Эдогавы. Кто бы мог подумать, что у капитана такой вонючей галоши окажется Кикутикан?

На палубе «Конъэй-мару» было скользко и пахло испорченной рыбой и квашеной редькой. Стекла рубки были разбиты и заклеены бумагой. Валентин, придерживая на груди автомат, пролез в рубку. «Сэнтё, айда», — строго сказал он. К нам вылез капитан. Он был старый, сгорбленный, лицо у него было голое, под подбородком торчал редкий седой волос. На голове у него была косынка с красными иероглифами, на правой стороне синей куртки тоже были иероглифы, только белые. На ногах капитана были теплые носки с большим пальцем и гэта. Стуча гэта по палубе, капитан подошел к нам, сложил перед грудью руки и поклонился. «Спроси его, знает ли он, что находится в наших водах», — сказал майор. Я спросил. Капитан ответил, что не знает. «Спроси его, знает ли он, что лов в пределах двенадцатимильной зоны запрещен», — сказал майор. Я спросил. Капитан ответил, что знает, и губы его искривились, обнажив редкие желтые зубы. «Скажи ему, что мы арестовываем судно и команду», — сказал майор. Я перевел. Капитан часто закивал — или голова его затряслась. Он снова сложил ладони перед грудью и заговорил быстро и неразборчиво. «Что он говорит?» — спросил майор. Насколько я понял, капитан просил отпустить его. Он говорил, что им нужна рыба и что они не смеют вернуться домой без рыбы. Он говорил на каком-то диалекте, вместо «ки» говорил «кси» и вместо «цу» говорил «ту». Понять его было очень трудно.

Вон они стоят рядышком, Кикутикан и Эдогава, между томом Куникиды в сером картонном чехле и выпуском «Фудзин корон» за август пятьдесят восьмого года. Пошлейший журнал, как и все женские журналы мира. Надо будет его выбросить или подарить Косте, там есть, кажется, фото японских балерин. Костя любит такие фото. Я тоже когда-то любил. А левее «Фудзин корон» стоит мрачный темно-зеленый «Военный японско-русский словарь» издания, по-моему, тридцать седьмого года. Его тоже надо будет выбросить. Вообще пора как следует почистить библиотеку. Это моя пятая, и шестой у меня уже не будет.

Вот, например, на третьей полке в углу имеет место целая выставка очень разнородных предметов, которым там совершенно нечего делать. Посмотрим. Две коробки библиотечных карточек, пыльные руины ленивой попытки создать японо-русский математический словарь. Еще одна коробка библиотечных карточек, исписанных французскими словами, следы увлечения французским языком. Это бывает даже с заскорузлыми пессимистами, этакий приступ рвения, когда человек набирает кучу интересных французских книжек, составляет солидный план занятий, покупает библиотечных карточек для слов, целый месяц в соответствии с планом зубрит слова в метро и в троллейбусах и уже приценивается к Мопассану в оригинале, но тут случается чей-то день рождения, и на другое утро человеку уже не хочется французского, а хочется только пить, а еще через день наступает праздник с двумя выходными, а затем

оказывается, что французские книжки куда-то девались, карточки перепутаны, план потерян и вместе с ним всякая потребность в оригинальном Мопассане.

Позади коробки с французскими карточками стоит настольный психотермомбарометр, изящный на вид прибор, непоколебимо показывающий «к ясной погоде», плюс один градус и сто процентов. Мне подарили его друзья на день рождения, предварительно уронив в переполненном автобусе. Каждый раз, когда он попадает мне на глаза, я вспоминаю своих друзей. Это плохо, друзей надо помнить всегда — прекрасное правило, следовать которому так же трудно, как и любому другому, столь же прекрасному. Рядом с прибором располагаются две пачки сигарет «Друг», мраморный стакан для карандашей с пришедшей в негодность авторучкой и наполовину пустая пачка кукурузных хлопьев глазированных. Обособленно стоит пустой флакон из-под духов. Интересно, что может сказать такой набор предметов острому наблюдателю? Если учесть, что я пишу только карандашами или печатаю на машинке, терпеть не могу кукурузных хлопьев, курю только «Памир» и никогда не пользуюсь духами. Впрочем, я ни разу в жизни не встречал острых наблюдателей. Подозреваю, что это не столько объективная реальность, сколько литературный прием. Вроде выражения «в глазах ее вспыхнула нежность».

Книги. Самые мои любимые книги — если не считать собраний сочинений — стоят на четвертой полке. Кстати, о классификации. Не знаю, почему мы любим одни книги и не любим другие, но представляю себе, по какому признаку квалифицированный читатель относит книги к отличным, средненьким или серым. Квалифицированные читатели это те, кто, во-первых, читает много, а во-вторых, любит перечитывать. Не надо считать квалифицированным читателем равнодушного листателя, трудолюбиво читающего все подряд, не запоминая, не вспоминая, не влюбляясь в книгу, или тупого фанатика, который всю жизнь перечитывает один-разъединственный пятый том полного собрания сочинений Шеллера-Михайлова. Интересно, почему именно Шеллер-Михайлов, я его в жизни не читал. Он ассоциируется у меня с семью слониками на полочке и с бездарными лубочными вышивками. Так вот, квалифицированный читатель делит книги на серые, средненькие и отличные. Отличные и есть любимые. У каждого они свои. Впрочем, и серые, и средненькие тоже.

Серую книгу, как правило, трудно или невозможно дочитать до конца. Для меня это «Семья Тибо», почти все советские детективы, «Ому» превосходного писателя Мелвилла, «Лунная дорога». Средненькая — это книга, которую прочитываешь с удовольствием, но перечитывать либо не тянет, либо тяжело. Примеры: большая часть советской и зарубежной фантастики, «Кобра под подушкой» Кима, «Учитель Гнус», «Три товарища», «Брат мой, враг мой», историческая серия Конан-Дойля. А отличная, любимая книга — это книга, которую можно просмаковать хотя бы один раз, к которой непременно возвращаешься, по которой в самых неподходящих обстоятельствах вдруг начинаешь скучать, как по славному человеку.

Вот они, мои друзья и любимцы, слегка потрепанные, выстроились на полке безо всякой системы, некоторые, кажется, даже вверх ногами. Два черных с красным и серебром тома великого Хемингуэя. Я человек простодушный, больше всего люблю «Фиесту», «Иметь», «Трехдневную непогоду». И жалею, что не удалось достать «За рекой в тени деревьев». Настоящие ценители, вроде Пети Майского, меня презирают. Колосс Леонид Леонов, «Дорога на Океан». Изумительная, неисчерпаемая книга. И по-моему, Курилов — единственный в мировой литературе образ настоящего коммунист-мечтателя, на которого смотришь с благоговейным восхищением, задрав голову и придерживая шапку. «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, воениздатовское издание с отвратительными дубовыми иллюстрациями, ничего общего не имеющими с живой умной яростью этой отличной повести. Том Ростана. Наверное, если бы не Щепкина, половина прелести «Сирано» для нас, русских, безвозвратно пропала бы. Сологуб, «Мелкий бес». Не возьму в толк, почему наши критические ослы так ополчились

на него. Помимо всего прочего, это крепкое, сильнодействующее лекарство от обывательского запора. Перечитываешь с наслаждением и с тайной дрожью какой-то: господи, как хорошо, что я не такой, как славно, что у нас уже не так. «Признания авантюриста Феликса Круля». Единственная книга Томаса Манна, которую я люблю. Вероятно, за поразительную, блистательно-бесстыдную откровенность. И еще за то, что она по-старинному, по-диккенсовски уютная. «Новеллы» Акутагавы. Акутагава писатель особенный, аналогий ему нет ни в Японии, ни во всем мире. Интересно, что старательный, нарочито дословный перевод Фельдман очень идет ему. Так и кажется, будто японцы должны воспринимать оригинал так же, как мы воспринимаем этот на первый взгляд неуклюжий, спотыкающийся перевод. «Швейк», «Человеческая комедия» Вильяма Сарояна, Честертон, Бёлль, «Мост» Грегора. Сюда бы еще «Вернера Хольта», но он располагается полкой ниже, выданный из номеров «Иностранной литературы» и заключенный в картонную корку от «Нового мира», рядом со «Счастливым Джимом», «Над пропастью во ржи» и Дудинцевым. Грэм Грин. Трилогия Яна. Лем. У меня только «Астронавты» и «Магелланово облако». Когда и если выйдет отдельным изданием «Солярис», я их выкину. А пока пусть стоят, представляют в моей пятой и последней библиотеке любезного сердцу моему пана Станислава. «Повести древних лет» Валентина Иванова. Опоздал купить «Русь изначальную». Олеша. Бабель. Солнечный и интеллигентный Бабель. Говорят, он работал до последней минуты. Ему повезло, начальник тюрьмы оказался его почитателем и разрешил работать в своем садике. Бабель так и умер под синим небом за дощатым столом, уронив голову на незаконченную рукопись. «Туманность Андромеды» и «Великая Дуга». «Туманность» с дарственной надписью автора. Он меня, наверное, забыл, но я-то его хорошо помню. Огромный, видимо, страшной физической силы человек в старом морском кителе и шлепанцах, с бледными твердыми глазами навывкат и щетинистыми серыми усиками. Это один из самых умных и добрых людей, кого я знаю, и я его люблю, за книги и его самого, да и нельзя его не любить, слишком в нем много того, что всегда хочется видеть в людях. За Ефремовым стоят два комплекта Уэллса, молодогвардейский и гослитиздатовский. И ни в одном нет отличной утопии «Люди как боги». «Три мушкетера», вечная книга, которую будут читать, пока на Земле нужны радость жизни, честь и храбрость. Стейнбек, «Зима тревоги нашей», будто в пару к «Мелкому бесу». Надо будет поставить их рядом. Трехтомник Чехова с зелеными корешками. Всё.

Всё. Я уперся ладонями в край дивана, чтобы встать, но нечаянно взглянул вверх, на седьмую полку, и остался сидеть. Седьмая полка — это усыпальница моих увлечений математическими науками. Серьезные были увлечения, и я до сих пор не уверен, что отделался от них навсегда. Вот, например, «Совершенный стратег», он же «Букварь по теории стратегических игр» Дж. Д. Вильямса, книга умная и веселая. К сожалению, она попала ко мне слишком поздно, и я так и не дочитал ее. Но я знаю, что рано или поздно я снова доберусь до нее, дочитаю и перечитаю. Рядом с «Совершенным стратегом» стоит «Курс высшей математики» Смирнова, том четвертый, а всего томов шесть. Наверное, Смирнов — последний энциклопедист в математике. Людей, которые бы знали всю математику, больше не будет. Времена энциклопедистов проходят безвозвратно, и люди, которые считают, что в будущем ученый совместит в себе кучу разнообразных специальностей, просто не понимают, что говорят. Они размахивают кибернетикой и прочими стыковыми науками и совершенно забывают, что для практической работы в таких науках совершенно не надо быть энциклопедистом. Облупленный плотный том издания одна тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года. Барон Вега, «Десятизначные математические таблицы». Гигантский научный подвиг. Тридцать лет однообразной вычислительной работы, тридцать лет утомительнейшей возни с цифрами. Кажется, Вега — самый трудолюбивый барон в истории человечества. В наше время эту работу проделала бы за месяц небольшая счетная машина типа «Минск-2». Может быть, когда-нибудь люди будут так же неохотно восхищаться подвигом Льва Толстого.

«Введение в статистическую физику» Левича. Мне нравится эта наука, построенная на незнании. Чем меньше мы знаем, тем больше можем сказать — любопытный парадокс всех наук, связанных со статистикой и с теорией вероятностей. Нежно люблю теорию вероятностей, но не люблю книгу Левича, потому, наверное, что она не ответила на мои очень частные вопросы. Несправедливо, но неприязнь всегда несправедлива, так же как любовь всегда права. «Курс теории вероятностей» Гнеденко. Эту книгу следует проштудировать всякому, кто интересуется стохастическими процессами хотя бы в применении к преферансу. У меня всегда была тайная мечта открыть что-нибудь с помощью теории вероятностей. Я применял ее, чтобы получить оптимальную стратегию игры в «девятый вал», чтобы рассчитать вероятность проигрыша мизера при игре без семерки и на чужом ходу, чтобы выяснить вероятность посещения нашей планеты инопланетными пришельцами и даже чтобы найти вероятность счастливого троллейбусного билета. Мне удалось вывести несколько формул, изящных и никому не нужных. Я восторгался, исследуя различные карточные игры, выдуманные, наверное, задолго до теории вероятностей и тем не менее построенные так, будто авторами их были Гаусс или Колмогоров — изящно, непротиворечиво и рационально. И я нашел вероятность счастливого билета. Она равна примерно шести процентам, то есть на каждые сто билетов приходится в среднем шесть счастливых. Представления не имею, кому это может понадобиться в практических целях...

Я все-таки встал, вышел в коридор к телефону и набрал номер Нины. Никто не отозвался. Я сел за стол и посмотрел на стопку фотокопий. Еще шестьдесят штук. Гигантский осьминог профессора Акасиды мокнул в нашем бассейне и томился ожиданием. Он жрал убиенных собачек и тухлую рыбу от щедрот горторга, для гадости обливал людей водой и сепией и нетерпеливо ждал, когда я разрешу наконец его сексуальные и прочие проблемы. Мой долг, ничего не поделаешь. Вот кстати, как сказал бы товарищ Полухин.

К вечеру следующего дня я обработал еще сорок фотокопий и сделал восемь выписок. На этот раз материалы были очень интересные. Безымянные авторы и авторы, от которых остались только имена, равнодушно сообщали о странных и неправдоподобных событиях. И приходилось им верить, ибо явственно чувствовалось, что они всего-навсего старательные регистраторы, не способные вложить в свою писанину ни капли воображения. Тоже мне летописцы. Виделся в полутемной канцелярии просвещенного кугэ этакий убогий писаришка, по совместительству прохвост, вымазанный тушью и изнуренный бамбуковыми палками, страстно и безнадежно мечтающий о рисовых колобках. Как он, глотая слюни, добросовестно записывает: «В тринадцатый день пятого месяца самурай по имени Гои с прошением удостоился светлейшей аудиенции, и его светлости благоугодно было назначить самураю по имени Гои по его прошению годовое содержание в пять коку риса». Чудо ему воспринимать нечем, бедняге, у него только бездонный желудок и кроличьи половые органы. Знаю я эту породу.

Я положил карандаш и потянулся. Хорошо потянуться после работы. Ныла спина, сильно горели веки. Стемнело, но я без труда уверил себя, что еще достаточно рано. Я вышел к телефону, набрал номер Нины и долго слушал длинные гудки. Потом трубку взяла Наташа.

— Вас слушают, — строго сказала она.

— Здравствуй, — сказал я. — Мама не приехала?

— Нет. Кто это говорит?

— Андрей Сергеевич.

— Здравствуйте, Андрей Сергеевич. Она завтра придет. Она сегодня звонила из Минска и сказала, что придет завтра. Ей передать что-нибудь?

— Передай привет, дружок.

— Обязательно. Вы к нам придете?

Я задержал дыхание.

- Приду.
- Понимаете, Андрей Сергеевич, у меня к вам большущая просьба.
- Какая?
- Вы еще пойдете посмотреть на осьминога?
- На осьминога? Возможно, пойду.
- Голос ее стал вкрадчивым и проникновенным.
- Андрей Сергеевич, возьмите меня с собой. Можно?
- Почему же нет?
- Меня пустят?
- Со мной пустят.
- Понимаете, мне очень хочется посмотреть.
- Понимаю, кнопка.
- Что вы говорите?
- Понимаю.
- А если меня не пустят?
- Пустят. Пусть попробуют не пустить, я им тогда переводы не отдам.
- Это мысль. Когда мы пойдём? Завтра?
- Нет, у меня еще не все готово. Да я тебе позвоню.
- Было слышно, как кто-то хрипло кричит о любви.
- Ты что сейчас делаешь?
- Я? Телевизор смотрю.
- Детям до шестнадцати?
- Ничего подобного. «Последние залпы», я уже два раза видела. Ничего там такого

нет.

- Ну, ладно, смотри свои «Залпы». До свидания.
- Я буду ждать, Андрей Сергеевич!

Я повесил трубку и отправился стелить постель. Я стелил и думал: все хорошо, и Наташка — хорошо, и завтра приедет Нина, и я прямо все скажу ей, я скажу, хватит с меня всех этих глупостей и страхов, хватит, а сейчас надо спать, спать, а то я устал, хуже чем собака, хорошо бы выпить кофе, но если выпить кофе, то не уснешь, и вообще лень ставить чайник, и вообще, есть у меня нечего, а бежать в гастроном — страшно подумать, да и есть не хочется, потому что жарко и слипаются глаза. Я постелил постель и стал раздеваться, но тут сосед позвал меня к телефону. Звонил Костя Синенко.

- Андрей, — сказал он. Он был трезв и угрюм. — Ты когда будешь в издательстве?
- Завтра. В чем дело?
- Приходи обязательно. У нас очень плохо.
- Что случилось?

Он помолчал.

- Очень плохо, — повторил он. — Скорей приходи. Очень плохо. Ты сам увидишь.

Пока.

[Далее текст отсутствует.]

[Последний вариант]

1

На третьем курсе Юлю Марецкую выбрали комсоргом факультета и затем переизбирали еще два раза. Это вовсе не значило, что она была прирожденным комсомольским вожаком, как ей постоянно внушали члены партбюро, никаким комсомольским вожаком она не была, но она с радостью ухватилась за комсомольскую работу, чтобы избавиться от чувства неполноценности, которое всегда испытывала рядом

с более способными ребятами. Разумеется, никто не относился к ней свысока и не упрекал ее за то, что язык дается ей плохо, ее и вообще-то не очень замечали, но только став комсоргом она почувствовала себя в институте как рыба в воде. Она была девушкой искренней и доброжелательной, поэтому ей ничего не стоило справедливо разобраться в каком-нибудь мелком конфликте, собрать товарищей на политзанятия или мобилизовать массы на субботник.

Правда, эта деятельность имела для нее и плохую сторону. Увлечшись общественными обязанностями, она оставила далеко в тылу все личные проблемы, с которыми любая студентка способна справиться в нежном двадцатилетнем возрасте. Она так и не сумела отделаться от некоторых непрактичных принципов, внушенных ей в детстве. На четвертом курсе у нее случился роман с одним преподавателем, и она по ночам плакала в подушку, называя себя безнравственной женщиной. Она оказала преподавателю такое сопротивление, что он скоро отступился и вернулся к своей семье, и дальше поцелуев в пустых аудиториях дело у них с Юлей так и не пошло. Вообще-то Юля была милой девушкой, даже хорошенькой, хотя многие находили, что ей следует больше заботиться о внешности. На последнем семестре она была уже членом факультетского бюро партийной организации и стала носить очки, но перед госэкзаменами сняла их.

Окончив институт, она поступила в издательство на 1-м Рижском и тут же вышла замуж за только что уволенного в запас старшего лейтенанта, субъекта веселого и развязного. У него не было гражданской специальности, поэтому Юля решила, что должна поставить его на ноги. У нее была комната в старом доме в районе Арбата, и первое время бывший старший лейтенант то ли с непривычки, то ли из благодарности сдерживался. Но потом он снова стал пить, связался с какими-то проходимцами, крал у жены деньги и даже пытался ее колотить. Юля из кожи вон лезла, чтобы перевоспитать его. Она ела и спала с книгами Макаренко, приводила домой сослуживцев, которые пили чай и рассказывали, как славно работать в коллективе и любить свою работу. Неожиданно она узнала, что у него есть любовница, и прогнала его. К счастью, детей у них не получилось, но вся эта история крайне болезненно подействовала на ее самолюбие. Впервые, ей было очень стыдно перед сослуживцами, хотя они жалели и всячески старались ободрить ее. И к тому же она поняла, что у нее с самого начала не было никаких шансов на успех, поскольку ее жилплощадь и довольно высокий оклад сами по себе представляли соблазн для бездомного бездельника независимо от ее женского обаяния. Бедняжка успокоилась только через несколько месяцев, когда ушла с 1-го Рижского и поступила в Московское издательство в редакцию современной прозы.

Работала она добросовестно и нисколько не робела перед начальством, поэтому к ней так и льнули девочки из корректорской и производственного отдела — она яростно, со студенческой пылкостью защищала их от раздраженных заведующих. Вскоре ее выдвинули в местком вместо старушки, ушедшей на пенсию, а затем она была выбрана в партийное бюро, хотя прошла большинством всего в два голоса. Это последнее обстоятельство ее обидело и в то же время прибавило ей рвения, так что на нее постепенно свалили всю текущую работу. В партийных бюро такие работники просто необходимы, и стоило ей однажды заболеть, как с треском провалилось множество мелких мероприятий.

Капитану она не нравилась еще в институте, и когда она подошла к нему в издательстве, он попытался сделать вид, что совершенно не помнит ее. Ничего из этого не вышло, через две недели она с ним подружилась. Они оказались на дне рождения у общего знакомого, поговорили о всякой всячине, потанцевали, и она заявила, что он хороший человек. Она сказала, что мнение о человеке составляет для себя раз и навсегда с первого взгляда и никогда не ошибается. У нее были блестящие честные глаза и румяные от вина щеки, и Капитан ей поверил. Тогда она, не сходя с места, чистосердечно рассказала все о себе. Капитану пришлось провожать ее домой, хотя он обещал Нине вернуться пораньше. Они долго прохаживались перед ее подъездом, потом долго стояли у

ее подъезда, и она все рассказывала о себе, доверчиво заглядывая ему в лицо. Это не было похоже на приглашение к любовной нежности, но все же Капитан вздохнул с облегчением, когда она спохватилась и попросила его не провожать ее наверх до дверей квартиры.

Она прочно взяла над ним шефство и стала часто бывать в его редакции. Раза два она даже заходила к нему домой, но Капитан стеснялся за нее перед Ниной, и ему удалось деликатно показать ей, что покушений на свое домашнее время он не переносит. Возможно, она незаметным образом влюбилась, а скорее всего, просто чувствовала себя одинокой, потому что Капитан в издательстве был ее единственным другом, если не считать девчонок из корректорской. А может быть, она привязалась к нему потому, что он только слушал ее и никогда не рассказывал сам. Это ей нравилось, она видела в этом признак участия. Отношения у них были спокойные и удобные для обоих. Она занимала для него очередь в буфете, доставала редкие книги, учила играть в бадминтон, а он с должной внимательностью выслушивал ее наставления из области морали и замечания о своих методах работы. Время от времени, увлекшись ролью преданного друга, она принималась резать ему в глаза правду-матку. Капитан не любил, когда ему режут в глаза правду-матку, но он был человек терпеливый и снисходительный и поэтому терпел.

Однажды горячим июльским днем Капитан, его редактор Костя Синенко и его старший редактор Тимофей Евсеевич Тураев лежали в обеденный перерыв животами на подоконнике и смотрели, как внизу во дворе ворочается «маз» с громоздким прицепом-цистерной. Вокруг «маза», взволнованно размахивая руками, бегали беспозвоночники и пронзительными голосами подавали водителю советы. Беспозвоночками в издательстве называли соседей, сотрудников Института беспозвоночных, да они и сами себя так называли. Костя, получивший недавно права шофера третьего класса, рассказывал, как бы он поступил на месте водителя, а Тимофей Евсеевич сокрушался по поводу того, что «маз» портит во дворе газоны. Капитан молчал и дышал свежим воздухом. Летом он все перерывы проводил на подоконнике. В это время в редакцию заглянула Юля, поздоровалась и сказала:

— Андрей Сергеевич, ты не занят? Можно тебя на минуту?

Капитан вышел за ней в коридор, и они сели у стола, где обычно сидят с авторами, чтобы не мешать в редакции. Юля опустила ресницы, разгладила юбку на коленях и печально взглянула на Капитана. Она не знала, с чего начать, и демонстрировала крайнее замешательство. Капитан проводил завистливым взглядом какого-то грустного автора, расхаживавшего по коридору в ожидании конца перерыва, вздохнул и нарочито весело сказал:

— Ну что, девочка, что опять стряслось? Мне не идет эта рубашка? Люся опять целовалась в рабочее время? Синенко играл с мальчишками в пристенок? Говори прямо и откровенно, без околичностей и всяких там фиглей-миглей.

Пока он говорил это, она с трагическим достоинством покачивала головой. Глаза ее были прикрыты. Затем она открыла глаза, подождала, пока пройдет грустный автор, и сказала:

— Вопрос очень серьезный, Андрюша. Боюсь, что тебе это будет неприятно, но я чувствую себя обязанной поговорить с тобой. Уж лучше я, чем кто-нибудь еще.

Последовала значительная пауза, и Капитан поспешил заверить:

— Ну конечно, лучше ты, девочка.

— Что у тебя с Майским? — спросила она.

Капитан удивился.

— С Майским? С Майским у меня договор.

— Вы с ним друзья?

— И очень давние. С ним что-нибудь случилось?

Она сурово сказала:

— Ты ходишь с ним по ресторанам.

— Я не знал, что это огорчает тебя, — сказал Капитан кротко.

— Ты ходишь с ним по ресторанам, — повторила она. — Ты с ним пьянствуешь. Мне все известно.

— Позволь, девочка, — сказал Капитан. — Это тебе не может быть известно. Майский не пьет, у него больная печень.

— Ты бываешь с ним в ресторанах?

— Бываю, был раз двадцать. Да в чем дело?

— Ты не понимаешь?

— Нет.

— Достаточно того, что вы с ним друзья, а ты еще ходишь с ним по ресторанам.

— Помилуй, Юля, да я ни за какие коврижки не пойду по ресторанам с врагами...

Юля сказала, зловеще понизив голос:

— Ты заведующий редакцией, коммунист. Майский твой автор. Как твой товарищ и как член партбюро я предупреждаю тебя, что это выглядит не очень красиво. Об этом уже идут разговоры. Вы с Майским друзья, и ты включаешь его в план редподготовки. Вы ходите по ресторанам, и ты заключаешь с ним договор на большую книгу по высшей ставке. Вчера Ярошевич определенно выразился в том смысле, что...

Ну разумеется, Ярошевич. А я-то на коленях вымаливал у Майского согласие взяться за «Хэйкэ», подумал Капитан. И Конрад был рад, когда узнал, что Майский берется за «Хэйкэ». И Майский как старый друг отказался от большой работы для Академии Наук. Опять Ярошевич. Капитан посмотрел на Юлю. Она была бледная и утомленная, с синяками под глазами, потому что работать летом в жару очень трудно, особенно женщинам. Но говорила она увлеченно и даже размахивала руками:

— Дружба дружбой, но ты не имеешь права давать хотя бы мельчайший повод. Положение обязывает, нам всем приходится ради дела идти на известные жертвы. Ты должен беречь свой авторитет, зачем тебе ненужные сплетни и разговоры? Не воображай, что ты находишься в безвоздушном пространстве. Тебя любят, с тебя берут пример. Андрей Головин, как жена Цезаря, должен быть выше всяких подозрений...

Капитан понимал, что Юля несет эту белиберду из самых лучших побуждений. Она все делает из самых лучших побуждений. Хорошо бы подвергнуть ее оскорблению действием. Прямо здесь, в коридоре. Положить на колено и лупить по мягкому до тех пор, пока она не завопит и не поклянется впредь не обременять честных людей своей и чужой глупостью. Это было бы славно. Что за отвратная полицейская логика: ты не потому вне подозрений, что честный, а до той поры ты только и честный, пока вне подозрений.

Капитан сказал:

— Да, все верно. Я заключил с Петром Майским договор на двадцать листов по полтора за лист. По этому поводу мы устроили в «Метрополе» очередное пьянство. Мы ели вырезку и пили самый дорогой коньяк. Все за счет Майского. И Майский выдал мне нотариальную доверенность на половину будущего гонорара. Потом мы отправились в Сандуны, и его рука мыла мою руку.

— Вот ты смеешься, — укоризненно сказала Юля, — а так примерно это и выглядит со стороны. Во всяком случае, так это можно при желании представить. Ты знаешь, как я к тебе отношусь, Андрюша... — Она положила ладонь на его руку и чарующе улыбнулась. — Ты знаешь, что я ни на секунду не смогла бы усомниться в тебе. Я ведь никогда не ошибаюсь в людях. Но, к сожалению, у тебя есть и недоброжелатели. И ты подумай над тем, что я тебе сейчас сказала.

Она еще раз чарующе улыбнулась и ушла. Капитан посидел, пригорюнившись, и вернулся в редакцию. Костя и Тимофей Евсеевич все еще лежали на подоконнике. Младший редактор Люся Фомина охорашивалась перед стеклянной дверцей шкафа с папками. Капитан сообщил им, что перерыв кончился, и сел разбирать корреспонденцию. Одно письмо было из Иностранной комиссии ССП. Иоффе просила его явиться в воскресенье в гостиницу «Пекин» к восьми часам вечера, потому что приехал Цутому

Хида и хочет с ним встретиться. Можно было бы попытаться увильнуть от этой встречи, но Капитану не хотелось подводить Иоффе. Он позвонил ей, а затем всех заведующих редакциями вызвали на совещание к главному редактору.

2

Совещание затянулось, и Капитан освободился уже после конца занятий. Он устал и хотел есть, дома его ждал «Призрак с хризантемой», послезавтра предстояла встреча с Хидой, но он все же обратил внимание на необычное оживление возле бассейна. Оттуда тянуло резким кислым запахом. Несколько рабочих в спецовках закладывали кирпичом обширный пролом в стене, им помогали взволнованные и нервные беспозвоночники в белых халатах. У рабочих, как показалось Капитану, тоже был какой-то озадаченный и недоверчивый вид, и они очень торопились. Но подходить Капитан не стал, так как решил, что бассейн просто-напросто ремонтируют.

Неизвестно, когда и для чего построили посередине двора это грубое приземистое сооружение из потрескавшегося бетона. Судя по бледным надписям со стрелками, во время войны оно служило убежищем, затем в нем хранили уголь, а потом издательские спортсмены объединились со спортсменами из Института беспозвоночных и оборудовали в нем приличный закрытый бассейн. Не бог весть какой он получился, глубиной всего два метра и площадью пятнадцать на двадцать, но ребята построили его сами и гордились кафелем, лампами дневного света и прочими удобствами. Летом в нем просто купались, чтобы освежиться, а зимой тренировались пловцы и команда ватерполистов профсоюза работников культуры.

Погода была прекрасная, и Капитан побрел домой пешком, выбирая самые тихие переулки. По дороге он очень нелестно думал о Ярошевиче и Юле, потом вспомнил, что дома кончился кофе, зашел в магазин и купил пачку за сорок четыре копейки, а заодно буженины и масла. Дома он без особой надежды заглянул в почтовый ящик, принял душ, поужинал и стал готовиться к очередной схватке с Баньютэем. Война велась по вечерам и по ночам, и каждый раз перед боем Капитан некоторое время стоял перед столом, держась за спинку старого скрипучего кресла, и выжидал. Как будто все готово. Серо-зеленая «комбина» заправлена чистым листком бумаги. Справа, так, чтобы удобно было дотянуться, разложены рыхлые от употребления словари Кацуматы, «Кодзиэн» и Роз-Иннеса. Слева раскрыта изящная книжка Баньютэя в издании Иваками. Пепельница пуста, папиросница полна, на всем свободном пространстве разбросаны коробки спичек. Остается сесть, положить пальцы на клавиши и взглянуть на текст. Но это невозможно сделать сразу. Мало того, этого нельзя делать сразу.

Мешает рефлекс, выработавшийся за долгие годы работы. Этот рефлекс предупреждает, что стоит тебе нажать на клавишу и ты, свободный человек в свободной стране, на несколько часов станешь бесправным галерником. Капитан стоял перед письменным столом, и что-то в нем горестно протестовало, жалко и жалобно требуя не начинать. Совсем не начинать, а пойти на диван и выспаться. Ну, раз уж это так необходимо, то начать через часок. Через десять минут. А пока все-таки лечь на диван и покурить, разглядывая потолок. Капитан любил свои рефлексы. Особенно этот. Он слаб и жалок, ничему не мешает, и, отдавая ему дань паузой, Капитан ощущал себя чуть ли не собственным благодетелем. При этом Капитан хитрил. Он только делал вид, будто просто медлит. На самом деле он настраивал себя на противника. Баньютэй был сложным противником, таких у Капитана еще не было. Это не так просто — каждый вечер перетаскиваться из Москвы второй половины двадцатого века в Эдо первой половины восемнадцатого. Забывать о метро и спутниках и погружаться в мир бидзэнских мечей и ёсиварских красоток. Вползать в шкуру пройдохи и распутника с талантом гениального наблюдателя, видеть мир его глазами, постигать его логику и разбираться в его эмоциях.

Вот он идет по узкому переулку, бесцеремонно толкаясь и отпуская шуточки, долговязый костлявый человек в стареньком кимоно с подоткнутыми полами. С первого взгляда в нем можно узнать «эдокко», настоящего коренного эдосца, во всяком случае — с первого слова. Его настоящее имя, конечно, не Баньютэй, но все зовут его так, потому что так он подписывает свои книжки в пестрых обложках и с потешными рисунками. Эти книжки взахлеб читает вся столица, да что там — вся Япония от Сэндая до Сацумы, грамотные читают неграмотным, и все хохочут, начиная от грозного диктатора и кончая последним эта — уборщиком падали. Всюду в столице Баньютэй как дома, тем более что собственного дома у него нет. Он бесцеремонно вмешивается в чинную беседу двух купцов из провинции и передразнивает их медлительные интонации так, что толпа кругом ревет от восторга. Слуга какого-то самурая пытается преградить ему дорогу деревянным мечом, он закатывает слуге оплеуху и тут же отвешивает нахмурившемуся самураю почтительно-шутовской поклон. Он показывает фигу — так в Эдо приглашают девок — важной дебелий даме в паланкине и несколько минут наслаждается ее визгливыми ругательствами. Он весел сегодня, он хорошо продал свою очередную книгу «Призрак с хризантемой», и мир удовольствий снова открыт для него. Скорее всего, он идет сейчас в веселые кварталы, где с друзьями и проститутками в два дня спустит всю выручку, а затем, если повезет, заставит развлекать себя загулявшего купеческого сынка...

Капитан обошел кресло, сел и придвинулся к столу. Рефлекс больше не сопротивлялся. Капитан даже представил себе, как он огорченно махнул рукой и улегся дремать где-то в теплых глубинах подсознания. Добрый вечер, Баньютэй-сан. Глава двадцать седьмая. «Все-таки пришел, скучная ты сволочь, — сказал Тёдзаэмон. — И что ты только под ногами путаешься?» Отлично сказано: пумаранээ яцу. Это самое трудное и самое вкусное у Баньютэя — диалоги, из которых процентов на семьдесят состоят все его книги. Очень живописные диалоги, и эдосский бытописатель не постеснялся передать их во всем сыром уличном великолепии, с грамматикой и оборотами, давно канувшими в вечность. И реалии. У Кацуматы и в «Кодзиэне» есть, кажется, все, и реактор на медленных нейтронах, и рецессивная аллель, но нет никаких следов вот этого, например, слова. Что такое «накаго»? По смыслу подходит «стержень рукояти». А может быть, это меч в ножнах?

Капитан проработал два часа. Стемнело, он зажег свет и закурил. За два часа едва одна страница. Это еще ничего, в начале войны с Баньютэем бывали ночи, когда страница текста обходилась в три и четыре часа. Это не «Пустота» бывшего солдата первого разряда бывшей императорской армии Цутому Хиды, когда перевод сам лился в русские строчки, и я переводил столько, сколько успевал печатать. В воскресенье встречаться с Хидой. Потерянный вечер. Хотя он хороший писатель, может быть, будет интересно. Надо подарить ему перевод. Нет, перевод я ему послал в Японию. Придется поломать голову над сувениром. Не буду ломать. Куплю матрешку или фигурку из мамонтовой кости. Или бутылку юбилейной водки в оригинальной упаковке. Это в магазине русских вин. Там я покупал шампанское для Нины. Нет, тогда этого магазина еще не было. Нина была в узкой короткой юбке, и на вечере все мужчины глазели на ее ноги, а ей хоть бы что. Еще целый месяц до ее возвращения. А послезавтра встреча с Хидой. А сегодня, завтра, послезавтра и еще много дней мне встречаться с Баньютэем.

Вот вопрос, чего ради я связался с этим средневековым шутником? Предлагали ведь другую работу, куда более выгодную. Пухлую современную вещь на двадцать пять листов, работать можно почти без словарей. Закончил бы в полгода, расплатился бы с долгами, купил бы Нине шубу. Только вот работать было бы скучно. Что-то из жизни распронаибеднейшего крестьянства в лапах ростовщиков. Она сказала и заплакала. Он сказал и заплакал. И сопля дрожала на кончике его носа. От таких книг удавиться можно. Меня даже от «Поликушки» тошнит. Даже от чеховских «Мужиков» тошнит. Вообще о селе можно читать только у Шолохова. Баньютэй — другое дело. И сюжет незамысловат, да и взят он у какого-то китайца, чуть не у Цюй Ю Цзун-цзи, а как великолепно сделано!

Психология целого народа как на ладони. «Призрак с хризантемой» сделал бы честь самому Акутагаве, который два века спустя вот так же использовал наивные сюжетики из «Кондзяку». Ладно. Долги подождут, а Нина для такого дела походит и в старом пальто, ничего с нами не делается. Все впереди. Я буду работать, как мне нравится. Потому что я чернорабочий мировой культуры.

Чернорабочий мировой культуры. Строчка за строчкой, страница за страницей, книга за книгой. Падет Баньютэй, наступит очередь Бакина или еще кого-нибудь. Их легион. Вечный и довольно однообразный бой. Покой нам уже даже и не снится. Таковы мы, чернорабочие мировой культуры, переводчики, архивариусы, наблюдатели, составители таблиц. Это мы незаметно и неумолимо производим кирпичики, из которых гении человечества строят Картину Мира. В одна тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году в России вышла плотная книжка в кожаном переплете: барон Вега, «Десятизначные математические таблицы». Это был гигантский подвиг. Тридцать лет однообразнейшей вычислительной работы, тридцать лет утомительнейшей возни с цифрами. Кажется, Вега был самым трудолюбивым бароном в истории человечества. Это был настоящий чернорабочий. А в наше время всю эту работу проделала бы за месяц небольшая счетная машина. Но можно ли было бы создать эту машину без таблиц Вега?..

Капитан перевел еще одну страницу, поставил завариваться кофе и постоял у окна, напрягая и ослабляя затекшие мускулы ног. Было уже совсем темно, похолодало, над крышами повисла распухшая красная луна. Внизу прошуршали шины, простучали каблучки, кто-то визгливо засмеялся и сразу умолк. В окне напротив толстая женщина в сарафане укладывала спать маленькую девочку, тянула через голову платице и что-то говорила, ласково улыбаясь. Наверное, Нина сейчас тоже укладывает спать Наташку или уже уложила и легла сама. Вечер там жаркий и душный, она лежит на железной койке в полной красоте своей безо всякого украшения и сквозь сон слушает, как на другой железной койке сопит в подушку набегавшаяся за день Наташка. Еще целый месяц.

Кофе вскипел. Капитан плеснул в кофейник холодной воды, чтобы осела гуща, и достал огромную фарфоровую чашку, синюю с золотом. Эту чашку с соответствующим блюдцем подарили Капитану друзья на день рождения. Подарок они предварительно уронили в переполненном автобусе, поэтому до Капитана дошла только чашка. Я пью из нее кофе уже пять лет, меланхолически подумал Капитан. Собственно, я пристрастился к кофе из-за нее. И каждый раз, когда я собираюсь пить кофе, я вспоминаю своих друзей. Это плохо, друзей надо помнить всегда. Прекрасное правило, следовать которому так же трудно, как и любому другому, не менее прекрасному. Например, быть всегда и везде принципиальным. Особенно в вопросах, на которые мне наплевать.

Кофе получился на славу, густой и черный. Капитан положил в чашку шесть кусков рафинада. Он верил в глюкозу. Он налил чашку до краев, осторожно и тщательно помешал и отведал. Всего в этом бою он выпил две чашки, одолел пять страниц и лег спать в начале третьего.

3

Без четверти восемь, как всегда, загремел будильник, и Капитан со стоном, не открывая глаз, принял сидячее положение. Вставать решительно не хотелось. Мысль о непрременной зарядке внушала отвращение. О том, что после зарядки придется одеваться и завтракать, страшно было подумать. И мертвой тяжестью давил на сознаниедвигающийся день. Капитан мог и хотел только спать. Но у него была сильная воля. Когда будильник изнемог и замолчал, он открыл глаза, зверски зевнул — голуби, топтавшиеся на подоконнике, в страхе кинулись врассыпную, — достал из-под дивана двухкилограммовые гантели и принялся делать зарядку.

Он делал зарядку вот уже лет десять, по пятнадцать-двадцать минут каждое божье утро, и очень гордился этим. Он гордился своей физической силой, и ему было приятно,

когда товарищи уважительно называли его Пантагрюэлем и Человеком-горой. Комплексы упражнений он составлял сам, разучивал их до автоматизма, поэтому во время зарядки мог думать о чем заблагорассудится. Обыкновенно он думал о Нине или о Наташке, иногда о том, что пора сделать ремонт и перестелить пол. Время от времени он размышлял о своей библиотеке. Ему нравилось думать о библиотеке, возможно потому, что история его усилий обзавестись библиотекой носила некий символический характер. Этапы этой истории удивительно совпадали с основными этапами его биографии.

Вот передо мной стеллаж, думал он, семь некрашенных полок, набитых книгами. Здесь книги, которые достались Нине от ее отца, и книги, которые я привез из общежития, два чемодана книг, и книги, которые мы покупали, крали, выменивали потом, когда жили вместе. Это моя четвертая библиотека, четвертая и последняя. Пятой у меня уже не будет. А первая моя библиотека погибла в Ленинграде в сорок первом году. В дом попала бомба. Сейчас на месте дома аккуратная площадь со сквериком. Я в то время был под Одессой, и при контратаке у Сухого Лимана румын проломил мне нос прикладом. Огромный заросший румын в желтой шинели с тусклыми пуговицами. Страшная была драка. Того румына заколол незнакомый морячок с окровавленной головой.

Вторую библиотеку я бросил в Порт-Артуре. Это было в сорок седьмом году, я еще не умел читать по-японски и не надеялся когда-либо научиться. Я был глуп. Отличная была библиотека, раньше она принадлежала какому-то японскому коммерсанту. Я был влюблен тогда в Ирочку из медсанбата. Она подходила к полкам, водила наманикюренным ноготком по корешкам и вздыхала, поражаясь моей учености. Она была маленькая, вся в мелких кудряшках, гимнастерку у нее распирало на груди, и она чувствительно пела под гитару низким звучным голосом. А третью библиотеку я отдал Поронайскому дому культуры, когда в пятьдесят шестом году возвращался на материк. Оставил себе только две книги, их подарил мне капитан «Коньэй-мару», когда мы отпустили его. Томик Кикутикана и «Человек-тень» Эдогавы.

На палубе «Коньэй-мару» было скользко и пахло испорченной рыбой и квашеной редькой. Стекла рубки были разбиты и заклеены бумагой. Ваня, придерживая на груди автомат, пролез в рубку. «Сэнтё, айда», — строго сказал он. К нам вылез капитан. Он был старый, лицо у него было голое, под подбородком торчал редкий седой волос. На голове у него была косынка с красными иероглифами, на правой стороне куртки тоже были иероглифы, только белые. На ногах капитана были теплые носки с большим пальцем. Капитан подошел к нам, сложил перед грудью руки и поклонился. «Спроси его, знает ли он, что находится в наших водах», — сказал майор. Я спросил. Капитан ответил, что не знает. «Спроси его, знает ли он, что лов в пределах двенадцатимильной зоны запрещен», — сказал майор. Капитан ответил, что знает, и губы его раздвинулись, обнажив редкие желтые зубы. «Скажи ему, что мы арестовываем судно и команду», — сказал майор. Я перевел. Капитан часто закивал — или голова у него затряслась. Он снова сложил ладони перед грудью и заговорил быстро и неразборчиво. «Что он говорит?» — спросил майор. Насколько я понял, капитан просил отпустить шхуну. Он говорил, что они не могут вернуться домой без рыбы, что все умрут с голода. Он говорил на каком-то диалекте, говорил вместо «ки» — «кси», вместе «цу» — «ту». Понять его было очень трудно.

Вот они стоят рядышком, Кикутикан и Эдогава, между Куникидой в сером картонном чехле и номером «Фудзин корон» за август пятьдесят восьмого года. Пошлейший журнал, как и все женские журналы мира. Надо будет выбросить его или подарить Косте, там есть, кажется, фотографии японских балерин. Костя любит такие фотографии. Я тоже когда-то любил. А левее «Фудзин корон» стоит мрачный темно-зеленый «Военный японско-русский словарь» издания, по-моему, тридцать седьмого года. Его тоже надо будет выбросить. Вообще давно пора как следует почистить библиотеку. Это моя последняя, пятой у меня уже не будет...

Как всегда, Капитан к концу зарядки основательно вспотел и запыхался. Он снова ощутил активный интерес к жизни во всех ее проявлениях и стремление неуклонно

уменьшать энтропию Вселенной, с удовольствием похлопал себя ладонями по голой груди и отправился в ванную. Приняв горячий душ, он напоследок окатился холодной водой и при этом заорал так, что даже привычный ко всему сосед забарабанил в дверь кулаками, испуганно спрашивая, что случилось. Все было в порядке, но времени оставалось мало. Капитан наскоро перекусил и помчался на троллейбусную остановку. Когда он вышел у издательства, до начала занятий оставалось еще минут пять. Недалеко от ворот его окликнули. Он обернулся и увидел, что у автомата с газированной водой стоит долговязый красавец Виля Смагин в пестрой безрукавке навыпуск и белых брюках и машет ему рукой. В другой руке Виля держал стакан. Капитан подошел.

— Здравствуй, Виля, — сказал он благодушно.

— Здравствуй, Капитан, — сказал Виля. — Хочешь водички?

— Отчего же? — сказал Капитан и вытер ладонью лоб. — А хороша?

— Хороша. Тебе с сиропом или без?

— Без. И не рассказывай старых анекдотов.

— Виля рассказывает только новые. Вот тебе копеечка.

— Рахмат.

— Водичка теперь только здесь и осталась. Придется ездить в Химки.

— Почему, Виля?

— Он еще спрашивает. Бассейн-то теперь нам отдадут месяца через два, не раньше.

— Это что, новый анекдот? Твое здоровье.

— Ты что, дурачишь несчастного Смагина? Кушай на здоровье. Не знаешь, что бассейн у нас отобрали?

— Действительно, хороша. — Капитан поставил стакан. — Кто отобрал? Почему?

— Пойдем, — сказал Виля. — Я вижу, ты действительно ничего не знаешь. Бассейн у нас отобрали беспозвоночники. В интересах науки, вот что ужасно. Они достали где-то громадную рыбу и запустили ее в бассейн. И бедному, несчастному Виле теперь негде тренироваться. Сочувствуешь?

— Да, — сказал Капитан. — Интересно, что это за рыба.

Они прошли под воротами. Во дворе возле бассейна опять толклись люди. Эти люди устанавливали на грубых деревянных козлах большой бак, выкрашенный серой краской, и при этом сердито спорили. Газон перед бассейном выглядел так, будто на нем занималась строевой рота новобранцев. И, как вчера вечером, остро пахло какой-то кислятиной. Что-то знакомое почудилось Капитану в этом запахе, он напомним о каких-то вещах, странно несовместимых с Москвой, с издательством, с его теперешней жизнью. «Ну и вонища», — пробормотал Виля. Капитану стало весело. Он не был ватерполистом, а рыба, для которой понадобился целый бассейн, — это было интересно. Видимо, ее и привезли вчера в цистерне-прицепе, и ради нее ломали и снова закладывали стену бассейна и ставили теперь этот серый бак. Интересно, что это за рыба. У лифта была очередь, и они поднялись по лестнице, поэтому Капитану пришлось подождать в коридоре, пока исчезнет тошнота. Виля посоветовал меньше злоупотреблять курением и работой и ушел в Западную редакцию. Капитан направился к себе. Все были на местах, и Люся сейчас же доложила, что вчера вечером звонил Верейский.

— Он получил рецензию Басова и страшно разозлился.

— Еще бы, — сказал Капитан.

— Он сказал: «Передайте этому вашему интеллигентному павиану, что он кретин».

Он имел в виду Басова.

— Я так и понял, — сказал Капитан. — Что ж, передай, пожалуй, Люсенька. Только Басов будет польщен, его еще никто не называл интеллигентным.

— Беда в том, — вздохнул Тимофей Евсеевич, — что он у нас единственный человек, который знает тамильский.

— А как быть с рукописью? — спросила Люся.

— Верните ее Верейскому, вот и все.

Тимофей Евсеевич с сомнением покачал головой.

— Вережский будет огорчаться на всю Москву.

— Переживет, — сказал Капитан. — Люсенька, неодобрение Глазунову выписано?

— Нет еще, Андрей Сергеевич, сейчас выпишу.

— Не забудь. Костя, как у тебя с аннотациями?

— Тружусь, — недовольно сказал Костя. — Не умею я писать аннотации.

— Давайте, я напишу, — предложил Тимофей Евсеевич.

— Нет, — сказал Капитан. — Пусть сам. Стыдно, Константин.

Костя сделал вид, что ему стыдно, и склонился над столом. Капитан извлек из шкафа несколько папок и сел у окна. Некоторое время в редакции было тихо. Капитан набросал несколько писем, просмотрел и подписал в набор громоздкую рукопись весьма посредственного индийского романа и углубился в изучение заявок, поступивших за прошлую неделю. Заявки были на удивление неинтересные. Мало того, авторы, словно сговорившись, предлагали переводы не с оригинальных языков, а с английского и французского. Какой-то чудака даже предлагал перевести турецкую повесть с болгарского. Капитан сердито откладывал заявку за заявкой. Зазвонил телефон. Люся взяла трубку.

— Вас, Андрей Сергеевич, — сказала она.

Звонил Келлер, главный редактор.

— Андрей Сергеевич, дорогой, — сказал он, — у меня к вам несколько необычная просьба. Сейчас мне позвонили от соседей. Беспозвоночники. Звонил их директор и спросил, нет ли у меня на примете хорошего специалиста по японскому языку. Они получили из Японии какие-то материалы и хотят узнать, что это такое. Вы бы не могли посмотреть?

— Когда? — спросил Капитан.

— Прямо сейчас, если вы не очень заняты. Зайдите, взгляните, что там у них такое. Думаю, это не отнимет у вас много времени. Их директор готов вас принять в любую минуту. Пойдете?

— Да, — сказал Капитан. — Я сейчас иду.

— Спасибо, Андрей Сергеевич. Вы меня очень одолжили. Желаю успеха.

Капитан повесил трубку.

— Я ухожу, — сказал он, — вернусь через час, может быть, немного позже. Костя, к обеденному перерыву все аннотации должны быть у меня на столе.

— Ладно, — проворчал Костя.

— И неодобрение Глазунову, Люсенька.

— Обязательно, Андрей Сергеевич, — сказала Люся.

Капитан вышел и притворил дверь.

4

Институт беспозвоночных помещался в глубине двора в старинном двухэтажном особняке. Капитан там никогда не был, но кое-кого из беспозвоночников знал. Они ходили полдничать в издательский буфет, а один молодой лаборант, специалист по фиксирующим смесям, как он отрекомендовался, серьезно болел Люсей Фоминой и регулярно посещал редакцию. Из-за жары Капитан не пошел напрямик через двор, а направился круговой аллеей, прячась в тени дряхлых лип. У бассейна по-прежнему возились люди, должно быть, они занимались благоустройством огромной рыбы. По дороге Капитан понял, что кислым запахом несет именно оттуда, и подумал, что рыба, должно быть, не совсем свежая. Потом Капитан рассеянно удивился, для чего могла понадобиться рыба беспозвонощикам.

В вестибюле Капитану объяснили, как пройти к директору, и он поднялся на второй этаж по отлогой мраморной лестнице. Директор сидел за столом в сумрачном от штор кабинете и грустно листал бумаги. Когда Капитан представился, он оживился, отодвинул

бумаги и пригласил присесть. Он был толст, потен и то и дело снимал и протирал очки с толстыми линзами без оправы. При этом он не спускал с Капитана бледных глаз с красноватыми веками и часто моргал. Говорил он быстро и безостановочно.

— Да, — говорил он, — да! Мы вам очень благодарны, товарищ Головин. Эммануил Борисович рассказал мне, что вы очень заняты и прочее. Разумеется, мы могли бы послать эти документы на Балтийскую улицу. Но вы знаете, как это у них делается. Заказ, оформление и так далее. А нам нужно срочно, немедленно! У нас не океанарий на Вирджиния-Ки, у нас нет соответствующих специалистов-практиков. У нас голова идет кругом. Эти документы — наша последняя надежда. Возможно, они содержат какой-нибудь ключ или намек... Если в них ничего не окажется, тогда я не знаю. Он может содохнуть, и получится грандиозный скандал и прочее.

Капитан ничего не понимал, но решил немного помолчать. В кабинете было прохладно, кресло было мягкое. Директор положил перед собой объемистый пакет из плотной глянцевиной бумаги.

— Я буду исходить из того, что вы согласны помочь нам, товарищ Головин. Во имя человеколюбия. Во имя науки. Что нужно прежде всего? Установить, каков должен быть режим. Не думаю, что нужно переводить все подряд. Сначала вы все просмотрите и найдете то, что может помочь в определении режима. Это дело первостепенной важности. Он утомлен дорогой, напуган, раздражен, может быть, даже болен. Вам приходилось когда-либо путешествовать в цистерне? Впрочем, нашему поколению многое приходилось. Так вот, это очень трудно, даже если цистерна выстлана водорослями. Правда, до Ленинграда его везли в сносных условиях. Забортная вода и прочее. Но здесь он чувствует себя, вероятно, значительно хуже.

— Простите, — прервал Капитан директора. Ему стало не по себе. — Кто это — он?

— То есть как это — кто? Наш спрут. Мегатретис.

— Спрут?

— Да, спрут, тот самый, которого нам, на беду, подарили.

Они уставились друг на друга, потом директор смущенно хихикнул.

— Прошу извинить меня, товарищ Головин, — сказал он. — Я упустил из виду, что вы не знаете... Воображаю, с каким изумлением вы слушали меня. Нам ведь кажется, что весь мир осведомлен о наших невзгодах. Дело обстоит следующим образом. Наш институт получил из Японии уникальнейший экземпляр живого гигантского головоногого, и мы озабочены тем, чтобы создать ему сносные условия существования. Не допустить, чтобы он погиб. Именно в этом вы можете оказать нам неоценимую помощь.

— Вы держите его в бассейне?

— Временно. Месяца через два будет готов специальный аквариум. Вы не представляете, сколько хлопот доставляет нам этот подарок. Гигантское головоноего в центре Москвы!

— Да, — сказал Капитан. — Интересно. Так вам его подарили?

— Подарили, причем совершенно неожиданно. В прошлом году наша экспедиция сняла с рифов в районе Бугенвиля океанологическую шхуну профессора Акасида. Об этом писали в газетах, вы, наверное, читали. Так вот, Акасида в знак признательности прислал нам это чудовище. Не понимаю, как им удалось изловить его. Надо отдать Акасиде справедливость — это королевский подарок. Мало того что экземпляра такой величины нет ни в одном аквариуме мира. Этот вид головоногого — Акасида нарек его мегатретисом, сверхспрутом — еще не известен науке. Но мы оказались в ужаснейшем положении. Перед нами встали сложнейшие проблемы.

Положение, видимо, действительно было ужасным. На лице директора проступило выражение деловитого отчаяния.

— Вам следует знать, — заговорил он монотонным голосом, — что все эти мягкотелые монстры необыкновенно стенобионтны. Проблема номер один — вода. Вода

должна быть проточной, свежей, достаточно теплой, солености не ниже тридцати пяти промиллей. К счастью, нам удалось раздобыть солерастворитель. Проблема номер два — пища. Пока что мы договорились с живодерней, нам будут отпускать до двух пудов собачьего мяса в неделю. Возможно, торговая сеть согласится отпускать нам испорченные рыбопродукты. Впрочем, собачье мясо он пока кушает с аппетитом. Проблема номер три, четыре, пять и так далее. То, чего о нем никто не знает. Это абиссальное животное. Как на него подействует длительное пребывание под атмосферным давлением? Он принадлежит к раздельнополым животным. Как на него подействует отсутствие партнера? Или партнерши, мы еще не знаем. И масса всевозможных вопросов, которые мы даже не догадываемся сейчас поставить...

Капитан слушал во все уши. Гигантский спрут в Москве, во дворе издательства, под самыми окнами! Как будто вернулось детство. Что кушает за обедом крокодил? Что кушает за обедом мегатретис? С нынешнего дня мегатретис будет кушать за обедом собачек, убитых на живодерне. И очень жалко директора института. Если подарок профессора Акасида подойдет, у директора будут большие неприятности. Но для чего ему понадобился японский язык? Это хорошо, что японский язык понадобился. Но для чего? Директор взял в руки пакет из гляцевитой бумаги.

— Вместе со спрутом, — сказал он, — господин Акасида прислал нам несколько книг и вот эти документы. В сопроводительном письме — к счастью, оно написано на английском — говорится следующее. Япония на протяжении всей своей истории имела дело с Тихим океаном, Южными морями и прочее. Японцы знают о спрутах больше, чем какой-либо другой народ. Существуют легендарные рассказы о спрутах, предания, хроники и так далее. Он, Акасида, чтобы мы могли насладиться его подарком более полно, — директор говорил с заметной горечью, — взял на себя труд отобрать из преданий и хроник наиболее интересные материалы, касающиеся спрутов, кальмаров, осьминогов, каракатиц и прочее. Копии этих материалов он и посылает нам на рассмотрение.

— Разрешите взглянуть, — попросил Капитан.

Директор протянул ему пакет, и он развернул гляцевитую бумагу. Внутри была плотная пачка четких фотокопий на немислимо тонкой бумаге. Капитан вытянул одну наугад. Так и есть, полускорость, хэнтайгана. Копии сняты прямо с рукописей или с ксилографических изданий какого-нибудь Хатимондзия. Вот так, на первый взгляд, некоторые иероглифы даже трудно узнать. Но добровольно устранившись от участия в таком деле? Ничего, дадим Баньютэю передышку. Нужно только, пока железо горячо, закрепить свои позиции.

— Если я правильно понял, — говорил директор, — здесь заключена народная мудрость, результаты вековых наблюдений за повадками головоногих. Для нас это единственная надежда. Повторяю, товарищ Головин, нет никакой нужды переводить все подряд. Для начала проглядите бегло, отметьте существенные моменты, выпишите...

— Что ж, — сказал Капитан, — я согласен. Вы понятия не имеете о том, что говорите, но я согласен. Через неделю я расскажу вам, о чем приблизительно идет речь на каждой странице. И это при условии, если Эммануил Борисович позволит мне несколько дней поработать дома.

— Неужели это так сложно? — с ужасом спросил директор.

— Да. Между прочим, если бы вы дали мне какую-нибудь современную литературу о спрутах, это могло бы облегчить мою задачу.

Директор молча выдвинул боковой ящик и достал изящный новенький томик в синем коленкоромом переплете.

— Возьмите, — сказал он. — Это книга Акасида.

Книга называлась «Ика соно та» — «Кальмары и другие». Капитан ожидал получить что-нибудь на русском языке, но попросить постеснялся.

— Спасибо, — сказал он.

— Все-таки неделя — это очень много, — торгашеским голосом сказал директор. — Ведь мы вам заплатим.

— Да, вы мне заплатите, — подтвердил Капитан. — И хорошо заплатите, потому что вряд ли найдете сейчас в Москве другого чудака, который согласится бросить все свои дела, чтобы бегло проглядывать средневековую грамоту. На Балтийской улице или в другом месте. Но я уже согласился. А вы мне гарантируете свободный доступ в бассейн.

Директор страшно удивился.

— Помилуйте, товарищ Головин, зачем это вам?

— Всю жизнь мечтал увидеть живого спрута.

Директор поколебался, сморщился, как печеное яблоко, затем махнул рукой.

— Бог с вами, — сказал он. — Пользуйтесь случаем. Что еще?

— Послушайте, — мягко сказал Капитан. — Не надо делать вид, будто вы меня облагодетельствовали. Честное слово, я не спекулянт и не халтурщик. Просто я очень занят и, признаться, очень устал. Понимаете? — Он завернул фотокопии и взял книгу. — Покажите мне спрута, и я поеду работать.

Директор покраснел, протер очки и встал.

— Разумеется, товарищ Головин, — сказал он. — Вы были очень любезны и прочее. Я как раз собирался посмотреть, как у нас дела в бассейне, и, если вам угодно, вы можете пойти со мной.

Он отворил и придержал дверь, пропуская Капитана вперед.

У входа в бассейн стоял огромный небритый детина в грязной рубахе и стоптанных сандалиях на босу ногу.

— Это наш сторож, — пояснил директор. — Товарищ Василевский, запомните вот этого товарища. Ему тоже разрешается входить внутрь.

— Заметано, — хрипло ответил детина и ухмыльнулся, разглядывая Капитана наглыми мутными глазами. От него воняло водкой и колбасой, а когда он раскрыл грязную пасть, эта вонь на секунду забила даже кислятину, которой остро тянуло из дверей павильона.

В бывшей раздевалке несколько рабочих в комбинезонах и беспозвоночников в перепачканных белых халатах возились с трубами и кранами. Пол был усеян обломками кафеля и бетонной крошкой. В углу грузно стоял дерюжный мешок, заскорузлый от мерзких темных пятен. Из мешка торчала окостеневшая собачья лапа.

— Что, с фильтрами закончили? — не останавливаясь, спросил директор.

— Колонки подвезут, и все будет готово, — ответил кто-то.

В низком помещении бассейна ярко светили лампы и гулко плескалась вода. Бассейн был отгорожен от входа высоким, по грудь, парапетом из шершавых цементных плит. У парапета спиной к входу стояли трое беспозвоночников в белых халатах и смотрели вниз. Один держал наготове кинокамеру. Вот здесь был запах так запах. У Капитана сразу перехватило дыхание, он остановился и закашлялся. Директор тоже покашлял и стал протирать очки. Это был холодный резкий и в то же время гнилостный запах, как из преисподней, на дне которой кишат сонмища гнусной липкой нежити. Он вызывал в памяти жуткие наивные фантазии Босха и младшего Брейгеля. От него мороз продирает по коже. Капитан поглядел на директора и увидел, что тому тоже не по себе. Он часто моргал слезящимися глазами и прикрывал нос платочком.

— Ужасно пахнет, — сказал он виновато. — Мне, знаете ли, приходится бывать на крабokonсервных предприятиях, но там гораздо легче...

Один из белых халатов вдруг зажужжал кинокамерой, и в то же мгновение из-за парапета косо взлетела толстенная струя воды, ударила в потолок и рассыпалась потоками пены и брызг. Беспозвоночники отшатнулись.

— Ну и дает, — сказал один с нервным смешком.

— Инстинкт движения, — объяснил другой.

Все утирались. Капитан подкрался к парапету. Сначала он ничего не увидел. Вода волновалась, по ней прыгали световые блики и крутились маслянистые пятна. Постепенно Капитан начал различать округлый бледно-серый мешок и что-то вроде пучка толстых серых шлангов, вяло колыхавшихся на воде, словно водоросли у берега. Спрут лежал поперек бассейна, упираясь в стенку мягким телом. В первую минуту он не поразил Капитана размерами. Внимание его привлекли щупальца. На треть длины их скрывала какая-то дряблая перепонка, а дальше они были толщиной в ногу упитанного человека и к концам утончались и становились похожими на узловатые плети. Эти плети непрерывно двигались, осторожно касаясь противоположной стены, и тут Капитан сообразил, что ширина бассейна составляет почти шестнадцать метров! Но в общем-то таинственное чудовище океанских глубин, гроза кашалотов и корсар открытых морей походил больше всего на кучи простыней небеленого холста, брошенные отмокать перед стиркой.

Капитан глазел на спрута, директор вполголоса разговаривал с подчиненными, и Капитан все никак не мог отождествить эту огромную вялую бледно-серую тряпку в бассейне с проворными чудовищами, лихо взбирающимися на борт «Наутилуса», как вдруг распахнулась дверь и ввалился воняющий потом и водкой Василевский, волоча по полу оскаленный труп собаки.

— Посторонитесь, граждане, — лениво просипел он, — время кормить.

Он нечаянно пихнул Капитана плечом. Капитан едва удержался, чтобы не ударить его, и отошел от парапета.

— Мне пора, — сказал он директору. — Пожалуйста, не забудьте позвонить Эммануилу Борисовичу.

— Непременно, — отозвался директор. — Обязательно. Но почему вы не хотите посмотреть, товарищ Головин? Это мало кто видел.

— Благодарю вас, — сказал Капитан. — Нет, благодарю вас. Мне пора.

Он услышал, как внизу шлепнулось в воду тяжелое тело. Наступила тишина, затем Василевский испуганно и радостно заорал: «Ага! Почуял!» Капитан почти бегом выбрался наружу. Ему было нехорошо. Он едва не заплакал от солнца и чистого воздуха. Двор издательства был хороший, настоящий сквер с газонами, старыми деревьями и песчаными дорожками. Капитан шел по песчаной дорожке медленно, стараясь успокоить и подавить тошноту.

5

Капитан не стал сразу подниматься на свой этаж, а некоторое время постоял в холодке возле лифта. Он все видел плачевную оскаленную морду дохлой дворняги, слышал плеск от падения тела и обрадованный рев Василевского: «Ага! Почуял!» Он отлично сознавал огромную ценность спрута, знал, что беспозвоночники в любой час суток готовы отдать чудовищу всех собак Москвы, дохлых и живых, и что они правы. Но собаки принадлежали нашему миру. Они были из мира солнца и воздуха, как воробьи, слоны, белые медведи, а чудовище в бассейне было невероятно чужим. Ни люди, ни собаки не имели с ним ничего общего. Оно было насквозь чужое, словно камни на другой планете. В нем не было ничего знакомого, пусть хотя бы враждебного. Никакие рисунки и фотографии, сделанные рукой человека, не могли дать о нем ни малейшего представления. Они были не в состоянии подготовить человека ни к виду, ни к запаху чудовища. И нелепо, что оно могло чего-то требовать от людей через разделяющую их пропасть. И еще более нелепо давать ему хотя бы самую незначительную частичку нашего мира. И вдобавок подло радоваться, что оно приняло дань.

— Все это, впрочем, философия, — сказал вслух Капитан, — а не пора ли заняться делом?

Он зашел к Келлеру и отпросился до следующей среды. Затем он вернулся в редакцию. Там было привычно и светло. Тимофей Евсеевич неторопливо царапал

замечания на полях рукописи, наклонив лысый череп и задрвав плечо. Костя безразлично перебирал запачканными в чернилах пальцами исписанные и исчерканные листки аннотаций. Волосы его были взъерошены, пестрая ковбойка расстегнута до пупа. Аккуратненькая Люся сидела прямо и стучала на машинке. Когда Капитан вошел, она подняла к нему хорошенькую мордочку и сообщила:

— Неодобрение я напечатала, Андрей Сергеевич, оно у вас на столе.

— Спасибо, Люсенька, — сказал Капитан.

Он погладил ее по голове и прошел к своему столу. Костя с отвращением сказал:

— Аннотации я написал, но это все равно, по-моему, белиберда.

— Перепечатай и покажи Тимофею Евсеевичу, — сказал Капитан. — Сейчас я уйду, товарищи, и вернусь, наверное, только в среду. Тимофей Евсеевич, вы остаетесь за меня.

— Слушаюсь, — тихонько отозвался Тимофей Евсеевич.

Они все внимательно глядели на Капитана, но ему не хотелось рассказывать о спруте. Он подписал неодобрение, убрал папки в шкаф и встал.

— До свидания, — сказал он. — Если будет что-нибудь срочное, звоните. Но вообще постарайтесь не звонить.

— Знаем, Капитан, — важно сказал Костя.

Люся, простая душа, осторожно оглянулась на него, зарделась и робко проговорила:

— Простите, Андрей Сергеевич, к вам здесь Марецкая заходила.

О господи, подумал Капитан, что еще стряслось, кто еще с кем пьянствует, кто с кем целуется, что я еще такого натворил?

— До свидания, — повторил он и вышел.

В коридоре он с места перешел на бег. Он ринулся вниз по лестнице, прогрохотав каблуками по всем четырем этажам, спринтером промчался через двор и перешел на солидный шаг только за воротами. У автомата он задержался и выпил два стакана воды без сиропа. Через минуту подошел троллейбус, и он до самой своей остановки сидел на горячем от солнца сиденье, закрыв глаза и безудержно улыбаясь. Его одолевало ощущение свободы. Очередное сражение с Баньюэтэем откладывалось, и ответственность за это брали на себя другие. Дома он швырнул книгу о кальмарах и пакет с фотокопиями на стол, повалился на диван и крепко заснул.

Его разбудил стук в дверь. Стук был неуверенный и тихий, но Капитан, вероятно, уже основательно выспался к тому времени и сразу открыл глаза. Спросонок он подумал, что это сосед принес почту, вскочил и распахнул дверь. За дверью стояла Юля.

— Здравствуй, Андрюша, — сказала она, смущенно улыбаясь. — Я не помешала?

— Ох, — сказал Капитан. — Что ты, девочка, как ты можешь мне помешать? Входи, сделай милость. Садись и подожди немного, я умоюсь и поставлю чайник.

— Если чай для меня, — сказала она вдогонку, — то не беспокойся, я сейчас уйду.

Капитан поставил чайник, бойко попрыгал под ледяным душем, кое-как причесался и вернулся в комнату. Юля сидела в кресле и глядела на японскую саблю.

— Что это? — спросила она.

— А, — сказал Капитан, — это у меня давно.

Он вынул саблю из ножен и взялся за рукоятку обеими руками. Затем он сделал зверское лицо и, вращая клинок перед собой, двинулся на Юлю, приседая на полусогнутых ногах. Точь-в-точь как тот несчастный негодяй на набережной в Хончхоне. Юля испуганно закричала:

— Перестань, ну что за манера!..

— Подарил один японец, — сказал Капитан и сунул саблю обратно в ножны. — Милый такой человек. Очень любезно с его стороны, великолепная сталь... Да! — вскричал он. — Ты знаешь, я сегодня видел живого спрута. Живого, понимаешь? Огромный живой спрут чуть ли не в центре Москвы. Он живет у нас в бассейне.

— Да? — сказала Юля безо всякого интереса. — Очень интересно. Сядь, пожалуйста, Андрюша, у меня к тебе очень серьезный разговор.

Он сел и уныло спросил:

— Опять о Майском?

— Нет. Не о Майском, а о нас с тобой. Ты знаешь, что о нас с тобой говорят в издательстве?

— Если говорят, то какие-нибудь гадости, — предположил Капитан.

Она вся так и вспыхнула, даже уши загорелись, а глаза наполнились слезами.

— Вчера вечером Ярошевич при всех, при Полухине, при Степановой намекнул, будто я... будто мы с тобой... В общем, будто ты и я любовники.

Последнее слово она произнесла хриплым трагическим шепотом, достала из сумочки носовой платок и высморкалась.

— Опять Ярошевич, — проворчал Капитан. — Чего ему от меня надо? И какое ему дело, спрашивается?

— Это он мстит. Он сам всю зиму приставал ко мне, волочился, меня прямо тошнило от него. В новогодний вечер полез ко мне целоваться своими слюнявыми губами, я ему там же при всех пощечину залепила. Вот он теперь и мстит, распускает грязную клевету.

— А почему ты не залепила ему еще одну пощечину?

— Ну что ты, Андрюша, он все-таки пожилой человек... И потом я растерялась, я даже не сразу поняла, что он имеет в виду. Знаешь, как он это подло умеет делать, будто просто такая стариковская шуточка, но все сразу поняли, нас ведь часто видят вместе...

— Очень часто, — вздохнул Капитан. — Но ты успокойся, девочка, ну кто же принимает Ярошевича всерьез?

— Нет, это ужасно, — сказала Юля с раздражением. — Ты себе представить не можешь, мы сейчас ведем борьбу за моральную чистоту, стараемся не оставить без внимания ни одного случая нарушения норм коммунистической морали — и вот пожалуйста, коммунистка, член бюро подозревается в такой распущенности. Как я теперь буду выступать перед нашими девушками?..

Она опять покраснела и стала усиленно сморкаться.

— Ну, ну, девочка, — ласково сказал Капитан, — не надо так расстраиваться. Пережили войну, кое-как пережили культ личности, переживем и Ярошевича. Между прочим, сколько тебе лет?

— Тридцать два. При чем здесь мой возраст?

— А с каких пор считается, что здоровая молодая женщина не имеет права на... э-э... интимную жизнь? Даже если она коммунист и член бюро.

Юля с ужасом поглядела на Капитана и встала.

— Ты не смеешь говорить со мной в таком тоне, — сказала она. Голос ее дрожал. — Я пришла рассказать тебе о клевете, которой пытаются запачкать тебя и меня. Странно, что это тебя не трогает. По-видимому, мы смотрим на эти вещи по-разному. Я не из тех женщин, которые способны забыться и потерять стыд и честь с женатым мужчиной. И вообще я твердо убеждена, что интимная жизнь, как ты ее называешь, вне брака постыдна и аморальна. Это распущенность. Может быть, мои взгляды могут кое-кому показаться смешными, но я горжусь ими. Ты так не считаешь, ну что же, тем хуже для тебя.

Капитану уже раз двадцать приходилось выслушивать ее ламентации по поводу общего падения нравов и кровожадные проекты мер по укреплению семьи. Она могла кого угодно до шизофрении довести своими откровенными добродетелями. Но было очевидно, что она приняла болтовню Ярошевича слишком близко к сердцу, и Капитану стало жалко ее.

— Ну что за чепуха, право, — укоризненно сказал он. — Честное слово, я не понимаю, почему тебя могут задевать сплетни старого идиота. Ты взрослая, красивая, здоровая женщина, и ты имеешь право жить с кем тебе заблагорассудится. Посмотри, до

чего ты себя довела этим идиотским пуританством. Натяни Ярошевичу нос, возьми себе любовника, и конец делу.

Она качнулась вперед, и Капитану показалось, что она хочет залепить ему пощечину, ту самую, которая по справедливости предназначалась старой песочнице Ярошевичу. Но она только высморкалась в последний раз и молча пошла из комнаты, пряча платок в сумочку. Капитан сначала растерялся, а затем рассердился.

Впрочем, это была не первая ссора по принципиальному вопросу. И не последняя, надо думать. У нас редко случается, чтобы из-за принципиальных разногласий враждовали всерьез. И слава богу. В общежитии вообще достаточно трех принципов: не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй. И в огромном большинстве случаев отсутствие у человека иных принципов никому не мешает. Страшен по-настоящему человек типа Юли — тупой и железобетонный. У такого человека принципиальность сводится к охотничьему инстинкту. Он ловит на легкомысленном поступке, на неосторожном слове, на неправильно истолкованной — по невежеству! — мысли. Это от таких людей все гадости. Такие люди быстро утрачивают драгоценное ощущение необходимости постоянной самопроверки. Принципиальность для них становится последней ступенью к уверенности в собственной непогрешимости. А что может быть ужаснее для окружающих в человеке, да еще, как правило, в неумном человеке, нежели абсолютная и непоколебимая уверенность в собственной правоте при любых обстоятельствах и в любую минуту...

Услышав, как захлопнулась входная дверь, Капитан горестно вздохнул и отправился на кухню снять с плиты кипящий чайник. Идти в кафе ему не хотелось, и он решил ограничиться чаем, благо у него еще осталась буженина и немного сыра, завернутого в мокрую тряпочку. Правда, сыр, несмотря на меры предосторожности, слегка подсох, да и хлеб тоже.

6

Фотокопии, присланные профессором Акасидой, были пронумерованы от первой до девяносто четвертой, на обороте каждой было аккуратно выведено название первоисточника, а строки в тексте, относящиеся к объекту интереса, были четко выделены черной тушью. На одной странице красовалась целая картина, выполненная очень тонко: по пенистым волнам плывет спрут, ужасное животное с голой раздутой головой, человеческими глазами и длинными бородавчатыми щупальцами. Некоторые первоисточники были знакомы Капитану, но вот уж не думал он, что придется когда-либо прочесть из них хотя бы строчку. «Книга вод», «Предания юга», «Записи об обитателях моря», «Книга гор и морей», «Сведения о небесном, земном и человеческом». Было несколько страниц из «Упоминаний о тиграх вод», а Капитан считал, что «Суйко-коряку» — выдумка Акутагавы. Однако большая часть названий встречалась Капитану впервые. Видимо, это были архивные материалы или документы из частных коллекций: провинциальные хроники, собрания трактатов с совершенно бессмысленными заголовками, какое-то «Подлинное свидетельство господина Цугами Ясумицу». Сомнительно, чтобы господин Акасида лично взялся за такую подборку, даже если чувство благодарности за спасенную шхуну не давало ему покоя ни днем, ни ночью. Несомненно, этим занимались несколько человек и очень долгое время. И пусть эти люди бегло читали корявую полускорость, пусть они воспринимали средневековую грамматику как свою нынешнюю, все равно Капитан мысленно снимал перед ними шляпу. Это была титаническая работа.

Поразмыслив, Капитан решил читать все подряд и тут же выписывать то, что могло представлять интерес для беспозвоночников — и для него самого. Через сорок часов, в воскресенье около полудня, он закончил тридцать вторую фотокопию, вылез из-за стола и забрался на родимый диван. Записал же он вот что:

1. «Ика имеет восемь ног и короткое туловище, ноги собраны около рта, и на брюхе сжат клюв. Внутри имеет дощечку, содержащую тушь. Когда встречает большую рыбу, извергает тушь волнами, чтобы скрыть свое тело. Когда встречает мелких рыб и креветок, выплевывает тушевую слюну, чтобы приманить их. В «Бэнь-цао ган-му» сказано, что ика содержит тушь и знает приличия». («Книга вод».)

2. «По мнению Бидзана, ика есть не что иное, как метаморфоза вороны, ибо есть и в наше время у ика на брюхе вороний клюв, и потому слово “ика” пишется знаками “ворона” и “каракатица”». («Сведения о небесном, земном и человеческом».)

3. «К северу от горы Дотоко есть большое озеро, и глубина его очень велика. Люди говорят, что оно сообщается с морем. В годы Энсё в его водах часто ловили ика и ели в вареном виде. Ика всплывает и лежит на воде. Увидев это, вороны принимают его за мертвого и спускаются клевать. Тогда ика сворачивается в клубок и хватает их. Поэтому слово «ика» пишется знаками «ворона» и «каракатица». Что касается туши, которая содержится в теле ика, то ею можно писать, но со временем написанное пропадает, и бумага снова делается чистой. Этим пользуются, когда пишут ложные клятвы». («Книга гор и морей».)

4. «Согласно старинным преданиям, ика являются челядью при особе князя Внутреннего моря Сэто. При встрече с большой рыбой они выпускают черную тушь на несколько футов вокруг, чтобы спрятать в ней свое тело». («Книга гор и морей».)

5. «У поэта древности Цзо Сы в «Оде столице У» сказано: «Ика держит меч». Это потому, что в теле ика есть лекарственный меч, а сам ика относится к роду крабов». («Книга вод».)

6. «В море водится ика, спина его похожа на игральную кость «шупу», телом он короткий, имеет восемь ног. Облик его напоминает голого человека с большой круглой головой». («Записи об обитателях моря».)

7. «В бухте Сугороку видели большого тако. Голова его круглая, глаза как луна, длина его достигала тридцати футов. Цветом он был как жемчуг, но когда питался, становился фиолетовым. Совокупившись с самкой, съедал ее. Он привлекал запахом множество птиц и брал их с воды. Поэтому бухту назвали Такогаура — Бухтой Тако». («Упоминания о тиграх вод».)

8. «В старину некий монах заночевал в деревне у моря. Ночью послышался сильный шум, все жители зажгли огни и пошли к берегу, а женщины стали бить палками в котлы для варки риса. Утром монах спросил, и ему ответили, что в море около тех мест живет большой ика. У него голова как у Будды, и все называют его «бодзу» — «монахом». Бывает, что он выходит на берег и разрушает лодки». («Предания юга».)

9. «Береговой человек говорит: ика, тако, но не знает разницы. Оба знают волшебство, имеют руки вокруг рта и тушь внутри тела. А человек моря различает их легко, ибо у ика брюхо длинное и снабжено крыльями, восемь рук поджаты и две протянуты, в то время как у тако брюхо круглое и мягкое, восемь рук протянуты во все стороны. У ика иногда вырастают на руках железные крючья, поэтому исодо (ныряльщицы) боятся его». («Упоминания о тиграх вод».)

10. «В деревне Хоккэдзука на острове Кусумори был рыбак по имени Гэнгобэй. Однажды он вышел на лодке и не вернулся. Жена его, положенное время прождав напрасно, вышла за другого человека. Гэнгобэй через десять лет объявился в Муруцу и рассказал, будто лодку его опрокинул ика, огромный, как рыба Кунь, сам он упал в воду и был подобран пиратом Надаэмоном». («Предания юга».)

11. «Тако злы нравом и не знают великодушия. Если их много, они дерзко друг на друга нападают и разрывают на части. В старину на Цукуси было место, где тако собирались для совершения своих междоусобиц. Ныряльщики находят там множество больших и малых клювов и продают любопытным в столицу. Поэтому говорится: «тако-но томокуи» — взаимопожирание тако». («Записи об обитателях моря».)

7

Отдохнуть Капитану не удалось. Едва он завел глаза, как сосед позвал его к телефону. Казенно-благожелательный голос осведомился, не забыл ли товарищ Головин, что сегодня вечером его ждет Хида. Капитан ответил, что не забыл, и пошел стирать носки и носовой платок. Затем, когда он гладил выходные брюки, позвонил Костя Синенко. Костя был пьян, как змий, даже из трубки пахло.

— Я все-таки звоню, — сообщил он. — Ничего не поделаешь. Мой нравственный долг. Принцип «и».

— Нализался, — добродушно сказал Капитан.

— Будь гуманен. Соблюдай принцип «жень». Конфуций сказал: «Последовательно соблюдая мои принципы, ты способствуешь превращению обезьяны в человека».

— Хорошо, хорошо, что случилось?

— Ты лишен информации, Капитан. А что сказал Винер? Винер сказал: «Чем более вероятно сообщение, тем меньше оно содержит информации».

— Короче, — попросил Капитан.

— Совершенно невероятное сообщение. Совершенно без энтропии. Я хотел позвонить тебе еще вчера. Мой долг, поскольку ты лишен информации. Но ты не разрешаешь. Не разрешаешь — не надо. Я и не звоню.

— Правильно делаешь. Сообщай скорее, у меня утюг стынет.

— Я не буду тебя томить. Преданный подчиненный не должен томить своего начальника. Тот же принцип «и». Что было вчера? Да! Вчера утром беспозвоночный директор пригласил Полухина, Келлера, Ярошевича и прочих поглядеть на осьминога.

— На осьминога?

— Да. Превосходный осьминог, я потом тоже ходил смотреть. Все ходили. Но абсолютно беспринципный. Невзлюбил Келлера с первого взгляда и окатил черной жидкостью. Как сказал товарищ Апулей: «Зловоннейшей мочой меня совсем залили». И у Келлера облез нос.

— Не может быть.

— Облез, можешь не сомневаться. Тогда мы пошли посмотреть. Всем издательством.

— На что пошли посмотреть? На нос Келлера?

— И на Келлера тоже. Но главным образом на осьминога. Да! Совершенно забыл. Теперь у нас есть осьминог. Его привезли японцы в соответствии с торговым соглашением. Массовые поставки осьминогов издательским организациям.

Капитан повесил трубку. Ика содержит тушь и знает приличия. Интересно, что в средневековой Японии понимали под приличиями? Если бы ика знал приличия, он бы окатил не доброго умницу Келлера, а пройдоху Ярошевича. И Юля была бы отомщена. Впрочем, возможно, что он промахнулся. Или нравы головоногих изменились. Бедный Келлер. Однажды в Байкове каракатица вот так же загадила китель штурману сторожевика. Это был белый полотняный китель, и его пришлось выбросить, потому что ни мыло, ни щелок пятен не брали. Жизнерадостному лоботрясу Косте все это представляется очень забавным. Добрый мальчик, но его реакции на такого рода вещи сродни, наверное, реакциям живодера-сторожа. Капитан вспомнил Василевского, и ему даже почудился смрад перегара и колбасы.

Он вышел в начале шестого, пообедал в закусочной напротив и отправился на улицу Горького. В магазине подарков он купил за восемь рублей фигурку медведя тобольской резьбы, а затем, выстояв порядочную очередь в магазине русских вин, получил тяжелую коробку с подарочной водкой. До «Пекина» он решил идти пешком. Ему хотелось размяться. По дороге он попытался вспомнить, что означает в Японии фигурка медведя, но так и не вспомнил. Водка тяжело и звонко булькала у него под мышкой. В вестибюле «Пекина» его встретил полужнакомый юноша из Института востоковедения. Радостно

улыбаясь, он пожал Капитану руку обеими руками, затем подхватил под локоть и повлек к лифту.

— У него номер на третьем этаже. Он уже ждет вас. А я так боялся, что вы не сможете прийти...

— Что ему нужно от меня? — спросил Капитан.

— Право, не знаю. Вы все-таки перевели его книгу, издательский работник...

— Он говорит по-русски?

— Совсем не говорит.

— Скверно. Я не говорил по-японски лет пять.

— Дзэн-дзэн дэкимасэн-ка?

— Скоси дэкиру-то омоимас-га...

— Наруходо дзаннэн дэс... Мне сегодня позарез нужно съездить в одно место.

— А вы поезжайте, — сказал Капитан. — Как-нибудь я с ним договорюсь.

Юноша обрадовался.

— Правда? Спасибо, Андрей Сергеевич.

— Кстати, когда ему можно отдать подарки? Сразу?

— Да когда захотите. Мужик он простой, без церемоний.

Хида занимал небольшой однокомнатный номер с небольшим столиком, небольшим шкафом и чудовищной двуспальной кроватью. Он встал, нагнул голову и молча двинулся к Капитану, протягивая руку. Юноша важно провозгласил:

— Господин Хида. Головин-сан.

— Зудораствуйте, — сказал Хида.

— Извините, Хида-сан, — поспешно сказал юноша по-японски, — но, поскольку Головин-сан знает японский язык, я вам, вероятно, не буду нужен.

Хида вопросительно взглянул на Капитана.

— Дайдзёбу дэс, — сказал Капитан.

— Со дэс кара, саёнара, Зорин-кун, — сказал Хида.

— Саёнара, Хида-сан! — сказал юноша. — Асьта мадэ. — Он прямо-таки сиял от радости, даже неловко было. — До свидания, Андрей Сергеевич!

Он сделал ручкой и исчез.

— Окакэнасай, — чопорно сказал Хида и показал на стул.

Капитан поставил коробку с водкой на столик и сел. Хида сел напротив, расставив ноги и уперев ладони в колени. Они уставились друг на друга. У Хиды были твердые спокойные глаза в щелках припухших век.

— Я говорю по-японски плохо, — сказал Капитан, — и прошу меня извинить. Прошу также господина Хиду говорить медленно.

Хида поклонился, взял со столика веер и стал обмахиваться.

— В прошлом году, — начал он, — я имел удовольствие получить от господина Головина свою книгу на русском языке с его доброжелательной надписью. Мой друг Касима Сёхэй, специалист по русской литературе, ознакомился с переводом и к моей радости нашел, что перевод очень точен в смысловом и эмоциональном отношении. Благодарю.

Хида сделал паузу, и Капитан сказал, что рад слышать.

— Мою книгу издали также в Англии и во Франции, — продолжал Хида. — Английский перевод очень слаб, в нем опущены целые главы и сильно искажена моя мысль. Что касается французского перевода, то он сделан с английского и, следовательно, тоже никуда не годится. Тем большее удовольствие доставил мне отзыв моего друга Касимы Сёхэя о переводе господина Головина.

Капитан повторил, что рад слышать. Ему не давала покоя проблема подарков, и он решил.

— В свою очередь, — сказал он, старательно подбирая слова, — я тоже позволю себе искренне поблагодарить господина Хиду. Роман «Пустота» был тепло встречен

советскими читателями, девяносто тысяч экземпляров без остатка разошлись в несколько недель, и «Литературная газета» поместила на своих страницах самый лестный отзыв. Позвольте, господин Хида, в качестве скромного знака признательности за удовольствие, доставленное мне вашим романом «Пустота», а также по случаю посещения вами Москвы, вручить вам эти скромные подарки.

Капитан слегка переборщил, и для Хиды все это звучало примерно так же, наверное, как звучала для мистера Кленнэма болтовня слабоумной простушки Флоры Финчинг. Напряженное недоумение на лице Хиды исчезло только при слове «подарки». Он встал, Капитан тоже встал. Приняв водку и тобольского медведя, Хида протянул Капитану пластмассовый футляр с превосходной паркеровской авторучкой и маленькую деревянную куклу, похожую на кеглю.

— Господину Головину в память о нашей встрече в Москве, — сказал он и поклонился. — Благодарю.

Капитан тоже поклонился. Лед был сломан.

— Разрешите предложить вам коньяку, господин Головин, — сказал Хида. — Или пива?

— Благодарю вас, немного коньяку.

Хида проворно поставил на столик две рюмки и открыл бутылку армянского коньяка. Он был коренастый, массивный и, когда сидел, казался неуклюжим. Но движения его были ловкие и точные. Он наполнил рюмки и сел.

— Господину Головину нравится японская литература? — спросил он.

— Я не специалист, — сказал Капитан, — я просто люблю хорошие книги. У вас есть отличные книги. Мне нравится «Великое оледенение» Абэ Кобо. Потом «Море и яд» Эндо Сюсаку. Меня интересует Эдогава. Хотя вам он, наверное, не нравится, Хида-сан?

— У Эдогавы есть примечательные вещи, — сказал Хида.

— Потом мне нравится Гомикава. Нравится ваша «Луна над Малайей».

Хида отпил из рюмки.

— Очень хороший коньяк, — сказал он и промокнул глаза платком. — К сожалению, мне много нельзя. Но бутылку вот такого коньяка и ваш подарок я обязательно отвезу домой и буду угощать только самых близких друзей. — Он поставил рюмку. — Господин Головин, конечно, понимает, что «Луна над Малайей» является автобиографическим романом. Как и «Пустота».

— Понимаю. 15-я армия?

Хида помедлил, разглядывая Капитана из-под тяжелых век.

— Да, я был солдатом во 2-й дивизии. Рядовым первого разряда. В романе я вывел себя под именем ефрейтора Сомэ.

— Я так и понял.

— Не знаю, зачем я произвел себя в ефрейторы. Но остальное все было так, как описано. Дивизию высадили под Новый год в Куантане. Второго февраля на переправе у Джохор-Бару я был ранен, и меня отправили в метрополию. Была даже красивая девушка Митико в гарнизонном госпитале Окаяма, не помню только, как ее звали по-настоящему. И больше в боях я не участвовал.

— Господину Хиде повезло.

— Да, мне повезло. А господин Головин участвовал в боях?

— Участвовал, — сказал Капитан. — Когда сдалась Германия, я лежал в гарнизонном госпитале в Кишиневе. Когда сдалась Япония, я лежал в госпитале в Хончхоне. В Хончхоне было лучше — меньше народу.

— Когда сдалась Япония, — грустно сказал Хида, — я сидел в военной тюрьме в Исикири. Меня освободили американцы.

Капитан бодро заметил:

— Господин Хида и я — мы оба воевали за мир, каждый по-своему.

Хида снова наполнил его рюмку.

— Мир, — проговорил он. — Господин Головин покрыт ранами, мне в тюрьме отбили почки. Но что изменилось?

Наступил подходящий момент, чтобы затянуть дешевый диалог на тему «да, вы правы, жертвы народов были напрасны» или, как наверняка ожидала от Капитана Иностранная комиссия, «нет, вы не правы, народы не дадут втянуть себя в новую бойню».

— Изменилось многое, — сказал Капитан. — Появилось множество факторов, которые пока не поддаются точному учету. Каждый из них может оказать на ход событий определяющее влияние. — Он подождал, проверяя, сумел ли Хида уловить смысл в его ублюдочном японском. Хида кивнул. — Никто не имеет полной информации о положении в мире на каждый момент. — Он опять подождал, и Хида опять кивнул. — Политики знают больше нас, средних людей, но и они знают далеко не всё. Сейчас люди могут только увеличивать или уменьшать вероятность возникновения войны. Никто не смеет утверждать: да, война обязательно будет. Или: нет, война невозможна. Можно только утверждать: возможность войны не исключена.

— Господин Головин — коммунист? — спросил вдруг Хида.

— Да, я коммунист и член коммунистической партии.

— Но господин Головин, — сказал Хида с хитренькой улыбкой, — говорит о войне как о явлении метафизическом. Он считает, что можно только верить, но не утверждать. А во что верить — вопрос вкуса. Я правильно понял?

— Почти правильно. Это вопрос вкуса и совести. Не вижу в моей позиции никаких противоречий. Объективно, во всяком случае. Если верить, что война неизбежна, незачем работать. Но я, будучи убежденным коммунистом, не мыслю жизнь без работы. Мне приятно верить, и я верю, что война не случится, что через некоторое время исчезнет ее возможность и человечество заживет счастливо. И еще одно обстоятельство. Господин Хида не должен забывать, что люди могут увеличивать и уменьшать вероятность войны. Честная активная работа уменьшает эту вероятность. Я работаю. Господин Хида тоже работает. Мы не всегда это сознаем, но так или иначе господин Хида пишет антивоенные, антифашистские книги, а я по мере сил способствую укреплению связей между нашими странами. И эта наша деятельность — не самая маловажная в мире. А теперь, если господин Хида разрешит, я хотел бы оставить эту тему. Я не каждый день вижу японских писателей и не могу упустить случай выяснить некоторые вопросы о положении в нынешней японской литературе.

Господин Хида не возражал. Они проговорили еще часа полтора, и Капитан спохватился только, когда Хида встал, чтобы зажечь свет. Капитан теперь не жалел, что пришел сюда. Хида оказался умницей и рассказал много интересного. Пока Капитан курил последнюю сигарету, он завернул футляр с авторучкой и куклу в целлофан и с поклоном вручил Капитану.

— Было истинным удовольствием встретиться и поговорить с вами, — сказал он вежливо.

— Напротив, — по всем правилам возразил Капитан, — это я получил большое удовольствие от беседы с вами. Между прочим, я совсем забыл. Господин Хида видел когда-либо осьминога?

— Осьминога? — Хида озадаченно поглядел на Капитана.

— Да. Осьминога или каракатицу.

Хида пошевелил пальцами, видимо изображая щупальца.

— А, — сказал он. — Это очень вкусно. Очень хорошая закуска. И совсем недорого. Они распрощались.

8

Капитан поужинал в ресторане — лапша с подливой, стакан вэймэйсы и чашка кофе по-турецки, всего на три рубля с копейками, — вернулся домой в половине двенадцатого

и лег спать. Утром ему приснилась Нина. Она стояла в вестибюле «Пекина» возле почтового барьера и разговаривала с иностранцем в очках. На ней был белый джемпер и клетчатая юбка, она рассеянно улыбалась, похлопывая себя по бедру плоской белой сумочкой, крупная, стройная, с прекрасным неправильным лицом, с массивной копной темных волос на прекрасной голове, с крепкой длинной шеей, с маленькой грудью и сильными толстоватыми ногами, бесконечно женственная и прекрасная, хотя Капитан даже во сне понимал, что по-прежнему никто, кроме него, этого не знает и не замечает. Капитан подошел к ней, но иностранец в очках взял ее за руку и повел в ресторан, а она оглянулась с жалобной виноватой улыбкой. Капитан двинулся за ними вслед, примеряясь взять иностранца за шиворот и дать в рыло, но, к неудовольствию своему, проснулся.

Тогда он сунул голову под подушку и стал представлять себе Нину, какая она сейчас. Как она выходит на пляж, держа за руку Наташку. Как она сбрасывает платье и ложится лицом к солнцу, едва прикрытая двумя полосками материи. Как в затененных ложбинках ее тела возникают и тут же высыхают крошечные капельки испарины. Представлять себе такие и еще более приятные вещи можно было до вечера. Самое скверное то, что понемногу начинаешь жалеть самого себя. Хорошо еще, что книги и дети делаются из одного материала. Капитан стиснул зубы и отбросил простыню. Он поглядел на стол, на стопку фотокопий. Еще шестьдесят штук. Гигантский осьминог профессора Акасиды мокнул в бассейне и томился ожиданием. Он жрал убиенных собачек и тухлую рыбу от щедрот горторга, для гадости обливал людей водой и сепией и нетерпеливо ждал, когда Капитан разрешит, наконец, его, осьминога, сексуальные проблемы. Мой долг, подумал Капитан, ничего не поделаешь. Пора за дело.

К вечеру следующего дня он обработал еще сорок фотокопий и сделал восемь выписок. Материалы были интересные, и если отбросить нелепую мысль о том, что господину Акасиде для каких-то целей понадобилось мистифицировать советских коллег, спруты оказывались прелюбопытными животными. Безграмотные авторы, от которых остались только имена, равнодушно сообщали о совершенно неправдоподобных событиях. Им приходилось верить, ибо явственно чувствовалось, что они всего-навсего регистраторы, не способные вложить в свою писанину ни капли воображения. Это умиляло и раздражало. Виделся в полутемной канцелярии просвещенного кугэ этакий убогий писаришка, вымазанный тушью и изнуренный бамбуковыми палками, страстно и безнадежно мечтающий о рисовых колобках с маринованными сливами. Как он, глотая слюни, добросовестно записывает, путая иероглифы: «В тринадцатый день пятого месяца самурай по имени Гои с прошением удостоился светлейшей аудиенции, и его светлости благоугодно было назначить самураю по имени Гои согласно его прошению годовое содержание в пять коку риса». Капитан знал эту породу, она не перевелась и в наше время. Чудо такому бедняге воспринимать нечем, у него только бездонный желудок и кроличьи половые органы. И в том, что он пишет, не может содержаться ни капли выдумки.

Капитан откинулся на спинку кресла и потянулся. Захрустели мускулы. Ныла спина, сильно горели веки. Капитан встал и, стоя возле стола на выпрямленных, как палки, ногах, еще раз просмотрел выписки.

12. «У берегов Иё обитает животное, похожее на большого тако, большого юрибоси и большого ибогани. Именуется юмэдако. В ясную погоду лежит, колыхаясь, на волнах, устремив глаза в поднебесье, и размышляет о пучине вод, откуда извергнуто. Размышления эти столь мрачны, что ужасают людей». («Упоминания о тиграх вод».)

13. «Рассказывают, что во владениях сиятельного военачальника Ямаути Кадзутое промышленяла губки знаменитая в Тосо исодо (нырятьщица) по имени О-Гин. Лицом была приятная, телом крепкая, нравом веселая. В тех местах издавна жил старый ика длиной в двадцать футов. Люди его страшились, она же с ним играла и ласкала его, и он приносил ей отменные губки, которые шли по сто мон. Однако когда ее просватали, он впал в уныние и пожрал ее. Больше его не видели. Это случилось еще в тот год, когда

сиятельный военачальник Ямаути по настоянию супруги счастливо уплатил десять рё золотом за кровного жеребца». («Предания юга».)

14. «Параграф 87. Еще господин Цугами утверждает следующее. В Восточных морях видят катацумуридако пурпурного цвета с множеством длинных тонких рук, высовывается из круглой раковины размером в тридцать футов с остриями и гребнями, глаза сгнили, весь оброс полипами. Когда всплывает, лежит на воде плоско наподобие острова, распространяя зловоние и испражняясь белым, чтобы приманить рыб и птиц. Когда они собираются, хватает их руками без разбора и питается ими. Если приблизиться, хлопнуть в ладоши и крикнуть, от испуга выпускает ядовитый сок и наискось погружается в неведомую глубину, после чего долго не выходит. Среди знающих моряков известно, что он гнусен и вызывает на теле гнойную сыпь». («Свидетельство господина Цугами Ясумицу о поясе Восточных морей».)

15. «Параграф 113. Еще господин Цугами свидетельствует такое. На острове Ёкомэдзима живет дед, дружит с большими ика. Он в изобилии разводит свиней на рыбе и квашеных водорослях. Когда в полнолуние в час нэно-токи он играет на флейте ёкобуэ, ика выходят на берег, и он дает им лучших свиней. Взамен они дают ему лекарство долголетия из источников в пучине вод». («Свидетельство господина Цугами Ясумицу о поясе Восточных морей».)

16. «Пират и злодей Рёдо далее под пыткой показал. Весной седьмого года Кэйтё у берегов Осуми разграбил и потопил корабли с золотом Симадзу Ёсихиро на пути из Кагосимы. Его правый советник по имени Дзэндзи заклипаниями из глубины на корабли стаю огромных ика вызвал, которые ужасным видом и крючками привели охрану в замешательство. Пират же и злодей Рёдо незаметно подплыл, зарезал храброго Мацунагу Сюнгаку и погубил всех иных верных людей. Подписано: Миногава Соэцу. Подписано: Сога Масамаро». («Хроники Цукуси».)

17. «В деревне Хигасимихара на острове Цудзукидзима еще до сей поры поклоняются большому тако, которого именуют «нуси» — «хозяином». По обычаю в третье новолуние все девушки и бездетные женщины после захода солнца раздеваются, выходят из деревни и с закрытыми глазами нагими танцуют на отмели. Тако издала глядит и, выбрав, призывает к себе. Она идет, плача и не желая, и печально погружается в черные волны. Остальные возвращаются по домам». («Записки хлопотливого мотылька» Ансина Энко.)

18. «При большом тайфуне во второй год Сётоку рыбаки из деревни Гумихара в Идзумо, числом семнадцать, потеряли лодки и спаслись на одинокой скале посреди моря. Они думали прожить беспечно, питаясь съедобными ракушками, но оказалось, что под скалой обитали демоны в образе тако огромной величины. Днем они жадно глядели из воды, а ночью являлись в сновидениях, сосали мозг и требовали: дайте немедленно одного. Поскольку делать было нечего, страх одолел их, они стали тянуть жребий и отдали моряка по имени Бинскэ. Обрадовавшись, демоны гладили себя руками по лысым головам, как бы говоря: вот хорошо! День за днем это повторялось. Мучения ночью были такие, что некоторые без жребия хватили кого придется и бросали в воду, а некоторые бросались сами. Когда осталось пятеро, их подобрал корабль, направлявшийся из Ниигаты в Сакаи. Демоны последовали за кораблем, потом чары их ослабли, и они скрылись». («Записи необычайных дел во владениях даймё Мацудайра».)

19. «Тогда мятежники с криками устремились вперед. Его светлость соизволил повелеть дать знак, помчалась конница, с холмов спустились отряды асигару. Тогда мятежники в замешательстве остановили шаги. Асигару дали залп из мушкетов-танэгасима. Тогда мятежники, бросая оружие, копья и щиты, устремились обратно к кораблям. Верный Набэсима Тосикагэ, невзирая на доблесть, не смог бы догнать и схватить их. Тогда его светлость соизволил повелеть дать знак, и флотоводец Юсо выпустил боевых тако. Икусадако подобно буре напали на вражеские корабли, трясли, двигали, раскачивали, ломали. Видя это, мятежники устрашились и выразили покорность.

Их всех перевязали, нанизав на нитку, подобно сушеной хурме, после чего его светлости благоугодно было повелеть разыскать и распять главарей на месте. Всего было распято восемьдесят злодеев. А флотоводец Юсо удостоился светлейшей похвалы». («Хроники Цукуси».)

Капитан положил выписки на стол и протер глаза. Любопытные животные, подумал он. Надо будет прочитать книгу Акасиды. Но сейчас надо спать. Хорошо бы выпить кофе, но если выпить кофе, то сразу не уснешь, а я устал как собака, давно так не уставал, и вообще лень заваривать. Спать. Спать. Завтра, может быть, придет письмо от Нины.

9

Капитан встал рано, но он отлично выспался и отправился в издательство пешком. Весной и летом, если удавалось выспаться, он всегда ходил на работу пешком, даже в дурную погоду. Это занимало пятьдесят минут. Маршрут был известный, и Капитан точно знал, в какое время он должен быть у такого-то перекрестка. Он шел неторопливо, как бы прогуливаясь, и размышлял. Улицы были яркие, пестрые и горячие. Сначала Капитан думал о том, что сегодня, может быть, придет письмо от Нины. Нина сообщит, что им надоело на юге и они через неделю собираются вернуться домой. Это не очень благоразумно, но зато очень хорошо. Капитан увлекся и заспешил, и ему сразу стало жарко. Все спешили, и всем было жарко. Затем он подумал, что мог бы уже сегодня ошастливать директора беспозвоночников, если бы взял с собой готовые выписки. Он даже приостановился, но возвращаться за выписками было поздно. И слишком жарко. Ничего, отдам все сразу, подумал он. Еще два-три дня директор как-нибудь перебеется. И спрут тоже. Кажется, мегатретис. Когда Нина вернется, я расскажу ей про диковинных японских спрутов. Ей это будет интересно. А в воскресенье мы поедем в Химки. Все втроем, самым первым автобусом. Мы возьмем с собой сухого вина, поставим его в воду у берега и, когда оно остынет, будем запивать им вареную курицу. Будет такое же небо и солнце, как сегодня, только вместо асфальта и камня, от которых несет жаром, будет песок и трава, давно я не был на песке и траве, с прошлого года, и если бы я не был заведующим, я бы поехал в отпуск хоть сейчас и был бы с Ниной и Наташкой на юге... Жарко, жарко. Пора выпить холодного пива, сказал лейтенант Брэдли.

Капитан подошел к автомату выпить стакан воды. Пока он рылся в карманах, ища трехкопеечную монету, возле него остановился Виля Смагин. Они поздоровались, и Виля спросил:

— Где ты пропадал, Капитан?

— С субботы работал дома.

— Вчера я тебе Шкловского принес.

— Спасибо, Виля. А что нового в издательстве?

Виля подождал, пока Капитан пил воду с грушевым сиропом. Потом он сказал, усмехаясь:

— Я понимаю так, что план ты не составил.

— Какой план?

— Обыкновенный. Подожди, как это он... Личный месячный план повышения культурного уровня.

— Господи, спаси нас и помилуй! — воскликнул Капитан. — Что у нас еще стряслось?

— Приступ энтузиазма у Ярошевича.

Несколько секунд Капитан недоверчиво разглядывал смуглое красивое лицо Вили. Виля грустно усмеялся. Капитан поставил стакан и вытер платком лоб.

— Рассказывай, — потребовал он.

Витя, усмехаясь, рассказал.

В понедельник на редсовете выступил Ярошевич и объявил, что дирекция больше не считает себя вправе оставлять на самотек культурный рост сотрудников и отныне берет оный рост под свой неослабный контроль. В настоящий момент готовится соответствующий приказ, а пока каждый сотрудник получит под расписку тетрадь с пронумерованными листами для месячных планов повышения культурного уровня. План представляет собой перечень объектов индивидуальных мероприятий по развитию культурных навыков, как то: названия книг, театральных постановок, фильмов, музеев, концертов. Планы утверждаются и контролируются непосредственными начальниками. У редакторов это заведующие, у заведующих — курирующие заместители главного редактора, у заместителей — главный редактор. Контроль за выполнением плана непосредственные начальники осуществляют в конце месяца путем устной проверки знания сотрудником объекта мероприятия. К нынешней среде сотрудники должны представить пробные планы на две недели, оставшиеся до конца месяца, в дальнейшем планы представляются на утверждение второго числа каждого месяца.

Капитан слушал с изумлением и интересом. Когда Виля закончил, он сказал:

— Это здорово. Организованный бред. А что народ?

— Главным образом безмолвствовал. Полухин кивал с одобрением. Келлер тоже кивал, но, по-моему, с грустью. Келлер славный дядька.

— А кто будет контролировать планы Ярошевича и Полухина? Министр культуры?

— Не знаю. Возможно, министр здравоохранения.

Подшел мрачный Костя Синенко. На нем был серый берет, сдвинутый на правое ухо.

— Желаю здравствовать, — сказал он. — У кого есть алтын?

Капитан достал трехкопеечную монету.

— Ты составил план? — с любопытством спросил он.

— Барал я этот план, — ответил Костя.

— Он не в духе, — сообщил Виля Капитану.

— Он перепил, — сказал Капитан.

— Или болен, — сказал Виля. — Костя, открой рот, высуну язык и скажи дядям «а».

Ты не потеешь по ночам?

— Потеет, — сказал Капитан. — Он у нас неутомимый холостяк.

— Ай-яй-яй, — сказал Виля.

— Ай-яй-яй, — сердито сказал Костя. — Иди ты к черту. — Он допил воду и стряхнул пену на асфальт. — Пошли, а то опоздаем.

— Он боится, — сообщил Виля. — Ярошевич стоит у входа и засекает опоздавших.

— Барал я этого Ярошевича, — сказал Костя. — Он засекает только девочек.

Выговаривает за опоздание и при этом держит за разные места.

— Это он по-отечески, — возразил Виля.

Они направились к воротам. Капитан неожиданно обнаружил, что его хорошее настроение исчезло без следа. Подонок Ярошевич. Деятель культуры от инфантерии. Ну уж дудки, я никаких планов составлять не буду. И требовать от ребят тоже не буду. Скажу Полухину и Келлеру, что ничего общего с этим кретинизмом иметь не желаю.

— Между прочим, — сказал Костя, — сегодня Ярошевич засекает не опоздавших. У него сегодня дело поважнее.

— Да, Капитан, — вспомнил Виля, — ты знаешь, что в нашем бассейне живет настоящий осьминог?

— Я ему говорил, — сказал Костя.

— Да, я знаю, — рассеянно сказал Капитан.

Они свернули под арку. Впереди торопливо стучали каблучками две девушки из производственного отдела в одинаковых белых кофточках. Костя хотел что-то сказать, но покосился на Капитана и промолчал. Во дворе по-прежнему воняло резкой кислотой. Виля сморщился и пробормотал: «Нужник». Ну да, подумал Капитан, ну конечно, вот так

пахло от бедняги штурмана, которого в Байкове окатила каракатица. Он поглядел в сторону бассейна. Возле серого бака уже возились беспозвоночники в халатах, а на бетонной крыше бассейна сидел, свесив грязные босые ноги, растрепанный Василевский и раскладывал на солнцепеке для просушки мокрые носки и подштанники. Он поразительно гармонировал с кислой мускусной вонью, можно было подумать, что несет от его ног. Пока Капитан глядел на него, он поскреб ногтями в нечесаной голове и заорал сиплым неприятным голосом: «Паедем кырасотыка катацца...» Затем он замолк, опрокинулся на спину и остался лежать, постукивая босыми пятками по бетону. Девушки в белых кофточках фыркнули. Виля снова брезгливо сморщился и плюнул. «Ну и образина», — пробормотал он.

Перед входом в издательство прохаживался Ярошевич. Он был круглый, пунцовый и шагал вразвалочку, выпятив живот и заложив короткие руки за спину. Когда девушки в белых кофточках поравнялись с ним, он остановился и что-то сказал вполголоса, оскалив крепкие желтые зубы. Девушки фыркнули. Он благосклонно покивал и похлопал одну по спине. Костя подтолкнул Капитана локтем. Ярошевич увидел их и величественно качнул головой. Капитан кивнул в ответ. Виля преувеличенно-любезно поклонился, а Костя небрежно отдал честь. «Паедем красотыка катацца!» — завопил Василевский. Ярошевич сказал со снисходительной усмешкой:

— Не может рабочий человек, чтобы не выпить.

Капитан сдержался, и они молча прошли в вестибюль. У лифта толпились женщины, и они стали подниматься по лестнице. Впереди, обогнав их на пролет, поднимались девушки в белых кофточках, и Костя с интересом поглядывал на загорелые ноги, мелькающие между стойками перил. Дурак, подумал Капитан про Ярошевича, старый бабник. Это, наверное, противно, когда бабник старый. Лезет целоваться слюнявыми губами. Он посмотрел сбоку на Костю и сердито сказал:

— Опустит глаза, дубина. Будь человеком.

— Если мне интересно, — сказал Костя.

За решетчатой стеной с шумом и лязгом прошла вниз кабина лифта.

— Какого беса он торчит перед подъездом? — спросил Капитан.

— Стережет любопытных, — ответил Виля. — Этот мордovorот, который приставлен к бассейну, пускает любопытных поглазеть на осьминога. Я ходил, занятный зверь, только очень пахнет. Он берет с носа за пять минут по двугривенному, больше пяти минут там все равно не выдержать. Ну вот, Ярошевич нашел, что такие экскурсии тормозят трудовые процессы в издательстве, и лично кладет этому конец.

— Давно кладет?

— С понедельника. Бродяга этот на него зверем смотрит.

— Энтузиасты, — пробормотал Капитан.

Его затошнило, и он остановился, прижимая руку к груди. Он удивился: они были еще на третьем этаже. Наверное, из-за кислой вони, подумал он. Хотя вонь здесь не чувствовалась. Виля и Костя тоже остановились и смотрели на него.

— Нехорошо, Капитан? — спросил Костя.

— Курить надо меньше, — сердито сказал Виля.

— Вы идите, — сказал Капитан, — я догоню.

10

Когда он добрался до четвертого этажа, занятия уже начались, и коридор был пуст. У дверей Восточной редакции одиноко стояла, прислонившись к стене, Люся Фомина. Когда Капитан подошел, она, стесненно поправляя поясок пестрого платья, сообщила, что выходит замуж за Гришу, того самого специалиста по фиксирующим смесям из Института беспозвоночных. Гриша получил комнату в новом доме на Юго-Западе, и они приглашают Капитана на свадьбу, которая состоится через неделю. Правда, свадьба будет

очень скромная, приглашаются только свои, всего человек двадцать... «Поздравляю, Люсенька», — сказал Капитан. Он наклонился, взял Люсю за уши и торжественно поцеловал в лоб. Люся всхлипнула.

— А теперь выслушай добрый совет, — сказал Капитан. — Как только устроитесь с комнатой, берите отпуск и поезжайте в Прибалтику. Не устраивайте idiotских пьянок, вообще воздержитесь от спиртного, разве что по стакану шампанского. Снимите на взморье комнату, загорайте, купайтесь, зачните там здорового младенца... не пищи, взрослым это разрешается... пейте молоко и ешьте рыбу с картошкой и возвращайтесь здоровыми и голодными по работе.

— А свадьба? — растерянно сказала Люся. — Такое событие в жизни...

— Свадьба сожрет ваш бюджет на месяцы вперед. Нет в жизни такого события, чтобы молодожены нажирались водкой до изумления и начинали семейную жизнь с поисков трешки до полочки. Ну, пойдем, пора работать.

Капитан толкнул дверь, пропустил Люсю и вошел вслед за нею. Костя и Тимофей Евсеевич выжидательно уставились на него. Интересно, как они воспринимают меня, неожиданно подумал он. Странная мысль. Никогда не приходила в голову прежде, а сейчас почему-то кажется важной. Он уселся за свой стол и по очереди оглядел всех. Тимофей Евсеевич ссутулился и опустил глаза. Люся смущенно улыбалась. Костя нахмурился и вздернул подбородок, как бы давая понять, что ему не до фамильярностей. А, что-то случилось все-таки.

— Рассказывай, Константин, — попросил Капитан.

— Вчера был Верейский, — хмуро сказал Костя. — Рукопись свою он забрать отказался. Рассказал о своих заслугах перед отечественной литературой. Осветил политическое значение своего перевода. Объявил себя искушенным политиком. Затем заплевал Басова, заплевал редакцию, заплевал тебя и нас. Я сказал ему, кто он такой, и он помчался к директору.

Костя сделал паузу.

— А что ты ему сказал? — спросил Капитан.

— Я сказал ему, что он не политик, а халтурщик.

— Со свойственной тебе прямоотой.

— Он спекулянт и халтурщик, это всем известно. Переводит с пушту, переводит с урду, с тамильского и суахили, и с чего он только не переводит, и не знает ни одного языка, даже русского.

— Что было дальше?

— Дальше Полухин вызвал меня к себе и полчаса воздействовал. Когда я вышел, Верейский остановил меня в коридоре и, сладострастно извиваясь, заверил, что книжечку его нам все-таки делать придется и что в свое время таких, как я, он давил по десятку в день. Я его послал, но поскольку разговор был без свидетелей, это его не тронуло.

— Интересно, — сказал Капитан. — Ну что же, поскольку директор сам говорил с тобой, оставляю пока твое хамство без последствий. Что еще?

Костя заметно повеселел и деловито сообщил, что Беркман принес заявку на «Правдивую Книгу Южных Цветов» Чжуан-цзы. Поскольку издательству давно пора приниматься за Чжуан-цзы, а таких специалистов по древнекитайскому, как Беркман, люди ищут днем с огнем, заявку надо принять.

— Хорошо, — сказал Капитан. — Пригласи Беркмана ко мне в пятницу.

— Слушаюсь, Капитан. У меня все.

— Тимофей Евсеевич?

— Глазунов опротестовал неодобрение, — сказал Тимофей Евсеевич, не поднимая глаз. — Вернее, не то что опротестовал, но он очень нуждается в деньгах.

— Он не отрицает, что рукопись недоработана?

— Он говорит, что нуждается в деньгах, — как-то вяло повторил Тимофей Евсеевич. Капитан внимательно поглядел на него. Ему показалось, будто морщины по сторонам рта Тимофея Евсеевича стали глубже, а щеки запали более обыкновенного.

— Снизойти мы не можем? — спросил Капитан.

— Не тот человек, — с сожалением сказал Костя. — Получит деньги и больше к рукописи не притронется.

— И Тимофей Евсеевич опять будет переписывать за него с начала до конца, — сказала Люся.

Тимофей Евсеевич молчал, глядя в стол и поглаживая ладонью лысину.

— Решено, — сказал Капитан. — Одобрение выписывать не будем. Скажете, что я отказался подписать. Пусть говорит со мной.

Тимофей Евсеевич безразлично кивнул. Новостей больше не было. Капитан осведомился, составил ли кто-нибудь в этой редакции пресловутый план повышения культурного уровня. Люся и Тимофей Евсеевич с готовностью полезли в свои столы, а Костя с вызовом заявил, что никаких планов не составлял и составлять не будет. Люся испуганно поглядела на Капитана, но Капитан равнодушно сказал: «Не будешь — не надо» — и предложил приступить к занятиям. До перерыва он читал свежую, пахнущую типографией верстку «Монумента».

В перерыв Костя спустился в буфет и вернулся с кефиром, бутербродами и слойками. «Пиво сегодня хорошее, — со вздохом сообщил он, — и салат капустный неплох». Затем он объявил, что истратил на все это тесто последние трудовые гроши и потребовал компенсации. Капитан попросил у Люси стакан, взял бутылку кефира и пару слоек и расположился на подоконнике. Все как будто хорошо. В комнате прохладно, на дворе жарко, запах на четвертый этаж не доносится. Впереди сплошные надежды и радости. Нина. Баньютэй, мегатретис, «Монумент». Петя Майский, Костя, Виля Смагин и другие хорошие люди. Мне везет, меланхолически подумал Капитан, у меня есть любовь, интересная работа, друзья. Я в мире со всем моим миром. Следовательно, я и сам хороший человек. Но я что-то забыл. Что же я забыл? Капитан испытывал смутное беспокойство. Раздражающее подсознательное беспокойство, словно тень дурного предчувствия. Словно его предупредили о какой-то опасности, а он забыл, о чем шла речь. С чем это может быть связано? С Ярошевичем? Или с подонком Верейским? Он украдкой огляделся. Люся торопливо переписывала английское упражнение, забавно морщась от скрипа пера. Костя жевал бутерброды и читал что-то китайское, рассыпая крошки на страницы растрепанного словаря Ошанина. Тимофей Евсеевич чинно кушал чай. Он всегда приносил чай из дома в стареньком облупленном термосе. Кстати, что с Тимофеем Евсеевичем? Капитан доел слойку, запил ее последним глотком кефира и вытер пальцы носовым платком. Вид у старика такой, будто он не спал две ночи. Капитан подошел к столу Тимофея Евсеевича и наклонился.

— У вас какие-нибудь неприятности? — спросил он вполголоса.

Тимофей Евсеевич замер. Его рука со стаканом остановилась на полпути ко рту.

— У меня нет никаких неприятностей, — пробормотал он. — С чего вы взяли, Андрей Сергеевич?

— Мне показалось, — сказал Капитан.

Тимофей Евсеевич поставил стакан и спрятал руку под стол.

— У меня нет никаких неприятностей, — повторил он.

— У вас очень усталый вид, — сказал Капитан.

— Жара, знаете ли, Андрей Сергеевич.

— Да, жара.

Капитан выпрямился и задумчиво посмотрел на склоненную лысину Тимофея Евсеевича.

— Мне вот тоже как-то не по себе, — сказал он.

Дверь распахнулась, и в редакцию, сияя благодушной улыбкой, тяжело впорхнул Ярошевич. Он потряс в воздухе растопыренными пальцами и весело завопил:

— Пр-редставителям Восточной редакции!

— Здравствуйте, — стесненно сказала Люся.

Ярошевич уселся за стол Капитана, сдвинул локтем верстку, раскрыл толстый блокнот в шикарном кожаном переплете и, посплюнув большой и указательный палец, перебрал несколько страниц.

— Ну-ка, где вы тут у меня? — сказал он. — Вот вы где, голубчики! Головин, Тураев, Райц, Синенко, Коряшева, Фомина... Так, Райц и Коряшева в отпуске, остальные все налицо. Ну-ка, где ваши личные планчики? От меня не скроетесь, не отгородитесь вашими китайскими закорючками. Прошу предъявить... Да, Андрей Сергеевич, ты эти два дня отсутствовал и еще не знаешь...

— Мне уже рассказали, — сказал Капитан.

— Доложили, Андрей Сергеевич, доложили! Ты как военный человек эту разницу должен прекрасно чувствовать. Когда подчиненные информируют руководителя, они не рассказывают, а докладывают. Вот так-то.

— Меня не подчиненные информировали, — смиренно возразил Капитан, — меня Виля Смагин из Западной редакции информировал.

— Знаю Смагина! Правильно, из Западной редакции. Но ведь кто он, товарищ Смагин? Рядовой редактор. А ты как-никак заведующий. Стало быть, он тебе тоже докладывает. Понятно?

Бред, подумал Капитан. Какой бред. Культуртрегер от инфантерии.

— Понятно, — смиренно сказал он. — Совершенно верно. Короче говоря, рядовой редактор Виля Смагин уже доложил мне о вашей бредовой затее.

Люся айкнула, и воцарилась тишина. Ярошевич продолжал улыбаться, но он забыл, что улыбается. Лицо его выражало недоумение. Капитан, присев на край стола Тимофея Евсеевича, безмятежно глядел на него.

— Дорогой товарищ Ярошевич, — сказал он после паузы. — Ну на кой ляд вам сдался наш культурный уровень? Не ваше это дело, поверьте. Вы исполняете обязанности заместителя директора по хозяйственной части. Это ваша работа, ваш хлеб. О своем культурном росте мы сами позаботимся, а вот у нас здесь потолок протекает, лифт часто ломается, курьера никогда не допросишься, да мало ли у вас других дел? Занялись бы, а?

Ярошевич уже пришел в себя. Сияя благодушной улыбкой, он закрыл блокнот и поднялся.

— Насчет моих дел и обязанностей, Андрей Сергеевич, — сказал он, — а также моих прав мы с тобой поговорим в другом месте и в другое время. А ты пока хорошенько подумай о том, что есть дисциплина в советском учреждении, и о том, что партийные документы говорят о повышении культурного уровня масс. Кажется, ты об этом забыл, хотя ты коммунист и опытный издательский работник.

— Да, — рассеянно сказал Капитан, — опыта у меня достаточно, ведь когда я поступил в издательство, вы, товарищ Ярошевич, были еще директором ателье мод на Серпуховке.

— Напрасно ты так, — сказал Ярошевич. — Ладно, стало быть, до свидания.

— Всего наилучшего, — сказал Капитан.

Ярошевич вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь. Тимофей Евсеевич вытер платочком лысину, кашлянул и сбросил белую тетрадь для личных планов в ящик стола. Костя, не сводивший глаз с Капитана, хрипло пробормотал:

— Т-гамады...

— Что же теперь будет, Андрей Сергеевич? — шепотом спросила Люся.

— А вот мы посмотрим, — ответил Капитан.

Они были озадачены и испуганы, даже бесшабашный Костя, который половину жизненных сил тратит на демонстрацию своей независимости. Ярошевич тоже,

наверное, озадачен. Официальное лицо, заместитель директора, обладатель права разрешать и вязать и влиять на характеристики. Съесть зарвавшегося заведующего отделом для него раз плюнуть. Но ничего, мы постараемся, чтобы он подавился. Демагог, невежда, ему разве только чистить галюны можно доверять. И при всем том — сила. Почему он сила? Старый вопрос, глупый вопрос. О том, что Ярошевич всего-навсего несостоявшийся галюонщик, я знаю не с сегодняшнего дня. Но пока он ограничивался тем, что кудесил в области производственной, в которой я разбираюсь мало, или занимался сплетнями и интрижками, в которых разбираться противно, я считал, что вмешательство себе дороже обойдется. А эта стычка обойдется дешево? Ярошевич, конечно, уже у директора и огненными красками расписывает возмутительное поведение заведующего Восточной редакцией товарища Головина, который в присутствии подчиненных... Суетность, гордыня окаянная. Капитан поглядел на телефон. Телефон молчал. Теперь вместо того чтобы работать, придется придумывать оправдания. Эта сволочь приплетет сюда и Майского, и Юлю Марецкую, и оскорбленного Вереяского, и еще всякое, что было и чего не было. Капитан слез со стола Тимофея Евсеевича и отправился за свой стол. Почему молчит телефон? Хорошо было бы, если бы Ярошевич умер от огорчения, не дойдя до полухинского кабинета. Дисциплина дисциплиной, но надо же и совесть знать... Капитан придвинул к себе верстку «Монуumenta» и принялся за работу. Телефон молчал до конца занятий, не звонили даже авторы.

В коридоре задребезжал звонок. Костя сейчас же встал, сунул в карман китайскую книжку и бодро осведомился:

— Домой, Капитан?

— Нет, — сказал Капитан. — Мне нужно написать письмо.

— В таком случае цзай цзянь.

— До свидания, Андрей Сергеевич, — жалобно сказала Люся.

— До свидания, Андрей Сергеевич, — стесненным голосом сказал Тимофей Евсеевич и покашлял.

Оставшись один, Капитан подошел к окну и перегнулся через подоконник. Внизу вдоль стены двигалась к воротам цепочка сотрудников издательства. С другой стороны по песчаной дорожке между газонами двигалась к воротам цепочка беспозвоночников. Не написать ли Нине в самом деле? Легкий ветер донес снизу едва заметный кислый запах. Пойду-ка я навещу мегатретиса, решил Капитан. Он закрыл окно, убрал в стол верстку и сошел вниз.

11

Возле входа в бассейн на перевернутом ящике сидел Василевский и закусывал копченой колбасой. Милый человек Василевский, пробу ставить некуда. Интересно, где беспозвоночники откопали такого? Василевский был видимо трезв, и физиономия его выражала мрачное равнодушие ко всему на белом свете. У него была пухлая щетинистая физиономия. Меланхолически жуя, он тупо глядел на Капитана, а когда Капитан подошел вплотную, он с неожиданным проворством перегородил вход, выставив поперек двери ногу в огромной сандалиии с расслоившейся подошвой. Ну что за Василевский! Капитан остановился и выжидательно посмотрел на него. Василевский отрыгнул и лениво прохрипел:

— Не велено.

— Мне можно, — мягко напомнил Капитан.

— Не велено, говорят, — повторил Василевский.

Он был одних лет с Капитаном. И вообще Капитан не без огорчения отметил между ним и собой некоторые сходные черты. Василевский тоже был большого роста, массивен и очень силен.

— Но мне разрешил директор, — сказал Капитан.

— Ничего не знаю, — сказал Василевский и отправил в пасть кусок колбасы. — Не велено, — сказал он, проглотив. — Я за свое место отвечаю. Конечно, ежели вознаграждение...

— Убери ногу, болван, — тихо сказал Капитан.

— Иди ты... — предложил Василевский.

Капитан нагнулся, схватил его за щиколотку и дернул вверх и в сторону. Василевский упал с ящика.

— Ты, не очень-то, — сказал он, поднимаясь.

— Заткнись, подонок, — небрежно сказал Капитан и спустился в бывшую раздевалку. Теперь здесь было довольно чисто, но к мускусной вони примешивался тошнотворный запах тухлого мяса и испорченной рыбы. У стены слева стояли в ряд большие приземистые баки, соединенные трубами. В трубах шипело и булькало. За колченогим столиком возле первого бака сидел беспозвоночник в белом халате. Увидев Капитана, он радостно воскликнул: «О, товарищ Головин, наконец-то!» — и встал. Капитан тоже узнал его. Этот беспозвоночник был в прошлый раз с кинокамерой, только с тех пор он сильно похудел и осунулся.

— Здравствуйте, — сказал он, приветливо улыбаясь, — а я ведь вас очень жду, товарищ Головин. Мы с вами тогда не успели познакомиться. Моя фамилия Игорев, я руковожу отделом головоногих. Надеюсь, вы уже закончили?

— Что? — не понял Капитан.

— Перевод.

— А ну выходи, зараза! — заорал Василевский в раскрытую дверь. — Выходи, а не то я милиционера позову!

— Что случилось, Василевский? — раздраженно спросил Игорев.

— Пускай он выходит, товарищ Игорев, не велено никого посторонних пускать!

— Товарищ Головин не посторонний, — сказал Игорев. — Ступайте, Василевский, не мешайте.

— И еще руки распускает, падла! — заорал Василевский. — Кто ему дал право руки распускать?

— Пошел вон! — рявкнул Капитан.

Василевский замолчал, задумчиво посмотрел на него и удалился. Капитан посмотрел на Игорева и рассмеялся. Игорев ему понравился, ему было приятно, что его ждут, и он жалел, что не захватил готовые выписки.

— Навязали мне этого пьяницу, — с досадой сказал Игорев. — Что ни день, то скандал. Впрочем, не в этом дело. Как обстоит дело с переводом? Вы закончили?

— Осталось совсем мало, — сказал Капитан. — В субботу утром я принесу все. — На лице Игорева изобразилось разочарование, и Капитан поспешно добавил: — Кое-что я могу рассказать вам хотя бы сейчас, я примерно знаю, что вас интересует.

— Пожалуйста, — сказал Игорев, — только давайте сядем.

Они сели за столик, и Капитан рассказал, что, по свидетельству различных текстов, крупные спруты, по-видимому, способны без особого для себя вреда переносить длительное пребывание на небольших глубинах и что питаются они рыбой, птицей и животными без разбора, не брезгуя и себе подобными. Игорев слушал, кивая, но лицо его оставалось озабоченным. Когда Капитан замолчал, он сказал:

— Это очень интересно, но не это теперь для нас главное. Собственно, больше всего нам нужны данные по его зоопсихологии, если можно так выразиться. Дело в том, что мы разрабатываем широкую программу наблюдений и экспериментов...

Тут Капитан вдруг перестал понимать беспозвоночника. Он очутился в кромешном мраке, наполненном непостижимыми движениями и звуками. Это была галлюцинация, но он не сразу понял и стиснул зубы, чтобы не закричать во все горло от страха. Потом он подумал, что это от духоты и дурного воздуха и надо подождать, пока это пройдет само собой. Он отчетливо сознавал, что продолжает находиться под бетонной крышей

бассейна, он видел серьезное озабоченное лицо Игорева и слышал его усталый голос. Вместе с тем он не менее отчетливо сознавал, что висит в плотном черном пространстве без конца и края, видел вдали множество разноцветных огней, за которыми угадывались жуткие, но странным образом знакомые формы, и слышал протяжные гулкие звуки, похожие на вой сирен. Из темноты выдвинулось гнусное лицо, вспухшее и бледное, как у утопленника, без носа, без губ, уставилось пристальными глазами, сказало что-то непонятное и уплыло в темноту. Видение исчезло. Капитан шумно вздохнул и потрогал онемевший затылок. По спине скатились щекочущие капли пота и остановились у брючного ремня.

— ...Мы будем рады любым указаниям в этом смысле, — говорил Игорев. — По особенностям их поведения, по особенностям их системы рефлексов. Серьезная работа немислима без исходной гипотезы или хотя бы руководящей идеи. Вот почему нам так нужен перевод.

— Да, я понимаю, — сказал Капитан, усиленно шевеля губами. — Это я все понимаю. Перевод будет готов в субботу. То есть я принесу его вам утром в субботу. — Он остановился, сдерживая тошноту. — Здесь у вас очень пахнет, — сказал он сдавленно, — мне даже дурно стало. Не представляю, как вы выдерживаете этот запах.

Игорев внимательно поглядел на него.

— Здесь многим бывает дурно, — медленно сказал он. — Видимо, испарения мегатретиса в известной мере ядовиты. Мне тоже бывает иногда дурно и по ночам снится всякое. Впрочем, я как-то привык. — Он утомленно улыбнулся. — А вы, конечно, пришли поглядеть на мегатретиса? — спросил он.

— Да, — храбро сказал Капитан и встал. Его слегка покачивало. — Если разрешите.

Игорев тоже поднялся и достал из стола кинокамеру.

— Пойдемте, — сказал он.

Спрут приткнулся к стене бассейна под самым парапетом, наверное, спал. Зеленоватая вода, пронизанная ярким светом ламп, была совершенно прозрачна, и Капитан хорошо видел медленно пульсирующий серый мешок величиной с корову и на нем темные вертикальные щели прикрытых веками глаз, похожие на длинные шрамы. Десятиметровые руки расслабленно покоились на кафельных плитках. Одна из рук была вытянута вдоль стены и вывернута, ее усаживали два ряда круглых плоских наростов, сморщенных, словно трюфели в разрезе. Из складок наростов торчали острые черные крючья. Капитан представил себе, как эта рука прикасается к голой коже человека, и поежился. Он оглянулся на Игорева. Игорев прохаживался вдоль парапета и время от времени тихонько стрекотал кинокамерой. Он поймал взгляд Капитана и опустил кинокамеру.

— Насмотрелись? — спросил он.

— Да пожалуй, что и насмотрелся, — вполголоса ответил Капитан. — Зловещее животное. Вы не боитесь, что оно когда-нибудь подцепит вас прямо из воды?

— Мы уже думали, — сказал беспозвоночник, — и я заказал решетку, чтобы накрыть бассейн. Но он пока не делал никаких попыток в этом роде. Должно быть, вытянуть руку из воды ему затруднительно, слишком велик вес, а костного стержня нет. Впрочем, он ведь всегда сыт.

Капитан с сомнением покачал головой.

— Вот наскучат ему собачки, и в один прекрасный день он стащит к себе вашего пьяницу-сторожа...

В эту секунду мегатретис открыл глаза. Плоские дряблые веки распахнулись мгновенно, словно судно-ловушка откинуло фальшивые щиты, маскирующие орудия. Блестящие круглые глаза, темные и глубокие, глянули на людей с осмысленным любопытством, и люди разом отшатнулись от парапета. Затем спрут одним длинным неуловимым движением беззвучно перелился на середину бассейна. Перепонка, скрывающая основания рук, стала бесстыдно выворачиваться наизнанку. Обнажилась

иссиня-бледная поверхность, густо усеянная сморщенными бородавками, и из самых недр чудовища высунулся и раскрылся, как бы дразнясь, в венце мясистых шевелящихся выростов огромный черный клюв. Послышался пронзительный скрежет, от которого у Капитана мороз пошел по коже. Игореv пробормотал:

— Вот так он выворачивается, если на него долго смотреть. Считается, что это оборонительная поза. А мне все кажется, будто так он над нами смеется. Смешно, не правда ли?

Капитан промолчал. Ему не было смешно. Возможно, это опять была галлюцинация, в таком отравленном воздухе все возможно, но он каждой клеткой своего тела ощутил, что спрут смеется над ним гадким глумливым смехом.

12

[Далее текст отсутствует.]

Аркадий Стругацкий. Се ля ви

(Героическая комедия в одном действии)

Действующие лица:

Тесть

Теща

Жена

Знающий мальчик

Я и моя жена

Кухня. Тесть раскладывает с тещей «носики». Жена читает по вертикали детектив. Мальчик с видом знатока ковыряет в носу. Вхожу я.

Я: Пожрать бы.

Все молчат. После длительной паузы Мальчик с видом знатока говорит.

Мальчик: Да. Такова жизнь.

Жена: Тебе чего, хлебца или сухарика?

Тесть: Двойка пик.

Я: Водочки ба.

Мальчик: Да. Водка хороша после работы.

Я некоторое время с изумлением гляжу на Мальчика, затем принимаюсь грызть сухарь. Жена читает детектив.

Теща: Дама трэф.

Я (*жалобно*): Еще один зуб сломал.

Жена: А ты не жадничай, ешь по кусочку.

Мальчик: Да. Такова жизнь. Когда на зуб попадает твердый предмет, он ломается.

Я: Кто ломается?

Мальчик: Зуб.

Тесть: Тройка буб.

Я: Меня в армию забирают. На сборы.

Теща (*рассеянно*): Надолго?

Я: На полгода.
 Мальчик: Ну, это пустяки.

Я хочу сказать кое-что, но не в силах.

Мальчик: Да, такова жизнь.
 Тесть: Король червей.
 Жена: А куда?

Я не успеваю ответить. Мальчик принимает академическую позу и говорит:

Мальчик: Вероятно, в Кара-Кумы.

Я хочу что-то сказать, но не могу. Вместо этого я подбираю крошки и сыпаю их в рот.

Мальчик: Да, такова жизнь.
 Теща: Надо будет еще сухариков подкупить.
 Мальчик: Да, если не покупать продуктов, в доме продуктов не остается.
 Тесть (*рассеянно*): Как?
 Мальчик (*объясняет*): Съедят.
 Жена: Бож-же...

Тесть: А-а... Пожалуй. Кстати... (*Произносит длинный монолог касательно свары между дескриптивными лингвистами и сектором языка и литературы. Никто ничего не понимает.*)

Мальчик: Да, такова жизнь. Вы бы, дединька, вызвали милиционера. Я бы на вашем месте вызвал.

Тесть и я переглядываемся. Затем мы молча поднимаемся, берем мальчика за штаны и за шиворот и выносим в уборную. Там суем его головой в унитаз и возвращаемся.

Теща: Бедный мальчик.
 Из унитаза глухо: Да, такова жизнь.

Аркадий Стругацкий. Веселый разговор

(Бытовая пьеса)

Действующие лица:
 Е. Е.
 Л.

Передняя квартиры № 46. Полутемно. Е. Е. и Л. стоят посередине с какими-то шмутками в руках.

Е. Е.: Я думаю, Наташу можно отпустить в школу в синих штанишках.
 Л.: Я тоже так думаю. Сегодня тепло.
 Е. Е.: Да. Сегодня тепло и даже тает.
 Л.: Да. Сегодня тает и даже лужи.
 Е. Е.: Да. Сегодня лужи и даже тепло.

Л.: Да. Сегодня тепло. Тает. Лужи. Я думаю, Наташу можно отпустить в школу в синих штанишках.

Е. Е.: Я тоже думаю, что Наташу можно отпустить в школу в синих штанишках. Ведь сегодня тепло. Как ты думаешь?

Л.: Не знаю. На твоём месте я бы отпустила её в школу в синих штанишках.

Е. Е.: Что значит на моём месте? Ты — мать.

Л.: Да нет, я не потому чтобы что, а потому что так как бы нужно.

Е. Е.: Так как же?

Л.: Не знаю. Я думаю, сегодня достаточно тепло. Лужи. Даже тает. Я думаю, можно отпустить Наташу в синих штанишках.

Е. Е.: В школу.

Л.: Да. В синих штанишках.

Е. Е.: Ну решай. Я полагаю, сегодня достаточно тепло, ведь правда?

Л.: Да. Вон лужи какие. Ну куда девочку наряжать в красные.

Е. Е.: Действительно. Нет, о красных и речи быть не может.

Л.: Значит, отправляем в синих?

Е. Е.: Думаю, в синих. А ты как думаешь?

Л.: Ведь сегодня тепло, в красных ребёнку будет жарко, а какой смысл, если ребёнку жарко? Придется синие.

Е. Е.: Да. Пусть будут синие. Ведь сегодня все тает... Темно что-то.

Зажигает свет. Передняя освещается. Продолжая разговаривать, Е. Е. и Л. удаляются на кухню. Передняя пуста. Одиноко горит лампа под потолком.

Аркадий Стругацкий. [Отрывок о Кольцове]

[Первая страница отсутствует.]

— Он самый.

Несколько секунд она молчала. Затем как-то поникла, сжалась и отступила от входа.

— Входите, Сергей Николаевич, будьте... хозяином.

Кольцов с любопытством рассматривал её. Она выглядела моложе своих девятнадцати лет и казалась почти подростком. Лицо её и открытые до плеч худые руки были матовой белизны, без малейших признаков молочно-розового оттенка, свойственного здоровым русским девушкам. На немного длинноватой белой шее проступали нежные голубые жилки. Темно-золотистые волосы подстрижены коротко, по-мальчишечьи. Продолговатые синие глаза выражали, как и у всех слепых, задумчивую рассеянность. Маленький рот сложен в робкую испуганную улыбку. Было во всем её облике нечто хрупкое, беспомощное, прибитое. Может быть, виновато было её платье, слишком короткое и, видимо, тесное ей? Или аккуратно заштопанные в нескольких местах нитяные чулки? Или её слабые дрожащие пальцы, нервно перебирающие какую-то тесемку? Кольцов с невольным раздражением подумал: «Казанская сирота. Словно пыльным мешком из-за угла... А ведь красивая девка, и фигурка у неё прекрасная». Он решительно шагнул в комнату и нарочито громко и весело сказал:

— Ну вот, Зочка. Будем снова знакомы. Мы ведь раз уже виде... Я ведь раз уже видел тебя. Ты тогда совсем цыпленком была. Когда же это, дай бог памяти? Да, больше десяти лет назад. А, рояль!

— Мама... — голос Зои дрогнул. — Зинаида Николаевна купила.

— Играешь?

— Да, немножко. Она меня сама учила.

— Так-так.

В этой комнате, кроме рояля и узкой белой кровати в углу, все было по-прежнему. Кольцов подошел к двери, ведущей в спальню отца и матери.

— Там закрыто, Сергей Николаевич, — сказала Зоя. — Ключ на кухне, я сейчас принесу.

— Не надо, Зоя. Потом. Садись, поговорим.

Он взял ее за локоть, подвел к кушетке и усадил.

[Далее текст отсутствует.]

Борис Стругацкий. Сочинения времен ГАО

* * *

Мы не Декарты, не Ньютоны мы.

Для нас наука темный лес чудес.

А мы советские астрономы,

Хватаем звездочки¹ с небес.

В целях природы обуздания,

В целях рассеять неученья тьму

Берем картину мироздания

И тупо смотрим, что к чему.

Над нами тучи и галактики,

А под ногами шар земной родной.

Мы теоретики и практики

[Далее текст отсутствует.]

Шутливые эпитафии

[Н. Свенцицкой]

Ах, смертельная тоска

Плачет в каждой строчке.

Ах, она ушла в ВК

По причине почки.

[Автоэпитафия]

Он выпрямился, наш писатель,

Зато остался жив читатель.

[Г. Тимашковой]

Ее уж нет — и сердце бьется глухо,

Ее уж нет — и слезы на челе...

Пусть будет ей земля таким же пухом,

Каким она всегда была земле.

¹ Вариант: «звездочков».

[Л. Камионко]

Ее душа витает в бездне,
Не лей богопротивных слез:
Она скончалась от болезней,
Ее унес фурункулез.

[Ю. Чистякову]

Он одел нагольно вакуум-рубаху,
Намотал портяночки, в стратостат увлез...
Поверхностная плотность дорогого праха
Ноль и три десятых в системе Це Же Эс.

[А. Копылову]

С клеймом Иуды на болезненном заду
Он здесь лежит — исчадие позора,
И тут же — пять банкротов-кредиторов.
Ужо они его найдут в аду.

[А. Стругацкой]

В тоске черней угрюмой нощи,
Прохожий, горестно завой!
Она худела. Только мощи
Укрыты крышкой гробовой.

[В. Новопашенному]

Умом заметно жиже бородатого,
Он мог вполне бы вырасти в усатого,
Но бог решил не повторять эксперимента
И обойтись на этот раз без конкурента.

Тексты подготовлены: С. Бондаренко

Варианты рукописей и изданий

«Попытка к бегству»

История написания «Попытки к бегству» была хотя и непродолжительной, но весьма насыщенной событиями. Если судить по «Комментариям к пройденному» БНС, то материалов по работе над повестью в архиве Авторов вроде бы должно остаться немало:

1) план-разработка повести, в которой группа землян вместе с некими «сириусянами» прилетает на отсталую планету, где когда-то какая-то сверхцивилизация оставила свою мощную технику, и в результате столкновения двух цивилизаций с одной стороны и двух (отсталой и сверхцивилизации — вернее, ее техники) с другой начинается война;

2) рабочий план и черновик, где действуют молодые ребята и специалист по экспериментальной психологии, — опять же с прилетом на эту отсталую планету;

3) план и полный текст повести «Возлюби дальнего», которая отличается от ПКБ тем, что в ней отсутствовал эпилог (она заканчивалась на расстреле техники Странников), а Саул Репнин — еще просто пришелец из прошлого;

4) отдельно придуманный эпилог, в котором Саул Репнин бежит из советского лагеря, и, вероятно, правки предыдущего текста, отсылающие к прошлому Саула.

Однако же в доступной составителям части архива АБС не удалось обнаружить ни одного относящегося к повести листочка с текстом или с набросками сюжета. К счастью, даже считавшиеся уже безвозвратно утерянными рукописи АБС порой обнаруживаются в архивах их друзей, которым были когда-то подарены. Так произошло и с «Попыткой к бегству». Сохранившаяся часть черновых материалов к ней, любезно предоставленная для эксклюзивной публикации в этом Собрании Михаилом Лемхиным (США, Сан-Франциско), принимается с огромной благодарностью и составляет всю текстологическую основу этого раздела.

Дополнить и уточнить некоторые моменты позволяет и переписка Авторов за 1962 год, представленная в настоящем томе. В частности, там приведены первоначальные соображения АБС о сюжете повести. Как следует из писем, в состав экспедиции должны были входить все же не сириусяне, а леонидяне. Впрочем, это несущественно, поскольку в дальнейших разработках без этих загадочных инопланетян было решено и вовсе обойтись.

Из «Комментариев» БНС: «У этой повести не было пока никакого названия, даже условно-кодового, и в рабочем плане ее теперь отсутствовали какие-либо сириусяне, а была там компания молодых ребят XXII века — два парня и девушка, — которые отправились на малоисследованную планету — поохотиться и вообще размять кости. С ними летел странный, скучный и диковатый дядька, напросившийся чуть ли не в последний момент». Далее предполагалось, что «разные странные события на борту (эксперименты дядьки-психолога) плавно переходят в странные и страшные события на самой планете».

В таком ключе Авторы сумели сделать пятьдесят три страницы — до того момента, когда участники экспедиции (Вадим с Антоном, девушка Анка и Саул Репнин) долетают до планеты и приступают к ее исследованию. Этот самый ранний, по существу «нулевой» вариант текста, значительно отличающийся от окончательного, условно озаглавлен здесь «Попытка к бегству — 0». Он приводится по авторской машинописи без учета последующей рукописной правки, пояснения по которой будут даны ниже.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ — 0

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой рассказывается, как в двадцать третьем веке уходят в экспедицию на неизвестную планету

— Чудесный сегодня будет день, — сказал вслух Вадим.

Он стоял перед распахнутой стеной, похлопывая себя по голым плечам, и глядел на серое небо. Ночью был дождь: трава была мокрая, кусты были мокрые, и крыша соседнего коттеджа тоже была мокрая. А на тропинке блестели лужи. Вадим подтянул трусы, сбегал в сад и пустился по тропинке к шоссе. Глубоко, с шумом вдыхая сырой утренний воздух, он бежал мимо отсыревших шезлонгов, мимо мокрых ящиков и тюков, по аллее, на которой виднелись следы протекторов от Антонова кара, мимо соседского палисадника, где на лужайке, выставив напоказ внутренности, красовался полуразобранный вертолет,

через мокрые, пышно разросшиеся кусты, между стволами мокрых сосен, не останавливаясь, прыгнул в озерцо, выскочил на противоположный берег, поросший осокой, а оттуда, мокрый, разгоряченный, очень довольный собой, все наращивая темп, помчался обратно, перепрыгивая через огромные спокойные лужи, распугивая маленьких серых лягушек, прямо к лужайке перед Антоновым коттеджем, где стоял Корабль.

Корабль был совсем молодой, ему не исполнилось и года. Гладкие матовые бока Корабля были абсолютно сухи и едва заметно колыхались, а острая вершина была сильно наклонена и направлена в ту точку серого неба, где за тучами находилось солнце: Корабль по привычке набирал энергию. Высокая трава вокруг Корабля метров на пять была покрыта инеем, поникла и пожелтела. Это был приличный, тихого нрава Эпсилон-Д-звездолет типа «Турист». Рейсовый рабочий звездолет за ночь выморозил бы весь лес на десять километров вокруг.

Вадим, не снижая скорости и оскальзываясь на поворотах, обежал Корабль и помчался домой. Пока он, стелая от наслаждения, растирался мохнатым полотенцем, из дачи напротив вышел сосед и с демонтером в руках направился к разобранному вертолету. Соседу было полтора года лет, и он день-деньской возился со своим птерокаром. Все было втуне, птерокар летал как-то странно. Сосед помахал Вадиму демонтером.

— Вадим, у тебя нет БЭ-6? — спросил он.

— Что, помутнел? — спросил Вадим, высываясь.

— Не знаю, — сказал сосед. — У него ненормальная характеристика.

— Я могу связаться с Антоном, — предложил Вадим. — Он сейчас в городе. Пусть привезет вам парочку.

Сосед подошел к птерокару и стукнул его демонтером по носу.

— Что ж ты не летаешь, ублюдок? — сказал он сердито.

Вадим принялся одеваться.

— Биоэлементы, — ворчал сосед, запуская демонтер во внутренности птерокара. — Кому это надо? Живые механизмы! Ни монтажа, ни электроники. Простите, но я не хирург. — Птерокар дернулся. — Тихо, ты, животное, стой смирно! — Он извлек демонтер и повернулся к Вадиму. — Это негуманно, наконец! — сказал он. — Бедная испорченная машина превращается в сплошной больной зуб. Или, может быть, я слишком старомоден? Мне ее жалко, ты понимаешь?

— Мне тоже! — пробурчал Вадим.

— Что?

— Я говорю: хотите, я посмотрю?

Сосед некоторое время переводил взгляд с демонтера на птерокар и обратно.

— Нет, — сказал он. — Я не хочу применяться к обстоятельствам. Я его заставлю летать.

Вадим пошел на кухню и сел завтракать. Он включил стереовизор и положил перед собой книжку «Новейшие методы выслеживания тохоргов». Книга была старинная, читанная-перечитанная еще прадедом Вадима. На обложке был изображен типичный пейзаж Пандоры с двумя крупными тохоргам на первом плане.

Вадим ел, листал книжку и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что-то о критических боях по поводу эмоциализма.

— Эмоциализм, — со вкусом сказал Вадим и отправил в рот бутерброд с козым сыром. — Уродливая доминантная форма. Приятно думать, что это слово останется на Земле и наверняка умрет к моменту возвращения...

Он встал и, жуя, подошел к распахнутой стене.

— Дядя Саша! — крикнул он. — Вам ничего не слышится в слове «эмоциализм»?

Сосед, заложив руки за спину, стоял перед развороченным птерокаром. Птерокар дрожал как осиновый лист.

— Что? — сказал он не оборачиваясь.

— Слово «эмоциолизм», — повторил Вадим. — Я уверен, что в этом слове вы слышите похоронный звон, видите нарядное здание крематория и чувствуете запах увядших цветов.

Сосед свирепо уставился на него.

— В моем возрасте еще рано думать о крематории, — сказал он.

— Речь идет не о вас, — пояснил Вадим. — Я говорю о слове «эмоциолизм».

— Отвратительное звуко сочетание, — искренне сказал старик.

— Безграмотный преобладающий, — подтвердил Вадим. — Я рад, что вы это тоже чувствуете. Послушайте, а где демонтер?

— Я уронил его внутрь, — сказал дядя Саша.

Некоторое время Вадим, жуя бутерброд, разглядывал мучительно трепещущий птерокар.

— Знаете, что вы сделали? — сказал он. — Вы замкнули на демонтер дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он вам привезет другой демонтер.

— А этот?

Вадим махнул рукой.

— Смотрите! — сказал он, показывая последний кусочек бутерброда. — Видите? — Он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

— Ну? — с интересом спросил дядя Саша.

— Такова в наглядных образах судьба вашего демонтера.

Дядя Саша посмотрел на птерокар. Птерокар перестал вибрировать.

— Все, — сказал Вадим. — Нет вашего демонтера. Зато птерокар теперь заряжен часов на сто пятьдесят.

Сосед пошел вокруг птерокара, бесцельно трогая его за разные части. Вадим засмеялся и вернулся к столу. Он доедал второй бутерброд и допивал второй стакан простокваши, когда щелкнул замок информатора и собственный Вадимов голос сказал:

— Вызовов и посещений не было. Антон желает доброго утра. В информарий института поступило девять новых задач. Задача «О свертке разобщенных структур алломорфной цепью» пока не решена. Пэл Минчин доказала теорему о существовании полиномиальной операции над Ку-полем структур Симоняна. Адрес: Ричмонд, 17-17-7. Всё. — Информатор щелкнул, помолчал и добавил: — Не огорчайся, не огорчайся, не огорчайся.

— Балбес, — сказал Вадим. — Чему же тут огорчаться! Ай да Пэл!

Он задумался, глядя в сад.

— Нет, — сказал он. — Сейчас все это долой. Потом. Через месяц.

Он собрал грязную посуду и швырнул в мусоропровод.

— На тохоргов! — заорал он. — Украсим наши кабинеты черепами тохоргов! — И он запел:

Пусть тохорги в страхе воют,
Издавая визг и писк!
Ведь на них идет войною
Структуральнейший лингвист.

На соседней даче хлопнула дверь.

— Теперь так, — сказал Вадим. — Где радифон? — Он набрал номер. — Антон? Как дела?

— Стою в очереди, — ответил Антон.

— Ай-яй-яй! И все на Пандору?

— Многие, — меланхолично отозвался Антон. — Кто-то распространяет слух, что скоро охота на тохоргов будет запрещена.

— Но мы-то успеем? — воскликнул Вадим.

Антон некоторое время молчал.

— Успеем, — сказал он.

— А девушки там рядом есть?

— Есть!

Вадиму послышалось, что кто-то хихикнул.

— Передавай им привет. Слушай, Антон, что я хотел тебе сказать? Да! Привези, пожалуйста, дяде Саше демонтер. И пару БЭ–6. И заодно БЭ–7.

— И заодно новый птерокар, — сказал Антон. — Что этот старец сделал со своим демонтером?

— Ну как ты думаешь, что можно сделать с демонтером?

— Не знаю, — сказал Антон, подумав. — Демонтер — это вещь на века, как Баальбекская платформа.

— Он его скормил своему птерокару.

Было слышно, как в радиодифон заржали сразу много голосов.

— Ладно, — сказал Антон. — Жди, я скоро буду. Начинай погрузку.

Вадим сунул радиодифон в карман и прикинул через три комнаты расстояние до выхода.

— Пожалуй, достаточно, — сказал он.

Он разбежался и пошел к выходу фляками. На крыльце он сделал арабское сальто и с криком: «У-ух!» упал на четвереньки в траву перед крыльцом. Поднявшись и почистив руки, он произнес с выражением:

На войне и на дуэли
Получает первый приз
Символ счастья и веселья —
Структуральнейший лингвист.

Затем он неторопливо отправился на аллею, где были свалены тюки и ящики. Груза было довольно много. Надо было везти с собой оружие, боеприпасы, запас пищи для инициирования цикла, одежду — отдельно для охоты и отдельно — чтобы посетить знаменитое кафе «Охотник» на плоской вершине Эвериной, где между столиками вольно гуляет пряный ветер Пандоры, а под обрывом, на трехсотметровой глубине громоздятся подобно грозовым тучам непроходимые черные заросли сельвы; где исполосованные колючками охотники с хохотом осушают пузатые фляги «Крови тохорга» и вывихивают плечи в тщетных попытках показать, какой череп они могли бы добыть, если бы знали, с какой стороны у карабина приклад; где в темно-зеленых сумерках пары скользят на усталых ногах в «Светлом ритме», а над хребтом Смелых поднимаются в беззвездное небо две зыбких сплюснутых луны.

Вадим присел на корточки спиной к самому тяжелому ящику, приладился и рывком поднял ящик на плечи. В ящике было оружие — три автоматических карабина с прицелами для стрельбы в темноте и шесть сотен патронов к ним в плоских пластмассовых обоймах. Пружиня при каждом шаге, Вадим понес ящик через весь сад к Кораблю. Зайдя со стороны приемника, он пнул ногой в борт. Мембрана, затягивавшая овальный люк, лопнула, и Вадим свалил ящик в темноту, из которой пахло холодом.

Вадим пошел обратно, обрывая на ходу с кустов громадные ягоды какого-то гибрида. И каждый куст сбрасывал на него заряд холодного крупного дождя.

Он перенес на Корабль четыре больших ящика с живым мясом, восемь ящичков с овощами и фруктами, два мягких тюка с одеждой и еще один большой ящик с корявой надписью: «Шкатулка для Пандоры». В ящике были обычные подарки для старожилов Пандоры — последние книги, последние фильмы, последние образцы селекционной техники.

Где-то за тучами солнце поднималось все выше и выше, становилось жарко. Все вокруг высыхало. Лягушки попрятались в траву. В пустых коттеджах с шелестом распахивались стены. Дядя Саша вынес из коттеджа сухой шезлонг и разлегся возле своего птерокара, читая газету. К термоимпульсным книгам он не привык и привыкать не собирался.

Вадим кончил перетаскивать груз и пристроился к кусту крыжовника.

— Итак, вы улетаете, — сказал дядя Саша.

— Угу.

— На Пандору улетаете.

— Ага.

— Вот тут пишут, что пандорским сельвам приходит конец.

— Ничего, — сказал Вадим. — Успеем.

Дядя Саша помолчал и сказал негромко:

— Жаль, что вы улетаете. Скучно мне здесь будет одному.

Вадим перестал жевать.

— Так мы же вернемся, дядя Саша. Через месяц.

— Все равно, — сказал дядя Саша. — Я на этот месяц вернусь в город. Что я здесь один буду делать в пяти коттеджах. — Он посмотрел на птерокар. — С этим ублюдком. Полуживым.

В небе послышалось негромкое фырчанье.

— Вон еще один летит, — сказал дядя Саша.

Вадим задрал голову. Невысоко над поселком медленно выписывал восьмерку ярко-красный «рамфоринх». На тощем брюхе четко выделялся белый индекс.

— Это я тоже могу, — сказал Саша. — Вы, голубчик, спикуйте винтом, и не боком, и не в пруд, а рядом.

«Рамфоринх» улетел. На бетонной дорожке за парком послышалось сопение атомокара.

— В нашем поселке становится оживленно, — сказал дядя Саша. — Движение как на Невском.

— Это Антон вернулся! — Вадим вскочил и побежал к Кораблю. Он увидел, что Антон загоняет машину в гараж, а рядом с гаражом стоит и озирается беловолосая девушка в пестрой безрукавке и синих шортах.

«Неужели! — подумал Вадим. — Это было бы здорово!» Он без колебаний направился прямо к девушке. Антон вышел из гаража.

— Все в порядке, — сказал он рассеянно. — Штурманскую книгу я зарегистрировал, «добро» получил. Это вот Анка, она дочь одного моего старого капитана. Она попросилась с нами, и я решил, что мы ее возьмем. — Вадим, представительно улыбаясь, повернулся к Анке. — Анка, — продолжал Антон, — это вот наш Корабль. Молодой, двухлетка. А это — Вадим. Он у нас структуральный лингвист и будет моим навигатором.

— Двадцатидвухлетка, — представился Вадим.

— Анка, — сказала девушка.

Они пожали друг другу руки. Вадим был в восторге.

— Как с погрузкой? — спросил Антон, направляясь к Кораблю.

— Всё в порядке, капитан, можно стартовать.

— В доме прибрал? — спросил Антон.

— В чьем?

— В моем, в своем...

— Нет, — сказал Вадим. — Я только что кончил грузить.

— Зря, — сказал Антон. — Займись.

Низко над крышами снова пролетел красный «рамфоринх». Антон остановился.

— Что за притча! — сказал он. — Анка, узнаешь?

— В первый раз вижу, — сказала Анка.

— Ну как же, — сказал Антон. — ЦЩ-278. Мы же всю дорогу с тобой спорили, случайно он за нами летит или специально.

— Правда? — сказала Анка. — По-моему, всю дорогу ты мне рассказывал о тохоргах.

— О тохоргах, наверное? — спросил Вадим.

— Да-да! О тохоргах.

«Рамфоринх» снова пролетел над головами и вдруг затих.

— Это, наверное, к дяде Саше, — сказал Вадим. — Пойдет на запасные органы. Кстати, ты привез?

— Привез, — сказал Антон, глядя мимо него. — Нет, это не к дяде Саше...

Из-за кустов появился высокий костлявый человек в широкой белой блузе и в белых брюках. У него было очень смуглое худое лицо и большие коричневые уши. В руке он держал объемистый портфель.

— Он! — сказала Анка.

— Кто?

— Человек в белом. Помнишь, он все время бродил по регистрационному залу?

— Да-да, я что-то припоминаю, — сказал Антон.

Человек в белом подошел вплотную и внимательно осмотрел всех троих.

— Показать вам штурманскую книгу? — осведомился Антон.

— Нет, благодарю вас, — сказал человек в белом. — Я в этом ничего не понимаю. Я пришел к вам с просьбой.

— Слушаю вас, — сказал Антон.

— Вы, кажется, летите на Пандору.

— Да.

— Охотиться?

— Да, конечно.

— Значит, если я вас правильно понял, вы летите на Пандору, чтобы отдохнуть?

— Да, — вставил Вадим. — Если охоту на тохоргов можно считать отдыхом.

— А можно?

— Конечно, можно.

Незнакомец явно обрадовался и бросил портфель себе под ноги.

— Отдыхать так отдыхать, не правда ли? — спросил он.

Анка засмеялась.

— Давайте сядем, — предложил Антон.

Они расселись вокруг портфеля.

— У меня есть другое предложение, — сказал незнакомец. — Мне очень нужно на ЕН 7031. — Он вдруг помрачнел. — Это заурядный желтый карлик второй окрестности. Там есть планетная система и там еще никто не был, а мне очень нужно туда.

Ребята переглянулись.

— Что ж, — сказал Антон. — Раз вам так нужно — полетим.

— Полетим, — сказал Вадим без особого энтузиазма.

— Конечно, полетим, — сказала Анка. — Раз там еще никто не был, надо обязательно полететь!

Вадим посмотрел на Антона.

— Капитан, — сказал он. — Ты представляешь: там еще никто никогда не был... — Странные пейзажи неизвестной безымянной планеты встали перед его глазами. Сквозь вопли неведомых хищников он услышал, как Антон рассудительно говорит:

— Необследованных планетных систем во второй окрестности больше, чем на Земле звездолетчиков... Ну, не в этом дело.

Вадим очнулся и сказал:

— Антон, иди быстренько меняй программу, а я отнесу дяде Саше демонтер.

Все поднялись.

— А как вас зовут? — спросила Анка.

— Саул, — ответил человек в белом. — Саул Репнин. Я могу варить завтраки, обеды и ужины, плов, сталь, пластмассы, керметы, выращивать биокристаллы, лук, хлебное дерево, проектировать, говорить на русском, английском, французском, испанском, португальском, японском, китайском...

Ребята оторопело смотрели ему в рот.

— ...работать со счетно-логическими устройствами, водить птерокары, вертолеты, атомокары и дорогоукладчики, чинить одежду и обувь, датировать археологические слои по керамике радиоактивным изотопом, ремонтировать любые механические устройства, гипнотизировать, засыпать и просыпаться в любой момент, сочинять белые стихи и творить фокусы. Вот и все.

— Достаточно, — сказал Антон. — Я беру вас. Старт в шестнадцать ноль-ноль. Ваша каюта третья. Пойдемте, я вам покажу.

Саул нагнулся за портфелем, и у него из-за пазухи выскользнул и мягко шлепнулся на траву тяжелый черный предмет. Антон крикнул. Это был бластер — тяжелый длинноствольный пистолет-дезинтегратор, стреляющий тысячевольтными разрядами. На всей Планете было не больше сотни экземпляров этого страшного оружия, и оно выдавалось только капитанам сверхдальних десантных звездолетов.

— Какой я неуклюжий, — пробормотал Саул, подобрал бластер и сунул его под мышку. Затем он поднял портфель. — Я готов, — объявил он.

Антон некоторое время молча смотрел на него, словно хотел спросить о чем-то, но сказал только:

— Пойдемте, Саул. Пойдем, Анка. Вадим, приברי дома и отнеси старику инструмент. Он в багажнике. Я имею в виду инструмент.

— Слушаюсь, — сказал Вадим и пошел в гараж.

«Отпуск обещает быть небезынтересным, — думал он. — Хотя в общем-то никто никогда не слышал об интересных отпусках». Он забрал из багажника демонтер и биоэлементы и отправился к дяде Саше. Но он наткнулся на дядю Сашу на дороге. Старик сидел на корточках под красным «рамфоринхом».

— Дядя Саша, — сказал Вадим. — Вот вам демонтер и...

— Не надо, — сказал дядя Саша. Он вылез из-под «рамфоринха». — Мне подарили вот это. — Он похлопал «рамфоринха» по полированному боку.

— Подарили?

— Да, один молодой человек, весь в белом.

— Ах, вот как, — сказал Вадим. — Значит, он был уверен, что улетит с нами! Или, может быть, он намеревался прорываться в наш Корабль с боем?

— Что? — сказал дядя Саша.

— Дядя Саша, — сказал Вадим. — Вы знаете, что такое бластер?

— Бластер? Да, знаю, конечно. Это микроразрядное устройство на ткацких автоматах. Правда, теперь они безнадежно устарели, но, помню, лет семьдесят назад у меня с ними... А что, этот человек в белом тоже старый ткач?

— Ткач? Может быть, он и ткач тоже. Но бластер у него, дядя Саша, не микроразрядный.

Он повернулся и пошел к своему коттеджу. Дома он бросил постельное белье в мусоропровод, переключил хозяйственную автоматику на режим отсутствия и, выйдя на крыльцо, написал карандашом на двери: «Уехал в отпуск, прошу не занимать». Затем он отправился к Антону. При уборке Антонова коттеджа он пел песенку про то, что «дядю в белом не боится структуральнейший лингвист» и в доказательство прошелся по всем комнатам на руках, заглядывая во все углы.

Когда он вернулся к звездолету, Анка сидела во входном люке, свесив босые ноги. По всему было видно, что она совершенно счастлива. Корабль был готов к старту. Верхушка его больше не следила за солнцем, и иней на траве вокруг исчез.

— А ты что можешь, Аня? — спросил Вадим, усаживаясь под люком.

— Только не называй меня, пожалуйста, Аней, — сказала Анка. — Меня зовут Анка.

Я терпеть не могу, когда меня называют еще как-нибудь.

— А ты что можешь, Анка? — спросил Вадим.

— Увидишь, — загадочно сказала Анка. — Хотя лучше бы никому из нас не видеть.

Ты заметил, какой у него бластер?

— Да, — сказал Вадим. — Не хотел бы я, чтобы он упал на меня с полки.

— А ты когда-нибудь стрелял из бластера?

— Нет. Видел в кино.

— А я видела, как отец стрелял.

Несколько секунд они молча широко раскрытыми глазами глядели перед собой, вспоминая, как это выглядит.

— Кошмар, — сказал Вадим.

— Как ты думаешь, зачем ему надо на ЕН и так далее?

— Лучше и не думать об этом, — зловеще прошептал Вадим. Потом он сказал нормальным голосом: — Но то, что ему туда очень нужно, это ясно. Это было видно по его лицу.

Голос Антона гаркнул через усилитель:

— Навигатор, на место! Пассажиры, по каютам!

— Иди, пассажир, — сказал Вадим.

Анка подобрала ноги и встала:

— А ты?

— А я при стартах всегда в люке сижу.

— Тогда я тоже останусь.

— Знаешь что, Анка, — сказал Вадим. — Антона надо слушаться.

Он устроился в люке поудобнее. Он сидел, свесив одну ногу, смотрел на Антонов коттедж с распахнутой стеной, на зеленые кроны сосен и слушал, как Анка шлепает босыми ногами в коридоре. «Хорошо, — подумал он. — Славно. Целый месяц неизвестных планет, прекрасных девушек и таинственных незнакомцев. Надо будет обязательно попросить у него бластер пострелять».

— Старт через минуту, — объявил Антон.

Из-за деревьев, безобразно крутя хвостом, появился тощий красный «рамфоринх» и, неестественно завывая, принялся описывать вокруг Корабля круг почета. Дядя Саша, откинув фонарь, махал чем-то белым. Вадим помахал в ответ.

— Старт! — объявил Антон.

Корабль шевельнулся и, мягко оторвавшись от земли — Вадим успел оттолкнуться от травы ногой, — стал подниматься в небо.

— Димка! — рывкнул Антон. — Закрой люк! Сквозит!

Вадим в последний раз помахал дяде Саше, поднялся и зарастил люк.

ГЛАВА ВТОРАЯ, главную роль в которой играют Подпространство, пестрые брюки и уникальные ночные туфли

К восемнадцати часам по московскому времени капитан Антон Вандердекен вывел Корабль в стартовую зону — над Северным полюсом Земли, — послал на Контрольную Станцию кодированную программу предстоящего перелета и попросил пассажиров и навигатора занять места в амортизационных кабинах. Ровно через тридцать минут, в течение которых Корабль плавал в стратосфере в компании с двумя десятками других больших и малых звездолетов, капитан Вандердекен получил с Контрольной Станции одобрение программы, семь вариантов программы обратного пути и разрешение на выход в Подпространство. Тогда капитан Антон Вандердекен ровными шагами проследовал в

свою амортизационную кабину, произвел последнюю переключку и дал Кораблю команду на выход.

Как всегда, Антона сильно затошнило. Раскаленная волна прошла через все тело, затем лицо и спина покрылись холодным потом. Антон терпеливо ждал, следя осовевшим взглядом, как огненно-красная стрелка курвиспата рывками прыгает по шкале, отмечая стремительно меняющуюся кривизну Пространства. Двести риманов... Четыреста... Восемьсот... Тысяча шестьсот риманов на секунду... Пространство вокруг Корабля скручивалось все туже. Антон знал, как это выглядит со стороны. Черный четкий конус Корабля становится зыбким и бледным, медленно тает и вдруг исчезает, а на его месте возникает и стремительно ширится плотное облако изморози. Температура на сто километров вокруг резко падает на пять-десять градусов. Три тысячи риманов. Огненная стрелка остановилась, и тошнота пропала. Эпсилон-деритринитация закончилась. Корабль неся в Подпространстве.

Антон отдышался, вытер пот со лба и вышел из кабины. В рубке все было в порядке. Он прошелся вдоль пульта, заглянул в перископ — там была кромешная тьма — и выключил автоматику перехода. На пульте перед видеоэкраном лежал букетик гвоздики. Антон остановился. «Жалко», — пробормотал он. Он коснулся букетика пальцем, и цветы рассыпались в зеленоватую пыль. «Бедняги, — подумал Антон. — Не выдержали. Да и кто выдержит?» Цветы почему-то напомнили ему о пассажирах, и он спустился в кают-компанию.

Зал кают-компания был круглым, сюда выходили двери всех восьми кают и люк в нижний этаж, где были кладовые, кухня-синтезатор, душ и прочее. Антон придирчиво осмотрел свое хозяйство. Дверь в пятую каюту была почему-то приоткрыта. Огибая стол, Антон через весь зал направился к ней и по дороге заметил, что одно из кресел повалено. Досадливо поморщившись, Антон поднял кресло и с изумлением уставился себе под ноги. Под креслом лежали брюки. Антон двумя пальцами поднял их. Это были брюки довольно редкой расцветки — в красно-черную клеточку, и рассчитаны они были на очень полного человека. Антон пожал плечами, аккуратно сложил брюки и повесил их себе на руку. Затем он прикрыл дверь в пятую каюту и зашел в дверь каюты шестой, которую заняла Анка. Он отодвинул дверь амортизационной кабины, и Анка вывалилась на него. Она была белая и мокрая как мышь. Придерживая ее одной рукой за плечи, Антон откинул диван — брюки страшно мешали ему — и уложил Анку.

— Плохо? — участливо спросил он.

Анка, не раскрывая глаз, молча мотнула головой.

— Меня тоже подташнивает, — сообщил Антон. — Ничего, отлежись немного, потом примешь душ... — Он сунул голову в амортизационную кабину. — Слушай, Анка, ну как же это ты... Я же несколько раз повторил всем: после первого толчка поставьте регуляторы на десятое положение.

— На пятое, — слабым голосом сказала Анка.

— На десятое, — ласково поправил Антон. — Я говорил: на десятое.

Анка открыла глаза.

— На пятое. Ведь правда же, на пятое.

Антон печально посмотрел на нее.

— Ну хорошо, — сказал он.

— Я помню, что на пятое, — сказала Анка.

— Ну хорошо, на пятое. Ты лежи, а я пойду к остальным. Да, — вспомнил он, останавливаясь в дверях. — Это твое? — Он развернул брюки.

Анка приоткрыла глаза и засмеялась:

— Какая прелесть... Убери их отсюда.

— Значит, не твои.

— Это же мужские брюки, — сказала Анка. — Неужели ты не видишь? Брюки для пожилого мужчины, ведущего сидячий образ жизни.

Она села на диване и принялась немного дрожащими руками поправлять волосы.

— Ф-фу, — сказала она. — Кажется, проходит.

Антон снова сложил брюки, пересек кают-компанию и открыл дверь в первую каюту, где устроился Вадим. Вадим вышел из амортизатора с песней:

Воет ветер дальних странствий,
Раздается жуткий свист:
Это вышел в Подпространство
Структуральнейший лингвист.

Впрочем, он сейчас же откинул диван и сел.

— Вот почему я не стал звездолетчиком, — сказал он немного хрипло и прилег.

Антон окликнул его:

— Дима! Структуральнейший!

— Я, — сказал Вадим, не двигаясь.

— Дима, это не ты оставил?

— Нет, — Вадим присмотрелся. — Это, наверное, дядя Саша.

Антон помотал головой:

— При чем здесь дядя Саша?

— Я видел его в них. Месяц назад. Перед карнавалом старцев.

— Нет, — протянул Антон. — Брюки лежали в кают-компании. Дядя Саша в Корабль не заходил. Это, наверное, Сауловы. Пойду подниму его.

Он направился в каюту номер три, занятую Саулом. Он откинул диван, аккуратно развесил таинственные брюки на спинке стула и только тогда откатил дверь кабины, готовясь подхватить падающее тело. Вместо этого из кабины пошел густой дым. Антон даже отпрянул.

— Что? Уже? — раздался из клубов дыма голос Саула.

Антон присмотрелся. Саул сидел на своем портфеле, поставленном на попу, и курил длинную черную трубку. Вид у него был задумчивый и сосредоточенный.

— Разве вас не тошнит? — спросил Антон, попятился и сел на диван.

— Меня? Нет. Что, можно выходить?

— Прошу вас, — сказал Антон.

Саул поднялся и взял портфель.

— Мне не терпится взяться наконец за работу, — заявил он. — Надеюсь, я не нужен?

Он подошел к столу, положил портфель и уставился на брюки.

— Это мне? — спросил он. — Позвольте отказаться. Я не люблю скатерти, они мешают писать.

Антон поднялся и взял брюки.

— Но я, конечно, очень благодарен, — поспешно сказал Саул. — Но если это не необходимо...

— Не беспокойтесь, неважно, — сказал Антон. — У меня к вам только одна просьба. Пожалуйста, курите только в своей каюте.

Он вышел, очень тщательно прикрыл за собой дверь и остановился. Он развернул брюки и примерил на себе. Брюки были решительно коротки и слишком широки.

— Странно, — сказал он.

Повесив брюки на то же кресло, под которым он их нашел, Антон взял в своей каюте полотенце и спустился в душевую. Надо было быстренько помыться, поужинать, проконтролировать с Вадимом курс и взяться наконец за «Войны кроманьонцев с неандертальцами».

Душ был занят, у дверей ждал Вадим.

— Опять очередь, — сказал Антон. — Второй раз за день.

— Как Саул? — спросил Вадим. — Сильно его развезло?

— Саул держится хорошо, — ответил Антон. — Вот Анка немножко...

— Анку я уже видел, — небрежно сказал Вадим.

Антон внимательно посмотрел на него:

— Славная девушка, правда?

— Прелесть. А кто она? Я говорил с ней о профессии, она была очень загадочна.

— Учится, — сказал Антон. — Хирург-эмбриомеханик.

— Ого! — сказал Вадим. — Значит, у нас на Корабле полный комплект — капитан, навигатор и врач.

— И стрелок из бластера, — сказал Антон.

— Кстати, Тошка, — сказал Вадим, — ты, конечно, как хочешь, а я времени терять не буду. Пусть Анка учит меня акупунктуре, а Саул — бластеру.

— Ну зачем это, Дима, — сказал Антон, поморщившись. — К чему тебе бластер? Ведь противно.

— Жалко случай терять, — сказал Вадим.

Они замолчали, потому что наверху голос Саула воззвал:

— Где здесь душ?

— Спускайтесь сюда, Саул! — крикнул Вадим.

— Что? — спросил вдруг Антон и прислушался. Ему показалось, что из душа его позвали.

— В чем дело? — спросил Вадим.

Антон сделал ему знак замолчать. За дверью душевой плескалась вода и слышался чей-то неразборчивый голос.

— Ах вот как? — сказал, подходя, Саул. — Я буду третьим? Может быть, вы пропустите меня вперед? Я очень занят.

— Пожалуйста, — пробормотал растерянно Антон, а Вадим немедленно спросил:

— И чем же вы так заняты?

— ЕН 7031, — коротко ответил Саул и согнутым пальцем постучал в дверцу душа. — К моменту финиша мы должны знать об этом все, что известно.

— Ой-ой-ой! — сказал голос Анки. Она спускалась по трапу. — Опять очередь?

— Девушку пропустим вперед, — галантно сказал он.

— Спасибо, — сказала Анка.

— Анка, — сказал Вадим. — Научи меня акупунктуре.

— Я бы с удовольствием. Только я еще сама не очень... И нужен муляж.

— Я буду муляжом, — сказал Вадим.

— Будет больно, — предупредила Анка. — Практики у меня почти не было.

Саул снова нетерпеливо постучал пальцем в дверцу. И тут Антона осенило. Он хотел что-то сказать — он сам не знал что, — но у него перехватило дыхание. Он повернулся и встретился глазами с неподвижным взглядом Вадима. Вадим беззвучно шевелил губами и загибал пальцы на руке.

— Кто там, наконец, так долго? — раздраженно сказал Саул.

— Четыре, — беспомощно сказал Вадим. — Нас здесь четверо!

Наступила мертвая тишина. Только обильно лилась вода за дверью и слышался чей-то неразборчивый голос.

— Бред какой-то, — решительно сказал Вадим и толкнул дверь.

Дверь распахнулась. В душевой никого не было. Обильно шла холодная вода, а из маленького радиоприемника, лежащего в мыльнице, доносился деловитый голос диктора:

— «...Огромный интерес представляют исследования, проведенные молодыми сотрудниками Дарвиновского института обобщенной генетики. Явление хромосомной недостаточности, которое издавна привыкли рассматривать как серьезную помеху...»

Вадим выключил приемник.

— Подожди, там что-то интересное, — сказала Анка.

— Интересное? — сказал Антон. Он выключил душ. — Скажи, Анка, это ты оставила?

— Ну что ты, Антон, я только что поднялась.

— Смотрите! — сказал Саул. Он стоял, нагнувшись, и рассматривал грязноватый подтекший след рубчатой подошвы.

— Это ваш след, — сказал Вадим.

Саул поднял сначала одну ногу, затем другую.

— Да, правда, — сказал он.

— Слушайте, товарищи, — сказал Антон. — Кто был в душе?

— Не я, — сказал Вадим.

— Я только что встала, — сказала Анка.

Саул пожал плечами.

— Хорошо, — сказал Антон терпеливо. — Будем просто мыться. Первой идет Анка.

Они вышли. Было слышно, как Анка включила приемник и сбросила башмаки. Саул утомленно присел на ступеньку трапа, а Антон с Вадимом поднялись в кают-компанию.

— И вот что еще мне непонятно, — сказал Антон. — Откуда на Корабле вот это... — Он остановился.

Пестрых брюк на спинке кресла не было.

— Позволь, — сказал Антон. — Я их повесил сюда. — Он огляделся.

Дверь в пятую каюту была приоткрыта. Не говоря ни слова, он бросился туда. Каюта была пуста. Антон отодвинул дверь амортизатора. В амортизаторе тоже никого не было. Но на полу лежала ампула. Антон поднял ее: это была пустая ампула из-под пилюль от морской болезни. Антон вышел из амортизатора и подошел к Вадиму вплотную.

— Где брюки? — спросил он тихо.

Реакция Вадима поразила его. Вадим прищурил один глаз и с необычайно звизательной улыбкой помахал у него перед носом указательным пальцем.

— Не выйдет, — сказал он. — С Анкой выйдет, с Саулом, может быть, выйдет, а со мной не выйдет.

Некоторое время они испытующе смотрели друг на друга.

— Если это не ты, — сказал наконец Антон, — то я буду вынужден спать в рубке. А ты знаешь, что спать в рубке очень неудобно.

Вадим сразу стал серьезным.

— Это не я, — сказал он.

Они опять помолчали.

— Непонятно, как он мог попасть на корабль, — задумчиво сказал Вадим.

— Я пойду в рубку, — сказал Антон, — а ты осмотри Корабль.

В рубке все было по-прежнему. Антон сел перед пультом и задумался. Капитану любого корабля очень неприятно обнаружить на борту зайца. Заяц, как правило, беспомощен и нахален. Он получает лучшую каюту, ему скармливают лучшие продукты, потому что он, видите ли, не привык к синтетической пище. Он задает массу глупых вопросов, и ему надо отвечать, чтобы не оказаться грубым и жестоким. Он рвется на подвиги, больше всего ему хочется, чтобы в борту корабля образовалась течь и чтобы он мог закупорить пробоину своим плохо тренированным невежественным телом. Еще ему нравится, чтобы вся команда собиралась вокруг него и, перебивая друг друга, рассказывала ему кошмарные легенды о битвах с инопланетными чудовищами, о последнем глотке кислорода, истраченном на возглас «О родная Земля!», и о неисправных амортизаторах. Во всем корабле его больше всего интересуют неисправности. Видение звездолета со взорвавшимся обогатителем плазмы и проваливающегося в безвозвратные интергалактические бездны приводит его в нездоровый экстаз. Это противно.

Но все это касается зайцев обоого пола в возрасте от десяти до пятнадцати. К сожалению, они малочувствительны к неудобствам перехода в Подпространство и выползают из какой-то забытой щели сразу же, как только команда выходит из

амортизаторов. Тут им немедленно требуется душ и перемена рубашки, и тот, кто их моет, неизбежно становится их наперсником.

Но толстый и, несомненно, пожилой заяц, склонный к сидячему образу жизни и к карнавальным нарядам, знающий, как пользоваться амортизатором и где находится душ, и, наконец, не только не старающийся войти в контакт с командой, но, напротив, по-видимому, совершенно игнорирующий команду — это, несомненно, заяц нового вида.

Антон пошарил радиофон:

— Вадим, — позвал он.

— Я.

— Как дела?

— Я осмотрел все каюты, все кабины, все шкафы для одежды. На втором этаже его нет. Сейчас спускаюсь в нижний. С легким паром, Анка! Я подозреваю, что он в кухне.

Антон услышал голос Анки.

— Нет, Анка, — сказал Вадим. — Мы ищем владельца брюк.

Анка что-то сказала, и он засмеялся.

— Вадим, — попросил Антон. — Попроси Анку, пусть она посидит в зале.

— Хорошо, — сказал Вадим.

— А Саула под каким-нибудь предлогом посади на трап возле душа.

— Гм, — сказал Вадим. — Под каким это предлогом я его посажу на трап?.. А, я скажу ему, что наверху дезинфекция. Пока.

Антон снова задумался. Саул Репнин. ЕН 7031. И бластер. Но не в портфеле же он... А главное, с какой стати? Мы так же охотно взяли бы двоих, как и одного. Может быть, это все-таки Вадим или Анка? Если это Вадим, то он сознается после ужина, чтобы я не спал в рубке. Что касается Анки... Антон почти не знал Анки. Зато он считал, что хорошо знает женщин. Несомненно, где-то на белом свете существуют девушки, способные на мистификацию с совершенно новыми для них людьми и в совершенно неизвестных условиях. Однако Анка меньше всего похожа на мистификаторшу. Стоп! А если мистификатор — Саул? Что мы, собственно, знаем о Сауле?

Несколько секунд Антон размышлял и пришел к выводу, что Саул может быть кем угодно — фанатичным ученым, проштрафившимся десантником, отставленным возлюбленным, чудаковатым маньяком и маньяковатым чудаком, — но никак не шутником. Саул был слишком серьезен. Антон уселся поудобнее. Ведь что такое мистификатор? Мистификатор — это человек, которому хорошо, но немного скучно. Ему хочется посмеяться, но поскольку смеяться в одиночку нелепо и бестактно, он хочет, чтобы вместе с ним смеялись и все остальные. Мистификация, как и сам смех, не может быть слишком долгой. Неопытный шутник, затянувший свою шутку, неизбежно придет к тому, что, начиная с какого-то критического момента, мистифицируемые начнут разочарованно зевать и говорить: «А, опять это? Пойдемте лучше поиграем в чехарду». Таким образом, саморазоблачение будет иметь место за ужином, а еще до ужина обнаружатся две — ну, максимум три — любопытных находки. А если это не мистификация?

Запел радиофон.

— Тошка, — сказал Вадим. — Тут никого нет. Я займусь ужином.

Антон удовлетворенно засмеялся. Он собрал в ладонь прах гвоздики, бросил его в мусоропровод и стал было спускаться в кают-компанию, но с середины трапа вернулся и впервые в жизни запер дверь рубки на ключ: он не любил, чтобы в рубке шутил кто-нибудь, кроме него.

В кают-компании никого не было. Снизу из кухни доносились голоса Вадима и Анки.

— Неправда, я этого не говорила.

— Но, Анка, я слышал своими ушами...

Антон стал накрывать на стол. Когда он ставил тарелки, позади раздался шорох. Он стремительно обернулся. В дверях своей каюты стоял Саул. На его тощем свирепом лице выразалось не то разочарование, не то облегчение. В руке он держал бластер.

— Ну-ну, Саул, — сказал Антон. — Это я.

— Вижу, — сказал Саул сухо. — Я услышал, что кто-то ходит.

— Это я, я ходил.

Саул хрюкнул и скрылся за дверью. Антон испытал легкую зависть к мистификатору. Шутка была не бог весть какая остроумная, но все же произвела значительное впечатление на некоторых членов экипажа. Затем он подумал, что Саулу, видимо, приходилось переживать в жизни очень острые моменты, раз он такой нервный. И тут по какой-то ассоциации Антон поглядел на дверь каюты номер пять. На этот раз дверь была плотно закрыта.

— Антон! — крикнули снизу. — У нас все готово!

— Подавайте, — сказал Антон.

Накрытый стол плавно ушел в пол.

Саул вышел из своей каюты, когда все уже ели. Он оглядел стол, положил к себе на тарелку огромную порцию салата, маленький кусочек мяса и немного рыбного пюре и заявил:

— Прошу извинения, но за едой я всегда читаю. Буду вам очень благодарен, если вы не будете меня отвлекать.

Затем он поместил рядом с тарелкой кубик термоимпульсной книги, положил на него длинный указательный палец и углубился в чтение и еду.

Ужин прошел довольно весело. Правда, Антон все время ждал саморазоблачений, и это несколько отвлекало его. Анка потребовала, чтобы ей показали Подпространство. Вадим сказал, что это совсем неинтересно. Почему же это неинтересно, спросила Анка. Потому что в Подпространстве нечего смотреть, объяснил Вадим. Подпространство — это не объект. Подпространство — это состояние. Нельзя увидеть Подпространство так же, как нельзя, например, увидеть радость вообще или боль вообще. Хочешь, я покажу твою боль, спросила Анка. Это очень просто, надо только иметь болеотметчик. Пойдем в рубку, возразил Вадим, я тебе покажу курвиспат, который регистрирует Подпространство. После ужина пойдем, сказала Анка. После ужина мы все пойдем спать, сказал Антон. А здесь есть что почитать перед сном, спросила Анка. Рядом с рубкой библиотека, сообщил Вадим. Такой плоский ящичек с буквой «Б». А ты нашел те брюки, Антон, спросила Анка. Антон помотал головой и поймал на себе пристальный взгляд Вадима. Одновременно он поймал пристальный взгляд Саула. Впрочем, взгляд Саула сейчас же затуманился. Отличный салат, сказал Саул — наверное, для того, чтобы скрыть свою бестактность. Такой салат будет только сегодня и завтра, сказал Вадим. Потом вся эта пища войдет в цикл, и все будет иметь один и тот же вкус. Синтепища, спросил Саул. Это интересно. Никогда не ел синтепищи. Горячее мороженое с запахом свинины, сказала Анка скривившись. Не могу себе представить, сказал Саул. К этому быстро привыкаешь, сказал Антон. А вкусодатчики нам не дали, спросил Вадим. Анка посмотрела на него, и он объяснил: это такой присосок величиной с горошину. Пристраиваешь его к мозжечку, и он возбуждает вкусовые ощущения. Да, сказала Анка. Кажется, мы что-то такое проходили. Из тебя выйдет отличный врач, сказал Вадим. И он изобразил в лицах разговор между Анкой и больным. «Откуда у вас перелом ноги? Вы же сказали, что у вас сломана рука». — «Что вы, доктор, нога!» — «Как же нога, когда вы по видеофону сказали, что рука?» — «Я сказал, что рука!» — «Я отчетливо помню, что вы сказали — нога. Я сама принимала вызов». По-моему, это ты зря, сказала Анка с сомнением. Я на свою память не жалуясь. Ребята захохотали. Вадим сказал: а ты и не будешь жаловаться. Жаловаться будут больные. Саул наелся, сказал «спасибо» и ушел в свою каюту. Ребята принялись убирать посуду, сбрасывая тарелки в мусоропровод в центре стола. Анка

заявила, что пойдет посмотреть библиотеку. Вадим сказал, что он сам ей покажет. Саморазоблачения не произошло.

Антон был озадачен. Правда, Анка, например, могла забыть собственную затею. Если она завтра вспомнит, то завтра саморазоблачится. А если это не мистификация? Антон пошел в свою каюту, собрал постель и потащил в рубку. На площадке перед рубкой Вадим и Анка копались в библиотечке. Анка разочарованно говорила:

— Так ведь это все специальные книги. Ну куда это мне: «Ассенизационный демонтаж дигестальной системы звездолета типа “Амеба”»...

— Между прочим, это и тебе небезынтересно. Это почти то же самое, что вот... «Диагностика ударных травм брюшной полости в полевых условиях».

— Я хочу что-нибудь почитать на ночь, понимаешь? По-чи-тать! Бель летр! Про людей. Про людей, а не про пациентов.

Вадим развлекался.

Антон с трудом отпер дверь, ничего не видя из-за постели, и ввалился в рубку. Он разложил кресло, расстелил постель и попробовал прилечь. Было неважно. В рубку постучали.

— Можно? — спросил Вадим.

— Идите спать, — сказал Антон.

— Поболтать охота, — сказал Вадим.

— Я хочу спать, — сказал Антон. Он действительно хотел спать.

Ребята ушли. Антон разделся и лег, погасив верхний свет. Он лежал на своей неудобной постели, смотрел на уютные огоньки пультов и терпеливо ждал, когда придет сон. Снизу отчетливо доносились веселые голоса Анки и Вадима. Им было не скучно.

Потом Антон заснул.

Он проснулся от тревожного ощущения, что на Корабле что-то происходит. Он раскрыл глаза и прислушался. Кто-то ходил внизу в кают-компании — медлительной тяжелой и какой-то неровной поступью грузного и, по-видимому, хромящего человека. Антон сорвал с себя одеяло и неслышными скачками кинулся вниз. В зале было совершенно темно.

— Свет! — крикнул Антон.

Вспыхнул свет. В кают-компании было пусто. Но из дверей шестого номера торчала встрепанная голова Анки, а из дверей третьего — выглядывало напряженное черное лицо Саула. Антон растерянно остановился, переводя взгляд с Анки на Саула и обратно. Из первого номера вылез заспанный Вадим в трусах.

— Не смешно, — заявил он.

— Зачем эти шутки? — грозно спросил Саул.

Антон глубоко вздохнул. Отвечать не имело смысла. Но тут Анка вытянула шею, пригляделась к ногам Антона и объявила:

— Это не он. Тут ходили в ботинках. Я сама слышала.

Антон пересек зал и открыл дверь в пятый номер. Диван в пятом номере был откинут, постель разостлана, а возле дивана красовалась пара великолепных турецких ковровых туфель. Антон взял туфли, вернулся в кают-компанию и бросил туфли на стол.

— Чье это? — спокойно спросил он.

Голова Саула скрылась, затем он появился снова, натягивая халат.

— Посмотрим, — проворчал он и взял одну туфель. Он осмотрел его очень внимательно и даже понюхал. — Так, — сказал он. — Типичный двадцатый век. Либо это музейный экспонат, либо необычайно искусная ручная подделка. Было бы очень интересно и полезно познакомиться с таким мастером.

Он аккуратно положил туфель на стол и вернулся в свою каюту. Все молча разошлись. Антон вернулся в рубку, включил стереосхему Корабля и глубоко задумался.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой структуральному лингвисту
дважды приходится проявить профессиональные знания

Ровно в восемь часов ноль-ноль Вадим просунул в рубку мокроволосую голову и, вытирая полотенцем шею, сказал:

— По-моему, день сегодня будет чудесный, как ты думаешь, Антоша?

Антон вспомнил ночное происшествие и неопределенно ответил:

— Будем надеяться...

— Как спалось? — сочувственно спросил Вадим.

Антон пожал плечами:

— Почти никак.

Вадим подошел к нему и глянул через плечо на приборы.

— Ага, — сказал он. — Через десять часов будем выходить обратно в Пространство. — Он посмотрел на Антона. — Сейчас позавтракаем, и ложись спать, а я посижу в рубке. Я спал, как сурок.

— Хорошо, — сказал Антон. — Так и сделаем. У вас внизу больше ничего не случилось?

— Нет, — сказал Вадим. — Только Саул бродит вокруг стола и бормочет какие-то странные вещи. Ну ладно, я пойду готовить завтрак.

Он собрал постель Антона и затопал вниз по трапу. Антон вернулся к прерванному занятию: он проводил контроль организма Корабля. Двухлетка отличался отменным здоровьем. Не было ни утечки энергии, ни перебоев в метаболизме, возникающих иногда у утомленных Кораблей. Худел он равномерно, и на эпидермисе не появилось ни единой морщинки, способной создать неконтролируемое завихрение Пространства. За все четырнадцать часов Подпространство не отклонилось ни на микрориман. Антону было хорошо. Во-первых, капитану всегда хорошо, когда хорошо Кораблю. Во-вторых, человеку всегда хорошо, когда его друг уверен в сегодняшнем дне. И в-третьих, за ночь Антон произвел некоторые подсчеты, которые убили альтернативу: «заяц» или мистификация.

Голос Анки позвал:

— Антон, можно я спрошу?

Анка была в узких серых брюках и в пестрой кофточке с очень элегантными разрезами по бокам. На лице у нее было некоторое замешательство.

— Доброе утро, Анка, — ласково сказал Антон.

— Доброе утро.

Она очень тщательно прикрыла за собой дверь, подошла к Антону и сказала вполголоса:

— Тебе не кажется, что с Кораблем что-то происходит?

Антон мгновенно повернулся и посмотрел на приборы.

— Нет, — сказал он.

— Дело в том... Мне кажется... Конечно, может быть, я ошибаюсь, но у меня такое впечатление, что Корабль... — Она помолчала, подбирая слово. — По-моему, Корабль усох, — сказала она решительно.

— То есть?

— Я сегодня рукой достаю до потолка каюты, до которого я вчера не могла допрыгнуть. Это я точно помню. И потом...

— Понимаю, понимаю, — сказал Антон. — Не беспокойся, все идет как надо. Корабль просто худеет.

— Ах вот как, — сказала Анка. Замешательство на ее лице усилилось.

— Нам надо пройти сто пятьдесят парсеков, — сказал Антон. — Для этого нужна энергия, которую никакой эмбриомеханик представить себе не может. Эту энергию

Корабль берет из самого себя. Он худеет, как стайер на тренировках. Но ты не беспокойся. Как только мы окажемся под каким-нибудь солнцем, он снова раздобрееет.

— Я не беспокоюсь, — сказала Анка. Глаза у нее заблестели. — По-моему, это очень интересно. Нет, принцип-то я понимаю. Только я никогда не думала, что у вас в Космосе тоже работает биомеханика.

— Вот, — сказал Антон. — Теперь будешь знать. Пошли завтракать.

Они спустились в зал. Вокруг стола быстро шел Саул, глядя прямо перед собой. Глаза его горели, он быстро и нараспев бормотал:

— ...когда выживали не лучшие, а приспособленные... не самые лучшие, а самые приспособленные... Приспособленные? Приспособленные? Да! Приспособленные... — Он остановился и топнул ногой. — Когда человек жил по программе, как машина... как простая машина... как несложная машина... Нет, как простая машина... — Он побежал дальше и наткнулся на Антона.

— Доброе утро, Саул, — сказал Антон.

— Доброе утро, — сказал Саул. Он откинул голову и пристально посмотрел на Антона. — Кстати, капитан, у меня пропала книга. Слабая книга. Никакой ценности она не представляет. Но мне кажется, что вас интересуют все эти... события, связанные с пропажей и появлением вещей.

— А вас эти события не интересуют? — с любопытством спросил Антон.

— Я занят, — сказал Саул и снова пошел вокруг стола.

Антон попросил Анку накрыть на стол, а сам направился прямо в пятый номер. Диван там был поднят, туфли исчезли, а на столе лежала раскрытая книга. Антон подошел к столу и рассеянно перевернул несколько страниц. Из зала было слышно, как Саул наталкивается на Анку и раздраженно просит прощения. Антон взглянул на обложку. «Закон планетных расстояний в системах желтых карликов», Париж, сто девяносто восьмой год. Антон взял книгу и, листая ее на ходу, вышел в зал.

— Вот ваша книга, Саул, — сказал он.

Саул остановился и посмотрел.

— Да, — сказал он. — Это моя книга.

— Она была в пятой каюте.

— А чья это каюта?

— Это та самая каюта, где мы ночью обнаружили туфли, — сказал Антон. — Скажите, Саул, когда вы обнаружили, что книга пропала?

— Утром, разумеется, когда проснулся.

Он подошел к Антону и взял у него книгу.

— Нормально-логарифмическая, — бормотал он. — Нормально-логарифмическая... Так я и думал... Да. — Он углубился в чтение. — Позвольте! — вскричал вдруг он. — Это не мои заметки!

Антон и Анка посмотрели. На полях страницы пестрели строчки каких-то иероглифов.

— Это писал не я, — объявил Саул. — Я не знаю этой письменности.

— Вадим! — крикнул Антон.

— Да! — откликнулись снизу.

— Поднимись сюда.

— Зачем это? — осведомился Саул.

— Вадим — лингвист, — сказала Анка.

По трапу поднялся Вадим, вытирая руки полотенцем, переброшенным через плечо.

— Что случилось? — спросил он. — Поймали?

— Нет еще, — сказала Анка. — Напали на след.

— Взгляни-ка, структуральнейший, — сказал Антон.

Вадим взял книгу.

— Так, — сказал он. — «Трудно себе представить, чтобы распределение планет вблизи центрального светила подчинялось нормально-логарифмическому закону». Согласен, — сказал он. — Что за нелепая мысль?

— Безобразно слабая книга, — сказал Саул. — Ведь в те времена уже были работы Бланга.

— А что это за иероглифы? — спросил Вадим. — Очень любопытно. — Он посмотрел на обложку. — Интересно, какой чудак писал китайскими иероглифами в конце прошлого века?

— Попадают такие чудачки, — неопределенно сказал Антон, глядя на него в упор.

— Так это китайские иероглифы? — спросила Анка.

— Китайские. Хотя, возможно, написано по-японски. Ведь я не палеолингвист. Я...

— Понятно. Ты — структуральнейший.

Вадим изумленно взглянул на Антона.

— Антон! — завопил он, ударяя себя в грудь рукой с полотенцем. — Клянусь честью! Не знаю я китайской письменности!

Антон повернулся к Саулу.

— Саул, — сказал он тихо. — Скажите честно, может быть, это вы шутите?

— Я никогда не шучу, — сказал Саул. — Я занят. Я работаю.

Он забрал у Вадима книгу и ушел в свою каюту. Антон пошел за ним.

— Вы не обижайтесь, пожалуйста, — сказал он.

— Я никогда не обижаюсь, — сказал Саул. — Я только хочу спрятать книгу в надежное место.

К завтраку он пришел с портфелем и сел, поставив на портфель ногу. Антон сказал:

— Через несколько часов мы прибудем к ЕН 7031. Мне хочется, чтобы каждый высказался по поводу того, что происходит у нас на Корабле. Прошу высказываться.

Некоторое время все ели молча. Потом Анка сказала:

— Раз все молчат, начну я.

Саул положил вилку и повернул к ней большое коричневое ухо. Он даже перестал читать и убрал палец с кубика термокниги.

— Вот что я думаю, — продолжала Анка. — Во-первых, все это очень забавно и интересно. С моим отцом ничего подобного никогда не случалось; он, конечно, рядовой звездолетчик, вроде Антона, но он летает уже пятьдесят лет. А что касается «зайца», то он либо очень искусно прячется, либо невидимка, либо может проходить сквозь стены. И тогда очень жаль, что он не хочет с нами познакомиться.

— Как ты себе это представляешь — «проходить сквозь стены»? — спросил деловито Вадим.

— Очень просто, — сказала Анка. — Разве мы знаем все работы, которые ведутся на Планете? Вот ты, Вадим, что ты знаешь о сверхпроницаемости?

— Немного, — сознался Вадим.

— Ничего ты о ней не знаешь. А я совершенно случайно знаю, что есть Институт Сверхпроницаемости. И дело даже не в этом. Единственный вопрос, который стоит обсуждать, — Анка возвысила голос, — это почему он прячется. Товарищ! — крикнула она. — Почему вы прячетесь?

Антон иронически улыбался. Анка очень рассердилась, разволновалась и стала есть.

— Все? — спросил Вадим.

— Все, — сказала Анка с вызовом. — Я не понимаю, почему мы должны спрашивать друг друга вместо того, чтобы спросить его самого.

— Ну хорошо, — примирительно сказал Антон. — Кто следующий? Может быть, вы, Саул?

— Меня не интересует сверхпроницаемость, — сказал Саул. — Сейчас меня интересует только ЕН 7031, точнее — ее планетная система. И если этот странный

человек — я полагаю, он все-таки существует — оставит в покое меня и мою каюту, я буду вполне удовлетворен.

— Каково мнение нашего врача относительно групповой галлюцинации? — осведомился Вадим.

— Исключается полностью, — отрезала Анка. Она была очень сердита.

Вадим безмятежно улыбнулся и сказал:

— Я буду лаконичен. Я только спрошу вас: а что мы, собственно, знаем о привидениях?

— Серьезнее, серьезнее, — попросил Антон.

— Я очень серьезен, — сказал Вадим и изобразил на лице серьезность. — Итак, я спрашиваю: что мы знаем о привидениях и что мы знаем о Подпространстве?

Антон снова прервал его:

— Как ты себе представляешь это существо?

— О, я представляю его себе прекрасно. Это грузный, очень полный призрак средних лет, с присущей людям двадцатого века ложной скромностью, хромой, для своего времени образованный и, несомненно, привыкший к известному комфорту — достаточно того, что он любит слушать радио, стоя под душем. Затем мы не можем отказать ему в знакомстве с некоторыми примитивными деталями устройства Эпсилон-Д-кораблей, что говорит о том, что в Подпространстве он человек не новый и посещал Д-корабли неоднократно. Носит обувь сорок третьего размера. Странное пристрастие...

Антон вздохнул и резко сказал:

— Примерный рост.

— Сто шестьдесят — сто восемьдесят, — быстро ответил Вадим.

— Примерный вес.

— Восемьдесят — сто килограмм.

— Достаточно, — сказал Антон. — Теперь прошу внимания. Этой ночью я просмотрел стереосистему Корабля и подсчитал дефект массы. На Корабле нет ни одного уголка, где могло бы спрятаться существо крупнее кошки. Дефект массы совпадает с расчетным с точностью до десяти килограммов. Следовательно, отвлекаясь от шаловливых экскурсов в область мистики, мы приходим к выводу, что лишнего человека на борту нет. Теперь убирайте посуду, а я пойду спать.

Он вышел из-за стола и, не оглядываясь, ушел в свою каюту.

Он разделся и лег. Засыпая, он очень сердился на мистификатора. Шутка перешла границу, за которой уже хочется играть в чехарду.

Когда он проснулся, до выхода из Подпространства оставалось часа два. Корабль исхудал сильно — выбираться из каюты пришлось, согнувшись пополам. Все были в кают-компани. Анка разговаривала с Вадимом, а Саул читал, поставив на стол портфель. Антон с любопытством отметил, что портфель стоит как раз на крышке мусоропровода.

— Хорошо было бы найти цивилизацию, — говорила Анка. — Что-то давно не находили цивилизаций. Страшную вещь сказал мне отец: число звездолетчиков уменьшается с каждым годом. Никто не идет в Космос.

— Это естественно, — отвечал Вадим. — Честно говоря, Космос в общем довольно однообразен. Кроме того, «все проходит»...

Антон помылся под душем, прошел в рубку (Анка очень убедительно объясняла Вадиму, почему она не пошла в звездолетчики), взял «Войны кроманьонцев с неандертальцами» и, спустившись в зал, принялся наконец читать. Вадим был в ударе. Он ходил по залу на руках, сыпал стихами про «структуральнейшего лингвиста», изображал в лицах войны между врачами-кроманьонцами и врачами-неандертальцами, доказывал, что собака не может говорить, потому что речь ее неструктурна, и напропалую цитировал писателей, которых никогда не существовало. Они с Анкой веселились вовсю. В конце концов Саул поднялся и, с лязгом протаскив портфель по столу, удалился в свою каюту.

— Вадим, — сказала Анка. — Мы свиньи.

— Мы — люди, — возразил Вадим. — И ничто человеческое нам не чуждо. Не сидеть же нам в каюте! И потом лично я люблю, когда возле меня веселятся. Даже когда я работаю.

— Не спорьте, — сказал Антон. — Он просто пошел побриться. Он вас и не заметил.

— А ты нас заметил? — с любопытством спросила Анка.

— Я, кроме вас, вообще ничего больше не заметил.

Дверь третьего номера распахнулась, и на пороге остановился Саул. Лицо у него было странное, под мышкой у него был бластер.

— Читали? — спросил он, помахав над головой какой-то бумажкой.

— Опять? — сказал Антон со скукой. — Может, лучше в чехарду?..

— Что? — непонимающе спросил Саул. Он подошел к столу и бросил перед Антоном листок шелковистой стокгольмской бумаги. — Это было свернуто в трубочку и торчало из дула моего разрядника.

Антон взял бумагу, расправил ее и прочел вслух, с некоторым трудом распутывая странную морфологию:

— «Но уэпон элауд он ЮЭн 7031». В общем-то правильно, — пробормотал он.

— Какое ему дело? — возмутилась Анка.

— Дай-ка посмотреть, — сказал Вадим. — Н-да, морфология старинная.

— Это ваша работа! — сказал вдруг Саул, сердито глядя на него.

— Помилуйте! Почему?

— Никто, кроме лингвиста, не может писать на дореформенном английском!

— А многие ли в наше время, кроме лингвистов, помнят о реформе? — ядовито осведомился Вадим.

— Товарищи, — сказал Антон со скукой. — Ну неужели вам не надоело? Через пятнадцать минут финиш... Давайте забудем!

— Давайте! — сказал Саул, пожимая плечами. — Но я хотел бы, чтобы мне не мешали работать.

— Я предлагаю всем разойтись по местам, — сказал Антон. — Приберите каюты, ждите команды укрыться в амортизаторах.

Все разошлись по каютам. Антон вздохнул и поднялся в рубку. «Вот и разоблачение, — подумал он. — На этот раз Димка переборщил. Наверное, ему надоело так же, как и нам. Надо будет спросить, где он достал такие туфли». Антон присел на подлокотник и потер щеку. Оставались, правда, во всей этой истории еще два темных места. Во-первых, Димка клялся честью, что не брал у Саула книги о планетных расстояниях. А во-вторых, Вадим никак не мог спрятать проклятые брюки: он уже стоял внизу у душевой, когда Антон повесил их на кресло в зале, и вернулся в зал, когда брюк уже не было. И вообще Вадим никогда не зашел бы так далеко, чтобы заставить товарища ночевать в рубке.

— Провались оно все пропадом, — с чувством сказал Антон. — Ну какое нам, в сущности, дело до всех этих детских забав?

Антон прошелся по каютам (в пятый номер он демонстративно не заглянул), загоня экипаж в амортизаторы. У Анки пришлось задержаться.

— Не забудь, — увещевал Антон. — После первого толчка надо поставить регулятор на десятку. Вот сюда.

— Да помню я, помню, — говорила Анка.

— Я знаю, что ты помнишь. Но ты забудешь.

— Не забуду. В прошлый раз ты сказал поставить регулятор на пять, я и поставила на пять.

— В прошлый раз я тоже просил поставить на десять...

— Не будем спорить. Я помню, что ты говорил на пять.

Некоторое время Антон смотрел на нее.

— Давай так, Анка, — сказал он. — Цифру пять забудем вообще. Нет такой цифры. Есть число десять. Хорошо?

— Хорошо. Десять.

Антон похлопал ее по руке и пошел.

— Но в прошлый раз было пять, — крикнула Анка ему вслед.

Антон закрылся в капитанском амортизаторе за пять минут до перехода. Он произвел переключку, посоветовал Саулу не курить, напомнил еще раз всем, что после первого толчка нужно перевести регулятор на пять... простите, на десять... «На десять, слышишь, Анка?» — и сказал, что переход начнется через минуту.

Затем он отключил интерком и, прислонившись к стене, стал глядеть на ярко-огненную стрелку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой рассказывается, как в двадцать третьем веке дают название неизвестной планете

При выходе из Подпространства всегда существует опасность оказаться слишком близко к какой-нибудь тяготеющей массе, а может быть, даже внутри ее. Правда, эта опасность является чисто теоретической. Вероятность такой неприятности гораздо меньше вероятности вывалиться из трансконтинентального стратоплана и угодить точно в печную трубу Эрмитажа или какого-нибудь другого старинного здания. Во всяком случае, ни то, ни другое явление ни разу не имело места за всю историю человечества. Корабль выскочил в нормальное Пространство на расстоянии двух астрономических единиц от желтого карлика ЕН 7031.

На этот раз Анка перенесла переход хорошо, и ей даже не понадобилось отлеживаться. Все собрались в зале. Саул вышел последним. Он был туго подпоясан, на нем были черные кожаные перчатки с раструбами, в одной руке он нес портфель, другая лежала на рукоятке бластера. В зубах он крепко сжимал погасшую трубку.

— Ну что, пошли? — сказал он бодрым голосом.

— Пошли, — сказал Вадим, с интересом разглядывая перчатки. — Куда?

— Пока мы еще в Пространстве, — пояснил Антон.

— Проклятая рассеянность, — пробормотал Саул, сел, снял перчатки и бросил их перед собой на стол.

— Нам надо выбрать планету, — продолжал Антон, — и решить, где высадиться. Вам нужна какая-нибудь определенная планета системы, Саул? Или вы интересуетесь центральным светилом?

— Мне нужна планета, — сказал Саул. — По возможности землеподобная.

— Правильно, — сказала Анка. — Чтобы было синее небо и кислород и чтобы без скафандров.

— Я думаю, нам подойдет вторая планета, — сказал Саул. — Полторы астрономических единицы.

— У вас есть эфемерида? — спросил Вадим.

— Есть, — сказал Саул и с лязгом расстегнул портфель.

Он принялся рыться в недрах портфеля, старательно закрываясь от окружающих. Рылся он долго, и все молча смотрели на него. Из портфеля то и дело вываливались разные предметы, и Саул, бормоча проклятья, торопливо запихивал их обратно. Некоторые предметы появлялись по два и по три раза, например сильно объединная зубная щетка (три раза), странная грубого материала рубаха в поперечную бело-синюю полоску (два раза), металлическое Т-образное устройство непонятного назначения (два раза), разные носки. Зачем он таскает все это с собой? — подумала Анка с удивлением. В конце концов ей стало смешно, и она принялась хохотать, уткнувшись носом в плечо Антона.

— Вот, — сказал Саул, черный от злости. — Здесь все написано. — Он протянул Антону пластиковую дощечку.

Антон взял дощечку и спросил с удивлением:

— Откуда это у вас?

Это была стандартная блок-эфемерида, которую получает обычно капитан десантного корабля и которая вводится в курсовое устройство корабля вместе с его координатами перед высадкой.

— Достал, — пробурчал Саул, застегивая портфель. — По знакомству.

Весь стол вокруг портфеля был засыпан табаком, и Саул принялся смахивать его в мусоропровод.

— Ну, хорошо, — сказал Вадим. — Пойдем, Тошка, займемся.

Они ушли в рубку. Анка взяла одну перчатку.

— Можно примерить? — спросила она.

— Пожалуйста, — любезно сказал Саул.

Анка примерила. Такие перчатки раньше ей приходилось видеть только раз — у одного отцовского знакомого, старого больного человека, лечившегося от потливости.

— Какая неудобная вещь, — сказала Анка.

Саул отобрал у нее перчатку и сказал:

— Я привык. Как вы думаете, Анна, мы еще долго будем лететь?

— Меня зовут Анка, — сообщила Анка.

— Я и сказал — Анка, — возразил Саул. — Так как по-вашему, долго еще?

Анка решила не спорить.

— Наверное, нет, — сказала она. — Чувствуете? — Корабль шевельнулся, и пол словно скользнул из-под ног. — Это Вадим ложится на курс. Пойдемте в рубку.

— Это можно? — осведомился Саул.

— Конечно. Мы же туристы. Вот в десантном или в рейсовом звездолете нас бы не пустили.

Саул надел перчатки, подхватил портфель и двинулся к трапу.

— Зачем вы его носите с собой? — спросила Анка.

— Он мне дорог, — туманно пояснил Саул.

— Тогда не ставьте его на крышку мусоропровода.

Саул ничего не ответил, он только засопел. Впрочем, перед дверью он остановился и галантно пропустил Анку вперед.

Ребята сидели в пилотских креслах и рассматривали изображение планеты на видеоэкране. Планета была голубая, как Земля, покрытая мутной белой рябью облаков, с белыми шапками на полюсах. Но очертания материков были незнакомые — один большой материк тянулся вдоль экватора, другой, поменьше, явно тяготел к северному полюсу. Во всяком случае, Анка решила, что это северный полюс, поскольку на экране он был наверху. На самом краю диска темнели пятна материков, скрытых на другом полушарии.

— Вот ваша планета, Саул, — сказал Вадим не оборачиваясь. — Прекрасная планета. Идеальная. Плоскость экватора почти совпадает с плоскостью эклиптики, сжатия нет, сутки двадцать восемь часов, масса один и одна десятая, вредных газов нет. Маловато углекислоты, но пусть это вас не беспокоит.

Анка поглядела на Саула. Саул смотрел на свою планету с каким-то странным выражением — свирепое лицо его смягчилось, сделалось даже нежным. Анке показалось, что он может даже заплакать. Анка была тронута. «Что же, какое счастье оставил или ждет на этой планете этот человек?»

— Товарищи! — сказала она. — Давайте назовем эту планету Саулой!

— Нарекается Саулой, — сказал Вадим.

Антон спокойно пригнул к себе узкий раструб бортового дневника и продиктовал:

— Юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь точка восемьсот двадцать семь. Вторая планета системы ЕН 7031 нарекается Саулой по имени члена экипажа Саула Репнина.

Все это не имело ровно никакого значения, планеты нарекались по названиям кораблей и городов, любимых литературных героев и любимых цветков, названиями

приборов и просто громкими звукосочетаниями, а у кого не хватало фантазии — тот брал какую-нибудь книгу, открывал на какой-нибудь странице, выбирал какое-нибудь слово и как-нибудь его переделывал, и тогда получалось что-нибудь вроде Смеховины, Падраки или Бровии. Но Саул был растроган необычайно. Он бормотал «спасибо, спасибо, друзья» и жал Анке руку. Это было очень трогательно и забавно.

А между тем планета росла. Начал заметно расти и сам Корабль: он жадно поглощал излучение желтого карлика, метеоритную пыль, потоки межпланетной плазмы. Правда, рост этот был заметен пока только по приборам. Когда на экране остался только материк, растопырившийся вдоль экватора, Вадим спросил:

— Так где мы будем высаживаться, Саул?

Саул ткнул пальцем почти в центр материка. Анке показалось, что он сделал это зажмурившись.

— А может быть, поближе к побережью? — спросил Антон.

Анка подумала, что ему хочется искупаться. Ей тоже захотелось искупаться. «Искупаться в океане Саулы, в волнах, которые не окатывали еще ни одного землянина, которые не окатывали, наверное, вообще ни одно разумное существо, где плавают неведомые и наверняка очень интересные животные».

— Нет, — железным голосом сказал Саул. — Мне нужно именно сюда.

— Сюда так сюда, — сказал Вадим и сообщил: — Переключаю управление на себя.

Он положил пальцы на контакты биоуправления, и Корабль сейчас же повалился в какую-то пропасть. Материк на экране стал тошнотворно поворачиваться вокруг какой-то оси. Вадим провозгласил:

Всё от ужаса рыдает
И дрожит как банный лист.
Кораблем повелевает
Структуральнейший лингвист.

Анка вцепилась в Саула. Саул уронил портфель и вцепился в спинку Антонова кресла.

— Легче, легче, — говорил Антон. — Прوماхнешься.

— Не промахнусь.

— Тормоза! Ты же видишь — заносит...

— Я все вижу.

— Ох, грохнет он нас сейчас, — сказал Антон.

— Небось, небось, — приговаривал Вадим.

Экран замутился: Корабль вошел в атмосферу. Огромные облака изморози заискрились. Затем изображение на экране сменилось. В пестром хороводе закрутились холмы, поросшие лесом, желтые, синие, полосатые пятна.

— Обдуй, — приказал Антон.

— Знаю.

— Ох, промахнешься!

Вадим быстро сказал:

— Если перехватишь управление, я тебе не друг.

— Антон, немедленно возьмите у него управление! — завопил Саул.

Карусель на экране прекратилась, все вдруг быстро надвинулось, потемнело, и экран погас. Корабль вздрогнул.

— Вот и все, — сказал Вадим. Он потянулся, хрустя пальцами.

— Что — все? — спросил Саул. — Сломали?

— Сели, — сказал Антон. — Добро пожаловать на Саулу.

— Вы лихач! — объявил Саул, поворачиваясь к Вадиму.

— Да, Вадим у нас большой лихач, — сказала Анка одобрительно. — Слушай, Вадим, а что такое банный лист?

Вадим поднялся.

— Видишь ли, Анка, — сказал он, — этот вопрос еще не решен. В русском языке существует старинное выражение: дрожать как банный лист... По этому поводу есть несколько работ. Большинство исследователей считают, что банный лист — это такая жаровня, которую устанавливали в подах курных бань. Когда на раскаленный лист брызгали водой — это называлось «поддать пару» — лист начинал вибрировать...

Саул неожиданно заржал. Он ржал густо и с наслаждением, вытирая слезы кожаной перчаткой, топя башмаками. Никто ничего не понимал, но через минуту ржали уже все, кроме Вадима. Вадим оскорбился.

— Я предупреждал, — сказал он, — что этот вопрос не разрешен. В конце концов, Саул, если у вас есть другое мнение...

— Правда, Саул, чего вы смеетесь? — спросила Анка.

— Ох... — сказал Саул, — я так рад, что прибыл наконец на свою планету!

— И в конце концов я не специалист по истории русского языка. Моя специальность — структурный анализ...

Анке стало жалко Вадима и очень хотелось заступиться за него, но ей не хотелось усугублять положение. Она тем более не была специалистом по истории русского языка.

— Это совсем не интересно, — сказала она.

Вадим взбеленился.

— Зачем же ты тогда спрашивала?

— Я ничего не спрашивала, — сказала Анка.

Вадим смерил ее взглядом и предложил:

— Пойдемте наружу.

Все пошли из рубки. Саул придерживая Вадима под локоть, говорил:

— Простите меня, Вадим, за странную реакцию, но я занимался этими вопросами, и ваш вывод...

— Это не мой вывод, — отвечал Вадим, прижимая руку к груди, — это наиболее распространенная гипотеза!

— Это неважно. Эта ваша гипотеза настолько далека от истины, что я не мог удержаться...

Анка обогнала их и пошла рядом с Антоном. Они спустились к люку.

— Нет такого выражения: «дрожать как банный лист». Есть два выражения: «дрожать как осиновый лист» и «липнуть как банный лист». Эти выражения имеются в старинных словарях Даля и Ушакова...

— Но «липнуть как лист» — это примитивная идиома. Она восходит к липким листьям липы... Банный лист не может липнуть! Это не лист растения! Чего ради листья каких-то растений попадут в баню? Это смешно!

— О! — восклицал Саул. — Вот и видно, что вы не славяновед. Существовал обычай хлестать себя в бане березовыми вениками...

Ну и обычай, подумала Анка. Что-то Саул перепутал. Хотя чувствуется, что человек он знающий.

Антон вскрыл мембрану люка. Сырой холодный воздух хлынул в Корабль. За спиной Анки Саул замолчал на полуслове и крикнул:

— Осторожнее! Не выходите! Пропустите меня!

Антон, уже перенесший ногу через порог, остановился. Саул, держа над головой бластер, протиснулся вперед.

— Хотите ступить первым? — спросила Анка, смеясь.

— Да, — сказал Саул. — И вообще...

Он пролез в люк и остановился, заслоня собой выход. Анка полезла следом и боднула его в спину.

— Подождите минутку, — попросил Саул странным напряженным голосом.

Анку сзади подталкивали.

— Саул, — сказала она. — Отойдите в сторонку. Холодно очень.

Саул оглядывался, втянув голову в плечи и держа бластер наготове. Анка вылезла из люка и сразу увидела, что вокруг снег, и сверху тоже идет снег — большими ленивыми хлопьями. Корабль стоял среди однообразных высоких холмов, еле заметных на белой равнине. Под ногами из снега торчала кое-где короткая густая травка бледно-зеленого цвета и много мелких голубых и красных цветов. Анка с удивлением посмотрела на окаменевшего Саула и пошла куда глаза глядят, смахивая со щек щекочущие снежинки. Сзади Антон говорил:

— Саул, зачем вам эта машина? Если боитесь хищников, возьмите карабин. Хотя вряд ли на такой местности могут быть хищники.

Саул помалкивал. Вадим вдруг заявил:

— Во всяком случае, непонятно, почему должен дрожать именно осиновый лист. В бурю дрожит любой лист, а в безветрие...

Анка сорвала несколько цветков и поднялась на ближайший холм. Ноги скользили по тающему снегу. Кругом, на сколько хватал глаз, тянулась унылая холмистая равнина, заснеженная и однообразная. Небо было затянуто низкой серой пеленой, а на горизонте угадывались бледные очертания горного хребта. «Какая печальная планета», — подумала Анка.

«И поля, и горы —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто!»

Она замерзла и стала спускаться. Снег повалил гуще. Корабль черной горой возвышался на белом фоне, забавно изогнутая верхушка его уже следила за невидимой ЕН 7031. В стороне, шагах в тридцати от Корабля, Антон и Вадим что-то делали в снегу. Саула видно не было.

Анка подошла к ребятам.

— Вам не холодно? — спросила она.

Вадим похлопал себя по голым коленям.

— Ничего, мы сейчас вернемся.

Антон возился с круглым металлическим шаром величиной с мяч. Анка сразу поняла, что это эмбриомеханический зародыш, и спросила:

— Что это будет?

— Вездеход, — сказал Антон. — Сейчас мы пойдем в Корабль, надо поужинать, подогнать одежду, а часа через два вездеход вырастет и можно будет начать отпуск.

Они пошли к Кораблю. Из-за черного конуса вышел Саул. Бластер был у него за поясом, на лице изображалось нечто вроде разочарования.

— Кажется, я ошибся планетой, — сказал он.

— Ничего, это поправимо, — успокоил его Антон. — Мы здесь немного осмотримся, а потом можно будет переменить место.

Саул поглядел на яйцо, тускло отсвечивающее в снегу.

— А это вы оставляете? — спросил он. — Ведь его могут утащить.

Антон остановился и тоже посмотрел на яйцо.

— Кто его может утащить? — сказала Анка, стуча зубами. Ей хотелось внутрь.

— Аборигены, — сказал Саул.

Анка представила себе переживания аборигенов в тот момент, когда яйцо раскроется, и тоже остановилась.

— Ну какие здесь аборигены? — нетерпеливо спросил Вадим.

— Пойдемте, — сказала Анка решительно. — Тут на десять километров вокруг нет ни души, а через пятнадцать минут к яйцу будет не подступиться.

— Вам виднее, — сказал Саул и шагнул в люк.

А снег падал все гуще, засыпая цепочки следов — первых человеческих следов на Сауле.

ГЛАВА ПЯТАЯ

За ужином (или за завтраком, ибо день в этой части планеты только начинался) Вадим спросил:

— Саул, чем мы можем быть вам полезны?

Саул задумчиво прожевывал ломоть синтенищи. Затем он залпом выпил стакан воды и сказал:

— Очень странный привкус.

Все молча ждали. Саул отложил вилку и принялся медленно, привычными движениями набивать трубку.

— Не знаю, понравится ли это вам, — сказал он наконец. — Но я хотел бы, молодые люди, чтобы вы везде сопровождали меня. Это было бы самое ценное, чем вы могли бы мне помочь.

— А почему вы думаете, что попали не на ту планету? — спросила Анка. — Может быть, мы просто высадились не там, где надо?

— Не будем пока говорить об этом, — сказал Саул. — Совершим сначала поиск. — Он помолчал. — Мне нравится, что здесь снег, — сообщил он неожиданно.

— Мне тоже, — подхватила Анка. — Нашему «зайцу», если он не захочет сидеть невылазно в Корабле, придется оставлять следы.

— Какому «зайцу»? — спросил Антон. — А... этому? Ну, я думаю, он уже оставил следы сегодня утром.

Вадим, скромно опустив глаза, тихонько уплетал кислотовое пюре и хихикал про себя. Записку в дуло бластера засунул он, потому что считал себя не вправе упустить отличный шанс подыграть неведомому мистификатору — несомненно, мастеру своего дела. Никогда в жизни у Вадима не было такого интересного перелета, и Вадим был благодарен шутнику, кто бы он ни был.

— Кстати, Саул, — сказал Вадим. — А где ваш «Гиппо»? — Он очень искусно изобразил лязг закрываемого портфеля.

Саул вскочил. С минуту он соображал, похлопывая себя по карманам, затем бросился в рубку.

— Устроим спиральный поиск, — предложил Антон. — Сделаем десяток витков вокруг Корабля, а там видно будет...

Саул закричал из рубки:

— Капитан! Наш Корабль обстреливают!

Анка засмеялась:

— Какой воинственный человек, этот Саул...

— Не беспокойтесь, Саул! — крикнул Антон. — Это развивается зародыш!

Из рубки донеслось ворчание: видимо, Саул не поверил и осматривал местность в экран кругового обзора.

— Он все время ждет каких-то неприятностей, — сказала Анка шепотом. — Вы заметили?

— Еще бы, — сказал Вадим. — Один бластер чего стоит.

— Странный человек, — сказал Антон. — Надеюсь, мы чем-нибудь ему поможем.

Из рубки спустился Саул, держа портфель под мышкой.

— Пожалуй, вы правы, — сказал он, усаживаясь. — Жаль. Я ждал другого.

Вадим с любопытством смотрел на него. А чего ты ждал? — подумал он. Нападения? А зачем тебе нападение? Вадим не возражал бы против небольшого нападения. На него давно уже никто не нападал. С позапрошлого года, когда на Яйле один новичок принял его за Мангуса и с перепугу обстрелял его из карабина. К счастью, все эти новички стреляют отвратительно, но свист очереди стогаммовок над головой запомнился Вадиму надолго... Но чего же опасается Саул? Возможно, конечно, что он просто играет, хотя пора бы ему утихомириться. Или он уже бывал здесь?..

— Саул, — сказал Вадим. — Вы уже бывали здесь?

— Нет.

— А почему у вас такие тяжелые предчувствия? И чего вы вообще ждете?

Несколько секунд Саул снисходительно смотрел на Вадима.

— Я жду непредвиденного. Смею напомнить, что мы находимся на планете, о которой ничего неизвестно. Ее астрономические характеристики... — он помедлил, — и то, что знаю я, не в счет. Непредвиденное далеко не всегда приятно.

— Что и ценно, — негромко сказала Анка.

— Что?

— Я говорю: что и ценно. Было бы скучно, если бы даже на неизвестной планете нас ждали только приятные неожиданности.

— Милая девушка, я говорю не о хищниках, которые, видите ли, таинственно режут в ночи.

— Понятно, — сказал Вадим. — Вы говорите о людях. Обстрелы и все такое.

— Да! Люди! Да! Обстрелы! Да! И все такое! О чем мы пока не имеем ни малейшего представления!

— Слушайте, Саул, вы не шутите? — спросила Анка.

— Я никогда не шучу.

Похоже на то, подумал Вадим. И похоже на то, что ты не только никогда не был на этой планете, но и вообще не был на других планетах. И похоже на то, что ты вообще всю свою жизнь просидел в библиотеке, занимаясь теоретическими изысканиями в духе Фрейда и этого бедняги... как его...

— По-моему, спор не имеет смысла, — сказал он.

— Вы считаете, что здесь могут оказаться люди? — спросил Антон.

— Я считаю, что мы должны беречь друг друга, — сказал Саул.

— Но от кого беречь? — спросила Анка. — От кого? Представьте себе, Саул: рядом с вашим домом опускается звездолет. Неужели вы приметесь палить по ним из вашего разрядника?

— Я — нет, — сказал Саул.

— А кто — да? Я? Или Вадим? Правда, он очень любит стрелять...

— Я никогда не стреляю по людям, — сказал Вадим важно.

— Речь идет не о нас с вами, — сказал Саул. — Речь идет о местных жителях...

— Я никогда не думаю о других хуже, чем о себе, — сказал Вадим.

Саул угрюмо промолчал.

Антон сказал поднимаясь:

— Найти здесь людей — это было бы замечательно. Об этом можно только тихо мечтать...

— Пусть они даже в нас постреляют немножко, — сказал Вадим. — Я согласен потерпеть.

— Мальчики, — сказала Анка. — Может быть, вездеход уже готов?

Антон взглянул на часы.

— Да, пора, — сказал он. — Одевайтесь.

Одежда на Корабле была безразмерная, но разница в росте между Саулом и Анкой оказалась все-таки слишком велика. Поэтому одежду пришлось подгонять: куртку для

Саула растянули, а куртку для Анки сжали. Занимался этим Саул, и всем стало ясно, что он действительно умеет варить пластик.

Когда все оделись, Саул сказал:

— Я бы все-таки советовал взять карабин.

Один карабин взяли, чтобы не затевать спора. Кроме того, у Вадима еще теплилась надежда на встречу с каким-нибудь крупным хищником.

Они вышли из Корабля — впереди Саул с бластером, за ним Вадим с карабином, потом Анка с кинокамерой и, наконец, Антон с мешком, в котором лежали продукты и аптечка.

Они сразу же провалились по колено в снег. Снег был яркий, пушистый и от него вкусно и свежо пахло. В тридцати шагах от Корабля, там, где было оставлено Яйцо, зияла громадная яма-проталина, от нее поднимался густой пар. А на краю ямы стоял новый, с иголки, блестящий глайдер-антиграв типа «тако» — отличная шестиместная машина, очень популярная у Десантников и Следопытов.

Снег больше не падал. Небо было совершенно белое, невысоко над горизонтом светилось слепящее пятно — ЕН 7031. Холмов совершенно не было видно в этой белизне, но на востоке отчетливо проступили серо-синие очертания скалистых гор.

Вадим, проваливаясь в снегу, побежал к «тако». Гладкие борта машины были еще теплыми, а в кабине было даже жарко. Вадим слепил снежок и кинул в Анку, которая целилась в него кинокамерой. Карабин мешал кидать, и снежок попал в лоб Саулу. Саул крикнул, засунул бластер за пояс и зачерпнул огромной перчаткой чудовищный ком снега. Вадим бросил карабин в кабину, слепил еще один снежок и попал на этот раз в Антона, заравнивавшего люк. Вадим слепил третий снежок, но тут Саул с сожалением отряхнул перчатки и проворчал:

— Пора двигаться. Играть будем на Земле.

«Скучный человек — Саул», — подумал Вадим и залепил снежком в Анку. Затем он влез в кабину и устроился в водительском кресле. Он включил двигатель и поднял глайдер на полметра над землей. Снег под глайдером задымился — это клубилась изморось. Вадим подогнал глайдер к Кораблю, и все уселись. Мстительная Анка сунула Вадиму за шиворот пригоршню снега. Саул закурил трубку. Антон сказал:

— Ну, трогай.

— Куда прикажете? — спросил Вадим.

— Прямо, — сказал Саул.

Вадим пошевелил лопатками, чтобы снег провалился поглубже и быстрее растаял, крепко взялся за руль и с криком «Даешь непредвиденное!» с места взял полный ход. Глайдер понесся над снежной равниной, оставляя за собой плотную стену измороси.

Это было изумительно. Вадим медленно наращивал скорость, и двигатель тихо выл от собственной мощи, и бешено неслась под днище белая равнина.

— Выше! — приказал Саул.

Вадим перевел двигатель в режим прыжка. Глайдер взлетал к низкому небу, делая двухкилометровые прыжки, и каждый раз равнина словно распаивалась под ними, и было видно, что на десятки километров в округе — одно и то же: снег, снег, снег...

В «Комментариях к пройденному» рассказано, что Авторы, следуя исходному замыслу и не очень представляя, чем все это должно закончиться, написали несколько глав, но затем работа остановилась. БНС вспоминает: «Ощущение тупика не проходило, оно усиливалось с каждой страницей. Стало ясно, что писать этот сюжет мы не хотим. Писать его неинтересно. Какое, черт побери, нам дело до всех этих молодых бездельников и до психологических над ними экспериментов?»

Спустя недолгое время возникла спасительная идея «сделать дядьку-психолога пришельцем из прошлого», сбежавшим из XX века то ли прямо с допроса, то ли из лагеря. И это помогло: «Весь план тут же, в ту же ночь, за несколько часов оказался вывернут наизнанку, выстроен заново и засверкал неопишуемыми возможностями и перспективами...»

К этому периоду относятся два сохранившихся рукописных наброска. Первый из них сделан рукой АНС. Это конспект событий, многие из которых в более или менее похожем виде можно найти и в окончательной редакции повести:

...в деревню. Все загажено нечистотами. Вадим спускается в один из подвалов: луч света выхватывает из вонючего мрака голые тела, блестящие глаза, скорченные руки, липкую грязь под ногами. И мертвая тишина. Вадим возвращается наверх. Дорогу ему преграждают четверо надзирателей. Грубо толкают. Веревки. Обнаженный меч. Драка: Вадим всех раскидал, они лежат. Вадим машинально нагибается, чтобы помочь подняться одному — тот бьет его мечом в бок. Меч не пробивает пластика. Вадим отбирает меч, возвращается в глайдер. На другой стороне шеренга надзирателей молча смотрит на них. Вадим швыряет меч в глайдер, молча садится на место (Саул на этот раз не держит бластера), глайдер уходит из деревни. За первым же холмом Вадим сажает глайдер.

Интонация! Надсмотрщики кричат приказы умоляющими голосами!

4. «В чем дело?» — раздраженно спрашивает Саул. «Необходимо выяснить. Нужно взять «языка». Нужно допросить и узнать, что здесь происходит». Они с Саулом прокрадываются обратно в деревню. Луна и вой из землянок. Идут надсмотрщики. Скрипит снег. И выезжает надсмотрщик в упряжке из десятков людей. Вадим хочет брать одного из патрульных, но Саул предлагает взять посыльного. Так и поступают. Дают ему отъехать на километр, нагоняют на глайдере и захватывают. А может, лучше захватить каторжника?

Второй фрагмент сделан почерком БНС. Эта сцена затем вошла в повесть в значительно сокращенном и переработанном виде, с сохранением из множества реплик Вадима и Саула лишь наиболее ярких и интересных фрагментов. А в первоначальном виде (с учетом всей сделанной правки) это выглядело так:

— Вас зовут Вадим?

— В общем, да.

— А по отчеству?

— Что?

— Ах да, простите... А сколько лет?

— Двадцать два локальных.

— Локальных? Ну да, конечно. Как вы говорите — локальных?

— Да, в старых экспедициях не участвовал.

— Не участвовали... Что же вы так? Впрочем, это неважно. А папаша ваш, извините, кто будет?

— Не знаю, он сам себе хозяин.

Смотрит с изумлением. Вадим поясняет.

— Сейчас он мелиоратор. А кем будет?..

— Понимаю, понимаю. Я это и имел в виду... Красивый какой стол.

Вадим тоже потрогал стол.

— Ничего, прочный.

— Ну, а матушка?

— Матушка... Кормилица? Она у меня... это... стационарный смотритель. Работает на мезоядерной станции.

— А сами вы, значит, лингвист?

— Честь имею.

Барабанит пальцем нервно.

— Дело в том, что я люблю летать, но образ жизни мой... весь в двадцатом веке. Я, так сказать, специалист... Книжный, так сказать, червь... Всегда в музеях, всегда с книгами.

— Понимаю. Влияние обстановки...

- А вы, простите, женаты?
- То есть?
- Э-м-м!.. Семья у вас есть?
- Трое братьев...
- А... э-э... дети?
- Детей нет. Чего нет, того нет.
- Расскажите что-нибудь о своей работе.
- Может быть, не надо? Я отрешился от земного.
- Как, совсем не думаете о работе?
- Я думаю о работе, когда я работаю. А сейчас я работаю суперкарго. Хотя...

Хотите я расскажу, как сжег вычислитель?

- Нет, я хотел бы что-нибудь обыденное. Будни. Трудовые будни...
- Вот. Лежу это я однажды на вычислителе и думаю. Час думаю, два думаю.
- Ну, ну. И что?
- Пять часов думал — ничего не придумал. Ну и пошел.
- Куда?

Вадим морщится вспоминая.

- Да! В зоопарк!
- Почему в зоопарк?
- Так, люблю зверей.
- А работа?
- Ну, на следующий день пришел и опять стал думать.

Саул смотрит подозрительно.

- И опять думали пять часов и — в зоопарк?
- Нет. Думать не пришлось — сгорел анализатор.
- А вы — <в> зоопарк?

— Нет, мы чинили анализатор. До следующего утра чинили. Заодно и модернизировали, а то он у нас был старенький.

— Ну, а развлекаетесь вы как?

— Большой частью думаем. Ну, на буерах гоняю. Вам не приходилось гонять на буерах?

— Э-э... нет.

— Когда-нибудь я вас покатаю. У вас какой индекс здоровья?

Саул покраснел.

— Я давно не мерялся. Но я здоров. А над чем вы теперь работаете?

— Над сверткой разобщенных структур алломорфной цепью.

— А зачем это нужно?

— Что значит — зачем?

— Кому от этого будет польза?

— Право, не знаю...

— Ну а вообще чего вы добиваетесь? Какая ваша цель?

— Странный вопрос! Я — позитивист. Цель — знать.

— А к испытаниям вы готовы?

— К каким?

— Например, холодом, голодом... Нет, скажем, у вас много друзей?

— Много.

— А врагов?

— Много!

— Интересно. Но сначала первый вопрос. Готовы вы к тому, чтобы потерять друзей?

— Нет. С какой стати мне их терять?

— Ну, скажем, Антон погибнет. Что вы будете делать?

— Плакать, наверное.

- А если Антон поступит с вами нехорошо?
- Антон? Ну что вы! В каком смысле нехорошо?
- Ну, например, отвернется от вас.
- Не представляю, что я должен сделать, чтобы Антон отвернулся. Но если бы я это сделал, мне было бы уже не до Антона.
- Пусть вы серьезно влюбились.
- Пусть.
- А это жена Антона.
- Вадим задумался.
- Странные вы ситуации создаете.
- А все-таки?
- Ну, это будет очень плохо. Мне придется расстаться с Антоном.
- А если эта женщина тоже очень вас полюбит?
- Не знаю. Тогда Антону придется расстаться с обоими.
- А как подружились с Антоном?
- Еще с интерната. Он был моим старшим.
- И с тех пор дружите непрерывно?
- Нет, не непрерывно. В интернате мы вообще не дружили — он был старшим. Я-то его всегда любил. А ему, наверное, понравилось то, что из меня вышло.
- А другие ваши друзья?
- Сотрудники по институту. По спорту.
- Вы к ним так же относитесь, как к Антону?
- Вадим подумал.
- Нет, не так, конечно. Ведь Антон был старшим.
- Ну, а кто же ваши враги?
- Вам нужны имена?
- Нет, общий принцип.
- Во-первых, те, что смотрят на меня свысока. Во-вторых, самодовольные дураки.
- А почему на вас смотрят свысока?
- Я тоже не понимаю.
- И как вы себя с ними ведете?
- Я стараюсь их искоренять.
- Как?
- Любым образом. В спорте, на дискуссиях.
- И удастся?
- Когда как.
- А может быть, они правы?
- То есть вы считаете, что может быть прав человек, который смотрит свысока?
- Предположим.
- Не могу предположить.
- А может быть, вы просто сварливый человек?
- Я?
- Вы.
- А почему NN со мною дружат?
- А они такие же.
- Не надо так говорить. У меня, конечно, есть недостатки. Но это не дает никому права смотреть на меня свысока.
- А сами вы смотрите на кого-нибудь свысока?
- По-моему, нет. Я смотрю на всех радостно. Даже на врагов. Они исправятся.

Итак, Авторы нашли столь необходимую им «точку опоры» — и все снова стало получаться, работа пошла, тупик был преодолен.

Из «Комментариев» БНС: «Повесть написана была на одном дыхании — за две-три недели — и получила название “Возлюби ближнего”, очень скоро, впрочем, переделанное на “Возлюби дальнего”».

Рукопись следующего за «нулевым» варианта повести (логично считать его первым) в оригинальном виде заглавия не имеет. Собственно говоря, это даже и не новая рукопись, а результат переделки того, что Авторам уже удалось написать. В новой версии больше нет ни Анки (страницы с ее участием изменены или вовсе изъяты), ни всяческих странностей на борту корабля. (Кстати, идея мистификации с якобы занятым душем потом пригодилась в совсем ином антураже — в «Отеле “У Погибшего Альпиниста”».) А следом за переработанной концовкой «нулевого» варианта (с самого конца второй главы окончательной версии) и до конца повести идет совершенно новый текст.

Составители решили представить этот вариант под заглавием «Возлюби дальнего» в целостном виде, как можно ближе к новому авторскому замыслу. Реконструкция начальных фрагментов повести выполнена С. Бондаренко: за основу взят уже известный нам «нулевой» вариант, но на сей раз с учетом всех внесенных в исходную рукопись поправок, вставок и изъятий. Остальная часть текста первого варианта дается по авторской машинописи.

Разбиение на главы в рукописи делалось без нумерации, вместо этого использовались различные условные метки. В нижеследующем тексте главы нумеруются согласно окончательной версии повести, где их число и порядок уже не изменялись.

ВОЗЛЮБИ ДАЛЬНОГО

I

— Чудесный сегодня будет день, — сказал вслух Вадим.

Он стоял перед распахнутой стеной, похлопывая себя по голым плечам, и глядел на серое небо. Ночью был дождь: трава была мокрая, кусты были мокрые, и крыша соседнего коттеджа тоже была мокрая. А на тропинке блестели лужи. Вадим подтянул трусы, спрыгнул в сад и побежал по тропинке. Глубоко, с шумом вдыхая сырой утренний воздух, он бежал мимо отсыревших шезлонгов, мимо мокрых ящиков и тюков, мимо соседского палисадника, где, выставив напоказ внутренности, красовался полуразобранный «колибри», через мокрые, пышно разросшиеся кусты, между стволами мокрых сосен, не останавливаясь, прыгнул в озеро, выбрался на противоположный берег, поросший осокой, а оттуда, разгоряченный, очень довольный собой, все наращивая темп, помчался обратно, перепрыгивая через огромные спокойные лужи, распугивая маленьких серых лягушек, прямо к лужайке перед Антоновым коттеджем, где стоял Корабль.

Корабль был совсем молодой, ему не исполнилось и двух лет. Черные матовые бока Корабля были абсолютно сухи и едва заметно колыхались, а острая вершина была сильно наклонена и направлена в ту точку серого неба, где за тучами находилось солнце: Корабль по привычке набирал энергию. Высокая трава вокруг Корабля была покрыта инеем, поникла и пожелтела. Это был приличный, тихого нрава Эпсилон-Д-звездолет типа «Турист». Рейсовый рабочий звездолет за ночь выморозил бы весь лес на десять километров вокруг.

Вадим, не снижая скорости и оскальзываясь на поворотах, обежал Корабль и направился домой. Пока он, стеноя от наслаждения, растирался мохнатым полотенцем, из дачи напротив вышел сосед с демонтером в руках. Соседу было полтора года, и он день-денекской возился со своим «колибри». Все было втуне, «колибри» летал как-то странно. Сосед помахал Вадиму демонтером.

— Вадим, у тебя нет БЭ-6? — спросил он.

— Что, помутнел? — спросил Вадим, высовываясь.

— Не знаю. У него ненормальная характеристика.

— Я могу связаться с Антоном, — предложил Вадим. — Он сейчас в городе. Пусть привезет вам парочку.

Сосед подошел к птерокару и стукнул его демонтером по носу.

— Что ж ты не летаешь, ублюдок? — сказал он сердито.

Вадим принялся одеваться.

— Биоэлементы, — ворчал сосед, запуская демонтер во внутренности «колибри». — Кому это надо? Живые механизмы! Ни монтажа, ни электроники. Простите, но я не хирург. — Птерокар дернулся. — Тихо, ты, животное, стой смирно! — Он извлек демонтер и повернулся к Вадиму. — Это негуманно, наконец! — сказал он. — Бедная испорченная машина превращается в сплошной больной зуб. Или, может быть, я слишком старомоден? Мне ее жалко, ты понимаешь?

— Мне тоже! — пробурчал Вадим.

— Что?

— Я говорю: хотите, я посмотрю?

Сосед некоторое время переводил взгляд с демонтера на птерокар и обратно.

— Нет, — сказал он. — Я не хочу применяться к обстоятельствам. Я его заставлю летать.

Вадим сел завтракать. Он включил стереовизор и положил перед собой книжку «Новейшие методы выслеживания тахоргов». Книга была старинная, читанная-перечитанная еще дедом Вадима. На обложке был изображен пейзаж Пандоры с двумя крупными тахоргами на первом плане.

Вадим ел, листал книжку и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что-то о боях критиков по поводу эмоциализма.

— Эмоциализм, — со вкусом сказал Вадим и откусил от бутерброда с козьим сыром. — Уродливая преобладающая форма. Приятно думать, что это слово останется на Земле и наверняка умрет к моему возвращению...

Он встал и, жуя, подошел к распахнутой стене.

— Дядя Саша! — крикнул он. — Вам ничего не слышится в слове «эмоциализм»?

Сосед, заложив руки за спину, стоял перед развороченным птерокаром. «Колибри» трясся, как дерево под ветром.

— Что? — сказал сосед не оборачиваясь.

— Слово «эмоциализм», — повторил Вадим. — Я уверен, что в этом слове слышится похоронный звон, видится нарядное здание крематория и чувствуется запах увядших цветов.

Дядя Саша свирепо уставился на него.

— В моем возрасте еще рано думать о крематории, — сказал он.

— Речь идет не о вас, — пояснил Вадим. — Я говорю о слове «эмоциализм».

— Отвратительное звуко сочетание, — искренне сказал старик.

— Безграмотный преобладающий, — подтвердил Вадим. — Я рад, что вы это тоже чувствуете. Послушайте, а где демонтер?

— Я уронил его внутрь, — сказал дядя Саша.

Некоторое время Вадим, жуя бутерброд, разглядывал мучительно трепещущий птерокар.

— Знаете, что вы сделали? — сказал он. — Вы замкнули на демонтер дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он вам привезет другой демонтер.

— А этот?

Вадим махнул рукой.

— Смотрите! — сказал он, показывая остаток бутерброда. — Видите? — Он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

— Ну? — с интересом спросил дядя Саша.

— Такова в наглядных образах судьба вашего демонтера.

Дядя Саша посмотрел на птерокар. Птерокар перестал вибрировать.

— Все, — сказал Вадим. — Нет вашего демонтера. Зато «колибри» теперь заряжен часов на сто пятьдесят.

Сосед пошел вокруг птерокара, бесцельно трогая его за разные части. Вадим засмеялся и вернулся к столу. Он доедал второй бутерброд и допивал второй стакан простокваши, когда щелкнул замок информатора и собственный Вадимов голос сказал:

— Вызовов и посещений не было. Антон желает доброго утра. В информарий института поступило девять новых задач. Задача «О свертке разобщенных структур алломорфной цепью» пока не решена. Пэл Минчин доказала теорему о существовании полиномиальной операции над Ку-полем структур Симоняна. Адрес: Ричмонд, 17–17–7. Всё. — Информатор щелкнул, помолчал и добавил: — Не огорчайся, не огорчайся, не огорчайся.

— Балбес, — сказал Вадим. — Чему же тут огорчаться! Ай да Пэл!

Он задумался, глядя в сад.

— Нет, — сказал он. — Сейчас все это долой. Потом. Через месяц.

Он собрал грязную посуду и швырнул в мусоропровод.

— На тахоргов! — заорал он. — Украсим наши кабинеты черепами тахоргов! — И он запел:

Пусть тахорги в страхе воют,
Издавая визг и писк!
Ведь на них идет войною
Структуральнейший лингвист.

На соседней даче хлопнула дверь.

— Теперь так, — сказал Вадим. — Где радиодфон? — Он набрал номер. — Антон? Как дела?

— Стою в очереди, — ответил Антон.

— Ай-яй-яй! И все на Пандору?

— Многие, — меланхолично отозвался Антон. — Кто-то распространяет слух, что скоро охота на тахоргов будет запрещена.

— Но мы-то успеем?

Антон некоторое время молчал.

— Успеем, — сказал он.

— А девушки там рядом есть?

— Есть!

Вадиму послышалось, что кто-то хихикнул.

— Передавай им привет. Слушай, Антон, что я хотел тебе сказать? Да! Привези, пожалуйста, дяде Саше демонтер. И пару БЭ–6. И заодно БЭ–7.

— И заодно новый птерокар, — сказал Антон. — Что этот старец сделал со своим демонтером?

— Ну как ты думаешь, что можно сделать с демонтером?

— Не знаю, — сказал Антон, подумав. — Демонтер — это вещь на века, как Баальбекская платформа.

— Он его скормил своему «колибри».

Было слышно, как захохотало сразу много голосов. Очередь развлекалась.

— Ладно, — сказал Антон. — Жди, я скоро буду. Начинай погрузку.

Вадим сунул радиодфон в карман и прикинул через три комнаты расстояние до выхода.

— Пожалуй, достаточно, — сказал он.

Он разбежался и пошел к выходу фляками. На крыльце он сделал арабское сальто и с криком «У-ух!» упал на четвереньки в траву перед крыльцом. Поднявшись и почистив руки, он произнес с выражением:

На войне и на дуэли
Получает первый приз
Символ счастья и веселья —
Структуральный лингвист.

Затем он неторопливо отправился на аллею, где были свалены тюки и ящики. Груза было довольно много. Надо было везти с собой оружие, боеприпасы, запас пищи для инициирования цикла, одежду — отдельно для охоты и отдельно — чтобы посетить знаменитое кафе «Охотник» на плоской вершине Эверины, где между столиками вольно гуляет пряный ветер Пандоры, а под обрывом, на трехсотметровой глубине громоздятся, подобно грозовым тучам, непроходимые черные заросли сельвы; где исполосованные колючками охотники с хохотом осушают пузатые фляги «Крови тахорга» и вывихивают плечи в тщетных попытках показать, какой череп они могли бы добыть, если бы знали, с какой стороны у карабина приклад; где в темно-зеленых сумерках пары скользят на усталых ногах в «Светлом ритме», а над хребтом Смелых поднимаются в беззвездное небо две зыбких сплюсненных луны.

Вадим присел на корточки спиной к самому тяжелому ящику, приладился и рывком поднял ящик на плечи. В ящике было оружие — три автоматических карабина с прицелами для стрельбы в темноте и шесть сотен патронов к ним в плоских пластмассовых обоймах. Пружина при каждом шаге, Вадим понес ящик через весь сад к Кораблю. Зайдя со стороны приемника, он пнул ногой в борт. Мембрана, затягивавшая овальный люк, лопнула, и Вадим свалил ящик в темноту, из которой пахло холодом.

Вадим пошел обратно, обрывая на ходу с кустов громадные ягоды какого-то гибрида. И каждый куст сбрасывал на него заряд холодного крупного дождя.

Он перенес на Корабль четыре больших ящика с живым мясом, восемь ящиков с овощами и фруктами, два мягких тюка с одеждой и еще один большой ящик с корявой надписью: «Шкатулка для Пандоры». В этом ящике были подарки для старожилы Пандоры.

Где-то за тучами солнце поднималось все выше и выше, становилось жарко. Все вокруг высыхало. Лягушки попрятались в траву. В пустых коттеджах с шелестом распаивались стены. Дядя Саша вынес сухой шезлонг и разлегся возле своего «колибри» с газетой.

Вадим кончил перетаскивать груз и пристроился к кусту крыжовника.

— Итак, вы улетаете, — сказал дядя Саша.

— Угу.

— На Пандору улетаете.

— Ага.

— Вот тут пишут, что пандорским сельвам приходит конец.

— Ничего, — сказал Вадим. — Успеем.

Дядя Саша помолчал и сказал негромко:

— Жаль, что вы улетаете. Скучно мне здесь будет одному.

Вадим перестал жевать.

— Так мы же вернемся, дядя Саша. Через месяц.

— Все равно, — сказал дядя Саша. — Я на этот месяц вернусь в город. Что я здесь один буду делать в пяти коттеджах. — Он посмотрел на «колибри». — С этим ублюдком. Полуживым.

В небе послышалось негромкое фырчанье.

— Вон еще один летит, — сказал дядя Саша.

Вадим задрал голову. Невысоко над поселком медленно выписывал восьмерку ярко-красный «рамфоринх». На тощем брюхе четко выделялся белый номер.

— Это я тоже могу, — сказал дядя Саша. — Вы, голубчик, спикуйте винтом, и не боком, и не в пруд, а рядом.

«Рамфоринх» улетел. На бетонной дорожке за парком послышалось сопение атомокара.

— В нашем поселке становится оживленно, — сказал дядя Саша. — Движение как на Невском.

— Это Антон вернулся!

Вадим вскочил и побежал к Кораблю. Антон загонял машину в гараж. Выйдя из гаража, он рассеянно сказал:

— Все в порядке, Димка. Рад сообщить, что штурманскую книгу я зарегистрировал и «добро» получил. А как у нас с погрузкой?

— Всё в порядке, капитан, можно стартовать.

— А как у нас в доме? Прибрано ли?

— В чьем доме?

— Например, в моем...

— Нет. Я только что кончил грузить.

Низко над крышами снова пролетел красный «рамфоринх». Антон поглядел.

— Что за притча! — удивился он. — Опять ЦЩ-278! По-моему, я стал объектом пристального внимания. Этот красный «рамфоринх» с бортовым номером ЦЩ-278 преследует меня с Дворцовой площади...

— Не замешана ли здесь женщина? — осведомился Вадим.

— Не думаю. Скорее, это какой-нибудь тайный покровитель тахоргов.

«Рамфоринх» снова пролетел над головами и вдруг затих.

— Это, наверное, к дяде Саше, — сказал Вадим. — Пойдет на запасные органы. Кстати, ты привез?

— Привез, — сказал Антон, глядя мимо него. — Нет, это не к дяде Саше...

Из-за кустов появился высокий костлявый человек в широкой белой блузе и в белых брюках. У него было очень смуглое худое лицо и большие коричневые уши. В руке он держал объемистый портфель.

— Он! — сказал Антон.

— Кто?

— Человек в белом. Он все время терся около очереди в регистрационной...

— Сейчас я ему объясню, — сказал Вадим, — что тахорги — вредные и гнусные твари.

Человек в белом подошел вплотную и внимательно осмотрел обоих охотников.

— Вы знаете, что тахорги нападают на людей и иногда серьезно калечат их? — осведомился Вадим.

— Что вы говорите? — сказал человек в белом. — Тахорги? В первый раз слышу. Впрочем, в этом я ничего не понимаю. Я пришел к вам с просьбой.

— Мы вас слушаем, — сказал Антон.

— Вы, кажется, летите на Пандору?

— Да.

— Охотиться?

— Да, конечно.

— Значит, если я вас правильно понял, вы летите на Пандору, чтобы отдохнуть?

— Да, — сказал Вадим. — Если охоты на тахоргов можно считать отдыхом.

— А можно?

— Конечно, можно.

Незнакомец явно обрадовался.

— Отдыхать так отдыхать, не правда ли? — спросил он и бросил портфель себе под ноги.

В портфеле что-то глухо брякнуло. Это было огромное, набитое битком сооружение из облезлой кожи с двумя медными застежками. «По-японски «портфель» будет «кабан», — подумал Вадим. — Японцы правы».

— У меня есть другое предложение, — сказал незнакомец. — Мне очень нужно на ЕН 7031. Это заурядный желтый карлик второй окрестности. Там есть планетная система, и там еще никто не был, а мне очень нужно туда.

Ребята переглянулись.

— Видите ли, — сказал Антон. — Мы всю зиму мечтали поохотиться на тахоргов.

— Да, — сказал Вадим. — Лично я уже раздарил черепа своих неубитых тахоргов знакомым.

— Молодые люди, — сказал незнакомец. — Вы меня удивляете. Неужели вас действительно влечет обжитая Пандора с электрифицированными джунглями и с туристическими базами на каждой опушке? Смешно и грустно глядеть на вас. А мне совершенно необходимо попасть на ЕН 7031.

Вадим посмотрел на Антона. Положение было тяжелое. Человеку, который едет развлекаться, трудно спорить с человеком, которому нужно ехать по делу.

— Может быть, у вас есть ко мне какие-нибудь вопросы? — с вызовом сказал незнакомец.

У Вадима было два вопроса. «Действительно ли вам так уж нужно на ЕН 7031?» и «Что вы можете нам там обещать хорошенького?» Но оба вопроса никуда не годились. Было в них что-то от торговли духовными ценностями. Поэтому он спросил:

— Как вас зовут?

Незнакомец оживился.

— Итак, вы согласны? — сказал он. — Меня зовут Саул. Саул Репнин. Я историк. Могу варить завтраки, обеды и ужины, плов, сталь, пластмассы, керметы, выращивать биокристаллы, лук, хлебное дерево, проектировать, говорить на русском, английском, французском, испанском, португальском, японском, китайском...

Ребята оторопело смотрели ему в рот.

— ...работать со счетно-логическими устройствами, водить птерокары, вертолеты, атомокары и дорогоукладчики, чинить одежду и обувь, датировать археологические слои по керамике, засыпать и просыпаться в любой момент, сочинять белые стихи и творить фокусы. Вот и все.

— Жалко, что вы не умеете водить звездолет, — сказал Антон.

— Ничего. Звездолет умеете водить вы. Я только вторично подчеркиваю, что в системе 7031 еще никто и никогда не был. Я уверен, что скучать вам там не придется. А мне туда очень нужно.

— Я вас беру, — решительно сказал Антон. — Не вздыхай, Димка. Пора и тебе посмотреть на странные пейзажи безымянных планет.

— Я вздыхаю от восторга, — сказал Вадим и вздохнул. «В конце концов, что такое тахорги? Громоздкие и всем известные животные».

Саул любезно сказал:

— Надеюсь, я не вырвал согласие силой. Надеюсь, ваше согласие является в достаточной степени добровольным.

— Ну разумеется, — ответил Вадим. — Что такое свобода? Осознанная необходимость...

— Саул, — сказал Антон. — Старт в двенадцать ноль-ноль. Ваша каюта третья. Пойдемте, я вам покажу.

Саул нагнулся за портфелем, и у него из-за пазухи выскользнул и мягко шлепнулся на траву тяжелый черный предмет. Антон крикнул. Это был бластер — тяжелый длинноствольный пистолет-дезинтегратор, стреляющий тысячевольтными разрядами. На всей Планете было не больше сотни экземпляров этого страшного оружия, и оно выдавалось только капитанам сверхдальних десантных звездолетов.

— Какой я неуклюжий, — пробормотал Саул, подобрал бластер и сунул его подмышку. Затем он поднял портфель. — Я готов, — объявил он.

Антон некоторое время смотрел на него, словно хотел спросить о чем-то, но сказал только:

— Пойдемте, Саул. А ты, Вадим, прибери дома и отнеси старику инструмент. Он в багажнике. Я имею в виду инструмент.

— Слушаюсь, — сказал Вадим и пошел в гараж.

«Тахорг — это тупой зверь, — думал он. — И по-настоящему хорош только первый тахорг. А вот если на всю систему ЕН 7031 будет хотя бы только один Саул и больше ничего — это уже сделает отпуск небезынтересным». Он забрал из багажника демонтер и биоэлементы и отправился к дяде Саше. Старик сидел на корточках под красным «рамфоринхом».

— Дядя Саша, — сказал Вадим. — Вот вам демонтер и...

— Не надо, — сказал дядя Саша. Он вылез из-под «рамфоринха». — Мне подарили вот это. — Он похлопал «рамфоринха» по полированному боку.

— Подарили?

— Да, один молодой человек, весь в белом.

— Ах, вот как, — сказал Вадим. — Значит, он был уверен, что улетит с нами! Или, может быть, он намеревался прорываться в наш Корабль с боем?

— Что? — сказал дядя Саша.

— Дядя Саша, — сказал Вадим. — Вы знаете, что такое бластер?

— Бластер? Да, знаю, конечно. Это микроразрядное устройство на ткацких автоматах. Правда, теперь они безнадежно устарели, но, помню, лет семьдесят назад у меня с ними... А что, этот человек в белом тоже старый ткач?

— Ткач? Может быть, он и ткач тоже. Но бластер у него, дядя Саша, не микроразрядный.

Вадим повернулся и пошел к своему коттеджу. Дома он бросил постельное белье в мусоропровод, переключил хозяйственную автоматику на режим отсутствия и, выйдя на крыльцо, написал карандашом на двери: «Уехал в отпуск, прошу не занимать». Затем он отправился к Антону. При уборке Антонова коттеджа он пел песенку про то, что «дядю в белом не боится структуральнейший лингвист», и в доказательство прошелся по комнатам на руках, заглядывая во все углы.

Когда он вернулся к звездолету, Корабль был готов к старту. Верхушка его больше не следила за солнцем, и иней на траве вокруг исчез.

Вадим удобно устроился в люке, свесив ногу. Он смотрел на Антонов коттедж с распахнутой стеной, на зеленые кроны сосен, на низкие облака, в которых то появлялись, то исчезали голубые протайны. «Хорошо, — подумал он. — Славно. Целый месяц неизвестных планет и таинственных незнакомцев. Надо будет обязательно попросить у него бластер пострелять».

— Антон, — крикнул он, — я на борту!

— Хорошо, — откликнулся Антон. — Старт через минуту.

Из-за деревьев, безобразно крутя хвостом, появился тощий красный «рамфоринх» и, неестественно завывая, начал описывать вокруг Корабля круг почета. Дядя Саша, откинув фонарь, махал чем-то белым. Вадим помахал в ответ.

— Старт! — объявил Антон.

Корабль шевельнулся и, мягко оторвавшись от земли — Вадим успел оттолкнуться от травы ногой, — стал подниматься в небо.

— Димка! — крикнул Антон. — Закрой, пожалуйста, люк! Сквозит!

Вадим в последний раз помахал дяде Саше, поднялся и зарастил люк.

II

Корабль шел на большой высоте на север по меридиану. Антон передал управление на киберштурман и сидел, развалившись в пилотском кресле, сложив руки на животе и

задумчиво глядя на обзорный экран. Вокруг было густо-фиолетовое небо стратосферы, а внизу — матовое мутное белое одеяло облаков. Облака казались гладкими и ровными, только кое-где угадывались провалы исполинских воронок над макропогодными станциями. Синоптики, пролив над Европой дождь, загоняли облака в ловушки. Некоторое время Антон размышлял, откуда взял Репнин-историк такое специфическое снаряжение, как бластер. Эта мысль привела его к более общей мысли — зачем Репнин стремится на захудалую, ничем не примечательную систему. Он включил бортовой каталог и выяснил, что ЕН 7031 желтый карлик находится в ста пятидесяти двух парсеках от Солнца, имеет планетную систему из четырех планет, что обследование этой системы по плану намечено на начало следующего столетия. Антон пожал плечами. В конце концов, зачем я собирался на Пандору? Если бы я рассказал о том, что собираюсь на Пандору, скажем, капитану Малышеву, он бы с изумлением на меня посмотрел и сказал: «Если ты собираешься отдыхать, то как звездолетчику тебе лучше всего отдохнуть на Земле. А если ты собирался поработать, то лучше всего взять черную систему ЕН 8742 или гигант ЕН 6124, который почему-то интересуется специалистов Тагоры — почему — неизвестно. Эти номера по крайней мере стоят на очереди в плане». И Малышев был бы прав. То есть был бы прав, если бы я действительно стремился сам отдохнуть или поработать. И чтобы Малышев меня понял и перестал смотреть с изумлением, пришлось бы сказать ему, что я соскучился по Димке, а Димка хочет стрелять тахоргов. Антон усмехнулся. Зачем так сложно. Просто все летают на Пандору, и однажды Галка сказала, что она слетала бы на Пандору. Вот так и организуются в наше время перелеты. И так же легко меняются планы. Интересно, сказал бы я Малышеву, что все дело в Галке? Почему человек никак не может научиться жить просто? Откуда-то из бездонных патриархальных глубин непрерывно ползут тщеславие, самолюбие, уязвленная гордость. И всегда почему-то есть что скрывать. И есть чего стесняться. Эх, Галка, подумал Антон. Он подышал на пульт и написал пальцем на исчезающем матовом круге: «Эх ты, Галка». Буквы быстро растаяли, он даже не успел поставить восклицательный знак. Тогда он еще раз подышал на пульт и поставил восклицательный знак отдельно. Он вздохнул и в сотый раз попытался решить логическую задачу: я люблю девушку, девушка меня не любит, но относится хорошо. Что делать? Малышев ответил бы: поменьше глупостей. Есть задачи поважнее. Решай их. Но Малышеву сто двадцать лет, и из них он сто лет женат. Димка ответил бы: подумай, найди другую девушку и влюбись заново. Поль Дефорж ответил бы: бедный друг, это очень неприятное положение. Но не теряй надежды. Сури ответил бы: а, и ты тоже? Ну почему нам с тобой так не везет? Может быть, потому что ты слишком мал ростом, а я слишком длинен? А Бартоломью посмотрел бы холодно и высокомерно и сказал бы: ты не любишь. Тот, кто любит, не ставит таких вопросов. Ты слишком логичен, чтобы любить по-настоящему. А у меня каждый раз получается один и тот же ответ: я люблю девушку, а девушка меня не любит.

Антон вдруг заскучал, ему захотелось к Димке.

Что, собственно, изменилось бы, если бы она меня полюбила? Можно было бы обнимать ее и целовать. Мы везде были бы вместе. Я бы чувствовал гордость. Все. Глупо, но все. Антон вздохнул. Просто исполнилось бы еще одно желание. Как все это убого выглядит, когда рассуждаешь логически. А по-другому рассуждать я не умею. Жалкий я человек. Пустой. Циник. Он увидел Галку, как она говорит, немного через плечо. И глаза у нее прикрыты ресницами. Блестящие, безмятежно веселые глаза. Почему существует такая глупость: можно спасти человека от любой неважной беды — от болезни, от усталости, от смерти, от неприязни. А когда человек попадает в настоящую беду — в любовь — ему никто и ничем не может помочь. И он сам-то, дурак, не хочет, чтобы ему помогли — вот что дико!

— Позвольте, куда вы, молодой человек? — громко сказал Саул.

— В рубку, — ответил Вадим.

— Подождите, — прогудел Саул. — Ведь мы, по существу, еще, так сказать, не познакомились. Если можно так выразиться, не представились друг другу.

Дверь в рубку была открыта. Антон и раньше краем уха слышал, как внизу в кают-компании бубнят что-то о бластерах, о тахоргах, о теории исторических последовательностей. Теперь он стал слушать внимательней. И он услышал очень странный разговор, странный как по форме, так и по содержанию.

— Вас, кажется, зовут Вадим, — сказал Саул.

— Как правило — да, — серьезно ответил Вадим. — Но кроме того я еще известен как Структуральнейший, как Летающий Бык, как Димка и — в специальных случаях — как Димочка.

— Стало быть, Вадим... А по отчеству?

— Что?

— Ах да, извините великодушно... Конечно... А сколько лет?

— Двадцать два локально-земных.

— Локально-земных? Ну да, разумеется... Как вы говорите? Локально-земных?

— Да. В старых звездных я не участвовал.

— Не участвовали... Что же вы так? Впрочем, это не суть важно. А отец ваш, извините, кто будет?

— Ну, Саул, откуда же мне это знать? Он взрослый человек, сам себе хозяин.

Наступила тишина. Потом Вадим пояснил:

— Сейчас он мелиоратор. А кто он будет... Почему вы решили, что он собирается менять специальность?

— Э-э... понимаю, понимаю. Я это и имел, собственно, в виду.

Пауза.

— Очень изящный стол.

Снова пауза.

— Стол хороший. Прочный.

— А мамаша ваша?

— Мама? Она у меня... это... стационарный смотритель. Работает на мезоядерной станции.

— А сами вы, значит, лингвист?

— Честь имею, к вашим услугам, — сказал Вадим. Чувствовалось, что он веселится.

Антон услышал, как кто-то, вероятно Саул, нервно барабанит по столу пальцами.

— Вадим, — сказал Саул. — Вы понимаете... Должно быть, вы заметили, что я странно говорю, и это, вероятно, смешно немножко, но видите ли, какое дело... Я страстно люблю людей, но мой образ жизни... мой, так сказать, модус вивенди... Я специалист. Весь в двадцатом веке. Книжный, так сказать, червь. Всегда в музеях, всегда с книгами...

— Ну естественно, Саул, влияние занятий и обстановки...

— Да-да, вот именно. Вы понимаете, судьба моя сложилась странно. Может быть — я не боюсь этого слова, — неудачно даже. Всю жизнь работа. Вся жизнь в работе. А потом... Полюбил. Да. И вот ведь досада — полюбил жену друга...

Антон встал и подошел ближе к двери.

— И мне пришлось уйти. К счастью, работа требовала поездки. На ЕН 7031. И вот... сами видите.

— Это очень тяжело, — сказал Вадим после паузы. — Это, пожалуй, самое страшное, что может случиться.

— Да, я рад, что вы меня понимаете. Конечно, что мне оставалось делать?

Какой-то Ноев ковчег беглецов от любви, с горечью подумал Антон.

— Так как вы думаете, — сказал Саул. — Правильно я поступил?

— Наверное, правильно. Хотя, если она вас любит... Впрочем, как мне судить?

Поговорите на эту тему с Антоном.

— Почему?

— Я очень легкомысленный человек, Саул. Мое сочувствие — честное слово — не от сердца, а от ума.

Молчание.

— М-да, — сказал Саул. — Вы, я вижу, человек прямолинейный.

— Ну а что же мне делать? Теории перед вами развивать? Неужели вы были бы довольны, если бы я развивал перед вами теории? Дескать, при всех обстоятельствах конечная сумма счастья должна быть больше несчастья.

— Вы правы. Не будем об этом. Простите. Значит, вы структуральный лингвист?

— Да.

— Интересная работа?

— По-моему, неинтересной работы не бывает.

— Да, конечно. И чем же вы занимаетесь?

— Я занимаюсь структурным анализом. Но учтите, что я отрешился от земного. Хотите, я лучше расскажу вам еще что-нибудь про тахоргов?

— Нет, благодарю вас. Про тахоргов не надо. Расскажите лучше, как вы работаете.

— Саул, я же сказал, что отрешился.

— Что значит отрешился? Что ж, вы теперь совсем уже не думаете о своей работе?

— Думаю. Но я всегда думаю о той работе, которой я занимаюсь в данный момент. Сейчас я суперкарго и второй пилот. И мне очень хочется пойти и немножко поводить Корабль.

— Корабль никуда не денется. Расскажите мне не о сущности вашей работы, а, так сказать, о внешней форме. Так сказать, будни.

— Хорошо. Будни. Лежу это я на анализаторе и думаю.

— Ну-ну?

— Да. Час думаю. Два думаю. Три думаю.

— И наконец?

— Пять часов думал, ничего не придумал, потом слез с анализатора и пошел.

— Куда?

— М-м-м... Да, в зоопарк.

— В зоопарк? Почему в зоопарк?

— Так. Люблю зверей.

— А работа?

— Что ж работа? На другой день пришел и опять стал думать.

— И опять думали пять часов и в зоопарк?

— Нет. Ночью я кое-что придумал, а в институте только додумывал. А потом спалил анализатор.

— Так. И в зоопарк?

— Почему в зоопарк? Чинили анализатор. До следующего утра чинили. Заодно модернизировали слегка, а то у нас был старенький.

— Ну а потом?

— А потом будни кончились. Начался светлый праздник. У всех глаза на лоб. И одна только мысль: сейчас все остановится, и опять начинай сначала.

Саул вздохнул.

— Ну ладно, это будни. Но нельзя же все время работать.

— Нельзя, — сказал Вадим с сожалением. — Я не могу. В конце концов заходишь в тупик. И тогда приходится развлекаться.

— Как?

— Как случится. Например, можно гонять на буерах. Вам когда-нибудь приходилось гонять на буерах?

— Э-э... Нет.

— Что же вы, Саул! Ну ничего, я вас покатаю. Какой у вас индекс здоровья?

— Видите ли... Я давно не проверял. Но я здоров. А над чем вы теперь работаете?

— Над свертками разобщенных структур.

— А зачем это нужно?

— Что значит — зачем?

— Ну кому от этого будет польза?

— Каждому, кто этим заинтересуется. Потом, сейчас проектируют универсальный переводчик. Универсальный переводчик должен уметь свертывать разобщенные структуры.

— Скажите, Вадим, а здесь, на Корабле, можно послушать музыку?

— Ну конечно. Что бы вы хотели? Хотите «Трели» Шеера? Под эту музыку изумительно ведется Корабль.

— А скажем, Баха?

— О, какие у вас странные вкусы! По-моему, у нас есть и Бах. Слушайте, Саул, а ведь с вами, наверное, будет приятно слушать музыку.

— Почему?

— Не знаю. Почему-то очень приятно слушать музыку с человеком, который хорошо ее знает. Мендельсона вы любите?

— Вы знаете Мендельсона?

— Саул! Мендельсон — это лучший из тех, кто до нас дошел! Я надеюсь, что вы любите Мендельсона. Правда, Мендельсона плохо слушать в Корабле. Вы меня понимаете?

— П...пожалуй. Я слушаю Мендельсона в своем уютном кабинете.

Ну, разговорились наконец, подумал Антон. Он взглянул на часы. Корабль подходил к полюсу. На экране в фиолетовой глубине возникли темные точки звездолетов, ожидающих старта. Антон сбежал в кают-компанию.

— Простите, что прерываю вас, — сказал он, — но скоро старт. Димка, покажи Саулу, как пользоваться амортизатором.

К шестнадцати часам по московскому времени капитан Антон Вандердекен вывел Корабль в стартовую зону — над Северным полюсом Земли, — послал на Контрольную Станцию кодированную программу предстоящего перелета и попросил пассажиров занять места в амортизационных кабинах. Ровно через тридцать минут, в течение которых Корабль плавал в стратосфере в компании с двумя десятками других больших и малых звездолетов, капитан Вандердекен получил с Контрольной Станции одобрение программы, семь вариантов программы обратного пути и разрешение на выход в Подпространство. Тогда капитан Антон Вандердекен ровными шагами проследовал в свою амортизационную кабину, произвел переключку и дал Кораблю команду на выход.

Как всегда, Антона сильно затошнило. Раскаленная волна прошла через все тело, затем лицо и спина покрылись холодным потом. Антон терпеливо ждал, ослеплым взглядом следил, как огненно-красная стрелка курвиспата рывками прыгает по шкале, отмечая стремительно меняющуюся кривизну Пространства. Двести риманов... Четыреста... Восемьсот... Тысяча шестьсот риманов на секунду... Пространство вокруг Корабля скручивалось все туже. Антон знал, как это выглядит со стороны. Черный четкий конус Корабля становится зыбким и белым, медленно тает и вдруг исчезает, а на его месте возникает и стремительно ширится плотное облако изморози. Температура на сто километров вокруг резко падает на пять-десять градусов. Три тысячи риманов. Огненная стрелка остановилась, и тошнота пропала. Эпсилон-деритринитация закончилась. Корабль перешел в состояние Подпространства. С точки зрения земного наблюдателя он был сейчас «размазан» на 150 парсеков. Теперь предстоял обратный переход.

При выходе из Подпространства всегда существует опасность оказаться слишком близко к какой-нибудь тяготеющей массе, а может быть, даже внутри ее. Правда, эта опасность является чисто теоретической. Вероятность такой неприятности гораздо меньше вероятности вывалиться из трансконтинентального стратоплана и угодить точно в

печную трубу Эрмитажа или какого-нибудь другого старинного здания. Во всяком случае, ни то, ни другое явление ни разу не имело места за всю историю человечества. Корабль выскочил в нормальное Пространство на расстоянии двух астрономических единиц от желтого карлика ЕН 7031.

Антон отдышался, вытер пот со лба и вышел из кабины. В рубке все было в порядке. Он прошелся вдоль пульта, заглянул в перископ и выключил автоматику перехода. На пульте перед видеозэкраном лежал букетик гвоздики. Антон остановился. «Жалко», — пробормотал он. Он коснулся букетика пальцем, и цветы рассыпались в зеленоватую пыль. «Бедняги, — подумал Антон. — Не выдержали. Да и кто выдержит?» Цветы напомнили ему о пассажирах, и он спустился в кают-компанию.

Зал кают-компании был круглым, сюда выходили двери всех восьми кают и люк в нижний этаж, где были кладовые, кухня-синтезатор, душ и прочее. Антон придирчиво осмотрел свое хозяйство и направился в каюту Вадима. Он отодвинул заслонку амортизатора, и Вадим вывалился на него. Он был белый и мокрый как мышь.

— Плохо? — участливо спросил Антон.

Вадим грудным голосом пропел:

Воет ветер дальних странствий,
Раздается жуткий свист:
Это вышел в Подпространство
Структуральнейший лингвист.

Впрочем, он сейчас же откинул диван и сел.

— Вот почему я не стал звездолетчиком, — сказал он немного хрипло и прилег.

— Каждый раз ты это говоришь, — сказал Антон.

Вадим промолчал.

— Пойду освобожу Саула, — сказал Антон и вышел.

В каюте номер три он прежде всего откинул диван и только тогда откатил заслонку, готовясь подхватить падающее тело. Вместо этого из амортизатора повалил синий дым. Антон отпрянул.

— Что? Уже? — раздался из клубов дыма голос Саула.

Антон присмотрелся. Саул сидел на своем портфеле, поставленном на попу, и курил длинную черную трубку. Вид у него был задумчивый и сосредоточенный.

— Разве вас не тошнит? — спросил Антон, попятился и сел на диван.

— Меня? Нет. Что, можно выходить?

— Прошу вас, — сказал Антон.

Саул поднялся и взял портфель. Они вышли в кают-компанию.

— Теперь нам надо выбрать планету, — сказал Антон, — и решить, где высадиться. Вам нужна какая-нибудь определенная планета, Саул? Или вы интересуетесь центральным светиллом?

— Мне нужна планета, — сказал Саул. — По возможности землеподобная.

— Правильно, — сказал Вадим из каюты. — Терпеть не могу скафандров. Кислородная маска — это еще туда-сюда...

— Я думаю, нам подойдет вторая планета, — сказал Саул. — Полторы астрономических единицы.

— У вас есть эфемерида? — спросил Антон.

— Есть, — сказал Саул, положил на стол и с лязгом расстегнул портфель. Он принялся рыться в недрах портфеля, старательно закрываясь от Антона. Рылся он долго, и Антон молча смотрел на него. Из портфеля то и дело вываливались разные предметы, и Саул, бормоча проклятья, торопливо запикивал их обратно. Некоторые предметы появлялись по два и по три раза, например сильно объединенная зубная щетка (три раза), странная грубого материала рубаха в поперечную бело-синюю полоску (два раза),

металлическое Т-образное устройство непонятного назначения (два раза), разные носки и черная перчатка с огромным раструбом. Такую перчатку раньше ему приходилось видеть только раз — у одного отцовского знакомого, старого толстого человека, лечившегося от потливости. Зачем он таскает все это с собой? — подумал Антон с удивлением. В конце концов ему стало смешно, и он стал смотреть в сторону, чтобы не расхохотаться.

— Вот, — сказал Саул раздраженно. — Здесь все написано. — Он протянул Антону пластиковую дощечку.

Антон взял дощечку и спросил с удивлением:

— Откуда это у вас?

Это была стандартная блок-эфемерида, которую получает обычно капитан десантного звездолета и которая вводится в курсовое устройство вместе с координатами Корабля перед высадкой.

— Достал, — пробурчал Саул, застегивая портфель. — По знакомству.

Весь стол вокруг портфеля был засыпан табаком, и Саул принялся смахивать его в мусоропровод.

Из каюты вышел Вадим.

— Ваши знакомства делают вам честь, — заявил он.

— Рад слышать, — сказал Саул.

Антон пошел в рубку. Саул сел в кресло и принялся барабанить пальцами по столу.

— Скажите, Вадим, — спросил он. — Мы и вправду за 150 парсеков от Земли?

— Вправду, — сказал Вадим. — А почему такое недоверие?

— Гм... почему же недоверие... И долго нам еще?

— Наверное, нет, — сказал Вадим. — Чувствуете? — Корабль шевельнулся, и пол словно скользнул из-под ног. — Это Антон ложится на курс. Пойдемте в рубку.

— Это можно? — осведомился Саул.

— Конечно. Мы же туристы. Вот в десантном или в рейсовом звездолете нас бы не пустили.

Саул подхватил портфель и двинулся к трапу.

— Зачем вы его носите с собой? — спросил Вадим.

— Он мне дорог, — туманно пояснил Саул.

— Тогда не ставьте его на крышку мусоропровода.

Саул ничего не ответил, он только засопел. Впрочем, перед дверью он остановился и вежливо пропустил Вадима вперед.

Антон сидел в пилотском кресле и рассматривал изображение планеты на обзорном экране. Планета была голубая, как Земля, покрытая мутной белой рябью облаков, с белыми шапками на полюсах. Но очертания материков были незнакомые — один большой материк тянулся вдоль экватора, другой, поменьше, явно тяготел к полюсу. На самом краю диска темнели пятна материков, скрытых на другом полушарии.

— Вот ваша планета, Саул, — сказал Антон не оборачиваясь. — Прекрасная планета. Сжатия нет. Сутки двадцать восемь часов. Масса один и одна десятая, вредных газов тоже нет. Кислорода много. Маловато углекислоты, но пусть это вас не беспокоит.

Вадим поглядел на Саула. Саул смотрел на свою планету с каким-то странным выражением — свирепое лицо его смягчилось, сделалось даже нежным. Вадиму показалось, что он может даже заплакать. Вадим был тронут.

— Товарищи! — сказал он. — Давайте назовем эту планету Саулой!

— Нарекается Саулой, — сказал Антон.

Он спокойно пригнул к себе узкий раструб бортового дневника и продиктовал:

— Юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь. Вторая планета системы ЕН 7031 нарекается Саулой по имени члена экипажа Саула Репнина.

Все это не имело ровно никакого значения, планеты нарекались по названиям кораблей и городов, любимых литературных героев и любимых цветков, названиями приборов и просто громкими звукосочетаниями, а у кого не хватало фантазии — тот брал

какую-нибудь книгу, открывал на какой-нибудь странице, выбирал какое-нибудь слово и как-нибудь его переделывал, и тогда получалось что-нибудь вроде Смеховины, Падраки или Бровии. Но Саул был растроган необычайно. Он бормотал «спасибо, спасибо, друзья» и жал Вадиму руку. Это было очень трогательно и забавно.

А между тем планета росла. Когда на экране остался только материк, растопырившийся вдоль экватора, Антон спросил:

— Так где мы будем высаживаться, Саул?

Саул ткнул пальцем почти в центр материка. Вадиму показалось, что он сделал это зажмурившись.

— А может быть, поближе к побережью? — спросил Антон.

Вадим подумал, что ему хочется искупаться. Ему тоже захотелось искупаться. «Искупаться в океане Саулы, в волнах, которые не окатывали еще ни одного землянина, которые не окатывали, наверное, вообще ни одно разумное существо, где плавают неведомые и наверняка очень интересные животные».

— Нет, — железным голосом сказал Саул. — Мне нужно именно сюда.

— Сюда так сюда, — сказал Антон.

— Ну, довольно, — сказал Вадим. — Теперь моя очередь.

Он проворно уселся в кресло рядом с Антоном и объявил:

— Переключаю управление на себя.

Он положил пальцы на контакты биоуправления, и Корабль сейчас же повалился в пропасть. Материк на экране стал тошнотворно поворачиваться. Вадим провозгласил:

Всё от ужаса рыдает
И дрожит как банный лист.
Кораблем повелевает
Структуральнейший лингвист.

Саул уронил портфель и вцепился в спинку Антонова кресла.

— Легче, легче, — говорил Антон. — Прوماхнешься.

— Не промахнусь.

— Тормоза! Ты же видишь — заносит...

— Я все вижу.

— Ох, грохнет он нас сейчас, — сказал Антон.

— Небось, небось, — приговаривал Вадим.

Экран помутнел: Корабль вошел в атмосферу. Вспыхнула и пропала радуга на тучах изморози, замелькали белые и черные пятна.

— Обдуй, — приказал Антон.

— Знаю.

— Ох, промахнешься!

Вадим быстро сказал:

— Перехватишь управление — я тебе не друг.

— Капитан, немедленно возьмите у него управление! — завопил Саул.

Карусель на экране прекратилась, быстро надвинулось белое поле, потемнело, и экран погас. Корабль вздрогнул.

— Вот и все, — сказал Вадим. Он потянулся, хрустя пальцами.

— Что — все? — спросил Саул. — Сломали?

— Сели, — сказал Антон. — Добро пожаловать на Саулу.

— Вы лихач! — объявил Саул, поворачиваясь к Вадиму.

— Да, Вадим у нас большой лихач, — сказал Антон одобрительно. — Слушай, Вадим, а что такое банный лист?

Вадим поднялся.

— Видишь ли, Тошка, — сказал он, — этот вопрос еще не решен. В русском языке существует старинное выражение: дрожать как банный лист... По этому поводу есть несколько работ. Большинство исследователей считают, что банный лист — это такая жаровня, которую устанавливали в подах курных бань. Когда на раскаленный лист брызгали водой — это называлось «поддать пару» — лист начинал вибрировать...

Саул неожиданно заржал. Он ржал густо и с наслаждением, вытирая слезы ладонью, топая башмаками. Никто ничего не понимал, но через минуту ржали уже все.

— Забавный обычай, верно? — сказал Вадим, задыхаясь от смеха.

— Правда, Саул, чего вы смеетесь? — спросил Антон.

— Ох... — сказал Саул, — я так рад, что прибыл наконец на свою планету!

Вадим перестал смеяться.

— В конце концов я не специалист по истории русского языка, — сказал он с достоинством. — Моя специальность — структурный анализ...

— Пойдемте наружу, — сказал Антон.

Все пошли из рубки. Вадим, придерживая Саула под локоть, говорил:

— Это не мой вывод, это наиболее распространенная гипотеза!

— Неважно, неважно, — быстро отвечал Саул. Он стал серьезным и мрачным. — Эта ваша гипотеза настолько далека от истины, что я не мог удержаться... Если я вас задел — простите.

— А вы как считаете? — спрашивал Вадим.

— Нет такого выражения: «дрожать как банный лист», — раздраженно сказал Саул.

— Есть выражения: «дрожать как осиновый лист» и «липнуть как банный лист».

— Но «липнуть как лист» — это примитивная идиома. Она восходит к липким листьям липы... Банный лист не может липнуть! Это не лист растения! Чего ради листья каких-то растений попадут в баню? Это смешно!

Антон вскрыл мембрану люка. Сырой холодный воздух хлынул в Корабль. Саул отпихнул Вадима и крикнул:

— Подождите! Не выходите! Пропустите меня!

Антон, уже перенесший ногу через порог, остановился. Саул, держа над головой бластер, протиснулся вперед.

— Хотите ступить первым? — спросил Антон, улыбаясь.

— Да, — сказал Саул. — И вообще...¹

Он пролез в узкий люк и остановился, загораживая дорогу. Антон, лезший следом, боднул его головой.

— Вперед, Саул, — сказал он.

Саул был как каменный. Из люка несло ядреным морозным воздухом. Сзади Вадим нетерпеливо постучал Антона по согнутой спине.

— Дайте пройти, Саул, — попросил Антон.

Саул наконец посторонился, и Антон с Вадимом выбрались наружу. Вокруг был снег, и сверху падал снег — большими ленивыми хлопьями. Корабль стоял среди однообразных круглых холмов, едва заметных на белой равнине. Под ногами из снега торчала кое-где короткая травка бело-зеленого цвета и много мелких голубых и красных цветов. А в десяти шагах от люка, припорошенный снегом, лежал труп человека.

III

Вадим вылез из Корабля последним, и увидел мертвеца он тоже последним. Огромное изумление и растерянность охватили его. Как будто заснеженный пейзаж чужой

¹ Здесь заканчивается реконструированный текст начальных глав полного черновика повести. Далее следует машинопись первого варианта. — *Сост.*

планеты оказался декорацией, и вдруг кто-то разорвал эту декорацию с другой стороны и просунул к нему ослабленное в страшной гримасе лицо. Он даже сказал недовольно:

— Что это значит?

Антон молча пошел к мертвецу, а Саул остался на месте, и Вадим с ужасом увидел, как осунулось его лицо и еще больше почернело, и как растянулись в ужасной усмешке губы. Тогда Вадим пошел за Антоном и тоже нагнулся над телом. Он только взглянул, а затем сейчас же выпрямился и стал смотреть в сторону. Перед ним, на сколько хватал глаз, тянулась унылая холмистая равнина, заснеженная и однообразная, небо было затянуто низкой серой пеленой, а на горизонте угадывались бледные очертания горного хребта. «Какая печальная планета», — подумал он.

И поля, и горы —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто!

Антон опустился на колени и осторожно потрогал руку мертвого. Рука была узкая, белая, с тонкими, словно фарфоровыми, пальцами. На белых ногтях блестели следы позолоты.

— Ну? — сказал Вадим и глотнул.

Антон поднялся и тщательно отряхнул снег с голых колен.

— Он замерз. Несколько дней назад. И он сильно истощен.

— Безнадёжно?

Антон кивнул.

— Это уже камень.

— Камень, — повторил Вадим. — Человек стал камнем. Он же совсем молодой. Смотри, у него совсем молодое лицо. Он совсем мальчишка. Он похож на Валерку. Помнишь Валерку?

Антон положил руку ему на плечо.

— Да. Похож.

— Зачем он здесь?

— Он долго шел, — сказал Антон. — Он упал от слабости и замерз.

— Долго? Разве можно идти долго в такой рубашке и босиком?

— Пойдем в Корабль.

Вадим не двинулся.

— Страшно, наверное, умирать в снегу. И он был один.

— Пойдем.

— Может быть, ты ошибся? Ведь ты не настоящий врач. Может быть, можно еще что-нибудь сделать?

— Пойдем, пойдем, Вадим, — сказал Антон.

— А как же он?

— Как он? Не знаю. Пойдем.

Они увидели Саула. Саул медленно спускался по склону холма, скользя по сыроватому снегу. Они стояли и ждали, пока он не подошел к ним вплотную. Лицо у него было обычное, на щеках таяли большие снежинки. Колени были в снегу. Он подошел, вынул изо рта погасшую трубку и сказал:

— Там еще четверо. — Он посмотрел на мертвеца. — Тоже в одних рубашках. Что вы думаете делать?

— Идемте в Корабль, — сказал Антон. — Все это надо тщательно обдумать.

— Саул, — сказал Вадим. — Вы ждали этого?

Саул внимательно посмотрел на него.

— Нет, мой мальчик, — сказал он неожиданно ласково. — Этого я ожидал меньше всего. Более того, я хотел бы как можно скорее улететь отсюда.

Антон повернулся и пошел в Корабль. Улететь? — подумал Вадим. А сколько их может быть на холмах! Улететь? Нет.

Они молча пошли за Антоном. Вадим пропустил вперед Саула и зарастил люк. Его вдруг охватил озноб, и он стиснул зубы. Когда он поднялся в зал, Саул лежал в кресле, глядя в потолок, а Антон ходил вокруг стола, опустив голову.

— Их надо похоронить, — сказал Вадим. — Нельзя, чтобы они оставались в снегу.

— Нам надо немедленно уходить отсюда, — сказал Саул.

Вадим сел и закрыл глаза, стараясь прогнать видение припорошенного снегом лица. Антон продолжал ходить.

— Разрешите мне закурить, — сказал Саул.

— Пожалуйста, — сказал Антон рассеянно. Он остановился. — Вот что, мне кажется, нужно сделать. У нас есть глайдер. Нужно взять с собой продовольствие, медикаменты и провести спиральный поиск вокруг Корабля. Там могут оказаться живые.

Вадим открыл глаза.

— Правильно, — сказал он. — А мертвых надо похоронить.

— Сначала надо вырастить глайдер, — сказал Антон. — Это нужно при всех обстоятельствах. Пойдем, Вадим.

— Минуточку, — сказал Саул. Он пососал трубку. Трубка захрипела и забулькала. — Я не звездолетчик, я даже не турист, — он говорил очень медленно, то и дело останавливаясь, чтобы пососать трубку. — Но я слышал, что существует определенное постановление. Оно запрещает самостоятельные контакты с неизвестными цивилизациями. Наверное, это постановление принимали люди поумнее нас с вами...

— Его принимали люди, — сказал Вадим. — И они плюнули бы на это постановление, если бы знали, что, может быть, в пяти километрах отсюда кто-то замерзает в снегу.

— Пойдем, Вадим, — сказал Антон.

Саул положил трубку и тоже поднялся, поправляя на плече ремень бластера.

— Спасибо, Саул, мы сами справимся, — сказал Антон.

— Как знать, — проворчал Саул. — Я вам не помешаю, — сказал он.

Они вынесли Яйцо и уложили метрах в тридцати от Корабля. Снег пошел гуще, снежинки щекотали щеки, и Вадим раздраженно размазывал их по лицу. Подул ветер, и было холодно стоять и смотреть, как Антон аккуратно и неторопливо укрепляет активаторы на гладкой поверхности механозародыша. Ветер обжигал голые руки и ноги Вадима, а где-то за этими однообразными холмами, может быть, брели сейчас, проваливаясь по колено в сугробы, босые люди в длинных серых рубахах. Антон выпрямился и подышал на покрасневшие руки.

— Все, — сказал он. — Проверь меня, Дима.

Вадим осмотрел расположение активаторов. Все было в порядке, как и должно было быть. Они повернулись и пошли обратно к Кораблю. Саул шел следом. Он все время держался у них за спиной. Корабль уже набирал энергию, он черной горой возвышался на белом фоне, изогнутая верхушка его следила за невидимым ЕН 7031. Вадим сорвал по дороге несколько цветков и пожалел их — какие они жалкие и бледные.

И живых, и мертвых —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто.

Снег валил все сильнее и сильнее, и когда они подошли к Кораблю, уже ни холмов, ни неба не было видно за зыбкой белесой пеленой.

В зале Антон сказал:

— Пока будет расти глайдер, нам нужно сделать две вещи... даже три. Подогнать одежду, приготовить продовольствие и медикаменты и поесть самим.

— Я не хочу есть, — сказал Вадим.

— Надо поесть, Димка. Ты сам понимаешь, что надо.

— Ладно, — вяло сказал Вадим. — Я поем.

Они молча и быстро поели, уложили все наличное продовольствие, всю аптечку и всю лишнюю одежду в мешки, а затем принялись подгонять комбинезоны. Комбинезоны были безразмерные, но разница в росте между Саулом и Антоном была слишком велика. Комбинезон для Антона пришлось сжимать, а для Саула — растягивать. Занимался этим Саул, и было ясно, что он действительно умеет варить пластик.

— Почему вы думаете, — сказал Саул, не поднимая головы от работы, — что остались еще живые?

— Я не думаю, — ответил Антон. — Я надеюсь.

— А те, остальные четверо, тоже молодые? — спросил Вадим.

— Да, — сказал Саул. — Мальчишки. Моложе вас.

— У него красивые пальцы, — сказал Вадим. — Как будто он был музыкантом.

— И позолота на ногтях, — сказал Саул. — И мешки вместо одежды.

— Какие мешки?

Саул поднял голову:

— Вы думали, это одежда? Это мешки с дырками для головы и для рук. — Он невесело усмехнулся. — Странная одежда для людей с позолоченными ногтями, а?

— У вас есть гипотеза, Саул? — быстро спросил Антон.

Саул встряхнул комбинезон, поднял его на вытянутых руках и осмотрел.

— Сначала я подумал, что это остатки полярной экспедиции. А потом... — Он сильно пососал трубку. — Не знаю, поймете ли вы меня. Скорее всего, их просто раздели до нитки и оставили здесь, в пустыне.

— Кто? Зачем?

— Этого я не знаю. И честно говоря, не очень стремлюсь узнать.

Вадим разочарованно сказал:

— Какая нелепая мысль!

— Я историк, — веско сказал Саул. — Такие вещи случались даже у нас на Земле.

Несколько минут Вадим размышлял.

— Не могу этого себе представить, — сказал он. — То есть я понимаю: возможно разбойничье нападение или... как это... — Он пошевелил пальцами. — «Грабеж среди белого дня». Но я никогда не поверю, чтобы молодые здоровые ребята дали себя обобрать без сопротивления.

— Да, он не убит, — сказал Антон. — Он погиб от холода.

— Возможно, конечно, что это паломники, — неохотно сказал Саул. — Фанатики. Шли на поклонение святым мощам, шли по обету одетые в мешковину, сбились с дороги, а тут метель...

Вадиму стало неловко. Все эти странные слова — «паломник», «святые мощи», «обет» — были несомненно знакомы ему, это было что-то связанное с религиозной обрядностью, но они не имели для него никакого реального содержания. Да, подумал он с уважением и завистью, Саул настоящий специалист. А я все забыл. Как глупо! Затем он вспомнил окоченевшие трупы под снегом и повторил вслух:

— Как глупо.

— Я не очень хорошо вас понял, — сказал Антон неторопливо, — но, кажется, и в том, и в другом случае цивилизация должна находиться на низком уровне.

Саул криво улыбнулся.

— Да, конечно, — пробормотал он. — Примерьте, Антон.

Антон надел комбинезон.

— Как раз впору, — сказал он. — Вы мастер, Саул. Послушай, Вадим, а ты смог бы объясниться с этими людьми, если бы они были живы?

— Естественно, — отозвался Вадим, пожимая плечами. — Это ведь явные гуманоиды. Совсем люди. А может быть, это попросту земляне? — Он посмотрел на Саула в упор.

— Нет, — сказал Саул твердо. — Насколько я знаю, мы первые земляне на этой планете. И чтобы у нас не было больше никаких недоразумений, ребята, я понятия не имею о том, что здесь происходит.

Антон сказал как ни в чем не бывало:

— Значит, если мы встретим живых, ты с ними договоришься?

— Естественно, — повторил Вадим. — Сугимото понадобилось сорок часов, чтобы дешифровать акустическую информаторику леонидян, а ведь они даже не гуманоиды. Правда, я не Сугимото, но сделаю все, что смогу. А можем мы сейчас много.

— Что ж, это хорошо, — сказал Антон. — Это упрощает. Одевайтесь, а я пойду в рубку.

В рубке он прежде всего включил экран кругового обзора. Снег по-прежнему падал густо, и сквозь белую пелену к западу от Корабля мелькали разноцветные вспышки огня, там, где было оставлено Яйцо. Развитие глайдера началось. Затем Антон включил радиоприемник и настроил его на режим поиска. В эфире было шумно, трещали разряды. Видимо, над Саулой шла магнитная буря. Затем стрелка поискового индикатора застыла, наступила шелестящая тишина, и густой равнодушный голос произнес отчетливо: «Карамбайба». Антон сильно вздрогнул. Через несколько секунд голос повторил: «Карамбайба». Антон включил пеленгатор. «Карамбайба», — сказал голос. И через несколько секунд опять: «Карамбайба... Карамбайба... Карамбайба...» Пеленг не брался. Голос был одинаково слышен со всех направлений.

— Саул, Вадим, поднимитесь сюда, — крикнул Антон.

Наверное, в его голосе было что-то ненормальное, потому что Саул влетел в рубку с бластером наготове.

— Слушайте, — сказал Антон.

«Карамбайба... Карамбайба... Карамбайба...» — медленно и равнодушно твердил голос. Вадим понял все сразу, но Саулу пришлось объяснить, что голос исходит из приемника, что вспышки на экране не имеют к нему никакого отношения и что Кораблю пока ничего не угрожает.

— Пеленг? — спросил Саул.

Вадим махнул рукой.

— А разве это возможно?

Антон не ответил.

— Вадим, — сказал он. — Тебе этого мало, конечно.

— Да, мало, — сказал Вадим. — Если только это не сквантованная информация. Попробуем сделать развертку...

В течение получаса он записывал голос и развертывал запись, пользуясь бортовым вычислителем как дешифратором. Антон уступил ему свое место перед пультом и теперь сидел в стороне рядом с Саулом. Саул, вытянув шею, смотрел на стереоэкран вычислителя, на зеленый хаос светящихся линий и вспышек. «Кх-х-х-а-о-рр-а-о-ммм-бха-а-оммб-хао...» густо пробасило в рубке, и Вадим щелкнул переключателем.

— Ничего не получается, — сказал он. — Либо это одно слово, либо случайная акустическая оболочка какого-то сигнала.

— Но сигнал есть? — спросил Антон.

— Сигнал, несомненно, есть. Это вас интересует, Саул?

— Да, — сказал Саул, — конечно.

— Вы за этим прилетели сюда?

— Да... Почти.

Вадим повернулся к приемнику. Но кроме «карамбайба» в эфире был только шум, треск и попискивание. Антон взглянул на часы, затем на экран обзора и поднялся.

— Глайдер готов, — сказал он. — Пошли.

Они спустились в зал, и каждый взял по мешку.

— На вашем месте я бы взял оружие, — сказал Саул.

— Только не оружие, — сказал Вадим. — Хватит здесь мертвецов.

Они вышли из Корабля и сразу по колено провалились в глубокий снег. Глайдер был еле виден за падающим снегом. Это был глайдер-антиграв типа «тако», надежная шестиместная машина, очень популярная у десантников и следопытов. Он стоял на краю громадной ямы-проталины, откуда поднимался густой пар, и гладкие борта его были еще теплыми, а в кабине было даже жарко.

Они свалили мешки в багажник и забрались в машину под гладкий прозрачный колпак.

— Может быть, сначала похороним их? — спросил Вадим, глядя в заснеженное поле.

— Они под снегом, — сказал Антон. — Потом. Сейчас лучше спешить.

Вадим уселся в кресло водителя, крепко взялся за рукоятку руля и включил двигатель. Глайдер плавно поднялся над сугробами и кинулся в белую мглу, оставляя за собой плотную стену изморози.

— Что мы будем с ними делать, если найдем? — спросил Саул.

Глайдер мчался сквозь снег на высоте двадцати метров от земли. Вадим сидел, ссутулившись, и только чуть шевелил рукоятку управления. Впереди был только снег. Он мчался навстречу глайдеру, и Вадим видел только белую тысячхвостую звезду, центр которой медленно плыл перед его глазами. Антон сказал:

— Мы их оденем и накормим.

— А потом?

— Потом мы спросим у них, чего они хотят, и поможем им.

Действительно, неумный вопрос, с досадой подумал Вадим. Что мы будем с ними делать? Похоже, ты действительно плохо разбираешься в том, что здесь происходит. Похоже, ты действительно ничего не знаешь об этой планете. И похоже на то, что ты вообще всю свою жизнь просидел в информариях, занимаясь историческими изысканиями.

Неожиданно глайдер выскочил из снежной пелены. Он несся над заснеженной холмистой равниной. Вадим стал медленно наращивать скорость, двигатель тихо выл от собственной мощи, и бешено неслись под днищем округлые вершины холмов. Небо теперь было совершенно белое, невысоко над горизонтом справа светилось спящее пятно — ЕН 7031, а на востоке отчетливо проступили очертания скалистых гор.

— Что это за экран? — спросил позади Саул.

— Поисковый локатор, — ответил Антон.

— Не вздумай выключать, — сказал Вадим. — Может быть, их засыпало снегом.

— Я не выключаю.

Спящее пятно медленно смещалось вправо и назад — глайдер описывал десятикилометровую дугу вокруг Корабля. И впереди, и справа, и слева были только холмы, холмы, холмы. Антон вдруг сказал:

— Справа, смотрите, справа!

Вадим, даже не оглянувшись, затормозил и развернулся вправо. Глайдер повис неподвижно.

— Стадо, — сказал Саул.

В ложбине между холмами быстро двигалось стадо каких-то животных. Это были некрупные четвероногие, похожие на безрогих оленей, и они, выбиваясь из сил, прыгали, проваливаясь в снег, закидывая длинные черноносые головы. Тонкие ноги то и дело застревали в сугробах, и они падали, барахтались, поднимая тучи снежной пыли, и снова вскакивали, и снова бежали неуклюжими прыжками. За ними оставалась борозда взрытого снега. А по этой борозде, низко пригнув длинные вытянутые шеи, мчались на

голенастых голых ногах громадные, похожие на страусов, птицы. Только клювы у этих птиц были не как у страусов — мощные, черные, горбатые, с загнутым вниз страшным острием.

Вадим спикировал и пошел вдоль лощины. Стадо пробежало под глайдером, даже, кажется, не заметив его, а птицы — их было три — разом остановились, присели на согнутых ногах и, задрвав головы, страшно разинули клювы. «Какая охота! — мельком подумал Вадим. — Какая могла быть охота!» Он снова поднял глайдер и перевел его в джамп-режим. Совсем близко, чуть не царапнув по спектролиту фонаря, щелкнули чудовищные клювы и сразу исчезли. Теперь глайдер, делая двухкилометровые прыжки, взлетал к низкому небу, и каждый раз равнина словно распаивалась внизу, и было видно, что на десятки километров вокруг одно и то же — снег, снег, снег.

— Плохо, — пробормотал Саул.

— Что плохо?

— Вот эти птицы...

Вадим замкнул десятикилометровый круг и начал второй — в двадцать километров. Он теперь почти ни на что не надеялся. Но он не знал, что можно сделать еще.

— Давно я не видел снега, — сказал Саул неожиданно. — Когда-то я хорошо бегал на лыжах. Любил зиму гораздо больше лета.

— Это можно понять, — вежливо сказал Антон.

— Правда? — сказал Саул. — А вот жена не понимала меня. Она очень любила лето, море, солнце. — Он помолчал. — Впрочем, мы все любим солнце.

На этот раз Антон ничего не ответил, и Вадим представил себе его вежливовнимательное лицо. Антон как никто другой умел изобразить вежливое безразличие. Зачем он все это говорит? — подумал Вадим. При чем здесь лыжи? А потом он понял: Саул тоже ни на что уже не надеется.

— Затормози! — попросил вдруг Антон.

— Зачем?

— Здесь что-то... Тридцать градусов вправо по курсу.

Вадим затормозил и стал осматриваться. Он сразу увидел что-то вроде башни на склоне одного из холмов, и башня эта была ярко-красного цвета.

— Что же вы? — сказал Саул нетерпеливо. — Снижайтесь!

Вадим вывел глайдер на башню. Теперь было видно, что это не башня, а какое-то сложное сооружение, заваленное снегом. Сугробы под днищем глайдера хрустнули. Вадим выключил двигатель.

— Похоже на дорогоукладчик, — сказал Саул.

Вадим откинул фонарь, и они вылезли. Снег был очень рыхлый, и они провалились по пояс.

— Надо сбросить снег, — сказал Антон.

Цепляясь за какие-то выступы и скобы, они вскарабкались на сооружение и стали сбрасывать снеговые подушки. Под снегом обнажилась красная гладкая поверхность — кубический пустотелый ящик метра два высотой. Антон уцепился за верхний край ящика и подтянулся на руках.

— Здесь полно снега, — сказал он негромко.

Он сел на край ящика и спустил ноги куда-то внутрь.

— Понятно, — сказал он. — Здесь воронка. Подожди-ка. — Он соскользнул куда-то вовнутрь. — Вот в чем они ехали, — сказал он. — Вадим, держи!

Вадим подхватил обледеневший комок материи. Это был мешок из очень грубой ткани с тремя прорезями в дне.

— Это что-то вроде танка, — сказал Саул снизу. — Я откопал гусеницу. Но она не стальная. Мягкая.

Антон спрыгнул, и они все втроем стали торопливо счищать снег с танка. Наконец Саул сказал:

— Теперь довольно, я полагаю.

Они отошли на несколько шагов в сторону и посмотрели. На склоне холма, слегка завалившись набок, стояла странная машина на одной гусенице, поддерживающей широкую платформу с кубическим кузовом.

— Не понимаю, где сидит водитель, — сказал Вадим.

— Да, странная машина, — проговорил Антон задумчиво. — Вы говорите, Саул, похоже на дорогоукладчик?

— Нет, — медленно сказал Саул, — теперь я этого не говорю. Я имел в виду цвет.

Вадим подлез под платформу.

— Грязь, — сказал он. — Застывшая грязь кругом. Мерзлая глина. — Он вылез. — Не понимаю, зачем было ехать сюда на такой машине. Или паломники дали такой обет?

Саул молчал, шевеля носком сапога промерзшую мешковину.

— Не понимаю, как можно управлять такой машиной. Не понимаю, как вообще можно ехать на такой машине.

— Сколько отсюда до Корабля? — спросил Антон.

— Километров пятнадцать.

— Это можно пройти пешком, — сказал Антон. — Даже босиком.

Вадим передернулся.

— Значит, все? — сказал он.

Антон молча кивнул и первый пошел к глайдеру. Когда Вадим закрыл фонарь, Саул вдруг спросил:

— Будьте добры, Вадим, ответьте мне на один вопрос. Может в нашем глайдере кончиться горючее?

— То есть?

— То есть горючее кончилось. Ехать дальше нельзя.

— Нам это не грозит, — сказал Вадим и взялся за руль. — Глайдер берет энергию извне. Поломка — другое дело.

— Понимаю, — сказал Саул. — Это сейчас модно. Вот почему я спросил: если люди отправляются, скажем, в экспедицию, то они всегда берут с собой достаточный запас горючего. И уж некоторые из них во всяком случае умеют устранять любую поломку.

— Красную машину, насколько я понимаю, никто и не пытался чинить, — сказал Вадим.

— Значит, у них кончилось горючее. И они пошли дальше. Если бы мы находились вблизи полюса, я бы понял это. Впрочем, нет. — Он помолчал. — Я забыл, что они босиком.

— Ясно одно, — сказал Вадим с горечью. — Мы опоздали. Куда же теперь?

— На Корабль, — немедленно сказал Саул. — На Корабль и домой. На Землю.

— Домой нам пока нельзя, — сказал Антон. — Корабль сильно исхудал. Нам просто не хватит массы...

Саул сказал непонятно, но с большой энергией:

— Мать твою семь-восемь!.. Извините, — сказал он. — Я оговорился. А долго он будет толстеть?

— Двое-трое суток, — сказал Антон. — Корабль молодой.

— Во всяком случае надо вернуться на Корабль, — сказал Саул. — Вы же видите — вокруг одна пустыня.

Вадим все глядел на странный нелепый танк, скособочившийся на склоне.

— Нет, — сказал он. — Нельзя так уходить. Надо еще поискать и посмотреть.

— Чего искать? — сказал Саул. — Они же погибли.

— Я знаю. Все-таки нужно посмотреть. Здесь что-то очень тяжелое. Нельзя это так оставить.

— У меня есть предложение, — сказал Антон. — Поднимемся на километр и пройдем на этой высоте километров сто к горам. Не с неба же они свалились в самом деле...

Вадим уже гнал глайдер вертикально вверх. И когда они поднялись на высоту пятисот метров, Антон сказал:

— По-моему, это город.

На краю снежной равнины на фоне серо-синей массы хребта они увидели яркую цветную цепочку. Спектролит фонаря рассеивал дымку, и Вадим, прильнув к биноктару, различил крошечные разноцветные коробки зданий, башни, купола и мгновенные зеленоватые зарева, вспыхивающие и гаснущие среди них.

— Да, это город, — сказал он. — До него километров восемьдесят.

— Теперь мне совершенно ясно, — сказал Саул, — что нам нужно вернуться к Кораблю.

IV

— Здесь произошла ужасная катастрофа, — пробормотал Вадим.

Глайдер висел над краем исполинской воронки, напоминающей жерло действующего вулкана. Воронка шириной в полкилометра была до краев наполнена тяжелым шевелящимся дымом. Этот дым был сизый, и он лениво слоился и покачивался и был, вероятно, много тяжелее воздуха, потому что ни единый клуб его не поднимался над воронкой. Со стороны могло показаться, что это не дым, а жидкость.

— Где город? — ошеломленно спросил Вадим. — Я видел город.

— Вон он, город, — ответил Антон. — То, что от него осталось.

К краю воронки лепились утопающие в снегу развалины. Из сугробов торчали обглоданные остатки разноцветных стен, покосившиеся башни, скрученные металлические конструкции.

— Но я видел настоящий город, — возразил Вадим. — Видел своими глазами!

— Из пустыни и на расстоянии ты принял за город эти руины, — сказал Антон.

— Здесь был взрыв, — сказал Саул. — Что-то взорвалось в центре города. Или город провалился под землю.

Он не отрываясь рассматривал развалины в биноктар.

— Смотрите! — закричал вдруг он. — Там идут машины!

С севера к воронке подходила узкая, едва заметная отсюда лента дороги, и по ней медленно ползли темные точки. Вадим развернул глайдер, пересек воронку, и они увидели превосходное шоссе, уходящее прямо в воронку, а на шоссе — бесконечную колонну машин. Машины занимали все полотно шоссе. Они плотным строем шли с севера, только с севера — плоские зеленые машины, похожие на пассажирские атомокары без ветрового стекла, маленькие бело-синие машины, тащившие за собой длинный хвост пустых открытых платформ, оранжевые машины причудливого вида, похожие на пылесосы, машины огромные, как башни, и маленькие машины с широко раскинутыми крыльями, и знакомые уже красные платформы с кубическим кузовом, — все они неодолимо, в полном порядке катились по шоссе и ряд за рядом скрывались в сизом дыму воронки.

Несколько минут они молча смотрели на это странное движение, затем Вадим спросил вполголоса:

— Куда это они?

Никто не ответил. Тогда Вадим опустил глайдер до высоты десятка метров и повел над шоссе на север.

— Машину они взяли отсюда, это ясно, — пробормотал Саул.

— Зачем?

— Здесь случилась катастрофа, — сказал Саул. — Может быть, они ушли за помощью.

— Этот ящик, — сказал Вадим, — меньше всего годится для таких переходов. Я бы выбрал вон тот зеленый кар...

Антон сказал:

— Автобус может быть автоматом. Может быть, ящик — это единственная управляемая машина.

— Дайте мне любой автомат, — запальчиво сказал Вадим, — и я сделаю ему ручное управление.

— А я не сделаю, — сказал Саул. — И они, наверное, не могли сделать.

— Возможно, те, кто могли, погибли, — примирительно сказал Антон.

Вадим промолчал. Откуда они идут, подумал он. И куда они деваются? Он представил себе огромные напластования разбитых машин на дне воронки. Ясно, что все это автоматическое, и в этой автоматике что-то испортилось. Он увеличил скорость. Поток машин внизу слился в пеструю полосу.

— Если они идут восстанавливать город, — сказал Антон, — то они его восстановят быстро. Здесь тысячи машин.

— Если они идут восстанавливать город, — задумчиво сказал Вадим, — значит, их кто-то посылает.

— Наверное, — сказал Антон.

— И мы встретимся с ними на другом конце шоссе...

— Встречаться с ними мы не будем, — сказал Саул. — Это не наше дело.

— Зачем эти несчастные... мертвые... Зачем они пошли в пустыню? Ведь им проще было вернуться вдоль шоссе.

— Как знать, — сказал Антон.

— Либо они отравились дымом и сами не понимали, куда едут, либо вдоль шоссе ехать до людей дальше, чем через пустыню.

Вадим посмотрел вперед. Ни конца шоссе, ни конца колонне машин видно не было. По обе стороны от дороги уходила к горизонту заснеженная нетронутая равнина.

— Давайте сядем и посмотрим машины поближе, — предложил Саул.

— Попробуем все-таки разобраться что к чему, — сказал Антон.

Вадим снова прибавил скорость. Разобраться, подумал он. Если мы не встретим хозяев, то вообще никогда не разберемся. Антон думает, что машины идут восстанавливать разрушенный город. Я бы подумал то же самое, если бы мог себе представить, где эти тысячи механизмов размещаются в сравнительно небольшой воронке. А гуманоид с Тагоры решил бы проще: шоссе — это довольно большой конвейер с деталями какой-то средних размеров машины, которую собирают под землей. А вот леонидянин был бы убежден, что это — стада животных, переходящих с пастбища на пастбище. И в любой гипотезе оставалась бы неясная деталь — пятеро мертвых мальчиков в пустыне, в ста километрах отсюда.

— Антон, — позвал он. — Представляешь, если бы на нашем месте были бы леонидяне.

Антон сказал:

— Глупый леонидянин вообразил бы, что все ясно, а умный сказал бы, что информации недостаточно.

Да, информации недостаточно, думал он. Тысячи машин идут на юг, и ни одна не идет на север. И ни одна не возвращается. Если машины действительно идут на восстановление города, то они восстанавливают его из самих себя. Нелепо, но возможно.

— А вы что думаете об этом, Саул? — спросил он.

Саул сидел надутый.

— Я думаю, что вы намерены нарушить постановление, — заявил он. — И почему вы так уверены, что вам обрадуются? — Он подумал и добавил: — Черт меня дернул тащить вас на эту планету.

— Мы очень благодарны вам, — вежливо сообщил Антон.

Саул хотел что-то сказать, но тут Вадим затормозил так, что они чуть не вылетели из кресел.

— О боже! — нервно воскликнул Саул. — Что там еще?

— Дорога, — сказал Вадим. Он глядел вправо вниз.

От шоссе на восток уходила, петляя в снегу между холмами, утоптанная проселочная дорога.

— Это первая дорога в сторону, — сказал Вадим.

— По-моему, ее протоптали ногами, — проворчал Саул, глядя на дорогу в биноктар. — Хотя нет, вон там следы не то гусениц, не то колес...

— Куда же теперь? — спросил Вадим.

— Прямо, — сказал Антон. — А потом вернемся.

Инстинктивно он чувствовал, что если разгадка существует, то искать ее надо именно на этом проселке, но ему хотелось скорее покончить с шоссе — он не любил оставлять в тылу нерешенные задачи.

Вадим снова погнал глайдер вдоль шоссе. Вниз теперь уже никто не смотрел, и через пять минут все трое одновременно увидели впереди серое пятно.

Саул проговорил сквозь зубы:

— Опять такая же воронка. Только развалин что-то не видно.

В воронке слоился сизый дым. Края ее были запорошены снегом. А из воронки непрерывным потоком поднимались машины.

— Я ждал что-нибудь в этом роде, — заявил Вадим после долгого молчания.

— И я тоже, — сказал Антон.

— А я не смел и надеяться, — сказал Саул.

— Да, людей здесь не видно, — сказал Вадим.

Итак, что же мы имеем, подумал он. Имеем две дыры на расстоянии восьмидесяти километров друг от друга. Из одной дыры выходят машины, идут по превосходной автостраде и без всякого видимого эффекта уходят в другую дыру. Откуда они берутся и куда деваются, неясно по-прежнему. Странная мысль поразила его. Он взглянул на компас и схватился за биноктар. Нет, развалин не было. Это была другая воронка.

— Ну что ж! — бодро сказал Саул. — Вниз?

— Куда?

— В воронку. Вряд ли там есть люди.

— Вот именно, — медленно сказал Антон. — И делать нам там, следовательно, нечего.

— Согласен, — сказал Вадим. — Меня не интересуют новые производственные процессы.

— Они интересуют меня, — заявил Саул. — Я для этого сюда, можно сказать, прилетел!

Вадим сейчас же обернулся и посмотрел на Саула. Антон тоже смотрел на Саула.

— Для чего — для этого?

Саул замялся было, а потом яростно махнул рукой и сказал:

— Все равно. Здесь были Пришельцы, понимаете? Странники!

— Странники? — спросил Вадим и оглянулся на воронку.

Из клубов дыма по-прежнему ряд за рядом выезжали машины.

— Почему именно Странники? — спросил Антон.

— Я не специалист, — заявил Саул. — Может быть, вы, Антон, или вы, Вадим, можете доказать, что это не Странники, а какая-то другая цивилизация. Я знаю одно: ЕН 7031 находится в списке звезд, лежащих на гипотетическом пути Странников.

— В первый раз слышу о таком списке, — сказал Вадим.

— Такой список есть, — сказал Антон. — Список Горбовского — Бадера. Не в этом дело. Простите меня, Саул, но зачем не-следопыту, любителю, заниматься таким специальным вопросом?

Саул молчал.

— Ниоткуда не следует, что это именно Странники, — сказал Вадим. — Мне и в голову не приходило, что это вообще Пришельцы. Ты разбираешься в этих вещах, Антон?

— В этих вещах никто не разбирается, — сказал Антон. — Знаешь, как Горбовский еще в прошлом веке назвал Следопытов? Сеятелями загадок, которые много сеют и мало жнут.

— Я предлагаю спуститься в воронку, — упрямо сказал Саул.

— Значит, по-вашему, ребята, которые замерзли в пустыне, это и есть Странники? — спросил Вадим.

— Откуда мне знать? — окрысился Саул. — Я ожидал встретить здесь Следы. Мне кажется, я их встретил. Мне кажется, они представляют определенный интерес для специалистов. Поэтому нам нужно произвести хотя бы поверхностное обследование всех этих вещей, фотографирование там и прочее. И лететь на Землю. И пусть этим займутся люди поумнее нас.

— А мне нет дела до этих Следов! — резко сказал Вадим. — Я хочу знать, почему на этой планете голые люди замерзают до смерти в снежной пустыне. Для чего они пускаются в очевидно безнадежные путешествия на безобразных машинах?

— А я вам говорю! — загремел Саул. — Что вы этого не узнаете никогда без контакта с живыми, а этот контакт запрещен! Меня поражает ваша недисциплинированность!

— А меня поражает ваше равнодушие! — загремел в ответ Вадим. — Люди погибли! Понимаете? Люди!

— Шумно что-то у нас стало, — негромко сказал Антон, глядя в окно.

Почерневший от злости Саул сразу замолчал, втянул голову в плечи и принялся усаживаться поплотнее. Вадим неловко засмеялся.

— Я понимаю вас, Саул, — осторожно сказал Антон. — И мы, конечно, сделаем все, о чем вы говорите. Но мне-то кажется, что это не Пришельцы. Я почему-то думаю, что это местная цивилизация. Что здесь была катастрофа. Многие люди погибли, и те пятеро тоже, наверное, отсюда. Но должны же были остаться живые! Кто-то ведь протоптал дорогу в сторону! Вы согласны, что это возможно?

— Нет, — коротко сказал Саул.

— Почему так решительно?

— Взгляните на эти машины. Разве мыслимо, чтобы при таком уровне техники попавшие в беду остались без помощи?

— Во-первых, это мыслимо, — сказал Антон. — Мне самому приходилось бывать в подобных ситуациях. А во-вторых, я не предлагаю ничего ужасного. Слетаем посмотрим, что делается в конце проселка. Если там нет людей, или если люди там не нуждаются в нашей помощи, мы тихонько их сфотографируем, вернемся сюда, нырнем, если вы настаиваете, в воронку и полетим домой. Не знаю, как вам, а мне было бы очень неприятно узнать потом, что я был в десятке километров от людей, терпящих бедствие, и ничего не предпринял. Ведь это было бы неприятно, согласитесь.

Саул с минуту молчал. Затем лицо его посветлело.

— Да, — сказал он. — Действительно. Возможно, что это вовсе не Следы. Поворачивайте, Вадим.

Он бросил последний взгляд на воронку и проворчал:

— Откуда они все-таки ползут?

Глайдер повернул и помчался вдоль шоссе обратно.

— Понимаете, Саул, — сказал Вадим не оборачиваясь, — у меня перед глазами все время эти мальчики в снегу.

На лице Саула появилось странное выражение. Он открыл было рот, но только глубоко вздохнул:

— Эхе-хе...

Это прозвучало очень печально и как-то по-старчески. Вадим сказал:

— Я, наверное, погорячился. Я очень громко орал?

— Я не обижаюсь, — сказал Саул, — я сам люблю орать во время спора.

— Ну конечно, — сказал Вадим обрадованно. — Какой же спор без крика?

— Орал ты все-таки безобразно, — холодно сказал Антон.

— Тошка, Тошка, — сказал Вадим. — Логический ты человек. И за что я тебя только люблю? Есть в тебе что-то от анализатора с ручным управлением. Верно ведь, Саул?

— Вы отлично дополняете друг друга, — осторожно заметил Саул.

— До чего дополняем?

— До двух.

— Это любопытная мысль, — заявил Вадим. — Как-нибудь на досуге я ее опровергну.

— Не проскочи проселок, — предупредил Антон, которому все эти разговоры были как нож острый.

Вадим посмотрел на спидометр и сказал:

— Они великолепно выдерживают скорость. Сорок километров ноль-ноль. Конечно, это автоматы. А вот и проселок.

Он круто повернул.

— Лететь над проселком или срезать? — спросил он.

— Над проселком, — сказал Антон. — И спустись пониже.

Вадим с удовольствием опустил почти к самой земле и пошел точно над проселком — он очень любил быструю езду с крутыми поворотами. Впереди по проселку неслась, ломаясь на неровностях, округлая тень глайдера.

— Опять птицы, — сказал Саул.

Впереди у самой дороги топталось несколько давешних голенастых чудовищ. Они разгребали когтистыми лапами сугробы и шарили клювами в разрыхленном снегу. Когда глайдер приблизился, они разом присели на лапы, закинули шеи и распахнули черные клювы. С клювов свисали какие-то лохмотья.

— Омерзительные твари, — сказал Саул с отвращением. Он перегнулся на сиденье и глядел назад. — Что они там выкапывают?

Вадим вдруг понял, что они там выкапывают, но это было так страшно, что он не поверил.

— Вы не видели тахоргов, Саул, — сказал он с несколько принужденной веселостью. — По сравнению с тахоргами — это желтоносые цыплята. Надо будет потом подстрелить одну, Антон, а?

— Можно, — сказал Антон.

Саул сел прямо.

— Мне не нравится, что они там что-то выкапывают, — сказал он мрачно.

Никто не ответил. Так в молчании они пролетели еще минут тридцать. Проселок был какого-то желтоватого навозного цвета. Справа и слева по снежной целине то и дело тянулись цепочки человеческих следов. Круглые холмы по сторонам дороги были пусты, только один раз они увидели двух серых четвероногих, пугливо и осторожно спускавшихся по склону. Кое-где из сугробов торчали чахлые прутья и черные кривые корни, похожие на скрюченные руки.

— Еще одна, — сказал Антон.

На вершине холма, вытянув вертикально шею, стояла птица. Заметив глайдер, она стремительно ринулась наперерез. Она мчалась, высоко задирая ноги, растопырив

маленькие крылья, пригнув клюв к самому снегу. Огромный горящий глаз был устремлен на глайдер.

— Не успеет, — с сожалением проговорил Вадим.

Но птица успела. «Тэ-эк!» — крикнул Вадим. Глайдер содрогнулся. За спектролитом фонаря мелькнула растопыренная когтистая лапа. Антон и Саул сейчас же обернулись.

— Еще катится, — с удовольствием сказал Саул. — На редкость мерзкое животное. Ух ты! — изумленно воскликнул он.

Вадим торопливо включил экран заднего вида. Всклокоченная птица была уже на ногах и прихрамывая неслась следом за глайдером. Вид у нее был остервенелый. Скоро она скрылась за поворотом.

Холмы стали ниже, и вдруг впереди поднялся высокий снежный вал. Крошечные черные фигурки копошились на верху его. Вадим притормозил.

— Поднимемся на гребень? — спросил он.

— Я вас только прошу, — сказал Саул. — Не устраивайте там братство цивилизаций.

Вадим рывком вынес глайдер на вершину вала. Антон откинул фонарь, высунулся и изумленно свистнул.

Внизу за валом открылся гигантский котлован, и там было полно людей и машин. Но Вадим не смотрел вниз. Он с ужасом и жалостью смотрел на сторбленного, синего от стужи человека в длинной серой рубашке, который медленно, с трудом переставляя ноги, шел прямо на глайдер. Лицо его казалось пестрым от гноящейся коросты, голые руки и ноги были покрыты рубцами и язвами, слипшиеся грязные волосы торчали во все стороны. Человек скользнул по глайдеру равнодушным взглядом и, обогнув его, стал спускаться в котлован. Оступаясь, он жалобно и привычно постанывал.

V

Плоское дно котлована было покрыто грязным утоптаным снегом. На снегу стояли десятки машин — самых разнообразных, и хотя большая их часть была либо покрыта снегом, либо зарылась наполовину в этот серый смешанный с землей снег, но можно было без труда узнать в них машины таких же типов, какие двигались по загадочному шоссе. Некоторые машины двигались, но движение это было странное, оно больше напоминало судорожные беспорядочные рывки, безо всякого порядка и без всякой видимой цели. Среди машин копошились, сидели прямо на снегу, лежали даже и перебежали люди, полуголые босые люди в длинных серых рубашках из мешковины. Вокруг котловины, на границе глубокого снега люди стояли неровными изломанными шеренгами. Их было много, сотни, а может быть, и тысячи. Они стояли уныло, понуро, ни на что не глядя. Кое-где в шеренгах видны были лежащие.

Больше всего поразило Антона — хотя это не сразу дошло до его сознания — то обстоятельство, что в котловане было очень тихо. Тысячи людей работали там, а слышно было только глухое ворчание механизмов, странные, резкие, как выстрелы, щелчки, скрип снега под сотнями пар ног да изредка — высокие пронзительные жалобные выкрики. И кашель. Время от времени кто-то где-то начинал хрипло надсадно кашлять, задыхаясь и сипя от натуги, так что у Антона начинало першить в горле, этот кашель немедленно подхватывали десятки глоток, и через несколько секунд котлован наполнялся трескучими, рвущими легкие звуками. На некоторое время движение людей прекращалось, затем раздавались жалобные выкрики, резкие, как выстрелы, щелчки, и кашель прекращался.

Люди, подумал Антон. Бедные несчастные люди! Антону было двадцать четыре года, но он уже шесть лет работал звездолетчиком и повидал многое. Ему приходилось видеть, как теряют друзей, как становятся калеками, как теряют веру в себя, как умирают, он сам терял друзей и сам умирал один на один с равнодушной тишиной, но здесь... Здесь было совсем другое. Это было горе, темная тоска и темная безысходность. Здесь

ощущалось равнодушное отчаяние, когда никто ни на что не надеется, когда падающий знает, что его не поднимут, а голодный — что его не накормят, когда впереди нет абсолютно ничего, кроме смерти один на один с безучастной толпой. Не может быть! — подумал он. Это просто большая беда. И каждый сражается, и каждый жертвует для всех.

— Ты прав, Антон, — хрипло сказал Вадим. — Как всегда. Это беженцы из города...

Лицо Вадима осунулось, он не отрываясь смотрел вниз, тяжело дыша полуоткрытым ртом. Саул пробормотал:

— Никогда мы не сможем им помочь... Тысячи людей, и у них ничего нет.

Они постояли еще немного молча. Было непонятно, чем заняты люди на дне котлована. Ясно было только, что они возятся с машинами. С неуклюжими, дергающимися в глубоком снегу, завывающими машинами. Наверное, машины были их последней надеждой. Наверное, они старались овладеть этими машинами или исправить их, чтобы выбраться из снежной пустыни.

— Надо идти туда, — сказал Вадим, ни к кому не обращаясь, и стал спускаться.

Антон немного пришел в себя и крикнул:

— Подожди!

Вадим остановился.

— Ну что? — сказал он с досадой.

— Держи! — крикнул Антон. Он поднял мешок с медикаментами и сбросил вниз.

Потом он поднял мешок с продовольствием. — Возьмите, — сказал он Саулу.

— Это бессмысленно, — сказал Саул.

— Мы дадим это самым слабым, — сказал Антон.

— Не делайте глупостей, — сказал Саул. — Они увидят еду и растопчут вас вместе с вашими мешками.

Антон посмотрел на него.

— Это не для всех, — вразумляюще сказал он. — Мы объясним им, что это для самых слабых.

Несколько секунд Саул с выражением странного сожаления смотрел на него. Затем он спросил:

— Вы знаете, что такое толпа?

— Берите мешок, — тихо сказал Антон.

Саул со вздохом взвалил мешок на плечо и нагнулся за бластером, валявшимся на сиденье.

— Нет, эту штуку вы оставьте, — сказал Антон.

— Нет, это я возьму, — сказал Саул.

Он с сопением продел голову в ремень бластера.

— Я вас прошу, Саул, — сказал Антон. — Оставьте. У вас нервы не в порядке.

Саул, оскалившись, полез через борт.

— Саул Репнин! — железным голосом сказал Антон. — Приказываю вам остаться в глайдере!

Саул сел на борт.

— Остаться в глайдере, — сказал он задумчиво. — Хорошо.

Антон отобрал у него мешок и протянул руку:

— Давайте сюда бластер.

— Вы не умеете стрелять, — сказал Саул.

— Умею, — сказал Антон, глядя ему в глаза. И каждый раз так, с досадой подумал он. Каждый раз в самый ответственный момент объявляется кто-нибудь с нервами, и приходится успокаивать и урезонивать вместо того, чтобы заниматься делом.

Саул отдал бластер. Антон сунул оружие за пазуху и стал спускаться вслед за Вадимом.

— Так я возьму третий мешок, — сказал Саул как ни в чем не бывало.

Антон не обернулся. Они нагнали Вадима и пошли рядом.

— В случае чего, — сказал Саул, — стреляйте в воздух. Все сразу разбегутся.

Антон не ответил. Он думал, что будет дальше.

— Вадим, — сказал он. — Как ты с ними договоришься?

— Как-нибудь, — сказал Вадим, подкидывая мешок на спине. — Главное сейчас — это ты. Если бы ты был настоящим врачом, я бы ни о чем не беспокоился.

— Да, — сказал Антон, подумав. — Они, конечно, гуманоиды. И надо надеяться, их анатомия не очень отличается от нашей. Но вот насчет физиологии...

Он вдруг вспомнил, какие ужасные последствия вызвало применение простого йода гуманоидами на Тагоре.

— Все это, конечно, чепуха, — сказал Вадим. — Все это капля в море. Надо разобраться в машинах и вывезти их отсюда. Или помочь им связаться с внешним миром.

Они уже прошли половину склона, когда Саул попросил:

— Подождите минуточку...

Они остановились.

— Что случилось? — спросил Антон. — Устали?

— Нет, — сказал Саул. — Я никогда не устаю. — Он пристально всматривался куда-то вниз. — Видите зеленую машину с краю? Вон ту, в снегу! На крыле кто-то в сером.

— Вижу, — неуверенно сказал Вадим.

— Ну-ка, ну-ка, у вас глаза помоложе...

Антон напряг зрение.

— Сидит человек, — сказал он и вдруг замолчал. — Непонятно, — пробормотал он.

— Там сидит человек в меховой одежде, — объявил Вадим. — Вот что я вижу. Закутан в меха до глаз.

— А может быть, он в рубахе? — спросил Саул со странным выражением.

— Ничего не понимаю, — сказал Антон. — Может быть, это больной?

— Может быть, — сказал Вадим.

Саул засмеялся резким смехом.

— А вон еще двое больных, — сказал он, — я давно на них смотрю. Далеко только очень.

На противоположной стороне вала четко выделялись на фоне белесого неба две черные мохнатые фигурки. Они стояли совершенно неподвижно, широко расставив ноги, держа в отставленной руке длинные тонкие шесты.

— Что это у них? — неуверенно сказал Антон. — Антенны?

— Антенны, — с горечью сказал Саул. — Кажется, я знаю, что это за антенны.

Резкий высокий вопль огласил котлован. Вадим вздрогнул и выронил мешок. Внизу взревел какой-то двигатель, раздался многоголосый жалобный вопль, и Антон увидел, как громоздкая, похожая на глубоководный танк машина с ревом закрутилась на одном месте и вдруг поползла, опрокидывая другие механизмы, прямо на шеренгу людей. Она все увеличивала скорость, и было видно, как из ее недр выкарабкиваются и кубарем скатываются в истоптанный снег человеческие фигурки. Шеренга не шелохнулась. Антон схватил себя за рот, чтобы не закричать. Сквозь рев и треск донеслись резкие, похожие на выстрелы звуки, а затем, перекрывая весь этот шум, прозвучал чей-то высокий жалобный голос. Шеренга вдруг сомкнулась в плотную толпу и двинулась навстречу танку. Антон не выдержал — он закрыл глаза. Он слышал только рев двигателя и жуткий мокрый хруст.

— Боже мой, — непонятно бормотал у него над ухом Саул. — Ох, боже мой...

Антон заставил себя открыть глаза. Танка не было видно. Была видна высокая шевелящаяся куча, которая медленно двигалась, все больше и больше крениась набок. За ней оставалась широкая полоса ярко-красного утоптанного снега. Вокруг этого страшного холма была пустота, и только четверо людей в мехах неторопливо шли в этой пустоте, не отставая ни на шаг, следуя за движением облепленного людьми танка. Машинально Антон поднял глаза и поглядел на людей с шестами. Они стояли в прежней позе,

совершенно неподвижные, только один из них вдруг ленивым движением переложил шест в другую руку и снова застыл. Кажется, они даже не глядели вниз.

Рев двигателя внезапно смолк. Танк был повален набок, и люди медленно сползли с него, отходя в сторону. Тогда Вадим, не говоря ни слова, швырнул свой мешок вниз и помчался вслед за ним, делая гигантские прыжки. Антон кинулся вслед. Сквозь шум в ушах он слышал, как Саул, спешивший за ним по пятам, задыхаясь и хрипя, выкрикивает:

— Слепцы... Слепые щенки... До сих пор ничего не поняли...

Когда он добежал до танка, оставшиеся в живых люди уже снова строились в шеренги. Люди в мехах ходили среди них и что-то выкрикивали жалобными, стонущими голосами. А Вадим, волоча за собой мешок, ползал на четвереньках среди разбросанных под танком тел, по уши вымазанный в грязи и крови, и был, по-видимому, в совершеннейшем отчаянии. Он поднял навстречу Антону искаженное лицо и проговорил:

— Здесь одни мертвые... здесь все уже умерли...

Антон осмотрелся. Нестройная шеренга задыхающихся, мокрых от пота и тающего снега людей в серых рваных мешках выстроилась шагах в двадцати от них, и все эти люди как один глядели на него и Вадима. И люди в мехах тоже остановились, сбились в кучку и переговаривались вполголоса, глядя на них. Но Антону было наплевать на это. Те, кого искал Вадим, стояли в шеренгах — высокий костлявый старик с ободраным влажно-красным лицом; юноша, который стоял, пошатываясь, прижимая к груди неестественно вывернутую руку; абсолютно голый человек, зажимающий живот растопыренными пальцами; человек с серым лицом и закрытыми глазами, поджавший одну ногу, из которой толчками била черная кровь, — все, кто остался жив, все стояли в шеренгах. У Антона перехватило дыхание. Он нагнулся, раскрыл мешок с медикаментами и запустил в него руки. «Спокойно, спокойно», — говорил он вслух. Он вынул банку с коллоидом Пико и, на ходу отвинчивая крышку, направился прямо к человеку с раздавленной ногой. Вадим с охапкой тампопластыря двинулся вслед за ним.

Ужасная рана... Разворочены мускулы, кровь уже почти не идет... Почему так тихо? Почему никто не поддержит раненого товарища? Коллоид... Теперь пластырь... Нет, это уже калека. Так, разорван живот... Серое лицо и синие белки глаз между полуоткрытыми веками... Этот уже мертв. Непонятно, как он стоит... Дальше... Вывернута рука... Вадим, придержи его. Крепче! Почему он не кричит? Почему никто не кричит? Вон там один уже упал... Поднимите же его, вы, там, здоровые!

Кто-то тронул его за плечо, и он повернулся. Перед ним стоял человек в мехах. У него было румяное, очень грязное лицо, узкие, скошенные вниз глаза, на кончике короткого носа висела мутная капля. Ладони в меховых рукавицах были умильно сложены перед грудью, под мышкой он держал пачку каких-то бумаг.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказал Антон. — Потом... Вадим, разберись с ним.

Но человек покачал головой и быстро заговорил. И сейчас же рядом заговорил Вадим с очень похожей интонацией. Человек в мехах замолчал, с изумлением поглядел на Вадима, на Антона, снова на Вадима, затем пятясь отошел к своим коллегам. Антон досадливым движением поправил за пазухой тяжелый бластер и повернулся к раненому. Раненый стоял, закрыв лицо руками. И все люди в шеренге стояли, закрыв лица руками, кроме того, мертвого, по-прежнему державшегося за живот.

— Ничего, ничего, — сказал Антон ласково. — Опустите руки, не бойтесь... Все будет хорошо. Вадим, пластырь.

Но в эту минуту высокий жалобный голос прокричал что-то коротко и резко, и все люди в шеренге разом повернулись направо. Люди в мехах трусцой побежали вдоль рядов. Снова раздался крик, и колонны двинулись.

— Стойте! — крикнул Антон. — Не сходите с ума!

Никто даже не повернул головы. Колонны шли мимо, и все, проходя возле Антона и Вадима, закрывали лица руками. Только человек с распоротым животом остался стоять. Потом кто-то задел его, и он мягко свалился в снег.

Колонны ушли, тяжело и с хрустом ступая по снегу. Антон растерянно провел мокрой рукой по глазам и огляделся. Он увидел поваленный танк, длинного черного Саула рядом с танком, Вадима, застывшего на месте с выражением горя и растерянности на лице, да несколько десятков тел на растоптанном грязном снегу. И тишина над котлованом — только редкие жалобные выкрики в отдалении. Котлован опустел.

— Почему? — спросил Вадим. — Чего они испугались?

— Может быть, они боялись, что мы повредим раненым? — неуверенно проговорил Антон.

— Я пойду догоню их, — сказал Вадим. Он сделал движение.

— Ни с места! — заорал вдруг Саул так громко, что над котлованом загремело эхо.

Ребята испуганно повернулись к нему.

— Что случилось? — спросил Антон.

— Простите, — сказал Саул. — Я вас очень прошу: не приближайтесь больше к ним.

— Почему?

— Так вы еще не понимаете, — с горечью сказал Саул. — Ну конечно, где же вам понять... Кто, по-вашему, эти подлецы в мехах?

— Почему подлецы?

— А кто они, по-вашему?

Антон молчал.

— Кто, по-вашему, эти здоровенные жирные парни в мехах? — рявкнул Саул. — Которые приказывают кидаться под танк! Которые не работают, а только стоят и смотрят, как работают! Которые млеют от пота среди замерзающих! Которые фигурно торчат на горизонте, расставив ноги и держа наготове пики!..

— Ну какие там еще пики, — устало сказал Антон. — Давайте прекратим этот разговор. Конечно, мы еще мало что здесь понимаем — я и Вадим, и вы, Саул...

Вадим сказал:

— Смеркается. Пойдемте осмотрим машину, раз уж мы здесь... Все равно этим придется заняться рано или поздно.

Антон аккуратно закрыл мешок с медикаментами. Вадим пошел к машине. Саул не двигался, угрюмо и мрачно глядя на склон, по которому медленно полз черный пунтир — хвост уходящей через вал колонны.

Овальная панцирь, покрывавший танк, был откинут. Внутри корпус танка был разделен перепончатой стенкой. Вадим светил фонариком, и они видели гофрированные стены кабины, чистые матовые сочленения раскрытого двигателя, странные кривые зеркала на коленчатых шестах, похожих на бамбук, необыкновенное дно кабины, чашевидное, покрытое множеством круглых отверстий, похожее на гигантскую шумовку.

— Да-а, — протянул Вадим. — Ничего не понимаю. Где управление? И зачем здесь эти отверстия?

— Может быть, это кибер?

— Слишком много пустого места...

— Посмотрим двигатель, — предложил Антон.

Они осмотрели двигатель. Это был довольно простой механизм с высокочастотным приводом. Он мог питаться, по-видимому, и от элементов, вделанных в прокладку корпуса.

— Мощная машина, — сказал Вадим. — Но вот как она управляется?

Они снова вернулись к кабине.

— Дырочки, — бормотал Вадим. — И нет никаких признаков пульта. А что, если...

Он потрогал одну из дырок указательным пальцем. Палец в отверстие не влезал. Тогда Вадим сунул туда мизинец. Он ощутил короткий болезненный укол, и в то же мгновение в двигателе что-то тонко засвистело.

— Ну вот и все ясно, — сказал Вадим. Он оглядел мизинец.

— Что ясно? — нетерпеливо спросил Антон.

— Мы не сможем управлять этой машиной. И они тоже не смогут.

— А кто сможет?

— Ты знаешь, — сказал Вадим задумчиво, — кажется, Саул прав. Это не здешняя машина. Или придется признать, что эти люди — не аборигены. Эту машину создали не гуманоиды.

Они молча стояли перед кабиной, пытаясь представить себе форму существа, которое чувствовало себя в этой шумовке так же удобно, как они сами в водительском кресле перед пультами и экранами.

— Саул, — позвал Антон.

— Да, — мрачно донеслось сверху. Саул стоял на танке.

— Вы слышали, что сказал Вадим?

— Слышал.

Саул тяжело спрыгнул в снег.

— Пора возвращаться, — сказал он. — Темнеет.

— Пойдемте, — сказал Антон.

Они взвалили на плечи мешки и стали подниматься на вал. Какая каша, думал Антон. Машины, построенные негуманоидами. Гуманоиды, потерявшие человеческий облик, отчаянно пытающиеся разобраться в этих машинах. Ведь они, несомненно, пытаются в них разобраться. И у них, несомненно, ничего не выходит. И, наверное, никогда не выйдет. И почему все это делается так жестоко и страшно? Какое бедствие пережили эти люди? Почему все они одеты одинаково? Или, вернее, одинаково не одеты... И эти люди в мехах... Люди с пиками... Что такое пики?

— Саул, — сказал он. — Что такое пики?

— Копья, — ответил Саул, кряхтя.

— Копья...

— Длинный деревянный шест, — раздраженно сказал Саул. — На конце острый железный наконечник... Часто зубчатый... Используется для протыкания насквозь ближнего своего. — Саул помолчал, тяжело дыша. — Может быть, вам заодно объяснить, что такое мечи?

— Знаем мы, что такое мечи, — сказал Вадим не оборачиваясь. Он лез первым.

— Так вот у каждого из этих бандитов в шубах висел за спиной меч. А на руке у каждого висела нагайка. Вы знаете, что такое нагайка?

— Нагаечка-погоняечка, — пробормотал Вадим. Антон молчал. — Погоняют лошадей.

— Вот именно, погоняечка... — сказал Саул необычайно язвительно. — Слушайте, молодые люди, давайте передохнем...

Они уселись на мешки.

— Вы много курите, — сказал Антон. — Это очень вредно.

— Курить — здоровью вредить, — сказал Саул.

Вадим невольно восхитился. Это была великолепная, архаическая форма — инфинитивная рифма. Это настоящий историк, подумал он. Почему я раньше ничего не слышал о нем? А ведь он, наверное, крупный специалист по раннему социализму...

Стало совсем темно. Котлован внизу наполнился сумеречными тенями. Небо очистилось от туч, появились звезды, слева таяло зеленоватое сияние заката. Стало очень холодно, и Антон с содроганием подумал о несчастных, бредущих сейчас босиком по скрипучему снегу... А куда они бредут? Может быть, здесь поблизости у них есть какое-нибудь убежище? Странно, еще только позавчера мы сидели с Димкой на крыльце, было тепло, изумительным запахом несло из сада, верещали лягушки, и дядя Саша звал нас из своего коттеджа отведать его морса...

— Пошли, — сказал Саул со вздохом и поднялся.

Они ввалились в глайдер, закрыли фонарь, и Вадим сразу же на полную мощность включил отопление. Антон расстегнул куртку, вытащил теплый бластер и бросил его на

сиденье рядом с Саулом. Саул мрачно дышал в пригоршню. На мохнатых бровях его таял иней.

— Надо решать, что делать дальше, — сказал Антон.

— Надо немедленно нагнать их и попросить объясниться, — сказал Вадим. — Помочь им мы, наверное, не сможем, но мы можем организовать им помощь с Земли. Надо только точно знать, в чем они нуждаются в первую очередь...

— Одежда, еда, врачи, — сказал Антон.

— Это ясно, но надо знать, в каком количестве. Сколько их здесь? И, может быть, не только здесь? И чего они добиваются вообще?

— А почему вы, собственно, решили, — спросил Саул, — что они вообще нуждаются в помощи?

— Вы, надеюсь, не шутите? — спросил Вадим.

— Я никогда не шучу, — сказал Саул. — Почему вы не хотите попытаться понять, что здесь происходит? Почему вы думаете, что все это так просто — люди раздеты и голодны, значит, они нуждаются в помощи?

— А как по-вашему? — спросил Вадим. — Не нуждаются?

Саул вскочил, стукнулся головой о фонарь и снова сел. Несколько секунд он молчал, словно стараясь успокоить себя. Затем он сказал:

— Я снова обращаю ваше внимание, молодые люди, на то необычайно важное обстоятельство, что там, в котловане, вовсе не все люди нуждаются в одежде и прочем. Что там, в котловане, мы видели людей здоровых, сытых, вооруженных. И для этих людей положение дел не представляется таким уж безнадежным, как для вас. Вы хотите помочь страждущим — это великолепно. Я тоже. Но не кажется ли вам, что этим самым вы неизбежно вступите в конфликт с некоторым определенным положением вещей? — Он замолчал, пристально глядя на Антона.

— Не кажется! — сказал Вадим. — Я не хочу думать о людях хуже, чем о самом себе. У меня нет никаких оснований считать себя лучше других. Поэтому я не могу представить себе конфликта, о котором вы говорите. Да, там, в котловане, есть неравенство. И меховые шубы выглядят дико в толпе замерзающих. Но я совершенно уверен, что всему этому есть вполне логическое и человеческое объяснение. И что бы там, в котловане, ни происходило, помощь землян для этих несчастных никогда не будет лишней или вредной! — Он перевел дух. — А что касается пик и мечей, то кто-то ведь должен охранять этих несчастных? Надеюсь, вы не забыли приятных птичек на дороге?

Антон одобрительно кивнул.

— Я помню аварию на «Сигизмунде», — сказал он. — Две недели экипаж сидел на половинном кислородном пайке без еды и пищи. Все немного, что у нас оставалось, мы отдавали инженерам, чинившим синтезаторы.

— И никто не жаловался! — с вызовом сказал Вадим.

— Да, конечно, — подтвердил Антон. — Жаловаться было некому. Хотя, заметьте, Саул, мы бы не отказались от посторонней помощи.

Саул нагнул голову и с тоской хрустнул пальцами.

— Плоскость, плоскость... — пробормотал он. — Всё в одной плоскости, как всегда... Как тысячи лет назад...

Ребята молча ждали.

— Вы славные люди, — тихо сказал Саул. — Но сейчас я не знаю — плакать или радоваться, глядя на вас. Вы не замечаете того, что совершенно очевидно для меня. И я не могу вас винить за это. Я больше не стану просить вас немедленно вернуться на Землю. Я вижу — это бесполезно. Но послушайте одну маленькую притчу. В незапамятные времена какие-то Пришельцы — возможно, это были Странники — забыли на Земле сравнительно несложный кибернетический аппарат: универсальный робот и прибор биоуправления. Этот аппарат провалился где-то в Аравии, может быть, несколько тысячелетий. А потом прибор биоуправления нашел нищий арабский мальчик, которого звали Аладдин.

Дальнейшая история Аладдина вам, наверное, известна. Мальчишка тер лампу, и со страшным грохотом прибежал неведомо откуда черный и, может быть, даже огнедышащий робот, улавливал несложные биотоки, в которые были оформлены несложные желания Аладдина, и разрушал города и строил дворцы. — Саул замолчал. — Так появилась легенда о джинне — рабе лампы. И если бы кто-нибудь из нас попытался втолковать Аладдину, что это не джинн, а дело рук человеческих, мальчик принял бы это объяснение как нечто противоестественное. Потому что его мир был миром волшебников и ифритов. Аладдин инстинктивно отстаивал бы этот мир, стремясь остаться в плоскости своих представлений. Вот и вы — вы поступаете так же. Инстинктивно стремитесь отстоять достоинство Разума и сохранить целостность своего мировоззрения. И вы совершенно не способны представить, что здесь, на Сауле, мы имеем дело не с катастрофой, не с каким-то стихийным или техническим бедствием, а с определенным порядком вещей. С системой, молодые люди... Вы, конечно, в этом не виноваты. Но всего два с половиной века назад половина человечества была уверена, что черного кобеля не отмоешь добела и что человек как зверем был, так зверем и останется... А теперь делайте, что хотите. Я пойду за вами.

— Саул, — сказал Вадим прочувствованно. — Я понимаю вас. Но в вас говорит историк. А это нельзя сейчас. Нельзя, чтобы в вас говорил историк, во мне лингвист, а в Антоне — звездолетчик. Нам не нужны сейчас никакие остроумные усложнения. Мы можем действовать, и мы должны действовать. Как люди. В плоскости наших представлений.

— Хорошо, — вяло сказал Саул. — Действуйте.

— Мы будем очень осторожны, — сказал Антон. — Не надо беспокоиться за нас. Мы взрослые люди.

Саул ничего не сказал. Он взял бластер и продел голову в ремень.

— Я хочу есть, — сказал он. — Давайте поедем. Неизвестно, что будет дальше.

Антону не хотелось есть, но еще меньше ему хотелось спорить. Они поужинали и за едой составили план действий. План был прост: найти убежище аборигенов, дать им понять, что они могут рассчитывать на помощь, уговорить одного из аборигенов отправиться на Корабль, освоить язык и выяснить, что им нужно.

Была уже ночь, когда глайдер снялся с места, пересек котлован и помчался вдоль утопанной дорожки, ведущей на восток. Над снежной равниной поднималась маленькая яркая луна, а на западе над хребтом висел багровый узкий серп.

Дорога вдруг свернула, огибая высокий холм, и они увидели несколько ровных рядов занесенных снегом хижин.

— Здесь, — сказал Антон. — Снижайся, Вадим.

VI

Вадим посадил глайдер на первой попавшейся улице. Он откинул фонарь, и в кабину сейчас же ворвался жуткий дурной запах — вонь испражнений на морозе, тоскливый запах большой беды. По сторонам улицы стояли покосившиеся обшарпанные хижины без окон, в лунном свете серебрились шапки чистого снега на плоских крышах и отвратительно чернели сугробы у входов. Улица была пуста, и можно было подумать, что поселок вымер, но тишина была наполнена хрипами, вздохами, заглушенным треском сухого кашля.

Не закрывая колпак, Вадим медленно повел глайдер вдоль улицы. Вонючий мороз обжигал лицо. На улицах не было ни души.

— Измотались, — сказал Вадим. — Спят. Придется будить.

Он снова остановил глайдер и выпрыгнул на дорогу. Он нерешительно остановился перед узкой загаженной тропинкой, ведущей к двери ближайшей хижины. Страшно и гадко было идти туда. Он оглянулся. Саул лез через борт. Вадиму стало стыдно.

— Останьтесь, — громко сказал он. — Вы мне не нужны.

— А я и не собираюсь идти с вами, — сердито ответил Саул. — Я пойду в другой барак.

Вадим решительно шагнул на тропинку, поскользнулся и чуть не упал. Его вдруг затошнило, и он, подняв голову, чтобы не видеть тропинки, направился к двери. Дверь открылась ему навстречу, и из нее выпал совершенно голый, длинный, как палка, человек. Он повалился на обледенелый сугроб и мертво стукнулся о стену хижины. Вадим нагнулся над ним. Это был мертвец, уже давно заочневший. В хижине кашляли, и вдруг высокий скрипучий голос затянул песню. Это было похоже на вой: голос выводил одни только тоскливые рулады без слов, а может быть, это был просто плач. Вадим снова оглянулся. На дороге чернела округлая глыба глайдера, рядом неподвижно торчал черный силуэт Саула, жутко блестел под яркой луной снег на пустынной улице, и протяжно плакал и жаловался высокий голос за дверью. Вадим распахнул дверь и включил фонарик. Отвратительный душный воздух ударил ему в нос, и он задохнулся. Круг белого света упал на сырой земляной пол, покрытый бледной вытоптанной травой. Вадим увидел десятки скорченных тел, прижавшихся друг к другу, сплетение голых тощих ног с огромными ступнями, высохшие лица, искаженные резкими тенями, раскрытые черные рты — люди спали прямо на земле и друг на друге. Казалось, они лежат штабелем в несколько рядов, и они дрожали во сне. А вой тянулся без передышки, не прекращаясь, и Вадим не сразу увидел певца, а потом поймал его в круг света. Человек сидел, обхватив острые колени, на спинах спящих. Он глядел на свет фонарика остекленевшими глазами и пел, вытягивая растрескавшиеся губы.

— Товарищ, — сказал Вадим. — Послушай меня. Погоди петь. Скажи что-нибудь.

Человек не шевелился. Казалось, он не видел света и не слышал голоса.

— Товарищ, — повторил Вадим, — послушай...

Певец вдруг закончил песню хриплым выкриком, повалился навзничь и замер. Он сразу же смешался со спящими, и Вадим уже не смог бы найти его. Он судорожно глотнул, сделал шаг вперед и, нагнувшись, похлопал кого-то по голой ноге. Нога была ледяная. Вадим повернулся, пошатываясь вышел и прислонился к косяку. Морозный воздух показался ему чистым и сладким.

— Ну что? — спросил Антон.

Вадим не ответил. Он оттолкнулся от стены и осторожно пошел по тропинке на дорогу. Саул по-прежнему неподвижно торчал возле глайдера.

— Не могу, — сказал Вадим. — Это безнадежно.

Он заметил, что фонарик еще горит, выключил его, сунул в карман и полез в глайдер. Антон молча смотрел на него. Подошел Саул, облокотился на борт и тоже стал смотреть на Вадима. Вадим уткнулся лицом в дугу руля и спросил сквозь зубы:

— Антон, сколько человек мы сможем одеть?

— Человек шесть.

— А накормить?

— Человек пятьдесят. Если раздать все сразу.

— Ладно, — сказал Вадим и поднял голову. — Не будем терять времени. Нужен «язык». «Действуйте, лейтенант, и без «языка» не возвращайтесь».

Саул не то всхлипнул, не то рассмеялся.

— Можно сейчас пойти прямо в эту лачугу, — продолжал Вадим, — взять там одного из них и усадить в глайдер.

— Если уж брать, — сказал вдруг Саул, — то нужно взять кого-нибудь из этих... в шубах.

— Зачем? — сказал Антон. — Лучше взять спящего.

— Чтобы он умер по дороге, — сказал Саул. — И потом ведь это ваше мнение, что люди в мехах — это самые важные и осведомленные.

Ребята молчали. Вадим смотрел вдоль улицы. В лунном голубоватом свете он вдруг увидел, как вдали, пересекая улицу, цепочкой прошли несколько теней в длинных рубашках.

— Смотрите, — сказал он.

Люди шли и шли через улицу, их было человек двадцать, а за ними прошли двое в мехах с длинными шестами.

— Ну вот, — сказал Саул и полез в машину.

— Вы думаете — этих? — спросил Антон.

— Какая разница?

Вадим вздохнул и тронул глайдер. Он медленно ехал вдоль улицы. Он представил себе, как они берут испуганного, ничего не понимающего человека под руки, тащат его к глайдеру и впихивают в кабину, а он жалобно кричит и отбивается. Попробовали бы меня так, подумал он. Я бы все разнес.

— Нехорошо, — сказал вслух Антон. — Он же будет отбиваться.

— И будет прав, — сказал Вадим.

— Не беспокойтесь, — сказал Саул. — Я знаю, как это делается. У меня он не будет отбиваться.

— Не думаю, чтобы он вас понял, — сказал Вадим.

— Поймет, — кратко ответил Саул и погрузился в молчание.

Вадим вывернул на поперечную улицу, и они увидели вдали приятного вида двухэтажный домик, возле которого толпились люди, освещенные красным огнем факелов. Сбившись в кучку, стояли те двадцать человек в рубашках, а вокруг них сновали люди в шубах. Вадим поехал совсем медленно, прижимая глайдер к теневой стороне улицы.

— Здесь живут люди в мехах, — сказал Саул. — Видите, как их уважают. Какой уютный теплый домик им смастерили. Кстати, — ни с того ни с сего сказал он, — вы заметили, что здесь нет ни одной женщины?

Дверь домика раскрылась, оттуда вышли двое и остановились на крыльце. Раздался протяжный жалобный крик. Кучка людей в рубашках пришла в движение, построилась в три ряда и вдруг двинулась прямо к глайдеру. Около крыльца закричали в несколько голосов. Вадим притормозил и посадил глайдер.

Вадим глядел во все глаза и ничего не понимал. Антон тоже ничего не понимал. Вадим слышал над ухом его тяжелое дыхание. Группа людей в рубашках приблизилась и быстрым шагом прошла мимо глайдера. Вадим ахнул. Двадцать босых людей в рубашках были впряжены в неуклюжие тяжелые сани, в которых развалился закрытый по пояс шкурами человек в шубе и в меховой конической шапке. В руках он вертикально держал длинное копьё с устрашающе зазубренным наконечником. Двадцать полуголых прошли мимо, лица их выражали радость, и они громко ликующе кричали. Вадим посмотрел на Саула. Саул провожал глазами странную упряжку, и рот его был широко раскрыт.

— Хватит с меня загадок, — сказал вдруг Антон. — Езжай прямо к дому.

Вадим дал газ. Домик стремительно бросился навстречу глайдеру. Люди в шубах, стоявшие у крыльца, несколько секунд глядели на приближающуюся машину, затем с удивительной быстротой построились полукругом и выставили вперед копыя. А на крыльце запрыгал, что-то жалобно выкрикивая, круглый мохнатый великан, размахивая над головой широким блестящим лезвием.

Вадим посадил глайдер в двух шагах от копий и вылез из кабины. Люди в шубах пятились, теснее прижимаясь друг к другу. Острия копий были направлены Вадиму прямо в грудь.

— Мир! — сказал Вадим и поднял руки.

Люди в шубах попятнулись еще немного. Под капюшонами блестели испуганно вытаращенные глаза и ощеренные зубы. От них валил пар и несло козлом. Толстый человек на крыльце разразился длинной речью. Он был невероятно толст и огромен. У

него была гигантская трясущаяся физиономия. Физиономия блестела от пота. Он приседал, и снова выпрямлялся, и даже становился на цыпочки, тыкал мечом то себе под ноги, то в небо и визжал неестественно высоким жалобным женским голосом. Вадим слушал, склонив голову. Толстяк вдруг замолчал, вытер потное лицо рукавом и, надсаживаясь, провизжал что-то короткое и резкое. В голосе его было страдание. Люди с копьями сейчас же нагнулись и очень медленно двинулись на Вадима.

— Можно я их все-таки садану, подлецов? — попросил Саул и положил ствол бластера на борт.

— Прекратите, Саул! — сказал Антон. — Вадим! В кабину!

Люди все надвигались короткими медленными шагами. Когда блестящие широкие лезвия уперлись в грудь Вадима, он отступил и, повернувшись спиной, полез в глайдер.

— Типичная полиномиальная структура, — сообщил он усаживаясь. — Очень примитивный язык. Но мира они не хотят — это ясно.

— Ну можно хоть в воздух? — спросил Саул. — Чтобы они штаны потеряли со страху!

Антон захлопнул фонарь. Люди в шубах вернулись к крыльцу и подняли копья. Все они смотрели на глайдер.

— Ну хорошо, — сказал Саул. — Поехали за «языком». Возьмем того гада, что уехал на упряжке.

— Ох и выражения же у вас! — сказал Антон морщась. — Совершенно не знаете человека и говорите о нем такие вещи.

— Я никогда не говорю о том, чего не знаю, — сказал Саул. — А за выражение простите.

— Значит, вы предлагаете того, что в упряжке?

— Другого нам без крови не взять, — сказал Саул. — Разворачивайте, Вадим. Можете не торопиться — пусть отъедет подальше.

Он выразительно погрозил кулаком толстяку на крыльце. Тот тряхнул щеками и не менее выразительно помахал мечом.

— Вот вам! — сказал Саул с веселым бешенством. — Видите, как мы друг друга понимаем?

— Поехали, Вадим, — нетерпеливо сказал Антон.

Глайдер понесся по пустынным улицам и через несколько минут вылетел в поле.

— А что, если они догадались, что мы идем на перехват? — спросил Вадим.

— Да перестаньте вы стесняться! — сказал Саул. — Раз вы хотите делать добро, так пусть оно будет активно. Так же активно, как зло. И потом, семь бед — один ответ. Постановление о контактах мы уже нарушили, и давайте не останавливаться на полдороге.

— Ну и философия! — сказал Вадим, качая головой.

— Из плоскости! Из плоскости! — закричал Саул весело. — Помните, что вы в совершенно другом мире!

Антон помотал головой.

— Всё равно, — сказал он. — Насильно умыкать человека — это уже вне любой плоскости...

— Тогда давайте вернемся на Корабль! — немедленно предложил Саул.

Ребята помолчали. Потом Вадим сказал:

— Я отниму у него пику и отнесу его в глайдер. А вы перережьте постромки и отдайте им все, что у нас есть из еды и одежды.

— Согласились, — сказал Антон.

Они нагнали упряжку километрах в пяти от поселка. Люди бежали по целине, спотыкаясь и увязая в снегу, а человек в шубе, нахохлившийся в санях, то и дело лениво тыкал копьем отстающих.

— А что, Антон, — сказал Саул. — На «Сигизмунде» инженеры тоже кололи вас в зад вилками, если вы не были проворны?

— Скоро все узнаем, — сказал Вадим. — Я снижаюсь.

Глайдер рухнул в снег прямо перед упряжкой, и люди-лошади остановились как вкопанные. Вадим первым выскочил наружу. Люди в рубахах стояли, закрыв лица руками. Они тяжело, со свистом дышали.

Пробегая мимо них, Вадим весело крикнул:

— Всё, друзья! Сейчас пойдете домой!

Он кинулся к саням, на ходу примериваясь, как лучше отбить копьё. Человек в шубе стоял на коленях и с изумлением и страхом смотрел на него.

— Пойдемте! — предложил Вадим и схватился за древко копьё.

Человек в шубе сейчас же выпустил копьё и выхватил откуда-то из-под шубы меч. Он был уже на ногах.

— Ну-ну, не надо! — сказал Вадим, отбрасывая копьё.

Человек в шубе вдруг заорал протяжно и жалобно. Вадим взял его за руку, держащую меч, и потянул за собой. Ему было очень неловко.

Человек в шубе рванулся. Вадим ухватил его крепче.

— Все будет хорошо, все будет в порядке, — убеждающе говорил он, разжимая грязный кулак с мечом.

Меч упал в снег. Вадим обнял человека в шубе за плечи и повел к глайдеру. Он бормотал какие-то ласковые слова, стараясь придать голосу местные интонации. Тут раздался предупреждающий крик Саула, и он почувствовал, что его валят с ног. Чьи-то ладони схватили его за лицо, кто-то повис на шее, несколько рук вцепились в его ноги — слабые, дрожащие руки.

— Что вы, с ума посходили? — заорал Саул обиженно. — Антон, держи их!

Человек в шубе снова сильно рванулся. Вадиму накинута на голову какое-то вонючее тряпье, и он ничего не видел. Он едва стоял в куче копошащихся тел, изо всех сил прижимая к себе человека в шубе. Потом он почувствовал острый удар в бок и боль. Тогда он выпустил «языка», двинул плечами и, освободившись, сорвал с лица вонючий мешок. Он увидел барахтающихся под ногами людей и Антона, который пробирался к нему, шагая через тела. Он повернулся. Голый человек с мечом стоял перед ним по колено в снегу.

— За что? — сказал Вадим.

Человек ударил, но меч в руке у него повернулся и плашмя упал на плечо Вадима. Вадим шагнул вперед и толкнул человека в грудь. Тот упал и замер на снегу. Вадим поднял меч и, размахнувшись, кинул его далеко в сторону. Он чувствовал, как под курткой у него ползет по ребрам что-то горячее и мокрое. Он огляделся. Люди в снегу лежали неподвижно, как мертвые. Человека в шубе среди них не было.

— Ты жив? — крикнул Антон задыхаясь.

— Вполне, — сказал Вадим. — А где «язык»?

Он увидел Саула. Саул, широко шагая, шел к ним, волоча за собой за шиворот человека в шубе.

— Хотел удрать, — объявил он. — Но каковы людишки?

— Пойдемте отсюда, — сказал Антон.

Они пошли к глайдеру, осторожно ступая среди неподвижных тел. Саул рывком поднял человека в шубе на ноги и повел, толкая его рукой между лопаток.

— Иди, подлец, — приговаривал он. — Иди, жирная морда! Воняет от него ужасно, — сообщил он. — Год, наверное, не мылся.

Когда они подошли к глайдеру, Антон взял «языка» за меховое плечо и показал рукой в кабину. Тот отчаянно закрутил головой, так что у него свалилась шапка. Потом он сел в снег.

— Цацкаться тут с тобой! — заорал Саул.

Он поднял «языка» за шубу и перевалил через борт. «Язык» с шумом упал на дно кабины и затих.

— Фу, — сказал Антон. — Ну и работа.

Он взял два мешка, стоявшие возле глайдера, и потащил их к упряжке. Он распаковал мешки, достал всю одежду и разложил ее на снегу. То же самое он сделал с продуктами. Люди казались мертвыми, только тихонько поджимали ноги, когда Антон проходил мимо.

Вадим стоял, устало прислонившись к теплому борту машины, и смотрел на взрытый снег, на опрокинутые сани, на тела, скорчившиеся под лунным светом.

— Комиссия по контактам, где ты? — сказал он.

Он потрогал бок. Кровь еще шла. Он почувствовал дурноту и слабость и забрался в кабину. Все было не так, все получилось нехорошо. Человек в шубе лежал ничком, закрыв голову руками. Судя по всему, он ждал смерти. Над ним, не сводя с него глаз, сидел свирепый Саул. Подошел Антон и тоже влез в кабину.

— Что же ты? — сказал он.

Вадим с трудом проговорил:

— Ты знаешь, Тошка, меня ранили. Ты веди глайдер.

Антон секунду смотрел на него.

— А ну-ка разденься, — потребовал он и закрыл фонарь.

Вадим стащил куртку. Его мутило. В глазах темнело. Он увидел сосредоточенное лицо Антона и встревоженное лицо Саула. Потом он почувствовал прохладные пальцы у себя на боку.

— Ножом, — сказал Саул. Голос его доносился словно из-за стены. — Если это сделала вот эта поганая скотина...

— Нет, — пробормотал Вадим. — Это мечом... Один голый...

— Этого даже я не понимаю, — признался Саул.

Антон что-то ответил, но тут перед глазами Вадима поплыли круги и звездочки, и он потерял сознание.

VI

— Антон, Антон, — заговорил Саул. — Антон! Он в обмороке, вы видите?

— Он спит, — сказал Антон.

Он внимательно осмотрел рану. Рана была рубленая и довольно глубокая. Удар пришелся под ребро, меч расслоил мышцы. Антон облегченно вздохнул. Саул глядел через его плечо, встревоженно шмыгая носом.

— Плохо? — спросил он.

— Нет, вздор, — сказал Антон. — Через час все будет в порядке. — Он отстранил Саула. — Сядьте, пожалуйста.

Саул откинулся в кресле и, страшно сопя, уставился на неподвижного пленника. Антон неторопливо развязал мешок, вытащил банку с коллоидом и густо залил рану. Оранжевый студень сразу стал розовым и подернулся тонкими стрелочками — как пенка на молоке. Вот кровь, подумал Антон. Здоровенный парень Димка! Он посмотрел на лицо Вадима. Оно было немного бледнее обычного, но такое же спокойное и умиротворенное, как всегда, когда он спал. И дышал он, как всегда, носом — глубоко, бесшумно и просторно. Антон положил пальцы обеих рук по сторонам раны и закрыл глаза.

Простейшие приемы психирургии входили в подготовку звездолетчика. Практически каждый звездолетчик умел вскрыть ткань и срастить ткань, используя психодинамический резонанс. Это требовало большого напряжения и сосредоточенности. В стационарных условиях применялись нейрогенераторы, а в поле приходилось делать это по-знахарски, и каждый раз Антон жалел знахарей. Как сквозь сон, Антон слышал, как

позади тяжело вздыхает и ворочается Саул и бормочет, всхлипывая, пленник. От пленника в кабине стоял неприятный кислый дух.

Антон открыл глаза. Рана затянулась, выдавив коллоид, — теперь это был розовый шрам. Пожалуй, хватит, подумал Антон. Иначе не смогу вести глайдер. Он был мокрый как мышь.

— Ну вот и все, — сказал он, переводя дыхание.

Саул молча глядел на рану.

— Черт знает что, — проворчал он.

— По-моему, на первый раз достаточно, — устало сказал Антон.

Он огляделся и вздрогнул. Снаружи к спектролиту фонаря прильнули страшные лица. Тощие, с ввалившимися щеками, ощеренные. У Антона мороз пошел по коже — это была какая-то древняя исконная жуть: мертвецы, заглядывающие в твой дом. Саул сдвинул мохнатые брови и погрозил пальцем. По спектролиту бесшумно застучали костлявые кулаки.

— Домой идите! Домой! — громко сказал Саул.

Антон стал одевать Вадима — в кабине было еще холодно.

— Можно лететь, — сказал он.

— Вы их всех поубиваете, — сказал Саул.

Антон покачал головой и перебрался на место водителя. Глайдер дрогнул и начал медленно подниматься. Лица за фонарем пропали. Длинная костлявая рука с обломанными ногтями скользнула по спектролиту и тоже пропала. Антон развернул глайдер на пеленг Корабля и дал полный ход. Он спешил — была уже полночь.

— Неужели вы правы? — сказал Саул.

— Вы о чем?

— Ведь я сам видел, как он колот их пикой.

Антон промолчал.

— О господи! — сказал Саул. — Сколько на нем всякой гадости — так и ползает!

— Паразиты?

— Что-то вроде вшей. Надо сначала его вымыть. И все продезинфицировать.

Вот и еще одно дело, подумал Антон. Саул, словно угадав его мысль, добавил:

— Я сам этим займусь. Только не умер бы он от этого — с привычки.

Антон усмехнулся. Он вел глайдер на максимальной скорости, держась в ста метрах над землей. Маленькая яркая луна стояла почти в зените, красный серп давно зашел, а навстречу глайдеру из-за белого горизонта поднималась третья луна — розовая и сплюснутая. Вадим пошевелился, громко зевнул и, пробормотав: «Ты меня залечил?» — снова заснул.

— Что он делает? — спросил Антон. Он так устал, что ему не хотелось обращаться.

— Кто? — спросил Саул.

— «Язык».

— Лежит. Воняет. Давно не слышал такого запаха.

— Давно! — сказал Антон. — Я вообще никогда не слышал.

— Однажды я охотился на медведей, — пояснил Саул. — Набрел на берлогу. И вот сейчас — закроешь глаза — так и видишь перед собой...

Антон не слушал. Далеко впереди на голубой равнине показалась маленькая черная точка. Вот и Корабль, вяло подумал Антон. А возле него под снегом — мертвые. Как странно — всего день прошел. А я уже привык. Словно всю жизнь ходил среди голых мертвецов в снегу. Легко привыкает человек. Психическая аккомодация. Странно. Может быть, дело в том, что они все-таки чужие. Может быть, на Земле я сошел бы от всего этого с ума? Просто я отупел...

Снижая скорость, он сделал круг над Кораблем. Корабль уже вырос — огромный черный конус над голубыми холмами. И две резкие тени от него: короткая черная и

длинная зеленоватая. Глайдер опустился перед входом. Снег смерзся вокруг Корабля в сплошное ледяное поле.

Антон похлопал Вадима по колену.

— Ну что, что? — спросил Вадим.

— Подъем, — сказал Антон.

— А ну тебя...

— Вставай, Димка, вставай. Пойдем на Корабль...

— Сейчас, — сказал Вадим. — Еще пять минуточек.

— Пощекотать его? — предложил Саул деловито.

— Только осторожно, — сказал Антон. — Со сна он может...

Саул запустил длинные пальцы Вадиму под мышки. Вадим взмахнул ногами и открыл глаза.

— Приехали, — сказал Саул.

Антон откинул фонарь. От морозного воздуха захватило дух. Было слышно, как Вадим спросонок застучал зубами.

— Ага, — сказал он. — Это Корабль. Понимаю...

Они вылезли на твердый скользкий снег. Саул придерживал «языка» за шиворот. Что думает сейчас этот бедняга, подумал Антон.

— Вы поднимайтесь, — сказал Саул. — А я его прямо в душевую.

Они вошли в Корабль, зарастили люк, и Антон, подталкивая Вадима, стал подниматься в кают-компанию. Внизу страшно заорал пленник. Вадим остановился.

— Что это они там? — тревожно спросил он.

— Иди-иди... — приговаривал Саул пыхтя. — Не помрешь...

Хлопнула дверь душевой.

— Мыть повели, — объяснил Антон. — Он весь в паразитах.

Они вошли в зал и разом повалились в кресла.

— Милый, добрый Корабль, — сказал Вадим. — Как хорошо, как чисто...

Антон полежал немного с закрытыми глазами, потом встрепенулся.

— Болит? — спросил он.

— Чешется, — сообщил Вадим.

— Значит, все хорошо... Слушай, что тебе нужно для работы?

— Вычислитель, — сказал Вадим. — Половина памяти. Оба анализатора. Побольше кофе и какой-нибудь вкусной еды для «языка».

Снизу опять донесся вопль, возня и шлепанье босых ног.

— Куда? — взревел Саул. — На место! Дай сюда!..

— Здорово он его моет, — сказал Вадим с уважением.

— Значит, рубку ты займешь, — сказал Антон. — Хорошо, я все тебе принесу.

Вадим внимательно поглядел на него.

— А ведь ты, милый, выжат как лимон, — сказал он.

— Есть немножко... Рана у тебя не очень серьезная, но все равно я измотался.

— Ложись спать. Я справлюсь один. А Саул все принесет.

— Ладно, — сказал Антон. — Это моя забота. Иди. — Он махнул рукой. —

Готовься.

Вадим поднялся.

— Советую поспать. А впрочем, как хочешь.

Он пошел в рубку и вдруг остановился.

— А взяли они одежду? — спросил он.

Сначала Антон не понял, а потом сказал:

— Честно говоря, не знаю. Не помню. Но они нами очень недовольны.

— Ох и каша. Ну и каша, — сказал Вадим. — Ничего не понимаю. За что он меня ткнул ножом?

Он покачал головой и ушел в рубку. Антон положил голову на стол и сейчас же задремал. Ему приснилось, что он пошел на кухню, сварил очень много кофе, принес кофейник и консервы в рубку, а Вадим был занят и огрызнулся, и тогда он пошел в свою каюту, сел за стол, чтобы подобрать программу обратного перелета, но ему очень хотелось спать, и ему все время попадались старые программы его прежних рейсов. Потом его разбудил Саул.

— Вот, — сказал Саул.

Перед Антоном стоял стройный светлолицый парень в трусах и тетраканэтиленовой куртке, черноглазый и испуганный.

— Хорош? — сказал Саул с гордостью.

Антон засмеялся.

— Красивая раса, — сказал он. — Здравствуй, младший брат.

Младший брат смотрел на него круглыми от страха глазами.

— А вот это было у него под шубой, — сказал Саул и положил на стол твердый пакет.

Пленник сделал движение к пакету.

— Но-но! — грозно сказал Саул. — Опять? Я т-тебя!

Пленник съежился.

— Вадим! — позвал Антон.

Он взял пакет, осмотрел его и вскрыл. В конверте из отлично обработанной кожи лежал замысловато сложенный лист бумаги, какой-то чертеж и несколько кусков окровавленного тампопласта.

— Так, — сказал Саул. — Это они ободрали с раненых.

Антон вспомнил изуродованных людей в шеренгах и стиснул зубы.

— Наверное, это донесение о нашем появлении, — сказал он.

Пленник вдруг заговорил. Он говорил быстро, ударяя себя ладонями по груди. На лице его был ужас и отчаяние, и это странно не вязалось с резкими и даже как будто насмешливыми интонациями в его голосе. В зал спустился Вадим и остановился позади пленника, вслушиваясь. Пленник замолчал и закрыл лицо руками.

— Это тоже по твоей части, Вадим, — сказал Антон и протянул ему листок.

— О! — сказал Вадим. — Письмо! Это же просто прелесть! Вдвое меньше работы!

Он взял пленника за рукав и повел в рубку, на ходу рассматривая листок. Пленник покорно плелся за ним.

Саул внимательно рассматривал чертеж.

— Я не специалист, — сказал он, — но, по-моему, это точное изображение внутренности того танка. Помните? В котловине.

Он перебрал чертеж Антону. Чертеж был сделан синей краской, очень аккуратно, но на бумаге было много следов грязных пальцев. Антон зевнул и потер глаза.

— Слушайте, капитан, — сказал Саул. — Идите спать. Все равно, пока наш лингвист не кончит, вы никому здесь не нужны.

— Вы думаете?

— Уверен.

Голос Вадима из рубки потребовал:

— Кофе и банку варенья!

— Сейчас! — крикнул Саул. — Идите, идите, Антон, — сказал он.

— Никуда я не пойду, — сказал Антон. — Я здесь.

Он откинулся в кресле, закрыл глаза и перестал сопротивляться.

Он спал беспокойно, часто просыпался и иногда даже открывал глаза. Он видел, как на цыпочках проходил Саул — в одной руке у него была пустая банка, в другой — кофейник. В следующий раз Саул проходил в рубку с заставленным подносом, и в зале пахло томатом. Потом Саул очутился за столом. Он задумчиво сосал пустую трубку и внимательно разглядывал Антона. Сверху из рубки доносился монотонный голос Вадима.

«Су-у. Бу-у. Му-у...» — повторял Вадим, и механический голос повторял: «Су-у... Бу-у... Му-у...» — «Работать — ка-а-ро-о-су-у; рабочий — ка-а-ро-о-бу-у; стал рабочим — ка-а-ро-о-му-у...» Сон наплывал и уплывал снова. Голос Вадима непонятно вещал: «Блистающий... Великий и могучий утес... Идай... хикари... тика... удо-о...», и визгливый голос пленника поправлял: «Тико-о... удо-о...» «Шестой кофейник», — недовольно бормотал Саул. «Седьмой кофейник». «Еще кофе!» — кричал Вадим. Потом Антон проснулся и почувствовал, что больше не хочет спать. Саула в зале не было. Антон прислушался. Изрядно осипший голос Вадима старательно выговаривал: «Соринака-бу... торунака-бу... сапа-нури-су... Так?» Пленник что-то ответил.

— Готово, — объявил Вадим.

Антон взглянул на часы. Было четыре часа утра местного времени. Ай да структуральнейший, подумал Антон с уважением. Его вдруг охватило нетерпение.

— Спускайся вниз! — крикнул он.

— Идем! — сипло отозвался Вадим.

Из каюты высунулась голова Саула.

— Уже? — осведомился Саул.

Из полуоткрытой двери валил дым.

— Входите, Саул, — сказал Антон. — Сейчас начнем допрос.

Из рубки спустился пленник. Его покачивало. Все лицо у него было вымазано вареньем. Не обращая на Антона никакого внимания, он остановился и стал смотреть вверх с выражением собачьей почтительности в глазах. Сверху уже спускался Вадим, держа в обнимку большой блестящий прибор. Он подошел к столу, поставил прибор — от прибора в рубку тянулся тонкий волноводный кабель — и рухнул в кресло. На лице его было ликование.

— Я гений! — объявил он. — Я ум-ни-ца! Великий и могучий утес! Хикари-тика-удо!

При этих словах пленник перестал облизывать пальцы и сложил почтительно руки перед грудью.

— Видите? — вскричал Вадим, простирая к нему руку. Потом он заявил:

Есть на всякий, есть на случай
В Корабле специалист.
Ваш великий и могучий
Структуральнейший лингвист!

Антон даже засмеялся от удовольствия — так приятно было, что Димка опять сочиняет свои дурацкие стишки. Саул тоже улыбался, посасывая трубку.

— Только предупреждаю, — сказал Вадим. — Абстрактных вопросов не задавать. Не надо спрашивать его о соотношении между количеством и качеством или о смысле жизни, скажем. Запас слов у нас с ним маленький, да и мыслит он, по-моему, исключительно конкретно. — Он повернулся к пленнику и сварливо произнес: — Ринго хоси-му га?

«Язык» заискивающе улыбнулся и опять сложил руки перед грудью.

— Вот видите, — сказал Вадим. — Он опять хочет варенья. Но он подождет. Давайте приступим.

Антон сказал:

— Спроси его, какое бедствие...

— погоди, — сказал Вадим. Он извлек из своей машины два микрофона и передал один Антону. — Задавай вопрос прямо ему.

— Какое бедствие терпит ваш народ? — спросил Антон в микрофон.

В машине зашуршало, и она медленно и звучно произнесла несколько слов. Пленный вопросительно взглянул на машину. Вадим сунул к его губам второй микрофон и жалобно крикнул:

— Кота-бэ!

Пленный торопливо что-то пробормотал. Голос из машины важно сказал:

— Нет... бедствия... Отсутствует бедствие... беда.

Антон покосился на Саула. Саул презрительно усмехался. «Язык» снова заговорил.

— Мой народ... люди... под задом... седалищем... утеса... сверкающего... боя... битвы... великого и могучего... размерами неба... вселенной... живущего, пока не исчезнут машины... беды... бедствия... быть не может... нельзя... существует... присутствует... благоденствие... обильная жизнь... существование...

— Ого, — удивился Саул. — Они знают, что такое машины?

— Нет, — ответил Вадим. — Это я знаю, что такое машины. Спрашивайте дальше.

Пленный тоскливо переступал с ноги на ногу.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Вадим. — Это у него обычная присказка. Он совершенно уверен, что под ягодицами этого самого «суунту» — дословно «бой», «драка» — все обстоит благополучно. А машина сейчас подстроится и будет опускать эту фразу. Продолжайте.

— Подожди, — сказал Антон, стараясь не смотреть на Саула. — Но бедствия-то все равно нет... — Он взял микрофон. — В чем вы нуждаетесь?

Лицо пленного озарилось улыбкой. Он заискивающе посмотрел на машину.

— Варенье, — сказала машина.

— Что-о?

Саул захохотал.

— Что она у тебя переводит? — раздраженно спросил Антон.

Вадим виновато развел руками:

— Мы не успели выяснить разницу между «нуждаться» и «хотеть». А потом, ты его, по-моему, ясно спросил: «В чем вы нуждаетесь?» Вот он тебе честно и прямо ответил.

— Подождите, ребята, — сказал Саул. — Антон, дайте мне микрофон. Скажите, Вадим, ваша машина может передавать интонации?

— М-м-м... Кое-что, конечно, может. Но это требует ручной настройки.

— Настройте на угрожающую интонацию. Тон приказа.

Вадим послушно завертел верньеры.

— Вы избрали неправильный путь, Антон, — сказал Саул. — Попробуем классическое средство.

— Готово, — сказал Вадим.

— Имя? — рявкнул Саул.

Машина громко и жалобно вскрикнула. Пленник вздрогнул и вытянулся, затем проговорил:

— Хайра.

— Из рода холмов, — недовольно буркнула машина.

— Должность?

— Ношу копьё... охраняю... подчиняюсь...

— Кто начальник?

— Из рода сильных ветров... носит отличный меч... повелевает.

— Кем повелевает?

— Повелевает теми, кто носит копьё...

— Сколько людей в лагере?

— Два десятка... — Машина сделала паузу. — Эквивалента слову «лагерь» в памяти нет.

— Сколько людей в хижинах?

— Людей в хижинах нет... не существуют... не имеются.

— Одну минуту, Саул, — вмешался Вадим. — Понимаете, я не уверен, что мы точно определили слова «человек», «люди». Слово «люди» относится к таким, как он, в шубах и с оружием. Возможно, эквивалент его означает не «люди» вообще, а, скажем, «охраняющие». А этих бедняг я условно определил как «голые».

— Ага, — сказал Саул. — Понятно. Сколько голых в хижинах?

— Много. Можно не считать.

— Кто они?

— Плохие... Те, кто делает дурные дела.

— Какие дела?

Пленный перечислял много и долго, раскраснелся, вспотел, но машина сказала только:

— Есть голые: хотевшие сменить утес... Есть голые: бравшие вещи... Есть голые: убивавшие... Есть голые, хотевшие странного...

— Так я и думал, — сказал Саул. — Это концлагерь.

— То есть? — спросил Антон.

— Здесь сидят преступники. Политические и уголовники. Сейчас проверим. Кто прислал сюда голых?

Пленник опять говорил долго и вдохновенно. И опять машина ответила гораздо короче:

— Великий и могучий утес... с ногой на небе... очень злых убивает... злых прислал сюда... жить.

— Кто прислал сюда людей?

— Великий и могучий утес... с ногой на земле... прислал людей... повелевать делом.

— Что делают голые?

— Трогают движущиеся вещи.

— Зачем?

Машина разразилась длинной фразой.

— Необходимо видеть, когда машина двигается.

— Пусть он сядет, — сказал Антон.

— Садись, — сказал Саул.

Пленник сел на пол.

— О господи, — сказал Саул. — Ну ладно, пусть сидит там. Кому нужно, чтобы машины двигались?

— Великому и могучему Утесу.

— Что он делает с машинами?

— Кто?

— Утес.

На лице пленника изобразилось смятение.

— Это же должность, Саул, — сказал Вадим. — Говорите полностью.

— Хорошо. Что делает с машинами Великий и могучий Утес, черт бы его побрал...

— Никто не знает, что делает Великий и могучий Утес.

— Что делают люди?

— Повелевают голым работать... Пишут синей краской на чертежах... Смотрят на голых...

— Кто делает чертежи?

— Не знаю.

— Кто привозит чертежи?

— Люди на птицах.

— Между прочим, — сказал Вадим, — птицы — это те самые птицы. Видимо, они их приручили.

— Откуда люди на птицах привозят чертежи?

— Из-за гор.

- Что за горами?
- Мир.
- Сколько в мире людей?
- Очень... очень много... считать нельзя...
- Кто привозит машины?
- Голые.
- Откуда?
- С твердой дороги... там много... очень много машин...
- Кто делает машины?

Пленник говорил долго, тер лицо, гладил себя по коленям и поглядывал на потолок. Когда он замолчал, машина сказала:

— Машины не делает никто. Машины есть, существуют... имеются. Машины приходят из земли... машины уходят в землю... Когда меня не было, с неба упала... прыгнула... вода в вещах... Вода сладкая и длинная... Как варенье... Вода стала одной дырой в земле... другой дырой в земле... твердой дорогой... Двигаются машины...

- Н-да, — сказал Саул. — Богатая информация.
- Все понятно, — сказал Вадим. — Это были все-таки Пришельцы.
- В виде варенья...
- Что ж, они были негуманоиды. Липкие и красные, как варенье. Только пожиже.
- Сколько есть мест, где живут голые и люди?
- Одно.

Саул задумчиво положил микрофон на стол.

- У меня вопросов нет, — сказал он. — Мне все ясно.
- Если вам все ясно, — сказал Антон, — объясните, пожалуйста, и нам.

— Да, — сказал Саул, — конечно. — Он набил трубку. — Вы позволите? Так вот. За горами находится страна, которой управляет властитель, судя по всему — феодальный. Я имею в виду низкую материальную базу, пышность титулов и пренебрежение элементарными человеческими правами. Много лет назад здесь высадились Пришельцы. Зачем — не знаю. Пришельцы совершили огромную ошибку — оставили здесь свою технику. Как и следовало ожидать, нашелся человек, который понял, какую выгоду можно извлечь, овладев этой техникой. Это был очень умный и очень жестокий человек. Впрочем... — Саул выпустил клуб дыма. — Умный он был с любой точки зрения. А жестокий — только с нашей. И это был, вероятно, очень могущественный диктатор. Или советник такового. — Саул снова выпустил клуб дыма. — К сожалению, наш пленник слишком мелкая сошка, и он ничего не знает и не понимает. Для него эти машины — все равно что сила тяготения: существует и всё. И он, конечно, не понимает, что здесь ведутся исследования методом последовательных проб и ошибок. Сюда, на равнину, сгоняются все преступники, кроме, возможно, особо важных. Их заставляют нажимать на разные кнопки и рычаги и таким образом пытаются выяснить, что нужно сделать, чтобы подчинить себе эти машины. Минуточку, — сказал он и взял микрофон. — Видел ли ты когда-нибудь Великий утес? И могучий, — поспешно добавил он.

Пленник, с ужасом наблюдавший за клубами дыма изо рта Саула, немедленно вскочил и произнес длинную речь.

— Да, видел, — сказала машина. — Великий и могучий утес двигал вещи и ехал на машине.

— Ну вот, — сказал Саул. — Пожалуйста. Уверен, что толпа при этом лежала ниц, а иностранные послы — если здесь бывают иностранные послы — торопливо делали дипломатические уступки.

— Неужели так жестоко... — сказал Антон.

— Почему жестоко? Он автократ, владыка над жизнью и смертью, нога его попирает небо. А потом, наверняка отцы и деды завещали ему продолжать начатое давным-давно.

Вот он и продолжает. И танки давят людей, и взрываются, и калечат, и все это в порядке вещей.

Наступило тяжелое молчание.

— Как вы легко говорите обо всем этом, Саул, — сказал наконец Антон.

— Я историк, — веско сказал Саул. — И я знаю вещи похуже. Этот великий и могучий, по крайней мере, ничего не знает о свободе, равенстве и братстве, и это его до некоторой степени извиняет.

— Нет, — сказал Вадим, — здесь что-то не так. Почему они так безропотно повинуются? Почему они согласны терпеть холод и голод? Почему они не бегут? Почему, наконец, они так защищали этого... Ведь мы давали им свободу!

— Спросим, — сказал Саул с готовностью. — Хотя должен заметить: бежать здесь, вероятно, некуда. Эти мальчики на красной машине как раз пытались, наверное, бежать. Сами видите, чем это кончилось. Они, кстати, были, вероятно, из «хотевших сменить утес», аристократы-заговорщики, судя по их золоченым ногтям. — Он поднес к губам микрофон. — Почему голые не уходят отсюда?

Пленник нахально улыбнулся.

— Снег, — сказала машина. — Далеко.

— Ах ты дрянь, — сказал Саул. — Почему голые, которые тебя везли, хотели убить нас?

Пленник говорил много и долго. Заговорила машина:

— Великий и могучий утес посылает делающих дурные дела сюда. Они здесь работают, пока не исчезнут машины или пока голый не сделает, чтобы машина двигалась. Голые хотят за горы. Голые боятся умереть. Голые хорошо работают. Люди посылают голых за горы. Они везут меня. Они охраняют. Вы берете меня. Голые боятся умереть. Они хотят вас убить. Они не убили. Сегодня их убьют.

Вадим вскочил, опрокинув кресло.

— О господи, — сказал Саул и выронил трубку.

VIII

Носителя копья из рода холмов посадили между Саулом и Антоном. Он снова был закутан в свою шубу, от которой теперь пахло дезинсекталем, и сидел смиренно, беспокойно шевеля коротким носом — принимавался. Было пять часов утра, занималась бледная ледяная заря. Было очень холодно.

Придя в себя, Саул начал говорить, что они были страшно неосторожны, что вся эта затея была с самого начала нелепой, что Вадим слишком легкомыслен, а Антон слишком высокого мнения о своих аналитических способностях, и что он, Саул, никогда не простит себе, что вел себя как любопытный и азартный мальчишка. Он говорил, все больше горячась, что у них нет ни возможностей, ни в конце концов права ставить здесь эксперименты.

— Мы ничего не знаем! — восклицал он. — Мы вообразили себя некими экспериментаторами: выдвигаем гипотезы и имеем нахальство проверять эти гипотезы на опыте! А на самом деле мы знаем об этом мире так же мало, как и в момент прилета. — Потом он помолчал и решительно заявил: — Во всем виноват я.

Вадим молча вел глайдер на максимальной скорости и думал только одно: успеем или не успеем. Только бы эти несчастные не решились сразу же возвращаться в деревню! Или чтобы казнь была отложена до восхода солнца. Он представлял, как они поставят пленника перед толстым громадным носителем отличного меча, и он, Вадим, скажет: «Кайра-мэ сорината-му кара». И визгливым жалобным голосом добавит: «Татимата-нэ кори-су!»: «Вот ваш человек... не смей убивать голых». Он все время твердил про себя эти фразы, и в конце концов они потеряли для него всякий смысл. Антон спросил:

— А что было в послании?

Вадим, не оборачиваясь, достал из кармана смятый листок, где между строчек иероглифов он вписал карандашом перевод.

— Я немного подредактировал, — сказал он, — но смысл не изменил. Они действительно сообщают о нашем появлении.

Антон взял листок и стал читать вполголоса:

— «Носителю высокого титула (титул длинный и непонятный), слуге близко под сиделищем сияющего, великого и могучего утеса, живущего, пока не станет машин, под ступни повергает это ничтожный из рода сильных ветров, носитель отличного меча. (Дальше три строчки непонятны, по-видимому каноническое вступление.) Явились на небывалой машине трое, не знающие речи, желающие странного, не носящие копий и мечей, не понимающие установлений (?). Не зная их должностей, прошу высоких приказаний. При сем чертеж (следующие строчки тоже непонятны), двигаться от синей дыры».

— Да, здесь ничего нового, — сказал Антон.

— Феодализм чистой воды, — сказал Саул. — Ради бога, не делайте глупостей.

А хочется сделать именно глупость, думал Вадим. Потому что ничего, кроме глупостей, здесь делать нельзя. Хорошо перелететь через горы и сжечь этих сюзеренов и вассалов вместе с их замками, вместе с их грязью и жестокостью, вместе с их невежеством и самодовольством, вместе с их длинными титулами и всем этим феодализмом чистой воды... И это будет глупо. Мало того, это будет преступление. Что еще? Перебить всех этих носителей мечей и копий в котловане, построить голых в колонны и пробить им дорогу через горы домой... перебить вот таких румяных черноглазых мальчишек с глупыми мордами и выпустить на свободу орду убийц, грабителей, насильников, преступления которых, наверное, еще страшнее, чем гнусности самого великого и могучего... Оставить все, как есть, чтобы людей снова бросали под машины, чтобы ради чьей-то злой воли рвались на части тела и ломались кости под гусеницами... Ну что за подлецы и дураки эти Пришельцы?.. Закрывать на все это глаза и вернуться и пожаловаться в Совет, и переложить на чужие спины ответственность, упавшую на нас... Это, конечно, не глупость. Это очень разумно и чрезвычайно правильно. Чисто и идеально, как прямая линия. И так придется, наверное, сделать, словно мы не люди, а роботы-разведчики...

— Мы должны вернуться и заявить в Совет, — сказал Саул. — Вот наш долг. Мы и так наломали здесь дров и вели себя, как слепые. Великие преобразователи истории, видите ли. Втроем против целого мира. Втроем против исторической закономерности. Поймите, у вас всего три пути. Или вы пойдете парламентариями к утесу и попросите, чтобы он отказался от феодализма, — и вас бросят в котлован. Или вы натяните белые хламиды и как Иисус Христос пуститесь проповедовать социализм — и тогда вас посадят на кол местные фарисеи, а люди, которых вы хотели спасти, будут с гиком кидать в вас калом. Или вы отберете у меня бластер — и тогда города фарисеев превратятся в головешки, вас поднимут на копья, и в стране воцарится хаос, из которого вынырнут какие-нибудь саддукеи. Потому что история — это само человечество, и нельзя переломить хребет истории без того, чтобы не переломить хребет человечеству...

— Саул, — сказал Антон. — Зачем вы нам все это вдалбливаете?

— Затем, чтобы вы поняли, что это не племя. Что это не отставшее от общего хода истории племя, а страна, а вокруг — планета, и на всей планете, надо думать, одно и то же — великие утесы, носители копий и голые. — Саул помолчал и сказал: — Я ужасно боюсь, что вы наделаете глупостей.

Вадим усмехнулся. Пленник вдруг заерзал на месте и грубым низким басом заискивающе попросил:

— Коми...

— Сэнту! — визгливо крикнул Вадим.

Пленник замер.

— Опять варенья просит, — сказал Вадим.

— Ну и дайте ему, — сказал Саул. — Честное слово, это единственное разумное, что вы можете сделать...

Вадим не слушал. Он представил себе, что живет в этой стране под седалищем утеса. И ему захотелось странного. Скажем, заняться черной магией. Или узнать, чем он хуже утеса — тупого и злобного типа. И вот он в котловане, на нем заскорузлый от крови и гноя мешок, он спит на земляном полу, покрытом нечистотами, и каждый день его гонят босиком по снегу в яму и колют копьями, чтобы он шел быстрее, и стегают по лицу нагайкой, и вокруг люди, которые думают только о себе. И впереди только одна надежда — что он сунет мизинец в ту именно дырку, которая приведет машину в движение, и тогда его, радостного и ликующего, запрягут в сани и погонят по снегу навстречу свободе — босиком через заснеженные холмы, и он будет бежать и громко славить Великого и могучего...

У Вадима заболели челюсти — так крепко он стиснул зубы. Я бы им устроил праздничек, этим носителям, я бы наколот из них дров, подумал он с ненавистью. Он никогда раньше не испытывал ненависти к людям...

Внизу показался грязный котлован. На дне его в беспорядке сгрудились машины. Нелепые и дикие орудия унижения и смерти. Эх вы, Пришельцы, подумал Вадим. Да впрочем, что с них взять... Они ведь даже не гуманоиды. Вода с неба. Варенье.

Он снизился и тормозя пошел вдоль улицы прямо к домику охраны. Пленник, увидев родную деревню, разразился радостными воплями. Саул раздраженно нахлобучил ему на глаза капюшон, и он замолчал.

Мерцал снег в зеленоватом свете зари, гасли звезды на бледном небе. Перед домиком было полно народу. Сбившись в кучку, жалкие, голые, опустив головы, стояли двадцать заключенных. Вокруг них, опираясь на копья, расставив ноги, стояли стражники в шубах. Над ними, на крыльце, возвышался носитель отличного меча. Отличный меч он держал перед собой и, повернув оттопыренное ухо, проводил по острию большим пальцем. Тут он заметил снижающийся глайдер и замер, раскрыв черную пасть.

Вадим посадил глайдер прямо перед крыльцом. Он прикрепил к вискам датчики памяти, раскрыл фонарь и крикнул:

— Кайра-мэ сорината-му кара! Татимата-нэ кори-су!

Он сгреб носителя копья из рода холмов в охапку и выставил его на снег. Носитель отличного меча опустил меч и с треском закрыл рот. «Язык» проворно вскочил и подбежал к нему.

— Почему ты еще не убит? — изумленно спросил носитель меча.

«Язык», сложив руки перед грудью, быстро и басовито заворковал:

— Было, что должно было быть. Я рассказал им о мощи Великого и могучего Утеса, сияющего, пока не станет машин, и они пустили воду. Они омыли меня, накормили вкусной пищей и вот привезли сюда.

— Что они говорят? — нетерпеливо спросил Саул.

— По-моему, он говорит, что мы не убили его, потому что испугались...

— Переводи подряд, — приказал Антон. — Все, что слышишь...

— Ладно, слушайте...

Копейщики почтительно столпились у крыльца. Только два десятка голых заключенных стояли на месте, покорно ожидая своей участи. Носитель меча важно и медлительно вложил меч в ножны. Он больше не смотрел на глайдер. Он принялся равнодушно и неторопливо расспрашивать «языка». Вадим переводил, сколько успевал и сколько понимал:

— «Где они живут?» — «У них большой дом на равнине». — «Где они взяли эту машину?» — «Не знаю. Наверное, на дороге». — «Ты должен был сказать им, что все небо и вся земля и то, что между ними, принадлежат Великому и могучему...» — «Я пожалел их страх...»

— Вот паршивец, — прошептал Саул.

— «Что за еду ел ты?» — «Варенье. Это не совсем варенье. Но сладкое. Оно радует живот».

Начальник меланхолически высморкался на крыльцо.

— Вот скотина, — сказал Вадим. — Вы знаете, что он говорит? Пусть, мол, летят за вареньем и ждут здесь. Пусть наденут мешки и идут в яму. А машину он отправит за горы, и из-за гор придет для них от Великого и могучего свобода.

Саул кряхтя достал из-под сиденья бластер. Начальник протяжно и жалобно закричал, копейщики загоготали и трусцой побежали по улице, гоня перед собою заключенных. Тогда начальник дружелюбно хлопнул «языка» по уху и приказал ему убираться. «Язык» на четвереньках юркнул в домик.

Оставшись один, начальник посмотрел на небо, посмотрел на хжины, протяжно, с прискуливанием зевнул, посмотрел на глайдер, лениво отхаркался и, глядя в сторону, сказал скучающим голосом:

— Делайте, как я указал. Возвращайтесь в свой дом, принесите мне все варенье и другую еду и идите в яму, если хотите жить.

Вадим, медленно закипая, смотрел на него.

Антон резко сказал:

— Потребуй у него свободы заключенным. Их опять погнали в яму.

Вадим заорал на самых высоких нотах:

— Немедленно отпусти голых, заслуживших свободу!

Начальник с удивлением посмотрел на него.

— Ты не можешь говорить так, — сказал он. — Я прощаю тебя, потому что ты низкий и не знаешь слов. Иди... и принеси также письмо и чертеж. Они стоят твоей жизни.

Вадим перевел.

— Восхитительная самоуверенность, — сказал Саул. — Это возможно только при высокоразвитом абсолютизме. Ему и в голову не приходит, что нам на него наплевать.

— Мне на него не наплевать, — прорычал Вадим. — Мне хочется его избить.

Антон был бледен как полотно.

— Значит, мы даже этого не можем, — сказал он. У него был такой жуткий голос, что Вадим невольно оглянулся на него.

Начальник, став к ним боком, глядя на горы, сказал, подняв грязный указательный палец:

— Вас, наверное, скоро отпустят... — Вадим торопливо переводил вполголоса. — Великий и могучий утес готовится к большой войне за земли, которые ему принадлежат. И ему нужны голые, умеющие двигать машины. Великий и могучий утес, сияющий, пока не станет машин...

Едва Вадим произнес последние слова, Антон вдруг крикнул:

— Гад! — и вырвал у Саула бластер.

— Не надо! — завопил Саул.

Антон оттолкнул Вадима, включил двигатель и, даже не закрывая фонаря, поднял глайдер в воздух. Вадим упал на Саула. Ледяной ветер завыл в кабине. Вадим поднялся на четвереньки и попытался закрыть фонарь. Он мельком увидел, что начальник стоит на четвереньках на крыльце, пряча лицо от струи изморози. Фонарь не закрывался.

— Антон! — крикнул Вадим. — Сбрось скорость!

Антон не ответил. Он гнал глайдер вдоль улицы, по которой уже двигались цепочки голых, прямо к котловану. Он скрючился, скрывая лицо за маленьким козырьком. Бластер лежал у него на коленях. Глайдер шел неровно, толчками, встречный ветер стремился перевернуть его.

— Антон! — кричал Саул. — Ради бога, Антон, что ты задумал?

Вадим, напрягшись так, что внутри у него все захрустело, захлопнул наконец фонарь. Стало тихо.

— Вадим! — зывал Саул. — Скажите же ему!

Антон вдруг проговорил совершенно незнакомым голосом:

— Как они говорят, Димка? «Утес, сияющий, пока не станет машин?»

— Антон, — сказал Саул. — Я вас умоляю.

Он еще говорил и умолял, то повышая, то понижая голос, но его никто не слушал. Вадим пока не понимал, чего хочет Антон, но он был согласен на все. И все, что ни сделает Антон, все равно покажется ему слишком незначительным. Как жаль, что нельзя уничтожить одним махом тупость и жестокость, не уничтожив при этом человека...

Снежная равнина встала дыбом, раскрылась отвратительная пасть котлована, и глайдер резко затормозил и сел. Антон выскочил в снег, держа бластер над головой.

— Подумайте, Антон! — закричал Саул в последний раз.

— «Пока не станет машин!» — закричал Антон и, уперев бластер в живот, выпалил в котлован.

Вадим отшатнулся. Ослепительное лиловое пламя вылетело из котлована. Громовой удар рванул уши. Было видно, как молнии тысячевольтных разрядов прыгают среди машин, и машины мгновенно раскаляются добела, окутываются клубами черного дыма и белого пара и раскалываются на части, выбрасывая фонтаны огня. Нестерпимый жар толчками поднимался над котлованом. Поля снега на склонах делались серыми и в потоках кипящей воды со свистом и шипением обрушивались вниз. Водовороты грязной воды кипели между раскаленными остовами. Потом все заволкло серым паром, и Антон опустил бластер. Наступила мертвая тишина — только звенело и свистело в ушах, оглохших от грохота. Сквозь этот вой и свист до Вадима донесся голос Саула.

— Ну, хорошо... — говорил он. — Ну хватит...

Антон стремительно повернулся к глайдеру.

— На шоссе! — крикнул он.

У Вадима внутри все так и прыгало от восторга.

— Вперед! — заорал он и пересел на место водителя.

Антон прыгнул в кабину.

— Безобразие! — кричал Саул. — Отдайте мой бластер!

Он схватился за ствол, но сейчас же отдернул руку и с воплем затряс ею в воздухе. Глайдер прыгнул через котлован. Пронесся сквозь клубы дыма и пара и вылетел на проселок, ведущий к шоссе. Вдребезги! — ликующе думал Вадим. Мы покажем этому вонючему утесу свое понятие о вечности! Хотя одну глупость в этой безмерно глупой стране можно уничтожить одним махом! И не задев ни одного человека.

— Это же Следы! — орал Саул сзади. — Это же единственные в своем роде Следы! Отдайте мне мой бластер!

— Скорость! Скорость! — говорил Антон. — Скорость!

Лицо у него было белое, с белой закушенной губой, и глаза были как черные щели. Глайдер с ревом несся над верхушками холмов, разбрасывая тучи снежной пыли. Позади над горизонтом поднимался туманный дымный столб. Несколько птиц кинулись глайдеру наперерез и сейчас же пропали в снежном вихре.

— Черт меня сюда принес! — причитал Саул. — Черт меня дернул с вами связываться! Отдай бластер, сумасшедший!

На шоссе было все по-прежнему. Как и вчера, как и сто лет назад, бесшумно, ровными рядами шли машины. Неизвестно откуда шли и неизвестно куда уходили. Вадим посадил глайдер на проселок и, открыв фонарь, крикнул:

— Давай!

Антон положил дуло бластера на борт. Первый удар пришелся по громадной черепахообразной машине. Панцирь вспыхнул и разлетелся, как яичная скорлупа, а платформа на одной гусенице завертелась на месте, сшибая и опрокидывая идущие за нею маленькие зеленые кары. Затем с громом запылала огромная черная башня на колесах, а другая такая же башня опрокинулась и загородила часть шоссе. Антон стрелял неторопливо и методично. Справа росла груда раскаленных обломков, а слева шоссе

опустело — там пробегали только одинокие машины, случайно прорвавшиеся через огненную завесу.

— Поддай глайдер вперед! — приказал Антон, прикрываясь рукавом от палящего жара.

Вадим взялся за руль, и в ту же минуту пылающая груда распалась с шипением и треском, поднялся столб искр и пепла, и сквозь облака дыма на шоссе хлынули новые ряды машин. Антон зарычал и снова припал к бластеру. Снова загрели разряды, запылали взрываясь машины, и снова начала расти гора раскаленных обломков. Черные тяжелые клубы повисли в небе, прорезаемые фонтанами искр. Из дыма черными хлопьями падал пепел, и снег вокруг почернел и дымился. У шоссе обнажилась земля.

Вадим сидел, вцепившись в подлокотники, и глядел на все это, жмурясь и вздрагивая при каждой вспышке. Потом он привык и перестал жмуриться. Снова и снова вырастала посередине шоссе пылающая груда, снова и снова она рассыпалась, разбрасывая горящие обломки, а машины все шли и шли неодолимым потоком, равнодушные ко всему этому уничтожению, и не было этому конца.

— Прекратите, Антон, — сказал Саул спокойно. — Вы же видите: это бесполезно.

Это бесполезно, подумал Вадим. Антон перестал стрелять и уронил голову на руки. Горячее дуло бластера задралось в небо. От него шел пар. Вадим поглядел на покрытые копотью руки и голову Антона и ощутил вдруг огромную усталость. Что мы наделали, подумал он. Сопляки. Невропаты. Всё зря.

Он сидел и долго и тупо глядел на шоссе. Машины ряд за рядом катились своим путем, сталкивая обломки на обочины, сметая пепел, и скоро все стало по-прежнему. Только поперек шоссе медленно остывало багровое пятно, чернел испачканный снег вокруг, и долго не рассеивалась над головой мутная дымная пелена, сквозь которую зловеще глядел красный диск — желтый карлик ЕН 7031.

Потом где-то неподалеку раздались до отвращения знакомые жалобные крики. Вадим неохотно повернул голову. На проселке возле шоссе стояла толпа голых измученных людей в мешковине, и стражники в шубах и с копьями суетились вокруг.

«Что им здесь надо?» — равнодушно подумал Вадим.

Стражники древками пик выгнали из толпы какого-то несчастного. Дрожа и оглядываясь, он прошел по черному снегу и вышел на шоссе. Громадная черная башня равнодушно катилась на него. Несчастный с отчаянием посмотрел на стражников. Те проорали что-то про руки. Человек закрыл глаза и раскинул руки крестом. Машина сшибла его и промчалась дальше. «Пойду и набью им морды», — устало подумал Вадим. Он поднялся было, но его рванули за куртку и усадили на место. Он увидел измазанное сажей лицо Саула с бешеными глазами.

— Сидеть! — сипло сказал Саул. — Хватит!

Стражники вытолкнули на дорогу другого заключенного. Первый так и остался лежать, плоский и сплюснутый, как пустой мешок. Новый раскинул руки и встал на пути красной платформы с кубическим ящиком. Платформа снизила скорость и остановилась перед ним в двух шагах. Стражники закричали. Голый поднял руки и, пятясь, стал сходить с шоссе. А красная машина, как привязанная, поползла за ним. Вот она съехала на проселок, закачалась на колдобинах... Человек все пятился и пятился, уводя ее от шоссе — к котловану. А по шоссе все шли и шли машины, проклятые машины Пришельцев.

— Пора возвращаться, — хрипло сказал Саул.

ЭПИЛОГ

— Вадим, — сказал Антон. — Пойди посмотри, как там Саул.

Вадим поднялся и вышел из рубки. Он спустился в кают-компанию и заглянул в каюту Саула. На него пахло застоявшимся табачным дымом. Саул лежал на диване, в той же позе, в какой его уложил Вадим, вытащив из амортизатора, — осунувшийся,

небритый, закинув голову и выставив щетинистый кадык. Вадим присел возле него на диван.

— Как же это вы? — сказал он.

Саул молчал. Вадим потрогал его лоб. Лоб Саула горел. Саул пробормотал:

— Партбилет... Не вы мне его давали... Попробуйте сами...

Вадим вздохнул и погладил его по бессильной руке. Саул крикнул:

— Не отдам! Пошли вы все к черту! — Потом вдруг жалостливо забормотал: — Их-то за что? Они же мальчишки! Они же славные! Настоящие!

Вадим снова вздохнул и поднялся. В каюте, как всегда, был страшный беспорядок. На полу валялся, выворотив внутренности, нелепый портфель. Содержимое раскатилось по полу. Вадим прикрыл за собой дверь и поднялся в рубку.

Антон сидел за пультом, положив руки на клавиши, и задумчиво глядел на обзорный экран. По экрану медленно проползали вершины сосен, далекие, сияющие огнями, этажи домов, красные огоньки исполинских энергоприемников.

— Плохо ему, — сказал Вадим. — Бредит.

Он присел на подлокотник и уставился на стену, разрисованную изображениями человеческих фигурок и предметов.

— Ты знаешь, Тошка, — сказал он задумчиво, — Саул всегда мне казался каким-то странным. Каким-то уж слишком старомодным. Но одного я все-таки понять совершенно не могу. Как у взрослого сорокалетнего человека не сделана прививка биоблокады? Ведь так от простого гриппа можно умереть.

Антон молча пожал плечами.

— Ты хоть знаешь, чем он болен? — спросил Вадим.

— Нет, — сказал Антон.

Вадим сполз в кресло.

— Ты знаешь, сколько времени прошло?

— Двадцать лет, — сказал Антон.

— Никогда у меня не было такого содержательного отпуска. Слушай, — сказал он. — Ты не можешь побыстрее?

— Не могу, — сказал Антон. — Здесь нельзя быстрее.

— Мало ли чего нельзя, — сказал Вадим и осекся. Мне-то хорошо, подумал он. Я лингвист. А у Тошки отберут право. А за что, собственно? Кто бы это вытерпел? А может быть, не отберут?

— Вот и Ленинград, — сказал Антон.

Экран осветился, внизу проплыло зарево огней, яркое, как дневной свет. Чем все это кончится, подумал Вадим. Что решит Совет? Конечно, двое мальчишек против целой планеты — это чепуха. Но целая планета против целой планеты... Он усмехнулся. Почему, собственно, против? За!

— Как ты думаешь, к кому лучше обратиться в Совете? — спросил он.

— В Комиссию, — сказал Антон неохотно. — К Волшину.

— А как этот Волшин? Ничего?

Антон вздохнул.

— Хороший человек, — сказал он решительно. — Твердый. Утесу против него не устоять.

Вадим хотел улыбнуться, но посмотрел на серьезное лицо Антона и стал глядеть на экран. Антон вел Корабль почему-то на перешеек. Наверное, к своему коттеджу. Непонятно зачем. Проще было высадиться на Ленинградской станции. Он хотел спросить, но вдруг понял. Антон прощался с Кораблем. А может быть, и сам не знал, зачем это делает.

— Когда сядем, — сказал Антон, — я пойду вызывать врача, а ты отнеси Саула в коттедж. И подготовь машину.

— Хорошо, — сказал Вадим.

Корабль мягко и бесшумно опустился на той же поляне и почти на том же самом месте, откуда взлетел три с лишним дня назад. Антон выключил двигатель и немного посидел, глядя клавиши рукой.

— Тошка, — сказал Вадим. — Ну что ты, Тошка. Ведь мы не могли иначе. Люди мы или роботы, в конце концов?

Антон горько покачал головой.

— Димка, Димка, — сказал он. — Если человек не может иначе, чем надо, значит он не может быть звездолетчиком.

Он включил приемник и настроился на волну скорой помощи.

— Пункт одиннадцать-одиннадцать, — сказал свежий женский голос.

— Требуется врач-эпидемиолог, — сказал Антон в микрофон. — Заболел человек, вернувшийся с новой планеты земного типа.

Некоторое время приемник молчал, затем голос удивленно переспросил:

— Как вы сказали?

— Видите ли, — сказал Антон, — у него не была привита биоблокада.

— Странно, — сказал голос. — Хорошо. Ваш пеленг?

— Даю, — сказал Антон.

— Благодарю, принял, — сказал голос. — Ждите через десять минут.

Антон поглядел на Вадима.

— Ну что ж ты, — сказал он.

— Иду, — сказал Вадим. — Пойдем вместе.

Они сошли в зал и сразу увидели, что дверь в каюту Саула открыта. Саула в каюте не было, не было и его портфеля. На столе только лежал бластер.

— Вот тебе на, — сказал Антон.

Вадим кинулся было к выходу, но тут увидел на столе под бластером лист бумаги. Вадим схватил его.

— Он оставил нам записку, — пробормотал он.

Он прочел вслух: «Дорогие мальчики! Вот все и кончилось. Но мне пора. Простите, что я затащил вас на эту проклятую планету. Но я должен был (слово «должен» было дважды подчеркнуто) увидеть неизвестную планету, а главное — увидеть вас на неизвестной планете. Зачем — это слишком сложно и длинно рассказывать. Но я рад, несмотря ни на что. Я представлял вас другими... но...» Фраза была не закончена, внизу стояла широкая размашистая подпись.

— Куда же он пойдет, больной? — крикнул Вадим и кинулся вон.

Люк был вскрыт, стояла теплая звездная ночь. Весело кричали лягушки.

— Саул! — позвал Вадим.

Но никто не отозвался. Вадим в растерянности сделал несколько шагов. Примолкшие было лягушки заорали опять. Теплый вечерок ласково погладил по лицу.

— Димка, — негромко позвал Антон. — Пойди-ка сюда.

Вадим вернулся к освещенному люку.

— Смотри, — сказал Антон, — на чем он написал записку.

Вадим взял листок. На обороте записки размашистым почерком Саула выцветшими чернилами было написано:

«Автобиография. Я, Савел Петрович Репнин, родился 8 мая 1920 года в семье служащего в городе Вязьме. Мой отец — Петр Александрович Репнин, железнодорожный мастер, член партии ВКП(б) с 1918 года, мать — Анна Сергеевна Репнина, домохозяйка, беспартийная. В 1937 году я окончил школу-десятилетку, переехал в Москву и поступил в Институт журналистики. С 1941 года по 1945 год участвовал в Великой Отечественной войне командиром сначала минометного взвода, затем командиром роты батальонных минометов. Дважды ранен. По окончании войны демобилизовался и вновь поступил в Институт журналистики. В 1947 году по ложному...»

На этом лист кончался.

Вадим растерянно повертел лист в руках.

— Не понимаю, — сказал он.

— Я тоже, — тихо сказал Антон.

Яркий свет упал на поляну. Над Кораблем медленно снижался санитарный «огонек».

— Объясняйся с врачом, — сказал Антон с невеселой усмешкой, — а я пойду свяжусь с Советом.

— Что же я ему объясню? — пробормотал Вадим, глядя на листок.

При сопоставлении этого черновика и окончательного варианта повести видно, что, при несомненной близости композиции и сюжета, есть еще множество больших и малых различий — буквально в каждом абзаце. В «Возлюби дальнего» герои часто думают, говорят и поступают совсем иначе, чем в «Попытке к бегству». И даже отчаянную и безнадежную попытку остановить силой движение машин делает пока еще не Саул, а Антон...

Не исключено, что в редакцию «Молодой гвардии» был представлен для публикации уже второй, исправленный вариант. А может быть, дополнительные изменения Авторы просто внесли при подготовке чистовика первого варианта, найти который, увы, пока не удалось.

Косвенным подтверждением существования еще одного промежуточного варианта служит внутренняя рецензия К. Андреева на «Попытку к бегству», содержащая ряд замечаний и рекомендаций, впоследствии учтенных Авторами. Были там и такие строки: «Вопросы в конце — прием очень милый, но не заверченный. Во-первых, их слишком мало. Во-вторых, они слишком различны по значимости. Изменение имени — произвольная шутка авторов. В действительности он мог изменить его гораздо раньше — в 1937 или 1949 годах. Но делать это для отдаленных веков довольно странно». О чем здесь идет речь — известные нам варианты текста понять не позволяют.

БНС пишет в «Комментариях» о повести: «В первом варианте у нее вовсе не было эпилога, кончалась она расстрелом колонны равнодушных машин из скорчера (называвшегося тогда бластером) и отчаянием Саула, осознавшего, что нет на свете силы, способной переломить ход истории». Из этого следует, что эпилог вроде бы возник после завершения повести, на стадии редакционной подготовки. Но, как видим, это не совсем так: эпилог уже имелся, вот только Саул бежал в будущее не из немецкого, а из советского лагеря (или из тюрьмы, или прямо с допроса — это не так уж важно).

А вот самая последняя сцена с возвращением Саула в свое время и его гибелью (если угодно, эпилог к эпилогу), видимо, появилась действительно позже, при учете замечаний редакции, когда многочисленные изменения одновременно вносились и в эпилог, и в другие части повести. Тут были и мелочи (вроде замены бластера на скорчер), и вещи гораздо более значимые. Из числа последних упомянем иное распределение ролей между членами экспедиции (в первую очередь это касается Саула) и более тщательное вписывание событий повести в контекст мира XXII века (пример — финальный разговор Антона с Вадимом о будущем новооткрытой планеты). Утвердилось и окончательное название «Попытка к бегству» — употребление цитаты из Ницше «Возлюби дальнего» противоречило тогдашним представлениям о том, что можно и чего нельзя.

Публиковалась же эта повесть, начиная со сборника «Фантастика, 1962 год», практически без изменений. Если не считать, конечно, совсем мелких разночтений имен собственных (например, планета Падрака в первом издании почему-то стала Подракой), а также допущенных в некоторых изданиях грубых смысловых опечаток. Памятуя о том, что изменение даже не одного слова, а всего лишь его части может полностью разрушить впечатление от текста, приведем несколько примеров особо выдающихся «достижений» редакторов и корректоров. Вот кто-то в японском хокку взял да и решил заменить УКРАЛ («Снег тихонько все украл...») на УКРЫЛ. Вот вместо СТРАТОСФЕРЫ загадочным образом возникла СТАРТОСФЕРА (Земля обладает, оказывается, еще и сферой, из которой стартуют?). Вот в преисполненном самоуничтожения донесении «...уголь кончается, а топить мертвецами по вашему милостивому слову мы за невежеством и недоумием не умеем» безукоризненно точное слово НЕДОУМИЕМ превратилось в нелепое по смыслу и контексту НЕДОУМИЕНИЕМ...

Впрочем, это уже не вопрос текстологического анализа, а совсем другая история.

«Дни Кракена»

Эта незавершенная повесть представлена в настоящем Собрании особым образом, поскольку необычна сама ее история. Некоторые художественные тексты АБС разной степени завершенности увидели свет много позже своего реального написания и уже в силу этого не входят в «канонический» корпус произведений. Все они включаются, сообразно хронологии, в

раздел «Из архива» того или иного тома (в одной или — реже — в нескольких редакциях), варианты же таких материалов отдельно не рассматриваются. Для «Дней Кракена» сделано исключение. Причин тому несколько: и беспрецедентное для доведенного лишь до половины произведения число подготовительных материалов, и длительный непреходящий интерес Авторов к этому проекту, их неоднократные (хотя и безрезультатные) попытки вновь и вновь вернуться к работе над повестью.

Из трех найденных редакций повести в «архивную» часть данного тома вошли две: самая первая по времени, состоящая из 10 глав и написанная до марта 1963 года, и самая последняя, 11 глав которой были завершены в начале мая того же года, после чего активная работа над «Днями Кракена» уже не возобновлялась. Последовательный переход к каждой следующей редакции — результат не механического добавления новых страниц, а тщательной переделки всего прежнего текста с многочисленными изменениями и манеры повествования, и сюжетных линий, и стилистики. Впрочем, об этом позже, а пока обратимся к исходному замыслу.

Интерес Авторов к гигантским головоногим был давним и устойчивым: достаточно вспомнить хотя бы ранний рассказ АНС «Как погиб Канг» или соответствующие главы «Полдня». Нет ничего удивительного, что в письме АНС брату от 12 мая 1962 года был сформулирован в общем виде замысел новой работы, где фигурирует некий чрезвычайно долгоживущий спрут. Он предстает как «апофеоз эгоизма и индивидуализма», как «чистый разум, лишенный характерных для высших животных эмоций — жалости, радости, горя и т. д.», а это дает возможность поговорить о вполне человеческих проблемах. Главная идея будущей повести определялась так: «Спор: что победит — эмоция или чистый разум, или они будут развиваться одновременно и сольются в конечном итоге в гармоничное целое».

Первоначально предполагалось, что все события будут развиваться как приключения в океанологической экспедиции. Видимо, к этой стадии замысла относится следующий набросок:

Из действующих лиц хорошо бы одного сделать мистификатором, а ля Саул в первом варианте. Тогда получится отличная путаница.

Действующие лица:

Начальник экспедиции — злой, умный, красивый парень лет тридцати.

Его друг востоковед — толстый ленивый скептик.

Океанолог, лет двадцати пяти.

Радист.

Капитан.

Механик или два.

Из вышеупомянутых две киски.

Матрос — молодой бездеятельный парнишка только что из армии или флота.

Зам<еститель> начальника — тип из носящих коверкотовое пальто и мягкую шляпу.

Партайфюрер в самом гнусном смысле.

Показать дурака, эгоиста, труса.

Показать настоящего активного коммуниста.

Показать свободомыслящих.

Спрут притаскивает обломок ядерного заряда, боеголовки ракеты.

Когти спрута.

Батископ с электрической защитой.

Из двух частей:

1. Разные таинственные явления на корабле, никто не понимает, в чем дело: царапины, кто-то залезал, кто-то кого-то хватал в темноте. Задача: наделать побольше тайн. Заканчивается часть: «Теперь я понял, в чем дело. Ведь это гигантский спрут».

2. Исследование спрута и установление его разумности. Наблюдение при помощи батископа.

Перед первой частью: ПАНЕГИРИК МЕЩАНСТВУ.

Перед второй частью: ПАНЕГИРИК ГОЛОВОНОГИМ (СПРУТАМ).

Два листка, содержащие этот текст, сопровождаются весьма живописными авторскими рисунками: гигантским спрутом, нападающим на корабль, батископом на грунте и пр. (см. с. 14 вклейки).

В упомянутом письме говорилось также, что в повести есть «огромный простор для рассуждений по записанным у нас вопросам». Поскольку часть этих вопросов приведена, можно понять, что речь идет о записи, существующей в нескольких вариантах и в наиболее связном виде выглядящей так:

- 1). Что такое факт? Развитие понятия «факт» от древности до наших дней.
- 2). Что такое «авторитет»? Роль его в наше время, когда эпохи сменяют друг друга быстрее авторитетов. Не пора ли отказаться. О пользе сомнения.
- 3). Роль единичного события. Свойство исключительности его (с какой-то точки зрения — обязательно исключительное). Влияет ли оно как-нибудь и на что-нибудь.
- 4). Рационализм-консерватизм человеческого мышления. Стремление свести явление к чему-то хорошо известному, в отличие от прежних тенденций все новое объяснять чем-то новым и неизвестным.
- 5). О методах пропаганды.
- 6). О том, как неприятно работать, когда твоя работа не приносит никакой практической пользы.
- 7). Устает ли народ в целом?
- 8). Человечество — статистический коллектив.
- 9). Основная информация нашего времени — слухи.
- 10). Что такое народ? Что такое простой человек?
- 11). Кто решает, что полезно и что вредно народу — в смысле информации.
«Волнующие дни переживает наш народ!» — Я подхожу к окну и не вижу, чтобы кто-нибудь волновался.
- 12). Лирическое отступление о красивых словах. Об инфляции слов.
- 13). Проблема искренности. Легко проверить искренность высказываний по поводу, где человек шкурно заинтересован. А в общеполитических высказываниях?
- 14). Игра: угадывание последующего слова в газетной передовице.

Среди подготовительных материалов к повести есть и другие подобные записи, связанные с ней не напрямую, а опосредованно, через общую проблематику. Например, такая:

- I. Чем отличается человек от животного? Человек = животное + ?
- II. Что такое дурак?
- III. Конфликты коммунизма? Можно ли воссоздать об<щест>во по конфликту?
- IV. Проблема мальчика в 4-х стенах?
- V. Бывает ли чисто человеческая гнусность или вся гнусность в человеке — от животного?
- VI. Существуют ли еще революционные классы?
- VII. Влияние растущего благосостояния на об<щест>во.
- VIII. Может ли стать интеллигенция классом?
- IX. Оптимальное соотношение эмоция/логика для настоящего чел<ове>ка.
- X. Фрейд!

А эти заметки, напротив, относятся к будущему «Кракену» совершенно явным образом:

Кракен — «разумное» сущ<ест>во, достигающее «интеллектуального» уровня лишь после нескольких веков жизни.

Маленькие кальмары — либо дети, либо личинки разумных кракенов.

Проявление разумного начала: число кашалотов не уменьшается, число кракенов не увеличивается — они регулируют (а мы, кстати, нет).

Трагическая история кракена, который хотел бы запомнить.

Змей из Лох-Несса — эксперименты Кракена, изучающего человека.

Повесть о разумной расе индивидуалов, испокон веков населяющих Землю. Их бессилие. Невозможность связаться с людьми, потому что у людей это принимают за басню. (К вопросу о факте.)

Вставить рассуждение Кракена: «Как они могут там жить? На этом ужасном воздухе?»

Вообще делать параллельно: Кракен — Люди. Об ограниченности мышления.

«Раз в году можно безумствовать». Скиапарелли.

«Моби Дик» — стр. 410.

«Перед нами была огромная мясистая масса футов по семьсот в ширину и длину, вся какого-то переливчатого желтовато-белого цвета, и от центра ее во все стороны отходило бесчисленное множество длинных рук, крутящихся и извивающихся, как целый клубок анаконд, и готовых, казалось, схватить без разбору все, что бы ни очутилось поблизости. У нее не было видно ни переда, ни зада, ни начала, ни конца, никаких признаков органов чувств или инстинктов; это покачивалась на волнах нездешним бесформенным видением сама бессмысленная жизнь».

Кракен — жертва или охотник? Все наблюдаемые случаи кончались победой кашалота, но крайне редко в желудках кашалотов находят гигантские щупальца.

Итак, идея продолжает обдумываться. АНС не только активно изучает материалы по гигантским головоногим, но и пытается развить и уточнить будущий сюжет. Морские сцены теперь мыслятся не более чем предысторией: японские океанологи подарили советским коллегам «гигантского кальмара-архитефтиса», и вот его привозят в Ленинград, где и начинают происходить основные события. «Идея такая. Дать простой бытовой сюжет с простыми жизненными приключениями, с одной стороны, и дать научный детектив, устанавливающий разумность и мещанский индивидуализм Кракена, — с другой. Без прямых указаний показать, как мельчайшие, обыденные проявления мещанской сущности у людей получают гротескно преувеличенное, чудовищно гнусное и логически законченное отображение в поведении головоногого». Начинают обозначаться персонажи — волей судеб вовлеченный в историю с Кракеном востоковед, его коллеги-редакторы, друзья, родственники, знакомые... АНС пишет: «Мне видится в таком взгляде на вещи настоящее уэллсовское слияние бытовой повести с фантастической, о которой мы мечтали».

В октябре 1962 года АНС работает над планом будущей повести. К этому же времени относятся, видимо, и самые ранние из сохранившихся набросков текста. В одном из них рассказывается история Саши Майского:

Саша Майский закончил институт с отличием, и никого это не удивило, хотя многие ему завидовали, потому что, по слухам, диплом с отличием давал выпускнику какие-то права при распределении. Но Саша этими правами не воспользовался. Он отказался от аспирантуры и уехал в какую-то дыру в Белоруссии, где провел три с лишним года. Странное место для способного япониста, и я не знаю, чем он там занимался, — сам он об этом никогда не говорил, а спрашивать было неудобно. Подозреваю, впрочем, что ему хотелось выслужить некоторый жизненный ценз и доказать всем (и в первую очередь себе), что разнообразные трудности по плечу и ему. У нас на курсе почти все были фронтовиками, а он провел войну на Урале в своей семье, очень интеллигентной и культурной, и он постоянно, до самого конца как-то стыдился за то, что был для войны слишком молод, и, наверное, даже чувствовал себя виноватым перед нами. Был он добрый искренний мальчик, услужливый и всегда готовый помочь, но он не скоро привык к нам и еще на третьем курсе легко попадался на всякого рода розыгрыши, до которых у нас всегда были большие охотники, и это, вероятно, усугубляло в нем чувство неполноценности. По простоте душевной он ни во что не ставил то обстоятельство, что какой-нибудь обладатель зычного командирского голоса, бывший разведчик и кавалер

многих орденов, отчаявшись постигнуть спряжения в литературном стиле, целый семестр вынужден был списывать у него домашние задания, а бывший танкист с издырявленной осколками спиной никогда без него не одолел бы тайны эпистолярной грамматики. Для него мы были разведчиками, танкистами, солдатами, и он, по-моему, так и не свыкся с обыкновенностью того, что глаза его товарищей по курсу, с тихим отчаянием устремленные сейчас на классную доску, видели всего несколько лет назад растерзанные трупы, горящие машины, столбы взлетающей земли и все такое.

Было и еще одно обстоятельство, мешавшее ему жить со спокойной совестью и требовавшее, по-видимому, с его точки зрения, искупления. Он попал в институт по благу. В сорок шестом году у института была завидная репутация, поговаривали, что в самом скором времени он станет выпускать дипломатических работников, и потому многие родители, главным образом заслуженные полководцы и видные администраторы, стали хлопотать о зачислении к нам своих недорослей-десятиклассников. Но устремлениям этим сильно мешал приказ министра о том, что на приемных экзаменах все преимущества предоставляются фронтовикам. Таким образом, мальчик со школьной скамьи мог проникнуть к нам только при наличии у него совершенно феноменальных способностей или необычайно влиятельных покровителей. Не знаю, кто был покровителем Саши Майского. Отец у него был известным профессором-лингвистом, но, насколько я его знаю, он и пальцем бы не пошевелил для такого дела, да и не котировались тогда профессора-лингвисты. Скорее всего, в бой пошла мама, у которой было много знакомых в министерстве. Саша был благополучно зачислен и принялся прилежно зубрить катакану. В те времена никто не считал это ненормальным или, тем более, позорным. Возможно, это было даже необходимо. Несмотря на свой блестящий статут, институт, как и все учебные заведения в стране, переживал огромные материальные трудности, а поскольку очередность в получении дров и угля, команд пленных немцев для ремонтных работ, продовольствия, материалов и прочего зависела, как всегда, в конечном счете от каких-то вполне определенных влиятельных лиц, то руководители институтов охотно шли на такого рода маленькие уступки, чтобы не сорвать учебный процесс, накормить преподавателей, студентов и слушателей, обеспечить им более или менее сносное жилье.

Глаза Саши раскрылись после одного случая, который прославил его на весь институт. Сейчас этот случай приводят как поучительный анекдот, но так оно и было в действительности, и произошло это почти на наших глазах. Видимо, руководство института в махинациях с приемными экзаменами действовало не всегда из альтруистических соображений, и над головой его собрались тучи. К нам нахлынула солидная толпа ревизоров, стали поднимать документацию, уличать, опрашивать, проводить беседы. Глава ревизоров, влиятельное лицо из высших министерских кругов, прогуливался по территории института с начальником института и объяснял ему, что все это еще цветочки, а вот самое главное — выяснить, действительно ли, как жаловались в министерство, имелись нарушения правил приема в институт. Начальник был бледен и молчалив.

— Проверить это будет просто, — говорило влиятельное лицо. — Для начала проведем несколько выборочных проверок. Вот, например, этот милый юноша. — Он указал на худенького мальчика, спешившего куда-то с портфельчиком. Мальчику было не больше восемнадцати лет, и на фронтовика он был совершенно не похож. — Вот этот юноша. Как он попал в ваш институт? Давайте спросим его. Подзовите его, пожалуйста.

Начальник покорно подозвал мальчика. Несколько слушателей, проходивших неподалеку, остановились посмотреть.

— Ну вот, молодой человек, — сказала значительное лицо. — Прошу вас рассказать нам, как случилось... Нет-нет, не смотрите на вашего начальника, смотрите на меня... вот так. Расскажите, как случилось, что вас зачислили в это учебное заведение?

Мальчик поглядел на значительное лицо прекрасными умными глазами и улыбнулся.

— Почему вы улыбаетесь? — нахмурилось значительное лицо. — Говорите же, кто устроил вас в институт?

— Не знаю точно, — сказал мальчик, — но, по-моему, вы, Иван Петрович. Вы не узнаете меня? Я Саша Майский. Мама просила вас похлопотать в министерстве...

Это был ужасный конфуз. Саша прославился. На него ходили смотреть с других курсов и факультетов. Но, кажется, именно тогда он понял, что имела место какая-то страшная несправедливость, что он занял в институте место, принадлежавшее по праву другому человеку.

Саша Майский в дальнейшем стал другом главного героя Петей Майским, а приведенный выше фрагмент нигде использован не был.

Второй отрывок — это две страницы, на которых рассказывается сначала о работе главного героя над переводом «Пионового фонаря» Саньютэя Энтё, а затем о визите к Марецким.

В тот день я с утра засел за Саньютэя Энтё. Госиздат запланировал «Пионовый фонарь» на следующий год, и мне давно уже следовало взяться за него, но месяца два назад я соблазнился небольшой повестью какого-то Сираямы, которая почему-то позарез понадобилась «Дружбе народов». Не знаю, почему. Повесть слабенькая и вздорная, и даже с точки зрения идеи дружбы народов небезупречная, но переводилась, как и почти все современное, очень легко, почти с листа. «Пионовый фонарь» — совсем другое дело. Мало того что написан он был чуть ли не в середине прошлого века, весь он почти целиком состоит из диалогов, и весьма натуральных диалогов притом, и диалоги эти касаются дел и обстоятельств, своеобразных для того интересного времени — кстати, действие в «Пионовом фонаре» происходит в середине восемнадцатого века, — но совершенно непонятных, вероятно, даже для нынешнего японца. И диалоги эти ведут живые люди того времени, и автор, почтеннейший господин Саньютэй, нимало не стеснялся передавать их во всем сыром уличном великолепии со всеми словами и оборотами, давно канувшими в вечность. А у меня всего два словаря — Такэнобу и Кацумата, в них можно найти что угодно, начиная с ускорителей ядерных частиц и кончая рецессивной аллелью, но нет там, например, слова «бокучо», и приходится догадываться — то ли это деревянный меч, то ли просто палка. Да взять хотя бы название повести — «Пионовый фонарь». Безобразное название для непривычного слуха. Но как еще можно перевести «Ботан дорю»? «Фонарь в форме цветка пиона»?

Короче говоря, времени у меня оставалось в обрез — десять месяцев на сто девяносто страниц убористого текста. Отказываться от работы было поздно, да и гордость не позволяла, и я принялся за дело. Дело шло медленно. К полудню я с трудом добрался до второй страницы и застрял на слове «сэсса». Слово это состоит из двух иероглифов: «сэцу» — «глупый», «невежественный» — и «ся» — «человек». Я бился над этим несчастным словом полчаса, пока не догадался заглянуть в Роз-Иннес. Там черным по белому значилось: «сэсса» — «я», «мой». Я плюнул и отправился полежать на диван. Все встало на свои места, и я довольно быстро одолел еще одну страницу. Когда я дошел до того места, где пьяный дурак предлагает самураю накормить слугу крысиным ядом, дядя Гриша постучал и сказал, что меня зовут к телефону. Я вышел в коридор и взял трубку. Звонил Витя Марецкий. Я не видел его недели две — и очень обрадовался.

— Ты где пропадал? — спросил я.

— Работал, — ответил он и спросил: — Ты что делаешь?

— Работаю.

— Плюнь, — сказал он.

— Ит депендз, — осторожно сказал я.

— Плюнь и иди к нам.

— А что будет?

- Будет обед. И выпивка.
 — С чего это?
 — Мы с Фирькой получили свидетельство.
 — О! — сказал я. — Поздравляю.
 — Так ты придешь?
 — А кто еще будет?
 — Какое тебе дело? Ну, Нина будет. Петька Синенко.
 — Как? Один?
 — У него жена опять в больнице.
 — Что-то у него это часто.
 — Значит, придешь?
 — Ладно, — сказал я. — Приду.
 — Кстати, у меня к тебе есть просьба.
 — Это уже хуже.
 — Иди к черту. В общем, приходи.
 — Ладно. Между прочим, мог бы позвонить и вчера. Я как раз сегодня попросил приготовить мне обед.
 — Так мы же только сейчас получили свидетельство.
 — Ладно, приду.
 — Сейчас же.
 — Сейчас же. Только побреюсь и переоденусь.

Я повесил трубку и отправился бриться. Бреясь, я думал о том, что освежиться после Саньютэя будет неплохо; что японцам, которые переводят, скажем, Сумарокова или Державина, тоже приходится несладко; что очень славно будет встретиться с Ниной; что Петр такими темпами вгонит жену в гроб в несколько лет. Затем я оделся и отправился пешком на Садовую, где жил Виктор с Эсфирью.

Уже смеркалось, зажглись фонари, шел снег, на улицах было полно субботнего народа. Я зашел по дороге в гастроном, купил бутылку водки, хороший коньяк для Виктора и коробку конфет для Эсфири. Не то чтобы Эсфирь любила коньяк меньше конфет, но просто так уж было принято — таскать Эсфири конфеты.

Марецкие жили на пятом этаже. Я позвонил, и дверь мне открыла Эсфирь, как всегда тонкая, изящная, необычайно красивая с узким бледным лицом и яркими черными глазами.

— Явился не запыхался, — недовольно сказала она, расстегивая мое пальто. — Я уж думала, тебя машина сбила.

Я снял пальто, поцеловал ее в щеку и передал бутылки и коробку.

— Иди в комнату, — сказала она. — Витька уже рвет и мечет.

Здесь надо отметить два обстоятельства. Во-первых, сам Саньютэй Энтё и его книга, которую АНС действительно переводил в начале 60-х, названы пока что настоящими именами. (В последующих вариантах автор станет сначала Баньюкаем, затем Баньютэем, а книга превратится в «Призрак с хризантемой».) Во-вторых, жену Виктора Марецкого зовут Эсфирь, к будущей Юле Марецкой она явно не имеет никакого отношения.

В начале ноября АНС представляет брату развернутый план «Кракена».

Кракен
 Часть I
 Гл<ава> 1

Интродукция: история взятия самурайского меча.

Андрей Сергеевич Головин, переводчик-японист, 37 лет, у себя дома. Заходит Петя Синенко, сосед по квартире, молодой рабочий, приносит два письма и фотоаппарат. Хвастает аппаратом. Андрей нюхает его и приходит в восторг. Читает письма: одно —

с договорами из Издательства, другое — от Марецкого, с приглашением обмыть получение свидетельства на изобретение. Петя восхищается мечом, висящим над диваном, делает выпады и упражнения. Беседа Андрея с ним — о народе и о простых людях. Андрей одевается и идет в Издательство — отнести подписанные договоры. В редакции у Семена Федоровича Хейфица, старого товарища Головина по институту и армии, сидит разъяренная дама — мамаша какого-то переводчика, рукопись которого отвергли. Она одолевает Хейфица. Андрей слушает и потешается. Когда мамаша уходит, Андрей отдает Хейфицу договоры, они немного беседуют. Хейфиц кричит, что больше не может здесь, все надоело, хочется работать, а не возиться с бездарями. Но уйти из Издательства он боится — семья, двое детей. «А вдруг сократят гонорары? А вдруг я кому-нибудь не понравлюсь, и мне не дадут переводы?» Андрей прощается и уходит.

Гл<ава> 2

Интродукция: 37-й год, школьные годы Андрея. Суматоха из-за фашистских знаков на пионерских галстуках, в актовом зале директор убеждает, что никаких знаков нет. Виктор рассказывает о профиле Троцкого на спичечном коробке и о том, что у них арестовали соседа.

Андрей покупает вино, сласти, идет к Марецким. Марецкие — Виктор Григорьевич, научный работник, кибернетист, и Юля, его жена, однолетки и школьные друзья Андрея. Юля работает инженером «Нефтьпроекта», с помощью Виктора занимается изобретательством в области автоматизации добычи нефти. Когда Андрей приходит, Юля возится на кухне, а Виктор крутит магнитофон с Питером Сигером. Стол накрыт, Андрей немедленно запускает пальцы в ветчину. Виктор начинает рассказывать про Кракена, но тут приходит Нина Владимировна Сойкина, переводчик Интуриста, 35 лет, мать-одиночка по убеждению. Андрея с нею знакомят. Садятся за стол, пьют, хохмят, танцуют. Спор об информации — нужна ли она, какой она должна быть, довод о летающем блюде, севшем на площади Дзержинского. Виктор выдвигает свои положения о неспособности человеческих организаций управлять миром, возлагает свои упования на машины. Снова вспоминает про Кракена, пытается рассказать, но слишком пьян, ничего у него не получается. Андрей активно интересуется Ниной. Они собираются уходить. На прощание он дает Юле свой телефон, который только что поставили у них в квартире. Они с Ниной выходят, Андрей ввязывается в какой-то пьяный спор на улице, Нина тем временем удирает на такси.

Гл<ава> 3

Интродукция: 44-й год. Андрей только что с фронта, его принимают в институт иностранных языков. «Какой хотите язык изучать? Английский? Ну так пошлите его на японский, там он и английский выучит». Тут же рядом другого абитуриента допрашивают, чувствует ли он себя евреем.

С утра Андрей приступает к переводу «Пионового фонаря». Чувство тревожного наслаждения перед началом большой работы. Он ходит крадучись около стола с машинкой и потирает руки. Описание начала работы. Разного рода трудности, интересные места. Здесь дать понять, что у работника интеллектуального труда ненормированный рабочий день, он работает до пупковой грыжи. Звонок Виктора. Виктор стажирется в Институте беспозвоночных, создает модели нервной системы головоногих. Виктор просит Андрея срочно явиться в Институт к директору. Андрей, чертыхаясь, идет. В кабинете директора его встречает Виктор и сам директор, Борис Михайлович Полухин, того типа, что восторженно трепещут перед иностранцами. Полухин рассказывает Андрею о том, что японцы подарили Институту Кракена в благодарность за спасение их корабля в позапрошлом году, самое крупное головоногое из дошедших до человека живьем. Кракен

помещен в специальном бассейне в подвалах Института. Но, кроме того, японцы подарили Институту старинные книги, в которых изложены многочисленные любопытные случаи столкновения островитян с гигантскими головоногими от времен «Кодзики» до Токугавской эпохи. И Полухин очень просит товарища Головина если не перевести, то, во всяком случае, проаннотировать эти книги. Андрей просматривает книги и содрогается — это все ксилографии, старинная полускоропись, правда, с многочисленными иллюстрациями. Хочет отказаться, но Виктор ему отчаянно подмигивает. Тогда он соглашается и просит разрешения взглянуть на Кракена. Полухин в панике, но делать нечего — разрешает. Андрей и Виктор спускаются в подвал. Сторож подвального бассейна, пьяненький дядя Сидор, впускает их. Андрей перегибается через край бассейна и видит чудовище.

Часть II

Гл<ава> 4

Интродукция: притча о пленном немце, которому студенты дали покурить.

Сразу взяться за рассмотрение японских книг Андрею не удалось, т<ак> к<ак> в тот же день ему позвонили из Иностранной комиссии ССП и сообщили, что с ним хочет повидаться японский писатель, автор романа «Один в пустоте», который Андрей перевел. Вечером Андрей, чертыхаясь, поехал в отель. Разговор с японцем. Он был офицером Квантунской армии, попал в плен. О японских писателях — Абэ Кобо, Эндо Сюсаку, о сущности и задачах литературы, о том, для чего читают литературу. Японец недвусмысленно дает понять, что не прочь был бы, если бы Андрей перевел его новую книгу. Андрей в туманных выражениях сообщает, что это не исключено. Обмен подарками — японец дарит куклу и авторучку, Андрей — бутылку юбилейной водки в оригинальной упаковке. Попрощавшись, Андрей спускается в ресторан с намерением отужинать. Сталкивается с Ниной, которая только что проводила по номерам своих подопечных англичан. Нина приглашает к себе на чаек. Идут пешком, Нина рассказывает об иностранцах. Дома пьют чай и мирно беседуют, когда возвращается дочь Нины, Наташа, девочка лет пятнадцати. Знакомятся, она тоже садится к столу и разглядывает Андрея с холодным и враждебным любопытством. Видимо, ей до смерти надоели мамыны поклонники, но Андрей отличается от них — он громаден, толст, красен, в расстегнутом пиджаке и растерзанном галстуке, иногда зевает, и вместе с тем добр, смешон и хорош. Андрей рассказывает про Кракена, тут Наташа совсем оживляется и просит, нельзя ли и ей поглядеть. Андрей благосклонно предлагает на днях позвонить. Затем он встает, одевается, дарит Наташе японскую куклу и уходит. Дома он перед сном снова просматривает японские материалы. Оказывается, среди них есть «Суйко-коряку», о котором упоминал Акутагава. Синим карандашом отчеркнуты места, относящиеся к спрутам. В одной из книг Андрей обнаруживает несколько листков почтовой бумаги с набросками какого-то «обозгаки» — памятной записки. В скорописном тексте мелькает слово «Конъэй-мару», название корабля, поймавшего Кракена. Андрей откладывает листки в сторону и ложится спать.

Гл<ава> 5

Интродукция: поход на горячее озеро на Парамушире, эпизод с приятелем, севшим голым гузном на горячий ключ, легенда о дочери начальника политотдела, сварившейся в озере заживо.

Неделя спустя. Андрей с красными от бессонницы глазами печатает перевод из японских книг. Выдержки. Придумать два-три определения спрутов страшнее. Пяток легенд-преданий о спрутах. Как спрут опрокинул корабль с чиновником «бакуфу», ехавшим за сбором податей в южные провинции. Как сацумские самураи подружились со

спрутами и использовали их в войне против княжества Тёсю. Как старый рыбак на острове Ёкомэдзима приручил гигантского спрута и даже заставлял его выходить на берег. Как спруты держали в плену десятков рыбаков и по очереди питались ими. Как спруты держали в осаде Котиковые острова. Звонит Наташа, напоминает об обещании показать Кракена. Андрей приглашает ее к себе и звонит Виктору в Институт. Виктор не очень доволен, но поскольку перевод закончен и будет принесен, разрешает привести девчонку. В коридор выходит Петя, просит десятку взаймы. Андрей дает. Петя неостроумно шутит, что интеллигентам лучше платят, у них всегда деньги есть. Андрей взрывается: «Ты, лоботряс, каждый день после работы по танцуйкам шляешься, а я два часа в сутки сплю!» Петя ошарашен и удручен. Андрей возвращается к себе за машинку. Приходит Наташа, он дает ей пачку японских киножурналов и просит подождать. Кончив печатать, собирает бумагу и книги. Наташа спрашивает, откуда у него меч. «Приятель подарил», — отвечает Андрей. В Институте их встречает очень озабоченный и усталый Виктор. На вопросы Андрея отмахивается. Они идут к Полухину, Андрей передает все и рассказывает суть. Полухин благодарит, обещает оплатить работу в ближайшую неделю и шутит о том, что Виктор теперь дни и ночи проводит в подвале и, видимо, мечтает расчленив Кракена, чтобы посмотреть на его нервную систему. Виктор криво усмехается. Они прощаются с директором и спускаются с Наташей в подвал. Дядя Сидор, как всегда пьяный, кормит Кракена. Кракен обдаёт его сепией. Зрелище. Наташа в ужасе. Виктор, бледный и злой, не отрываясь, глядит на Кракена. Андрей не понимает, в чем дело. Дядя Сидор, вымазанный и дурно пахнущий, косноязычно бормочет: «Хитрый, стерва, все понимает... Вылезает, и ну бродить...» Виктор сквозь стиснутые зубы: «Император... Архитойтис Рекс...»

Гл<ава> 6

Интродукция: первый внешкольный вечерок, встреча нового, 41-го года, Андрей ухаживает за Юлей.

Они выходят из Института. Сумерки. Шумная улица. Наташа прощается и уходит. Андрей и Виктор медленно идут по скверу. Сначала молчат, затем Виктор вдруг ни с того ни с сего начинает рассказывать все о головоногих. Андрей слушает, недоумевает. О необычайной экономичности организма, о неограниченном росте мозга, о гигантском долголетии, за которое спрут может последовательно переходить из одного вида в другой. Затем раздраженно говорит о скептиках, о людях, мешающих узнавать новые факты. О понятии факта. Так они идут и наконец останавливаются у парадного Викторова дома. Играют в сумерках ребятишки, сидят пенсионеры, кто-то играет в пинг-понг. Виктор вдруг торопливо рассказывает о том, как вчера к Кракену подсадили самку, он ее оплодотворил и тут же убил. Андрея это мало задело, но Виктор объяснил, что ни одна тварь на земле так не поступает. Самки убивают самцов у пауков, но наоборот никогда не бывает. И не сожрал, а просто убил. Затем он объявляет, что хочет спать, и уходит. Андрей возвращается к себе. Хотел было поработать над «Пионовым фонарем», но сон сморил. Снится Кракен, который собирается убить Нину, беременную от него, Андрея.

Часть III

Гл<ава> 7

Интродукция: Ребята говорили, что она страстно мечтала выйти за китайца. Она влюбилась в актера, игравшего Ху Бэй-фына. Каждый раз, ложась с нею в постель, он должен был надевать пластическую маску, которую носил на сцене.

Спустя неделю. Андрей работает над «Пионовым фонарем». Вдруг приходит Виктор. Мешать не стал, поиграл мечом, завалился на диван, проглядел несколько книжек Колдуэлла. Взял «Вопросы литературы», перелистал и вслух сказал, что все это дерьмо и

никому не нужно. Андрей осведомляется, какие черти его мучают. Виктор рассказывает о тете Дусе с четырьмя детьми, которая работает на кожевенном заводе и каждый вечер, вернувшись, отмачивает руки в теплой воде и плачет, разговаривая о ценах на картошку, и о профессорах-литературоведах в шубах и высоких боярских шапках, десятки лет обсуждающих, как нужно понимать социалистический реализм. Вообще все гуманитарные науки — дерьмо. И возникли-то они от праздности, и вообще они аппендикс на теле человеческой культуры. Начинается спор. Здесь надо подобрать вескую и умную аргументацию для обеих сторон. Идея такая: отказ от гуманитарных исследований — значит подчинение знания требованиям желудка. Андрей требует бесконечного развития абстрактной мысли, бесконечного развития способности чувствовать прекрасное. По его мнению, после установления коммунизма очень скоро прогресс за счет развития средств производства прекратится. В основу прогресса ляжет бесконечное духовное развитие, нужно только избавиться от забот о материальном обеспечении, а там материальные потребности людей быстро сократятся. Уже сейчас большинство интеллектуальных людей сильно сократили свои потребности, во всяком случае, им в голову не приходит торговать валютой, или спекулировать, или отхватывать приусадебные участки. По мнению Виктора, человечество должно как можно скорее избавиться от страшной обузы интеллекта — от эмоциональной стороны его. Предельная рационалистичность, служение чистому знанию. Андрей возражает, что это был бы апофеоз мещанства, люди никогда не сделаются машинами. Виктор замечает, что, если бы человек жил достаточно долго, он бы неизбежно избавлялся от дурацкой чувствительности и занимался бы исключительно делом. Да каким же делом? Добыванием знаний. А не поисками средств так называемого художественного воздействия на духовную сторону природы. И в порядке последнего аргумента Виктор объявляет, что природа уже знает такой разум: это Кракен. С мрачным восторгом описывает он этих чудовищ, которые столетиями растут в океанских безднах, накапливая колоссальный опыт в своем непрерывно растущем мозгу, далекие от духовных потрясений, всегда знающие, чего им надо, беспощадные охотники и холодные рационалисты, живущие индивидуально и без социальной организации, без принуждения, никогда не ошибающиеся, руководствующиеся в жизни немногими рациональными принципами. Их не беспокоит тоска по несбыточному, они философски принимают смерть, и они при всем том способны уловить возможную угрозу сверху — наблюдая батискафы и ощущая удары атомных бомб. И возможно, они воспротивятся вторжению человека и будут правы... Андрей и Виктор расстаются, не очень довольные друг другом. Оставшись один, Андрей вспоминает, что у Теннисона что-то есть на этот счет. Он достает томик и перечитывает тот самый стих. Он испытывает раздражение от глупости и ограниченности «прагматиков», как он называет «физиков». Он удивлен, как такие умные ребята, как Виктор, не видят страшной угрозы омещанивания человечества. Ведь дух — это единственное, что отделяет человека от животного. Так он размышляет, когда Петя стучит к нему и сообщает, что его спрашивает какая-то дама. Это пришла Нина. Она спокойна, ласкова и самоуверенна. «Будем ужинать, — говорит она. — Я остаюсь у тебя».

Гл<ава> 8

Интродукция: как разбился самолет на Шумшу и как искали трупы, чтобы наполнить девятнадцать гробов.

Андрей встает рано утром, Нина еще спит. Он тихонько садится к столу с мыслью поработать и случайно находит под бумагами листки с японской скорописью, которые забыл вернуть Полухину. Он читает. Это памятная записка капитана «Конъэй-мару», как был пойман Кракен. Оказывается, накануне удрал из неплотно запертого ящика крупный экземпляр спрута, а на следующий день, едва забросили трал, как в него заполз Кракен. И Кракен не сопротивлялся, он спокойно дал себя вывалить в трюмный бассейн и тут же

принялся за еду. Андрей думает и сопоставляет со словами Виктора, с бормотанием дяди Сидора. Просыпается Нина. Андрей предлагает ей выйти за него замуж. Она, смеясь, отказывается, одевается и уходит. Андрей весь день валяется на диване, погруженный в размышления, а вечером, захватив с собой самурайский меч, идет в Институт. Там он спускается в подвал и прячется за ящиками, так что дядя Сидор запирает его с Кракеном. Ночь, тьма. Кракен выползает из бассейна, таскается по подвалу. Начинается игра в кошки-мышки. В суматохе Андрей роняет меч и думает уже, что погиб, но Кракен, нагадив кругом сепией, возвращается в бассейн. Скоро рассвет. Приходит дядя Сидор, ругает ругательски Кракена и принимается за уборку. Андрей оглушен, отравлен ядом чудовища. Ему удается незаметно выскользнуть из Института, и он, пошатываясь, бродит по пробуждающемуся городу.

Гл<ава> 9

Интродукция: как я убил политрука, которого схватили ээсовцы.

Днем Андрей снова приходит в Институт. Но слоняется по коридорам, перекусывает в буфете, наконец решается и спускается в подвал. Там сотрудник в белом халате демонстрирует Кракена делегации биологов из Океанологического института. Кракен безучастно лежит на дне бассейна, как куча маслянистых тряпок. Делегация уходит. Дядя Сидор, что-то бормоча по обыкновению, замшелый и сгорбленный, сидит в углу и чинит метлу. Андрей нагибается над бассейном. Разговор с Кракеном. Это, конечно, бред, просто ответы Андрея на собственные смятенные мысли. Кракен с торжеством объявляет, что мечанство, ограниченность, отсутствие стремлений всегда восторжествуют, что все усилия так называемых мыслящих интеллигентных людей в конечном итоге служат лишь для мечан. Чувствуя, что это бред, Андрей трясет головой. И тогда Кракен выбрасывает к его ногам самурайский меч, потерянный ночью. И выворачивается наизнанку бесстыдным похабным образом, как он это делал и раньше, облив кого-либо сепией, — Андрей всегда принимал это за смех. Андрей взял багор, с которого дядя Сидор обычно кормил Кракена, привязал к концу обнаженный меч и со всего размаха воткнул острие между глаз чудовища.

Сохранилась еще одна копия того же плана, но в нее внесена правка, не пошедшая дальше начала второй главы. Заголовок плана исправлен на «Кракен и меч». К первой главе сделана помета: «Андрей не удовлетворен этим миром, но он любит его за людей», ко второй: «Бессемейная ущербность Андрея». Кроме того, Петя Синенко при первом его упоминании заменен Костей, сделано несколько мелких дописок к содержанию первой главы, а на полях добавлены вставки: «(В «Комсомолке» статья Палкина о разгоне поэтов у памятника Маяковскому. Ты там не участвовал?)» и «Андрей вспоминает, что Хейфиц сидел за недоверие к советскому радио. (В период 1946–53 вел сидячий образ жизни.)».

Параллельно с планом, видимо, составлялся и правился список действующих лиц:

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ГОЛОВИН, японист и литератор.

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ МАРЕЦКИЙ, кибернетик.

ПЕТЯ СИНЕНКО, рабочий.

ЮЛЯ МАРЕЦКАЯ, инженер «Нефтьпроекта».

НИНА ВЛАДИМИРОВНА СОЙКИНА, переводчик Интуриста, мать-одиночка.

ДЯДЯ СИДОР, сторож подвального аквариума.

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ПОЛУХИН, директор Института беспозвоночных.

СЕМЕН ФЕДОРОВИЧ ХЕЙФИЦ, редактор Госиздата.

В ходе правки Петя Синенко и здесь исправлен на Костю. Про дядю Сидора добавлено: «Василевский, бывш<ий> зиц-председат<ель>». Внизу дописаны близкие по смыслу варианты фразы: «Не хочу, чтоб он смеялся», «Пусть он не смеется» и «Хватит ему смеяться». Возможно, это заготовки к названию какой-то главы.

План далее обсуждался в письмах, при этом БНС высказал ряд серьезных замечаний, особенно по концовке. Предполагалось при ближайшей встрече перейти к написанию повести... но вместо «Кракена» Авторы стали писать «Далекую Радугу». Однако и в отношении нового замысла были подвижки. АНС отметил в дневнике: «Кое-какие наброски для «Кракена» я сделал — облик Андрея. У Борьки нашлись наброски для образа Виктора. А я открыл противоречие между нами, которое в последнее время движет нашу работу: меня тянет к внешнему описанию событий, а Борьку — к поискам идейного содержания сюжета».

Попытка обыграть это противоречие отражена, в частности, в следующих заметках:

1. Четверг. Глава — Виктор, от 1-го лица.
 - а. Перед стеллажом.
 - б. Как привезли Кракена.
 - в. Как тащили табулятор.
 - г. Приход Юльки с сообщением о принятии изобретения. Решено выпить завтра вечером, пригласим Андрея и Нину. Зернышко ревности Виктора к Андрею за Юлю.
2. Пятница, суббота. Глава — Андрей, от 3-го лица.
 - а. Ходит, потирая руки, вокруг «Пионового фонаря».
 - б. Костя приносит журналы и письмо. Разговор с Костей, играет с мечом.
 - в. Телефон от Виктора.
 - г. Идет к Виктору с водкой.
 - д. Вечеринка у Виктора.
3. Суббота. Глава — Виктор, от 1-го лица.
 1. Виктор звонит Андрею, просит явиться.
 2. Являются к директору беспозвоночников.
 3. Директор озабочен.
 4. Идут смотреть Кракена.
 5. Описание Кракена и Фомина — бывш<ий> служитель при бассейне (бывший уголовник, его опознает Тимофей Евсеевич) — инцидент с пропусками.
 6. Возвращаются на счетную станцию, Андрея знакомят с Тимоф<еем> Евс<еевичем>.
4. Воскресенье. Глава — Андрей, 3-е лицо.

Андрей просматривает японские книги. Выдержки. Определения. Мифы. Меморандум откладывает в сторону и забывает о нем.

Звонок из Иностранной комиссии, напоминают о встрече с японским писателем. Чертыхаясь, идет.

Встреча с Ниной.
5. Понедельник. Глава — Виктор, 1-е лицо. День Виктора.
 - а. Странное поведение Тимофея Евсеевича.
 - б. Демократизм Фомина, пропускающего всех желающих посмотреть.
 - в. Запрещение работы на неактуальную тему и разговор о павиане.
 - г. Паломничество к Кракену.
 - д. Слух о том, что администр<атор>-хоз<яйственник> (зампохоз) недоволен паломничеством.
 - е. Рассуждения Виктора о сущности творческой работы, которую всегда пытаются запланировать и вогнать в рамки, и почему хозяйственникам больше всего до этого дела.
 - ж. Задушевный разговор члена партбюро с Виктором.
6. Вторник. Глава — Андрей, 3-е лицо.
 - а. Дописывает работу.

- б. Звонок от дочери Нины.
 - в. Разговор с Костей о деньгах и звонок к Виктору с просьбой обеспечить приход.
 - г. Поход к Кракену, эпизод с пропусками.
 - д. Виктор мрачен, ибо партбюро. Обвинять склонен своих сотрудников.
 - е. Циркуляция слухов. Месткомовское хапанье.
7. Среда. Глава — Виктор, 1-е лицо.

Падение нравов:

1. Слухи, что зам по научной части сошел с ума — предложил директору проект о введении смертной казни за опоздание. Директор вскричал: Да ведь это же превосходно! Но тут же, спохватившись, сказал: Но позвольте, ведь существует трудовое законодательство...

От позиции «самое главное — дело» к позиции «самое главное — я».

Падение Виктора:

- 1. Ревность к Андрею, ругань с Юлей.
- 2. Придирки к Тимофею Евсеевичу.
- 3. Думы о диссертации.
- 4. Нарушение очередности работы станции в пользу полезных людей.
- 5. Однако сделать из Виктора предателя Кракен так и не смог: когда допрос о Тимофее Евсеевиче — он наорал на допрашивающего.

В дальнейшем идея со сменой точек зрения и переходами между первым и третьим лицом развития не получила, а Виктор исчез из повести. Но попытки реализовать этот план были. Свидетельство тому — вариант второй главы, где фигурируют Андрей и его перевод с японского, а также разговор с Костей, который пока сосед-рабочий, а не сотрудник издательства. Написан этот текст как раз от третьего лица, в точном соответствии со схемой. Интересно отметить, что в нем в результате небольшой правки и добавления «сменного» набора страниц возникли два варианта продолжения событий, так что с определенного момента Андрей либо переводит и размышляет на литературные темы, но не общается с Костей, либо принимает гостя, но тогда уже не занимается переводом. Имя у автора вымышленное — Баньюкай Контё (один раз проскакивает вариант «Баньютэй», ставший позже окончательным). Вместо «Пионового фонаря» упоминается «Розовый фонарь», но переводит Андрей другую книгу Баньюкай, под названием то ли «Привидение с хризантемами», то ли «Призрак с хризантемами».

Вот вариант с переводом:

ГЛАВА ВТОРАЯ

Андрей Иванович сильно потер огромные ладони и оглядел стол. Все было готово как будто. Серо-зеленая «Комбина» заправлена чистым листом бумаги. Справа, так, чтобы удобно было дотянуться, разложены тяжкие, рыхлые от употребления тома Кацуматы, «Кодзиэна» и Роз-Иннеса. Слева раскрыта на первой странице маленькая изящная книжка «Кику-горэй» — «Призрак с хризантемами». Пепельница пуста, папиросница полна, три новеньких коробка спичек разбросаны на оставшемся свободным пространстве. Оставалось только сесть в старое скрипучее кресло, всмотреться в первые строки и положить пальцы на клавиши.

Но Андрей Иванович не торопился. Как всегда перед началом новой работы что-то в нем с ужасом протестовало, гневно и жалобно требовало не начинать. Совсем не начинать. Ну, раз уж это так необходимо, то начать завтра. Ну хотя бы вечером. Хотя бы через часок. А сейчас завалиться на диван и почитать Грэма Грина. Или просто так покурить, разглядывая потолок. Странное и глупое чувство. Рефлекс, выработавшийся за годы работы, предупреждающий о наступлении очередной поры добровольного тяжелого

рабства. Стоит в первый раз ударить клавишей, и ты пропал. Тебе уже не сходить потрепаться к приятелю, не посидеть до глубокой ночи за бутылкой коньяка. То есть все это можно — и треп, и коньяк, но удовольствие будет отравлено. После первого удара клавишей ты превращаешься в раба своей работы. Ты будешь в самый разгар удовольствий вспоминать о сиротливо торчащем из машинки недоконченном листе, тебя будет грызть совесть за нарушенное расписание, ты станешь раздражительным и каким-то озверелым и будешь постоянно портить настроение себе и другим.

Андрей Иванович любил свои рефлексы и особенно любил этот. Он называл его «антирабочим». Антирабочий рефлекс никогда ничему не мешал, он был слаб и жалок, и, отдавая ему некоторую дань неторопливостью своей, Андрей Иванович чувствовал себя чуть ли не собственным благодетелем. К тому же Андрей Иванович немножко хитрил. Он только делал вид, что повинуется и соглашается с этим рефлексом, а на самом деле просто настраивал себя на автора. Перед серьезной работой это просто необходимо. Автор и его книга были противниками. Чтобы успешно громить этого противника страницу за страницей, строку за строкой, иероглиф за иероглифом, необходимо отчетливо представить себе его дух, его время, его возможности. Вернее, не представить, а просто войти в него. Взглянуть на мир его глазами, увидеть, что видел он и как видел он, и разобраться в ходе его мысли. Чем серьезнее автор, тем это сложнее. Нет, не так. Чем дальше от нас автор, тем сложнее. И такое вот вползание в шкуру Баньюкай Контё предстоит каждое утро.

Итак, Баньюкай Контё. Восемнадцатый век. Точнее, сороковые годы восемнадцатого века. Примерно тысяча семьсот сорок пятый год. Эдо — нынешний Токио, только недавно стал столицей. Интересно, почему почти все государства Дальнего Востока так часто меняли столицы? Нара, Мурамати, Киото, Эдо — всего на протяжении менее десяти веков... Эдо тысяча семьсот сорок пятого года. Эдо под властью зловещих диктаторов Токугава. Малолетний император живет затворником в неуютном приземистом дворце, огороженном широким и глубоким рвом, охраняемый зоркими и жадными «хатамото» Токугава, грубыми бессердечными солдатами в рогатых шлемах и ребристых доспехах, с двумя мечами за поясом и длинными пиками с конскими хвостами у ржавых лезвий. Вокруг дворца тихо и пустынно. Зато в кривых и тесных улочках кипит жизнь. Народ валом валит мимо лавок, останавливается, приценивается, галдит, собирается плотным кольцом вокруг уличного рассказчика, почтительно сторонится перед важно разгуливающими дворянами и чиновниками. Семят маленькие женщины, постукивая гэта, лица их хорошенькие и неподвижные под слоями пудры, как у кукол, а прически высокие и сложные, украшенные гребнями и тонкими спицами из дерева или слоновой кости. Пронесут в открытом портшезе известную куртизанку — красавицу, смело и насмешливо разглядывающую толпу, — перед портшезом расступаются и вполголоса спорят, чья она сейчас наложница и кто подарил ей это массивное кольцо на запястье, выполненное в виде змеи. Перед витриной оружейника сидит на корточках самурай, выбирает старинный меч по руке, а за его спиной стоит здоровенный слуга с деревянной палкой и угрожающе покрикивает, чтобы в давке не задела его господина. Толпа не обращает внимания на дождь, все веселы и озабочены, шныряют карманники, и вон поодаль, прижимаясь к стене, проходят, как тени, какие-то темные личности с закутанными мордами и руками, спрятанными под плащи.

И вот, бесцеремонно толкаясь и отпуская шуточки, через толпу пробирается длинный костлявый человек в стареньком кимоно. С первого же взгляда в нем угадываешь коренного стопроцентного эдосца, «эдокко», как их называют по всей стране. Есть в них что-то от одесситов двадцатого века — они такие же зубоскалы, умницы и разговаривают с неповторимой наивно-насмешливой интонацией. А этот, в старом кимоно, эдокко вдвойне. Потому что это знаменитый рассказчик и юморист Баньюкай Контё. Настоящее его имя, конечно, не Контё, и фамилия — не Баньюкай. Но все зовут его так, и он сам подписывает так свои книжки в пестрых обложках и со смешными

рисунками, от которых покатывается вся столица, начиная от грозного диктатора и кончая последним эта — сборщиком навоза. Баньюкай в Эдо везде как в собственном доме. Тем более что собственного дома у него нет. Он бесцеремонно подсаживается к двум чинно беседующим купцам из провинции и передразнивает их медлительный выговор так, что толпа вокруг гогочет и заходится от смеха. Он закатывает оплеуху слуге самурая, который попытался преградить ему дорогу своей палкой, и нагло-смирненно кланяется нахмурившемуся самураю. Он показывает фигу — так в Эдо приглашают публичных девок — важной дебелий бабе, видимо жене какого-нибудь откупщика, и несколько минут наслаждается ее визгливыми ругательствами. Он особенно весел сегодня — он продал свою очередную книгу «Привидение с хризантемами» и выторговал у печатника лишнюю пару серебряных монет. Сегодня мир удовольствий открыт для него. Скорее всего, он направляется сейчас в кварталы Иосивара, где с веселыми друзьями и подружками-проститутками спустит всю выручку за несколько дней, а затем, если повезет, заставит еще неделю-другую развлекать себя какого-нибудь загулявшего купчика...

Андрей Иванович сначала идет рядом с ним, едва поспевая за быстрыми шагами и еще более быстрыми выходками писателя-пройдохи, затем входит в него и оглядывает лицо его озорными, бесстыдными глазами. И ему сразу становится понятно, какой веселый и нетерпеливый талант несет в своей голове и в душе этот пройдоха и распутник. Талант гениального наблюдателя! Его сознание мгновенно отмечает мелочи, которыми пренебрегают все другие люди; по взглядам, по позам, по звукам голоса он угадывает самое сокровенное — особенно смешное в человеке, восстанавливает в воображении его прошлое и все события, которые привели этого человека к его положению в настоящий момент, затем ставит этого человека в необычайные обстоятельства — и вот уже готова небольшая новелла, которая, возможно, войдет в его следующую книгу...

Андрей Иванович сморщился, пытаюсь вспомнить, какую книгу написал Баньюкай после «Привидения с хризантемами». Кажется, «Розовый фонарь»... Ну да, там в самом начале есть эта сцена с самураем, выбирающим у оружейника меч, со слугой и с каким-то пьяницей, которого самурай зарубил. А Баньюкай, пока Андрей Иванович вспоминал, уже свернул в переулок и пропал из глаз. Ну что ж, веселой ночи тебе, дружище. Бороться с тобой будет трудно, но интересно.

Андрей Иванович сел в кресло и придвинулся к столу. Рефлекс молчал. Его подавило нетерпение и желание работать. Теперь все пойдет как по рельсам. Так. Глава первая. «Рано утром второго февраля пятого года Мэйва по случаю победы над мятежниками на севере Хога...» Во-первых, что это за пятый год Мэйва. Андрей Иванович потянулся к словарям, раскрыл Кацумата и побежал пальцем по таблице летосчисления. Мэйсин... Мэйкан... Вот оно. Пятый год Мэйва — тысяча пятьсот тринадцатый год. Весьма в стиле Баньюкай. Действие переносится на двести лет назад, но герои все равно будут говорить с эдосским акцентом и отпускать словечки, принятые у уличной шантрапы токугавской Японии. Теперь о мятеже на севере Хога. До чего в средневековье там любили менять названия провинций! Ищи теперь эту самую Хога. Впрочем, возможно еще, что Хога — не название, а имя главаря мятежников. Тогда надо перевести: «Северный мятеж Хога». Где у меня «Кодзиэн»? Поди сюда, толстяк. «Обширный сад иероглифов». Хога... А, ка, са, та, на, ха... Ха, хи, фу, хэ, хо... Хога. Не то. И это не то. Андрей Иванович отложил «Кодзиэн». Одно из двух. Либо Баньюкай выдумал этот мятеж, что весьма возможно, ибо вряд ли он особенно интересовался историей, либо... Запишем в блокнотик и сходим завтра в Публичку.

Поработав два часа, Андрей Иванович встал, потянулся и стал прохаживаться по комнате. Справиться с «Привидением» будет нелегко. Главная трудность — многочисленные диалоги. Очень натуральные диалоги, надо сказать, и веселый Баньюкай не постеснялся передавать их во всем их сыром уличном великолепии, со словами и оборотами, давно канувшими в вечность. И объекты разговоров тоже крайне своеобразны для того интересного времени. В Кацумате и в «Кодзиэне» есть все, начиная с реакторов

на медленных нейтронах и кончая рецессивной аллелью, но в них, например, нет никаких следов такого слова, как «накаго». Что это? Меч в ножнах или стержень рукоятки? Андрей Иванович закурил и вернулся в кресло.

За два часа — две страницы. Это не «Один в пустоте», когда перевод сам лился в русские строчки, прямо с листа. Сложно, ужасно сложно. Придется для выполнения плана работать по пять, а то и по шесть часов в сутки. Правда, потом, когда войдешь в текст, будет легче, но все-таки... Андрей Иванович с некоторым раздражением перелистал «Привидение». Двести пятнадцать страниц... Может мне кто-нибудь сказать, с какой стати я взялся за этого средневекового шутника? Заработал бы я вдвое быстрее и вдвое больше, если бы согласился на предложение «Дружбы народов». Вещь большая, на двадцать листов, переводится легко... Правда, тоска. Неинтересно. Эта самая наираспробеднейшая жизнь японского крестьянина в руках ростовщиков. Она сказала и заплакала. Он сказал и заплакал. И сопля дрожала на кончике его носа. Тьфу... Но — работа. Нет, все-таки тоска. Вера Павловна просила. Никто кроме вас, Андрей Иванович... Талант... Врожденный талант... Да, это причина. Вера Павловна — женщина достойная и очень уважаемая. Чуть ли не единственный человек, мнение которого что-нибудь значит для бедного переводчика. Да, это причина. Одна из причин. А другая — сам Баньютэй. Достойный противник. Интересный.

Молодой эдосский купец во время праздника замечает прекрасную девушку на улице, перед прилавком галантерейщика. Разговорчики, шуточки, девушка таскает букет хризантем. Вдруг какой-то верзила задевает ее, купец дает ему в рыло, пока они дерутся, девушка исчезает. Купец безутешен, ходит и разыскивает ее. Долго ходит. У всяких людей спрашивает. Наконец узнает, что это дочка купца из Киото, и что она всего день назад отправилась с папой домой. Купчик за нею. Всю дорогу он спрашивает и изредка находит увядшую хризантему. Наконец он в Киото. Вечер, он едет по улице, ища, где бы переночевать, и вдруг замечает ее — как в Эдо, с букетом хризантем. Он за ней, она от него, забегает в какой-то дом, он за ней, там он ее хватает и... Короче, они обмениваются клятвой вечной любви, и он счастливо засыпает у нее на плече. А проснувшись, обнаруживает, что лежит под открытым небом в развалюхе на окраине Киото. Оказывается, его полюбила и заставила дать себе клятву змея-оборотень. Вот тут-то все и начинается.

Сюжет несложный, даже, кажется, содран у какого-то китайца, чуть ли не у Цюй Ю Цзун-цзи, но как этот хитрец сумел его использовать! Не хуже, чем Акутагава два века спустя использовал наивные новеллочки «Кондзяку». Каждый шаг героя — встреча с новыми людьми. Каждый сюжетный поворот — новая обстановка. Учитесь, товарищи современники!

Андрей Иванович откинулся на спинку кресла и поднял книжку к лицу.

— «Тут Гоэмон поскользнулся... м-м... споткнулся и упал... — стал он переводить вслух первое попавшееся место. — Упал. Тогда... э-э... к нему приблизился хозяин и сказал: “Я, недостойный, видел ваше обращение с... м-м... Кусиро? Сораздиро?..”»

Он покачал головой и бросил книжку на стол. Нет, это не «Один в пустоте». Добрый старый восемнадцатый век, да еще в Японии, да еще и в мещанской Японии. Сходу здесь ничего не возьмешь. Молодчина Баньюкай. Так и быть, пусть студенты изучают историю литературы по оригиналам, от лекций только изжога. Раз уж им все равно приходится изучать историю литературы. Пустое дело, на мой взгляд.

Интересно, почему человечество вновь и вновь возвращается к первым этажам культуры? Почему считается, что нам до сих пор нужны Шекспир, Рабле, Сервантес, Ду Фу, Мурасаки Сикибу, «Махабхарата», Гомер? Как доказательства, вещественные доказательства величия духа человеческого, его гения? Вот, мол, глядите, вы, антропоиды двадцатого века, на что были способны ваши предки. Ведь, говоря по правде, читать сейчас Шекспира довольно скучно. «Махабхарату» — и подавно. Скучно... Кому скучно? Офицеру запаса, специалисту по японскому языку? Он, конечно, считает себя довольно

культурным человеком. Мы, интеллигенция... Этот подонки Кочетов... И так далее. Но какие-то авторитетные люди считают, по-видимому, что забывать эти великие вехи нельзя. Для этих авторитетных людей Шекспир не скучен, а составляет, по слухам, неисчерпаемую сокровищницу идей и ощущений. Значит, отставной офицерик просто-напросто недостаточно тонок и умен, чтобы эти идеи и ощущения от Шекспира получить. Что ж... У него остается одно большое утешение: авторитетные люди являются более умными и тонкими, чем он. И на том спасибо.

Андрей Иванович опять встал и побродил возле дивана, роняя на половик пепел. А если это не так? Если авторитеты в области оценки культурных ценностей просто-напросто старые песочницы, которые втихомолку читают растрепанные томики Луи Буссенара и, только чтобы не растерять авторитет, упорно бубнят о великих миссиях и огромной роли, и о выразителях интересов, и о гигантских трагедиях, и о чем еще нет... Попробуй, проверь. А впрочем, проверить это не так уж и трудно. Надо взять произведение литературы, изученной плохо. На худой конец — японской литературы. Хотя бы вот этого Баньюкая. Ну кому он известен из маститых специалистов-литературоведов у нас в России? Взять, принести какому-нибудь авторитету, вроде, скажем, Шкловского, и попросить: «Прочитайте, мол, бога для, и дайте свое авторитетное заключение. Это, мол, произведение одного малоизвестного японского писателя. В японском литературоведении о нем ничего не говорится. А мне, мол, кажется...» и так далее. Это был бы замечательный опыт.

Вот, скажем, Шкловский в восторге от толстовских «Казаков». Я, откровенно говоря, не в восторге. Молодой богатый пошляк, слегка обалдев от распутной и праздной столичной жизни, едет на Кавказ для удовлетворения нравственных инстинктов. Пьяницы-казаки. Кобылоподобная Марьяна. Скрупулезный — надо отдать Старику справедливость — анализ работы мысли молодого богатого пошляка, скрупулезный, но какой-то неаппетитный и неряшливый. Таково мое мнение. А мне от молодых ногтей долбят, что каждая строка Толстого — шедевр. Провалиться им с такими шедеврами. Помогает нам разобраться в собственных мыслях и переживаниях? Допустим. Но слишком поздно. «Казаки» нас интересуют с этой точки зрения только тогда, когда мы уже и так можем. Зеркало нашей собственной психологии? Увольте от такого зеркала. То есть зеркало, может, и хорошее, но объект рассмотрения уж больно не того... И вообще все это вздор. Сам метод вздорный. Берем человеческую душу и оную тщательно анатомируем. Да она уже сдохла, едва вы сделали первый надрез. Вы, дорогой граф, анатомируете мертвельного! Уж куда лучше Хемингуэй. Тот о человеческой душе предлагает судить по словам и поступкам, а не лезет внутрь грязными руками. Тут и душа цела, и некоторый простор для читательского воображения есть...

Эк меня куда занесло, подумал Андрей Иванович, и в этот момент зазвонил телефон.

А вот альтернативное продолжение, где после слов «Андрей Иванович закурил и вернулся в кресло» появляется Костя:

Еще через два часа в дверь постучали.

— Кто? — осведомился Андрей Иванович.

— Это я, Андрей Иванович, — сказал из-за двери голос Кости. — Здесь вам журналы принесли.

— Заходи, Константин.

Костя вошел.

— Работаете, Андрей Иванович? — участливо спросил он.

— А, разве это работа! — сказал Андрей Иванович. — Слезы это, а не работа.

Он взял номера «Современного Востока» и «Вопросов философии».

— Слезы, — повторил он. — А письма не было?

— Не было.

— Тогда садись.

Костя присел на край кушетки. Андрей Иванович проглядел оглавления.

— «Народы Азии и Африки в борьбе за национальную независимость», — прочитал он вслух. — Так. «Народная экономика КНДР». Гм... «Народ Японии протестует против ракетных баз»... Костя!

— Что?

— Что такое народ, Костя?

Костя недоуменно воззрился на него.

— Народ? Ну... Люди... Государство... Те, кто живут в стране, одним словом.

— Вот ты — народ?

Костя засмеялся.

— Я один, конечно, не народ.

— А вот когда говорят... — Андрей Иванович положил журнал и повернулся к Косте, уперев руки в колени. — Вот когда говорят: это нужно народу, народ этого требует, а этого народу не нужно. Это про кого?

Костя подумал.

— Это про население страны. Помимо правительства. Есть народ, а есть и правительство.

— Вот ты жаловался позавчера, что снизили расценки. Значит, ты как представитель народа против снижения расценок. Но тем не менее их снизили. Что же, дирекция ваша идет против народа?

— Ясно, против...

— А на той неделе ты рассказывал, как вы, дружинники, разогнали поэтов у памятника Некрасову.

— Так они же стилиаги. Лопочут сами не знают что...

— Но их же слушали, правда?

— Были там какие-то хмыри. Тоже стилиаги.

— Но они ведь не правительство, так?

Костя опять засмеялся.

— Следовательно, они тоже народ.

— Ну уж и народ...

— А вы — дружинники, то есть люди, близкие к милиции, государственной, правительственной организации. Так?

— Они — не народ, — твердо сказал Костя. — Они стилиаги.

— Что это — стилиаги? Разве не часть народа?

— Тунеядцы. Живут на нашем горбу...

— Постой, постой, как так на вашем горбу?

— Ну что они делают, Андрей Иванович? На папины и мамины деньги пьянствуют, спят до полудня...

— Ого! У тебя есть знакомые стилиаги?

— Нет, да это все знают...

— Ага... Ну ладно. Итак, они тунеядцы. То есть ценностей не создают.

— Точно.

— А стихи?

— Что стихи?

— Чьи они стихи читали? Может, Пушкина? Тогда за что...

— Да нет, какого там Пушкина... Свои какие-то.

— Значит, что-то они создают? Стихи, например...

— Какие там стихи, балаган. Разложение.

— Ну-ка, расскажи, люблю про разложение.

Костя растерялся.

— Да я не слыхал. Мы подошли и сразу сказали: а ну, разойдись, подонки...

— А кто тебе сказал, что это разложение?

Костя промолчал. Андрей Иванович с интересом разглядывал его, словно видел впервые.

— Нет, — сказал Костя решительно. — Стиляги есть стиляги. Вы за них, Андрей Иванович, не заступайтесь.

— И не думаю, что ты! Я просто хотел узнать, что такое стиляга?

— Тунеядец, я же вам говорю.

— Положим, что тунеядец. Но ведь поэты — не тунеядцы. Или тоже тунеядцы?

Костя пожал плечами и стал смотреть в окно.

— Ох ты, дубина ты моя стоеросовая, — вздохнул Андрей Иванович. — Ну ладно. Я просто хотел узнать, что такое народ. Вот теперь знаю: народ — это то, что не правительство и не тунеядцы.

— А что ваши поэты? — сердито сказал Костя. — Тоже мне... Что они дают народу? Деньги только зашибают.

— Ты, значит, стихов не любишь?

— А на что они мне?

— А кто вчера орал «Подмосковные вечера» — мне даже противно стало.

— Так то песня. Ну, стихи для песен — это еще туда-сюда. Да и без них в крайнем случае можно обойтись.

— Между прочим, без стиральных машин, которые ты там у себя на заводе делаешь, люди тоже десять тысяч лет обходились.

— Я пользу государству приношу. Мои машины продают, и государство деньги выручает большие! А поэты ваши? Что они могут? Рабочего человека обедать? Интеллигенция несчастная!

Андрей Иванович покачал головой.

— Отлично, — сказал он. — Дай-ка твой пульс... Так. Ты не потеешь по ночам? Открой рот и скажи «а».

— Да что вы надо мной смеетесь, — возмутился Костя.

— Я не смеюсь. Я плачу. Плачу и сейчас зарыдаю. Вот скажи мне по чести, по совести, сколько ты прибыли приносишь в год государству?

— А я почему знаю...

— Ну примерно?

— Ну... Двенадцать красных примерно. Я?

— Да, ты, рабочий по имени Константин Синенко.

— Ну, тысячу двести.

Андрей Иванович презрительно свистнул.

— Евтушенко... Знаешь такого поэта? Евтушенко издали тиражом в сто тысяч экземпляров. Тираж раскупили моментально. Каждая книга стоила десять копеек. Реши арифметическую задачу. Считай, что ему за стихи заплатили не больше тысяч двух.

— Вольно же дуракам стихи покупать, — пробормотал Костя.

— Или стиральные машины.

Они помолчали. Костя встал, избегая взгляда Андрея Ивановича.

— Ладно, — сказал он. — Пойду.

— Чего же? — удивился Андрей Иванович. — Сиди... Кстати, фотоаппарат купил?

— Купил.

— «Зоркий-Д»?

Костя кивнул.

— А ну, принеси посмотреть.

Костя вышел и сейчас же вернулся с новеньким «Зорким» в коричневом лоснящемся футляре. Он хотел развернуть футляр, но Андрей Иванович остановил его.

— Не надо. Дай-ка сюда...

Он взял аппарат, поднес к лицу и с наслаждением втянул носом воздух. Он даже закрыл глаза. Костя озадаченно смотрел.

— Отличный аппарат, — сказал Андрей Иванович, — возьми.

Вот некоторые наброски, сделанные примерно на том же этапе работы.

ВИКТОР.

Не допускают к секретной работе — ляпнул: «Перед прочтением сжечь».

Давеча отнес в клозет свои вычисления. Прихожу сегодня — так и висят на гвоздике.

Подтираться ими и то никто не хочет.

Период полураспада стульев и дверей на счетной станции.

Притча о боге и притча о еврее.

АНДРЕЙ.

Спор с Костей. Костя вошел в раж.

Костя: Это он виноват!

Андр<ей>: Отлично. Дай-ка твой пульс. Ты не потеешь по ночам? Высунь язык и скажи «а».

Разговор в редакции об одном самоуверенном невежде: из всех русских царей в истории России знает только царя Салтана и царя Додона. И то от своего сына.

Андрей Косте, когда тот играет с мечом: А вот я знал отличного фехтовальщика — острием шпаги набирал номер телефона.

ВИКТОР.

Виктор: Что вы все трясетесь, Тимофей Евсеевич?

Тим<офей> Евс<еевич>: Я уже старый, второй раз не выдержу. Для меня это вопрос жизни и смерти. Очень хорошей жизни и очень нехорошей смерти.

— Нужно сначала думать, а потом уже говорить. И ты хорошенько подумай, а потом можешь и не говорить.

Референтша директора провела иностранца в кабинет принципала и скоро вышла оттуда с таким видом, словно съела гостя за завтраком.

Он разразился широкой улыбкой.

Человек, который носит очки в руке и все время размахивает ими при разговоре. Но никто не видел эти очки у него на лице.

Зам. по научной части приказал прекратить расчеты как неактуальные.

Взбешенный ученый: Скажите этому вашему интеллигентному павиану, что он кретин!

Виктор: Ладно. С удовольствием. Только он будет польщен. Его еще никто не называл интеллигентным.

Рассказ о том, как несли табулятор. «Так всю дверь-то с ободвериной вместе и вынесли».

Тимоф<ей> Евсеевич: Люди бывают плохие и хорошие. Хорошие смеются в лицо, плохие уходят смеяться в другую комнату.

В числе подготовительных материалов к повести сохранился еще ряд заметок, точное время написания которых установить сложно: они могли быть сделаны и до встречи Авторов, и в ходе ее, и после.

1. Спор о женщине.

Странно, но женщины не желают отдавать мужчинам домашние дела. Это им противно. Мужчины пусть помогают, но не лезут не в свое дело. Наверное, многовековая привычка. Трудно, как Спартаку поднять восстание.

2. Спор — почему в наше время нет таких гигантов искусства, как в прошлом веке.

3. Спор об устарении оперного искусства. В опере бессмысленно звучат современные понятия и слова.

4. О поэзии — чего ждут от поэзии?

Как может успеть простой доктор там, где провалились самые блестящие шарлатаны?

Чувства порождают мысли, а мысли порождают чувства. Новые чувства озаряют мысль.

Вот еще подобные фрагменты — то рукописные, то машинописные:

Притча о еврее-портном, который, обуян романтикой, отправился странствовать, незаметно вернулся домой, остался жить дома и всю жизнь тосковал о родине.

Новелла о 37-м годе — новелла о кракенах и о людях, попавших в их лапы.

Кракены — без чувств, только мысль — рефлекс благополучия, рефлекс долга даже. Не освященный чувством, он превращается в угрозу человечеству.

ИДЕИ

1. Человек говорит и действует. Это внешние проявления каких-то процессов в глубине его натуры. Процессы должны быть достаточно мощными, чтобы пробиться к поверхности. Либо натура очень мелка, и все, даже самые незначительные движения ее немедленно находят свое внешнее отражение — чаще всего в виде пустой болтовни и в бессмысленном размахивании руками.

2. В житейских обстоятельствах не столько стараются уяснить суть дела, сколько ищут способа побольнее уязвить соседа.

3. Антр-нужник — кабинет профорга.

4. Свободный полет мысли в строгих и точных партийных рамках.

5. Люди чистые — не потому, что их не коснулось разложение, а потому, что они прошли через разложение, и это показалось им скучным.

6. Самое страшное в человеке — это твердая уверенность в собственной правоте в любом случае.

7. Надо учить людей любить. А у нас вся система воспитания построена на вдохновении ненависти и злобы.

8. Не беспринципность страшна, с нею еще можно справиться. Страшна беспардонная принципиальность, от нее и идут все гадости.

9. Что такое народ и что такое простой человек? Кто имеет право взять на себя ответственность решать: что полезно и что вредно народу?

Полная уверенность в том, что ты каждую минуту прав — вот это и есть самое страшное, что есть в человеке.

Не в коверкотовых пальто дело — черт с ними, в нас самих дело.

Надо учить людей любить. А наша вся система воспитания построена на воспитании ненависти и подозрения.

Меня не пугает беспринципность. Меня пугает принципиальность. Это от нее идут всякие гадости.

Я изнываю от любви... к тебе, к Ивану Антоновичу... Это такое редкое чувство. Любовь к людям.

А у нас так и смотрят: не состоял ли ты, не дай бог, в оппозиции? И если состоял — стоп. Все кончено. Хоть стену головой ломай — хода нет.

А эта надпись сделана красным карандашом:

Тайное становится явным. Выявляется сущность человека. Подлец ведет себя подлецом, не скрывая. Искренний — искренне. Под налетом пижонства выявляются хорошие черты. Под налетом партийности — обнажается фашизм.

И это надо прихлопнуть! Еще не время обнажаться!

Между тем с начала 1963 года АНС от планов и заметок переходит к систематической работе над текстом повести. Этот период представлен в архиве рядом черновых набросков и заметок, из которых особенно интересен новый план повести:

1. Обед с автором. Звонок из Иностранной комиссии СП. У павильона стоит громадная машина-цистерна. Тимофей Евсеевич поучает Костю Синенко.

2. Андрей встречается с женой и передает ей деньги на сына. Раздумья о переводе. Вызов к директору Института и получение материалов. 1-й визит к Кракену.

3. Встреча с Хидэки Хомма. Встреча с Ниной, чай дома, знакомство с Наташей.

4. Раздумья перед книжной полкой.

5. Разговор с Юлей Марецкой — членом партбюро — о Петре Майском. Паломничество всех к Кракену. Слух, что зам<еститель> по производству не одобряет паломничества. Костя Синенко поднимает хвост на Тимофея Евсеевича.

6. Чтение материалов.

7. Приказ: о запрещении переходить границу <между издательством и институтом> в целях экономии времени и о сборе металлолома. Директор нарушает работу издательства в пользу полезных людей. Допрос Андрея о Тимофее Евсеевиче.

8. Придирки Андрея к своим сотрудникам, жалобы и прорицания Тимофея Евсеевича. Чтение материалов.

9. К Андрею приходит Наташа, он доканчивает работу и несет материалы к директору Института, хочет показать ей Кракена, Василевский не пускает, пропуск требуется, Андрей в ярости добивается впуска, испуг Наташи.

10. Приказ о расстреле за опоздание. Вызов Андрея к директору и допрос с пристрастием и обвинением во всех грехах. Посещение Нины, разговор о Кракене, Теннисон, Нина остается ночевать.

11. Андрей находит меморандум, читает. Ночевка у Кракена.

12. Гибель Кракена в формалине — он идет убивать, а Кракена нечем кормить, и его убили. У Нины, сидят и думают, что делать. Появление Наташи. Она жалеет, что Кракен убит. Ей хотелось его еще раз посмотреть.

Впрочем, отклонения от этой схемы оказались значительными — в написанном тексте многое стало происходить совсем не в том порядке и не в то время, как предполагалось. План уточнялся и переделывался буквально на ходу — это видно по черновым заметкам.

Так или иначе, к концу февраля первый вариант повести, озаглавленный «Дни Кракена», был благополучно дописан до конца десятой главы... после чего АНС вместо работы над новыми главами немедленно начал перерабатывать уже написанное: «Нашел, что первое лицо — плохо, сейчас переделываю на 3-е и попутно многое выбрасываю».

Уже 11 марта в дневнике АНС отмечено, что повесть переписана на третье лицо (видимо, пока это только имевшиеся ранее главы), а 18 марта в письме брату сообщается: «У меня готова треть, где расстановка сил закончена, а сейчас, когда начинаются проделки Кракена, у меня застопорило, но как раз сегодня я, кажется, прорвался и надеюсь снова развести пары до трех страниц в день». К 12 апреля (моменту встречи с БНС) новый вариант доведен до конца 11-й

главы. План на этот момент расписывается уже только по новым главам и выглядит следующим образом:

План после 10.03 <1963>

Понедельник — вторник.

9. К<апитан> лежит, вспоминает Нину, библиотеку, свои увлечения. Звонок П<ети> Майского — приглашение на день рождения. Работа над фотокопиями. Ика и тако. Вечером звонок Кости Синенко о том, что плохо.

10. Среда. К<апитан> является в издательство. Странное настроение злости. Грубая ругань у павильона: Василевский не пускает сотрудников. Женщины испуганно поджимаются, К<апитан> идет к Василевскому и предлагает заткнуться. Тот огрызается. Проходит к спруту. Спрут выворачивается наизнанку. Беспозвочник говорит, что это оборонительная поза. Но К<апитан> чувствует, что спрут смеется. В редакции все расстроены. Новости: зам<еститель> по производству разогнал сотрудников, которые пошли смотреть на спрута. Выгнал беспозвочников из буфета. Выгнал Люсиного жениха. Накричал на Тимофея Евсеевича. Верейский торжественно объявил, что книжечку мою вы все-таки делать будете. Он член правления литфонда. Тимофей Евсеевич страшно удручен. Не говорит, в чем дело. К<апитан> звонит к Нине, договариваются встретиться после работы.

11. Встречаются, гуляют. Их видит Юля. Вспышка ненависти. Разговор с Ниной. В парке ЦПКО. Притча о еврее. Рассказ о спруте.

12. Четверг. Сотрудники толкаются у доски приказов. Приказ об экономии времени и о сборе металлолома. У Полухина беседа с Верейским. Полезный человек. Полухин предлагает кончить работать на беспозвочник<иков>. К<апитан> говорит, что не может остановиться, завтра опять будет сидеть. Полухин: ну разве только завтра. Ярошевич просит зайти. Допрос о Тимофее Евсеевиче. Хочет навязать племянника, пьяница? А разве Костенко не пьяница? Будете держать, вы должны воспитывать. К<апитан> посылает к черту. Вернувшись в редакцию, видит всех возбужденными и встрепанными. Костя ругает Т<имофея> Е<всеевича> за нытье. Т<имофей> Е<всеевич> жалуется и предсказывает. Люся плачет. Ярошевич засек редакторшу за чтением книги, не предусмотренной в ее плане. Нагоняй. Виля, Костя и др<угие>, бледные и серьезные, готовятся дать отпор.

13. Вечером К<апитан> читает о спрутах книгу Акасиды. Сведения о спрутах.

14. Пятница. С раннего утра садится за фотокопии. Странные вещи.

15. Суббота, все готово. Идет к директору беспозвочников. Директор принимает вяло. «Мифы, легенды, да и жрет он много». Возвращается, по дороге останавливается у павильона, беседует с беспозвочника-энтузиастами, Василевский подает непонятные реплики. Заходит посмотреть на спрута, видения бездны. Выходит. Стычка Василевского с Т<имофеем> Е<всеевичем>. К<апитан> избивает Василевского. Нож. Слухи о расстреле за опоздание. Вызов к Полухину.

16. Дождь. Судилище, допрос с пристрастием, с обвинением во всех грехах. (О замещении понятия «отечество» понятием «ваше превосходительство».) Только и ждут удобного момента, чтобы вернуть вновь милый их сердцу мир бюрократии, безответственности, раболепия и бесконтрольности, угнетения и фашизма. Речь К<апитана>. Возвращение домой в убитом и злом состоянии. Приход Нины. Разговор о Кракене. Теннисон. Остается ночевать.

17. Воскресенье. Гуляют в парке, купаются. Возвращается вечером домой. Из книги Акасиды выпадает черновик меморандума. Текст меморандума. Бежит к Кракену. Василевский подобострастен, но угрюм. Видение бездны. Спрут смеется. Короткая борьба — как будто Василевский хочет спихнуть его вниз. Щупальца протягиваются к ним. Василевский ужасно вопит и удирает. Закрывает дверь на замок. Меч. Ночевка у Кракена.

Мысленная беседа. Все залито ядовитой сепией. Не то бред, не то явь. Удирает через пролом в окне.

18. Понедельник. Кое-как приходит в себя. Утром берет меч и идет убивать. Поздно. Спрута залили формалином. Некробиотическое излучение спрута. Все вздрагивают, но не понимают, в чем дело. И все приходит в норму. Полухин говорит: мы погорячились. Ярошевич хохочет: а здорово мы тебя напугали, но ты зря такие вещи говорил, за это по головке не гладят. Юля говорит: Андрюша, я давно хотела тебе сказать, что я восхищаюсь твоей принципиальностью. Но К<апитан> уже понимает, с кем имеет дело. Люди, будьте бдительны! Вечеринка у Майского. Разговоры. Майский строит гипотезы. Все смеются. Нина опять читает Кракена — до конца.

Заметки к будущему финалу вынесены на отдельный листок.

Для последней главы

1. Баньютэй ждет меня.
2. Мы чисты не потому, что нас <не> коснулось разложение, а потому, что мы прошли через разложение, и оно нам не понравилось.
3. Нина, счастливо улыбаясь, глядит на него.
4. Люди, будьте бдительны!
5. Петя Майский рассуждает о разумности спрутов.

Директор отдает добавочные фотокопии от Акасида. «Там, в подвалах замков, еще есть это», — пишет Акасида. «Нам это не нужно», — говорит директор. «Интересно, конечно, но нет средств и нет времени». — «Я даром посмотрю», — говорит Капитан. Он забирает фотокопии: надо будет смотреть. Полезно знать привычки и прочее спрутов.

К тому же или несколько более раннему (судя по упоминанию Ярошевича) времени относится следующий текст:

Почему я коммунист?

Ответ А.

Потому что коммунизм — это светлое будущее человечества, самый светлый и справедливый общественный строй.

Ответ Б.

Потому что коммунизм является единственным спасением человечества от страшной угрозы мещанства. Пример с крысой, которая нажимает на педаль до истощения. Это в идеале господство мещанства, к которому ведет повышение жизненного уровня при капиталистической системе. А я хочу видеть в будущем людей-творцов, для которых высшее наслаждение не в удовлетворении изначальных инстинктов, а в творческой работе.

Но Ярошевичам и на это плевать. Они хотят жесткого как железо общества людей-автоматов, без инициативы и творчества, с самыми минимальными, не превышающими его собственные, культурными запросами. И коммунизм является спасением также и от Ярошевичей, ибо это высший расцвет культуры. Мещанин и Ярошевич — духовные братья.

Несколько позже появляется еще один план завершающих глав:

План после 28.03 <1963>

11. Рабочий день тянется. Спрашивает Тимофея Ев<сеевича>, что случилось. Тот молчит. Посещение Ярошевича. Заходит Юля, говорит: ты меня оскорбил, но я все равно тебя люблю. Он не знает, как это понять. После работы идет посмотреть на Кракена.

Столкновение с Василевским, который требует двугривенный. Заходит и наблюдает спрута. Присоски и глаза. Сначала мутные. Андрей вдруг в какой-то момент словно засыпает, ощущает бездну. Спрут просыпается, осмысленно и неподвижно глядит на него и вдруг выворачивается наизнанку. Это смех. Но беспозвоночник говорит, что это — защитная поза. Клюв, основание, обросшее бородавками. Огромность чудовища. Спыхватывается, идет на свидание. Прогулка, делает предложение. Притча о еврее. Он обескуражен. Она просит рассказать что-либо. Он рассказывает о спруте. Впервые она называет Кракена. Расстаются, он идет домой и читает о спрутах. Книга Акасида.

12. Общие сведения о спрутах.

13. Четверг. Сотрудники толпятся у доски приказов. Приказ о подъеме культурного уровня, приказ об экономии времени и о сборе металлолома. Вызывает Полухин, просит взять рукопись Верейского, полезный человек, член литфонда. Кап<итан> не соглашается. Полухин говорит, что пора кончать работу на беспозвоночников, но Кап<итан> требует еще один день — завтра. Полухин нехотя соглашается. В коридоре встречает Ярошевича, тот зазывает к себе и заводит разговор. Есть, мол, возможность в редакции получить штатную единицу. Кап<итан> рад. На эту единицу Ярошевич прочит своего племянника, окончившего университет, он у Кап<итана> был в прошлом году стажером. Нет, он дурак и пьяница. Да ведь Костенко у вас тоже вроде попивает. Костенко специалист. Ничего, этот тоже специалист. Будете держать его по-военному, воспитаете, мы ведь должны воспитывать людей, не правда ли. Нет, такую единицу мне не надо. Ага. Ну а как ваш Тим<офей> Евс<еевич>? Нет ли за ним чего? Старик, скоро на пенсию, да и не можем мы держать на идеологическом фронте человека с запятнанной репутацией. Бред. Разумом понятно, что бред, но ощущение такое, что так и должно быть. Посылает к черту и уходит. (К сцене у Ярошевича: — Темно, мрак кругом, не знаешь, откуда ударят. Ты был на войне, я был на войне, что тебе до них? Каждый за себя, один бог за всех. — На войне дрались с фашизмом за разное. Ты — потому что рабства боялся, а я — за коммунизм. — Так ведь коммунизм когда еще будет! Рассуждения о коммунизме: на отдельно взятой усадьбе.) В редакции все встрепаны. Ярошевич застал в редакции Люсиного мужа, оскорбил его и ее, Тим<офей> Евсеевич вступился. Костя — его не было в ту минуту: я этой старой сволочи шею сверну! Кап<итан> молчит. Тим<офей> Евсеевич вздыхает, бормочет про времена. Жалуется и предсказывает. Кап<итан> требует спокойствия и идет к Ярошевичу, но тот уехал.

14. Четверг и пятницу сидит и читает фотокопии. Опять тако и ика.

15. Все фотокопии готовы. Суббота. Перепечатывает начисто. Идет прямо к директору беспозвоночников. Директор смертельно устал. Вяло извиняется, говорит, что больше ничего не нужно. Мифы, легенды, да и жрет он много. Читает, на минуту заинтересовывается: да ведь это гигантский спрут-аммонит! Потом глаза снова тухнут. Рассказывает, что Акасида прислал еще фотокопии. Кап<итан>: дайте мне. Возьмите, только потом верните, как-никак отчетные. Спыхватывается: мы вам, разумеется, заплатим. Идет к себе, останавливается, беседует с беспозвоночниками, Василевский подает непонятные реплики. Вдруг орет: Корявый! Подходит Тим<офей> Евсеевич. Короткий разговор. Убийца! Тот хохочет и делает смазь старику. Кап<итан> бьет. Тот за нож. Еще раз бьет и еще. Беспозвоночники стоят и боязливо жмутся. Кап<итан> уводит потрясенного Тим<офея> Евсеевича. В коридоре встречает Вилю: слухи о расстреле за опоздание через Зиночку, Ярошевич накрыл вчера сотрудницу за чтением не указанной в ее плане книги и распустил. Бедлам. Распоясался. Пойду к секретарю парткома. Тут приходит Зиночка и приглашает к Полухину.

16. Дождь на дворе. У Полухина он, Ярошевич, Юлия Марецкая, перепуганная зав<едающая> отделом кадров. Обвинения: 1. По служебной линии — манкирует в пользу беспозвоночников, распустил редакцию (Тим<офей> Евсеевич дал отпор Ярошенке, Люся целуется в рабочее время, Костя обозвал заслуженного писателя), неподчинение приказу о личных планах, пользуется служебным положением, переводит Баньютэя.

Кап<итан> прерывает, спрашивает, где парторг. Парторг, к сожалению, уехал. Но здесь двое членов партбюро. 2. По личной и партийной линии — беспорядочная половая жизнь, гнусные предложения Марецкой, неполадки в семье, разложение. Взятки от авторов — история с Майским. Встречи с иностранцами. Плохой пример. Есть уже сигналы. Требуют созыва партсобраний. Это недисциплинированность. Мы, как старые коммунисты... Кап<итан> взрывается и произносит речь. Обращается гл<авным> обр<азом> к Ярошевичу, ибо говорил только он один. Кап<итан> огромным усилием воли преодолевает ощущение бессилия и обреченности. Пока Ярошевич говорил, Полухин бледнел и краснел, Юля подавленно молчала. Речь Кап<итана>. Отечество и ваше превосходительство. Ваша функция — паразитировать на мечте, на прекрасных идеях, на благородных делах. Ярошевич: вы за это ответите! Кап<итан> выходит. В приемной Костя, Виля, еще несколько ребят и женщин, и пожилых тоже. Вы что здесь? Это на тот случай, если понадобилось бы действовать. Да вы что? Где парторг? Парторг разругался с Полухиным и Ярошевичем и уехал в райком. Ладно, пока все в порядке. Пошли работать. Работает, усталый и раздраженный. Парторга не дождался. Его вызывает Юля. В ее кабинете никого нет, она, плача и волнуясь, рассказывает, как Ярошевич позвал ее и предложил осадить его, как это было страшно, как он вытягивал из нее сведения о нем. И я тебя люблю, очень люблю, я хочу тебя и вообще. Он с тупым недоумением смотрит на нее, затем встает и уходит.

17. Лениво тащится по мокрым улицам. Дождь. Заходит в кафе, кое-как обедает. Все невкусно. Ниночку бы, а она не сможет нынче. Покупает колбасы и кофе, приходит домой. Письмо от Пети Майского — в понедельник день рождения, не забудь прийти. Немного веселее. Берет книгу — подумать, какую — и заваливается на диван. Хлещет дождь. Темнеет. И вдруг Нина. Она вся свежая и прекрасная. Оглядывает комнату, смотрит книжные полки, замечает, что он немного не в себе. Он рассказывает о сегодняшнем дне. Да, говорит вдруг она, я нашла то стихотворение. Читает Теннисона. Он рад, то и дело целует ее руки. Вскрикивает: надо сбегать за угощением. Она говорит: да, купи что-нибудь поужинать и на завтрак тоже. Я останусь у тебя.

18. Воскресенье. Солнце. Едут за город, гуляют всласть, купаются, загорают, возвращаются, пообедав в ресторане. Она ложится отдохнуть, а он, полюбовавшись на нее, берет Акасиду. Почитать о кишках. Выпадает листок. Меморандум. История взятия этого тако. Он торопливо пишет записку и мчится туда. Надо непременно проверить. Вечереет. Во дворе ни души, из распахнутых дверей павильона заунывная песня Василевского. Заходит. Василевский сидит на полу пьяный, воет песню и кланяется спруту. На Кап<итана> почти не обратил внимания. Кап<итан> подходит и заглядывает. Спрут смеется. И вдруг начинаются видения. Затем запах усиливается. Мысленный диалог среди головокружения. Ощущение своей малости и слабости. Борьба бесполезна. Вдруг толчок. Василевский пихает его вниз. Он отбивается, кое-как удерживает равновесие. Оглядывается: спрут тянется к нему щупальцами, неподвижно на него уставясь. Фонтан сепии. Едкая боль в руках. Василевскому попадает в лицо, он вопит, трет глаза. Бежит, падает. Спрут переваливается уже через край балюстрады. Кап<итан> волочит воющего Василевского вон, захлопывает дверь. Последнее, что он видит, — глаза спрута, поднявшиеся над краем балюстрады. Запирает дверь и наружную, выливает на Василевского воду из-под крана. Бросает его вахтеру и уходит. Пусть отоспится.

19. Понедельник. Нина с улыбкой встречает его пробуждение. Она уже встала, собирает на стол. Он целует ее, делает гимнастику. И вдруг страшный шок. Это некробиотическое излучение спрута. Нина хватается за сердце. Сосед с дрожащими губами, бледный — что случилось? Неизвестно. Успокаиваются, собираются на работу. Первым делом — к директору беспозвоночников. Но во дворе у бассейна столпотворение. Что случилось? Оказывается, по распоряжению директора спрута залили формалином. Сдох. Почему-то все веселы, шутят. Василевского не видно. Бежал. Подходит парторг, говорит: пошли к Полухину. Зададим ему перцу. Полухин: мы погорячились, я отменяю

эти приказы и распоряжения. Ярошевич подобострастно хохочет: а здорово мы тебя напугали, признайся. Парторг холодно: мы еще будем говорить об этом. Юля ходит с красными глазами. Восхищается принципиальностью Андрея. Что-то изменилось, непонятно — что. В редакции полно народу. Кап<итан> разгоняет всех работать. Приходит Глазунов. Унылый, насчет неодобрения.

20. Среда, у Майского. Выпили, разговаривают. Кап<итан> с Ниной. Мы чисты не потому, что разложение нас не коснулось, а потому, что мы прошли через разложение, и оно нам не понравилось. Нина, счастливо улыбаясь, глядит на него. Майский строит гипотезы о разумности спрутов. На недельку атмосфера культа личности. Нина читает Кракена. Баньютэй ждет меня. Спрутов будем изучать — вместе. Их надо знать. Бессознательно ждут удобного момента эти ловчие птицы. Слова Паустовского.

Рассмотрим теперь самые существенные изменения, сделанные при переработке первого варианта во второй. Глав в «Днях Кракена» стало 11 (в оглавлении указано 12, но последней на самом деле нет) и все они получили названия:

1. Юля Марецкая
2. Баньютэй
3. Полухин
4. Мегатретис
5. Вопросы морали
6. Ика и тако
7. Военные
8. Нина
9. Снова ика и тако
10. Издательские дела
11. Спрут смеется
12. Притча о сапожнике

События теперь излагаются от третьего лица. Главного героя по-прежнему зовут Андрей Сергеевич Головин, но в повествовательных фрагментах он всюду назван Капитаном. (Специальных пояснений этому прозвищу не дается, догадаться о его связи с предыдущей армейской службой Головина читателю предлагается самому.)

По всему тексту проведена обильная стилистическая правка, в основном в сторону сокращения реплик и описаний. Сделан ряд серьезных изменений композиционного плана. Это в особенности касается чисто бытовых эпизодов, в том числе сцен общения Головина с женщинами. Разговор с Юлей Марецкой в первой главе стал куда более коротким, хотя заканчивается все еще довольно резко. А вот разговор с Ниной завершается совсем иначе, чем прежде:

- Ну, мне пора, — сказала она. — Я очень рано встаю.
- Когда мы увидимся? — спросил Капитан.
- Не знаю.
- Тогда я знаю. Мы увидимся завтра. Давай?
- Не получится, Андрюшенька. Завтра я со своими англичанками уезжаю в Минск.
- Ну вот! — Он расстроено поглядел на нее.
- Ничего, это всего на два-три дня.
- Через два дня я буду у тебя.
- Она улыбнулась.
- Лучше позвони сначала. Запиши телефон.
- Он записал телефон.
- Позвони, — повторила она. — До свидания. Я очень рада, что мы встретились.
- И она ушла.

Как следствие этого, главный герой далее не приходит в гости к Нине и между ними не возобновляются любовные отношения. (В новом варианте Капитан собирается объясниться с Ниной при первой же возможности, но до этого дело в написанных главах так и не доходит.) Поэтому содержание девятой главы теперь совершенно иное, чем в первом варианте. Начинается она так:

Конечно, Капитан вернулся домой пешком, половину ночи жег сигареты и на следующее утро проснулся около девяти. Решительно ничего не хотелось делать. Мысль о непереносимой зарядке вызывала отвращение. О том, чтобы спуститься и купить что-нибудь на завтрак, страшно было подумать. И непривычной мертвой тяжестью давили на сознание фотокопии профессора Акасиды. Он мог и хотел думать только о Нине. Даже не думать, а видеть и ощущать, какая она была вчера и пропасть лет и событий назад.

Еще он мог и хотел в тысячный раз горько проклинать пошлого дурака, который пропасть лет и событий назад из тщеславия и физической жадности поставил себя перед постыдным выбором. Слово гнусный меняла, он все разложил тогда по чашкам весов: на одну чашку — лучшего друга, на другую — красивую капризную вещь, на одну чашку — самую большую в жизни нежность, на другую — самые прекрасные в Москве ноги, на одну чашку — радостную улыбку, на другую — медленный томный взгляд из-под ресниц. И, словно гнусный меняла, он с самодовольным любопытством следил за колебаниями чашек, а пошлость потихоньку подбрасывала разновесы — эта не так красива, как та, только я один и вижу ее красоту, никто не обернется ей вслед, а вот на ту заглядываются все, так о чем разговор, и у этой вдобавок ребенок, ну на что мне чужой ребенок, да и жить нам с нею будет негде, ведь не жить же в одной комнате с тещей, довольно с меня, всю жизнь в землянках провел, у той по крайней мере отдельная комната...

Так можно было пролежать до вечера. Самое скверное то, что понемногу начинаешь жалеть самого себя. Капитан стиснул зубы, отбросил простыню и сел. Он поглядел на стол, на стопку фотокопий. Еще шестьдесят штук. Гигантский осьминог профессора Акасиды мокнул в бассейне и томился ожиданием. Он жрал убиенных собачек и тухлую рыбу от щедрот горторга, для гадости обливал людей водой и сепией и нетерпеливо ждал, когда Капитан разрешит, наконец, его, осьминога, сексуальные проблемы. Мой долг, подумал Капитан, ничего не поделаешь. Вот кстати, как сказал бы товарищ Полухин. Капитан вскочил и отдернул занавеску. В комнату хлынуло желтое солнце. Капитан зажмурился, достал из-под дивана двухкилограммовые гантели и принялся делать зарядку.

Он делал зарядку вот уже лет десять, по двадцать-тридцать минут каждое божье утро, и очень гордился этим. Он гордился своей физической силой, и ему было приятно, когда Костя Синенко, спортсмен-разрядник, уважительно называл его Пантагрюэлем и Человеком-горой. Комплексы упражнений он составлял сам, разучивал их до автоматизма, поэтому во время зарядки мог думать о чем заблагорассудится. Чаще всего он размышлял о том, что было перед глазами. Например, о том, что пора сделать ремонт и перестелить пол. Или о том, что надо выбросить диван и купить низкую широкую тахту. Или о том, что кресло пришло в совершенное ничтожество. Или о своей библиотеке. Больше всего он любил размышлять о своей библиотеке. Возможно, потому, что проблема библиотеки приобрела в его жизни какой-то символический характер.

Далее идут размышления о книгах и библиотеках, но гораздо более краткие, нежели в первом варианте: упоминаются только японские книги, а фрагмент про книгу барона Вега перенесен в иной контекст, ближе к началу повести (туда, где герой размышляет о чернорабочих культуры). И завершается этот фрагмент на новом месте так:

А в наше время всю эту работу проделала бы за месяц небольшая счетная машина. Обидно. Может быть, машины будут когда-нибудь так же быстро, играючи переводить Баньютэя? Будут, конечно. Но это меня не касается. Впрочем, кому придет в голову создавать машины для творческой работы? Разве что ради эксперимента...

Отсутствует телефонный разговор с дочерью Нины Наташей (поскольку герой в этом варианте не был у них дома), вместо этого Капитан изучает новую порцию японских фотокопий, а затем ему звонит Костя Синенко.

Самые важные отличия этого варианта от последней версии «Дней Кракена» будут рассмотрены чуть ниже, а сначала — о самом ее происхождении. В середине апреля Авторы встретились в Ленинграде. БНС прочитал и, по выражению соавтора, «разгромил» второй вариант. О характере претензий теперь можно лишь догадываться, но, видимо, существенным минусом был назван избыток бытовых подробностей, не способствовавших развитию сюжета. Одним из главных результатов новой переделки стали очередные значительные сокращения. В письме АНС от 7 мая говорится: «...от 86 стр. осталось 61. Доволен?»

Что же изменилось? Прежде всего, герой теперь — семейный человек. Живет он с Ниной, но ее сейчас в городе нет — они с дочкой отдыхают на море и вернутся через месяц. Поэтому прежняя глава 8 переделана полностью: сначала Капитан размышляет о Нине, а потом работает с фотокопиями.

Смягчен разговор с Юлей Марецкой — капитан завершает его на вполне доброжелательной ноте. Последующие размышления Капитана о Юле сильно купированы. Сокращены эпизоды, где показана работа над переводом Баньютэя.

Клара в новом варианте вообще отсутствует, так что герой с ней в начале третьей главы не встречается, сюда перенесены фрагменты с зарядкой, библиотекой и японскими книгами. Разговор про «беспозвоночников» ведется не с Полухиным воочию, а с главным редактором Келлером по телефону; Капитан не пытается всеми правдами и неправдами уклониться от предлагаемой ему работы, а довольно быстро соглашается.

В новых по сравнению с первым вариантом главах в целом происходят примерно те же события, что и во втором варианте, но они скомпонованы несколько иначе, да и мелких стилистических различий довольно много. Кроме того, некоторые эпизоды с Ниной, добавленные во втором варианте, не годились для новой версии. Вот что происходило в начале десятой главы:

Капитан спохватился, что опять идет слишком быстро, почти бежит. Как будто торопится на свидание. Он замедлил шаги. Всегда так бывает: если думаешь о чем-нибудь хорошем, что предстоит, начинаешь торопиться. Сегодня я ей все скажу. Скажу, что без нее невозможно, пока я не думал, что встречу ее снова, было кое-как возможно, а сейчас невозможно, и она согласится, может быть, даже скажет, что без меня тоже невозможно, хотя это трудно себе представить, но все может быть, и мы будем жить вместе, и я расскажу ей о своих битвах с Баньютэем, и она будет мне помогать, а если я буду сидеть поздно, она сонным голосом скажет, что пора спать, и объяснит, что надо спать, когда порядочные люди спят, а потом вернется с Оки ее дочка Наташка с носом-пуговкой, хотя нет, она же выросла, и скажет сердито, что это, по-вашему, вы делаете, добрые люди, и мы ей хором объясним, что мы делаем, ведь ей пятнадцать лет, в пятнадцать лет я отлично понимал такие вещи, и я поведу ее в наш бассейн и покажу спрута, и расскажу, что он содержит тушь и знает приличия.

А в конце той же главы первоначально был телефонный разговор с Ниной.

До половины одиннадцатого он читал свежую, пахнущую типографией верстку «Монумента». Потом он закурил, вышел в коридор и по телефону вахтера позвонил Нине. Она отозвалась: «Я слушаю», и у него опять перехватило дыхание.

— Это я, — сказал он с трудом. — Это я, Андрей.

— Здравствуй, Андрюшенька, — сказала она радостно. — А я только-только вернулась.

— Все благополучно?

— Да, все хорошо.

— Устала?

— Не более чем обычно. Мои англичанки вели себя прекрасно.

— Нина, — сказал он, — я должен видеть тебя.

Она помолчала.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Это хорошо. Завтра я бы, наверное, не смогла.

Она засмеялась, и он тоже засмеялся с облегчением.

— Где? — спросил он. — Когда?

Они договорились встретиться в семь часов у входа в тот самый скверик. Капитан был там месяц назад и знал, что скверик сохранился.

— До встречи, — сказала Нина.

— Я тебя целую, — сказал он и повесил трубку.

О свадьбе Люся первоначально рассказывала сама.

Когда он добрался до четвертого этажа, занятия уже начались, и коридор был пуст. У дверей редакции одиноко стояла, прислонившись к стене, Люся Фомина. Увидев Капитана, она поспешно выпрямилась и поправила поясок пестрого платья.

— Здравствуй, Люсенька, — сказал Капитан, подходя. — Что это ты в коридоре?

— Здравствуйте, Андрей Сергеевич, — сказала Люся. Вид у нее был понурый и виноватый. — Я вас жду.

— Меня ждешь? — спросил Капитан. — Что? Что случилось?

— Я замуж вышла, — жалобно сказала Люся.

— Фу, — сказал Капитан и с облегчением засмеялся. — Ну что ж, это хорошо, поздравляю, молодец. — Он наклонился, взял Люсю за уши и торжественно поцеловал в лоб. Люся всхлипнула. — Это просто отлично. С работы не уходишь?

— Нет, что вы, Андрей Сергеевич!

— Смотри, я без тебя как без рук. Отпуск нужен?

— Очень нужен, Андрей Сергеевич.

— Давай заявление. Когда расписались?

— Вчера. Гриша получил комнату, славненькая комната, светленькая, в двухкомнатной квартире, и соседи хорошие, один Гришин товарищ с женой, тоже молодожены... Андрей Сергеевич, мы с Гришей очень просим вас быть на нашей свадьбе, пожалуйста, Андрей Сергеевич!

— На вашей свадьбе, — сказал Капитан, — на вашей свадьбе. А вот мы сейчас посмотрим. Много народу будет на вашей свадьбе?

— Нет, только свои, самые близкие. Человек двадцать.

— Ага, человек двадцать. Это обойдется вам рублей в сто, не меньше. Так?

— Мама посчитала и говорит, что нужно полтора ста.

— Вот видишь.

— Мы получим отпускные, и потом можно будет одолжить...

В числе изъятых фрагментов — и тот, где Капитан размышляет о своих сотрудниках:

Капитан толкнул дверь, пропустил Люсю и вошел вслед за нею. Костя и Тимофей Евсеевич подняли головы и выжидательно уставились на него. Лысина Тимофея Евсеевича блестела под солнцем, как отполированная. Я ведь их всех люблю, неожиданно подумал Капитан, не всегда это сознаю, но люблю всегда. Какие они разные, но все они хорошие, и я горжусь ими и люблю их. Они разные, но они любят друг друга и хорошо понимают меня, и работают не по нужде, а потому что работа им очень нравится. Они разные, но, как это часто бывает, они понимают и уважают друг друга, а это что-то значит, когда безалаберный сноб Костя понимает и уважает милую наивную Люсю. Я люблю Костю, потому что он тоже ленинградец, ехидный мальчишка и отличный специалист. Я люблю Люсю, потому что она работает естественно и с удовольствием, умеет удивляться и всегда учится. Я люблю Тимофея Евсеевича, тихого и доброго, хотя он прошел через ад. Интересно, как они воспринимают меня? Это никогда не приходило Капитану в голову прежде, но сейчас почему-то показалось важным. Он молча уселся за свой стол и по

очереди оглядел всех. Он улыбнулся Люсе, и она смущенно улыбнулась в ответ. Он покивал Тимофею Евсеевичу, и тот ссутулился, как всегда покраснел и опустил взгляд на бумаги. Он весело подмигнул Косте, и Костя нахмурился и вздернул подбородок, как бы давая понять, что ему не до фамильярностей.

Очередная версия «Дней Кракена» была дописана до конца 11-й главы, подробный план последующих событий имелся и был сочтен, видимо, вполне приемлемым, так что, казалось, не было никаких фундаментальных причин, препятствующих завершению повести. Но продолжения не последовало.

Да, в позднейшей переписке Авторы повесть появлялась еще не раз: то в связи с сетованиями, что от «Кракена» отталкивает «сугубый реализм обстановки», то в связи с очередным твердым намерением вновь приняться за повесть. Более того, из письма АНС от 2 апреля 1965 года следует, что он даже давал информацию для плана выпуска «Молодой гвардии» на 1967 год, представив «Дни Кракена» как фантастическую повесть «об открытии существования иных форм разумной жизни на Земле». Была надежда (увы, не оправдавшаяся), что «может, это нас подтолкнет», были идеи объединить этот замысел с другими. И позже (даже в начале 80-х!) «Кракен» упоминался в письмах и дневниках — Авторы то планировали вновь взяться за написание, то опять хотели с чем-то объединить. Но «точка невозврата» была уже пройдена...

В «Комментариях к пройденному» изложены некоторые объяснения, почему все произошло именно так. Несомненно, сыграла роль, по словам БНС, «общая и очевидная «непроходимость» — то, что мы собирались писать в повести дальше, не годилось ни для «Молодой гвардии», ни тем более для Детгиза, а писать в стол мы тогда не умели, — во всяком случае, не были еще готовы». Сильно помешал продолжению работы и уже упомянутый «сугубый реализм», чрезмерный примат бытового над фантастическим, преодолеть который очень хотелось, но так и не удалось. (Время книг, где Авторы научились виртуозно сплавлять воедино обыденность и необычность, пришло позже.)

Впрочем, многие идеи и даже довольно крупные фрагменты «Дней Кракена» не пропали втуне, а благополучно зажили новой жизнью в других произведениях. Это и сцены со спрутом Спиридоном в «Сказке о Тройке», и описание библиотеки главного героя в «Хромой судьбе», и древний моллюск с убийственным биополем в «Волны гасят ветер»... Итог этой работы БНС определил так: «В те времена, помнится, заниматься утилизацией было ничуть не жалко, а сегодня вот вспоминать об этом жалко, но поздно».

Публикационная история «Дней Кракена» коротка. В состав нескольких многотомных изданий АБС, начиная с собрания сочинений «Сталкера» (2001), входили сборники неопубликованного, содержащие в том числе эту повесть. Одной из подобных книг она даже дала название. Поскольку на момент первопубликации «Дней Кракена» — и еще долго после этого — исследователям творчества Стругацких был доступен только первый вариант, именно он и публиковался несколько раз вкуче с первоначальным планом «Кракена». Теперь же, наконец, появилась возможность представить читателям тексты разных вариантов повести и сопутствующие материалы к ней в необходимой и достаточной полноте.

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Человек нашей мечты: встреча писателей-фантастов

Нева (Л.). — 1962. — № 4.

<...>

Б. Н. Стругацкий. Существует превосходная книга «Гуманность Андромеды». Там есть люди. Люди эти многим не нравятся, и не только потому, что они совершенно не похожи на тех, что мы видим вокруг нас, но и потому, что они не похожи на тех, кого мы хотели бы увидеть. Мы окружены реальными людьми. Есть плохие, есть хорошие. Есть люди, которых мы называем особенно хорошими, особенно милыми. Мы говорим о них, что они — талантливые и на редкость душевные люди. А в будущем такие люди будут считаться самыми обыкновенными людьми. Полюс талантливости, полюс гениальности переместится гораздо выше. И если взять отрезок времени порядка двухсот-трехсот лет, то масса людей будет состоять из тех, которые сегодня рисуются как исключение из правила.

Вот основная исходная мысль, которой мы руководствуемся в нашей работе. И уже сейчас можно достаточно точно определить характерные черты будущего человека. Первая характерная черта — это огромная любовь к труду. Я знаю таких людей. У меня есть друзья, которые готовы работать днем и ночью. Они получают в труде наслаждение. Поэтому мне странно было слышать разговор о четырехчасовом рабочем дне. Уже сейчас есть люди, которым не хватает суток для творчества.

Теперь дальше. Вторая черта — это жизненная активность и огромный интерес ко всему, что происходит вокруг. Я уверен, что человек будущего не будет лгать. Ложь будет ему органически неприятна.

Вот как в общих чертах я представляю себе человека будущего.

Ю. А. Ткачев. *Как вы претворяете это конкретно в ваших произведениях?*

Стругацкий. Мы стараемся изображать людей, которых мы видим. С некоторыми из них нам приходилось бывать в экспедициях и работать с ними, служить в армии. Наша мечта — перенести образы лучших людей современности в будущее.

Казанцев. *Вы сказали, что трудиться люди захотят чуть ли не по двадцать четыре часа в сутки. А как же с плановым началом? План требует строго определенного рабочего времени в процессе общественного труда.*

Стругацкий. Несомненно, что при коммунизме плановость будет на самом первом месте. Но люди будут испытывать наслаждение в творческом труде. Их нельзя будет ограничить и навязать им безделье...

<...>

Аркадий Стругацкий

«Движущей силой будущего общества явится удовлетворение духовных потребностей человека»

Техника — молодежи (М.). — 1962. — № 12.

В советской да и в зарубежной фантастике о человеке будущего пишется еще очень мало. Каков будет он, этот человек? Очевидно, он будет лишен таких пережитков

прошлого, как приобретательство, эгоизм, зависть. Зато в полной мере откроются его духовные возможности. И в этой связи задачи писателей-фантастов, как ни странно, усложняются. Как, например, показать конфликты между людьми будущего? В какой форме эти конфликты будут проявляться? Видимо, основой их будет та же борьба, но борьба не добра со злом, а... добра против добра.

В этих конфликтах будут сталкиваться два или несколько положительных героев, из которых каждый убежден и прав по-своему и в чистоте стремлений которых никто не сомневается. Они и в ожесточенных столкновениях остаются друзьями, товарищами, братьями по духу. На чьей же стороне будут в таком случае симпатии автора?

Проблема человека большая и сложная, над ней предстоит еще немало потрудиться писателям-фантастам.

Из архива

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий [Врезка к отрывку из «Стажеров» в журнале «Знания та праця»]

2018 год. Человечество навсегда вычеркнуло из всех языков мира слово «война». Человечество покоряет Космос. Заложены мощные перерабатывающие заводы на Венере. Тысячи людей — ученых, инженеров, строителей — работают в пустынях Марса. Огромные обсерватории и физические лаборатории разбросаны в Пространстве — в поясе астероидов, близ Юпитера и Сатурна. Десятки тысяч работников Вселенной стали жителями Космоса.

По заданию Международного Управления Космических Сообщений обследовать Внеземные станции и лаборатории вылетает на фотонном корабле «Тахмасиб» генеральный инспектор Управления В. С. Юрковский. «Тахмасиб» идет по маршруту Земля — Марс — пояс астероидов — система Сатурна. Об инспекционной поездке Юрковского, о его старинных друзьях капитане Быкове, штурмане Крутикове, бортинженере Жилине, о молодом вакуум-сварщике Юре Бородине; об их работе и приключениях; о жизни ученых и строителей внеземных лабораторий рассказывает новая повесть А. и Б. Стругацких «Стажеры». Ниже приводятся главы из этой повести.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Человек и общество будущего

С точки зрения науки об обществе определить общество значит определить силу или силы, движущие это общество. На протяжении всей истории человечества по сегодняшний день такой движущей силой была борьба за удовлетворение материальных потребностей. Подчеркиваем: материальных. Это было и есть справедливо и для первобытного строя, и для времен рабовладения, и при феодализме, и в странах с капиталистическим строем, и в нашей стране, где мы переживаем период первой ступени коммунизма. В свою предысторию человек боролся за материальные блага против природы, затем эта борьба против природы усугубилась борьбой между самими людьми за тот или иной способ распределения материальных благ, вырванных у природы, но это всегда была борьба и остается сейчас прежде всего борьбой за материальные блага. А под материальными благами мы понимаем всё то, без чего человеческое общество не может жить и развиваться, всё то, что первично необходимо для жизни человека.

Специфика этой фундаментальной движущей силы целиком и полностью определила самые фундаментальные черты человеческого характера, строя мысли и морали. В течение многих и многих тысячелетий масса людей довлела идея получить как можно больше материальных благ. Эта идея проявлялась в умах разных людей по-разному: то ли в виде простого стремления к куску хлеба, то ли в виде стремления к власти над другими людьми, то ли в виде стремления накормить всех поровну и справедливо. Человек мог быть кем угодно: забитым крестьянином, великим полководцем, тираном-поработителем, крупным ученым, политическим деятелем, — но в основе его деятельности всегда была идея материальных потребностей, получить в свое полное и нераздельное пользование или распределить между всеми людьми как можно больше материальных благ. Так было всегда. Но всегда ли это будет?

В настоящее время стало как никогда ясно, что человечество способно вполне удовлетворить материально каждого из своих членов. И если это не имеет места, то

только благодаря укоренившемуся способу несправедливого распределения. Мы исходим из того, что эта несправедливость не вечна. Придет час, и мы надеемся, что он недалек, когда материальные блага перестанут быть объектом борьбы. Современный уровень науки и производства позволяет предполагать, что это состояние будет необходимо достигнуто при условии, что человеческую историю не прервет военная катастрофа. Вообще все наши рассуждения, как, впрочем, и настоящая конференция и многое другое, более важное для человечества, имеют хоть какой-нибудь смысл и значение только в том случае, если темным силам на нашей планете не удастся развязать атомно-водородную бойню. И если войны не будет, то рано или поздно человечество вступит в новый этап своего развития, когда материальное изобилие перестанет быть проблемой, как никогда не был проблемой, скажем, воздух.

И когда мы говорим об обществе будущего, мы имеем в виду именно такое общество, в котором материальное изобилие уже не проблема и материальные блага распределяются справедливо, то есть таким образом, что это распределение не может служить источником неприязни у одних членов общества по отношению к другим.

Возможность создания такого изобилия и особенно возможность введения такого способа распределения пока очевидна далеко не для всего населения нашей планеты. И нельзя винить сомневающих. Во-первых, такого изобилия еще нет и никогда не было. Во-вторых, что еще важнее, тысячелетиями человек воспитывался в духе зависти и приобретательства, в человеке глубоко укоренилась идея, что целью существования является накопление. Но это означает только то, что для создания общества будущего недостаточно одного изобилия материальных благ. Необходима еще и огромная воспитательная работа, чтобы помочь человеку подняться наконец с четверенек, освободить его духовные силы и умственную энергию, помочь ему осознать тот факт, что он по определению является существом, живущим для того, чтобы мыслить и познавать. А когда эта гигантская работа будет закончена, когда умрут от несварения желудка и невыносимой скуки последние мещане на Земле, тогда и наступит то великолепное сияющее завтра человечества, которое мы называем второй фазой коммунизма¹.

Перед нами сразу же встает фундаментальный вопрос: какая сила станет двигать общество, начисто лишенное забот об удовлетворении материальных потребностей и состоящее из людей, начисто лишенных приобретательских, мещанских инстинктов? Мы видим только одну такую силу, вытекающую непосредственно из сущности человека как явления природы. Сила эта — присущее только человеку стремление к удовлетворению духовных потребностей.

В этом смысле человек наделен странным и великолепным избытком интереса по сравнению с животными, исследовательская деятельность которых всегда и везде связана с удовлетворением одного из трех фундаментальных инстинктов: полового, самосохранения и поиска пищи. Человек способен по самой природе своей (если это обусловлено известным минимумом социальных условий) стремиться совершенно бескорыстно к познанию. В широких массах общества до сих пор эта способность подавлялась тяжелыми условиями существования, затем — разного рода социальными неустройствами, а в наше время она явилась причиной даже появления возможности к самоуничтожению. Но освобожденное человечество будет культивировать и лелеять эту способность, и она станет основой для движущих сил будущего общества.

¹ Вместо последней фразы в варианте 1965 года идет: «Светлое будущее заключено в нем самом, как прекрасная статуя заключена в грубой глыбе мрамора — надобно только сколоть все лишнее. О первостепенных частностях этой работы: о том, кто будет этим заниматься, о том, как это будет делаться, вообще о конкретных путях этой великой моральной революции несколько предположений будет высказано ниже».

Нам могут возразить: это-де наивный идеализм, стремление к удовлетворению духовных потребностей никогда не сможет стать достаточным стимулом¹. Мы отвечаем: неправда. Во-первых, у возражающего нет никаких оснований для такого возражения, кроме всем известных страшных примеров борьбы за существование в современном обществе. Но для нашего разговора требуется отрешиться от троглодитских взглядов на вещи. Мы-то отлично знаем, чем эта борьба вызвана — в наше время прежде всего социальным неустройством на нашей планете, а кроме того известной нехваткой материальных благ. Напрягитесь и представьте себе, что эти два фактора исчезли.

Во-вторых. История знает немало примеров, когда духовный голод, и только он один, вел огромные массы людей. Можно припомнить кровопролитные религиозные войны, в которых по крайней мере одна сторона дралась за духовные ценности, забыв обо всем остальном. Неважно, что и религиозные войны были маскарадом для более глубоких экономических войн. Ведь люди-то об этом не знали! Неважно и то, что они велись по причине нищеты духовной — нам хотелось только проиллюстрировать наше утверждение о том, что в истории были примеры ведущего для индивидуума значения духовных потребностей. Или вспомним примеры более высокие — Джордано Бруно, Галилея, Ньютона, Ломоносова, посвятивших всю свою жизнь (и смерть) бескорыстному служению духу. А в наше время? Сколько уже людей есть на Земле, которые скорее откажутся от хлеба, чем от книги!

Итак, мы утверждаем: стремление к удовлетворению духовных потребностей способно двигать огромными массами людей и машин, вызывать героические и могучие страсти не меньше, чем голод телесный, и даже больше, ибо стремлению к удовлетворению материальных потребностей всегда ставит предел страх смерти. Сюда надо добавить еще два соображения: первое — объекты духовного голода гораздо более разнообразны, чем материальные устремления, и второе — духовному голоду никогда не будет грозить пресыщение, ибо, в отличие от хода удовлетворения материальных потребностей, удовлетворение духовных лишь еще более разжигает и углубляет аппетит. И это служит верным залогом того, что новому обществу не будет грозить никакой застой и что оно будет развиваться прогрессивно и с ускорением.

Каким же будет это общество? Каким будет его член? Это, на наш взгляд, нелегкие вопросы. Можно привести только самые общие соображения. Например, об экономической и организационной структуре. Ясно, что роль отдельных выдающихся личностей в таком обществе, где самосознание достигнет необычайного расцвета, сведется к нулю. Максимальное значение приобретет самая широкая коллегиальность, вплоть до всепланетной. Далее, огромное значение приобретет статистика, статистические предсказания и статистическое регулирование. Вероятно, при этом очень важным будет рациональное распределение проблематики: самой важной проблемой будет считаться та, которая по статистическим предсказаниям даст максимальный ливень новых проблем. Статистика будет заниматься и подготовкой кадров. Скажем, ученый Петров, для того чтобы к следующему году была решена такая-то задача с вероятностью выше 0.5, должен взять себе столько-то учеников. Что же касается материальной стороны жизни общества, то вся она, как наиболее легко алгоритмируемая, будет целиком передана машинам. Как бы то ни было, для писателя-фантаста, вооруженного приличным знанием философии и логики, здесь открываются широчайшие возможности. Правда, описание экономической и организационной структуры общества будущего может быть в лучшем случае только фоном для развития действия, но и фон этот сам по себе уже представляет для читателей немалый интерес. Главным же в фантастической литературе остается человек.

В советской да и в зарубежной фантастике раньше о человеке будущего почти никто не писал. Во всяком случае, о человеке царства духа, о котором сейчас идет речь. Между

¹ Здесь в варианте 1965 года вставлено: «...люди-де слишком животные, чтобы их могли всерьез увлечь абстракцией».

тем, если бы удалось создать образ такого человека, впечатляющий и точный, человечество, вероятно, получило бы нечто вроде целевой установки. Это имело бы огромное принципиальное значение. Вообще фантасты, когда они пишут о будущем, должны помнить, что они являются не последними из участников строительства этого будущего: ведь наиболее удачные их мысли могут оказаться пророческими — именно потому, что они удачны, — и будут проводиться в жизнь.

Так каков он будет, этот человек?

Несомненно, в будущем обществе ведущая роль будет отведена воспитанию молодежи¹. Человек будет вступать в жизнь, вооруженный не столько естественными и эстетическими знаниями, сколько способностью контролировать все свои слепые инстинкты, впитав в плоть и кровь убеждение, что любой другой человек — его товарищ и друг, а также впитав в плоть и кровь убеждение, что цель его жизни — познавать на благо людей, дать как можно больше пищи для <утоления> духовного голода общества. Этот новый человек будет гораздо разнообразнее и многостороннее нынешнего, духовный мир которого придавлен. Все разнообразие характеров и взглядов человечества нашего времени будет человеку будущего, вероятно, представляться очень серым, унылым и однообразным².

¹ В варианте 1965 года здесь вставлено: «Воспитание будет обеспечиваться новой, совершенной и непрерывно совершенствующейся педагогикой и огромным числом квалифицированных, влюбленных в свое дело воспитателей».

² В варианте 1965 года отсюда и далее текст стал другим: «Это общество не будет, разумеется, свободно от мощных сотрясающих конфликтов. Некоторые из них можно провидеть уже сейчас: конфликт между материнским инстинктом и стремлением общества обеспечить юному поколению научно-правильное воспитание; конфликт между узкой специализацией человека науки и внушенной ему с детства широтой взглядов; конфликт между недовольным меньшинством и отвергнувшим его предложением большинством; конфликт, наконец, между человеком, обогнавшим свое время, и инерцией представлений всей массы человечества. Но это, как легко видеть, конфликты совсем иного порядка, чем схватки между имущими и неимущими, между погромщиками и интеллигенцией, между диктаторами и тираноборцами.

Таким в самых общих чертах представляется нам облик грядущего светлого мира. Это будет мир техники, но лишь в том смысле, в каком средневековье, где все таскались со шпагами и аркебузами, был миром оружия. У этого мира будут, вероятно, свои предрассудки и свои опасения, своя система моральных аксиом и свои критики, но для современного человека этот мир представляется страшноватым и привлекательным. Мы не уверены, что его примет хотя бы половина наших современников. Слишком мало в нем, видимо, будет уюта и дремотного спокойствия девятнадцатого века. Но нас, как говорится, не спросят.

Каков же будет путь человечества от нашего интересного времени к этому социальному раю? Это вопрос, пожалуй, самый трудный, ибо появление атомного оружия и наступление второй промышленной революции смешало многие карты. Тем не менее некоторые необходимые факторы переходного периода — перемещение центра тяжести в мире с материального на духовное — видны уже сейчас. При условии уничтожения социального и в конечном счете материального неравенства в мире (для этого потребуется полная ликвидация колониализма, свертывание всех и всяческих империалистических политик, какими бы лозунгами они ни прикрывались, атомное разоружение, роспуск диктатур — это только на первый случай) и одновременно с созданием системы достаточного материального обеспечения совершенно необходима, как мы уже указывали, колоссальная работа по воспитанию масс. Эта работа осложняется в наше время небывалой активизацией мещанства. Не секрет, что даже в нашей стране, как следствие известного беспокойства, связанного с угрозой третьей мировой войны, разлагающего влияния культа личности Сталина, соблазнов «сладкой жизни», текущих из-за рубежа, в части молодежи усилились тунеядские, потребительские тенденции, появилось и развилось небывалое пренебрежение интересами общества, усилились стремления переложить ответственность за свои действия на совесть других, появилось нежелание думать и учиться. В капиталистических странах мещанство, видимо, еще страшнее, насколько можно судить. Мещанство — страшная сила. Более страшная, может быть, чем атомная бомба.

Очень трудно показать конфликты в будущем и особенно показать, как люди будут себя вести в этих конфликтах. Видимо, основой всех конфликтов будет добро против добра. Сталкиваются два положительных героя, из которых каждый убежден и прав по-своему, в чистоте стремлений которых никто не сомневается, которым и в голову не придет, что можно отделить общественное от личного, которые даже в ожесточенных столкновениях остаются друзьями, товарищами, братьями.

Таковы наши соображения об обществе и человеке будущего. Создавать произведения об этом обществе совершенно необходимо — особенно сейчас, когда над миром нависла опасность истребительной войны, а треть человечества, невзирая ни на какие трудности, закладывает фундамент этого царства духа. Уместно здесь вспомнить, что утопизм в мире раскололся. Советская фантастика исходит с позиций надежд и чаяний человечества, тогда как наши коллеги на Западе выражают его самые мрачные опасения. Что ж, возможно, такие произведения тоже нужны. Романы-предостережения. Но нам лично кажется, что это значит идти по более легкому пути. Ибо написать талантливый роман о грядущем падении человечества несравненно легче, чем дать в художественных образах, даже не очень совершенных, грядущее счастье человечества.

Все сказанное делает задачу фантастов очень трудным делом. Мы пишем для людей нашего времени. И у нас всегда есть опасность впасть в две крайности. Мы можем, с одной стороны, создать образы бесчувственных, холодных с точки зрения нашего читателя статуй, или, с другой стороны, страшно принизить этого человека, вплоть до создания в будущем моделей конфликтов настоящего. Для действенного образа нужна середина и более высокий уровень. Мы видим для этого только один путь: перенести в описываемое будущее лучших людей нашего времени или даже истории (а такие были и есть, потому что новое всегда зарождается в недрах старого). Не придумывать для образов будущих людей новые черты хорошего, которые нашего читателя не тронут, а искоренить в этих образах остатки плохого.

А что можно сказать о человеке будущего ближайших эпох?

Так поступаем, в частности, мы, авторы повести «Возвращение (Полдень, XXII век)», «Страны багровых туч», рассказов. Просто предлагаются образы наших товарищей и попытка представить, как они действовали бы в условиях отвлечения от забот о материальных благах.

Хотелось бы сказать еще два слова о путях к нашему светлому будущему. Этот вопрос, пожалуй, самый трудный, так как появление атомного оружия и наступление второй промышленной революции смешало все карты. Тем не менее описание переходного периода — самого процесса перемещения центра тяжести с материального на духовное — очень интересно. Сущность этого перехода будет, очевидно, состоять в уничтожении мещанства, то есть в уничтожении всего животного в человеке. Как это будет происходить конкретно, очень неясно. Но ясно, что мы, фантасты, должны принять участие в уничтожении мещанства самое деятельное участие.

Мещанство — это сущность всего темного и животного в человеке. Оно заключает человека в узкий круг примитивных страстей: половые отправления, деньги (вещи), водка. Путь мещанства — это путь назад, в пещеры, хотя бы и электрифицированные, с кондиционированным воздухом. Начинать борьбу с мещанством необходимо уже сейчас, хотя бы потому, что оно равнодушием, инертностью, подлостью оказывает войне могущественную помощь.

Итак, главным лозунгом переходной эпохи должна быть борьба с мещанством, воспитание человека в человеке. Пока эта борьба ведется у нас явно недостаточно, а за рубежом не ведется и вовсе. Что нужно для этой борьбы?

Перечисление того, что нужно для этой борьбы, займет еще страниц двадцать, поэтому здесь мы прервемся».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Фантастика: доклад**

Темой настоящего доклада является выяснение отношений. Мы постараемся последовательно выяснить отношение к фантастике читателей, издателей и официальной критики. Необходимость в этом назрела давно, а сейчас она стала просто непереносимой. Рассуждение о том, что в настоящее время научная фантастика является одним из наиболее популярных и читаемых видов литературы и потому требует к себе особого внимания, является уже банальным как будто, просто плеоназмом. Но признание этого вполне очевидного факта сопровождается со стороны признающих такими, зачастую идиотскими, оговорками и такой безответственной болтовней, что сразу становится ясно: не понимают товарищи, о чем идет речь, а то и просто горюют по поводу такого положения вещей. Приведу в качестве примера несколько рассуждений, которые приходится слышать от вполне, казалось бы, авторитетных лиц. Первое: «Да, фантастику очень и очень читают. Плохо это. Фантастика отвлекает людей от Пушкина и Тургенева. Хорошо бы вернуться к старым порядкам и запретить фантастику». Второе: «Фантастика — это хорошо. Отличное пособие для школьной программы. Давеча читал вот «Занимательную геохимию», академика Ферсмана сочинение. Очень, очень познавательно». Третье: «Научная фантастика нужна. Безусловно. Только нешто нынче фантастика? Читаешь и ничего не понять. Вот в наше время бывалча Жюль Верн... Вот это я понимаю». Четвертое: «Фантастика? А, это где про шпионов... Да, интересно, особенно на сон грядущий... или в метро». И так далее.

Самое скверное, что все подобные высказывания, свидетельствующие о патологической педологической ненависти, или о простом непонимании, или о вопиющем невежестве, принадлежат, как я уже говорил, лицам достаточно авторитетным, чтобы вставать между автором и читателем. А я уверен, что, если бы читатели узнали о таких высказываниях, плохо бы пришлось авторитетным людям.

Ну что ж, оставив в стороне не так уж частые явления зоологического кретинизма и поставив перед собой цель просвещения непонимающих, попробуем выяснить, что такое научная фантастика, каково ее место в общем потоке художественной литературы, ее тематику, ее роль и сферу ответственности, ее перспективы, а также посмотрим, в каком состоянии находится сейчас критика научной фантастики, что думают об этом жанре издатели и на какого читателя она рассчитана. Только не говорите мне, пожалуйста, что существует литература, рассчитанная сразу на всех, и что сам вопрос о том, на кого рассчитана фантастика, автоматически низводит этот жанр в разряд недолитературы. Забегая вперед, сразу же скажу: научная фантастика рассчитана на людей элементарно грамотных для своего века.

Итак, что такое научная фантастика?

I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Предлагается принять как постулат, что жанр, именуемый научной фантастикой, является жанром художественной литературы, беллетристическим жанром, то есть он призван отображать действительность в образах. Предвидя определенного толка возражения, мы тут же предостерегаем товарищей от примитивного толкования действительности и от примитивного понимания понятия «отобразить». Не будем забывать, что действительность — это не только материальный мир, нас окружающий и в нас заложенный, но и психический мир, внутренний мир каждого из нас, и не будем забывать, что зеркальное отображение, фотографирование далеко не является самым высшим способом отображения.

В чем же отличие научной фантастики как жанра от других видов литературы? В искусстве очень трудно бывает дать строгое видовое определение. Многочисленные попытки энтузиастов теоретически отграничить научную фантастику от других видов литературы тоже не привели к сколько-нибудь определенным результатам. Будем исходить из предположения, что все мы, нормальные люди, интуитивно улавливаем разницу между, скажем, «Искателями» Гранина и «Туманностью Андромеды» Ефремова или между «Аэлитой» Толстого и сказкой про Лихо Одноглазое. В общем можно было бы дать такое определение.

Научная фантастика есть по преимуществу литература о человеке в необыденных для читателя обстоятельствах. Подчеркиваю: в необыденных для читателя. Ибо Гагарину и Титову уже не будут казаться столь уж необыденными описания переживаний пассажиров космического корабля в условиях невесомости, как и командиру «Северянки» будут казаться странными неумеренные восторги профессора Аронакса, впервые оказавшегося на «Наутилусе». Но это частности. Повторяю: научную фантастику мы будем определять как литературу о человеке в необыденных для читателя обстоятельствах. Как правило, эта необыденность достигается одним из следующих приемов — или их сочетанием:

— введением в произведение новейших научно-технических идей, проэкстраполированных до их осуществления. Это наиболее распространенный прием. И именно он дал повод многочисленным поползновениям путать научную фантастику с научно-популярной литературой. Но его задача — вовсе не популяризация научных знаний. Он нужен для провозглашения могущества человеческого разума, он — обещание, и кроме того — и главное — он сталкивает человека с наукой. В наше время, когда наука стала едва ли не ведущим фактором нашей жизни, он призван разрешать важнейший вопрос: как развиваются отношения между человечеством и наукой. Между прочим, он, этот прием, дал жанру и это исключительно неудачное название, из-за которого происходит столько недоразумений. Будь наша воля, мы бы именовали жанр просто ФАНТАСТИКОЙ. Самыми крупными представителями жанра, широко пользовавшимися этим приемом, являлись (и являются) Жюль Верн, Владимир Немцов, Александр Казанцев, Анатолий Днепров, Савченко.

Следующий прием — овеществление, если можно так выразиться, в слове различных абстрактных философских, политических и моральных идей. Этот прием необычайно плодотворен и, по нашему мнению, является в настоящее время основным. Автор, без объяснения как и почему или с заведомо ложным объяснением, помещает своего героя в мир осуществленных идей. Например, в мир высших стадий коммунизма. Или в мир, где человек является рабом машин. Или в мир, начисто лишенный информации. Произведения такого рода особенно сильны и потому благотворны или опасны в зависимости от идеологии автора. Они сильны потому, что прием этот позволяет в захватывающей и увлекательной, то есть в общедоступной форме излагать подчас невероятно сложные и малодоступные абстракции и, что самое главное для литературы, сталкивать с ними человека. Написанные на высоком художественном уровне, эти произведения являются необычайно мощным орудием воспитания и пропаганды, чего, к нашему великому сожалению, не понимают до сих пор авторитетные лица. Но об этом позже. Итак, прием овеществления абстракций. Яркими представителями лучших работников в этом подвиде жанра являются Герберт Уэллс, Алексей Толстой, Иван Ефремов, Рэй Брэдбери, Абэ Кобо, Лагин.

Третий основной прием — прошу только не пугаться — это введение в произведение сверхъестественного элемента. Это тоже чрезвычайно мощное средство. Именно здесь научная фантастика смыкается со сказкой. Имеется в виду, конечно, современная сказка, а не фольклорная. Хотя, разумеется, можно смело сказать, что сверхъестественный элемент в фантастике почти всегда заимствуется из фольклора. На одном фланге такой литературы стоит Герберт Уэллс с его «Яблоком», «Человеком,

который творил чудеса», «Волшебной лавкой», а на другом, на самом стыке с истинной сказкой прочно утвердился великолепный «Старик Хоттабыч» Лагина.

Есть и другие, не столь значительные приемы введения необыденности, но о них мы говорить не будем. Резюме:

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА ЕСТЬ ЗАКОННЫЙ ЖАНР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, И СУТЬ ЕЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПОКАЗОМ ЧЕЛОВЕКА В НЕОБЫДЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. НЕОБЫДЕННОСТЬ ДОСТИГАЕТСЯ ЛИБО ЭКСТРАПОЛЯЦИЕЙ НОВЕЙШИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ИДЕЙ, ЛИБО ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕМ ФИЛОСОФСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И МОРАЛЬНЫХ АБСТРАКЦИЙ, ЛИБО ВВЕДЕНИЕМ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО ЭЛЕМЕНТА.

А теперь посмотрим, каково место научной фантастики в ряду художественной литературы.

II. НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА КАК ВИД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Собственно, речь идет о доказательстве первой части нашего постулата: научная фантастика есть законный жанр и т. д. Попробуем доказать это следующим образом. Спросим себя: для чего читают художественную литературу. Заметьте, для чего читают, а не для чего издают. Нам удалось выявить по крайней мере шесть причин. Нам кажется, что если это и не все причины, то во всяком случае главные. Люди читают беллетристику — от Льва Толстого и Гомера до «Медной пуговицы» и Кочетова, ища в ней удовлетворения следующим «чтобы»:

1. Чтобы получить эстетическое удовольствие от художественного совершенства.
2. Чтобы утолить интерес к острой и смелой фабуле.
3. Чтобы отвлечься от будней жизни — опять-таки прошу не пугаться, жизнь у наших современников далеко не всегда веселая и полная, и нет ничего зазорного в стремлении уйти на несколько часов в мир, созданный воображением художника.
4. Чтобы получить позитивные знания.
5. Чтобы дать пищу голоду чувств, «посопереживать», если так можно выразиться.
6. Чтобы утолить любопытство к необычному и дать пищу воображению.

Поставим вопрос так. Есть ли в научной фантастике хоть одно произведение, которое удовлетворяло бы сразу всем (для верности) запросам читателя к литературе? Мы можем смело ответить в утвердительном смысле. И не одно. Для простоты возьмем и рассмотрим два. «Человека-невидимку» Уэллса и «Гиперболоид» Толстого.

Что Уэллс вообще мастер слова — говорить нечего. Искреннее и не осложненное интересом к самой фабуле наслаждение получаешь от четкого лаконичного языка, от метких и великолепно отобранных деталей, от всей атмосферы грусти и жалости к людям, которой пронизано все произведение. Читая «Невидимку», так и видишь захолустную провинциальную Англию, ее нищих духом жалких обывателей, зимний Лондон, битком набитый спешащими людьми, которым ни до кого нет дела и до которых тоже никому нет дела, мучительно переживаешь трагедию огромного таланта, затравленного, озверевшего в столкновениях со всемогущей пошлостью, и в то же время воображение твое поражают гигантские возможности человеческого гения, остановить и смять которые может только одна сила в мире — страшное порождение буржуазного строя — мещанство. Мы думаем, что именно такое впечатление оставляет роман Уэллса у сколько-нибудь квалифицированного читателя.

Совсем по-другому, но не менее талантливо написан нашим Толстым «Гиперболоид». О языке Толстого тоже говорить не приходится. Толстой ироничен, великолепен, щедр, его языковое богатство и языковые приемы неисчерпаемы, его хочется учить наизусть — и многие из моих сверстников учили и цитировали, совершенно

добровольно, заметьте, хотя с каким трудом удавалось несчастному педагогу заставить нас затвердить что-нибудь из Белинского или из Гоголя! С каким пристальным интересом следит читатель за Гариным — сначала сочувствует ему, даже любит его, а затем, по мере того как все четче вырисовывается — как будто сама собой, без всякого участия автора — бесчеловечная, эгоистическая, фашистская натура этого удачливого авантюриста, читатель начинает ненавидеть его и так или иначе, закрыв книгу, остается с впечатлением подозрения и неприязни к лощеным, самовлюбленным тонким эгоистам.

Это ли не полновесная художественная литература? Да кто из вас осмелится утверждать, что по художественным достоинствам Уэллс ниже Ремарка или Кронина, а Толстой в «Гиперболоиде» и «Аэлите» — слабее Николаевой или Пермяка?

Нам могут возразить: так то же Уэллс и Толстой, а возьмите вот нынешних, новых... И возьмем. Разве при всех ее художественных просчетах не стоит неизмеримо выше по глубине философской мысли «Туманность Андромеды» над большей частью современной советской и зарубежной литературы? А если уж говорить о художественных просчетах, то, честное слово, здесь дело больше редакторское, чем писательское. Кстати, забегая вперед: в отрицательном отношении к «Туманности» мы лично видим слишком много субъективного. Что делать, человек слаб. Орех оказался не по зубам, и читатель торопится, чтобы сохранить лицо, объявить орех несъедобным камнем. Но об этом тоже после.

Мы будем считать, что положение о фантастике как о правомерном и полноправном жанре художественной литературы доказано. Место научной фантастики в литературе определяется ее методом и только методом: введение фактора необыденности. Возможно, остаются еще недоверчивые. «А на что это? — спросят они. — Ну на кой ляд этот невидимка? Или гиперболоид... Писали бы себе как люди. Захотел посрамить аглицкого обывателя, ну и пиши себе без невидимок. Да и про фашистов можно сколько угодно написать без всяких... гиперболоидов...» Да, возможно, придется отстаивать правомерность метода. Проще всего можно было бы сказать: а почему бы и нет? Чем этот метод хуже другого метода раскрытия образа? Эпистолярного, например? Или через пейзаж?

Но мы не соблазнимся таким легким и вообще-то все оправдывающим ответом. Дело в том, что метод введения необыденного имеет по сравнению с другими методами огромное преимущество. Он является как бы катализатором в ходе повествования. В столкновении с необыденным необычайно быстро раскрываются характеры и определяются позиции. Вот в чем его ценность. Чтобы достигнуть эффекта ненависти к провинциальному английскому укладу жизни и сожаления к гибнущим талантам в условиях этого уклада, Уэллсу без невидимки пришлось бы, наверное, написать книгу втрое и вчетверо толще. Да так оно и оказывается в других, не-фантастических произведениях английского писателя. Разумеется, у этого метода есть и недостатки. Они связаны с проблемами воздействия художественного произведения на читателя. Но недостатков я касаться не буду. Скажем только, что именно в силу этих недостатков фантасты объявили для себя запрет на некоторые сферы литературного творчества. Там же, где фантастика существует, эти недостатки роли не играют, поверьте на слово.

III. ТЕМАТИКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Отражая действительность в образах (как и полагается художественной литературе) — действительность материальную и существующую в общественном сознании, отражая ее образами реальными и гротескными, — научная фантастика, соответственно, имеет и свою излюбленную тематику, к которой обращается чаще всего. Мы должны предупредить, что здесь и дальше, если не будет оговорок, мы будем иметь в виду только современную научную фантастику. Проанализировав большое число научно-фантастических произведений, мы пришли к выводу, что тематика их по преимуществу

сводится к трем обширным областям (области эти тоже, как и методы, часто перекрываются взаимно).

Первая и самая обширная область относится к деятельности научно-технической интеллигенции на переднем крае науки. Фигура ученого, научного сотрудника, лаборанта, следопыта науки в наше время гигантских успехов физики и биологии и еще более гигантских перспектив этих наук давно уже претендует справедливо на ведущее место в литературе наряду с целинником, колхозником, рабочим. Попытки дать ей это ведущее место в не-фантастической литературе необычайно редки и зачастую малоудачны, а в самых удачных произведениях такого рода два фундаментальных вопроса — изумительные возможности человеческого разума и проблема «человек — наука» — оказываются смазаны и загнаны на третий план буднями, бытовыми неустройствами и административными функциями героев. Только научная фантастика с ее возможностями гротеска и отчуждения побочных обстоятельств способна выдвинуть эти вопросы на передний план. А если принять во внимание то, что в подавляющем большинстве современные авторы сами являются учеными-профессионалами и хорошими знатоками своего дела, работа их приобретает непреходящее значение литературы, отражающей чаяния, надежды научной интеллигенции, ее лучшей и умнейшей части, ее совести.

Вторая рассматриваемая область — это уже область философская, морально-идейная. Самые лучшие и опытные из фантастов, такие, как Ефремов, смело берутся за воплощение в художественной литературе проблем, перед которыми трусливо отступают авторы многочисленных серых бытовых и производственных повествований в стане нефантастических литераторов. Главная из тем этой области — это философия коммунизма и философия коммуниста. Если можно ввести такой термин, это социально-научные утопии. Это очень важно — дать весомо и зримо облик грядущего, для которого мы все работаем, попытаться показать, каким является настоящий человек в достойной настоящего человека обстановке, освобожденный от гнета забот о куске хлеба, от давления глупости и пошлости, от тяжелой пяты бюрократизма. Попробуем проиллюстрировать этот принцип на примере. Какова стандартная схема современного нефантастического произведения? Два или три положительных героя, осложненных всякими пережитками, действуют во имя общего блага, отказываясь при этом от блага личного, против двух или трех отрицательных героев, осветленных несколько общечеловеческими добродетелями. Борьба происходит на фоне народной массы, колеблющейся, не знающей, кого поддержать. В конце концов масса прозревает, убеждается в социальных преимуществах позиции положительных героев и выступает в их поддержку. Фантаст же хочет видеть борьбу между положительными героями, из которых каждый убежден и прав по-своему, в чистоте стремлений которых никто не сомневается, которым и в голову не приходит, что можно отделить общественное от личного, потому что герои эти живут в эпоху коммунизма, где самые ожесточенные борцы — остаются друзьями, товарищами, братьями.

И еще одна важнейшая тема в этой же области — разоблачение философии самого отвратного и грязного на свете — мещанства. Сюжетные приемы здесь могут быть разные, но сводятся они к одному: произволом автора герои (как правило, это наши современники, даже если автор утверждает, что действие происходит в будущем) оказываются в таком положении, что самое дурное в их характерах и поступках выпячивается, становится несоразмерно громадным и до бесстыдства обнаженным. Так же преувеличенно, гиперболизированно выдвигается и все хорошее в героях. Именно в этой теме, между прочим, необычайно хорошо срабатывает элемент сверхъестественного.

Третья основная область — это антиимпериалистический памфлет. Об этой основной области, в которой так великолепно работает Лазарь Лагин, я говорить даже не буду, потому что здесь отношения, о которых говорилось в начале доклада, были налажены уже довольно давно. Видимо потому, кроме всего прочего, что даже самый

закоренелый дуб с заскорузлым воображением не посмел бы выступить против любой литературы, воюющей открыто с империализмом.

Таков круг основных тем научно-фантастической литературы. Хотелось бы тут же упомянуть о некоторых ошибочных взглядах на смысл существования научно-фантастического жанра. Вернее, не ошибочных, а слишком узких. Нередко в периодике приходится видеть заголовок: «Литература крылатой мечты». Это правильно, что фантаст мечтает. Но вернее будет сказать, что он представляет себе. Крылатая мечта же — само сочетание этих слов — создает представление о чем-то розовом, порхающем и бездумно-оптимистическом. А между тем герои фантастики занимаются тем же, что и герои всей остальной литературы: они переживают и борются. Иной же издатель, замороженный «крылатыми определениями», решительно отказывается от утопической повести, в которой происходит борьба.

Чаще всего заблуждающиеся считают научную фантастику средством пропаганды научных знаний. Это самое распространенное и самое опасное заблуждение. Опасно оно потому, кроме всего прочего, что укладывает любое произведение этого жанра на прокрустово ложе современного уровня знаний. И что уж тогда говорить о введении сверхъестественного элемента — такие критики даже в описании тридцатого века не позволяют давать ничего большего, чем достижения века двадцатого. Как сейчас помню, как возмутилась Инна Ивановна Кротова, когда я потребовал избавить научную фантастику от контроля строгой науки. А если бы это случилось, не видал бы читатель как своих ушей ни «Экипажа “Меконга”», ни «Глиняного бога», ни десятка других отличных произведений. Почему? Об этом мы поговорим позже, когда речь пойдет о читателе. Конечно, пропаганда позитивных знаний ни в коем случае не возбраняется фантасту, но это не может быть основной целью его произведения. Если хочешь пропагандировать знания, пиши лучше научно-популярную, а не художественную книгу.

Перейдем теперь к вопросу о роли и ответственности советской научной фантастики.

IV. РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФАНТАСТИКИ

Чем в основном характеризуется современный нам этап истории человечества? По нашему мнению, тремя факторами. И факторы эти таковы.

1. Третья часть человечества, не дожидаясь остальных двух третей и невзирая на все связанные с этим огромные трудности, приступила к построению коммунистического общества, при котором открываются неограниченные возможности для свободного развития человеческого духа.

2. Современная наука открыла, а темные силы немедленно приняли на вооружение чудовищные разрушительные силы, могущие навсегда прервать историю или во всяком случае отбросить человечество далеко назад.

3. Специфические обстоятельства, как-то — ужас перед третьей мировой войной, разлагающее влияние западной пропаганды, растлевающее господство фашистских режимов и культа личности Сталина и другие — привели к необычайной активизации мещанства, выраженного по преимуществу в усилении тунеядских, потребительских тенденций, в небывалом пренебрежении к интересам общества и каждого человека в отдельности, в стремлении переложить ответственность за свои действия на совесть других, в нежелании думать и учиться. Все это отчетливо видно на примере стран Запада. Но и наша страна не в малой степени оказалась заражена такими же недугами.

В этом смысле нам представляется в высшей степени странным и непонятным то обстоятельство, что организации и лица, ответственные за пропаганду, не увидели в научной фантастике могучего оружия идеологической борьбы. Это можно объяснить только относительной слабостью и малочисленностью отряда советских фантастов, а также известным недопониманием ее задач и ее роли. Как нам достоверно известно, на

научно-фантастическую литературу смотрят в издательствах только как на неизбежное зло: как-никак, а читатели ее требуют, и, самое главное, она приносит большой доход, а также необычайно быстро возвращает вложенные в нее средства.

Но давайте посмотрим на дело без этого поганого меркантилизма. Рассмотрим два самоочевидных фактора и попробуем сделать выводы.

Во-первых. Научная фантастика является одним из наиболее читаемых видов литературы. И что еще важнее, наиболее читаема молодежью. Она будит воображение, заставляет обывателя хоть на минуту оторвать рыло от корыта и взглянуть на звезды, заставляет вспомнить, что кроме корыта есть так много замечательного в этом лучшем из миров, что есть на свете не только обыватели, но и настоящие люди. Она — и зачастую только она — заставляет обывателя вспомнить, что он тоже хомо сапиенс. Она расширяет кругозор далеко за пределы круга «половые отношения — деньги — водка». Вообще в плане расширения кругозора это самая мощная литература.

Во-вторых. Она по определению является анти-мещанской литературой. Писателю пришлось бы много потрудиться, чтобы написать художественно доброкачественное, но идейно порочное фантастическое произведение. Какие напрашиваются выводы? Разве это не добротное оружие влияния на людские умы? Разве это не идеальное средство индивидуального воздействия на юношу и девушку? Так почему же к этому средству такое, мягко говоря, прохладное отношение у издателей? Почему по всякому мало-мальски значительному событию в стране издатели немедленно организуют книги, звонят авторам, поднимают кутерьму, и никто не заботится о том, чтобы создать сильный и могучий равномерный поток умной, действующей на воображение, будящей ум и пытливість научно-фантастической литературы? Ответ у нас один: директивы сверху не было, и как бы чего не вышло.

А между тем по ту сторону баррикады давно поняли ценность фантастики. Там ее издается много, и действует она — в плане тамошних социальных заказчиков — очень сильно. Кто же выбил это оружие из наших рук?

Я знаю, что мне ответят: давайте хорошие произведения, и мы издадим. Что такое хорошие произведения? В нелюбви и презрении к самому жанру названия хороших достаиваются просто единицы. А разве мы одни — вот я с Марией Михайловной <Калакуцкой> и Василием Георгиевичем <Компанийцем> — вправе безусловно определять качество литературы? А читатель? Как мы можем определить, что безусловно хорошо для читателя, когда мы не знаем, что для него плохо? А я совершенно уверен, что по крайней мере половина отвергнутых нами рукописей лучше, чем многие книги, изданные в других редакциях, не производящие на читателя никакого впечатления, серые и бессмысленные.

Возможно, дело обстояло бы лучше, если бы фантастике помогала критика. Давайте посмотрим, что у нас в стране представляет собой критика научной фантастики. Тут я прерву доклад и прочитаю подготовленное нами небольшое исследование-декларацию.

[Статья «Про критику научной фантастики» — см. раздел «Публицистика» 1961 г. В докладе статья составляет раздел 5.]

Так, примерно, обстоит у нас дело с критикой. Заметьте, правда, что мы совсем не стараемся взять под защиту слабые или просто халтурные произведения. Мы только требуем, чтобы критика не считала слабость и халтурность исключительной прерогативой фантастики, с одной стороны, а с другой — чтобы она замечала и относилась по-деловому к серьезным и сильным произведениям нашего жанра. Впрочем, здесь мы имеем дело, конечно, с известной слабостью критики. Для советской критики фантастика — дело совершенно новое, terra incognita, и серьезные критики — генералы от критики, пользуясь нашим определением — просто не знают, что с нею, с фантастикой, делать.

Хочется внушить им, что с фантастическими произведениями нужно делать то же самое, что и с любыми другими в художественной литературе.

Но тут есть одно огромное «НО». У нас есть серьезные основания опасаться того, что критические генералы и особенно издатели периодики просто не в состоянии, по самой узости своей неспособны обратиться к кругу идей, в котором оперирует фантастика. Бытовые драмы как отражение определенных недостатков социального устройства — это старое и хорошо знакомое дело, здесь есть предшественники и вехи. Личность в условиях гигантских социальных потрясений — тоже отлично знакомая проблема. Здесь за спиной и «Борис Годунов», и Пьер Безухов, и Телегин, и Григорий Мелехов. С таким багажом за спиной критику ничего не стоит заполнять подвалы литературных газет подробным разбором книг Николаевой, Кочетова, Бакланова, Аксенова и других современных писателей, хороших и плохих. И вдруг критику подсовывают книгу, в которой автор сталкивает своего героя со сложнейшим, новым и необычным миром философии современного естествознания или, что еще страшнее, с миром новых философских идей. Это все равно, как если бы Александру Македонскому предложили бы найти способ преодолеть местность, зараженную ипритом. Он просто не знает, с какого конца взяться. И отказывается браться. Действительно, у него самого нет никакого мнения по этому поводу, и он как честный человек идет мимо. Тут с голодным блеском в очах набегают на произведение ефрейтор и... но мы уже говорили об этом.

Коротко говоря, нам нужно воспитать своих критиков. Своих не в смысле «ручных», а критиков, которые болеют за фантастику, любят и верят в нее и знают, что сказать.

VI. НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА И ЧИТАТЕЛЬ

Мы сейчас только говорили о том, что современная критика либо относится к фантастике по-ефрейторски, либо старается не замечать фантастику. Мы попытались охарактеризовать причину, по которой серьезная критика не решается браться за фантастический жанр. И мы думаем, что мы правы: вспомните, как позорно осрамилась критика, пытаясь — тут уж молчать было нельзя — освоить «Гуманность Андромеды». Кусали, обгладывали по краям, вились вокруг да около, главным образом по мелочам, а охватить роман по-настоящему, хоть как-то приближаясь к философской мощи книги, так и не смогли. Разве что Юрий Рюриков смог, но его интересовала только часть проблем, поставленных Ефремовым, и дальше он не пошел.

Мы хотим сказать, что читательский контингент нашего жанра несомненно включает известный отряд, имеющий ту же подготовку, что и критика. Нам в своей практике не раз приходилось встречаться с такими читателями. Обычно это очень культурные пожилые люди, живо и зачастую профессионально интересующиеся литературой, с научным багажом в объеме классической гимназии начала века, воспитанные в духе восторженного почитания Наташи Ростовской, в детстве увлекавшиеся Ж. Верном и Майн-Ридом и так на всю жизнь и сохранившие самые сладкие воспоминания о приятных минутах, которые доставило им это увлечение. Они любят научную фантастику, но в современной фантастике им многое не нравится, они чаще всего даже не могут сказать — что именно, и начинают бормотать разные оскорбительные слова о недостаточной художественности, о непонятности терминологии, о бледности героев. Это очень важный момент, заметьте: читатели и почитатели фантастики этого вида не знают, что им не нравится в фантастике. Постараемся им ответить: в фантастике им не нравится прежде всего то, что фантастика наша, в идеале, заставляет читателя думать.

В классике все привычно. Проблемы — человек версус человек, человек и скверная среда, человек и природа. Это важные и вечные проблемы, не стоит даже подтверждать их непреходящее значение. А фантастика, по мнению таких читателей, это развлекательное чтение, такое же, как Луи Жаколио, как «Дневник горничной», как Нат Пинкертон. И вдруг, представьте, читает товарищ в таком вот настроении благодушия, приготовившись,

качая головой, приговаривать: «Вот так загнул, ну и навывдумывал», а вы ему — проблеме! Да какую серьезную, он с такими сроду не сталкивался. Помилуйте, возмущенно кричит читатель с образованием гимназиста и с интересами, оставшимися с Блоком, скажем. Помилуйте, да чего он хочет от меня? Не о чем мне больше думать, да? А надо бы подумать, господин хороший. Оно конечно, классики сроду не обращались к тематике, ставшей сейчас животрепещущей: бешеное развитие науки, влияние науки на все сферы жизни, новый тип массового человека — научный работник, совершенно абстрактные вопросы, увлекающие массы людей... Но о науке у рассматриваемого читателя самое расплывчатое представление. О философии — и того меньше. А способности воспринимать абстракции ограничили в его жизни давно забытыми уроками алгебры. Забавный факт: по сути дела, сейчас только научная фантастика в литературе занимается мировыми проблемами — что такое разум, что такое жизнь, что такое вечность и бесконечность, роль человека в Мире и т. д. Классикам и в голову не приходило об этом писать — и знаний у них не хватало, и читатель у них был хилый и необразованный — дворянство главным образом да так называемая передовая интеллигенция. Да это-то еще полгоря. Главное горе в том, что знаний не хватает у большинства современных писателей не-фантастов. Насколько мы могли судить, побывав в ЦДЛ на лекциях выдающихся ученых, большинство литераторов явили такое вопиющее невежество в вопросах, ясных каждому восьмикласснику, что вчуже стыдно становилось. Я ничего плохого сказать о них не хочу. Пишут они прилично, иногда даже делают попользования на более или менее широкие обобщения, но их высокомерие к нашему жанру, право же, не по их способностям и знаниям, а главное — не по их кругозору. Это ведь они воображают, что колхозный роман много труднее писать, нежели рассказ о полете в Космос. Там-де ничего не известно, выдумывай и пиши себе.

Мы хотели показать один, самый влиятельный контингент читательской общественности и попытались разобраться в причинах их разочарования в нашем жанре. Иногда они, правда, и восхищаются, но, как правило, не тем, что считает главным автор и что понимает как главное более квалифицированный читатель. Это все равно, как если бы, прочтя «Даму с собачкой», читатель умиленно рассказал бы Антону Павловичу, до чего хорошо получился у него образ собачки.

Есть и другие виды возмущенного читателя. Это люди просто малограмотные и невежественные. Они, как правило, необычайно серьезны и чувствуют себя оскорбленными. Их раздраженные реплики, насколько можно судить по письмам в издательства, сводятся к таким сюжетам: «Так не может быть, потому что не бывает», «Описывают людей будущего, а они водку пьют», «Ничего не понять, иностранцы какие-то», «Чем тратить на такую чепуху бумагу, лучше бы издали еще разок Буссенара». Это, конечно, читатель неквалифицированный, по преимуществу пенсионер, вышедший в отставку с большого административного поста. Короче говоря, человек без воображения. Кстати, избави вас бог, товарищи, принимать всерьез читательские письма. Разве что только если это письма от мальчишек. Обычно письма пишут люди без воображения.

Категории читателей, о которых говорилось выше, — квалифицированные читатели с ограниченным багажом и ограниченной восприимчивостью и неквалифицированные читатели с распухшим самомнением, склонные к маразму, — это не наши читатели. И когда мы пишем, не дай нам бог ослабеть и поддаться их влиянию. К сожалению, подобные люди часто занимают ключевые позиции в издательских организациях, и тут надо быть начеку. Правда, теперь намечается уже такое положение, что они машут на нас рукой безнадежно и говорят: «Делайте как хотите», но и это тоже плохо, ибо с водой они выбрасывают ребенка: они на постах издателей пропускают иногда явную халтуру и неумелые вещи. А перед нами живо встают примеры развала «Библиотеки военных приключений», упадка и охалтуривания детективного жанра, и мы все должны быть особенно здесь бдительны.

Кто же наш настоящий читатель? Мы здесь уже говорили о нем: научная фантастика имеет в виду молодой народ в возрасте от тринадцати до тридцати пяти лет с образованием не ниже восьми классов, лучше — выше, и желательно, чтобы он не забыл к тридцати пяти годам то, что учил в восьмом классе. Короче говоря, мы должны иметь в виду школьника-старшеклассника, студента и квалифицированного рабочего, научного работника, учителя — только молодого, — агронома, одним словом человека, общая подготовка которого даст ему возможность заинтересоваться не только фабулой, но и идеями произведения, и позволит ему не спотыкаться на простейшей терминологии современной науки.

Это и есть наш читатель. И здесь есть одна очень большая сложность. Это огромная масса людей. Их в стране миллионы. Это, можно сказать, цвет народа, самое лучшее, что в нем есть, если можно так выразиться — творческий пласт государства. Но для нас беда в том, что путь к их сердцу приходится искать ощупью. Они терпеть не могут писать письма, разве что ругательные по-деловому, и в равной мере терпеть не могут читательских конференций. Они народ насмешливый, скептический, и если книга им не нравится, они скажут: дерьмо! — и снесут ее в букинистический магазин. И вы никогда не узнаете, что ваша книга — действительно дерьмо. Они очень остро чувствуют современность и требуют современности во всем — начиная с литературной стороны и кончая идейной. Ничего не попишешь, халтурщика они не примут. Но халтурщик об этом даже не узнает. Слава богу, в стране еще много людей с дурным вкусом, и все поголовно грамотные. Книга халтурщика тоже не залежится на прилавке, и он будет в таком же положении, как и серьезный писатель¹.

Итак, фантасты и издатели, будьте бдительны!

Вот что мы, собственно, хотели сказать о фантастике. Теперь несколько последних слов — о перспективе жанра.

VII. ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Мы смело присоединяемся к словам Ефремова в его статье, опубликованной в «Природе» в прошлом году (№ 12, 1961):

«Не популяризация, а социально-психологическая действенность науки в жизни и психике людей — вот сущность научной фантастики настоящего времени. По мере все большего распространения знаний и вторжения науки в жизнь общества все сильнее будет становиться их роль в любом виде литературы. Тогда научная фантастика действительно умрет, возродясь в едином потоке большой литературы как одна из ее разновидностей (даже не слишком четко отграничиваемая), но не как особый жанр».

Но, как вы помните, то, что Ефремов понимает под научной фантастикой, по нашему мнению есть лишь одна из двух больших ее областей. Вторая область — овеществление всякого рода политических и моральных абстракций — Ефремовым не рассматривается.

¹ [Вставка на отдельном листе.] Тем более что халтурщика вообще никакие проблемы, кроме проблем гонора, не тревожат, и он готов писать и для детей, и для неграмотных, и специально, скажем, для наладчиков счетно-аналитических машин. И произведения его будут до того нацеленными на заданного читателя, что удовлетворят самого ревностного носителя заблуждений.

По сути дела, никакой «проблемы читателя» в фантастике не существует, так же как не существует ее в художественной литературе вообще. Всякие разговоры о «нацеленности фантастики» на школьника там или на работника просвещения беспредметны и способны только нанести вред, ограничивая тематику и обедняя многообразие возможных художественных приемов. И если уж разговаривать, то не о проблеме читателя, а о проблеме связи с настоящим квалифицированным читателем, о проблеме, которая до сих пор не разрешена сколько-нибудь удовлетворительно и настолько трудна, что нам, например, кажется вообще в ближайшее время нерешимой.

Поэтому положение Ефремова о сущности научной фантастики представляется нам несколько неполным. Об этом мы уже говорили, и цитата здесь приведена только потому, что она, на наш взгляд, отлично отражает перспективу нашего жанра — если вторую фразу начать несколько иначе: «По мере все большего распространения научных, социальных и философских знаний и по мере все большего вторжения в жизнь общества фактора всесторонней подготовки и широкого кругозора его членов все сильнее будет становиться их роль в любом виде литературы».

Перед нашим жанром стоят колоссальные задачи. В не-фантастической литературе нет и не предвидится способов создания широких обобщений тех грандиозных процессов, которые потрясают сейчас мир. Писатели всех времен и народов всегда были впереди, фиксируя и пытаясь объяснить то, что происходит вокруг них. Но что-то не видно, чтобы кто-либо из не-фантастов попытался рассмотреть уже упомянутые вопросы о социально-психологической действительности науки, о природе стремления человека к знанию, о роли психологического фактора в чудовищных и, казалось бы, совершенно неправомерных фактах новейшей истории — фашизм и культ личности и многих, многих других. Все это лежит на фантастах. У писателей не-фантастов просто нет достаточной подготовки для этого. А те, у кого эта подготовка есть, — я имею в виду способность широкого и критического взгляда на мировые события, — сами чувствуют неудовлетворенность классическими методами, и они все чаще и чаще обращаются к приемам, характерным для фантастики. Достаточно упомянуть такие имена, как Гранин, Вера Панова, Гор, Лем.

В заключение с сожалением отмечаем некий номенклатурный ужас у издателей перед философской фантастикой. Достаточно вспомнить позорную эпопею с изданием у нас Лема, Ефремова да и некоторых других. Я кончил.

[Дополнительные материалы к докладу о фантастике]

Тезисы к докладу о научной фантастике

№ 1. Определение н. ф. и ее место в литературе.

а. Н. Ф. есть литература о человеке в необычных обстоятельствах. Под термином «обстоятельства» понимаются:

- необычайные явления природы;
- необычайное место действия;
- поражающие воображение научные открытия;
- столкновения с людьми, обладающими сверхчеловеческими возможностями;
- различные отклонения от нормальных статистических закономерностей.

Под термином «необычный» понимается:

- сверхъестественный (современная сказка);
- чуждый для подавляющего большинства читателей;
- осуществимый, но не осуществленный.

б. Неудачность термина «научная фантастика», искусственно сужающего эту область литературы.

в. В качестве эталона для дальнейших рассуждений и для оправдания наших взглядов берется Уэллс.

г. Для чего нужна н. ф.? Видимо, для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует задать более широкий: для чего нужна литература вообще? Другими словами, для чего читатель читает?

Положения:

— процесс чтения является по преимуществу актом получения информации: фактической (утоление интереса к фактам), идеологической (подтверждение или опровержение идеологической концепции читателя и расширение идейного кругозора),

эмоциональной (утоление огромных запросов в области эмоциональной, обычно в нормальной жизни не удовлетворяемых), эстетической (утоление естественной тяги читателя ко всему гармоничному, совершенному, «чтобы как у людей»), наконец, стимулирующей (это может быть любой из упомянутых видов информации в тех случаях, когда эта информация дает пищу для воображения и заставляет работать головой: мозговой и душевный голод);

— отсюда следует, какой должна быть литература: она должна давать нетривиальную информацию. Воспитательная роль литературы определяется именно ее насыщенностью тщательно отобранной информацией;

— отсюда ясно, для чего нужна н. ф., литература о человеке в необычных обстоятельствах: она должна утолять естественный и закономерный интерес к необычному путем предоставления читателю необычной, действующей на воображение информации всех указанных типов (если возможно).

д. Место н. ф. в литературе. Н. ф. всегда была, есть и будет по преимуществу литературой о научно-технической интеллигенции или о событиях, связанных с деятельностью научно-технической интеллигенции.

№ 2. Цели, задачи и роль научной фантастики.

А. Неразумность и устарелость взгляда на научную фантастику как на литературу:

- а) пропаганды научных знаний;
- б) так называемой крылатой мечты;
- в) пропаганды необычайных и занятых профессий.

Б. Цели, которые ставит перед собой фантастика, ничем не отличаются от целей «большой литературы»: изображение действительности в образах. Фантастика отлична только методом.

В. Задачи научной фантастики:

а) ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ — изображение обычного или необычного человека в необычных обстоятельствах, с задачей выяснить поведение и психологию этого человека, его реакцию на необычное, определить необычные обстоятельства как фактор, ускоряющий раскрытие характера;

б) ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ — материализация абстрактных философских положений и их иллюстрирование.

Г. Роль научной фантастики.

а) Не пропаганда научных знаний — для того есть отличная научно-популярная и научно-художественная литература;

б) Не наставление для будущих космонавтов и ученых. Пора вообще пересмотреть примитивное понимание о путях воздействия литературы на сознание читателя. Дескать, прочитал Ж. Верна и решил стать ученым. Прочитал Конан-Дойля и решил стать сыщиком.

Громадная роль научной фантастики заключается в том, что через нее можно активно вести пропаганду необходимых нашему обществу идей. Если принять за аксиому, что фантастика является одним из наиболее читаемых видов литературы, то странным кажется тупое невнимание к этому виду со стороны ответственных за пропаганду лиц, в т. ч. издателей. Их роль в развитии фантастики заключалась и до сих пор заключается в лучшем случае в замалчивании фантастики. В худшем — в запрещении.

А между тем по ту сторону баррикады роль фантастики понимают отлично и хорошо умеют ею пользоваться для пропаганды и воздействуют на умы людей достаточно сильно.

Равнодушие и непонимание последовательно выбивают из рук нашей пропаганды мощнейшее оружие воздействия на умы.

Д. Еще одно гигантское преимущество фантастики перед остальными видами литературы: роман, повесть, рассказ «реалистической» литературы почти всегда имеют дело с вопросами частными, они редко поднимаются до больших обобщений. Во всяком случае до обобщений менее банальных, нежели «война — это плохо», «империализм —

это зло», «человек — это звучит гордо». Фантастика — это боевая литература. Даже самые плохие, даже отмеченные несмываемой пошлостью произведения фантастики заключают в себе величайшую из великих идей: ДОЛОЙ МЕЩАНСТВО. Истинно, что для фантастики враг № 1 — это враг № 1 человечества: мещанство, ограниченность, тупость и косность, узость кругозора. Имеется в виду, конечно, советская и прогрессивная иностранная фантастика.

№ 3. Две тенденции в фантастике:

а) повествовательная;

б) философская.

О постепенном развитии философской фантастики и вытеснении ею повествовательной.

№ 4. О критике научной фантастики.

а) Критика сверху — критика законодателей, ни уха ни рыла, как правило, не понимающих ни в литературе вообще, ни в фантастике в частности — эта критика вызвана именно непониманием сложности процесса воздействия литературы на читателя.

б) Критика сбоку — со стороны литературных снобов, пускающих умиленные слюни при чтении Тургенева и презрительно относящих фантастику за грань художественной литературы — совершенно автоматически, не читая.

в) Критика снизу — со стороны дураков-читателей: «Так не бывает, потому что не может быть никогда».

Все критики ссылаются, как правило, на классику, забывая при этом, что классикам и не снились проблемы такой сложности, за которые сейчас берется фантастика.

№ 5. Научная фантастика и издательства.

№ 6. — “ — и литературная критика.

№ 7. — “ — и читатели. (Это на конкретных примерах.)

№ 8. Перспективы развития фантастики в СССР — минимальные и оптимальные.

[Вставка 1]

Выяснить раз и навсегда недоразумение, связанное с неправильным пониманием целей и задач н. ф. Отнюдь не пропаганда научных знаний. И совершенно не наставление для будущих космонавтов и ученых. Пора вообще пересмотреть такое примитивное представление о путях воздействия л<итерату>ры на человека. Прочитал Ж. Верна — и стал ученым. Прочитал Ш. Холмса — и стал сыщиком. Неправильное понимание, к сожалению, разделяется и ответственными товарищами. А поскольку так, то и издатели с прохладцей. Дело это держится буквально на руках горстки энтузиастов. Предвижу возражение: давайте хорошие рукописи, мы издадим. Бред! Небось к 40-летию пионерской организации не так подходите. А этим самым наша советск<ая> коммунистич<еская> гуманистическая пропаганда остается без очень важного оружия, которым, между прочим, отлично пользуется наш противник. Почему-то считается, что писать о деревне или о заводе труднее, чем о звездах. Бред. А научная фантастика грядет. Ей принадлежит большое будущее, и слепцы и деляги только этого будущего не видят.

О чем? О человеке в необычных обстоятельствах. Что такое необычные об<стоятельст>ва? Для кого необычные? Для обывателя. Наше время — время ученых, инженеров, общественных организаций. Обывателей становится все меньше. «9 дней одного года». Литература о современной интеллигенции. О воздействии науки на умы. Слияние научной фанта<стики> с большой литературой неизбежно. За что ценим Толстого и Чехова, Флобера и Бальзака? За тонкое знание человеческой психики в тогдашних условиях. Сейчас психика сложнее и условия другие. Фантастика — путь к созданию и гигантскому процветанию большой литературы. Велик «Тихий Дон» и «Белеет парус». Но это уже в прошлом. Отличны вещи Мальцева, Тендрякова, Антонова и других, Носова и Нагибина и о целинниках. Это наше настоящее и тоже уже прошлое. Это

все нужно, необходимо — для воспитания художественного вкуса и знания истории. А о настоящем настоящем? Ведь есть огромная область жизни и одинаковая по важности с темой великих строителей, администраторов и целинников. Научный работник! Он рядом с нами, он тоже строит коммунизм, и где он в литературе? Отсюда тоже тянутся нити фантастики. По ряду специфических причин мы не можем писать о действительной работе науки. Поэтому мы создаем фантастический фон. А как воспринимает современную научную реальность современный человек? Мещанин? Хороший парень?

О вечных ссылках на Ж. Верна и Уэллса. О Ж. Верне сейчас помнят только старцы. Молодежи давайте новое.

Определение.

Направление — Уэллс. Долой Беляева. Долой научпоповщину.

О неудачности термина.

О неудачности пышных наименований: литературы большой мечты.

Современный человек действует в необычных обстоятельствах: от ракеты до сказки.

О философии в фантастике.

[Вставка 2]

Здесь на первый взгляд все не так и все не то. Герой — вместо того, чтобы, как все нормальные люди, перевыполнять план, ущемлять бюрократа директора и дотягивать до своего уровня любимую, подпавшую под влияние чего-нибудь нетипичного — ломится, чужак-человек, через инопланетные джунгли, или разводит чудовищных животных, или изобретает какую-то штуку насчет Пространства — словом, ведет себя странно. Как правило, он ни с кем не грызется, не пьет водки, не оказывается в положении униженного или, скажем, оскорбленного, не преодолевает в себе клептомана, взяточника и прелюбодея, сфера интересов его лежит вне материальных потребностей, он наивен, непрактичен и думает о непонятном. Окружает его мир незнакомый и непривычный, где совершенно неподобающую роль начала играть наука, где машина соперничает со своим господином, где ставятся и разрешаются вопросы, такие с нашей точки зрения громадные, что их и не разглядишь вблизи...

Заметьте, мы говорим, собственно, о довольно среднем фантастическом рассказе или романе, у которого десятки и сотни братьев в смежной области литературы, где перевыполняют, ущемляют и дотягивают, где борются униженные и склонничают оскорбленные и материальные потребности движут миром. Это всё серенькие и вялые братья — прямо скажем: не «Братья Карамазовы» и даже не «Братья Земганно». И тем не менее, критика их замечает. Критика гладит их по головкам, бранит за косноязычие, пичкает леденцами или пилюлями от худосочия. Смотреть на это смешно и противно. И тогда обращаешь взор на критика.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Перспективы

Мы глубоко убеждены, что у советской фантастики перспектива одна: превращение ее из жанра многочитаемого в жанр многоуважаемый. Это, так сказать, исторически неизбежно. Таков уж человек — это странное животное, которому Природа подарила исключительную потребность в избыточной информации, большей, чем это необходимо для поиска пищи и продолжения рода — таков человек, что он не может не мыслить; он живет сразу и в прошлом, и в настоящем, и в будущем; он мечтает и сравнивает, он анализирует и сопоставляет, ему нудно и тошно в любых рамках — в рамках времени, в рамках знаний, в рамках традиционных представлений. Воображение его — если оно не дремлет, задавленное повседневщиной — требует пищи — много пищи, разной пищи... И поэтому не может оставаться в загоне литература, обладающая таким мощным арсеналом

приемов и средств, чтобы будить воображение, волновать его и давать ему пищу. И поэтому фантастика неизбежно займет подобающее место в общем потоке литературы — неизбежно! — и говорить можно только о сроках и темпах воплощения неизбежного в действительное. А сроки неестественно растянутся и темпы безобразно замедлятся, если...

Если в определенных (главным образом, литературно-редакторско-критических) кругах не перестанут заниматься дефинициями и утомительными теоретическими рассуждениями о том, что можно и что нельзя писателю-фантасту, и чрезвычайно увлекательными, но еще более абстрактными поисками теоретико-литературной стены между Свифтом и Жюлем Верном...

Если в тех же кругах не перестанут радеть за читателя, о котором ничегошеньки не знают, кроме того, что он умеет читать...

Если не научатся мыслить современно, то есть широко и смело, если не поймут, наконец, что важнейшая задача литературы — всякой — будить воображение...

Этих «если», наверное, больше, чем писателей-фантастов. Эти «если» торчат, как противотанковые надолбы, на дороге Неизбежного от Возможного к Действительному. Все эти надолбы, эскарпы, контрэскарпы, волчьи ямы и спирали Бруно приводят заинтересованного человека в неистовство своей запутанностью, угрюмой непроходимостью и ржавой принципиальностью...

Судите сами. Достаточно одного принципа экономии мышления, чтобы принять за постулаты такие, например, утверждения: что такое фантастика — не суть важно; писателю-фантасту можно все, кроме проповеди пошлости в любых масштабах; если и существует стена между Свифтом и Ж. Верном, то ее надобно срыть и обломками завалить ров, отделяющий сейчас фантастику от литературы вообще. Сейчас самое главное — дать фантастам писать то, к чему у них лежит душа: хочет писать для детей — пожалуйста; специально для инженеров водного транспорта — ради бога; для всех вообще и ни для кого в особенности (как это делают счастливые писатели-бытовики) — будьте добры!.. Литература должна быть разнообразной по назначению так же, как по форме и содержанию. Надо отчетливо осознать примитивнейший факт: на всех все равно не угодишь, всегда будут довольные и недовольные и не надо делать культа ни из тех, ни из других. И кажется совершенно тривиальным, что литература — любая — имеет смысл только тогда, когда она оказывает на читателя — любого — воздействие. Самая плохая книга и самая вредная — это скучная книга, пусть она даже переполнена фактическими сведениями, самой что ни на есть высокопробной дидактикой и стоит на прочнейшем идеологическом фундаменте.

Требовать, чтобы все фантасты шли в некоем едином строю под общим знаменем «литературы крылатой мечты» или там «литературы о науке будущего» не только вредно, но и попросту бессмысленно. Фантастика уже сейчас не едина. Все нынешние фантасты — молодые и старые, опытные литераторы и зеленые новички, научные работники и дилетанты — все они спорят, не соглашаются, разбиваются на отдельные группы и группки. Всего-то тридцать человек, а среди них и убежденные популяризаторы, и ревнители безудержного вымысла, и скептики, и оптимисты, и борцы за образ героя времени... Одни равняются на Ж. Верна, другие преклоняются перед А. Толстым, третьи почитают лишь Уэллса, или Беляева, или Ефремова, или Лема... И это великолепно уже потому, что совершенно не похоже на унылое благообразие недавних лет! Пусть спорят. Пусть раздражаются статьями, витийствуют на нечастых конференциях и берут друг друга за грудки в семейной обстановке — ведь это же значит, что они искренни, что они могут написать плохую книгу, но никогда не напишут халтуру, что они действительно очень разные и не хотят подражать. И очень хочется, чтобы они имели возможность выпускать книги такими, какими хотели бы их видеть сами, а не такими, как их видят засевшие в глубоко эшелонированной обороне редакторско-издательские работники.

А ведь какие могли бы быть книги! Ведь перспектива фантастики — это те книги, которые она могла бы дать.

Далекое будущее с его колоссальными проблемами, которые мы, конечно, абсолютно не способны разрешить, но поставить можем уже сейчас. Будущее, которое предстает перед нами не как розовое смутное марево над болотом всеобщей успокоенности, а как великолепный и грозный мир человеческого духа, озаряемый ослепительными молниями великих задач и дел; мир невиданных взрывов коллективного гения, мир поражающих воображение судеб и характеров... Мир, людям которого можно только хорошо позавидовать, мир, который хочется строить, ради которого стоит жить и работать...

И близкое будущее — великая эпоха человеческой истории, которая даст нашим потомкам мир и безопасность, эпоха победоносного сражения с мещанином, о котором так хорошо сказал К. Паустовский: «Человек с рефлексом вместо души, человек плотоядный, зараженный эгоцентризмом, должен быть уничтожен. Посмотрим, кто кого пересилит. Мы сильнее своим гневом и непримиримостью, они — жадностью и волосатым кулаком». Мещанин в человеке будет уничтожен. Он не выдержит борьбы с мощным развитием экономики и науки о теории и практике воспитания человека в человеке.

И наше время — нелегкое и суровое, когда человек испытывается на прочность, создавая фундамент будущего. Время поставленных проблем, требующих разрешения. Время удивительных и невообразимо противоречивых людей, решающих эти проблемы...

Нет, фантастика будет. Она не может не быть. Она нужна. А старое уйдет туда, куда уже ушло многое из того, что когда-то торчало на путях и дорогах монументальными надолбами, ржавым железом, валами, рогатками и колючей проволокой.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий О советской фантастике

Целью настоящей статьи является попытка выяснить отношения. Мы попытаемся разобраться, как относятся к фантастике читатели, издатели и официальные критики. Но прежде следует установить некоторые основные положения относительно сущности научной фантастики, ее места в общем потоке художественной литературы, ее тематики, ее роли и сферы ответственности. При этом мы постараемся избежать проторенного пути. Как правило, к сожалению, авторы критической литературы, объявив научную фантастику частью большой литературы, сопровождают эту декларацию оговорками, которые не только не подтверждают их исходную мысль, но напротив, возможно помимо воли, целиком опровергают ее.

Начнем с определения.

I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

В искусстве бывает трудно дать строгое видовое определение. Многочисленные попытки энтузиастов теоретически отграничить научную фантастику от других видов литературы тоже не привели к сколько-нибудь определенным результатам. Правда, каждый нормальный человек интуитивно улавливает жанровую разницу между, скажем, «Искателями» Гранина и «Черными звездами» Савченко и между «Механикусом» Полещука и сказкой о царевиче и сером волке. В общем, всякое определение выражает идейные позиции автора этого определения. Мы могли бы определить научную фантастику по БСЭ: литература о фантастических достижениях науки будущего. Но наша идейная позиция заключается как раз в том, что фантастика должна быть полноправной частью большой литературы. Поэтому мы определяем научную фантастику следующим образом:

ФАНТАСТИКА ЕСТЬ ЛИТЕРАТУРА О ЧЕЛОВЕКЕ В НЕОБЫЧАЙНЫХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПРИЧЕМ НЕОБЫЧАЙНОСТЬ ДОСТИГАЕТСЯ ЛИБО ЭКСТРАПОЛЯЦИЕЙ НОВЕЙШИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ИДЕЙ ДО ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ, ЛИБО ОТРАЖЕНИЕМ В ОБРАЗАХ РАЗНОГО РОДА ФИЛОСОФСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И МОРАЛЬНЫХ АБСТРАКЦИЙ, ЛИБО ВВЕДЕНИЕМ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО ЭЛЕМЕНТА.

Сразу же оговоримся. Во-первых, необычайность обстоятельств есть понятие субъективно-историческое. Летчикам-космонавтам уже не покажутся необычайными описания условий невесомости, так же как командиру «Северянки», возможно, странны неумеренные восторги профессора Аронакса, попавшего на борт «Наутилуса». Такое понимание необычайности является, между прочим, залогом того, что фантастике суждено бесконечно развиваться вместе с читателем.

Во-вторых, наше определение отражает крайнюю неудачность, с нашей точки зрения, самого термина «научная фантастика». Этот термин необычайно сужает сферу ответственности жанра и вызывает массу кривотолков и недоразумений у писателей, у читателей, у издателей и у критиков. Поэтому мы намерены везде в дальнейшем пользоваться термином «фантастика», отбросив неправомерное определение «научная».

Таким образом, отличие фантастики от других жанров литературы есть отличие в методе.

II. ФАНТАСТИКА КАК ЧАСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Широко распространенное сейчас и совершенно правильное мнение о фантастике как части художественной литературы следовало бы, строго говоря, обосновать. Мы попытаемся сделать это, памятуя, что художественная литература вообще призвана отражать действительность в образах. Кстати, не будем забывать, что действительность — это не только окружающий нас мир вещей и событий, но и личный психический мир человека и мир общественного сознания; что отражать — это не значит обязательно отражать в плоском зеркале; что художественный образ, наконец, есть понятие, существенно зависящее от той цели, которую поставил перед собой автор повествования.

Спросим себя: для чего читают художественную литературу? (Заметьте: для чего читают, а не для чего издают.)

1. Чтобы получить эстетическое удовольствие от художественного совершенства.
2. Чтобы дать пищу «голоду чувств», так сказать — посопереживать.
3. Чтобы утолить интерес к смелой и острой фабуле.
4. Чтобы получить позитивные знания.
5. Чтобы дать пищу воображению.
6. Чтобы «убить время», отвлечься от будней жизни.

В максимальном удовлетворении этих шести читательских «чтобы» и состоит задача художественной литературы. Нам могут возразить: мы не учли идейно-воспитательных задач литературы. Это не так. По нашему глубокому убеждению, художественная литература и воспитательная литература — это синонимы. Но воспитательное воздействие художественной литературы находится в прямой зависимости от того, насколько она удовлетворяет эти «чтобы». Никакая литература, игнорирующая читательские «чтобы», не способна оказывать воздействие на читателя.

Возвращаясь к фантастике, будем считать, что она — фантастика — является частью художественной литературы, если она в принципе способна удовлетворить всем этим запросам читателя. И фантастика на это способна. Не будем теоретизировать. Возьмем только два примера. «Невидимка» Уэллса и «Гиперболоид» Толстого.

Оба эти произведения несомненно удовлетворяют всем «чтобы» читателя и, следовательно, оказывают на него мощное воздействие, выполняя тем самым главное назначение художественной литературы. Сомневающимся спросим: неужели они серьезно думают, что разоблачение мещанского буржуазного мира в «Невидимке» слабее, чем в «Цитадели» Крониной? Или показ авантюристической сущности фашизма в «Гиперболоиде» не так убедителен, как в «Пляске смерти» Келлермана?

Мы предвидим два возражения. Первое: а зачем все это? К чему все эти выдумки? Лев Толстой писал без невидимок. Хемингуэй обходился без гиперболоидов. А вот Вера Панова, Юрий Нагибин, Сергей Антонов, Юрий Бондарев и другие писатели и сейчас пишут отлично, не прибегая к этому псевдонаучному реквизиту. Так правомерен ли, спрашивается, сам метод введения необычайного?

Правомерен, товарищи. Начнем с того, что он не хуже любого другого: эпистолярного, пейзажного или, например, анималистического. Но не это главное. Главное в том, что метод введения необычайного обладает громадными преимуществами. Он позволяет до предела обострить сюжет. Он позволяет раскрывать характеры героев гораздо быстрее и отчетливее. Он позволяет давать максимум идейной, конкретной и эмоциональной информации в минимальном объеме книги. Возьмем того же Уэллса. Все книги великого английского писателя посвящены моральным и политическим проблемам. Но как рыхла «Необходима осторожность» по сравнению с «Человеком-невидимкой». А разве вызывает она адекватную ненависть к мещанину? Ведь когда читаешь «Невидимку», хочется влезть в книгу и избить доктора Кемпа и расправиться со всей этой толпой вонючих обывателей.

Второе возражение: так ведь это Уэллс и Толстой! А наши нынешние? На это возражение мы могли бы не отвечать вообще, потому что считаем своей задачей не защищать современную советскую фантастику, а показать ее принципиальные возможности. Но поскольку личность такого возражающего нам крайне несимпатична (возражение-то не по существу!), мы попробуем ответить. Прежде всего, если говорить вполне откровенно, современная средняя повесть о полете в космос ничуть не хуже средней же повести о колхозной деревне, а в смысле удовлетворения читательских «чтобы» — даже лучше. Далее, апологеты производственного романа сделали в свое время очень многое, чтобы советская фантастика отстала от переднего фронта нашей литературы, чтобы загнать фантастику в яму скучного инфантилизма, откуда она только-только начинает выбираться. Но отдельные советские фантасты уже вплотную приблизились к переднему фронту. Их мало. Но чего же можно ожидать, если в течение нескольких десятилетий людям долбили, что фантастика — это недолитература, призванная пропагандировать научные знания устами до отвращения идеализированных розовых геройчиков? И если сам возражающий является, мягко выражаясь, недостаточно компетентным для таких возражений? К этому мы еще вернемся в разделе «Фантастика и читатель», а пока перейдем к рассмотрению тематики фантастики.

III. ТЕМАТИКА ФАНТАСТИКИ

Анализ большого числа фантастических произведений показывает, что тематика их сводится по преимуществу к трем обширным областям, которые, конечно, способны перекрываться в каждом отдельном произведении. Разделение по тематике тесно связано с приемами введения необычайности обстоятельств, о которых говорилось выше.

Прием экстраполяции научно-технических идей до их осуществления оказывается наиболее плодотворным при разработке чрезвычайно важной темы: **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ НАУКИ**. Эта тема (вернее, область тем) важна прежде всего потому, что позволяет очень естественно создать образ истинного героя нашего времени — ученого, научного сотрудника, инженера, следопыта науки, — героя, который в наше время гигантских успехов физики и

биологии и еще более гигантских перспектив этих наук давно уже справедливо претендует на ведущее место в литературе наряду с целинником, колхозником и рабочим. Просто диву даешься, до чего в нашей литературе мало произведений, героями которых являются люди науки. Если не считать отличных повестей Гранина, рассказа Грековой — почти нет. Несоответствие роли ученого в нашей жизни вниманию, уделяемому ему нашей литературой, становится особенно нелепым, если вспомнить, что для настоящего литератора такой герой просто находка, настолько он нов, нетрадиционен и не изучен в сравнении с избитыми классическими образами. Фантастика не должна ждать, пока маститые литераторы получат достаточное образование, чтобы взяться за эту тему. Тем более что большинство молодых фантастов (так уж сложилось исторически) сами являются учеными-профессионалами. И фантастика не ждет. Тема человека на переднем крае науки разрабатывается сразу несколькими фантастами и разрабатывается довольно плодотворно. И работа их имеет непреходящее значение создания литературы, отражающей чаяния и судьбы научной интеллигенции, ее лучшей и умнейшей части, ее передового отряда. Конечно, сделано еще мало. И сделанное не всегда блестяще.

Почему? Потому что молодые фантасты, не успев еще стать профессиональными литераторами, по неопытности часто путают метод с целью и делают героями не своих товарищей-ученых, а различные остроумные научные и технические идеи. Потому что молодые фантасты, в силу все той же неопытности, злоупотребляют традиционными классическими приемами развертывания сюжета, банальными ситуациями, склонностью подменять идейную содержательность вещи поверхностной развлекательностью. Потому что, наконец, авторы всю свою недюжинную изобретательность и остроумие вкладывают не в работу над характерами, не в работу над ситуацией, а в научную идею произведения.

Правда и то, что новые герои требуют и совершенно нетрадиционных литературных решений. И никто не подскажет эти решения молодым авторам-фантастам. И пусть они ошибаются, учатся на ошибках и учатся друг у друга, ибо им больше не у кого учиться. И все-таки у нас уже есть «Черные звезды», «Звездные корабли», «Ошибка Алексея Алексеева» и превосходный «Экипаж “Меконга”», где авторы уже нащупали новый метод решения нового героя.

Прием отражения в образах абстрактных идей чаще всего применяется в философской фантастике. Эта тематическая область была у нас искони предана забвению. И это позор для советской литературы. Главнейшая и важнейшая тема: сущность и философия коммунизма, сущность и философия коммуниста начала настоящего разрабатываться буквально несколько лет назад. (Мы опускаем здесь великолепную «Дорогу на Океан» — она одна в литературе 30-х годов.) Правда, можно без преувеличения сказать, что дебют ее потряс читателя всего мира. Мы имеем в виду «Туманность Андромеды» — первую советскую социально-научную утопию. Вот уж область тем, за которую отвечает целиком и полностью фантастика и только фантастика. Дать весомо и зримо облик грядущего, для которого мы все работаем, показать настоящего человека в достойной настоящего человека обстановке, освобожденного от забот о куске хлеба, от давления глупости и пошлости, от тяжелой пяты бюрократизма, — вот задача задач для советского фантаста. Какой простор для мыслей, для воображения, для принципиально новых методов раскрытия образов. Это область, где нет места традиционным приемам, традиционным ситуациям, традиционным конфликтам. Меняется сам принцип человеческих коллизий. Уже не добро борется со злом, а сталкиваются два положительных героя, из которых каждый убежден и прав по-своему, в чистоте стремлений которых никто не сомневается, которым и в голову не приходит, что можно отделить общественное от личного, которые даже в ожесточенных столкновениях

остаются друзьями, товарищами, братьями. А всем этим миром грядущего коммунизма правит уже не стремление к благосостоянию, а стремление к знанию¹.

Есть в этой области тем еще одно направление, к сожалению, в советской фантастике совершенно не разработанное. Мы имеем в виду «уэллсовское», или антимещанское, направление. Опыт Уэллса показал, что в решении этой темы отличный эффект дает прием введения сверхъестественного элемента. Такие произведения, как «Человек, который мог творить чудеса», «Яблоко», «Калитка в стене», «Незадачливое привидение», «Пришествие ангела», «Морская дева» — необычайно впечатляющи, вызывают подлинное отвращение и презрение к мещанину-обывателю и потому имеют, несомненно, громадное воспитательное значение. В советской фантастике, если не считать великолепного «Старика Хоттабыча», этот прием совершенно не используется, за что мы можем благодарить широкие массы издательских работников с их твердокаменными заблуждениями, вечно путающих метод с целью и склонных видеть в таких вещах проявление опасного мистицизма.

Третья и последняя основная область тем — это АНТИВОЕННЫЙ И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ. Здесь успешно применяются все три основных приема введения необычайности обстоятельств. И в этой области дела нашей фантастики обстоят довольно благополучно. Здесь превосходно работают Лазарь Лагин и Анатолий Днепров, каждый в своем роде отличные выдумщики и мастера острых ситуаций.

К слову сказать, издательства относятся к этому кругу тем чрезвычайно благодушно (видимо, даже самому убежденному классицисту не приходит в голову выступать открыто против любой литературы, воюющей с империализмом), но это обстоятельство часто приводит к тому, что на прилавках рядом с тонким стилистом Лагиным оказываются весьма посредственные памфлеты, в которых авторы придумывают за империалистов какое-нибудь ужасное разрушительное оружие и на этом считают свою литературную задачу исчерпанной. (Просто страх берет, когда подумаешь, что именно фантасты первыми додумались до атомных бомб, лучей смерти и бактерий, от которых люди гниют заживо.)

Мы видим, что круг тем фантастики чрезвычайно широк и многообразен. И соответственно широте круга тем велики и роль и ответственность фантастики.

¹ В черновике следовали два абзаца: «Разумеется, социальной утопии тоже приходится отстаивать право на существование. Почтенные чиновники с кругозором в лист для преферанса протестуют против нее на том основании, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда». А вот товарищи из «Экономической газеты» во время дискуссии по поводу «Туманности Андромеды» докатились до прямого передергивания. Суть же их возражений сводилась к тому, что Ефремов, видите ли, не показал в далеком коммунистическом будущем рабочего с молотом и в кожаном фартуке. Каковы возражения в наше время электронных машин и атомных двигателей! И несмотря ни на что «Туманность Андромеды» — не детектив, не остросюжетная повесть, а философское, нелегкое для чтения и понимания произведение — была выпущена у нас четырьмя громадными тиражами в разных издательствах и разошлась без остатка.

О тематике и проблематике современной советской фантастики можно было бы сказать еще очень и очень много. Например, писатель Днепров мастерски показывает, что в зловещих применениях достижений науки виноваты не ученые, а социальные условия, в которых ученые работают. Писатель Лагин, автор всем известного «Старика Хоттабыча», ставит на страницах своих романов удивительные социологические эксперименты. Писатель Варшавский мастерски обыгрывает всевозможные парадоксы современной науки. Впрочем, достаточно и сказанного, чтобы понять, что без фантастики в советской «большой» литературе появились бы зияющие невосполнимые бреши. Отряд советских фантастов мал, и потому бреши эти остро дают себя чувствовать, особенно если обратить внимание на роль, которую играет или во всяком случае призвана в идеале играть советская фантастика в огромном и невероятно трудном деле воспитания масс».

IV. РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФАНТАСТИКИ

Современный нам этап истории человечества характеризуется следующими основными факторами:

1. Третья часть человечества, не дожидаясь остальных двух третей и невзирая на все связанные с этим трудности, приступила к построению коммунистического общества, в котором открываются неограниченные возможности для свободного развития человеческого духа.

2. Современная наука открыла, а темные силы немедленно приняли на вооружение чудовищные средства разрушения, способные навсегда прервать историю или во всяком случае отбросить человечество далеко назад.

3. Специфические обстоятельства — страх перед третьей мировой войной, необычайное обострение идеологической борьбы, разлагающее влияние империалистической пропаганды на Западе и огромные трудности послевоенного периода, тлетворные последствия господства культа личности у нас — привели к необычайной активизации мирового мещанства. Это выражается в усилении тунеядских, потребительских тенденций, в небывалом пренебрежении интересами общества и каждого человека в отдельности, в стремлении переложить ответственность за свои действия на совесть других, в нежелании думать и учиться. Все это отчетливо видно на примере стран Запада, но и наша страна в немалой степени оказалась заражена тем же недугом.

Из этих обстоятельств роль и ответственность литературы в борьбе за коммунизм, против войны и против мещанства вытекают самым естественным образом. Прежде всего это касается фантастики, антимещанского по определению, наиболее популярного и читаемого вида литературы¹. Именно фантастика должна создать яркие и впечатляющие образы новых героев — людей коммунистического будущего и людей переднего края науки, честных, умных, смелых, активных, бескорыстных, веселых и добрых. Которым бы хотелось подражать. Которые бы вызывали хорошую зависть. Которые заставляли бы сравнивать и делать выводы. Против морали которых не устояла бы мораль «моя хата с краю», «пойду, где больше платят», «своя рубашка ближе к телу», «наше дело маленькое», «пойдем прошвырнемся по Броду».

Мещанство — страшная сила. Более страшная, может быть, чем водородная бомба. Мещанство — это сущность всего темного и животного в человеке. Оно мешает человеку подняться с четверенек. Оно мешает человеку поглядеть на звезды. Оно мешает человеку верить в друга. Оно заключает страсти человека в узкий замкнутый круг: половые отправления, деньги, водка. Путь мещанства — это путь назад, в пещеры, хотя бы и электрифицированные, с кондиционированным воздухом. Когда проблема войны и мира будет разрешена, борьба с мещанством станет главным для человечества. Но начинать надо уже сейчас, ибо мещанство оказывает могущественную помощь войне — равнодушием, инертностью, глупостью.

Одним из самых мощных средств в арсенале борьбы с мещанством является яркая, увлекательная, небудничная литература, и именно такой литературой принципиально может и должна стать фантастика.

¹ В черновике следовала вставка: «Бедные неграмотные дурачки из литературного института (нам приходилось сталкиваться с такими) могут сколько угодно считать фантастику опиумом для народа — они, как нам кажется, вообще не читают ничего, кроме самих себя, — а факт остается фактом: самый серый фантастический рассказ, не в пример слезливому опусу о встрече с ветлой на дождливой дороге, производит на читателя впечатление приоткрытой двери в мир необычайно интересных и важных вещей, до которых можно дотянуться всякому, если учиться и перестать смотреть на вселенную, как на закрытый распределитель всяких благ, где одному достается двухкомнатная квартира с прекрасной мебелью, а “мне вот ничего не достается”».

Западная научная фантастика выполняет совершенно противоположный по назначению социальный заказ. И надо сказать, выполняет его она с честью. Миллионы читательских голов регулярно забиваются безнадежной идеей: так было, так есть и так будет всегда, пока стоит мир. Даже лучшие и настоящие мастера западной фантастики увлечены общим потоком пессимизма: человек — зверь, впереди атомные войны, господство галактических монополий и удача тому — единственному из миллиардов — кто зубами и бластером, одинокий и угрюмый волк, проложит себе дорогу к золотой горе через реку крови. Это и есть настоящее воспитание мещанства с его идеалом малограмотного супермена со стальными кулаками.

А как выполняет свой социальный заказ советская фантастика? Увы, плохо. Фантастов мало, и в большинстве своем они молоды и неопытны. (Предыдущая история советской фантастики в силу определенных обстоятельств не позволила подготовить кадры.) Вспомним, однако, что автор-фантаст — это только четверть фантастики. Кроме него объективно существуют и действуют такие силы, как издатель, читатель и критик. Об авторе-фантасте мы уже говорили. Перейдем к издателю.

V. ФАНТАСТИКА В ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

Приведем несколько высказываний:

«Да, фантастику очень и очень читают. Это плохо. Фантастика отвлекает человека от Пушкина и Тургенева, фантастика нам не нужна, и ее следовало бы запретить».

«Фантастика — это хорошо. Отличное пособие для школьной программы. Читал вот я «Занимательную геохимию» академика Ферсмана — очень познавательно. Очень».

«Научная фантастика безусловно нужна. И очень жаль, что ее у нас нет. Вот и остается — Жюль Верн. Ну, еще... э-э... Жюль Верн».

«Фантастика? А, это где про шпионов... Конечно, очень занимательно. Едешь вот, скажем, в электричке...»

«Знаете, я ведь эту самую фантастику с детства терпеть не могу».

Все эти высказывания приведены почти дословно и принадлежат ответственным издательским работникам. Так часто думают и говорят люди, от которых в первую голову зависит если не само существование, то во всяком случае развитие фантастики. Не будет преувеличением сказать, что во всех книжных, журнальных и газетных издательствах по Союзу наберется едва ли дюжина людей — издательских работников, которые любят фантастику или хотя бы понимают, что она должна быть.

Если исключить отдельных энтузиастов, то всю массу издательских работников в плане отношения к выпуску фантастики можно разделить на две категории. Первая — бóльшая — состоит из людей, которые отказываются иметь дело с фантастикой. Причины: педологическая ненависть к жанру («спасем детей от Беляева и Ефремова»); гражданская трусость («странные какие-то идеи пропагандирует товарищ, не наши...»); непонимание жанра («что вы все выдумываете и выдумываете, лучше народа не придумаете, а русские сказки мы уже издавали»). К этой же категории относятся и умные издатели, которые сами фантастику не любят, но отдают себе отчет в том, что она читателю нужна. Они говорят так: «Дайте нам хорошие произведения, и мы их издадим». Но издадут ли? Вспомните позорную историю издания «Туманности Андромеды» и «Магелланова облака»!

Ко второй — меньшей — категории относятся издательские работники, которые фантастику не любят и не понимают, но при случае все-таки издают, чтобы поправить материальные дела издательства. Их полное презрение к жанру (и к читателю) приводит к тому, что на книжные прилавки выбрасываются неумелые и даже откровенно халтурные произведения вроде пресловутой «Оранжевой планеты».

Вот и получается, что первые старательно сужают и без того хилый ручеек советской фантастики, вторые в этот ручеек сливают литературные отбросы, и изданием,

в лучшем смысле этого слова, фантастики занята фактически ничтожная кучка энтузиастов-одиночек. Плакать хочется, когда видишь, как по поводу любого мало-мальски значительного события издательства поднимают кутерьму, звонят авторам, спешно организуют скороспелые серенькие конъюнктурные книжки (большую частью совершенно бесполезные с воспитательной точки зрения), и никто не заботится о том, чтобы создать сильный равномерный поток действенной, умной, будящей пытливість фантастической литературы. Неужели до сих пор не понятно то, что давно понято по ту сторону баррикады? Кто дал им право выбивать из рук нашей антимещанской пропаганды такое могучее оружие? Неужели они намерены и дальше сидеть и ждать каких-то директив сверху?

Равномерный поток фантастической литературы должен быть создан. Как решить эту задачу организационно — мы не знаем. Но мы знаем, что директора и главные редакторы издательств должны обратить самое пристальное внимание на решение этой задачи; они должны понять воспитательную роль и возможности фантастики; они должны полностью уяснить себе, что по крайней мере половина отвергаемых в издательстве фантастических рукописей значительно лучше многих и многих книг не-фантастических, выпускаемых в том же издательстве; и должны заниматься фантастикой лично и регулярно.

Следует тут же предостеречь издателей от слишком узкого и ограниченного понимания сущности фантастики. Мы уже говорили, что отличие фантастики от других литературных жанров только в методе. Герои фантастики заняты тем же, что и герои нефантастической литературы: они борются, преодолевают препятствия, думают, ошибаются, страдают и даже совершают неприглядные поступки. Без такого героя нет литературы. Так зачем же заранее ограничивать писателя, а заодно и издателя, легковесным определением фантастики как литературы крылатой мечты? Такое определение часто встречается в периодике, оно создает представление о чем-то очень добродетельном, розовом, бездумно-оптимистическом, и в результате издатель, замороженный этим крылатым определением, отвергает, скажем, повесть о коммунизме, в которой происходит борьба, созревают и разрешаются или не разрешаются конфликты, в которой герои действуют нетрадиционно и противоречиво.

А зачем ограничивать автора представлением о фантастике как о средстве пропаганды научных знаний? Это очень распространенное и очень опасное заблуждение. И дело не только в том, что такой взгляд переносит центр тяжести фантастического произведения с человека на идею или машину. Дело еще и в том, что это заблуждение укладывает любое фантастическое произведение на прокрустово ложе современного уровня знаний. И где уж тогда говорить о введении сверхъестественного элемента, если издатель, науськанный рецензентами, даже в описании тридцатого века не желает видеть ничего большего, чем достижения науки века двадцатого, если он, издатель, требует подробного описания, как устроен гравилет и как создается ноль-пространство.

Об издателях обычно говорится мало и дурно. И поэтому нам особенно приятно назвать здесь имена Касселя, Жемайтиса, Ключевой, Варшавского, Анфилова, Захарченко — тех немногих энтузиастов, благодаря усилиям которых началось возрождение советской фантастики.

VI. НАШ ЧИТАТЕЛЬ

Авторы бывают плохими и хорошими, самостоятельными и подражателями, талантливыми и серыми, со вкусом и без. Таковы же и читатели. Литература создается для народа. Но каждый отдельный писатель, желает он того или не желает, пишет для совершенно определенного круга читателей. Имеются в виду не элита и плебеи, различия здесь не социальные. Речь идет об огромных пластах общества, различающихся возрастом, биографиями, кругом интересов и читательской квалификацией. Есть,

несомненно, книги, которые с одинаковым удовольствием читаются всеми, но есть, не забывая, и читатели, которые читают всё. Между прочим, это далеко не всегда самые лучшие книги и самые грамотные читатели. И в общем-то читатель так же разнороден, как разнородна литература. Все сказанное относится, естественно, и к фантастике и к ее читателям.

Проблема читателя очень важна. Разрешить ее — значит выяснить, на кого ориентируется писатель (на всех ведь не угодишь). Вот мы и попробуем выяснить, на кого ориентируется и должен ориентироваться писатель-фантаст. Как известно, фантастику читают очень многие и очень разные люди, и это хорошо, потому что искреннюю жалость и сочувствие вызывают писатели, клеймящие бюрократизм в книгах, которых бюрократы не читают. Но, с другой стороны, такая разношерстность читательской общественности создает для писателя-фантаста некоторое неудобство, потому что отзывы о своем произведении он получает иногда настолько разнообразные и противоречивые, что может впасть в отчаяние и даже испортиться.

В этом отношении особенно опасны читатели двух видов.

ЧИТАТЕЛЬ МНОГОЗНАЮЩИЙ. Это, как правило, очень культурный пожилой человек, живо и иногда профессионально интересующийся литературой, с сугубо гуманитарными представлениями об естественных науках, с одной стороны, не критически уверенный в том, что наука всемогуща, а с другой, столь же не критически убежденный, что никогда не будет машины умнее человека, считающий, что золотой век литературы миновал, в детстве увлекавшийся Жюль Верном и Майн-Ридом и сохранивший самые сладкие воспоминания об этом увлечении. Фантастику он любит, но странною любовью. Для него фантастика — это чтение, сладкие минуты отвлечения от будней жизни. Он согласен с тем, что дело писателя — думать и писать, а дело читателя — читать и думать, но ему никогда не приходит в голову применить эту идею к фантастике. Он открывает фантастическую повесть в моральной готовности восхищенно вскрикивать: «Вот так загнул, шельма! Ну и навывдумывал!» Если загнута мало, книга ему не нравится, и он говорит об этом прямо.

Дело в том, что для него проблематика фантастики не является литературной проблематикой. Литературными проблемами для него были, есть и остаются: человек и общественное неустройство; человек и любовь; чувства и деньги; философия чувств, — ставшая классической совокупность действительно чрезвычайно важных, сложных, до сих пор неразрешенных, но уже очень и очень не новых проблем, в наше время сильно потесненных новыми проблемами, вставшими перед человечеством. В силу ли воспитания, в силу ли психологической инерции или в силу недостаточного для нашего времени кругозора он совершенно не приемлет тематики, ставшей сейчас животрепещущей. Бешеное развитие науки, которое парадоксально сделало неясными дальнейшие пути человечества, что выражается в потере учеными контроля над наукой; влияние науки на все сферы жизни; совершенно новый тип массового человека — научный работник с абсолютно своей, новой, неповторимой психологией; совершенно абстрактные вопросы — место человека в мире, сущность разума, сущность жизни, человек и машина — захватившие вдруг внимание огромных человеческих масс; и, разумеется, непонятная, презрительная, обвиняющая молодежь, которая интересуется совсем не тем, чем «интересовались мы в наше время». Он не замечает ни этих проблем, ни даже того, что этими проблемами в литературе занимается сейчас, по сути дела, только фантастика. О таких вещах классики не писали никогда. Во-первых, тогда этого еще не было, и кроме того читатель у классиков был хилый, необразованный — всякое там дворянство. Да и современный маститый литератор не берется за такие темы: опять же из-за недостатка знаний и психологической инерции.

Читатель многознающий особого вреда не приносит. Но он сбивает с толку, потому что ты его уважаешь и ждешь, что он тебя поймет и оценит именно то, что ты считаешь самым главным в своей работе. А он прибегает к тебе и восхищенно кричит: «Ах, какой

вы прекрасный рассказ написали! Какой у вас там прекрасный робот, совсем как человек!» И писатель-фантаст берет за голову и начинает думать: «А может быть, так и надо? Может быть, суть и заключается в том, чтобы писать о роботах, о семиногих чудовищах? И бог с ними — с этими проблемами».

ЧИТАТЕЛЬ-ГРАФОМАН. Он может быть кем угодно: инженером, служащим какой-нибудь конторы, военным, многодетной матерью. Характерны для него низкая читательская квалификация, низкий уровень знаний, огромная уверенность в том, что его устами говорит народ, и жгучая страсть писать письма в разные инстанции. Эти люди никогда не шутят. Они серьезны, многословны, раздражены и чувствуют себя оскорбленными. Им не до проблем, они всегда конкретны. Они требуют: чтобы люди будущего не ели, не пили и состояли в законном браке; чтобы происходило только то, что может быть, и чтобы то, чего не может быть, не происходило; чтобы в тридцатом веке тоже был рабочий (человек в кожаном фартуке, с молотом и наковальней); чтобы на каждые пять листов текста фантастической повести имелась минимум одна остро эротическая сцена, «потому что детям и подросткам это очень нравится»; чтобы все про технику было понятно; чтобы наказали редактора, который оставил в «Магеллановом облаке» сцену распивания спиртных напитков (вина); чтобы перестали тратить бумагу на эту ерунду и издали бы лучше полного Буссенара; чтобы им сообщили, где это у классиков марксизма-ленинизма сказано, что при коммунизме будут Острова Забвения...

Читатель-графоман — бич в фантастике. Он истязает редакторов и дает возможность некоторым ответственным издательским работникам брюзжать: «Видите, что о вас народ говорит?» Из писателя, особенно молодого и непривычного, он пьет кровь, подавая idiotские советы, требуя передавать ему рукопись на предварительный контроль и т. д. Иметь дело с читателем-графоманом особенно трудно потому, что фантастику он читает, по-видимому, с большим вниманием и охотой, и фантастика ему нужна — именно та фантастика, которую он ругает, и совсем не такая, какую он хотел бы, судя по его письмам, получать.

Очевидно, писатели-фантасты должны ориентироваться не на многознающего читателя и не на графомана. Не у них фантаст должен искать сочувствия, понимания и поддержки.

НАШ ЧИТАТЕЛЬ. Это огромная армия людей. Их миллионы и миллионы. Это цвет народа, самое сильное и самое обещающее из того, что в нем есть. Это, если так можно выразиться, творческий пласт государства. Это научные работники, квалифицированные рабочие, агрономы, студенты, учителя, врачи, школьники старших классов — преимущественно молодой народ в возрасте от тринадцати до сорока лет с образованием не ниже семи классов и не забывшие к сорока годам то, чему их учили в тринадцать. Это люди, общая подготовка которых дает им возможность не спотыкаться на элементарной терминологии современной науки, интересоваться не только сюжетом, но и идеями автора, люди с молодым воображением, способные хотя бы в принципе задумываться, сомневаться и быть справедливыми. Одним словом, современная молодежь.

Это народ насмешливый, скептический, они терпеть не могут писать в редакции письма или торчать на скучных читательских конференциях. Они остро чувствуют современность и требуют современности во всем, начиная с литературной стороны и кончая идейной. Они не выносят халтуры, они отличные читатели. Но, к сожалению, как трудно связаться с ними! Если книга им не нравится, они скажут: «дрянь» и снесут ее в букинистический магазин, и вы никогда не узнаете, что ваша книга дрянь. Если книга им нравится, они обсудят ее между собой, а при встрече с вами скажут только: «А, это вы тот самый, который пишет научно-фантастические статьи...» И опять у вас очень мало шансов узнать, что книга им понравилась. Халтурщика они уничтожают устно, но в стране очень много еще людей с дурным вкусом и все поголовно грамотные, и книги халтурщика тоже разойдутся, и халтурщик будет процветать.

Советская фантастика имеет настоящего читателя. Но проблема живой связи с ним остается и, наверное, останется открытой.

VII. ФАНТАСТИКА И КРИТИКА

Интересно, что бы сказал А. Н. Толстой, если бы увидел на третьей полосе какой-либо литературной газеты такую заметку:

НЕ ТО!

Я не раз пытался представить себе образ честного интеллигента, принявшего Октябрьскую Революцию. В воображении возникали образы самоотверженных людей, проводивших дни и ночи в тифозных бараках, с воспаленными от бессонницы глазами заседающих у Луначарского, беззаветно идущих в бой за молодую Республику.

Счастливым случаем помог мне избавиться от заблуждений. Я прочитал книгу А. Н. Толстого «Восемнадцатый год». И теперь доподлинно знаю, чем занималась интеллигенция в дни Революции... Конец семнадцатого года. Необычайные трудности испытывает молодая республика. Рабочий Рублев с гранитного цоколя памятника Александру III агитирует солдат повернуть штыки в защиту революции. И вот «здесь же у памятника остановился по малой надобности широкоплечий человек с поднятым воротником. Казалось, он не замечал ни памятника, ни оратора, ни солдат с узлами». Позже оказывается, что это интеллигент Телегин. Вот он, образ честного интеллигента по А. Толстому! Он не проводит дни и ночи в тифозных бараках. Он справляет малую надобность, не замечая ничего вокруг!

Хочется искренне поблагодарить редактора издательства, позволившего автору донести до нас живое дыхание великого прошлого.

Ж. Обмылкин, журналист.

Классик советской литературы был бы наверняка удивлен таким лихим и странным толкованием образа Телегина. И вряд ли критика прибегала к таким приемам, анализируя творчество замечательного писателя. Имея же дело с фантастикой, пресса не стесняется. Разносные фельетончики и реплики, имеющие, по-видимому, единственную цель — распотешить почтеннейшую публику, написанные людьми явно некомпетентными и по меньшей мере равнодушными к фантастике, построенные на передержках, нацело лишенные каких бы то ни было признаков собственно литературной критики, — вот самый распространенный вид критического обслуживания фантастики в нашей прессе. Для нас всегда было загадкой, почему критикой фантастики занимаются, как правило, люди, которые фантастику терпеть не могут, а также почему серьезная пресса дает им трибуну для выступлений.

Почему в газетах и журналах с самым серьезным видом обсуждаются и подробно анализируются весьма заштатные производственные и бытовые повести и рассказы и почему так редко имеешь возможность прочитать хоть сколько-нибудь обстоятельную статью, посвященную творчеству писателя-фантаста или разбору и оценке фантастического произведения? Почему претендующие на серьезность критические обзоры фантастики сводятся всегда к нудным рассуждениям о том, что можно и что нельзя в фантастике писать, с приложением короткого списка имен? Почему авторов-фантастов, написавших не одну книжку, выпустивших не один рассказ, самобытных и очень разных, разбирают всегда скопом, чуть ли не по-полуротно? Да и что это за разбор? «Наши ученые одну за другой завоевывают вершины науки. Развитие науки вызывает огромный спрос на научную фантастику. И это не удивительно. В последнее время после

долгого периода застоя научная фантастика наконец проснулась. Появились новые авторы (Иванов, Петров, Сидоров), которые очень увлекательно написали про завоевание Венеры, про завоевание недр земли, про достижения геронтологии. Но все ли у нас благополучно? Не все. Бытуют еще некоторые недостатки. Машины заслонили людей. Нет еще того мастерства. Хочется пожелать нашим фантастам еще больших успехов».

Неужели критики серьезно считают, что в фантастике не о чем поговорить конкретно? Конечно, Алексеев Толстых среди фантастов пока нет. (Да и среди кого они есть?) Но, как и всякий писатель, писатель-фантаст вправе рассчитывать на добросовестную критику. Он писатель. Человек, обремененный мыслями и идеями, удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей», как говорил Моэм, пишущий потому, что не может не писать.

Так в чем же дело? Почему жанр, который так любят и ценят миллионы квалифицированных читателей, который призван играть такую громадную роль в воспитании, не имеет квалифицированной критики?

Может быть, дело в том, что у фантастики дурная репутация: полупознавательная недолитература для детей среднего возраста? Но ведь мы живем не в двадцатых годах и даже не в сороковых, а в шестидесятых. Эта репутация давно устарела. И кто как не критики должны были первыми заметить это и помочь переменить ее? Нет, дело здесь не только в репутации.

Дело здесь, вероятно, в том, что для советской критики фантастика — область совершенно новая, литературная terra incognita. Здесь мы сталкиваемся с тем же положением, в котором пребывает упомянутый выше многознающий читатель. Бытовые драмы как отражение определенных недостатков социального устройства — это старое и хорошо знакомое дело. Здесь есть предшественники и вехи. Личность в условиях социальных потрясений — тоже классическая проблема. Здесь за спиной и Борис Годунов, и Пьер Безухов, и Телегин, и Григорий Мелехов. С такой опорой под ногами критику ничего не стоит заполнять подвалы литературных газет подробным разбором книг Николаевой, Кочетова, Бакланова, Аксенова и других современных писателей, хороших и плохих. Но что делать критику с книгой, в которой автор сталкивает своих героев с новым и необычным миром философии современного естествознания или, что еще страшнее, с миром новых философских идей! Критик оказывается здесь в положении Александра Македонского, которому предстоит форсировать местность, зараженную ипритом. Во-первых, критик может просто не заметить ту проблему, ради которой написана книга, ради которой на пультах вспыхивают лампочки и чудовища вылезают из болот. Он не заметит проблемы, потому что он привык к совсем другим проблемам и не привык к тому, чтобы проблемы подавались через пульта и чудовищ. Более того, мы серьезно опасаемся, что, даже заметив проблему, он просто не будет знать, что с ней делать. И он ничего не станет с ней делать. Своего мнения у него по этому поводу нет, халтуру он писать не станет и потому просто пройдет мимо. И тогда, с голодным блеском в очках, набегаем на произведение Ж. Обмылкин, журналист, и...

Коротко говоря, критики фантастики почти не существует, потому что почти не существует критиков в этой среде. Выход нам представляется один: газетные и журнальные издательства должны вырастить критиков, специализирующихся на фантастике, которые болели бы за фантастику, любили бы ее, верили в нее и знали, что о ней сказать.

VIII. ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Мы смело присоединяемся к словам Ефремова: «Не популяризация, а социально-психологическая действенность науки в жизни и психике людей — вот сущность научной фантастики настоящего времени. По мере все большего распространения знаний и вторжения науки в жизнь общества все сильнее будет становиться их роль в любом виде

литературы. Тогда научная фантастика действительно умрет, возродясь в едином потоке большой литературы как одна из ее разновидностей (даже не слишком четко отграничиваемая), но не как особый жанр». («Природа», 12, 1961.)

Вводя поправку на несколько отличное от нашего понимание Ефремовым фантастики как части литературы, мы, соглашаясь с Ефремовым в целом, позволим себе только несколько переформулировать одну из процитированных здесь фраз. «По мере все большего распространения научных, социальных и философских знаний и по мере все большего вторжения в жизнь общества фактора всесторонней подготовки и широкого кругозора его членов, все сильнее будет становиться роль этих знаний в любом виде литературы».

Перед фантастикой стоят колоссальные задачи. В не-фантастической литературе сейчас нет и пока не предвидится способов создания широких обобщений тех грандиозных процессов, которые потрясают мир сегодня. Писатели всех времен и народов всегда были впереди, фиксируя и пытаясь объяснить то, что происходит вокруг них. Но что-то не видно, чтобы кто-либо из не-фантастов пытался взяться за упомянутые уже проблемы о социально-психологической действительности науки, о природе стремления человека к знанию, о роли разума во Вселенной и многие, многие другие. И все это пока лежит на фантастах. У писателей не-фантастов просто нет достаточной подготовки для этого. А те, у кого эта подготовка есть, сами чувствуют неудовлетворенность классическими методами и все чаще и чаще обращаются к приемам, характерным для фантастики. Достаточно упомянуть такие имена, как Гранин, Панова, Гор, Лем.

Аркадий Стругацкий. Советская научно-фантастическая литература

В век космических полетов и атомной энергии литература «кагаку сёсэцу» (правильнее «куусоо-кагаку сёсэцу») получила огромное развитие и по праву считается одним из наиболее популярных жанров литературы. В любой высокоразвитой стране, начиная с Советского Союза и США, есть своя научная фантастика. Естественно, существует она и в Японии.

К сожалению, культурный обмен между нашими странами встречается со значительными трудностями, среди которых не последнюю роль играют трудности языкового толка, поэтому советские литературоведы не имеют пока возможности составить сколько-нибудь ясное представление о положении в «куусоо-кагаку» в Японии. Но отдельные произведения, с которыми мы ознакомились в последние годы, заставляют предполагать наличие в японской литературе весьма самобытного и сильного потока научной фантастики. Мы имеем в виду прежде всего два романа: великолепную и мрачную утопию Абэ Кообоо «4-й ледниковый период» («Дайёнкан хёоки») и жизнерадостную остроумную повесть («кагакумирай сёсэцу») Сэгава Масао «61 Лебедя» («Хакутёо 61 бансэй»).

С другой стороны, и японский читатель вряд ли хорошо знаком с советской научной фантастикой. Поэтому мы хотим рассказать здесь хотя бы в самых общих чертах, что представляет собой литература научной и социальной мечты на родине первых космонавтов, в стране, строящей коммунизм, в мире, который идет в будущее непроторенными путями.

Что является самыми характерными чертами советской научной фантастики?

Прежде всего гуманизм, непоколебимая вера в самые светлые стороны человеческой природы, вера в то, что все дурное в людях является не врожденным, а порождением определенных социальных условий. «Измените условия человеческого существования, и вы увидите, какими волшебными красками засияет человеческая душа!» — говорят советские фантасты.

Далее, для нашей фантастики характерна безусловная вера в светлое будущее нашей планеты, в то, что придет время, и все народы земного шара объединятся в единую дружную семью, что никакие темные силы не в состоянии свергнуть человечество в испепеляющий пожар истребительной ракетно-атомной войны. «Не за горами то время, когда страх перед войной, перед голодом, перед соседом навсегда отойдет в прошлое, и вы увидите, каким прекрасным будет этот новый мир!», — говорят советские фантасты.

Далее, советская фантастика видит в будущем (и в настоящем, разумеется) величайшие победы человеческой мысли, гигантские достижения науки и техники, неуклонное продвижение человечества в глубь обеих бесконечностей — в микромир и в макромир, — и это наступление человека на природу будет продолжаться вечно и с нарастающими темпами. «Освободите людей от заботы о куске хлеба, и вы увидите, как победно зашагает Человек по временам и пространствам, как подчинит он себе законы природы и навяжет ей свои, новые законы», — говорят советские фантасты.

И разумеется, единственно возможную и неизбежную предпосылку осуществления всех этих предсказаний советские фантасты видят в построении коммунистического общества, в создании изобилия материальных благ и в моральном перевоспитании людей.

Отличным примером произведения, в котором наиболее полно выражаются эти черты нашей фантастики, является известный уже японскому читателю роман одного из корифеев мировой научной фантастики Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» («Андоромэда сэйун»).

Это лишь самые общие положения, выделяющие советские «куусоо сёсэцу» в мировой литературе этого жанра. Тематика и формы их чрезвычайно разнообразны. Это стало особенно очевидным, когда в научной фантастике появились новые имена: Альтов, Днепров, Журавлева, Ляшенко, Мартынов, Савченко, братья Стругацкие и др. Характерно, что большинство из этих авторов являются научными и инженерно-техническими работниками. Это астрономы, физики, инженеры различных специальностей. Кроме того, это люди очень разных биографий, разных темпераментов и, что очень важно, весьма разных взглядов на свои литературные задачи.

Так, например, основной темой писателя Альтова является человек будущего как герой романтической ситуации. Альтов стремится создать образ многостороннего человека коммунистического будущего, ученого-поэта, тонко чувствующего и глубоко переживающего. Для него важна не столько научная сторона проблемы, сколько психология героя, столкнувшегося с этой проблемой. Особенно ярко выражены эти особенности Альтова в его произведениях «Генеральный конструктор» и «Полигон “Звездная река”».

Писатель Савченко же стремится создать в повести «Черные звезды» образ современного ученого-коммуниста, работающего на переднем крае науки.

Рассказы «Крабы идут по острову», «Уравнение Максвелла», «Суэма» писателя Днепровского характеризуются, в противоположность Альтову, тщательной разработкой научной стороны вопроса и впечатляющей, поражающей воображение ситуацией. Тема Днепровского — судьбы людей, столкнувшихся с неожиданными применениями современных открытий.

Писателей братьев Стругацких в их последних рассказах интересует больше всего мораль и поведение человека будущего в обычных для будущего (но не для нашего времени) ситуациях. При этом характер человека будущего они строят на хорошо им известном типе современного советского студента и молодого научного работника, веселого умного любознательного и задиристого парня (или девушки). О таких людях рассказывают новеллы «Почти такие же», «Белый конус Алаида», «Великий КРИ».

Можно было бы продолжить этот перечень, но пусть нам поверят на слово: почти у каждого из полусотни советских научных фантастов есть своя тема и свой взгляд на литературу. Это последнее обстоятельство привело, между прочим, к ожесточенной полемике, в которой приняли участие и писатели других жанров, и литературные критики.

В мае прошлого года в Москве в Союзе советских писателей состоялся трехдневный семинар молодых научных фантастов. Семинар прошел необычайно бурно и интересно. Было высказано множество интересных соображений о целях и задачах научной фантастики. Мнения разделились весьма резко, и мнений было почти столько же, сколько выступавших. Одни писатели выступали сторонниками строгой научности в «куусоо сёсэцу», другие отстаивали право автора на научное фантазирование без ограничений, третьи утверждали, что научная идея в современной фантастике должна вообще отойти на задний план, что не популяризация, а социально-психологическая действенность науки в жизни и психике людей — вот сущность научной фантастики нашего времени. Сошлись все только в одном (но в основном): научная фантастика должна быть действенной, должна оказывать на читателя влияние, прививать ему любовь к людям и к науке, а для этого она прежде всего должна быть хорошей литературой.

Как бы далеко ни уносило воображение писателей-фантастов, какие бы неведомые миры они ни открывали, какие бы ни изобретали чудесные машины, главный интерес читателя всегда привлекает человек. И в своих произведениях советский фантаст всегда будет отвечать на вопрос: «Каков ты, человек коммунистического будущего? Как ты ведешь себя среди опасностей неведомой планеты? Как ты любишь и что ты ненавидишь? Что будет главным для тебя, наш потомок?»

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть В. Михайлова «Особая необходимость»

Научно-фантастическая повесть. 141 стр.

Первый в истории полет пилотируемого межпланетного корабля в сторону Марса. Цель полета — облететь Марс и вернуться на Землю, попытавшись, если представится возможность, разгадать участь беспилотных ракет, запущенных ранее и пропавших без вести. Экипаж корабля состоит из пяти человек.

Обогнув Марс, корабль неожиданно попадает в мощный поток заряженных частиц, грозящий экипажу гибелью. Уклоняясь от опасности, корабль расходует слишком много горючего, предназначенного для посадки на Землю. Выход один: причалить ко второму спутнику Марса — Деймосу — и демонтировать вторую ступень корабля.

Посадка на Деймос сопровождается странными явлениями: Деймос, оказывается, обладает «не по чину» мощным гравитационным полем и как бы сам сажает на себя корабль. Выясняется, что Деймос — не естественный спутник. Безупречно работающие совершенные кибермеханизмы этого гигантского сооружения втягивают земной корабль внутрь, разбирают его и едва не губят экипаж, лишив его кислорода и припасов. Землянам удается найти в недрах Деймоса чужой корабль, принадлежащий строителям Деймоса. После многочисленных злключения и напряженной работы землянам удается выяснить, что Деймос является покинутым звездолетом, что первый спутник Марса — Фобос — является конечной станцией нового вида транспорта («тоннельный эффект») и что чужой корабль мог бы добросить землян до родной планеты, если они смогут разобраться в его кибернетике. Экипажу удается разгадать секрет запуска корабля, и они стартуют к Земле.

Таков в общих чертах сюжет «Особой необходимости». Сюжет не очень оригинальный, поскольку те или иные его элементы уже использовались как в нашей, так и в зарубежной научной фантастике. Но ценность литературного произведения определяется не оригинальностью сюжета, а, во-первых, способностью автора вложить в сюжет свои оригинальные идеи и, во-вторых, высоким уровнем литературно-художественного мастерства.

Можно смело сказать, что Михайлову удалось создать вполне оригинальное по замыслу и вполне удовлетворительное по исполнению произведение. Умные, знающие и сильные люди, связанные узами дружбы, носители передовых гуманистических идей,

попав в совершенно невероятную и чуждую человеку обстановку, где каждый неверный шаг грозит гибелью, всегда способны разобраться в обстановке, подчинить ее себе и поставить ее себе на службу — такова идея «Особой необходимости».

Автору удалось найти сюжетные узлы и придумать ситуации (а это очень и очень трудно), позволяющие с достаточной убедительностью воплотить эту идею в образах. Поступки, логика, ход мыслей героев вполне правдоподобны и вытекают (за немногими исключениями) не из произвольных авторских построений, а из характеров героев. Удались образы действующих лиц — особенно Сенцова, Калве и Азарова. Раин и Коробов не так отчетливы, но и они хорошо играют предназначенные им роли.

Автор написал несколько отличных, впечатляющих сцен: автоматы разрушают ракету; появление заблудившихся космонавтов, которых принимают за марсиан; работа и рассуждения Калве на центральном пульте; последняя сцена на борту чужой ракеты. Сцены эти узловые, направляющие действие, и именно ими определен успех повести в целом. С другой стороны, автор располагает достаточной научно-технической эрудицией и сильным воображением. Наконец, и это очень важно, хорош, легок и самостоятелен язык повести, выгодно отличающий ее от многих других произведений этого жанра. Одним словом, повесть безусловно удалась, и она будет отличным подарком советскому читателю.

Но перед сдачей рукописи в производство следовало бы предложить автору сделать ряд поправок и доработок. Они не отнимут много времени, потребуется при интенсивной работе не больше недели, а рукопись, на наш взгляд, очень выиграет.

1. В рукописи есть несколько мест, где автор теряет чувство «реальности» происходящего и перестает считаться с естественной психологической реакцией героев на обстановку, подменяя эту реакцию рассуждениями о сути происходящего. Другими словами, в этих случаях автор превращает героев из живых людей в рупоры собственных деклараций. Вот эти места:

а) Очень слабо выглядит первый ответственный этап сюжета. До выхода в тень Марса остается час-полтора. Позади несколько месяцев смертельно надоевшего полета без происшествий. Наступает волнующий момент, когда герои вступают в область неизведанного, поглотившую бесследно беспилотные ракеты. А как ведут себя герои? Автор явно больше всего озабочен тем, чтобы поскорее сообщить читателю, кто, зачем и куда летит. На героев ему наплевать. Они размышляют так, чтобы автору было удобнее всего информировать читателя. И вот результат: несколько страниц вялой серой гладкописи. Кстати, обратить внимание на спор, возникший на стр. 3. Видимо, Азаров ругается на эту тему не первый год. Но диалог построен так, словно мысль о превосходстве живого пилота над кибернетикой только сейчас пришла ему в голову. И раз уж зашла речь об Азарове: я бы решительно протестовал против темы антагонизма между профессиями, проводником которой является Азаров. Во-первых, Азаров как пилот не может быть таким кретином, чтобы отвергать кибернетику, а, во-вторых, вообще пренебрежение к другой профессии есть первый признак интеллектуального хамства. Калве может не нравиться Азарову по сотне других, лучше всего — личных причин.

б) Неизвестная сила притягивает корабль к Деймосу, и все сейчас же ощутили мощное поле тяготения. Какова должна быть при этом нормальная реакция нормального человека? Деймос по современным представлениям — это крошечный осколок скалы, гравитация его исчезающе мала. Следовательно, наличие поля тяготения в 1/5 земного, т. е. более мощного, чем на Луне, должно поразить, оглушить, безмерно удивить всех. Заставить высказать самые невероятные предположения. Наконец, вселить ужас. Пилоты же по воле автора спокойно обмениваются незначительными и довольно глупыми репликами. Вот Сенцов и Раин выходят из ракеты и обнаруживают, что Деймос — конструкция искусственная. И вот после короткой вспышки удивления (и даже упреков по поводу того, что астрономы доказывали обратное) опять Сенцова интересуют больше всего перерывы связи с ракетой, а Раин с беспримерной наивностью мечтает поставить

здесь телескоп. Нелогично, странно такое поведение. Так могут относиться к изумительному открытию только деятели и мещане. Я уже не говорю о том, как велико должно было быть удивление и преклонение перед строителями Деймоса, существами, умеющими создавать искусственное поле гравитации! И кстати, о гравитации: раз уж она искусственная, то не проще ли было бы сделать ее равной примерно земной, тогда не нужно будет никаких специальных ссылок на нее при описании деятельности героев в недрах Деймоса.

в) На стр. 82 автор тоже явно увлекается новыми идеями и торопливо вставляет их в зубы героям, нимало не заботясь о том, чтобы герои были психологически подготовлены к таким разговорам.

Больше замечаний такого характера по повести нет.

2. Есть замечание по одному эпизоду, введенному в повесть явно искусственно. Речь идет о происшествии с Азаровым в радиоактивном помещении. Этот эпизод, грубо говоря, играет роль «толкача» для сюжета (создать острую угрозу, чтобы герои быстрее шевелили мозгами и охотнее шли на риск). В этом проявляется, я бы сказал, некое недоверие автора к своим героям. Но мало того. Эпизод этот несостоятелен даже с технической точки зрения. Излучение распространяется прямолинейно и затоплять ярус за ярусом не может. Даже если оно создает наведенную радиацию, достаточно было бы закрыть двери в коридор и не посещать помещения, расположенные по движению пучка радиации. Этот эпизод надо либо беспощадно выбросить (лучший выход), либо приспособить для других целей.

3. Есть замечания менее значительные, большинство из них отмечено на полях рукописи. Остальные приводятся ниже.

стр. 3. Вряд ли на корабле могут быть астрономические средства более мощные, нежели на внеземных обсерваториях того времени. Кстати, термин «звездолет» в применении к межпланетному кораблю не годится.

стр. 5. О гипотетических причинах исчезновения беспилотных ракет лучше либо не говорить вообще, либо говорить только о метеоритах. При всех других обстоятельствах ракеты могли бы продолжать посылать радиосигналы.

стр. 8. Насчет смены поколений. Речь идет, вероятно, о межзвездных перелетах. Здесь говорить об этом не стоит.

стр. 20, 21, 77. Неумные банальные выражения: «администрация не жалеет затрат», «культурно развлекаться», «кончай ты, ради бога».

Вот и все мои замечания. Исправить их, повторяю, не составит большого труда, и тогда повесть следует опубликовывать как можно скорее, ибо в нашей научной фантастике произведений на удовлетворительном уровне, к сожалению, очень мало.

Аркадий Стругацкий. Рецензия [на повесть Эндю Сюсаку «Море и яд»]

В душных жарких окрестностях большого города в Японии поселился мелкий служащий. Он болен туберкулезом и должен регулярно делать пневмоторакс. Так он встречается с врачом по имени Сугуро. Это странно молчаливый человек, его знания и профессиональное искусство свидетельствуют, что он не всегда был провинциальным врачом, да и имя его кажется больному знакомым. Проходит месяц, другой, и больной совершенно случайно узнает, что Сугуро — участник группы врачей, осужденных вскоре после войны за бесчеловечные эксперименты над американскими военнопленными.

Странная история практиканта одного из тубдиспансеров Сугуро и его коллег составляет содержание повести известного японского писателя Эндю Сюсаку «Море и яд». Повесть читается с неослабевающим интересом. Путь к моральному падению человека в условиях неограниченной власти военной бюрократии, тщетные его попытки уйти с этого

пути, атмосфера безнадежности и равнодушия, царящая в японской больнице военных лет, обрисованы автором с необычайной силой. Герои повести — сам Сугуро, его циничный и несчастный товарищ Эдо, глупая мещаночка медсестра, отвратительные фигуры старшего персонала диспансера — даны резко, выпукло и лаконично.

Очень интересна повесть и в чисто литературном отношении. Страшные события в стенах лечебного учреждения поданы как бы в свете трех прожекторов — с точки зрения трех героев повести, совершенно различных по мировоззрению, по отношению к происходящему, по жизненному опыту. Такое построение позволило автору добиться огромной силы воздействия на читателя. Хорош и силен язык повести.

В повести нет свойственных современному японскому роману ненужных натуралистических подробностей. Каждый штрих, каждый эпизод в полную силу работает на главную задачу: разоблачение ужаса и гнусности военно-фашистской диктатуры.

Не приходится сомневаться, что повесть «Море и яд» будет встречена с большим интересом нашей читательской общественностью.

Аркадий Стругацкий **[Рецензия на повесть] Сёно Дзюндзо «Плавучий маяк»**

(Токио, 1961 г.)

Сёно Дзюндзо принадлежит к той группе послевоенных писателей Японии, которая с каждым годом все решительнее порывает с традиционной для японской литературы оторванностью от новой западной школы и все более и более сближается в манере и приемах с крупнейшими мастерами западной литературы — Хемингуэем, Стейнбеком, Колдуэллом и др.

Повесть «Плавучий маяк» не является сюжетным произведением. Усталый сорокалетний человек, работник радио, регулярно ездит отдохнуть на морское побережье, в небольшую рыбацкую деревушку. Перед его глазами проходит быт «исодо», знаменитых во всем мире ныряльщиц, ловцов губок. Исключительное своеобразие их жизни и обычаев, удивительные рассказы старух о кораблекрушениях на скалах в старину, когда еще не было на рифах плавучего маяка, предостерегающего мореходов нового времени, захватывают героя повести и причудливо переплетаются в его сознании с его собственными злоключениями. Он легкомысленно пустился в биржевые спекуляции, растратил деньги своего брата, брат отвернулся от него. Тяжкое сознание вины не оставляет героя повести, и только в приморской деревне, среди странных и добрых людей оставляют его заботы, мечты о том, как выплатить тяготеющий над ним долг. Но и здесь, среди «исодо» он обнаруживает те же эгоистические страсти, с которыми он столкнулся в «деловом мире». С каким удовольствием рассказывают постаревшие «исодо» о том, как они растаскивали имущество с потерпевших крушение судов! Теперь, когда у рифов стоит маяк, они с грустью вспоминают о прежних временах. «Может, без маяка и лучше», — робко говорит одна из них.

Язык повести чист и ясен, он богат диалектизмами и специфическим жаргоном «исодо», но это не мешает восприятию смысла и настроения, напротив, придает повествованию какой-то любопытный свежий колорит. Обилие деталей, увиденных героем повести в быту и работе «исодо», странные и страшные подробности рассказов семидесятилетних старух о давно забытых кораблекрушениях составляют, несомненно, главную ценность повествования. А прием сопоставления — рассказ о печальной судьбе горе-дельца вплотную переплетается с картинами жизни рыбаков — является если не новым, то во всяком случае очень удачным литературным приемом, позволяющим предполагать в авторе большой такт и художественный вкус.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Анатолий Днепров

Это небольшого роста человек с крепким сухим лицом, в громадных очках, делающих его глаза странно и неправдоподобно большими. Он упрям, резок в суждениях и обладает редкой способностью четко формулировать свои мысли и говорить всегда именно то, что он намерен сказать. Он ученый, физик по призванию и образованию. Но сейчас он писатель, и кажется иногда, а может быть, это так и есть, что стал он писателем-фантастом именно потому, что он ученый — ученый нашего времени. Потому что он хочет внушить как можно большему числу людей свою безграничную уверенность в гигантских возможностях науки. Его кредо четко, и совершенно ясно основная задача, которую он ставит в своих произведениях. Он плоть от плоти человек своего интересного и противоречивого времени.

— Науке доступно все, — говорит он. — Можно ли смоделировать человеческий мозг? Да, можно. Можно ли построить искусственного человека? Безусловно. Принципиальная возможность этого доказывается уже сейчас. А раз существует принципиальная возможность, значит это будет сделано рано или поздно.

Его не смущают испуганно-возмущенные вопли эмоциональных недоучек. Он отлично сознает, что мораль есть производная времени. Когда при нем разглагольствуют о невозможности искусственно воспроизвести всякого рода душевные движения и эмоции, слезы восторга и трепет любви, он только досадливо морщится, а под конец свирепеет. Сто раз ему приходилось, приходится и придется еще доказывать, что если мир материален, то все в нем объяснимо и, следовательно, воспроизводимо.

Он много и сильно пишет о фантастических возможностях науки, и фантастичность его рассказов — это фантастичность самой современной науки. Он старается раскрыть блестящие и неожиданные перспективы, которые открывает перед человечеством мощь естествознания, скрытая в многоэтажных формулах и сложнейшей терминологии. Но он отчетливо видит всю социальную противоречивость науки сегодняшнего дня, способной как облагодетельствовать человечество, так и уничтожить его беспощадно и навсегда.

Тексты подготовлены: Ю. Флейшман

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1962

Борис — брату, 2 января 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вот и 62-й наступил. Что-то будет?!

Телеграмму ты, наверное, уже получил. Почему я предпочитаю сберкнижку? Да потому, что заверять доверенность у нотариуса мне просто некогда. Они закрываются, по-моему, в 6, а я в это время еще сижу в метро. Ладно, теряли раньше, потеряем сейчас — невелики деньги. Заодно о долге. 600 руб. я тебе отдам в руки, когда ты приедешь в феврале (если достаточно подкинут из Детгиза). Остальное, наверное, потом. Хорошо? Ведь тебе не к спеху?

О дате приезда и о сроке (на который приезжаешь) сообщи за неделю. Буду выканючивать соответствующий отпуск.

То, что ты убоишься «2017», я предвидел. Жаль, конечно, но что делать! Боюсь только, что хитрые умом писатели опередят нас с этой идеей — это будет обидно.

Написать пьесу — бред. У нас наверняка ничего не получится. Да и зачем? Какова идея, сюжет? Я, конечно, готов попробовать, но совершенно не представляю, о чем писать.

Что касается научно-фантастического детектива, то я всегда за. Напрасно ты не изложил сразу же и идеи. Напиши немедленно. Я буду думать и набрасывать, а то вот мы съезжаем с совершенно пустыми руками. Я теперь не знаю, о чем думать и что готовить. Напиши что-нибудь конкретное, если есть.

Такие вот, стало быть, мои пожелания.

А еще в «Неве» организуют заседание писателей на тему «Как писать о человеке будущего». Пригласили меня, просят поделиться. Ужо пойду поделюсь.

Да! Насчет предисловия к «В». Предисловие, конечно, было бы неплохо. Неужели это так сложно? Неужели Андреев не написал бы его быстренько? Авторская аннотация это, конечно, можно, да только это не то. Впрочем, делай как хочешь — тебе виднее. Но если ты меня спросишь, то я за предисловие, тем более что кланяться Андрееву, по-моему, не надо — он и сам будет рад (судя по твоим же словам). А что до задержки — то месяц-другой, по-моему, роли не играют, но зато уж все будет солидно. Впрочем, делай, повторяю, как считаешь нужным. Кстати, напиши, как там насчет подзаголовка «Благоустроенная планета» — надо бы!

Ну ладненько! Целую щетину. Твой [подпись].

P. S. Пиши почаще. Регулярнее!

И скорее бы февраль! Делом заняться! До чего все тут надоело.

Аркадий — матери, 4 января 1962, М. — Л.

Форма доверенности простая:

Доверенность

Доверяю моему брату, Стругацкому Аркадию Натановичу, получить в Детгизе причитающийся мне гонорар по одобрению за повесть «Генеральный инспектор».

Подпись.

Подпись Стругацкого Бориса Натановича заверяю
имярек, печать.

Да, и перед этим — «В бухгалтерию Детгиза
от Стругацкого Бориса Натановича,
проживающего там-то и там-то,
паспорт сер<ия> №».

Если он опять решительно откажется, пусть тогда ему перешлют по почте, пес с ним.

В остальном дела наши идут хорошо, как надо идут. Напиши, как провела праздники, что теперь делаешь, как чувствуешь себя.

Январь пройдет быстро, а там и февраль, и я приеду. Очень по тебе соскучился.

Крепко целую, любимая мамулька,
твой любящий и недостойный сын
Арк.

Аркадий — брату, 5 января 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

1. Доверенность вышли немедленно. Форму я послал маме. Заверить надо не у нотариуса, а в домоуправлении или лучше у вас в отделе кадров. Так что твои отговорки насчет времени — пф-фф. В деньгах я сейчас не нуждаюсь, так что если ты сидишь на бобах — а у меня есть все основания считать, что ты таки сидишь, — я тебе эти деньги привезу сам. Незачем отдавать дяде 140 ряб (старыми).

2. На мой взгляд, предисловие вождей — муть. Но здесь уж ничего не поделаешь. Андреев уже пишет — правда, не предисловие, а коротенькое введение. Завтра он должен принести.

3. О заседании в «Неве» знаю, получил приглашение и даже командировку. Но не приеду. Есть причины. А ты иди обязательно. Задай им перцу, этим лакировщикам. Говори от имени нас обоих.

4. О пиесе и о «2017» еще поговорим. Излагаю соображения по развеселому детективу.

СЮЖЕТ (скелетный): Много-много лет назад на планету Н системы звезды М залетели какие-то шибко культурные супермены, для каких-то надобностей построили всякие действующие установки, побыли десяток лет и улетели, оставив часть установок за ненужностью. На аборигенов планеты — первобытных людей — супермены 0 внимания, не считая, видимо, себя вправе вмешиваться и развивать или им просто некогда было. По уходе суперменов аборигены, разбежавшиеся было в страхе по окрестным лесам, с любопытством обследовали оставленные чудеса и стали даже дергать рычаги. Стали получаться всякие эффекты, какие можно ожидать от машин суперменов. Постепенно выделилась каста жрецов, которые пугали простой народ, убивали и угнетали, владели этими установками. Эти жрецы возомнили себя всемогущими — от богов, мол, самих такой дар получен.

Прошло несколько тысячелетий, и вот на планету Н прибывают земляне. Это просто любопытствующая экскурсия — дело происходит веке в 40-м, когда махнуть на неоткрытые планеты для развлечения ничего не стоит. В составе экспедиции шесть юношей и девушек и два молодых жителя Сириуса среднего пола. Это, значит, в знак того, что земляне давно уже подружились с инопланетниками. Экспедиция разбредается посмотреть и собрать коллекции. Аборигены, натурально, в панике: не второе ли это пришествие. Жрецы понимают, что надо драться, и начинают бой. Техника у них в руках необычная: машины, управляющие случайными процессами, гипноизлучатели, всевозможные изгибатели пространства и пр. Но, во-первых, пользоваться ею они могут только вслепую, а во-вторых, у землян тоже есть техника, специально предназначенная для обороны от всяких внешних вредов. Описание поимевшего место мордобоя и составляет сюжетную идею повести. Причем сделать надо так, чтобы до начала последней

четверти книги читатель не догадывался бы, что вредит землянам. Чтобы показывать только внешние проявления и не показывать механизма за кулисами.

СЮЖЕТ (литературный): Высаживаются. Сначала все хорошо. Признаков цивилизации нет. Разбредаются. Внезапная атака на корабль — землетрясение или ч<то>-л<ибо> в этом роде. Кто-то пропал. Идут на поиски. Странности. Поиски. Трупы аборигенов, распятые или на колу: жрецы подавили очередное восстание. Второй пропал. Поиски. Тревога. И т. д. Можно закрутить смачно, но нужно продумать эту линию. Все на детективе, подгонка теории под факты.

ИДЕЯ (социальная): мощное оружие, сверхтехника в руках у дикарей, которые оной пользоваться не умеют. Неандерталец с огнеметом.

ИДЕЯ (антропологическая): против тезиса о вырождении человечества в будущем. Наши коммунарии, попав в такую обстановку, дерутся как львы. Даже как слоны.

ИДЕЯ (главная): Видишь ли, Боб, лучшие вещи научной фантастики всегда имели дело с обычными людьми в необычных обстоятельствах. Люди были исследователями или жертвами этих обстоятельств. Они всегда вели себя так, как ведет перед необычным себя средний человек. (Я говорю о лучших вещах.) Друг друга эти люди примерно знают, в лучшем случае раскрываются скрытые до того под внешностью черты характера: я думал, он пижон и трус, а он, оказывается, хоть и пижон, но смельчак. А вот мне хотелось бы показать людей, которые при всей их «нашести» необычайны, как жители иных миров. Которые сами являются самыми интересными объектами исследования друг для друга. Мысль такова, что люди коммунизма стали в глубине души невероятно отличаться друг от друга. То есть у них есть эта самая единственная и неповторимая, как дактилоскопический отпечаток, глубина души. При первом знакомстве между собой они друг для друга совершенно одинаковы — одинаково хороши. Но по мере познания друг друга они раскрывают друг в друге целые незнакомые вселенные. Для них в этом основа счастливых брачных и дружеских союзов. Они неисчерпаемы друг для друга. И вот в нашей вещи этот феерический, невероятный фон поисков, погонь, неожиданностей, неправдоподобия должен противостоять (поелику это возможно) неослабевающему даже в самых критических обстоятельствах интересу людей друг к другу. Не знаю, ясно ли я выразился. Конечно, для этого следует их сделать необычайно умными, странно эмоциональными, с совершенно разной реакцией на неожиданное. Самыми обычными в повести должны быть жители Сириуса. Какой простор для смысловых диалогов! Будем писать их так: напишем обычный диалог, а затем каждую вторую пару строчек выбросим. Может быть, получится разговор понимания с полуслова.

Вот каковы идеи. Для издательских дурачков идея будет: как плохо, когда мощная техника попадает в злые и некомпетентные руки. А для нас — о!

Подумай над моим предложением. Может получится интересно. Я уже вижу одну загадку: земляне (где-то в середине книги) натыкаются на брошенную жрецами повозку суперменов и никак не могут понять, что это такое (не могут понять — это просто привычный термин, их реакция должна быть выражена по-другому). Супермены были исполинами и не антропоидами, соответственно и вид и устройство повозки. То-то читатель удивится!

Итак, думай и, следовательно, существуй.

5. Подзаголовок удалось пробить: «Полдень, XXII век».

6. Пиши врезку для Киева. Завтра посылаю туда главы.

7. Чешское издание СБТ отнюдь не сокращено.

Привет маме и Адке <Стругацкой>.

Твой Арк.

Борис — брату, 5 января 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вот доверенность. Знай я, что нотариус не необходим — доверенность была бы у тебя еще неделю назад. Деньги эти мне не привози, оставь их в счет долга. Буду считать, что должен тебе на 500 р. меньше.

Очень жду тебя, чтобы творить. Сейчас работаю плотно. Каждый вечер читаю по-англицки, а также пишу 4 тыс<ячи> знаков — для развития техники. Не знаю, куда эти знаки сгодятся, но думаю — не пропадет наш труд.

Читал давеча прелюбопытную книгу 1898 г. издания. «Верить или не верить?» (Экскурсия в область таинственных явлений). В книге собран очень богатый материал по телепатии, телефании, левитации, спиритизму, магнетизму и пр<очему>. Автор — материалист по убеждениям, и хотя в книге масса наивной чепухи, много там и очень интересных фактов, будящих воображение. Кое-какие записи по этому поводу сделал — приедешь, обсудим.

Жду твоих конкретных идей, чтобы думать над ними.

Крепко жму руку, твой [подпись].

P. S. Привет Ленке <Воскресенской>.

Приедешь — захвати новый вариант «Стажеров» — перечитать в общем виде.

Борис — брату, 8 января 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Страсть люблю здоровенные письма. Есть в них что-то от здоровенных баб с такой вот задницей. Пока одолеешь — аж взопреешь от удовольствия.

Ну-с, что можно сказать об этом, сами понимаете, детективе? Неплохо. Совсем недурно. М-н-да-с! Есть, знаете ли, экспрессия и воздух, есть где развернуться. Это хорошо. Но есть также и некоторые, сами понимаете, но. Ну, так сказать. Дело вот в чем. А стоит ли нам брать 40 век? А? Черт знает, что за люди тогда будут. Ни по матери тебе, ни насчет клубнички. Ну их, право. Человек того времени должен быть меньше похож на нас, чем мы на питекантропа, ей-богу. Посуди сам. Мало того что движущая сила их общества будет совершенно идеалистическая — борьба за полное и равное потребление духовных благ. Мало того что они будут совсем по-другому работать и отдыхать. Мало того что их будут волновать вещи и явления, которые для нас — тьфу и растер. Ведь они вырастут на базе научного воспитания, и этой базе в то время будет уже 2 тыс<ячи> лет. А сейчас ей — минус сто лет. Я хочу сказать — эти люди не представимы. Не представимы с нашей точки зрения гораздо в большей степени, чем с точки зрения Архимеда — планиметр — прибор для автоматического измерения любых площадей, ограниченных произвольными кривыми. Ведь Архимед все-таки кое-что знал о кривых и площадях и, наверное, смутно чувствовал, что есть какая-то закономерность между, скажем, длиной кривой и площадью, ею ограниченной. А мы ведь о человеке ничегошеньки не знаем. Знаем только то, что он по природе добр. Вот и все. И конструировать на этом факте пра-пра-...правнука все равно, что конструировать планиметр, зная только то, что если круг вписан в квадрат, то его площадь меньше. Давай-ка мы возьмем кого поближе. Скажем, компанию сына Горбовского и их друзей — супружескую пару с Леониды. Середина 22-го века. Люди как люди. С заскоками, конечно: любители поработать, покритиковать, поисследовать друг друга (как ты предлагаешь) — но и повздорить хороши, и позлорадствовать, и позавидовать не прочь, ежели что. Ведь что надо? Какая задача стоит сейчас перед советской литературой? Образ положительного героя!! А где ж его еще искать, как не в будущем? Но, с другой стороны, — в будущем, с нашей точки зрения, все положительные. И чем дальше в глубь веков, тем

положительнее — в пределе до полной паховой грыжи (а равно и пупковой). А чем положительнее, тем чужее, непохожее, искусственнее. А что надо? Чтобы юный читатель видел перед глазами достижимый и желанный идеал. Чтобы он мог подражать при желании. А как он может подражать смутному потомку, маячащему где-то в совершенно недостижимом далеке? Нужен свой в доску, сочный, плечистый герой (вот с таким вот х...!). Вот мое первое соображение. Предлагается середина 22 века. Д-космолеты. Космолетов много, а летчиков мало. Огромные массы исследователей переместились в совершенно иные области познания, космос потерял новизну и прелесть. Академия Жизни собирает статистические данные о жизни на других мирах. Нужны добровольцы. Вот и подбирается наша компания. Трое парней, девушка и двое леонидян (никто не может понять, который из них мужчина, который женщина). Леонидяне — друзья одного из парней, попросились, отказать было неудобно, но никто так и не понимает, зачем они летят (я тоже не понимаю, но надо придумать причину, раскрывающуюся в конце, — какую-нибудь смешную, нечеловеческую). Сначала я хотел, чтобы Д-космолет был прокатным — как сейчас автомобили, — а поездка чисто прогулочная, но потом решил, что это слишком: прогулочка на год. Хотя можно сделать, что это прогулочка на месяц — у нас же Д-космолет! Нормальный двухмесячный отпуск. Герой А летит для поправки здоровья, расстроенного изучением метафизических явлений. Герой Б летит в отпуск — развеяться и поразвлекаться. Героиня летит потому, что никогда не летала. А герой В летит потому, что влюблен в героиню и боится ее отпустить в обществе сочных приятелей с такими вот чувствами. Зачем летят леонидяне, повторяю, неясно. Никто этого не объясняет. А, Б, В, Г — стариннейшие друзья и очень любят друг друга. Решили развлечься и взяли в прокате Д-космолет второго класса — радиус действия — 20 пс, десятиместный, экспедиционного типа без фотобота. Такую машину для полета с пассажирами могут взять два человека, имеющие квалификацию бортинженеров и штурманов и стаж не менее пяти парсек самостоятельного полета. Внешнюю интригу можно оставить твою, только брать не питекантропов, а средневековых японцев — тогда основная идея сохранится вполне, а ты сможешь развернуться со страшной силой.

Внутренняя интрига может строиться на загадочных действиях леонидян, а также на любовных штучках-дрючках В и Г. Герой А — главный герой — с любопытством следит за сложными перипетиями отношений и думает: «Ничего на свете нет интереснее человека. Всякая машина, всякое явление природы имеет свою логику, которую можно найти, и сразу станет скучно. А человек — абсолютно нелогичен. С ним не соскучишься».

На планете ребята нюхнут революции и средневековщины. Почуют, каково было предкам. Жаль только, что это сильно пахнет Алешей Толстым. Ну, над сюжетом еще подумаем.

В общем я за. Пишем зубодробительную повесть — кровавый бифштекс с сочными героями.

Обжимаю руки-ноги, твой бодрый и fit¹ [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Хотел расписать тебе про левитацию, одическое излучение и телепластику, но опупел. Либо потом напишу, либо — до встречи.

Да! Пришли введение Андреева, будь добр. Я тут тоже завел мощные архивы и хочу иметь.

Адка ноет, чтобы передал привет. Передаю.

Аркадий — брату, 11 января 1962, М. — Л.

Здравствуй, Бобкинс.

Что бишь я... Да. Так я очень рад. Насколько правильно я тебя понял — не знаю, но кажется мне, что идея (приключенческая) тебе понравилась. Оч-чень хорошо. А что до

¹ Здесь: в хорошей форме (англ.).

середины 22-го — пжалста! С нашим удовольствием. Навалом. Всю дорогу. Это даже неплохо — вроде безобразно разбухшей новеллы из «Возвращения». Преемственность. И средневековые японцы, и леонидяне — тоже... э-э... неплохо. Но вот состав (людовой) экспедиции я бы очень хотел пересмотреть. Мне очень нужно, чтобы кто-нибудь длинно и нежно любил (сексуально) главного героя. И чтобы он об этом почти не догадывался. И еще мне ужасно нужно все-таки, чтобы это были странные люди. Ну, это-то ты, по-моему, понял и согласен.

Насчет сходства с А. Толстым. Этого уж, братец, не надо. Этого надо убежать. Ты уж, пожалуй, что-нибудь придумай. Можно сделать так: герои отбирают у жрецов эти суперфантастические цапки и торжественно говорят: «Вот. Больше не балуйтесь. Развивайтесь естественным путем». А? Или население планеты наших выгоняет вон. Не желает колхозов и бесклассового общества. И вообще идея еще и такова: побольше нелепостей нашего времени в быт этого поганого народца. Это алогично и все время сбивает наших героев с толку. Например, газетные передовицы. Или коммунальные квартиры. Или пьяные шоферы. Что-нибудь в этом роде.

Ну, об этом еще при встрече. А теперь остальное. Ты, верно, уже побывал в «Неве». Я подозреваю даже, что ты сейчас сидишь и пишешь мне отчет об этом собрании. Как ты наплевал в бороду Казанцеву или разбил очки Брандису. Намек понял? Тогда садись и пиши незамедлительно.

Прислать введение Андреева нет мочи. Нет введения. И даже Андреева нет. Он только обещает. И не нам одним, но и в многочисленные другие издательства и редакции.

Читал «Технику-молодежи» 12? А) Статья о фантастике за 61 г. Б) Объявление о международном конкурсе НФ. Примем участие? Накатать 15 страниц — не диво. А вот сюжетец бы... Ну, это тоже терпит.

Хотел еще что-то написать, да забыл.

Жму ногу. Поцелуй Адку, маму.

Твой АНС

Борис — брату, 12 января 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Новости у меня не очень хорошие. Моего начальника вдруг послали в Румынию. Уедет он числа 20-го и придет 20 февраля. Поэтому нам надо выбирать: 1) либо ты приезжаешь, как и намечалось, в начале февраля, но тогда наша работа будет омрачена моими частыми отъездами на станцию, где я останусь за начальника, 2) либо мы ждем и встречаемся только в конце февраля, но зато уж со вкусом и обстоятельно. Твое мнение по этому поводу нужно переслать мне в исторически короткие сроки, чтобы я успел провести соответствующие переговоры до отъезда начальства. Убедительно молю поспешить с письмом.

Далее. Был я на совещании. Очень там жалели, что тебя нет. Была масса народу — все ленинградские фантасты + Казанцев и Немцов. Совещание прошло под знаком активной грызни между старыми и молодыми. Но верх, по-моему, остался за старыми (судя по заключительному слову Дмитревского). А в общем все это словоблудие, хотя и интересно было посидеть. Я тоже выступил, потом кое-кто подходил и говорил, что хорошо. Нас пару раз лягнули за грубость и «прошлость» героев, но не сильно — походя.

Познакомился с некоторыми хорошими ребятами из «Звезды». Один очень дельно выступал, требовал, чтобы фантасты писали о социальных конфликтах и о воспитании человека. Я спросил, возьмет ли он в «Звезду» повесть с таким содержанием (он — ответственный секретарь). Он сказал «несите», но, конечно, ничего не обещал. Другой парень — переводчик Лема. По этому поводу важный вопрос: переводили ли у вас в Москве «Солярис», если да, то кто, когда и куда пойдет перевод. Обязательно напиши, я обещал этому парню узнать, он будет мне звонить на днях.

Завтра иду слушать нового фантаста — С. Варшавского. Говорят, хорошо пишет. Посмотрим.

А пока жму руку, твой [подпись].

P. S. Не забудь ответить побыстрее:

1). Когда приедешь?

2). Кто переводил Лема «Солярис».

Аркадий — брату, 14 января 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Отвечаю по пунктам.

1. Поскольку ты получить отпуск сможешь не раньше чем с двадцатого, я приеду в Л<енингра>д не первого, а примерно седьмого. А затем потребую дополнительную неделю отпуска за свой счет. Или приеду десятого. В общем, идея та, что я хоть покейфую малость и понежусь и погуляю по городу. А то с тобой это не выходит. И еще съезжу к тебе в Пулково и зайду в Детгиз и «Неву». Исходи в своих переговорах из этого.

2. «Солярис» в Москве переведен несколькими переводчиками. Наиболее известный — Ковалевский, ты видел отрывок из его перевода в «З-С» 12. Насколько мне известно, нет в Москве издательства, которое решилось бы на опубликование этой вещи. Твой брат, соавтор и покорный слуга уже полгода бьется, пытаюсь протолкнуть хоть куда-нибудь гораздо более безобидную вещь — «Эдем» в переводе (и неплохом) Абызова.

Вот так.

Дела наши ничегё. В «З-С» 2 или 3 будет опубликована глава «Злоумышленники». В «Искателе» 2 (апрель) будут опубликованы главы «Смерть-планетчики» и «Нищие духом». Кстати, как отлично получилось — подчеркнута мысль, о которой мы и не подумали: Юрковский стар и хорош только там, где сохранилось старье.

Андреев написал короткое введение к «В». Сплошная халтура. Присылать даже не буду. Срам. Вика <Мальт> ругается и будет переделывать.

В последнее время читал в опубликованном и неопубликованном виде несколько вещей молодых авторов, явно принадлежащих к школе Стругацких.

Получил через Дом детской книги необычайно трогательное письмо от некоего Игоря Илларионовича Максименко, учителя физики и математики в д<еревне> Пинчуга на Ангаре, куда сообщение только на самолетах. Ему 27, в прошлом году окончил в Ростове педагогический; область интересов — естественная радиоактивность и тепловой баланс. Считает нас лучшими, вплоть до исследования хронологии наших вещей, влюблен в Быкова из «Амальтеи» и в Валентина Петрова.

Вот как. Хочу послать ему «Урал» и хорошее теплое письмо.

Вот и все. Жму руку, целую, твой Арк.

Поцелуй маму и Адку. Привет от всех наших.

Аркадий — брату, 30 января 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Телеграмму твою, как пример исключительного нахальства, я (опять же в виде исключения) подошью в скоросшиватель с твоими письмами. Она будет там покоиться после твоего последнего письма — от 12 января. Ответив на твое это письмо, я терпеливо ждал твоего следующего, но так и не дождался. Правда, мама намекнула в своем письме, что ты что-то такое таскаешь в кармане вот уже неделю, и я загорелся было надеждой, но прошла еще неделя, и вот я получил твою телеграмму. Ну, и на том спасибо.

Новостей особенных никаких. Пришла сверка «Возвращения» — это последняя редакционная ступенька. Теперь на цензуру и в печать. Из «Знания та праця» пришло

письмо — сообщают, что будут нас печатать, но просят разрешения сократить с 52-х стр. до 40-ка. Я разрешил. Послал ли ты им врезку? Пришло в Детгиз румынское издание «Страны». Дрянное издание, прямо скажем. Иначе они, по-видимому, не могут. У них все массовые издания такие.

Вот и все. Жду с нетерпением письма, которое ты затаскал в кармане.

Твой Арк.

Приеду, видимо, между десятым и пятнадцатым.

Борис — брату, 2 февраля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ну, брат, кто-то обнаглел! Либо ты, либо я, либо почта. Был грех, задержал я одно письмо, но выслал его <не> позже, чем 12 января! Там в одном конверте было два письма — с описанием, в частности, совещания фантастов и обсуждения нового фантаста Варшавского. Неужели ты не получил?

Ну ладно. Я рад, что ты жив и здоров, и все у тебя в порядке. Какие, значит, дела?

1). Сообщи наконец точно, когда ты приедешь. Я должен распланировать свое время.

2). Сообщи наконец, получил ты деньги по моей доверенности или нет.

3). Пришли наконец вводное слово Андреева к «В». В любом виде, хоть черновик.

4). Врезку в «Знания» послал давным-давно.

5). Снова пришло письмо от т<оварища> Тыча из Праги. Просит прислать хотя бы книжку сразу по напечатанию оной. Я пока не ответил, но думаю пообещать. А?

6). Брандис предложил устроить заседание семинара, посвященное нашим особам (когда ты приедешь). Я дал уклончиво-отрицательный ответ. Что ты скажешь?

7). Почему ничего не пишешь о судьбе «Стаж<еров>»? Пиши немедленно.

Крепко целую, очень жду, твой [подпись].

P. S. Привет всем.

Аркадий — брату, 4 февраля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Ладно, свалим все на почту и забудем.

Итак, вместо ожидаемой информации я получил новую серию вопросов. Отвечаю по порядку:

1. Приеду я между 10 и 15, ближе к 15 февраля 1962 г.

2. Деньги по твоей доверенности получил и положил на свою сберкнижку. А что?

3. Вводное слово Андреева не пришлю. Привезу тебе всю верстку «В».

4. С «Знания та праця» все ясно.

5. Т. Тычу из Праги можно обещать что угодно. Обещай, что по напечатании вышлешь.

6. Я решительно против каких-либо семинаров, посвященных нашим особам. Дай твердо-отрицательный ответ.

7. О судьбе «Стажеров». Неделю назад Бела Григорьевна <Клюева> пригласила меня, и мы прошлись по всем редакционным замечаниям. Замечания показались мне дельными — кстати, их было очень немного и только по двум главам: «Нищие духом» и «Смерть-планетчики». Кое-что убавили, кое-что добавили. Насколько я знаю, после этого Б. Г. перепечатала испорченные страницы и передала рукопись в главную редакцию. Затем рукопись пойдет в производство, т. е. сначала в корректорскую, затем в набор. Как ее взять оттуда (из типографии) и привезти к тебе — ума не приложу. Может, перебежешь? Ей-ей, напакостил я немного.

Теперь о внепрограммном. Альманах с нашим «Должен жить» сдается в среду в производство.

Меня очень интересует содержание твоих «утраченных» писем. Будь добр, немедленно продублируй их и вышли со всею поспешностью. Напиши также, с кем из ленинградских фантастов ты познакомился. Не встречал ли ты там Шалимова. Если да, то какое у тебя о нем впечатление.

Вот все.

Целую тебя, mein Bruder, в небритую бороду.

Целуй маму и Адку.

Твой Арк.

Борис — брату, 7 февраля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Опять ты не сообщаем точно, когда приедешь. Ну да бог с тобой! Тебя интересует информация о нашем Писдоме и писделах. Ну что тут писать, ей-богу! Повторяться до того неохота, что просто ужас! Напишу-ка я тебе лучше о фантастах. Вот с кем я познакомился:

1). Мартынов Г. С. Ты его знаешь. Он все такой же глухой и добрый. На совещании лягнул нас, заявив, что есть два полюса — холодные и статуеподобные герои Ефремова и примитивные, грубые герои бр<атьев> Струг<ацких> («даже не из настоящего, а из прошлого»). Потом подходил и извинялся и спрашивал, не обидел ли нас. Но в общем человек приятный.

2). Макрушин. Его ты, по-моему, тоже знаешь. Я забыл его имя-отчество и теперь, встречаясь, страдаю от неловкости. Ничего не читал из его произведений, и вообще он весь какой-то серый и тихий. Несчастливого вида человек.

3). Есть еще молодые фантасты, которые не печатаются и печататься, вероятно, не будут. Во всяком случае, я бы их печатать не стал.

4). Гор Г. С. Написал скучнейшую повесть «Докучливый собеседник» и теперь все считают его гигантом НФ. Странный человек. <...>

5). Появился тут еще один — новый. Варшавский Илья Иосифович — старый инженер, пенсионер, который вдруг ударился в фантастику. Принес в редакцию 25 рассказов, и его объявили чуть ли не новым Уэллсом. Я прочел у него рассказов 10. Это человек несомненно способный, умный и многознающий. Рассказы его написаны грамотно, вполне профессионально, но, к сожалению, все до единого «списаны». То сюжет Хайнлайна, то стиль Стругацких, то идея Днепров. Ни одного самостоятельного рассказа. Но из всех, кто тут у нас есть, — это единственный способный по-настоящему человек.

6). С Шалимовым меня знакомили, но я его как-то не запомнил. Вещей его я не читал, хотя слышал, что он неплох.

Вот и все писатели, что у нас есть. Но есть еще хорошие молодые ребята из «Звезды». Они мне очень понравились. Стоят целиком на наших позициях и требуют социальной НФ. Я им обещал, что когда мы напишем что-нибудь социальное, мы им принесем.

Послезавтра в Писдоме интересный доклад доцента и филолога Зайцева: «Космические реминисценции в искусстве древних». Что-то будет говорить насчет Пришельцев. Пойду послушать, а заодно и откажусь от семинара о Стругацких. Совершенно это нам ни к чему. Там нет почти ни одного симпатичного человека — скучнейшие толстые дядьки и теткы, глупые, ограниченные, старые.

Ну вот и пока. Жду тебя с нетерпением, соскучился.

Жму всякие органы, твой [подпись].

P. S. Ох, как-то там «Стажеры». Не зажали бы их!

Аркадий — брату, 23 марта 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Прости, что столько времени не писал. Собственно, дело и не в недостатке времени, а просто выжидал. Коротко, дела обстоят так:

1. «Возвращение» — по новому постановлению о порядке опубликования научно-фантастических и научно-художественных произведений отправлено цензурой в Главатом и вернется в Издательство в понедельник или во вторник, после чего выйдет в ближайший месяц.

2. «Возл<юби> ближнего» уже отпечатал в 3-х экз<емплярах>. Требуют сразу в «Искатель» и в «З-С», а также редакция Жемайтиса («Мол<одая> гв<ардия>») для отдельной книги. Пока вовне никто не читал, но Ленка и теща читали не отрываясь и с большим удовольствием.

3. «Стажеры» пошли в производство, скоро будет первая верстка.

4. На днях вышлю тебе:

а) «Моби Дик»,

б) «СБТ» в румынском издании,

в) Главку «Дорожный знак» (то, что мы с тобой сначала написали. Ленке тоже страсть понравилось).

5. «ВБ» будет издаваться в «Мол<одой> гв<ардии>». Сказано, что можно и отдельной книгой, но хорошо бы добавить 2–3 рассказика.

6. Андреев собирает для «Мол<одой> гв<ардии>» ежегодный сборник науч<ной> фантаст<ики>. Умудрился сунуть туда «Люди, люди...» и «Свечи перед...». Я, разумеется, все это вычеркнул. Но как быть? Отпустить сборник без нас?

7. Много думаю о предстоящей работе. Пока представление сугубо смутноватое. Но авось... А как у тебя?

Вот и вся информационная часть.

Засим обнимаю крепко и целую, твой Арк.

Привет маме и Адке.

P. S. Читал, как нас в «Литературке»? Мне звонят завистники и сварливо спрашивают, кому и сколько я там даю взятки за то, чтобы нам устраивали рекламу.

Борис — брату, 28 марта 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Представление о дальнейшей работе у меня тоже довольно смутное. Прочитав твое письмо, пришел, однако, к выводу, что сейчас нам необходимо написать четыре рассказа — все н<аучно>-ф<антастические>. Один рассказ должен пойти в сборник, три — вместе с «ВД». Дело в сюжетах. Какие у нас сюжеты есть?

1). Рассказ о Звездолетчике из другого мира, исполняющем желания.

2). Рассказ о выборе между сверхъестественным и варварским.

Ей-богу, это совсем неплохие сюжеты, и годом раньше мы бы с удовольствием за них взялись бы. Можно еще написать рассказ о человеке 37-го года в будущем. А четвертый сюжет придумай ты. По-моему, эти рассказы — наша ближайшая задача, и надо писать их быстро и порознь. Мы давно не писали рассказов и обленились, а зря.

С «ВД» происходит забавная вещь. Мне пришло в голову, что эту вещь нельзя оценить с первого раза. Надо читать ее дважды, только тогда можно оценить всю систему полунамеков и всю нашу работу по созданию ситуации исподволь. Пока «ВД» здесь читали только Адка (которой во второй раз очень понравилось!) и Сашка Копылов, который обалдел и был ошарашен. Кстати, фразу «По ложному...» нужно выбросить — она здесь совершенно ни к чему. Хорошо бы написать отдельный рассказик о

преобразовании Саулы или о Сауле преобразованной. И надо подумать над автобиографией Саула — биография ли? Нельзя ли что-нибудь поестественней?

Заметка в «Литературке» мне слегка польстила, но вызвала глухое раздражение — ну что за идиоты там сидят, я был лучшего мнения о «Литгазете».

Рассказывают, на днях была радиопередача о заседании фантастов в «Неве» (помнишь?). Я, к сожалению, не слышал, но другие говорят, что я выступал неплохо (лучше прочих), хотя и находился там в оппозиции.

Сейчас я занялся вплотную шоферскими делами. Поступил в шоферскую школу, учусь по вечерам, хочу получить профессиональные права. Думаю — пригодится. Кончу эти дела, вероятно, к началу мая.

Ну, ладно. Жду твоей посылки. Кстати, посмотри, не увез ли ты моих *memoirs*¹ — я их не могу найти.

Жму руку, всем привет [подпись].

P. S. А не переведешь ли ты на меня все-таки «З-С»? На Ленинград.

Аркадий — брату, 1 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

С «ВД» действительно происходит что-то странное. Читали уже несколько человек — в т. ч. Коротеев в «Искателе» и Варшавский в «З-С». Оба они, по-видимому, увидели в повести разное, и не то, что сказали мы. Говорил я пока только с Коротеевым, а Варшавский звонил по телефону, сказал, что это очень здорово и огромный шаг вперед, но — памфлет! А Коротеев узрел в «ВД» черт знает сколько символики, о которой мы с тобой понятия не имели. Например, тебе приходило в голову, что Великий и Могучий Утес является не-гуманоидом, диктатором, одним из хозяев машин, предводителем расы, поработившей Саулу? А отсюда множество всевозможных следствий: и гипотеза о невозможности свергнуть фашистский режим без помощи извне, и преступность активного добра и всякое еще. В общем, одно только радует: вещь явно получилась. Примечательно, что ты в письме предлагаешь написать рассказ о будущем освобожденной Саулы. А Коротеев предложил рассматривать «ВД» как первую часть повести и написать вторую повесть-продолжение, об освобождении Саулы. А?

Румынскую «СБТ» я послал. Рассказ тоже. Подтверди получение. *Memories*² у меня, действительно. Кстати, слушай, не мог ли бы ты выслать поскорее верстку «В»? Дело в том, что в Изд<ательст>ве больше нет, а Олег Соколов защищает диплом по новой советской фантастике, где в центре — мы. Ему очень нужна эта верстка. С «Моби Диком» придется пока подождать. Его мне обещали, но обещание пока не выполнили.

Что касается рассказов, то давай писать. Напишем по рассказу до 1 мая. Я, с твоего согласия, возьму какую-нибудь тему, из тобой не перечисленных. А ты бери любую. Договорились? Вот так. Жму ногу. Да, немедленно отдай «ВД» почитать Дмитревскому и Брандису. Интересно, что скажут там.

Целую, привет маме и Адке.

Ты знаешь, что Адкин портрет есть в «Работнице»? Или в «Сов<етской> женщине», не помню.

Твой Арк.

¹ Здесь: заметки (франц.).

² Здесь: заметки (англ.).

Борис — брату, 4 апреля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Я тут приболел. Блаженствую дома. Получил от тебя и румынскую книгу и «ДЗ». И письмо, конечно. Письмо твое смутно и вызывает вопрос: «Так как же конкретно с ВД?» Отзывы отзывами, а кто берет? Я тут ВД перечел — неплохо получилось. Но эту повесть явно надо читать дважды, иначе весь цимес пропадет. Но выдать ее замуж будет нелегко. Нашим я тут дам ее со временем, но рассчитывать на поддержку Брандиса не приходится, а Дмитревский... что ж, Дмитревский всего лишь один из. Не от него все зависит.

Рассказы писать надо. Не знаю, сумею ли я сделать что-либо к первому мая, но к первому июня уж постараюсь. Вся проблема в том — что писать?

Верстку «В» я тебе перешлю, но ты уж позаботься ее возвратить срочно, потому что я уже обещал ее Сашке <Копылову> и будет неловко обманывать.

Я тут сейчас занят ужасно. Работа, курсы по электронным машинам, курсы шоферов... Не чаю дожить до мая. Курсы шоферов вынимают много соков: надо за месяц зазубрить то, на что нормально положено 6 месяцев. А скука все это — редкостная! Но надо. Пригодится.

Новостей нет. В «Известиях» вырезал любопытную заметку о «тасманском чуде» — ты, наверное, слышал. Мне это нравится — готовый сюжет. В журнальчике «Новости зарубежной военной электроники» есть любопытная статья о разрабатываемых сейчас в США способах борьбы с баллистическими ракетами — сплошная фантастика: тепловые лучи (лазеры), искусственные шаровые молнии, лучи СВЧ... Ну и времена!

Ну, пока. Пиши новости. Целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Не забудь об обещанном «З-С».

Аркадий — брату, 8 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Пока утешить тебя ничем не могу.

«Возвращение» все еще томится в застенках Главатома.

«ВД» нигде не привилось. Из «Искателя» я его забрал, из «З-С» заберу завтра или в среду. Все мне надоело, устал я от них, пусть лежит, ничего больше предпринимать не буду. «Мол<одая> гвардия» отдала «ВД» на рецензию Андрееву. Пока ничего не слышно.

Прочитал «Докучливый собеседник». Не очень понравилось. Полно тем, что Исаак Кассель называет «ложной многозначительностью». А вот лагинский «Майор Вэлл Эндью» в № 1 «Знамени» мне очень понравился. Отличная выдумка. Как ни говори, а памфлетист Лагин превосходный. Ужо напишу ему поздравительное письмо.

Сегодня сбрил усы — разрослись они до того, что куска в рот не положишь, а в парикмахерскую сходить некогда. Пришла верстка «Стажеров». Сегодня заканчиваю работу и пошлю обратно. Если удастся, достану экземпляр верстки и для тебя.

Верстку «В» получил, спасибо.

Сегодня собираюсь начать писать рассказ. Идейка хреновенькая, а впрочем, посмотрим.

Вот все. Жму руку, твой всегда Арк.

Аркадий — матери, 8 апреля 1962, М. — Л.

Дорогая мамочка!

Получил твое письмо.

Раскритиковала ты нас здорово. Однако, при всем моем к тебе уважении, должен сказать, что не везде и не во всем справедливо. Понимаешь, если исходить из задачи

«звать молодежь» или «направлять молодежь», то не только эта — ни одна из наших работ ни к черту не годится. Задача же у нас другая совсем. Мы хотим заставить молодежь шевелить мозгами, понимаешь? Заставить ее задуматься над иными проблемами, кроме «где схватить девочку» и «у кого перехватить пятерку до полочки на выпивку». Нам представляется, что эта задача не менее — а может быть, и более — благородная, чем «звательная» и «направительная». Звали нас и направляли всю жизнь, а толку не видно, потому что мыслят люди слишком прямолинейно: либо вперед, либо назад. Вперед — там сияющие дали, однако же вполне конкретные колдобины на дорогах, а назад — стыдно, конечно, но выпить можно и с девками побаловаться. Мы должны заставить людей думать глубже, мыслить шире, воспитывать отвращение к грязи и невежеству, особенно к невежеству.

Ну, ладно, во всяком случае, было очень хорошо читать твое письмо. Интересно и поучительно. Оно навело меня на многие мысли. Пиши такие больше — и поконкретней.

У нас все здоровы, все кланяются тебе и целуют.

Буду ждать следующего твоего письма,
твой любящий недостойный Арк.

Аркадий — брату, 12 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой дружище!

Посылаю тебе с мамой письмо и «Моби Дика». Полагаю, что книга эта тебе понравится.

Новостей никаких. «В» все еще томится в гнусных застенках цензуры, верстку «С» мне, увы, не дали. Говорят, вышел уже сигнал «Искателя» с нашими отрывками.

Все намереваюсь приблизиться к этой самой окаянной машинке с новым рассказом, и все время не хватает мужества. Сегодня еду в «З-С» забирать «ВД» у Варшавского. Они там узрели в нашей повести несчастной памфлет на советские концлагеря. Говорят, удивительно точно подмечена бессмысленность, обреченность и невозможность бороться.

Не знаю, удастся ли нам повесть эту сунуть куда-либо, а поработать над ней еще разок уже хочется. Ты как хошь, а я буду. Задача — разработать философию и мировоззрение того времени.

На днях приходил в Детгиз Андреев. «ВД» была у него на официальной рецензии от «Мол<одой> гв<ардии>». Он никаких криминалов не нашел, но объявил, что нам не удалось провести с достаточной выразительностью идею разности взглядов у Саула и ребят, а также что ребята плохо отличаются друг от друга. Скоро получу экз<емпляр> рецензии и тогда пришлю тебе. Да, еще Андреев говорил, что ему удалось добиться в ЦК Комсомола разрешения на создание при «Мол<одой> гв<ардии>» творческой группы фантастов. Цели я не знаю, но охотно согласился участвовать. Скорее всего, цель — создание «активной среды».

Вот и все.

Жму руку, целую, твой Арк.

Борис — брату, 12 апреля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твое неутешительное письмо. Ну и хрен с ними. Не хотят — не надо. Я тут звонил Брандису, обещал ему принести «ВД». Это, конечно, безнадюга, но пусть почитает. А может, и возьмет кто-нибудь — Дмитревский там или в «Звезде». Посмотрим.

В Доме Ученых выступал некто канд<идат> физ<ико>-мат<ематических> наук Кан. Я сам не пошел — послал Адку. Этот Кан делал доклад о состоянии современной НФ за рубежом (на Западе). Адка говорит, было интересно. Он ругательски ругал наши

определенные круги, не пропускающие западной НФ. Доказывал, что НФ — это литература рассказа, а не повести-романа. Хвалил нас и Днепров. Выражал надежду, что Днепров не будет писать романов. Вообще из наших фантастов говорил только о Ефремове, о нас и Днепрове. Очень ругал «социолога», поместившего статью в «Вопросах философии» за № 3. А я в это время сидел за рулем. Эти занятия машиной вгонят меня в гроб. Все эти шпильки, муфты, гайки коронные и шаровые, штуцеры, вилки, клапаны, тяги, кронштейны — блевать охота. Но — деньги заплачены. Надо. Пригодится. Все-таки профессия. Надеюсь покончить со всем этим к середине мая. Тогда займусь рассказами. А сейчас думаю о них урывками.

Лагина не читал. Зато в «Новом мире» читал начало повести Бондарева «Тишина». Очень понравилось. Пишут же люди бытовые романы!

Ну пока все. Жму руку, жду новостей, твой [подпись].

P. S. И долго эти суки будут мариновать «В»?

А верстка «С» — это было бы смачно. Очень хочется почитать. Много там исковеркали?

Борис — брату, 18 апреля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил с мамой твое письмо и подарок. Подарок отличный — спасибо. Письмо печальное, но мама сказала, что ситуация переменялась. Правда, она все позабыла, так что ты напиши сам в подробностях, как дела с «ВД».

В обсерваторию прислал письмо известный тебе т<оварищ> Амадуни. Просит прочесть отрывок из его новой повести. Письмо и отрывок передали, естественно, мне. Я тебя поздравляю, если этот капитан понесет рукопись тебе. Жуткая бредятина, разбавленная грошовой философией о свойствах Пространства и Времени. Ты мне напиши, пожалуйста, имя-отчество этого гражданина Вселенной, а то мне ответ писать, а я не помню, хотя и знакомился с ним на семинаре.

Чтение бредовых сочинений русского Колумба навело меня, однако, на два сюжета.

1. Полухохмаческий рассказ о расшифровке тангутского научно-фантастического романа. Содержание романа — содержание рассказа. Надо провести идею о том, что фантаст не в силах оторваться от родной почвы, склонен к идеализации человека — в общем этакий памфлет на нашу нынешнюю фантастику. Представить, что о будущем пишет этакий тангутский Амадуни или Сапарин. Показать не то, что пророчества фантастов сбываются (как у Росоховатского, кажется), а то, что они сбываются совсем не так и все шиворот-навыворот, а главное — люди меняются гораздо медленнее.

2. Бытовой рассказ о современном фантасте, который расписывает красоты будущего, а сам ссорится, бедняга, со сварливыми соседями, ходит в подвал за дровами и наблюдает пьяные драки. О силе веры и о его друзьях-фантастах, которые пишут только потому, что это модно и денежно и нетрудно.

Вот так. Писать мне сейчас некогда. Сдаю экзамены. Один сдал, осталось еще два — самые трудные. Ну, жду известий. Твой [подпись].

P<ost> T<extum>. Никак не могу уяснить себе, как насчет подписки на З–С.

Аркадий — брату, 19 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Мама, вероятно, уже сказала тебе, что «ВД» берут в «З–С». Причем обнаружилось вот что:

1) Надо менять название. «Возлюби дальнего», как выяснилось, это высказывание Заратустры у Ницше.

2) Надо сократить — исключительно по технич<еским> соображениям — на 15 стр.

3) Просят сменить имя Саул на любое другое — почему — долго здесь писать.

4) Вставить в биографию Саула сидение в немецком концлагере, так, одним намеком.

Вот такие дела. Да, между прочим, все забываю тебе сказать: «бластер» я заменил на «скорчер» — дело в том, что бластер — слишком обычно в английской фантастике. Не надо таких ассоциаций.

Вот пока все.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 23 апреля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ты мне по пунктам, и я тебе по пунктам.

1). Куда идет «ВД»? В «З-С», или «МолГв», или и туда, и сюда? Если в «З-С», то в какие номера?

2). Так ли уж тяжело дело с названием? Нельзя ли убедить этих эрудированных идиотов в том, что а) никому, кроме эрудированных идиотов, не придет в голову Ницше, б) мало ли что говорил Ницше, важно то, какой смысл МЫ вкладываем в эту фразу (а смысл наш однозначен). С коих это пор хорошие слова, сказанные плохим человеком, перестают быть хорошими, особенно если в них вкладывается совершенно противоположный смысл?

3). Пусть сокращают, что хотят. Почему только именно на 15 стр., а не на 25, скажем?

4). Саула можно переименовать в Гора (ГриГОРий). Или что-нибудь вроде. Легкий пинок в сторону некоторых фантастов, выдумывающих имена для будущих людей по принципу «полаконичней и помногозначительней». Григорий поначитался таких романов и решил, что Гор для будущих более понятно, чем Григорий.

5). Немецкий концлагерь — хоть до пупковой грыжи.

6). Насчет «скорчера» — не хорошо. Может быть, какое-нибудь грозное, но бессмысленное сочетание? Трастер какой-нибудь. В общем, скорчер мне не нравится. От слова «скорчить» — это не хорошо. Попробуй взять японский или китайский корень. Подальше от английского.

7). Как у тебя с рассказом? Хоть бы идею написал. Что за манера — скрывать. Нечестно. Я тебе все идеи пишу.

А больше событий не было. С удовольствием читаю «Моби Дик». Здорово люди писали в старину. Длинно и обстоятельно.

Читал в «Неве» про заседание? Здорово закруглили и сократили. Местами до нелепости.

Рецензию Андреева ты мне так и не прислал. Странно.

Целую, твой [подпись].

P. S. Был тут давеча банкет в Пулкове. Во надрались!

Аркадий — брату, 25 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Ты мне по пунктам, и я тебе по таковым.

1) «ВД» идет в «З-С», проектируется в №№ 7–8–9 с продолжением. В «М<олодой> гв<ардии>» тоже идет, само собой, сборником в 1963. Надо подбросить еще 2–3 рассказика.

2) С названием дело ясное. Если бы мне, редактору, сказали, что авторы имеют хорошее намерение, но пользуются формулировками (вполне безобидными в отрыве от контекста) из «Mein Kampf», я бы не пропустил. Дешевле придумать новое. Напр<имер>:

«Плоскость восприятий».

3) Именно 15–20 стр. сокращают потому, что не помещается в 3 номера, а больше 3-х номеров под нашу вещь не дают.

4) Саула я уже переименовал в Якова, а Саулу — в Джакобу.

5) «Скорчер» — ничего. Всем нравится. Возражение не принципиальное.

6) Рассказ — в черновике — пришлю в конце той недели. Маю к 10-му верни в исправленном виде.

События:

1) Пришла верстка альманаха, где «Должен жить».

2) Из Главатома молчат. Возможна эвакуация главы о телепатах.

3) Был сигнал «Искателя». Днями пришлю экзы.

Все.

Крепко целую, твой Арк.

Борис — брату, 5 мая 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Письмо это задержалось, ибо: 1) ты ухитрился прислать свою отписку как раз вечером 29-го, и она, естественно, пролежала в гостинице до 3-го (все праздники), 2) а 4-го у меня был экзамен, и мне было не до того. Ну, теперь все кончилось. Я стал шофером-профессионалом и теперь берусь за наши дела вплотную. Кстати, инспектор ГАИ, который принимал у меня практическое вождение автомобиля, оказался нашим читателем, и мне поэтому было легко и приятно.

Итак, относительно «ВД». Название «Плоскость восприятия» мне совершенно не нравится (так же, как и скорчер). Предлагаю еще подумать. Не спеши, ради бога. Мне хочется что-нибудь связанное с «желающими странного»: «За тех, кто желает странного», «Во имя желавших странного»... Не знаю. Но только не «ПВ». Твои рассуждения относительно слов, несчастливо использованных нехорошими людьми, кажутся мне непривычно нелепыми, но, видно, раз уж ты редактор, то ничто редакторское тебе не чуждо.

Не нравится мне и Яков с Джакобой. Во-первых, переход от Якова к Джакобе пахнет тридцатыми годами (Якова, видите ли, некрасиво — то ли дело иностранно звучащая Джакоба) — это было бы простительно только в том случае, если бы Яков назвался Джакобом, но тогда — во-вторых — не проводится пинок в сторону Пур Генов, Акри Хинов и Аска Ридов. А пинок был бы желателен. По-моему, это достаточно тонко было бы и изячно. Например: Виктор —> Тор или Туар и т. д. И чем это, интересно, Иаков лучше Саула, провались они все пропадом!

Вот название: «Именем желавших странного»! И сделать, чтобы все герои желали странного. Саул уже желает странного (с нашей точки зрения), надо придумать то же и для ребят. Пока я не придумал. А это здорово бы их оживило. Идея ясна?

Я тут пробовал писать рассказ про Звездолетчика, помнишь? Пока не вышло. Посмотрим.

Получил экз<емпляр> «Знания та праця» и гонорар — очень маленький.

Эвакуация телепатов приводит меня в неистовство. Всех окружающих — тоже. Представляю, как будет гулять редактор по «ВД».

Между прочим, в той верстке «В», которую ты мне прислал, не хватает листа с «Крестьянами». Это как прикажешь понимать?

Читал из-з-з-зумительную книгу «Следы невиданных зверей». Аж сердце захватывало от смачности.

Читал «Философию страха и отчаяния» — об экзистенциализме. Ну и мать! Такое впечатление, что все они — экзистенциалисты — умалишенные.

С нетерпением жду посылок.

Сейчас оторвался от письма — бегал пробовать автомобиль ЗИЛ–157, который пойдет с экспедицией в Африку. Ну и чудовище! Жуткий зеленый гроб, ревущий и шипящий, как динозавр. Эх, поехать бы на нем по джунглям! Увы.

Крепко жму конечности, твой [подпись].

P. S. Кстати, при следующем твоём приезде вырву у тебя клочок волос и выну след, чтобы колдовать тебе дурные сны за «Знание — сила», который ты у меня психологически увел. Уф!

Аркадий — брату, 7 мая 1962, М. — Л.

Здравствуй, брат.

Получил твое письмо. Очень рад, что ты стал шофером. Рад, что ГАИ читает наши вещи. Паки рад, что ты теперь можешь заняться нашими делами вплотную.

Твои ламентации по поводу заголовка, имени, скорчера и прочего меня раздражили до последней степени. Но, подумавши, я понял, что виноват сам. Я должен был держать тебя в курсе всех дел, а главное — всех неприятностей, чтобы в голову тебе лезло что-нибудь более существенное.

Так вот — неприятность № 1.

Группа цензоров предложила Детгизу воздержаться от издания «Возвращения». Главбух Детгиза уже робко приближался к Вике Мальт в рассуждении — с кого и как содрать расходы по производству. Если ты собираешься раздражаться тирадами, сбереги дыхание. Цензоры тебя не слышат.

Думаю, если бы ты узнал эту новость тогда же, когда и я — в 20-х апреля — ты бы не стал затевать принципиальных разговоров по поводу слов, несчастливо использованных нехорошими людьми. А может быть, и стал бы.

Я хочу сказать вот что. Я устал. Мне надоело выслушивать мнения тысячи дураков и копаться в них, пытаюсь найти равнодействующую. Мне обрыдло бегать по редакциям, клянчить гранки в страхе, что редактор натворил там всякого, устраивать рукописи и прочее. Теперь ты свободен, ты этим и займись.

Сегодня, 7-го мая, я оповещу всех наших издателей о том, что удаляюсь от дел, и дам твой адрес. Будешь вести все издательские дела сам. Сам будешь драться за названия. Сам будешь искать имена. Сам будешь читать или не читать гранки и верстки. Этим письмом предоставляю тебе все полномочия.

Я надеюсь, что твоя аргументация (она на меня действует, как красное на быка) пробьет сердца редакторов насквозь. Хотелось бы. Очень хотелось бы.

Да, не очень-то надейся, что редактора будут обращаться к тебе. Придется устроиться так, чтобы ты обращался к ним. Я имею в виду период, когда рукопись уже в производстве. Беспокойся о гранках, это мое тебе завещание.

Как ты сам понимаешь, мне было не совсем до рассказа.

Кстати, звонил Казанцев, выпытывал, будем ли мы участвовать в конкурсе «ТМ». Я сказал, что нет.

По поводу «Возлюби» — лучше, если ты начнешь атаковать Варшавского сейчас же. По поводу названия и прочего.

Жму руку, желаю удачи.

Арк.

Аркадий — брату, 8 мая 1962, М. — Л.

Дорогой брат.

Посылаю тебе то, что смог родить за последние полмесяца. Не так уж густо, как видишь, только начало, вернее, едва половина. Почитай, посмотри. Если никуда не годится — выброси без сожалений. Если годится — закончи. Закончив — пришли.

Чтобы создалось подобие читательского впечатления, дальнейший план рассказа помещаю после текста. А также то, что мне хотелось в этом рассказе рассказать.

[Далее следует начало рассказа «Окно». См. раздел «Из архива».]

Вот так. Дальше, я думаю, тебе все понятно. Ноль-транспортировка удалась, Тойво, смущенного и раздосадованного, через несколько часов доставляют домой из Японии.

Монолог Тойво, исполненный горечи — ведь новый мир, куда он так хотел попасть, на что собрал все душевные силы, оказался всего-навсего соседней комнатой на той же планете.

Несколько слов о ноль-транспортировке. Знают, что она уже давно удается, только не знают — где. Точка старта примерно постоянная — район домика Колиных родителей. А точка финиша совершенно блуждает. То в Сахаре, то на Амазонке, а раз в глубине океана — тогда под страшным давлением в тайгу ворвался столб вонючей глубоководной воды.

Что хотелось сказать?

1. В плане бытовом — дать ломтик жизни «нормального рабочего».
2. В плане психологическом — отношение ребят друг к другу, внимательное и нежное, вроде отношений между друзьями-лицеистами или как у Толстого в «Детстве». Доверие старшего к младшему и обратно.
3. В плане философском — есть три метода прогресса:
 - а) Грубое открывательство нового в природе.
 - б) Переделка природы, создание вещей более значительных, чем дает природа.
 - в) Исследование и совершенствование самого совершенного, что создано природой и обществом: человеческой природы.

Вот и хотелось бы показать мир в разгаре второго этапа и на пороге третьего.

Хорошо бы в психологическом плане показать разочарование Тойво — искателя приключений. Он даже немного ретроград — думает, что теперь конец романтике поиска. Все дали оказываются нарисованными на бумаге. Прорвешь бумагу и окажешься в соседней кладовой.

Не знаю, понятно ли я изъясняюсь.

А сюжет подзакрыть бы так, чтобы с самого начала была тайна.

Все это посмотри, обмозгуй, не понравится — сложи в архивы. Понравится — работай. Или пришли свои соображения.

Вообще наступило время работать на расстоянии. Теперь только не надо лениться ходить на почту. Чем чаще мы будем посылать друг другу вещи на доработку, тем лучше.

Кстати, сейчас только звонила Клюева из «Мол<одой> гв<ардии>», спрашивала, что нам запланировать на 63 год. Я попросил поставить сборник и обещал обсудить с тобой это дело: какие вещи сможем дать. Сборник из трех небольших повестей был бы хорош, как ты полагаешь?

«Возлюби» и еще парочку, которую обсудим. И хотя бы этот вот рассказ, если удастся. Вообще, что бы ни делали, как бы неудачно нам ни казалось, надо все равно посылать друг другу. Дает, знаешь ли, толчок фантазии.

Ну вот и все.

Жму руку, целую, твой Арк.

П. С. На обороте страниц, чтобы ты не задавался вопросами, Бердник «Пути Титанов».

Борис — брату, 9 мая 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получив твое ужасное письмо, я хотел было сначала звонить, но потом решил, что лучше написать. Что и говорить, неприятность страшная. С цензурой шутки плохи. Не знаю, что тут можно сделать, но готов на все. Если нужно, я приеду в любой момент. Телеграфируй.

Что касается твоей отставки, то я ее не принимаю. И ты ее не принимаешь. Ты должен понять, что это означает катастрофу для нашей работы. И понятно, почему.

1). Чтобы вникнуть во все тонкости, нужно время. У нас его нет. А мне понадобится много времени.

2). Чтобы вести это дело, нужно много знакомств. У тебя они есть. У меня их нет. И нет возможности их заводить.

3). Чтобы вести это дело, мне пришлось бы переписываться. Я знаю, как в учреждениях относятся к письмам. Ты тоже это знаешь. На них не обращают внимания.

Дорогой Арк, надо держаться. Ведь, по сути дела, это только первый настоящий удар по нам. Неужели ты не выдержишь. Неужели мы не выдержим. Может быть, придется пожертвовать «Возвращением». Я готов к этому. Пусть. Правда, это финансовая катастрофа, но вытерпеть можно. Если можно пожертвовать только частью книги — надо жертвовать. И не обращай внимания на мое нытье по поводу уступок редакторам! Ведь должен же я кому-нибудь ныть. Ведь нельзя же в таких условиях не ныть. Даже ты ноешь иногда, а ведь ты принципиальный противник нытья! Словом, надо держаться. Если цензура навалится — соглашайся на все. Не могу представить, что заставляет запрещать всю книгу. Я понял бы, если бы заставили выкинуть телепатов или какие-нибудь импульсные боты, но — всю! Ведь книга почти вся уже вышла! Ведь в печати не было только: «крестьян», «телепатов» и... все? Может быть, обратиться за помощью к Андрееву — он же был такой сторонник! Он же так орал и расхваливал. Тоже в кусты, что ли?

Словом, я жду твоих приказаний. И думать не моги отчаиваться, а паче — уходить в отставку. Переживем! И если считаешь нужным, вызывай меня в Москву немедленно.

Жму руку, твой [подпись].

P. S. В конце концов, элементарные правила принципа «Ко» не позволили бы мне занять Ваше место, сэр.

Ни хера! Выдержим, я полагаю. Беда есть беда, но ведь и мы не ж...ы!

P. P. S. А не попросить ли помощи в ЦК ВЛКСМ?

Борис — брату, 10 мая 1962, Л. — М.

Арк, дорогой!

Большое спасибо за рецензию. Соображения нашего дорогого Кирилла <Андреева> показались мне на сей раз более значительными, чем когда бы то ни было. Вот мои соображения по важнейшим из них:

1. Придется, по-видимому, четко и недвусмысленно пояснить, что Саул прибыл на Планету уже давно, пообтерся, попривык и Саула — его последнее задание. Придется пояснить, что именно этих мальчиков он выбрал совершенно случайно, что Саулу он выбрал почти совершенно случайно и никакой логики здесь ждать не след. Важный вопрос — о цели командировки Саула. Может быть, он бежит в будущее из гестапо, где разругался либо со следователем, либо с отчаявшимся заключенным. Тогда можно сделать эпилог: Саула отливают водой, следователь подымает его за полосатую блузу и гыгыкает: «Ну как, побывал в коммунизме?» И тут Саул раздражается тирадой. Да, побывал, ходил среди них и жил с ними и т. д. — полное разъяснение. «Отправьте-ка его снова в коммунизм», — говорит следователь, и здоровенный детина, согнув Саула пополам,

принимается колотить его по почкам. И все. И конец. Что-нибудь в этом роде, а? И соответственное настроение Саула, который знает, куда ему придется возвращаться, в течение всей повести.

2. Относительно «чрезмерного сходства» между Вадимом и Антоном. Трудное это дело. Вот мы с Адочкой обсудили. Можно попробовать сыграть на разном представлении ребят будущей работы на Сауле. Экспансивный Вадим: вот будет весело, всем колхозом поедем, двадцать тысяч новых знакомств, ногу Могучего Утеса подвесим между небом и землей, постреляем всласть, наберем местных добровольцев из молодых. И т. д. И суховатый, логичный Антон: будет необычайно трудно, космофлот сейчас в разгоне, чрезвычайно мудрые товарищи в Совете, нужна армия не просто добровольцев, а педагогов, историков, врачей, а где их взять так много сразу и с чего начинать и, главное, стоит ли вообще начинать — Вадиму эта мысль в голову, конечно, не приходит, а что решит Совет. В таком вот роде. Второе возможное различие: Вадим очень доволен своим поведением на Сауле, Антон наоборот. Все это можно попытаться показать в последней главе. Еще хорошо было бы где-нибудь вставить вопрос Саула: что вы думаете о допросе, очень мерзкое зрелище? И пусть мальчики ответят. Ответ человека романтического и ответ человека логического.

3. Относительно «концепция авторов не вполне ясна» я не понял, что хочет в этом абзаце сказать Андреев, но с концепцией дела, конечно, плохи, нет у нас концепции и не надо.

4. Мелкая доработка. Описать развитие механозародышей.

5. Как нужно понимать «двусмысленное толкование роли комиссии по контактам»? Если понял, объясни мне. И вот еще что. Чтобы не было недоразумений, в речи Саула о железном ходе истории следует подчеркнуть, что трудность заключается в том, что необходимо изменить ход истории на целой планете — не какой-нибудь народик перешагивает из феодализма в коммунизм, даже не нация, а планета, где на каждом гектаре понатыкано по Утесу. Это нужно с полной определенностью подчеркнуть.

Вот все эти переделки, по-моему, нужны. Пункт 5 и в какой-то степени, может быть, пункт 1 хорошо бы учесть уже в журнальном варианте — пусть даже без особой бережности, а все остальное тщательно доработаем вместе при подготовке для издательства. Встретимся денька на два, на три и подготовим.

Теперь о рассказе. Что ж, сырье вполне годное. Будем делать.

Если хочешь, я буду его кончать, а ты займись «ВД». У меня есть такие соображения. Мальчиков нужно сделать братьями — двенадцать и шесть лет. Принцип «Ко» и все такое. О родителях писать поменьше. Сделать три части. Первая: мальчики в тайге, признаки нуль-транспортировки, окно, прыжок в окно. Вторая: Тойво в ином мире, совершенно незнакомая обстановка, совершенно чужие люди, Тойво в восторге, штабеля тайн и загадок, начинает вести дневник научных наблюдений, и тут из-под пальм вылезает автофургон с надписью на трех языках «молоко». Ужасное разочарование. Третья: отец объясняет ребятам, что произошло, в детских терминах. Тойво абсолютно на это наплевать. Показать, что великое в глазах ученых очень часто есть малое в глазах рядового. Ему подавай ящеров и шестиглазых людей.

Вот как я себе его представляю. А теперь посоветуй мне, за что братья, за «Окно» или за мой рассказ. Между прочим, у меня там была задумана тоже нуль-транспортировка и даже в названии было слово «окно» (хотел назвать «Три девицы под окном»). Но это несущественно. Может, сделаем так: я набросаю свой рассказ вчерне и перешлю его тебе. Ты пока будешь возиться с «ВД», а потом ты возьмешься за мой рассказ, а я за твой, а? Немедленно отпиши свое решение.

В заключение отмечу, что тайну ты сумел закрутить нетривиально и с большим вкусом и гвоздики хорошие есть.

Что касается сборника на 63-й год, то три повести — это, я думаю, утопия. Реально — «ВД» и 2–3 рассказа по листу каждый, ну, может быть, 4 рассказа, так и скажи Клюевой. Это будет сборник вроде «ПНА». По-моему, это было бы ничего.

Жду ответа как соловей лета. Жму, целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Большое спасибо за «ЗС» и «Искатель». «ГИ» получился вполне прилично, жалко только, что сильно сокращен разговор Бэлы с инженером. Хорошо бы избежать этого в книге.

Аркадий — брату, 12 мая 1962, М. — Л.

Дорогой брат.

С «В» пока без изменений. Условия таковы, что сейчас пока предпринять ничего невозможно.

Теперь о моей отставке. Ладно, пусть непосредственные контакты с издателями буду продолжать я. Но всю деловую часть я решительно и бесповоротно спихиваю на тебя. Что это значит? Это значит: если мне не удастся отстоять наш вариант и я получаю от редактора указания, я эти указания аккуратно записываю, беру рукопись и вместе с указаниями пересылаю тебе. Т<аким> о<бразом> всю доработку отныне будешь вести ты. Загрузим почту.

А теперь о новом сюжете. Есть, понимаешь, сюжет. Вернее, намек на сюжет. Помнишь наши споры о человечности, гуманизме, об определении ценности эмоций и голого ума и т. д.? Я все думал: а неплохо бы это все вынести в н<аучно>ф<антастическую> штучку. Думал и придумал.

Знаешь, я сейчас думал, как определить сюжет и рассказать, что я хочу, но у меня одни тени. Так что я дам только общие рассуждения, а ты попробуй извлечь квинтэссенцию а la Рабле.

1. Главная идея — спор: что победит — эмоция или чистый разум, или они будут развиваться одновременно и сольются в конечном итоге в гармоничное целое.

2. Мещанская сущность крайних представлений.

3. Доказательство неразрывности эмоционального и рационального и их последующее объединение.

4. Кальмары растут в течение всей жизни, причем а) растут все их органы, в том числе и мозг, и б) живут они, возможно, тысячелетия.

5. Разум на нашей планете определяется тремя факторами: а) наличием гигантской центральной нервной системы, б) трудом и в) общественным характером жизни носителей разума, общественным опытом.

6. Фантастическая посылка: гигантский мозг тысячелетнего кальмара и гигантский индивидуальный опыт, и нет труда.

7. Разумный кальмар. Т. е. не РАЗУМный, а какой-то иной. Апофеоз эгоизма и индивидуализма. С биологической точки зрения любопытно — накопление опыта в течение тысячелетий в одном непрерывно растущем мозгу и диалектический скачок — от животного с его тремя инстинктами — к чему? С точки зрения фантастики — такой кальмар является вторым животным на земле, обладающим способностью и возможностью использовать избыток опыта для любопытства, исследования и прочих довольно разумных действий, а также и неявных для нас «душевных» движений. С философской точки зрения это — чистый разум, лишенный характерных для высших животных эмоций — жалости, радости, горя и т. д.

8. Так что же — человек, в отличие от такого кальмара, только восполняет общественным опытом недостаток (за краткостью жизни) индивидуального?

9. Что-то от сюжета: океанологическое судно на поиски Кракена. Капитан прибывает к мачте рублевую бумажку — как Ахав. Кто первый заметит Кракена, тот... и т. д. Все орут «ура!» и пьют шампанское. Герои — члены экспедиции, специалисты по cephalopoda.

Батискаф. Споры. Исследуют, находят гиганта. Спускаются и наблюдают. А тем временем оказывается, что Кракен наблюдает их. В штормовые ночи он всплывает на поверхность — чудовище в сотню метров длиной — и шарит по палубе и разглядывает корабль.

10. Надо придумать действия Кракена, подтверждающие мысль о его разумности. Вот например: наблюдается, как он оплодотворяет самку, а затем задумчиво сжирает ее. Зависть у одного из героев, у которого беременная нелюбимая девушка.

11. В такой повести огромный простор для рассуждений по записанным у нас вопросам (помнишь?):

а) Что такое факт? Существует ли Кракен? — идет спор. Нашли. Исследовали. Обмерили. Потом он удрал. А как доказать? Не есть ли факт — только то, что более или менее перманентно влияет на практику?

б) Что такое авторитет? Взять ученого, который авторитет, и обсосать его.

в) О стремлении свести явление к ч<ему>-л<ибо> известному и говорить нечего — полный простор.

г) О практической пользе. Ламентации зоологов: ну кому нужны эти кальмары, даже разумные, в век атомной энергии?

д) О возможности предсказать поведение одиночного гигантского кальмара, потому что общества кальмаров не существует. Отсюда спор о человечестве как статистическом коллективе.

И т. д.

Я не знаю, как тебе нравятся все эти штучки. Мне они нравятся, и я решил работать. Буду ужасно рад, если ты тоже включишься сразу же и поможешь с разработкой сюжета. А я пока собираю материалы о кальмарах и об океанологических судах. Знаешь, дать главу — Панегирик головоногим — рассказать (как Мелвилл, не стыжусь) о гигантских спрутах все, что известно, их биология, их строение, все слухи и прочее. Или в несколько глав: «Руки», «Глаза», «Мозг» — занимательнейшие перебивки фактами философских рассуждений и чисто бытового фона жизни на корабле. Собственно, на жизнь корабельную мне плевать, а вот конфликты между героями и бабенку каку-нибудь — это да. И один из героев — злой, красивый, умный человек, молодой и сильный, и коммунист.

Вот так. Чем скорее ответишь, тем лучше.

Целую, твой Арк.

Аркадий — брату, 13 мая 1962, М. — Л.

Дорогой Борик.

Вот так переписка у нас развернулась. Вчера только послал тебе письмо, и вот получил твое, и пишу снова.

Твои соображения по «ВД» принимаю почти полностью. В частности, эпилог, я полагаю, будет неплох. Кое-что я уже сделал — легкими мазками — для журнального варианта. Натурально, для книги придется сделать солиднее. Кстати, дело вот в чем. Очень не исключена возможность того, что «ВД» поместят в сборнике «Фантастика, 1962», который сейчас готовится в «Мол<одой> гв<ардии>» Андреевым и сдается в набор буквально в этом месяце. Я уточню и узнаю, и тогда для поделок тебе придется прискакать в Москву на пару дней.

Само собой, это не исключает нашего отдельного сборника, в котором можно дать «ВД», повесть с кальмаром, если мы что-нибудь с нею сделаем, и два-три рассказа. Будет приличный сборничек на десять-двенадцать листов. Кстати, я говорил с некоторыми лицами в «Мол<одой> гв<ардии>» — очень жалеют, что мы отказались от идеи «Родился в 2017» — полагают, что это была бы смачная книга. Я на упреки отмалчивался.

Насчет рассказов. Я полагаю, сделаем по твоему предложению, т. е. ты берись за «Окно», а мне перешли свой рассказ, набросанный вчерне.

Итак: я, по решению «Мол<одой> гв<ардией>» вопроса с «ВД», сажусь и подготавливаю сырье для поделок по Андрееву. Ты немедленно заканчиваешь черновик своего рассказа и высылаешь мне, после чего, в зависимости от обстоятельств, либо мы откладываем до встречи «ВД» и сидим над нашими рассказами, либо немедленно встречаемся, добиваем «ВД», договариваемся о кальмаре и, разъехавшись, опять-таки возвращаемся к рассказам.

Разговор Белы с инженером в повести сокращен очень мало.

Жду суждений, целую, твой Арк.

Аркадий — брату, 29 мая 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Даю информацию.

1. Вчера из Главатома пришло «В» с резолюцией, дословно такой: «В повести А. и Б. Стругацких секретных сведений не содержится, но она написана на низком уровне (!) и не рекомендуется к опубликованию». Так-то. Сейчас же Нина Беркова отнесла эту резолюцию в Главлит. Но главлитского начальства не было на месте, и как отнесется Главлит к этой идиотской цидуле — неизвестно. Самое смешное — что книга наша Главлитом уже подписана, но из-за гнусной рекомендации ее опять задержали и могут вообще не выпустить. Тогда — война. Очень обидно, но ничего не поделаешь.

2. Сборник «Фантастика, 1962» уже пошел в производство. Наша «ПКБ» вставлена на второе место, после Гора, по-моему. Кирилл в восторге от того, что мы сделали. Он слюнился в телефонную трубку и кричал, что это то, что нужно, и еще что-то о правильных акцентах и т. д.

3. Я рассказал Варшавскому о нашей переделке, и он попросил переделать и журнальный вариант, хотя уже (!) не уверен, согласится ли Мезенцев (их главред) печатать. Ладно, вчера я съездил в «Мол<одую> гв<ардию>» и вырвал прямо из корректорской наш вариант. Сегодня должен все перенести в экземпляр для «З-С» и завтра с утра вернуть — один в «Мол<одую> гв<ардию>» и другой в «З-С».

4. «ЧиП» отнес в «Сов<етский> воин» с псевдонимом «А. Бережков».

5. Получил из Киева номер «Знания та праця» с окончанием «Облавы». Ох и рисуночки там — закачаешься!

Посылаю тебе письмо из «Мол<одой> гв<ардии>». Дай поскорее ответ, что ты думаешь сделать? Сборник? Отдельную вещь? Не забывай — на ближайшие три года. Значит, можно дать две вещи. Подумай и пиши.

Вот пока все.

Жду писем, твой Арк.

Борис — брату, 31 мая 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Жду-жду, не дождусь письма от тебя. Видимо, дела плохи, раз ты молчишь. Ну, ладно.

Во-первых, при сем прилагаю ответ на письмо Жемайтиса. Он просил ответить, что они могут включить в трехгодовой план изд<ательств>ва. Подкорректируй ответ или измени по существу и отошли. Просили ответить до 5-го июня.

Во-вторых, был в Писдоме. Там ругали Львова за очередную пасквильную статью на одного ученого, защищающего теорию a la Агрест. Говорили о Львове ужасные вещи, костили беспощадно, но когда дошло время подписывать протестующее письмо в «Ленправду», все принялись разбегаться, как пауки-трупоеды. Потом я собрал некоторых ребят — Травинского (отв<етственный> секр<етарь> «Звезды»), Брускина (переводчик

«Соляриса») и Варшавского (новый н<аучный> фантаст), и пошли ко мне пить водку. Выпили литр и хорошо поговорили.

Прочел перевод «Соляриса». Лем — это все-таки вещь. Настоящий писатель. Говорят, сейчас он бросил фантастику и пишет о ней. Готовит сборник критических статей.

Рассказ пишу. Даст бог, кончу к понедельнику.

Мама уехала на курорт в Лугу. Вот ее адрес:

г. Луга, дом отдыха им. Воровского, павильон 13, комната 6 (маме).

Ну, жду ответа, твой [подпись].

P. S. Не достанешь ли ты мне «На суше и на море»? Хотя бы почитать.

Борис — брату, 1 июня 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Стоило отправить тебе письмо, как ты, еще не получив его, отвечаешь. Это было бы превосходно, если бы не было прискорбно: молчал, негодник, две недели.

Итак, Главатом бракует вещь, не содержащую секретных сведений. Прелестно! Насколько я понимаю, имеются теперь три возможности:

1). Главлит с пренебрежением бросает рекомендацию в корзину и печатает «В».

2). Главлит кладет рекомендацию на видное место и с яростью бросается в бой за честь мундира и достоинство истинных ценителей изящной научно-фантастической словесности.

3). Главлит трусливо поджимает хвост, разводит им и говорит: «Ничего не поделаешь... Главатом! Супротив силы не попрешь...»

Соответственно, книга либо выходит быстро, либо выходит не скоро и не обязательно, либо не выходит вообще. Так? Что ж, будем терпеливы. А ежели что — дойдем и до ЦК.

Все остальное у тебя там, кажись, идет неплохо. Разве только ПКБ и З-С... Что ж, если они заартачатся — забирай ПКБ и посылай мне: попробую пристроить в «Звезду» либо в «Неву». «Звезда» может взять с большой вероятностью, но не в этом году: в этом году они и так напечатают в общей совокупности три н<аучно>-ф<антастические> вещи (две Гора и одну Лема). Про «Неву» ничего не знаю, но попытаться стóит.

«Знания» и я получил. Рисуночки — да. Но пивок худ<ожни>к сделал неплохо. Хорошо видно, что у них нет глаз.

Насчет плана «МолГв» я тебе уже писал. Надеюсь, ты это дело уладишь.

Вот пока и все. Заставляют меня писать диссертацию. Я отбрыкиваюсь. Но, по-видимому, придется. Буду писать о фигуре Солнца. Надоели мне счетные машины. Вчера пришла первая электронная — два чудовищных ящика по 900 кг каждый. Вдесятером затаскивали в помещение, как древние египтяне. Сорвали две дверные ручки, покосили перила и ободрали стены.

Ну ладно. Жду новостей. Твой [подпись].

P. S. Достал бы все-таки «На суше и на море»!

P. P. S. Не помню, как я тебе написал адрес мамы. Должно быть:

Луга, д<ом> о<тдыха> им. Воровского, павильон 13, комн<ата> 6.

Аркадий — брату, 3 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Твой ответ Жемайтису получил, отнесу в том виде, в котором написано.

С «В» перемен никаких. Главлит не хочет подписывать разрешение к печати, пока не выяснится окончательно, что имели в виду подонки из Главатома, когда отписали, что

повесть «на низком уровне». Этим теперь занимается главный редактор Детгиза тов. Компаниец В. Г. Будут новости — сообщу.

Была сверка «Стажеров», пошла в цензуру. Опять ждать будем.

Идет сверка альманаха с «Должен жить».

«ПкБ» в производстве в «Мол<одой> гв<ардии>». Брал ее прямо из корректорской, чтобы привести в соответствие с нею знаиесильский вариант. В «ЗС» ничего пока не ясно. Ясно только, что в № 7 не пойдет. Нет уверенности, что пойдет в №№ 8, 9, 10. Мезенцев, главред «ЗС», еще не удосужился прочесть. Глеб Анфилов держал с Варшавским пари на бутылку коньяка, что Мезенцев не пропустит.

В Писдоме — ты-то сам подписал протест? Или тоже рассосался? Из письма неясно. Кстати, водку ты, следовательно, пьешь? Только со мной не пьешь?

Принесли мне второй том руководства по зоологии. Три дня обрабатывал материал по кефалопода. Интересно — страсть. Так и просится на бумагу. Чудовищная карикатура на человека. Мозг расположен вокруг пищевода, совокупление на расстоянии, кровь бесцветная и синеватая, дыхание, выделение, половые акции — всё через одно и то же место. Ну, это потом.

Ездил к Ефремову — он обещал мне английские книги о кефалопода. Хороший он мужик — умница и добрый, нигде таких не видел.

Рассказ присылай немедленно. Я сейчас тружусь над статьей.

Да, завтра, на очередном сборище фантастов, думаю предложить на рассмотрение нашу статью о критиках. Как ты думаешь?

Пока все. Целую, твой Арк.

Борис — брату, 6 июня 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Встретил я Илью Мих<айловича> <Ошанина> совместно с Сергеем Мих<айлови>чем <Ошаниным>. Некоторое время шла вежливая перебранка, куда ему ехать жить. Победила молодость, бездетность и абсолютно свободная комната. Сейчас мы с Адкой на работе, а старики, несомненно, сидят дома (у нас) и поедают ветчину. От водки они отказались (с утра), но я им показал, где она стоит. Вряд ли удержатся.

Большое тебе спасибо за посылочку. Очень было приятно все это потрогать и почитать.

В Писдоме я протеста не подписывал по очень простой причине: никто не предлагал мне это сделать. Этим занято бюро секции, а я лишь рядовой член с правом совещательного голоса. Но зато я настропалил журналистов, чтобы написали житие Львова и опубликовали бы в «ЛитГаз» или «Известиях». Ребята мне сказали так: сами-то они горят, но для того чтобы это дело пошло, нужно найти сильненького (вроде Ю. Германа или Э. Грина), который был бы личным врагом Львова. Иначе ничего не выйдет. Мерзко, правда? Они ищут. Завтра назначили мне звонить. Я предложил свои услуги для подбора матерьяла.

Что касается водки, то я ее пить не собирался. Но мне сказали, что я сука буду, если не выпью. Чтобы не быть сукой, я выпил. Это привело к сильнейшему приступу — приезжала неотложка, приходил участковый врач, хотел класть меня в больницу, но — отбрехался. Теперь я больше никогда в жизни не выпью и капли спиртного. Уж лучше быть сукой, чем лежать в больнице с метровым зондом в кишке. (Кстати, все это, разумеется, top secret¹. Имей в виду.)

Насчет кефалопода — давай жми! Уж коли тебя послали на Д<альный> В<осток>, поднабери там матерьяла — легенды там всякие и прочий сумеречный бред.

¹ Совершенно секретно (англ.).

С рассказом у меня идет плохо. Что-то случилось со мной — все кажется плоским, банальным, сухим. Перебрал кучу вариантов, написал рассказ наполовину и бросил. Все время тянет в социологию и психологию, никак не удастся написать что-нибудь простое и легкое. Теперь пишу с социологией и страшно боюсь, что выйдет скучно. Эх, чего там! Надо тебе приехать на пару недель. Сели бы и написали все эти ё...ные рассказы. Может, осенью удастся, а? Спешить, правда, в общем-то некуда, по-видимому. Если сдать рассказы к декабрю, сборник, наверное, выйдет в 63-м? А?

Ну, ладно. Наверное, еще успеем перекинуться парой письмишек.

Жму лапу, твой [подпись].

P. S. Между прочим, в какую цензуру идет «С»? Тоже в Главатом? Это будет весело.

Аркадий — брату, 7 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю тебе «Тезисы». Посмотри, исправь, предложи.

Все без перемен.

Целую, твой Арк.

ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДУ О НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ.

а. Н. Ф. есть по преимуществу литература о человеке в необыденных обстоятельствах. Необыденность обстоятельств достигается, как правило, одним из следующих приемов (или их сочетанием):

— введением в произведение сверхъестественного элемента;

— экстраполяцией новейших научных идей;

— овеществлением в той или иной форме различных абстрактных философских, политических и моральных идей.

б. Неудачность термина «научная фантастика», искусственно сужающего этот вид литературы и создающего жирную почву для всякого рода кривотолков.

2. Н. Ф. как вид ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

а. Для чего читают художественную литературу:

— чтобы получить эстетическое удовольствие художественным совершенством;

— чтобы утолить интерес к фабуле;

— чтобы отвлечься от будней жизни;

— чтобы получить позитивные знания;

— чтобы дать пищу духовному голоду, «посопереживать»;

— чтобы дать пищу любопытству и воображению.

б. Следовательно, Н. Ф. не выпадает из художественной литературы с точки зрения читателя. Лучшие произведения — «Гиперболоид», «Аэлита», «451 по Фаренгейту» удовлетворяют всем читательским требованиям.

в. Место Н. Ф. в литературе определяется по преимуществу ее методом: введением необыденного фактора как средства, позволяющего быстро и ярко выразить художественными образами основные идеи автора.

3. ТЕМАТИКА Н. Ф.

№ 1. Деятельность научно-технической интеллигенции на переднем крае науки.

№ 2. Философия коммунизма и философия мещанства.

№ 3. Антиимпериалистический и антимещанский памфлет.

4. ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЫСЛЕ Н. Ф.

а. Н. Ф. как средство пропаганды научных знаний.

б. Н. Ф. как литература «крылатой мечты».

в. Н. Ф. как средство пропаганды необычайных и занятных профессий.

[Сбоку рукописно добавлено: «Не исключается, но не есть главное».]

Надлежит всегда иметь в виду, что Н. Ф. преследует те же цели, что и художественная литература вообще: изображение действительности в образах. Отличие только в методе.

5. РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ Н. Ф.

а. Характерные черты нашего времени:

- построение коммунистического общества;
- угроза невиданно истребительной войны;
- активизация наступательных тенденций мещанства.

б. В этих условиях роль научной фантастики как средства пропаганды необычайно возрастает, ибо:

— Н. Ф. по определению органически антагонистична мещанскому мировоззрению (имеется в виду прогрессивная фантастика);

— фантастика является одним из наиболее читаемых видов литературы.

в. Величайшей ошибкой является невнимание к Н. Ф. лиц и организаций, ответственных за пропаганду, в том числе и ведущих издательских работников.

г. По ту сторону баррикады фантастика давно является действенным средством идеологической войны.

6. КРИТИКА Н. Ф.

а. Основные положения изложены в нашей статье.

б. Критики, как правило, ссылаются на классическую литературу, но классикам и не снились проблемы, вытекающие из характерных черт нашего времени.

[Пункт «б» обведен сбоку скобкой, там же поставлен знак вопроса.]

7. НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА, ИЗДАТЕЛЬСТВО, ЧИТАТЕЛЬ.

а. Точка зрения издателей:

- не надо Н. Ф., она мешает детям и взрослым читать Пушкина и Толстого;
- Н. Ф.? Это не к нам. Это в издательство Академии наук;
- Н. Ф. печатаем охотно. Только несите хорошие вещи. Что имеется в виду? Ну, что-нибудь познавательное;
- Н. Ф. должна идти самотеком. Мы пальца о палец не ударим.

б. Точки зрения читателей:

- так не бывает;
- описывают людей будущего, а они водку пьют;
- ничего не понял, пишите яснее.

8. ПЕРСПЕКТИВЫ Н. Ф.

а. Две тенденции в Н. Ф.:

— собственно научная фантастика (грандиозные опыты, космические перелеты, наука на грани вероятного);

— философическая фантастика (попытка постановки и решения средствами Н. Ф. больших философско-социальных проблем).

б. Очевидная тяга к вытеснению собственно научной фантастики фантастикой философской. Неудовлетворенность классическими методами толкает писателей к приемам, характерным для фантастики (Гор, Гранин, Панова, Лем, Брэдбери).

в. Страх у издателей перед философической фантастикой. Как бы чего не вышло.

Аркадий — брату, 10 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Боря!

Вот и дождался светлого праздника: «Возвращение» из Главлита получено, сдано в производство и выйдет, по утверждению начальника производственного отдела, в июле. Т. е. выйдет сигнал.

Но получилось все так, что мне даже не радостно. Мерзость случившегося беспредельна. Вот как это было:

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ»

Действующие лица:

А. Стругацкий — автор.

Н. Беркова — редактор.

Компаниец — главный редактор Детгиза.

Пискунов — директор Детгиза.

Калинина — чин в Главлите.

Кондорицкий — крупный чин в Главатоме.

Калинин, Ильин — его референты.

Как ты помнишь, «В» было передано в Главатом по требованию Главлита в середине марта. В середине апреля, после троекратного напоминания о том, что книгу нельзя задерживать так долго, что стоит производство и т. д., а также о том, что от них требуется всего-навсего сообщить, содержатся ли в книге закрытые сведения по атомной энергетике, в Детгиз пришла официальная бумага за подписью Кондорицкого: «Закрытых сведений в книге не содержится, но книгу печатать нельзя, потому что она написана на низком уровне». Уповая на благоразумие главлитовских работников, мы переслали эту бумагу к ним. Действительно, через день Калинина сообщила, что книгу она, несмотря ни на что, подписала, но чтобы отдать ее нам, она должна знать, что думает по поводу этой резолюции детгизовское начальство. И вот тут-то и началось. Пискунов сказал: «Очень сожалею, но из-за одной книжки я ссориться с государственным учреждением не буду». Компаниец, вместо того чтобы позвонить Калининой и сказать, что плевал он на мнение главатомщиков, стал звонить к Кондорицкому, чтобы выяснить, что тот имел в виду под словами «написана на низком уровне». Но тут оказалось, что сам Кондорицкий книгу не читал, а читал ее Калинин, а Калинин уехал в отпуск и вернется к середине июня. Так тянулось две недели. Беркова неумоимо сидела на Компанийце и заставила его говорить с Кондорицким серьезно. В конце концов Кондорицкий не выдержал и сознался, что развернутое заключение на книгу, написанное Калининым, имеется, но дать он нам его не может, потому что оно секретное. «Хорошо, — сказал Компаниец, — я пришлю к вам своего сотрудника Беркову, пусть она посмотрит на это заключение». Кондорицкому ничего не оставалось, кроме как согласиться. И вот Беркова отправилась в Главатом. Кондорицкий, конечно, ее не принял, а выслал ей второго своего референта, Ильина. Тот, рассыпаясь в извинениях, сказал, что заключение показать ей не может, оно-де не для посторонних глаз, но что он его помнит и может сообщить основные положения. Дальше произошел следующий разговор (имей в виду, что тут нет ни слова преувеличения):

Беркова: Итак, что имеется в виду, когда вы утверждаете, что книга на низком уровне?

Ильин: Книга очень сложна.

Б. — В чем же? Она содержит закрытые сведения?

И. — Нет, что вы...

Б. — В ней есть утверждения, противоречащие нашим взглядам на науку и технику?

И. — Нет, об этом в заключении не сказано.

Б. — Так при чем же здесь низкий уровень?

И. — Имеется в виду низкий литературный уровень.

Б. — Об этом судить не Главатому, но что же все-таки имеется в виду?

И. — В книге употребляется много сложных научно-технических терминов, которые непонятны рядовому читателю.

Б. — Например?

И. — Ну... всякие. Вот, например, есть термин, который, может, и употребляется среди узких специалистов, но массам он непонятен.

Б. — Какой именно?

И. — Сейчас вспомню. А... Абра... Ага, вот. Абракадабра.
(Помнишь, Боб? «Это не сигналы, это абракадабра».)

Б. (сдерживаясь) — Это не научный термин. А еще?

И. — Еще, например, есть термин... Ки... Кибер.

Б. — Вы слыхали про такую науку — кибернетику?

И. — Слыхал.

Б. — Вот это слово от этой науки.

И. — Вот я и говорю — не всем будет понятно.

Б. — И все остальные ваши замечания в таком вот духе?

И. — Да.

Беркова вернулась в Детгиз, доложила Компанийцу, тот сейчас же позвонил в Главлит, и через час мы с Берковой пошли в Главлит и забрали «В». Сразу же отдали в производство. Вот и все.

Вот и все, что я хотел тебе сообщить. Здорово, правда? Почти три месяца нервотрепки, остановка производства, убыток в несколько тысяч.

Целую, [подпись].

Аркадий — брату, 12 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

В «З-С» Мезенцев предъявил такие дурацкие требования к «Попытке», что я без лишних слов забрал у них рукопись и, сопровождаемый жалобными воплями Варшавского и Глеба Анфилова, удалился.

Рукопись выслал к тебе на Пулковку. Попробуй пристроить ее в «Неву» к Дмитревскому. А не выйдет — так и не надо. Но все-таки попробуй. Очень хотелось бы щелкнуть дурака Мезенцева в нос.

Послал тебе также экземпляр «Туманности Андромеды» с дарственной надписью Ефремова. Это роман-газетовское издание, почти уникальное.

Вот все.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 12 июня 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Прежде всего о твоём докладе. Все хорошо. Прибавить я могу только, что надо особо подчеркнуть равноправность всех направлений в НФ. Пусть расцветают все цветы, так сказать. И пусть критики — буде такие объявятся — не критикуют Днепрова за недостаточную отчетливость образов, а, скажем, Гора — за нечеткое описание деталей устройства его «докучливого собеседника». Пусть критики разбираются в задаче, которую ставит перед собой автор, и разбирают его с точки зрения выполнения или невыполнения оной.

Далее.

1. В пункте 4 следует указать, что приведенные ошибочные представления о НФ вовсе не исключаются из сферы влияния фантаста. Просто не следует ставить их на первое место. Пусть, так сказать, будут, но не превалируют.

2. В пункте 6 насчет того, что «классикам и не снились проблемы, вытекающие...» и т. д. Это не годится. Никаких таких проблем особенных нет, а если они и есть, то по

вполне понятным причинам они в НФ не освещаются. Так что лучше на это не упирать. Лучше, может быть, сказать, что классики никогда не обращались к тематике, ставшей сейчас животрепещущей: бешеное развитие науки, влияние науки на все сферы жизни, новый тип человека — ученый, совершенно общие вопросы, увлекающие огромные массы людей (я имею в виду тот забавный факт, что по сути дела сейчас только НФ занимается мировыми проблемами: что такое разум; что такое жизнь; что такое бесконечность и вечность; роль человека в Мире и т. д. — классикам и в голову не приходило об этом писать — у них не хватало знаний, да и читатель у них был хилый, необразованный — дворянство). Возможно, что ты это самое и имел в виду — тогда все в порядке. Только не вздумай говорить там, что нынешние проблемы важнее классических. Классические проблемы — они и есть классические: на века!

А в остальном — ладненько. Желаю удачи. Ни пуха ни пера. Жаль, что не смогу при сем присутствовать хотя мичманом. А то, может, вышлешь официальное приглашение? Только не в дирекцию, а мне.

Я тут написал рассказ, но это и не «Окно», и не про «живущего назад». Маленький скучноватый рассказик. Уже решил его переписывать. Перепишу — пришлю не замедлив.

Звонил ребятам в «Звезду». Во-первых, они начали-таки пасквиль на Львова (обещали меня пригласить на обсуждение и подписание); во-вторых, повторили согласие повозиться с «ПКБ», буде таковая будет дана им в руки — имей это в виду.

А здорово было бы придумать новый термин вместо «НФ»! Может быть, просто «фантастический рассказ»?

Ну ладно, целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Я вдруг вспомнил: Олежка <Соколов> ведь собирался защищать диплом — как у него прошло?

Р<ost> Р<ost> Т<extum>. Советую выписать «Наука и жизнь»: отличный стал журнал!

Все время забываю написать: был тут П. Г. Амадуни. Приезжал в Пулковку беседовать с Козыревым насчет своих бредовых идей и отыскал меня. Поговорили. Я ему дал несколько сюжетных крючочков — в частности нашу старую идею — помнишь? — об острове погибших кораблей в Космосе. Он в нее вцепился как припадочный — выволок запяжжку и принялся бешено строчить, рвя бумагу. Звал меня на выпивку с Гором, Брандисом и Л. Борисовым, но я был занят.

Борис — брату, 15 июня 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Сразу куча корреспонденции на меня навалилась: за два дня два письма от тебя, два письма от мамы, бандероль от тебя и еще бандероль от Амадуни. Очевидно, в стройном потоке корреспонденции прорвало некую плотину, чему я очень рад.

Итак:

1). Радуюсь возвращению «Возвращения» в лоно Детгизово. И радость эта нестерпима и не омрачается ничем. Про абракадабру читал ребятам — ржали как лошади, хотя, если подумать, смешного здесь мало, больше — страшного. Будем теперь надеяться, что редакторы поумнеют и не станут совать книги в эту странную организацию.

2). С удовольствием получил «ПКБ» и тут же ее перечитал, прямо на работе. Неплохая вещь все-таки. Есть, конечно, слабости — но кто без них? А на «З-С» плюнем. До конца июня я, вероятно, встречу с ребятами из «Звезды» и попрошу их пристроить. Настроены они благожелательно и — можно надеяться. Только напиши — чтобы я был в курсе, — когда ориентировочно выйдет МолГв сборник «НФ 1962». Меня могут спросить.

3). С рассказом я все еще вожусь. Меня убивает то, что он получился какой-то несамобытный — то здесь, то там проглядывает уже написанное другими. Но так или иначе — теперь у нас три идеи, а на днях я придумал четвертую. Словом, если тебе

удастся к концу года приехать к нам, мы заведомо выдадим три-четыре рассказа, что и тр<ебуется>. Кстати, как у тебя с «Магами»? Никак, наверное.

4). Поблагодари Ив<ана> Ант<оновича> <Ефремова> за презент. Его надпись разбирали лучшие дешифровщики, но, однако, некоторые из слов остались двусмысленными. Ясно впрочем, что предлагается писать не плохо, а хорошо. Отличный совет. Главное — свежий (двадцативековой давности).

Я тут получил еще презент от Амадуни. «А. и Б. Стругацким — братьям по духу и перу с самым искренним чувством дружбы» преподносится ф<антастический> роман «Гаяна» — очень красивая сине-красно-желтая книга с темным содержанием. Начал читать — какие-то американцы, все пьяные — тоже мне собрат по духу. Но придется послать ему что-то, а мне посылать нечего. Буду ждать «В» или «С». Или, может быть, послать «6 спичек»? У меня завалился еще один экз<емпляр>.

Сегодня приезжает мама. Может быть, завтра. Во всяком случае сегодня мне натирать полы по всей квартире. Это меня убивает.

Ну ладно, привет всем, твой [подпись].

P. S. Между прочим, прочел я «ДЖ» — хорошая все-таки вещица. Ей-богу!

Аркадий — брату, 16 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Борик!

Уря! Меня освободили от армии, и я снова вернулся к мирному труду. Письмо твое получил. Замечания по докладу принимаю, надо, значит, четче определить круг тем (философских проблем), которые возникают в фантастике в укор и поношение «нормальным» жанрам.

Рассказ вышли немедленно.

Сообщи, что мама. Приехала ли и когда приедет.

Целую, привет Адке,
твой Арк.

Аркадий — брату, 19 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Борик.

Положение такое: «Стажеры» в Главлите, и одновременно пошел в Главлит «ДЖ». В «Мол<одой> гв<ардии>» Главлит уже задал какие-то вопросы, сейчас еду выяснять.

Надеяться на то, что редакторы перестанут посылать вещи в Главатом — не след<ует>. Дело не в поумнении или поглупении, а в циркуляре вышестоящих организаций.

Немедленно перестань возиться с рассказом и присылай его мне, а сам берись за следующий. Что за свинство, право? Когда встретимся, будет еще над чем работать, не беспокойся.

Ты прав — к «Магам» я еще и не прикасался. Меня мучает идея «Кракена». Никак не могу нащупать ключи к сюжету. Вот нутром чую, что здесь заложены гигантские возможности, мелькают даже кое-какие ситуации, но сюжета — нет и нет. Но я буду заниматься и «Магами», не беспокойся. И статью надо написать.

Пятого июня было сборище молодых фантастов, Громова делала очень интересный доклад о Леме. Развернулись прения — аж все вспотели. Спорили и ругались часа четыре. В общем определилась тенденция передовых: фантастика должна быть литературой философской. Так это можно определить. Между прочим, Лем на три года старше меня, так что у нас с тобой, беря среднее, еще лет пять-шесть форы. Даешь умные книги, брат Борис! Думай о «Кракене»! Ненавидь мещанство! Испытывай иронию по отношению к

тупому обывателю и тупой ж... в коверкотовом пальто и мягкой шляпе! Мы на тропе войны! Помни — коммунизм противоположен мещанству. Вот так-то.

Днепров принес мне в альманах хорошую повесть о кремнийорганических преступлениях. Очень впечатляет. Хотя литературно не слишком. А вот Гансовский печет рассказы очень интересные. Отличный парень и писатель. Кстати, тебе он кланяется.

Заходил Андреев по другим делам, мы с ним потрепались. Еще раз расхвалил «ПКБ». Сказал даже что-то вроде «сколько ни старайтесь, лучше не напишете».

«ПКБ» выйдет в октябре-ноябре, т. е. сигнал. А в продажу — в январе, не раньше. Так что все-таки торопись.

Все. Целую, твой Арк.

Борис — брату, 21 июня 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твое коротенькое извещение о демобилизации. Очень хорошо! Теперь неплохо бы съехаться, определив предварительно круг тем. Как ты думаешь: две недели в июле, повесть или три-четыре рассказа? Было бы неплохо.

Рассказ я тебе пока не присылаю: недостойн. Я тут начал писать повесть — по записным книжкам экспедиции, но работать совершенно некогда.

Получил деньги за «В» — 700 руб. Проклял Детгиз, этих тупых бухгалтеров, не способных понять, что неудобно же, черт возьми, получать деньги в городе и тащить их через 20 км в Пулково! Скажи ты им, чтобы, по крайней мере, присылали бы на Гостиницу, если не могут на сб<ер>кн<ижку>. Но вот «МолГв» присылает же на сб<ер>кн<ижку> — и ничего.

Раздобыл я книжку Мензела «О летающих тарелках» — кажется, что-то чрезвычайно любопытное, но еще не читал.

А когда ты делаешь доклад?

Ты мне вот напиши: как доклад и когда бы нам встретиться. Буду ждать.

Целую, твой [подпись].

P. S. Так как насчет официального приглашения меня на ваше заседание?

Борис — брату, 22 июня 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Раз уж у тебя свербит, посылаю вариант рассказа. В конце — план переделки, план, так и не осуществленный. Как видишь, мои мысли тоже крутятся вокруг кефалопода, хотя и в другой плоскости.

Я прочел Мензела «О летающих тарелках» — здоровая вещь. Сразу захотелось написать рассказ, как эту книгу читает экипаж тарелки и обсуждает ее и задает обиженный вопрос: «А почему нас считают все-таки явлением менее рациональным, чем совершенно фантастические штуки, происходящие в этой душной атмосфере?»

«ПКБ» пока не пристроил, жду звонка из «Звезды». Если звонка не будет до конца июня, начну действовать сам.

Привет всем, твой [подпись].

P. S. А какую статью ты пишешь? Если про НФ, то свинство писать без меня. Приезжай-ка ты лучше в июле — все напишем.

Аркадий — брату, 24 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Бобкинс.

Ты меня порадовал. С удовольствием прочитал, что ты сделал, и просмаковал возможности. Коротко говоря, думаю, что дней через десять пришлю тебе готовый вариант. Славно все-таки, когда есть от чего оттолкнуться.

О статье. Никакая это не статья, а доклад, который я буду делать у фантастов в августе и в Детгизе в октябре. И не думаю писать без тебя. Писать будем вместе вариантами — я, потом ты, потом я и т. д.

Встретиться в июле не сможем, да и в августе тоже, разве что ты сюда приедешь. Насчет официального приглашения буду говорить послезавтра. Полагаю, никаких затруднений не будет. А писать все равно надо. И писать будем — хотя бы опять-таки вариантами. А впрочем, может быть, и удастся вырваться, но пока не вижу — когда и каким образом.

Звонка от «Звезды» ждешь зря. Надо прямо пойти и сказать небрежно: вот, мол, так и так, освободился один экземпляр, почитайте, может, подойдет. Кстати, а почему бы тебе не обратиться в «Неву»?

Теперь вот что. Насчет большой повести о кефалопода. Назовем ее условно «Кракен» и будем в дальнейшем кодировать «К». Думал я, думал, и вот какое у меня сложилось сюжето.

Не так давно какое-то советское океанологическое судно оказало существенную помощь в штормовых условиях японским глубоководникам, и спустя год японские океанологи поднесли советским в знак благодарности только что выловленный самый крупный экземпляр из известных кефалопода — гигантского кальмара-архитефтиса длиной в 20 метров без щупалец. Это длина без щупалец, а у этого щупальцы были на месте, причем ловчие руки имели длину тоже двадцать метров. Чудовище привезли в Ленинград и поместили в специально устроенный огромный аквариум, где вода из Финской лужи регулярно подсаливается и время от времени для облегчения жизни нагнетается давление до двадцати атмосфер.

Идея такая. Дать простой бытовой сюжет с простыми жизненными приключениями, с одной стороны, и дать научный детектив, устанавливающий разумность и мещанский индивидуализм Кракена — с другой. Без прямых указаний показать, как мельчайшие, обыденные проявления мещанской сущности у людей получают гротескно преувеличенное, чудовищно гнусное и логически законченное отображение в поведении головоногого. Повторяю, совершенно без прямой связи. Замаскировать все научным детективом. Главные герои:

1. Тридцатипятилетний востоковед, редактор и писатель, толстый, очкастый, подверженный всяким влияниям, но в сущности добрый.

2. Его сверстник и старый друг, океанолог, работающий при аквариуме, красивый, злой, умница и скептик, потерявший, вроде тебя, всякие иллюзии о пользе своей деятельности.

3. Сослуживец и товарищ океанолога, избравший работу в качестве защитной скорлупы от жизни. Играет под чудака, притворяется невероятно рассеянным и т. д.

4. Руководитель их, сволочь откровенная, карьерист и обладатель авторитета за прошлые ненаучные заслуги.

5. Подруга востоковеда, гид «Интуриста», женщина умная, спокойная и настроенная скептически и уравновешенно.

6. Жена океанолога (который чудака), обыкновенная хорошенькая женщина.

Вот такой примерно состав, с которым надо разработать бытово-профессиональную драму.

Речь идет от лица (но не обязательно через «я») востоковеда и вот по каким трем причинам:

1. Я этих востоковедов знаю.

2. Он, как и мы с тобой, в океанологических делах понимает мало.

3. Повесть начинается с того, как он, умиляясь собственным благородством, добровольно уходит из издательства, где из-за сокращения штатов хотели уволить другого редактора, малоспособную, но мать-одиночку. Так что у востоковеда будет много времени свободного, и он все дни, свободные от решения жизненных проблем, будет сидеть перед аквариумом. Он-то и начнет понимать, что Кракен наделен разумом. И в подтверждение своей идеи связывается по почте с капитаном корабля, изловившего Кракена, и от него получает письмо с обстоятельствами дела: по всей видимости, Кракен залез в ловушку добровольно, узнав от сбежавших накануне спрутов помельче, что у людей хорошо кормят.

Мне видится в таком взгляде на вещи настоящее уэллсовское слияние бытовой повести с фантастической, о котором мы мечтали. Конечно, надо здорово попотеть, чтобы добыть доказательства разумности Кракена, и попотеть, чтобы найти соответствия поступков людей в поступках Кракена, и чтобы построить смачный нетривиальный конфликт между людьми. Впрочем, он может быть и не очень нетривиальным, но должен удовлетворять по крайней мере двум условиям: чтобы такой конфликт не был возможен нигде, кроме как в СССР, и чтобы такой конфликт не был возможен никогда раньше пятьдесят пятого года.

Вот и все.

Будь здоров, привет маме и Адке, твой Арк.

Самое главное: жду твоих соображений по повести.

Борис — брату, 2 июля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Все никак не мог собраться тебе ответить: уезжала в Киев Адка, и по этому поводу творился, конечно, сплошной бардак. Теперь я остался один, и было бы здорово, если бы ты приехал хоть на недельку.

Твои планы по поводу «Кракена» — это, по-моему, что-то вроде двадцатилетнего плана. Думаю, что для нас это сложновато. Я, конечно, готов и за, но — справимся ли? Будет чертовски трудно и непривычно. Я, кажется, совершенно неспособен выдумывать житейские комбинации. У меня не хватает фантазии. Впрочем, давай затравки. Я буду поспешать за тобой, и дело, может быть, и пойдет.

У меня пока никаких новостей нет. Медленно копаюсь с повестушкой про кавказскую экспедицию. Пробую еще раз рассказ про человека с обратным ходом времени. Нам вообще, по-моему, следовало бы навалиться на рассказы. И из «Кракена» хотя бы на первых порах сделать рассказ.

Ну ладно. Очень бы я хотел, чтобы ты приехал. И мама хотела бы. Лучшего времени не придумаешь.

Целую, твой [подпись].

P. S. Кстати, а когда у вас предки уедут? Может, не ты к нам, а я к вам?

Аркадий — брату, 3 июля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю вариант рассказа. Как ты увидишь, акценты я несколько сместил по сравнению с тем, что ты предлагал. Если есть замечания, вводи и пересылай ко мне. Рассказ уже ждут в «Искателе» и в «Науке и технике» в Риге. Так что не особенно задерживай. И принимайся за следующий. Хорошо бы сделать «Окно». Жду. И жду замечаний по плану «Кракена». Что за свинская манера не отвечать на письма?

Жму руку, целую, твой Арк.

[На обороте — рукописно:]

Только что получил письмо. С радостью приехал бы, да с чем? Разработок-то нема!
Может, ты приедешь?

Целую, Арк.

Поцелуй маму.

Аркадий — брату, 6 июля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю черновик доклада. Писал я резко и, след<овательно>, не всегда, вероятно, умно. Исправляй, черкай, перепечатавай. Хорошо бы, если бы дать бóльшую концентрацию мысли и меньший объем.

Теперь вот что. В сентябре в Москве международная конференция фантастов. Я избран в подготовительную комиссию. Наверняка (т. е. будет в конце концов конференция или нет) станет известно через неделю. Вопрос вентилируется в ЦК. Тебя, конечно, пригласят, т. е. будешь одним из хозяев конференции. А вообще Днепров яро дерется с Казанцевым и Ко, которые хотят выждать, пока мы проведем подготовительную работу, а затем встать во главе. Одним словом — шумят витии. Мне все это, сказать откровенно, неинтересно.

Хочется к вам. Не знаю, как это сделать.

Скорее кончай с рассказом и высылай. Паки скорее давай доклад. А то до августовской встречи остается мало. Буду пытаться, чтобы на август тебя пригласили.

Жму руку, целую [подпись].

Борис — брату, 10 июля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил от тебя сразу два пакета. Очень обрадовался. Прочел. Доклад, по-моему, ты составил отлично. У меня есть некоторые замечания. Я буду думать над ними, да и ты подумай.

1). Определение НФ (стр. 2). Как-то меня не очень удовлетворяют «необыденные» обстоятельства. Мало ли необыденных обстоятельств. Например, война 1812 года или, скажем, путешествие в Антарктику. Надо это как-то отшлифовать.

2). Вопрос: нужен ли метод НФ? Надо поотчетливей. Надо доказать, что нужен (стр. 5).

3). Насчет «крылатой мечты» ты там что-то написал — я ни черта не понял (стр. 8).

4). Стр. 11. Вставку о критике надо как-то обработать. Она не влезает в том виде, как есть. Или ты не против повторений?

5). По-моему, все-таки надо поговорить и о слабости нынешней НФ. О банальных сюжетах, о дедовских приемах, о суконном или слюнявом языке. А то получается немножко нехорошо: и издатели виноваты, и критики виноваты, и читатели виноваты — одни фантасты в героях ходят. А это ведь неправда.

Это надо шлифовать. Но в целом мне доклад очень понравился — умный, резкий, нескучный. Разве что немножко сумбурный, но это же не статья. Для доклада это не помеха. В общем — молодчина, ура, здорово. Ты их там всех припечешь. Молодежь, я думаю, будет довольна.

Теперь рассказ. Ну, тут и ты, видимо, бессилён. Сей паралитик как был на костыле, так и остался. Я, конечно, попробую еще что-нибудь сделать, но — не знаю, не знаю.

Итак, я задерживаю все эти материалы дней на десять. Постараюсь что-нибудь сделать.

У меня новостей нет. Вся редактура «Звезды» и «Невы» разбежалась в отпуск. Так что дело с «ПкБ» откладывается до середины августа. Думаю, это не столь страшно.

Ну, крепко тебя целую. Твой всегда [подпись].

Р. S. Да матери, матери-то пиши, изверг! Она же обижается!

Р. P. S. Получил письмо от мальчика-читателя. Просит рассказать ему про фотонную ракету. Черт знает что. Это не ты его на меня натравил? Откуда он знает адрес «Пулково Гостиница»?

Аркадий — брату, 11 июля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Очень рад, что тебе так понравился доклад. Я думал о нем хуже. Только ты учти, что это не только доклад, но и наша статья для ежегодного сборника Дома Детской Книги, так что работай и в редакторском отношении. Сумбурного быть не должно. Все замечания, которые ты сделал: доказательства необходимости НФ как метода, насчет «крылатой мечты», вставку о критике, о недостатках — банальные сюжеты, дедовские приемы, язык — все это переделывай и дополняй сам. И не мешкай — в первых числах августа мне выступать. Что касается твоего возражения насчет определения, то там же ясно сказано: необыденность достигается тем-то и тем-то. Может быть, сформулировано неудачно, так то ты тоже поправь.

А что до рассказа, то это ты не ври. Рассказ хороший. Читал Гансовскому, ему очень понравилось. Между прочим, я очень сошелся с Севером, отличный парень, много повидавший, интеллигентный и умница. Есть в нем такой светлый, мягкий, нерешительный юмор. Понимаешь? И нас он очень любит. И писать стал необычайно интересные вещи. Просто приятно читать. Мы изредка собираемся и читаем друг другу. Возвращаясь к рассказу, ты его делай и переделывай, это к лучшему, но тоже не задерживай особенно.

В письме к маме прочитай о подготовке к конференции.

Я в муках оформляю сюжет «Кракена». Кракен будет! Есть у меня такое радостное предчувствие. Конфликт наметился. Знаешь, этакий человеческий конфликт между тобой и мной — гуманизм против рационализма, конфликт движения и идей. И кракен в него хорошо как будто ложится. Одним словом, дело помаленьку движется, и если оно получится так, как я себе это представляю, мы будем хабен первый в истории нашей литературы рассказ о серьезном внеполитическом конфликте в среде интеллигенции нашего времени. Вот все.

Жму, целую, Арк.

Отвечай скорее, что за манера запаздывать. Как у тебя с повестью об экспедиции?

Борис — брату, 15 июля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Пересылаю тебе последний вариант «Мигрантов». К черту! Больше мне не пересылай. Исправь, что хочешь, и отправляй в редакцию. А мне больше не надо. Еще задницу рвать из-за этой мочи.

Доклад я пока еще придержу. Особых переделок не жди, но кое-что я вставлю и вычеркну — просмотрю потом текст.

Приехать я не смогу — я теперь в начальниках. А на август меня вызывай обязательно. Вырвусь.

По поводу «Кракена» соображений у меня нет. Отпиши поподробнее сюжет — может, и соображения появятся.

Ну, пока. Целую, твой [подпись].

Р. S. Что-то «В» задерживается. Как там, а?

Аркадий — брату, 28 июля 1962, М. — Л.

Исайя, ликуй!

Вот она лежит передо мною, компактная зелено-голубая с золотом, великолепная и скромная! Итак, знай: 27 июля 1962 года получен сигнал нашей с тобой четвертой книги «Возвращение».

Поздравляю и поздравь меня.

Теперь вот что. Срочно сообщи, кто автор стихов в «Стране багровых туч» — про задумчивый скрип кабестана? Дело в том, что вчера пришел редактор одной многотиражки. Там они поместили те же стихи за подписью какого-то самодеятельного поэта, а потом им подсунули «Страну», и они ужаснулись. Как тебе известно, нигде не сказано, что это твои стихи, и денег нам за них не платили. Но этот редактор умоляет узнать и сообщить.

Все.

Да, пришли заявление о переводе денег на книжку. Договор на массовое издание подпишу я сам.

Целую, твой Арк.

Поцелуй и поздравь маму.

Экземпляры будут на той неделе, сразу вышлю.

Борис — брату, 30 июля 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ура! Поздравляю, жму различные органы, воплю и вообще. Ура! Теперь буду ждать экземпляры. Пока их нет.

Далее. Что касается стихов про «детей тумана», то они написаны мной, одним мной и только мной. Имеется тетрабочка, куда я в свое время писал свои стихи. Там под датой (я ее сейчас не помню, но могу дома посмотреть) написаны эти стихи с соответствующими перечеркиваниями, помарками, профилями, женскими ножками и т. д. — всё как у Пушкина. Стихи посвящены Адочке, тогда еще не жене, но возлюбленной. Вот хохма! А самодеятельного поэта — под суд! Взыскать с него, мерзавца, вчинить ему иск о возмещении убытков на 1832 руб. 43 коп.! Короче говоря, можешь быть совершенно спокоен — это исключительно мои стихи, даже без соавторства. Кстати, ты совершенно ошибочно утверждаешь, что мне «известно, что нигде не сказано, что это мои стихи, и денег нам не заплатили». Премьер-министру это не известно. Обязательно напиши, чем кончится вся эта в высшей степени любопытная история.

Совершенно случайно купил журнал «Мол<одая> гв<ардия>» со статьей Громовой. Передай ей мои комплименты и благодарность за тонкое понимание нашего творчества.

Сейчас приехала Адка с Андрюшкой <Стругацким>. Дома стоит бардак. Но тем не менее я все время думаю над «К» и кое-что записываю. У меня создается впечатление об очень компактной резкой и дерзкой книге, пронизанной животрепещущими идеями нашего времени. Есть некоторые соображения по героям и по сюжету, но я напишу их тебе в ответ на твое следующее письмо.

Крепко целую, еще раз поздравляю, твой [подпись].

Р. S. Экземпляры присылай на Пулковое. Так мне будет приятнее. Пришли для начала десятков, но закупи из расчета 20 для меня.

Р. P. S. Заявление в бухгалтерию Детгиза прилагаю.

Аркадий — брату, 2 августа 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Экземпляры будут. Как только дадут тираж и перешлют в наш фонд, я забираю десяток и шлю к тебе в Пулково.

История со стихами пока не кончена. Эти ребята из многотиражки должны звонить и справиться.

Громовой твою высокую оценку передам непременно.

Немедленно пиши свои соображения по сюжету и по героям. И надо наконец приниматься за эту «компактную резкую и дерзкую книгу».

Я сейчас немного вышел из колеи: дело в том, что Ирина Львовна Иоффе попросила меня отрецензировать одну японскую книгу — «Море и яд» Эндо Сюсаку. Я ее читаю сейчас, дошел до половины. Жуткая и очень интересная. О медленном и верном падении японских врачей, которые в условиях войны и разрухи опускаются постепенно до экспериментов над американскими пленными. Превосходно написано. Хорошо бы взять на перевод, но Иоффе, вероятно, возьмет сама.

Вот все. Поцелуй маму, Адку. Твой Арк.

Пиши немедленно.

Борис — брату, 6 августа 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил от А. Мицкевича приглашение на совещание. Ну и размахнулись товарищи! Десять дён! Что мы там будем делать десять дён? Т. е. мы-то с тобой дело найдем, а вот остальные? Я тут переговорил с начальством, меня, вероятно, отпустят и даже не в отпуск, а в командировку, правда, без оплаты командировочных. Так что вопрос стоит так: удобно ли будет остановиться у вас или лучше отписать тете Мане <Теселько>? Ты это побыстрее мне сообщи.

Что касается «К», то я все пытаюсь выкристаллизовать сюжет, но пока бесплодно. Есть такие соображения:

1). Кибернетик не должен только рассуждать. Он должен действовать. Свою идею об улучшении человека он должен проводить активно. Пусть он впяет себе в голову какой-нибудь импульсатор для повышения физических возможностей. Не в плане «Шести спичек», где был рискованный эксперимент, а как нечто само собой разумеющееся: он испытал этот импульсатор на животных, он совершенно уверен в нем и никак не ожидает, что может кончиться плохо. (Здесь меня соблазняет история одного известного химика, отца нашей сотрудницы, который вдруг взял и умер дома, после работы, и его последними словами было: «Жаль. Эксперимент не удался». И никто не знает, что это был за эксперимент — химик был шибко секретный.)

2). Лингвист пусть пописывает. Пусть он читает свой рассказик «В наше интересное время», и пусть они поспорят о способности предсказывать. Кроме того, соблазнительно столкнуть его с редакторами.

3). Надо обязательно вставить такой эпизод. Кибернетик — он член месткома — для сокращения времени, уходящего на заседания, предлагает простую формулу, дающую место человека в очереди на квартиру в зависимости от его, человека, стажа, численности семьи, служебного положения и т. д. Как на него машут руками с демагогическими криками: «Хотите заботу о человеке подменить формулой!», хотя сами фактически определяют эту очередь из тех же соображений, но с великим словоблудием. (Это — истинный факт, такое было у нас в Пулково.) Это иллюстрация к идее о возможности математизации социальных наук.

Вот такие вот обрывочки, а слитного сюжета нет. Буду думать дальше.

Пока, целую, твой [подпись].

Р. S. А должен я писать в «Тех<нику> — мол<одежи>» свое согласие на участие в совещании?

Аркадий — брату, 8 августа 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Получил твое письмо. Вообще желательно, чтобы на письма ты отвечал в тот же, максимум — на следующий день.

Очень рад, что ты приедешь в Москву. Что же касается остановиться на ночлег, то, конечно, к нам. Иного разговора быть не может.

За «Кракена» думаю денно и нощно. Но с сюжетом не вытанцовывается. Черт, вот так нужен сюжет! Просто позарез. Слушай, может, взять обычный приключенческий сюжет без психологических вихрей, а потом на него все налепить? В таком роде: привезли в Л<енингра>д спрута. Стали его изучать под разными соусами. Догадались, что он разумный и не то спасается здесь, не то прислан на разведку. Пытались связаться. Не выходит. Он догадался, что его разгадали. Счел свою миссию оконченной или разочаровался — мало мяса дают. И удрал — на улицу, плюхнулся в Неву, вышел в Финский залив и либо поминай как звали, либо взорвался на старой mine.

А затем, или попутно, наворачивать на эту нить всю психологию и публицистику, а также здоровый секс. Как ты полагаешь?

Вот пока все.

Целую, Арк.

Большой привет и поцелуй маму. На днях напишу ей. Очень замотался.

Борис — брату, 10 августа 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Спешу ответить.

1). Экземпляры получил. Очень доволен. Правда, книжечка вышла пожиже, чем я ожидал. Пожиже как в смысле формы, так и в смысле содержания. Я тут ее перечел и ужаснулся — до чего же все не то! До чего же торопливо, молодо и сопливо написано! Да, брат, мы уже не те, что раньше! Нам уже этого мало. Лично мне — мало. И все-таки чертовски приятно взять этак все четыре книжки и составить их рядом — такая аппетитная стопочка получается! Между прочим — строго между нами, — т<оварищ> Макаров все-таки не вещь. Он, по-моему, лишен собственной фантазии и рисует слишком уж традиционно. Ей-богу, если бы он как следует почитал книжку, он мог бы оформить ее получше. Понимаешь, возникает резкий контраст между чуть ли не нарочитой простотой содержания и традиционной вычурностью рисунков — все эти акведуки, сумасшедших форм летательные аппараты, экраны, костюмы людей средневекового вида... Нарисовать акведуки — это, брат, всякий умеет, а вот ты изобрази жилище, одежду — да по-новому, не традиционно! Все-таки ж...ы все эти художники-фантасты. Все они — в эмбриональной стадии, колпаковы от живописи. Хемингуэя на них нет.

2). С «К» дело плохо. Меня все время мучит мысль, что писать «К» так, как мы писали все остальное, нельзя. Нельзя настоящую книгу написать за месяц. Вот я читаю сейчас «Иду на грозу» — разве такую книгу напишешь в один присест? Масса афоризмов, великолепные сверкающие разговоры умных людей, тончайшее знание обстановки. Для такой книги надо в течение двух лет общаться с умными и разными людьми, да еще год думать самому, да еще год писать, да еще год переписывать. Кстати, Гранин при

ближайшем рассмотрении имеет к фантастике столь отдаленное отношение, что все попытки связать его с ней есть просто демагогическая натяжка. Предлагаю вычеркнуть к дьяволу имя Гранина в заключительном абзаце известной тебе статьи. Гранин великолепный писатель, но фантастикой от него и не пахнет. И не Гранин идет к фантастике, а фантастике бы надо идти к Гранину.

Кстати (еще раз) о всяких там статьях и докладах. Меня на совещание командировали (т. е. я еду не в отпуск, а в командировку — мне идет зарплата, хотя командировочных и не платят), но при этом в процессе переговоров мне пришлось сказать, что я там делаю доклад совместно с тобой (точнее, ты делаешь совместно со мной). Так вот меня интересует, соврал я или нет. Доклад этот («Человек и общество будущего»), он как: будет ли вообще? А если будет, то буду я его соавтором или это только твой доклад? А если он только твой, то нельзя ли сделать так, чтобы он был наш? Похлопочи-ка, брат! А то будет мне нелепо.

Вот черт — начал о «К», а кончил докладом. Так вот «К» меня пугает. Мы об этом еще поговорим при встрече, а сейчас меня осеняет другая идея. Хочется написать «Магов» — сугубо символическую, смешную и серьезную повестушку. У повестушки две генеральных идеи:

1). Человек — это животное, которое может стать магом. Волк рождается волком и вырастает в волка. Свинья рождается свиньей и вырастает ею же. А вот человек рождается обезьяной, но вырасти из него может и волк, и свинья, и маг.

2). Изобилие — необходимое, но не достаточное условие коммунизма. Обрушить на голову потомственного стяжателя изобилие — значит отбросить общество на много лет прочь от коммунизма.

Действие повести происходит в научно-исследовательском институте Магии, в наше время. Герои — молодые, способные маги, работающие над темой «Облагодетельствование человека». Тема в загоне. Короче — идея показать, как настоящие люди (маги) изнывают в определенных условиях. В общем мне сейчас писать трудно — пришла кодла народа и треплются тут над ухом в рабочее время. Тоже мне — маги. Но об этом мы еще поговорим. Может быть, ты будешь составлять скелет «К», а я — «Магов».

3). Наконец, следующее. Я устал. Я нервничаю. Я пошел прыщами и нарывами. Я хочу в отпуск. Саша Копылов едет в Крым. Я тоже хочу в Крым, на бережок моря, на солнышко. Я хочу взять свой оставшийся отпуск и сразу после совещания думаю ехать на юг. Меня очень интересует твое мнение. Если ты — исходя из тех или иных соображений — скажешь: «Нет», то я не поеду. Но твое мнение об этом мне нужно знать как можно быстрее. Телеграфируй мне, как только получишь письмо: мне еще нужно хлопотать об отпуске.

А пока — целую, твой [подпись].

Аркадий — брату, 12 августа 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Спешу ответить (в будущем обозначим шифром «СО»).

1) Сугубо с тобой согласен и согласен относительно «В». Вещица детская и юношеская, и при беглом сравнении с «Иду на грозу» выглядит скверно. А я от Гранина в благоговейном восхищении. И пусть теперь какая-нибудь попа скажет мне, что у нас нет литературы. Всем <...> на Западе — и Ремарку, и Олдингтону, и <...> Кронину, и даже <...> Пристли не снились такие герои и такие ситуации. Отличный писатель Гранин. Кстати, фантастикой от «Иду на грозу» не пахнет, это верно. Но в докладе-то имеется в виду следующий — фантастический — роман Гранина, еще не опубликованный. Но если хочешь — снимем Гранина.

Макаров — г..., тоже согласен. До того согласен сугубо, что впредь вообще предлагаю воздерживаться от иллюстрирования. Короче, «В» и по содержанию, и по оформлению — позавчерашняя ступень. Необходимая, но позавчерашняя. Весь фокус в том, сумеем мы подняться на следующие ступени или нет? Как это сделать? Чего нам не хватает? Я попытался проанализировать эту проблемку — задолго до твоего письма, как и ты, вероятно. Ну, мало у нас совместного времени. Раз. Мало, видимо, читаем настоящих книг. Два. Мало видимся с серьезными и умными людьми, а когда и видимся — не умеем встречей пользоваться. Три. Еще что? А нет ли четыре: не знаем, о чем писать. Ведь сказать: надо писать за коммунизм и против мещанства — это мало. Как-то мы лобово мыслим. И сюжет «К» потому разработать не можем, и с «Магами» то же самое будет. Утерян нами (если и имелся когда-либо) какой-то творческий винтик, скрепляющий понятия «отличная идея» и «отличная проза». Ну, об этом при встрече.

2) Доклад «Человек и об<шест>во будущего» читать будешь ты. Это устроить нетрудно. А то у меня зуб со свистом, это во-первых, а ты (это во-вторых) имеешь опыт публичных выступлений.

3) «Маги» — идея хорошая. Но опять же только идея. А где разработка? Где сюжет?

4) Поезжай в Крым, разумеется. Сразу после совещания. Я и сам устал смертельно, и думаю в декабре поехать (если отпустят) недели на две в зимний санаторий, потаскаться на лыжах. Хоть прыщами еще не пошел и паки нарывамаи, но чувствую себя весьма утомленным.

5) В № 8 «Молодого коммуниста» опубликован похабнейший фельетон про наши две главы из «Стажеров» в «Искателе». Ужасная гадость. Только моя выдержка дала мне возможность не пойти и не набить кому-нибудь морду. Последствия этого фельетона пока туманны. Фельетон направлен главным редактором изд<ательст>ва в редакцию Жемайтиса для принятия мер (?). Так что возможны осложнения со «Стажерами». Как реагировать, не знаю. Приедешь — подумаем, возможно, все-таки сходим к редактору «Молодого коммуниста».

6) Мне в «Известиях» срочно заказали рассказ на 2–3 стр. о двух космонавтах в условиях изоляции в долгом и дальнем рейсе. Психологическое эсс-э-э-э, как они говорят. Я сдался, но пишется туго, и я с ужасом гляжу на телефон. Если в «Известиях» под нашими именами появится что-нибудь говенное — не пугайся. Вот все. Твой [подпись].

Борис — брату, 14 августа 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

СО! (Если ты еще помнишь, что означает этот код. Сокращенно: ЕТЕПЧОЭК.) Итак: СО, ЕТЕП, ЧОЭК!

I. Нам необходимо сейчас отчетливо понять, в чем соль любого хорошего прозаического произведения. Если отвлечься от так называемого «хорошего языка», то проза хороша, когда: 1). Герои совершают многократные поступки. Желательно при этом, чтобы поступки были либо не очень тривиальными (лучше — просто нетривиальными), либо тривиальными, но рассматриваемыми под нетривиальным углом. Примеры: а). Абсолютно трезвый герой притворяется пьяным и на улице пристает к прохожим, чтобы получить по морде: он тайный мазохист. б). Герой-физик получает с завода мазер, обходит его кругом, ощупывает, включает, выключает и вдруг говорит: «Во, сила — здорово он приятно пахнет». Итак — действенность, активность героя — во главе угла. При этом нетрадиционная действенность (то, что меня так увлекает в Хемингуэе и Г. Грине) требует хорошего знания жизни, а нетрадиционный подход к традиционным явлениям требует хорошо развитого воображения и способности мыслить многопланово. 2). Герои говорят, думают и пишут небанально. Я имею в виду совокупную речевую и интеллектуальную характеристику вещи: парадоксы, афоризмы, шутки, красные словца и т. д. 3). Все в произведении происходит «вдоль» интересной, будящей воображение идеи.

Таким я представляю произведение нового типа, строго говоря — не классическое. Не классическое в том смысле, что оно будет, если поразмыслить, не психологическим. Вот то, что, по-моему, отличает новую прозу от старой. Непсихологичность, или во всяком случае — косвенная психологичность. Основной прием старой прозы: детально и всесторонне разобрать самым прямым и наглядным способом все психологические следствия ситуации, в которую попадает герой. Основной прием новой прозы: изобразить реакцию героя на ситуацию. В терминах естествознания: старые нудно и старательно расчленяли героя, разбирали его по цепочкам; новые — дают героя «черным ящиком» по схеме — ситуация, воздействие, реакция; а что внутри — догадайся сам: может — то, а может — это. Так, по-моему, обстоит дело. Старые воображали и воображают (некоторые), что человек в сущности своей прост: надо только разобраться в нем (по винтикам) и можно объяснить любой его поступок, и можно даже предсказать любой его поступок. Новые думают иначе: человек — машина сложная, и при данном возбуждении возможно много совершенно различных реакций, которые, как правило, нельзя предсказать.

Фактически спор между старым стилем и новым сводится, по-моему, к исходной гипотезе о человеке: прост человек или сложен. В этом смысле классики чертовски схематизируют героя, делая его «предсказуемым». Их человек — прост, ибо все, что поддается объяснению, — просто.

Однако все это дебри. А лично нам нужно учиться отыскивать поступки и слова. К этому сводится задача. Поступки и слова. Нетрадиционные поступки и небанальные слова. Что для этого нужно:

1). Время. Много времени для того, чтобы сидеть (лежать, стоять) и думать, думать, думать, переворачивая ситуацию так и эдак, как леденец на языке, до тех пор, пока не взблеснет.

2). Все, что ты перечислил в своем письме.

3). Четко и конкретно ставить задачу.

II. А теперь поговорим о «Магах». О «К» будем говорить в субботу, а о «Магах» мне хочется поговорить сейчас. Это должна быть сатирическая повесть-сказка à la Щедрин-Шварц. Идея и сюжет: экспедиция за счастьем для человечества. Главный герой — молодой способный маг-аспирант — сдает аспирантский экзамен. Ему надо защитить диссертацию. Тема: «Как сделать всех людей счастливыми и довольными». Он отправляется в экспедицию собирать матерьял и искать Белый тезис, который и представляет собою рецепт общечеловеческого счастья. В экспедиции — он шляется по разным людям, определяя, не излучают ли они Белым тезисом — он наталкивается на такие факты:

1). Белый тезис не один — существует масса фальшивок, вроде: «Чтобы все были довольны, надо каждому дать горшок и гараж — пусть зарабатывают на курицу и автомобиль» или «чтобы все были довольны, надо систематически истреблять недовольных» и даже «заведи себе младенца, зарази его корью, а через месяц сдай теще».

2). Не он один ищет Белый тезис. Он постоянно сталкивается и иногда даже конфликтует с группой молодых и старых магов (в том числе зарубежных), ищущих тезис. Причем ищут его из самых различных соображений: начиная с розового альтруизма, доходящего до полного идиотизма, и кончая разнузданным карьеризмом, когда все равно, что найти — настоящий тезис или фальшивку («главное диссертацию защитить — полчаса сраму, а потом обеспеченная жизнь»).

3). Не существует одного Белого тезиса для всех людей сразу. Слишком широк диапазон человеческих характеров: от угрюмой свиньи до отчетливого мага. Герой поэтому находит Белый тезис для себя: «заполни жизнь свою заботой о соседе; так сказать, вытащи змею из колодца, но успевай ее перевоспитывать по дороге, чтобы не оказаться укушенным». (Или что-то в этом роде.) И, защитив диссертацию, вдруг чувствует себя глубоко несчастным — ему скучно и тошно. Тогда к нему приходит друг и

предлагает искать СБМ-тезис (серо-буро-малиновый) — рецепт избавления от комаров. Герой оживает и принимается искать.

Все это кажется соблазнительнее «К», потому что здесь — сказочная, точнее, псевдо-сказочная обстановка (элемент сверхъестественного); п<отому> ч<то> мне нравится идея: Человек = человек + маг; п<отому> ч<то> здесь широчайшие возможности язвить и доводить до абсурда; п<отому> ч<то>, наконец, здесь гораздо большая потенция активного действия героев (в отличие от «К», где герои пока только мыслят и рассуждают), причем действия и смешного и великого.

Впрочем, об этом мы тоже поговорим в субботу.

III. Рассказ в «Известия»? Ну что ж. Уверен в твоём такте. Герои А. Стругацкого не станут вопить в эфир: «Согласно решению п<артии> и п<равительства> приступаю к заполнению ассенизационного мешка». А если и станут — бог с ними. Лучше бы, конечно, под псевдонимом.

IV. Фельетона (или чего-либо подобного) я давно с трепетом жду. Впредь нам наука: печатать только совершенно недискуссионные отрывки из книг, если мы хотим, чтобы книги выходили без лишних зацепок. Будем ждать, какие меры примет Жемайтис — эта старая и, по-моему, пуганая ворона. Сволочи все-таки, ей-богу! Так и представляю себе, как Некто, прочтя донос-фельетончик, говорит неспешно: «Надобно сыскать» и кладет здоровенную резолюцию. Даже не кладет, а откладывает. Хорошее выражение: «Отложил кучку резолюций, обрызгал ее молоками и пошел в столовую».

V. Теперь о докладе. Я вовсе не хочу его читать. Да и невместно. Мне только нужно, чтобы доклад числился и под моим именем тоже. Ты, вероятно, меня неправильно понял: мне всего-то и надо, что оправдать командировку.

Ну, до скорой встречи, целую [подпись].

P. S. Я тебе должен звонить по телефону, но если, скажем, не позвоню, то имей в виду, что приеду я в субботу, 18-го утром на «Стреле».

Аркадий — матери, 13 сентября 1962, М. — Гурзуф

Дорогая мамуська!

Вот уже три дня, как я в Москве. Работы навалилось — пропасть. Новостей особенных, впрочем, нет. Илья Михайлович лежал в больнице с сердцем, но сегодня выписывается. Машка <Стругацкая> больна ангиной. Ленкина работа в Интуристе кончилась, опять она на свободе, собирается съездить куда-нибудь отдохнуть. Я двадцатого еду в Казахстан в командировку от «Молодой гвардии», хочу взять ее с собой. «Возвращение» разошлось мгновенно, в магазинах больше нет ни одного экземпляра — во всяком случае в Москве.

Чувствую себя хорошо. Хочется работать, писать, переводить, ругаться. Сейчас еду в Союз писателей — отвезти для выставки наши книжки и переводы их на иномыслие. А как у тебя? Хорошо ли чувствуешь себя? Поправились ли? Напиши скорее.

Крепко тебя целую, твой любящий Арк.

Сердечный привет и благодарность Наталии Петровне <Митрофановой>.

Борис — брату, 13 сентября 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твою бандероль с письмом, столь содержательным и информативным. Посылаю тебе письмо нашего нового корреспондента и проект ответа на него. На новосибирское совещание посылается делегация и от Пулкова, и меня включили в предварительный список делегатов, однако вероятность того, что меня пошлют, весьма

мала: список содержит людей гораздо более достойных, а в делегации будет всего пять человек.

Общался по телефону с Брандисом. Нам с Варшавским предлагается выступить на очередном заседании секции и рассказать о «московском балагане», как обиженные ленинградские писатели назвали захарченское мероприятие. Я предложил также прочитать доклад о фантастике, и Брандис был горячо доволен. Спешно вышли мне еще пяток экземпляров «В». Брандис сказал, что Гор очень обидится, если ему не преподнесут экземпляра, а мы не преподнесли. Снабди высылаемые экземпляры своей подписью.

В ответе Манину вставь адреса фантастов, которыми он интересуется.

Мама пока не приехала и когда приедет, не знаю.

Я тут пока еще не вошел в колею, но уже понемножку начинаю ставить себя в независимую позицию. Постараюсь так в дальнейшем распределить время, чтобы выкроить полдня для литработы.

Крепко тебя целую, твой [подпись].

R<ost> T<extum>. Читал Британскую энциклопедию, про покер. Играли мы почти правильно, но порядок комбинаций иной, именно: покер; straight flush (то, что мы называли «флешь-ройяль»; на самом деле «флешь-ройяль» это частный случай: Т, К, Д, В, 10); «four-of-a-kind» (каре); «full house» (фуль); «flush» (масть); «straight» (стрит); «three-of-a-kind» (тройка); two pairs; pair.

Аркадий — матери, 14 сентября 1962, М. — Л.

Дорогая мамулька!

Скоро уже неделя, как я в Москве, не знаю, вернулась ли ты домой или находишься еще в Гурзуфе. На всякий случай пишу и туда, и сюда.

Особых изменений нет. Илья Михайлович лежал в больнице — у него после скарлатины было осложнение на сердце — вчера вышел. Ленка снова без работы, т. к. сезон в Интуристе закончился. Сейчас они с тещей собираются на несколько дней отдохнуть либо в Крыму, либо в районе Сочи. Детишки ничего, обе ходят в школу. Машке школа нравится, она даже огорчена выходными днями.

Дни стоят отвратные, дожди, холод. Да тут еще междугородные осложнения действуют на нервы. Одно спасение как всегда — работа. Работы, слава богу, по горло и выше. И много всяческих забот по мелочам — неоплаченные договора, конфликты с авторами, письма читателей и т. д.

«Возвращение» в Москве, кажется, разошлось, я в магазинах не видел. «Стажеры» еще не вышли.

Вот и все.

Крепко-крепко тебя целую, родная моя.

Твой любящий Арк.

Скорее напиши.

Аркадий — брату, 15 сентября 1962, М. — Л.

Дорогой мой brother¹.

20-го я уезжаю на 10 дней в командировку в Зап<адный> Казахстан — с группой авторов «Молодой гвардии» для пропаганды советской молодежной книги. Меня отпросил у нашего начальства директор «Мол<одой> гв<ардии>». Следственно, вернусь числа 30-го.

Новостей особых нет. «Стажеры» все еще в недрах типографии. Альманах тоже. Любопытно, что поспеет раньше? Альманах уже приходит т<ак> н<азываемыми>

¹ Брат (англ.).

чистыми листами, т. е. листами, готовыми к брошюровке. «Стажеры», возможно, тоже на той же стадии. А сборник с «Попыткой к бегству» — ждут сверку.

Нынче приехал из Крыма Север <Гансовский>, звонил. Грозится поставить тебе при следующей встрече мат и передает тебе большой привет. Ужо завтра съезжу к нему.

Думаю насчет «Катастрофы». Кстати, ведь нужно нам изменить название сборника. Какое предложишь? Напиши, постарайся успеть до моего отъезда. Я бы тогда сразу сообщил Жемайтису.

В «Катастрофе» придумал такой эпизод: к моменту возникновения Волны многие жители находятся в поле, на необозримых просторах планеты. Их бросаются разыскивать. И вот двое — он и она — кэмпуют где-то на берегу речки. К ним прилетает посыльный, предлагает немедленно вернуться в город. Они, узнав, в чем дело, возвращаться отказываются. Зачем? — говорят они. Мы здесь дождемся. Все равно не нам дадут место в ракете. А он им напоминает, что в городе много работы по отправке и переоборудованию ракеты, каждая пара рук нужна. И вот проблема: возвращаться им тошно. Перед лицом неизбежной смерти человеком овладевает пассивность. Как им поступить?

Пока все. Целую крепко, привет Адке.

Твой Арк.

Борис — брату, 18 сентября 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ужасно тебе завидую. Ты поедешь, озаряемый осенним солнцем, в таинственный Зап<адный> Казахстан, а я останусь на осточертевшей работе, цена коей дерьмо. Ты вот что, брат: заведи-ка себе книжечку и туда вписывай путевые впечатления, факты, слухи, анекдоты, речи и пр<очее>. Не исключено, что «родившемуся завтра» придется работать в Зап<адном> Казахстане или в местах подобных. А главное, постарайся отшелушить правду от речей и слухов. И водку-то, водку не дрызгай! Лопнет брюхо-то!

О «Катастрофе» думаю денно и нощно. Очень плохо в одиночку. Мысли появляются какие-то рыхлые и бесформенные, и не с кем их оформить в хорошем мордобойном споре. Главное — найти разнообразие реакций на катастрофу. У нас есть:

1). Пара, где она безумно любит малыша, а он ошалел от последнего и очень рад, что его удалось сунуть в корабль.

2). Пара, которая забирает своего малыша, потому что сопляк еще «слишком мал, чтобы любить жизнь».

3). Слепоглухой, который ни черта не понимает и только радуется жизни и своему скорому обещанному выздоровлению.

Хорошо бы ввести парня, который не верит в смерть наотрез. Он убежден, что все как-нибудь уладится. Просит улетающего на Землю пилота передать жене, чтобы «организовала отпуск к моему приезду и вообще не придавала бы значения всей этой чепухе».

Эпизоды:

1). К Горбовскому приходят аборигены и, стыдясь, суют ему чертежи, планы, схемы, формулы, картины, ноты. Трое парней приволакивают 200кг-установку, в которую вколотили пять лет труда. Горб<овский> отказывает. Тогда один из парней с размаху стучает установку ногой и уходит, прихрамывая.

2). На площади города перед смертью композитор устраивает прослушивание своего неоконченного концерта для фиолы с барабаном.

Население планеты: 100 чел<овек> детей (от 1 дня до 16 лет); 20 воспитателей; 40 ученых, занятых нуль-проблемами; 20 планетологов; 50 строителей; 50 пищевиков-ассенизаторов; 20 работников координатно-административного центра; 50 туристов без определенных занятий; 20 чел<овек> искусства (писатели, художники, композиторы,

привлеченные тишиной и пейзажами); 20 астролетчиков-испытателей по нуль-принципу; 10 врачей-профессионалов. Таков контингент.

Главная трудность состоит в том, чтобы не удариться в лакировку или в обличение животного начала. Было бы идеально написать так, чтобы оставалось впечатление чего-то светлого, несмотря на весь мрак и ужас неизбежной смерти. Тяжело!

Ну, крепко жму руку, желаю тебе удачи в Казахстане,
твой [подпись].

P. S. Обязательно вышли экземпляры «В»! Обязательно!

Привет Ленке.

И напиши письмо маме. Она будет на юге до конца сентября.

Крым, Гурзуф <...> Митрофановой

Аркадий — брату, 1 октября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Вчера ввечеру вернулся. Устал как собака. Цель поездки: пропаганда молодежной книги. Метод: выступление перед коллективами читателей. Место: Актюбинск, Гурьев, Уральск. Районы оных же. Было зело интересно. Плавали по Уралу на Каспий, ели в казахской деревне бешбармак, жрали ложками черную икру. Подробности, если интересно, потом.

Информация:

1. «Стажеры» выйдут в октябре, альманах тоже.

2. На пленуме молодых писателей Громова выступила и восхвалила нас. Впрочем, выслушали и забыли.

3. В Горьком 4-го телепередача с экранизацией 1-й главы из «Искателя» — «Нищие духом». Меня просят приехать и выступить. Наверное, съезжу.

4. «Человек из Пасифиды» вышел в «Сов<етском> воине» в безобразном виде. Подонки. Винюсь перед тобой. Хорошо еще, что этот журнал наши знакомые не читают.

5. Сегодня позвонили из «Вопросов литер<ату>ры», куда я послал нашу статью о фантастике. Статья понравилась, но просят что-то доделать. Завтра иду разговаривать.

Все.

Жду письма. Целую, твой Арк.

Поцелуй маму и Адку.

Борис — брату, 4 октября 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Наконец-то ты вернулся. И, кажется, жив и даже здоров. Обязательно напиши поподробнее, что ты там говорил, какие вопросы задавали, какое у тебя общее впечатление от уровня духовной жизни и на каких конкретных фактах оно общее впечатление зиждется. Если были приключения — тоже напиши. Надеюсь, твоя запкнижка пополнилась анекдотами, хохмами, фразами и ситуациями.

Я тут существую помаленьку. Честно говоря, работаю мало. Но все-таки думаю о «Катастрофе». Прибавились кое-какие эпизоды и ситуации. Правда, всё по мелочам. Но духом не падаю.

Было у нас заседание писателей. Я выступал с речью. Излагал результаты московского бардачка. Прошло успешно. Тогда же был составлен план работы и первым же пунктом включен наш доклад. Зачитаю его 12-го сего месяца (кстати, там в докладе я в перечне «хороших» редакторов вставил Дмитревского и Травинского — учти это при составлении статьи). Тогда же разбирался вновь вопрос со Львовым. Обоср...ся от ужаса секционеры отменили все свои решения и теперь с криком и визгом

отмежевываются. Подробно эту историю излагать в письме не буду, но знай, что несмотря ни на что над Львовым таки нависла тяжелая рука правды. Если не будет очередного зажима, то в ближайших номерах «ЛитГаз» жди грозного письма о Львове. Письмо составлено нашими ребятами и подписано крупнейшими физиками СССР. Так что по шапе Львов все-таки, видимо, получит. Мера, конечно, временная, но ничего другого, сам понимаешь, сделать сейчас нельзя. А Зайцева уже реабилитировали.

Новости твои очень приятны. Буду ждать «С». Очень хочется подержаться. «ЧиП» я уже получил. В 3-х экземплярах. Что с ними делать — ума не приложу. Одно утешение — гонорар. Стыдно, конечно. Больше не будем этого делать.

Как дела с Андреевым? Каковы планы? О чем размышляешь?

Пиши. Целую, твой [подпись].

P. S. Привет всем!

Аркадий — брату, 6 октября 1962, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб.

О поездке в Горький я напишу маме, там и прочти. А тебе я хочу отчитаться за посещение «Вопросов литературы». Говорил со мною сам Озеров. На нашей статье его резолюция: «Тов<арищ> Лазарев. Статью нужно довести. Вызовите соавторов». Ну, соответственно, вызвали. Озеров — хмурый интеллигентный мужик с брезгливыми губами. Статью держал двумя пальцами и во время разговора небрежно ее листал, делая язвительные замечания и читая избранные места издевательским голосом. Говорилось много: и о тупости стариков, не понимающих роли фантастики; и о — заметь! — том, что они, «Вопросы л<итерату>ры», всегда занимали в отношении фантастики хорошую позицию, и о том, как надо писать статьи. А по сути вопроса нам предложено следующее:

1. Статью переделать.

2. Статья принимается журналом.

3. Журнал ждет переделанную статью в конце октября — начале ноября, с тем чтобы опубликовать ее в январском №.

Какие от нас ждут переделки:

1. Чтобы статья была написана не литературоведами, а подана как результат размышлений двух талантливых авторов.

2. Все определения, перечисления, дефиниции и научные термины убрать раз — навсегда — совсем. Соответственно, вышвырнуть в корзину почти всю первую четверть статьи. Исходить из того, что читатель «ВЛ» и без нас знает, во всяком случае — интуитивно, что понимается под фантастикой, и для чего читают худ<ожественную> л<итерату>ру, и что фантастика нужна.

3. Круто изменить тон статьи. Сделать ее нападательной, агрессивной, а не жалобной. И злой и веселой. До издевательности.

4. Больше ставить проблем и оставлять их нерешенными. Сделать статью дискуссионной. Они хотят втянуть в обсуждение проблем фантастики большую критику.

5. Основной упор сделать на то, о чем мы мало и несмело говорили: о неумении и боязни больших литераторов. Размерами нас не ограничивают.

Вот так-то. М<ежду> п<рочим,> «ВЛ» здорово взялись за это дело. Прочитай в № 8 статью Ефремова и в № 6 статью Кагарлицкого. Это, правда, не совсем то, что нужно, но когда я возразил Озерову, он резонно ответил: «Вот вы и сделайте то, что нужно».

Пока все. Жду ответа и соображений.

Целую, привет Адке, твой Арк.

Борис — брату, 10 октября 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Чуть задержался с ответом из-за начальства, которое опять уехало шляться по заграницам и все дела перевалило на меня.

Итак, от статьи не оставили даже руин, где можно было бы помочиться в лунную ночь, и статью все же приняли. Странно. И естественно. По-видимому, «Вопли» плохо берут, и они хотят устроить небольшой скандалчик, чтобы повысить тираж. Или Андреев упоил этого Озерова до критического состояния (кстати, кто такой Озеров, я не знаю, и ты напрасно называешь его «сам Озеров». Для меня он не сам. В лучшем случае — самец).

Я так понял, что статью нужно не переделывать, а писать заново. Что ж, попытаться можно. В таком примерно плане:

1). Раздумья о проблематике фантастики (нарисовать мощную картину идей, которых у нас почти нет, красками, которых у нас нет почти).

2). Раздумья о том, может ли современный контингент фантастов осилить эту проблематику. И почему не может.

3). Раздумья о том, кому эта проблематика нужна и интересна. И почему она была не нужна и не интересна в период господства к<ульты> л<ичности> С<талины>. («Читатель»).

4). Раздумья о редкой разновидности кретинов, по штатному расписанию числящихся как «редакторы».

5). Раздумья о том, без чего фантастическая литература не могла бы прожить и дня, — о критике.

б). Призыв отряхнуть прах и развернуть стяж.

Так, по-видимому? Если так, то нужны совершенно конкретные факты, на которых будут базироваться пп. 2, 3, 4, 5. Разговоры, заявления, выразительное молчание и активные действия. Без фактов мы никуда не уйдем. Раздумий не получится.

И вообще, как ты предлагаешь работать? Произведи-ка проектировку и представь мне на обсуждение. Ты, я чувствую, горишь, а у меня, может быть, опущение рук и разлитие мочи. Новостей особых нет. Вот в пятницу буду читать доклад, а в субботу пить чай с писателями. Тогда, м<ожет> б<ыть>, и новости будут.

Крепко целую, скучаю, твой [подпись].

P. S. Привет всем от всех.

Аркадий — брату, 14 октября 1962, М. — Л.

Дорогой брат!

Посылаю тебе первую половину статьи, как я себе ее мыслю. Твое дело — закончить. Мои предложения:

1) Раздел критики оставить без изменений, только меньше нажимать на Кочетовых и Николаевых (стр. 23 первого варианта).

2) Раздел читателя дать без классификации, просто провести идею, что читатели бывают разные, причем распространить это на всю литературу.

3) Раздел «перспективы» увеличить. Дать там понятие об уэллсовском направлении (стр. 8). Рассказать о расколе в фантастике и покритиковать:

а) Позиция Сыгина-Немцова — примитивизм, расчет на неграмотных.

б) Позиция Росоховатского — в фантастике важна головокружительная идея, а не литература — помнишь?

в) Позиция Днепров-Анфилова: строгая научность фантастики.

И придумать к статье концовку. Жду присыла статьи числу к 20-му.

Теперь такое дело. Андреев требует нашего выступления в «Лит<ературной> газ<ете>». Я накропаю страниц 7–8 на машинке. Прошу полномочий.

Гансовского хочу заставить дать в «Лит<ературную> газ<ету>» статью о «Возвращении».

И еще — пока строго конфиденциально от мамы: с 1 ноября я уйду с работы. В декабре буду в Л<енингра>де до Нового года.

Все. Целую крепко, твой Арк.

Привет всем.

Борис — брату, 14 октября 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ну вот и состоялся наш доклад. Народу было человек тридцать. Доклад неоднократно прерывался смехом и шумом аудитории, и в конце его (доклада) раздался даже 1 (один) аплодисмент. Оценки доклада колебались от «очень хороший» до «блестящий» включительно. При обсуждении здравых мыслей высказано не было. Все почему-то в основном налегало на вопросы, связанные с терминологией, и предлагали углубиться в историю фантастики. В заключительном слове я призвал фантастов пытаться создать некое подобие теории коммунизма, а редакторов — быть помягче и поумней (после заседания престарелая тетка, по виду — высокопробный редактор со стажем, — сказала мне, что заключительным словом я испортил все впечатление). Дискуссия о коммунизме была продолжена в баре Писдома и кончилась рассказыванием еврейских анекдотов. В дискуссии я был если не разгромлен, то во всяком случае заклеямен нехорошим словом «оптимист». Продолжение дискуссии сегодня. Прерываю письмо до завтра.

(Чтобы не забыть. Некто Кан — ленинградский спец по зарубежной фантастике — после доклада умолял нас смягчить жестокий приговор, вынесенный нами западной фантастике. «Вы поймите, ведь вы гробите всякую возможность переводить западников на русский!» Он прав, по-моему, и это единственное толковое замечание по поводу доклада.)

Продолжаю на другой день. У нашего нового друга Владилена Травинского (отв<етственного> секретаря «Звезды») собралось изысканное общество. Присутствовали:

1). Хозяйка и жена Таня <Калецкая>. Очень славная тихая женщина, которая пишет чудесные грустные и страшные рассказы о сегодняшних буднях. Пока не печатается, но вот уже пара ее рассказов (правда, не лучших) принята в «Неву».

2). Хозяин — здоровенный плотный толстяк лет 33–35 с одышкой и манерами комсомольского вожака. Чрезвычайно симпатичен, умен, знающ. Великий политик и дока в области практической жизни. Прошел огонь, воду и канализационные трубы. Даже некоторое время работал в милиции — милицейская фуражка до сих пор висит над дверью как некий символ и напоминание. Он тоже пишет. Область интересов — международная политика. Готовится выпустить книгу «Черные судьбы» с беспристрастным изложением биографий некоторых деятелей, вроде генерала Ферча. Сейчас пишет нечто обширное по поводу «Руси изначальной». Большой любитель фантастики. Считает нас талантами, не поднявшимися, однако, до уровня социальных обобщений. Требуется повести о конфликтном и яростном коммунизме.

3. И. И. Варшавский, тебе известный. Напился как всегда до хрипоты и кричал: «У меня есть такое желание — всех передуть. Первым я задую Травинского, а последним все-таки Стругацкого». Мы с ним все время спорим о будущем, пытаюсь найти Закон. При этом я рассуждаю как пессимистический оптимист, а он — как оптимистический пессимист. Толку от обоих мало.

4. Димка Брускин, переводчик Лема. Пижон и хохмач. Двухное анекдотохранилище и анекдотовыдавалище. Я от таких людей совсем отвык, а ведь когда-то и сам был. Очень хвалит «В».

5. Миша Хейфец, человек, пострадавший через собственную фамилию. Сейчас опять без работы. Репетиторствует и ходит без пальто по морозу. Историк. Пишет книгу «Народная Воля». Я читал первую главу: «Потерпевшие поражение», про Каракозова — очень интересно, хотя и не больно литературно.

6. Несчастный Зайцев, жертва Львова. По-моему, он дурак, хоть и видный ученый. А может быть, это у него от озлобленности: совершенно лишен чувства юмора.

7. Некто Витя не то Кернадский, Бернадский — в общем тоже нул. Режиссер Научпопфильма. Мечтает поставить фильм о парапсихологии. У него куча знакомых парапсихологов. Телепатия для него совершенно уже доказанный, но пока еще не объясненный факт.

8–9. Мы с Адкой.

Водку жрали безобразно и беззакусно. Было интересно поспорить и послушать. Совсем иной мир. Да! Была еще одна редакторша из «Звезды» — дура душой. Что это у нас с редакторами? Аж страшно делается.

Я прочел в «Ин<остранной> лит<ерату>ре» Пристли «31 июня» — прелестно. Почти «Маги». Но «Маги» должны быть гораздо лучше — смешнее и злее.

Интересно, что «В» понравилось всем любителям фантастики и не понравилось ни одному из ненавистников. Это значит — мы очень мало сделали.

Крепко целую, твой [подпись].

P. S. Да! Имей в виду, Гор презентовал тебе своего «Докучл<ивого> собес<едника>» с подписью. Просто у меня нет времени переслать.

В дополнение имею сообщить:

1). Решено организовать сборник ленинградской фантастики. Я дал согласие. Там будет вся кодла: Гор, Варшавский, Шалимов, мы, переводы Брускина и т. д. Редактор-составитель Брускин. Я член общественной редколлегии. Правда, что мы им дадим — ума не приложу.

2). Передай личный и огромный привет Северу. Скажи, что я по нему соскучился. И скажи, что мой ход: d2-d4. Пусть отвечает, дай ему адрес.

3). Есть идея: сделать героя «К» — дураком. Несчастный человек, генетически не способный приложить свои силы к делу, которое любит. Кстати, как мы будем писать «К»? Какие планы?

Аркадий — брату, 18 октября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Во первых строках уведомляю тебя, что из моей попытки удрать из Детгиза ничего пока не вышло. Меня ловко обезвредили предложением взять три месяца творческого отпуска, кои я и взял. Итак, с 1 ноября я в творческом отпуске. В конце ноября или в самом начале декабря я имею быть в Ленинграде и не уеду оттуда до тех пор, пока мы не напишем хотя бы одну повесть — пусть мне придется жить на ваших хлебах до марта (на этот случай мне дали понять, что если я не уложусь, отпуск можно будет продлить). Было бы, конечно, очень славно, если бы тебе тоже удалось взять отпуск, но учти, это совсем не обязательно, особенно если это связано с какими-нибудь унижениями. Итак, я в декабре буду в Л<енингра>де. Ты спросишь: почему не в ноябре? Я отвечу прямо, по-стариковски, со всей ответственностью: я не хочу приезжать с пустыми руками. Я хочу привезти черновик рукописи страниц на сто — сто пятьдесят. Ты с удивлением и недоверием спросишь: черновик чего? И я тебе, смущаясь и краснея, пролепечу в ответ: «К-к-кракена...» Увы, я сознаюсь: я хочу писать «Кракена». И я его, простите, буду писать по три-пять страниц ежедневно с первого ноября. Абгемахт? Но ты не приходи в гнев, о

брат мой! Мало того, шли мне ситуации и предложения (по возможности). Черновик будет — я знаю — похабен, но надо же с чего-то начинать! Сейчас я ломаю голову над подробностями сюжета, думаю и думаю, даже аппетит потерял. К первому ноября надеюсь все обдумать.

(Конец первого периода)

Во вторых строках уведомляю тебя, что «Альманах» с «Должен жить» будет получен сигналом примерно в понедельник, 22-го. О «Стажерах» пока ничего не слышно, и это хорошо. Если бы «С» вышли после того, как альманах поступит в продажу, было бы идеально. Что касается до сборника «Фантастика-62», где будет публиковаться «Попытка к бегству», то сей сборник подписан в печать и послан в типографию раз и навсегда.

(Конец второго периода)

В третьих строках информирую тебя, что происходит в висчих [так напечатано] сферах. Андреев рассказал, что, выведенный из себя подонческой позицией секции приключений и фантастики ССП, в коей он и сам состоит, он потребовал ее немедленного созыва. Присутствовали: Казанцев, Немцов, Лагин, Адамов, Ким, Гуревич и Ляпунов. Андреев в качестве стороннего наблюдателя пригласил тут же и Ариадну Громову. Тушкан (председатель секции) по обыкновению оказался на отстреле лосей (обыкновенно он находится на очередной выставке охотничьих собак). Андреев спросил: сколько членов новых продвинула секция в ССП? Ответом было молчание. Андреев спросил: чем секция занималась последние несколько лет? Тут стали говорить о совещании фантастов, но Андреев с презрением все это отвергнул и сказал, что это сами фантасты устроили и секция здесь ни при чем. Затем, обедая сочленов тяжким пьяным взглядом, Андреев потребовал немедленного самороспуска секции как негодной организации. Неожиданно его поддержали Ким и Адамов. Поднялся геволт. Казанцев встал и вышел, хлопнув дверью. Секция разошлась в смятении, а Андреев отправился в партком ССП и изложил свои взгляды на положение. Там его поддержали. Туша Тушкана давно уже всем глаза намозолила. По мнению Андреева, в декабре примут в Союз нас и Днепрова, затем секцию распустят и организуют новую, во главе которой будет самый зубастый из нас — Толя Днепров, а в секцию войдут Андреев, Громова, Стругацкий. Слушая все это, я поеживался. Да, Андреев рассказал под большим секретом всей нашей фантастической кодле на прошлом понедельнике, что Казанцев, с которым он в ссоре, предлагал ему идти на мировую при условии, если Андреев поддержит его против «молодых». Что сей сон значит — ума не приложу.

(Конец третьего периода)

Во четвертых строках сообщаю тебе, что сверхъестественными усилиями Ариадны Григорьевны Громовой «Возвращение» читают все более или менее значительные работники советской литературы. На сей предмет она выморщила у меня три экземпляра и пустила их по знакомым — а знакомые у нее почтенные. Уже получены (независимо друг от друга через Андреева и Громову) восторженные отзывы о «В» от Славина (не от Жени, а от автора «Интервентов» и др<угого>), от Радова (это шишка в «Лит<ературной> газ<ете>») и большой критик), от Степана Злобина (который «Степан Разин»). А вчера мне сообщили, якобы Злобин написал рецензию на «В» и она, рецензия, якобы будет опубликована в «Лит<ературной> газ<ете>».

(Конец четвертого и последнего периода)

Можно было бы и еще порассказать что-нибудь, в частности — о наших последних фантастических сборищах и о том, как Андреев с пеной у рта ругал нас всех хлюпиками и лентяями за то, что не выступаем в прессе — да ладно, это не столь уж жизненно важно.

Устал я печатать, братец, вот что.

Передай мамочке большой привет и сообщи ей все эти новости.

Поцелуй Адку. Все.

Крепко целую, твой Арк.

Борис — брату, 21 октября 1962, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Как всегда, я затягиваю. Высылаю тебе только две главки: критика и читатель. За мной еще перспективы. Кроме того, я попытаюсь исправить вводную часть, которая мне не нра. Надеюсь всю эту баланду закончить в течение следующей недели — до 27-го.

Очень рад, что ты намереваешься приехать в декабре. Это будет чертовски в жилу: Адка уедет в командировку на месяц, Андрюху сдаем в Киев, я надеюсь вырвать отпуск за свой счет (провались они там все!). Будем писать «К»! Целиком, конечно, не напишем, но фундамент зложим. Что до твоего бросания работы — что ж, дело хорошее, благородное дело. Через год, если все будет хорошо, и я брошу. Вот когда поработаем! А почему это следует скрыть от мамы? Не понимаю. Напиши ей и не выдумывай, а то она обидится и будет права. Мы и так от нее все неприятности скрываем, а это же не неприятность, надеюсь?

Для ЛитГазы статейку, конечно, дай — отчего же. Только пришли экземпляр и мне. Может, я что-нибудь дельное предложу.

Если Север напишет про «В», будет здорово. А то я все заглядываю в ЛитГаз — ничего! А помнишь, мы думали: заклюют, разнесут. А всем попросту наплевать. И Рюриков — я на него надеялся — не мычит, не телится.

Ну ладно. Жду писем, ужасно жду «Стажеров», твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Всем привет от всех.

Был давеча в «Звезде» на обсуждении выставки одного молодого абстракциониста. Ну и бордель! Сплошная терминология и ни грана смысла.

Р. Р. S. Получил твое письмо с циклами. Очень приятно было читать. Я вижу — жизнь не замерла. Она идет. И протоплазма продолжает пожирать протоплазму же.

Аркадий — брату, 26 октября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Пишу коротко.

Во-первых. Получили сигнал альманаха. И так, ликуй, Исая! «Должен жить» увидел свет.

Во-вторых. У меня тугое время. Сегодня я на радиокомитете записываюсь с выступлением о человеке будущего (наш доклад на конференции я им подсунул, слегка изменен и переставлен). Завтра читаю нашу статью в Детгизе на литературных чтениях. А послезавтра выступаю в Политехническом музее в компании с Днепровым, Полещуком, Громовой и другими москвичами.

В-третьих... Все, кажется. Работаю над планом «Кракена». Первый вариант плана уже готов. Сейчас делаю второй.

Альманах, как скоро <экземпляры> будут в фонде, пришлю.

«Стажеры» пока в типографии. Молю бога, чтобы пролежали там до декабря. Бог, кажется, слышит.

«Попытка к бегству» по подписании в печать угодила к цензору. Будем надеяться на лучшее. Впрочем, это весь сборник попал к цензору.

Целую [подпись].

Борис — брату, 28 октября 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Высылаю тебе остатки. Писать было невыносимо трудно кроме всего прочего еще и потому, что у меня тоже туго с временем. Все это мне не нравится, но я до того обалдел,

что сделать уже больше ничего не могу. Чирикай и кромсай. Только вот не нравится мне первый абзац статьи: к чему излагать собственную историю — как-то это дурно пахнет. Может, что другое придумаешь для завязки? И ругань мне не нравится, но я надеюсь, что этим займется редактор.

Получил твое письмо. Очень рад, что ты там нарасхват. Не понимаю, чего это ты молишь бога о задержке «С». Ты мне всегда говорил, что все улажено, ни у кого претензий не будет и вообще олл райт. Не понимаю. И поэтому молю бога, чтобы «С» вышли как можно скорее — очень хочется подержаться.

Увлечение твое «Кракеном» дело неплохое — действуй, безработный счастливчик! Я тут думаю о «К», а пишу совсем другое — пародию на Варшавского. Кончу — пришлю.

С писателями встречался пару раз, и каждый раз они напивались до покачивания. Давеча была в Писдоме лекция доктора наук Андреева про математическую лингвистику и машинный перевод. Я не понял ни хрена, а уж на писателей и старых редакторш смотреть было просто жалко. Андреев интересный человек — редкий в наше время среди кибернетистов ортодокс — отрицает возможность создания разумной машины. После лекции подошел и представился — большой, оказывается, наш почитатель. Но ужасно самомнивый <...>

Как там Север? Часто его вспоминаю, люблю. Вот человек — видеть приятно.

Ты «Кракена» подготовь пофундаментальнее — на меня надежды мало, я «Катастрофу», наверное, не доведу до законченного скелета, хотя и буду стараться. Сейчас все время ясные ночи, Адка наблюдает, а я сижу с Андрюхой и потому мне не до литературы — не пишу ничего, а читаю только стихи: «Три веселых кошечки чешут по дорожечке». Впрочем, Граниным наслаждался.

С Шалимовым познакомился. У него красный носик с прыщом на кончике. Почему-то мне кажется, что прыщ этот непреходящий. Приставал ко мне насчет происхождения Земли и планет. <...> и не читал я его — бог с ним.

А вот приятный человек Кан — специалист по физике и фантастике. Советскую фантастику он не ценит, зато читает зарубежную на шести языках. Не мог бы ты прислать для него сайнсфикшн: дубликаты — в подарок, нет дубликатов — просто почитать. Он «Зеленых холмов Земли» даже не читал, бедняга.

В связи с «Катастрофой» меня очень интересуют два персонажа: дурак и гений. Самые трагичные фигуры коммунизма. Дурака я представляю себе неплохо и хочу сделать его главным героем. С гением сложнее.

Ну ладно. Жму, целую. Большой привет Ленке. Твой [подпись].

P<ost> T<extum>. Прислал бы, что ли, вариант плана «Кр<акена>». Дело ведь нелегкое, может, помогу. Да и в курсе мне быть надлежит.

P. P. S. Не помню, дадут мне еще денег за «ДЖ» или нет?

Аркадий — брату, 1 ноября 1962, М. — Л.

Дорогой Борик.

Первый день моей свободы. Не мудрствуя лукаво, перепечатал я все, что ты прислал, только слегка изменил и вставил про литературных подонков, и позвонил Лазареву в «Вопли». Он сразу меня спросил: «Как у вас дела?» — «Готово», — говорю. Завтра повезу. Начало исправлять не стал, ты уж перебейся. Чего им в зубы смотреть? Бить надо.

За «Стажеров» не беспокойся. Обычная для «Мол<одой> гв<ардии>» история. Редакция Жемайтиса план выполнила, а подоночные редакции — публицистика и прочее г... — нет. Так поэтому пускают в первую очередь в печать невыполнивших. Бела Григорьевна рвет и мечет, но ей говорят: будьте патриотом всего издательства, а не только своей редакции. Так что ты не беспокойся. А рад я задержке потому, что пусть сначала альманах выйдет и распродается, чтобы на нас нареканий не было. Хоть

месячишку расстояния бы. Меня больше волнует «Попытка к бегству» — она сейчас в котгах цензуры, оказывается. Будем ждать.

Что ты мне пародии на Варшавского сулишь? Ты мне самого Варшавского дай почитать. Ведь не читал же я ничего.

Слушай, Бела Григорьевна напомнила мне, что мы в плане 63-го года и что обязаны сдать рукопись до апреля. Чуешь? И еще: не помню, писал ли я тебе, но я вставил нас в план Детгиза на 64-й год под названием «Седьмое небо». Название пока не обязательное, но книжечку надо бы написать. Про магов. Легкомысленную. Веселенькую. Без затей. А? Мечта! А?

Последняя часть Гранина мне не понравилась. Уж очень натяжка, на мой взгляд. Happy end and a Kiss upon the butts¹.

Выступал в Политехнич<еском> музее совместно с Андреевым, Громовой, Днепровым, Полешуком, Парновым и Емцевым. У нас очень много поклонников. Ленка сидела в зале, и вокруг нее шептались: «Хороши ребята, а Стругацкие все же лучше всех пишут». Я с амвона как трахнул: «Нужно будет — про ведьм и колдунов напишем, нам наука не указ». Что тут было! Хохот, аплодисменты, негодование! А после выступления обступили меня и давай терзать и брать автографы и спрашивать, почему тебя нет, не заболел ли, упаси бог. Один напал на меня за ведьм и колдунов, тут его оттерли сразу.

Ну, ладно. План «К» пришлю днями, хоть он не в очень хорошем состоянии. Но помощь твоя нужна. Если сможешь, помоги.

А я тебя целую крепко и жму руку.

Твой Арк.

Аркадий — брату, 4 ноября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Посылаю, как обещал, развернутый план «Кракена». Не знаю, как он тебе покажется. Видишь, получился только один герой, остальные — более или менее эпизодические лица. Жду контрпредложений.

Особое внимание обратить на главы седьмую — спор между Андреем и Виктором — и на девятую — беседа с Кракеном в бреду. Это ключевые в смысле идеологии главы, их трэба обсосать особенно тщательно.

Деньги за «Должен жить» тебе положены, и не маленькие, ок<оло> 1000 р.

Все. Целую, Арк.

Борис — брату, 5 ноября 1962, Л. — М.

Дорогой Арк!

Поздравляю тебя и твоих чад и домочадцев с праздником Великого Октября. Мы встречаем этот праздник в обстановке нового творческого подъема. План литпроизводства на 1961–1962 год усиленно выполняется, началась работа в счет 1963 и 1964 года. Ты усиленно работаешь над планом-скелетом «Кракена», я — над планом-скелетом «Катастрофы», а империалисты в это время готовят новую человеконенавистническую бойню. Насколько я понял, в ближайший год нам надлежит написать: «Кракен», «Катастрофа», «Родился завтра» и «Седьмое небо». Это потребует огромного напряжения всех сил, если учесть, что за то же самое время я должен буду в совершенстве освоить работу малой электронно-счетной машины ЭВ–80–3М и в полусовершенстве — работу средней электронно-счетной машины Минск-2, а ты — начать и кончить к переводов с m языков на n языков. Но трудности не испугают строителей самого совершенного в истории общества. Стяги реют, и ничто не остановит победного ветра, каковой, дуя из

¹ Счастливая концовка и поцелуй в задницу (англ.).

будущего, овекает как стяги, так и наши мужественные и вдохновенные лица. Куба — да, янки — нет. Вперед!

Ты, наверное, уже знаешь, что вышел калининградский сборник научно-фантастики и там — наш «Глубокий поиск». Издание красивое.

Постараюсь раздобыть для тебя рукописи Варшавского. Действительно странно, что ты его до сих пор не прочел. Это, фактически, идет смена Днепрову, причем на более высоком уровне, а может быть, в дальнейшем и еще что-то — новое направление, что ли. Но пока его везде и непрерывно заедают редакторы.

Был давеча у писателей. Печальный был вечер. Жалко смотреть, как они спиваются. Что за дурацкое время, когда водка правит человеком. И как раз тогда, когда надо быть собранным, жестким и холодным. В «Кракене» герой должен спиваться — этак с прибаутками, с хохотом, страшно.

Я вот сегодня ночью не спал, все думал и думал. В частности — о статье. Все-таки плохо, что там много ругани. Понимаешь, ругань — дешевка. Резкий — это ведь не грубохамский. Надо быть язвой, а не хамом. Хамство дает могучее оружие в руки противников, потому что более всего бросается в глаза. И в статье не видно ни мыслей, ни идей — одно хамство. Я уповаю на редактора, но может случиться, что ему наплевать (был бы скандальчик), и статья в смысле воздействия пропадет даром и может даже повредить. Ты подумай об этом. Морды бить — не аргумент. Это, может быть, и полезно, но со стороны производит настолько отталкивающее впечатление, что невольно начинаешь жалеть избиваемого.

План «Кракена» жду. И тебя жду.

Крепко жму руку, твой [подпись].

P. S. Привет всем нашим.

P. P. S. Знаешь, за что здесь хвалят братьев Стругацких? За диалоги! Очень приятно это слышать.

Борис — брату, 9 ноября 1962, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Ознакомился с план-скелетом «Кракена». План-скелет произвел на меня странное впечатление. С одной стороны, я восхищен богатырским размахом, с другой стороны, удручен отсутствием какой бы то ни было ясной идеи. У тебя получилась бытовая повесть, очень растрепанная идейно и с совершенно неоправданно острым и изумляюще неожиданным концом. Конец отвращает меня сильнее всего. Он не оправдан ничем. Я не говорю уж о том, что истерика Андрея сама по себе очень дурно пахнет. Но дело и в том, что я не понимаю, откуда она взялась. Ну жил себе человек, не тужил. Деньги у него есть, работа интересная, друзья хорошие, баба есть. Так в чем дело? Сепией он отравился, что ли? Откуда эта экспрессия и истерика? Что ему Кракен? Я понимаю, символ там и все такое, но для того чтобы дойти до разрушения символов, надо весьма основательно обалдеть, прийти в тупик и почуять полнейшую безысходность. Ничего этого в плане нет. Жил себе человек, почесывался и вдруг — бац: полежал на диване, подумал и пошел хулиганить. Это раз. Во-вторых, Кракен в повести кажется совершенно лишним. Герой сам по себе, Кракен сам по себе. Они не связаны ничем естественным, Кракен притянут за гектокотиль. Он, собственно, даже не символизирует ничего. Словом, получилось странно. Ты пиши то, что есть. Не пропадет, но план придется менять. Пиши сейчас, не столько упирая на сюжет, сколько на беседы и рассуждения. В конце концов, это труднее всего. А точный план с выходами в разные идеи обдумаем вместе.

Я сейчас начал писать «К». По-моему, может получиться очень живая вещь с идеями насчет проблематики будущего общества. Проблемы конкретно такие: положение в обществе дурака и гения; стихийность развития науки с неожиданными результатами, мотающими путь истории из стороны в сторону; что самое ценное в обществе. Хочется

написать повесть трогательную, сдержанную и трагичную — про «общество как общество» без всякой розовости и соплей. И спектр героев: придурок — славный, добрый, но совершенно серый в смысле способностей парень, который очень хочет, но совершенно не может заниматься физикой; гений — язвительный скептик, который видит так далеко, что его никто не понимает; и Горбовский — герой своего времени. Впрочем, тебя это сейчас, вероятно, не интересует.

И вот что я тебе скажу: надо нам изучать историю. Там, по-моему, хранятся неиссякаемые запасы аналогий и ситуаций, не говоря уж о том, что мы, может быть, сейчас выдумываем то, что давным-давно уж было сказано (например, у Энгельса прямо и очень точно сказано насчет коммунизма как эпохи «очеловечивания человека»). Не знаю, правда, с чего начинать — с Карамзина, что ли?

Для «Кр<акена>» предлагаю:

1). Вставить как-нибудь рассказ «В наше интересное время».

2). Сделать Андрея женатым. Это лучший способ довести умного человека до осатанения и ненависти к мещанству.

3). Развернуть образ Виктора. Виктор должен действовать. Пусть он все-таки вырастит себе что-нибудь в мозг и наполовину загнется от этого.

Как там наша статеечка? Доходит? Прикроют ее, я думаю. Как твой доклад в Детгизе? Как вообще живешь без работы? Опиши целый день, взятый наугад. Как козни Казанцева и козни Андреева? Не продали пока еще молодых фантастов? Продадут как пить дать. Что пишут Емцев и Парнов? Что пишет Север? Все это надо сообщать.

Крепко жму лапу. Твой верный [подпись].

P. S. Привет всем, особенно Ленке и Северу.

P. P. S. Прочел давеча параллельно: «Наш человек в Гаване» и «Поп<ытку> к бегству». Тяжело!

Аркадий — брату, 11 ноября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Так и знал, что в плане не удастся показать ясно цель. Дело в том, что «Кр<акен>», как я его мыслю, никак не определяется внешними действиями или даже разговорами героев. Идея такая: современные интеллигенты, как физики, так и гуманитары, думают и думают о судьбах человечества. Но как всегда, самые важные и интересные вещи заслоняются от людей миллионами мелочей, эти главные вещи не играют и не могут играть в жизни самых заинтересованных людей главной роли. О главном говорится обыкновенно в ленивых и хохмаческих разговорах за бутылкой, о них даже не принято говорить серьезно. Но вот возьмем людей, которых это главное волнует по-настоящему. Один пытается решить это главное в своей повседневной работе, другой — ломает над этим главным голову на досуге и даже это главное бросает тень на всю его деятельность. Однако невидимая стена мелочей не дает им сойтись и говорить об этом серьезно. Т. е. они могут и спорить, и все такое, но считают один другого болтуном и треплом, хотя спорят до пупковой грыжи. И представим себе, что в один прекрасный день нечто вторгается в их жизнь такое, которое так или иначе переводит для них главное из плоскости болтовни и дешевых шуточек в плоскость вопроса жизни и смерти, во всяком случае — в сугубо практическую плоскость, так что каждому из них становится ясно: вот-вот кому-то придется выхлебать бокал с цикутой. Это и есть главная идея «Кр<акена>»: доведение до необходимости сделать практические выводы из своего мнения в ленивых застольных спорах. Конечно, в плане «Кр<акена>» эту идею я провести не сумел. Там меня занимала гл<авным> обр<азом> внешняя сторона событий, оных последовательность.

Вот жили себе два человека, не тужили. Друзья. Один снискивал себе пропитание переводами, другой — моделировал нервную систему головоногих. Два типичных

интеллекта нашего времени: хохмачи, хорошие работники, не дураки насчет баб (хотя это у них уже несколько в прошлом). Внешне разница между ними невелика, по сути — нет никакой. Но у каждого, как у всякого интеллекта, некоторое недовольство и беспокойство. Судьбы человечества и страны их беспокоят. И каждый видит будущее человечества по-своему. У каждого есть просpekt пессимистический и просpekt оптимистический. Дескать, вот что будет с бедной нашей планетой, если она пойдет по тому пути, по которому она идет сейчас, и вот что ожидает ее, если бы люди послушались меня. Они не идиоты и не Керенские, и не орут об этом на собраниях, и эти мнения в несколько завуалированной форме прорываются у них лишь в некоторых их симпатиях и антипатиях, незначительных поступках и — более определенно — в полупьяных спорах. Эти беспокойства и страхи на их работе и на их сексуальной жизни не отражаются. И так бы и не случилось в их жизни обстоятельства, в котором эти мнения сыграли бы решающую роль, если бы в их жизнь не вторгся Кракен. Для физика Кракен — реальное доказательство, поддержка его мнения. Для лирика — реальная угроза на его пути к общечеловеческому счастью. Оба интерпретируют Кракена одинаково, но спор вышел из плоскости застольных бесед. Для одного Кракен — реальный союзник, для другого — реальный противник. Убийство Кракена — акт не истерии, не хулиганства, а попытка вернуть спор в прежнее русло застольных разногласий!

Теперь об этом разногласии. Здесь я тоже перед тобой виноват — не обозначил ясно, в чем дело, опять же не хватило терпения писать об этом. Кракен никакой не символ, и спор между гуманитаром и физиком идет не о мещанстве. Не непосредственно о мещанстве. Это наш с тобой спор, дружище, о путях развития интеллекта. Что победит: рациональное или эмоциональное? Мнение физика: чувства — атавизм. Они мешают, как аппендикс. Мозг должен очиститься от них, стать совершеннейшей логической машиной. Высшая и единственная оценка действия — с точки зрения его целесообразности. Мир погибнет, если люди не научатся мыслить без примешивания эмоций. Мнение гуманитаря: чувства не более атавизм, чем разум. Как только будет достигнуто материальное благосостояние — человечество пойдет по пути совершенствования эмоций, иначе — смерть человечеству как таковому, оно превратится в сборище живых машин и утратит цель существования. Только в увеличивающейся полноте эмоционального восприятия мира — источник непрерывно растущего интереса к жизни.

Кракен — воплощение идеала физика. Сугубейший рационализм. Вот откуда вся трагедия. Если Кракены существуют, если их миллионы в толще вод — это страшная угроза для людей. Не физическая угроза, конечно, люди и Кракены в разных измерениях и до столкновения с ними еще далеко, но как громадный соблазн для того, чтобы отрешиться от эмоциональной стороны жизни. Гуманитар не может чувствовать себя спокойно и уютно в нашем мире, пока эта угроза существует. И без того рационализм угрожает человечеству. Для гуманитаря эмоциональная сторона человека зловеще отстала, запоздала в ходе кровавой гонки прогресса. Человек перестает быть человеком как вид. Ибо для него отличительной чертой Homo Sapiens'a является способность воспринимать прекрасное, наслаждаться воздействием мира не на разум, а на чувства. По его мнению, Братьев по Разуму во Вселенной может быть куча, а вот как носитель аппарата, получающего высшее удовлетворение в эмоциональных восприятиях — он уникален.

Вот примерно в таком плане. Не знаю, убедительны ли мои доводы. Об этом еще будем говорить.

Вообще я не написал еще ни строчки. Заедает текучка. Приеду — расскажу.

Целую, Арк.

Аркадий Стругацкий. Письмо супруге, 1962

Аркадий — супруге, 25 декабря 1962, Л. — М.

Дорогая Крыська!

Ты уже получила, наверное, телеграмму — я приеду утром на «Стреле» тридцать первого. Хотел приехать раньше, повесть мы вчера закончили, сейчас очумело вертим головами и не верим, что каторга закончилась, но два дня назад мама очень плохо себя почувствовала, у нее начались сильные боли в сердце, и я решил остаться и подождать, пока выяснится, в чем дело. Маме предлагают лечь на исследование, она записалась на очередь, а пока пьет бехтеревку и еще какое-то страшное лекарство, от которого немеет язык и вообще полость рта. Началось это у мамы в большие морозы — здесь было до двадцати с лишним градусов — и на улице ей делалось плохо. Мы сейчас заставляем маму сидеть дома, но она все норовит улизнуть.

Как получилось с повестью — не знаем. Совершенно не способны судить. Пробовали анализировать — не можем. Приеду — считаешь. Твое мнение очень много будет значить, учти.

Это последнее письмо. Скучаю очень. Крепко целую тебя, радость моя маленькая, поцелуй детишек, маму и папу.

Твой Арк.

[Рисунок.]

Борис Стругацкий. Письма супруге, 1962

Борис — супруге, 11 июля 1962, Л. — Киев

Дорогая моя Адонюшка!

Наконец-то получил твой адрес. Спешу ответить. Сначала о делах. Здесь было заседание комиссии по детскому саду. Нас приняли в детсад. Согласились ждать до 23-го июля. Можно, конечно, приехать и позже, но учти — прежде чем отдавать младенца в сад, следует обойти кучу врачей и получить кучу справок. На это требуется, по словам Тимашковой, от 2-х до 7-и дней. Поэтому смотри сама. Либо ты приезжаешь 23-го и конец своего отпуска тратишь на врачей, либо ты приезжаешь 28-го, но тогда тебе придется взять отпуск за свой счет для этого дела, и неизвестно, дадут ли его тебе. Рассчитывай сама. С гостиницей дело из рук вон плохо. Номеров нет и не предвидится. С огромным трудом Лидке <Камионко> удалось, пройдя сквозь разнообразные унижения, получить номер — кстати, шестнадцатый, твой.

Теперь о наших. Будем по алфавиту.

Галя П<анова>. Ничего. Съездила в Ригу. Вернулась очень веселая и в этом состоянии продолжает пребывать. Я терплю.

Галя Т<имашкова>. Работает. Дрессирует Витю <Новопашенного>. По ночам ходит ломать цветы пионы.

Витя (что-то у меня с алфавитом не получилось). Бодр и здоров. Играет со мной в шахматы. Пытается разобраться в своей науке. Терзает девочку — не дает ей обедать дольше 40 минут. Собирается ехать на рыбалку.

Саша <Копылов>. В чудовищной меланхолии. Страдает ишиасом и душевно. В экспедицию его не взяли. Перспектив никаких нет. Беда.

Лидка. Получила номер. Игорь <Госачинский> уехал, но приехала Ленка <Каретникова>. Вдвоем они и существуют. Настроение бодрое.

Юрка <Чистяков>. Едет завтра в Казань. Мы тут собирались устроить мужскую поездку — он, подлец, сорвал. Уехал аж до 23-го.

Наталья <Свенцицкая>. Все побаливает. Видел ее только раз. Выглядит она неплохо, но быстро устает и вообще. Работой довольна.

Я. Чувствую себя не очень хорошо. Но настроение почти бодрое. Назначили меня и<сполняющим> о<бязанности> зав<едующего> аспирантурой. Положенцев скоро уезжает в ФРГ, а потом в отпуск — буду еще и<сполняющим> о<бязанности> зав<едующего> лабораторией. На работе занимаюсь сжатием Солнца, после работы — Витиным диаметром (если остаюсь в Пулкове) или чтением и меланхолией (если уезжаю домой). Никуда не хожу, никого не вижу и не хочу видеть. Арк пишет, что в сентябре, может быть, состоится международная конференция фантастов. Меня пригласят. И в августе меня, может быть, пригласят — в Москву на семинар московских фантастов. Арк к этому семинару подготовил очень хороший доклад о НФ. Я его сейчас «довожу». Вообще по тону моего письма ты можешь понять, что мне не очень хорошо. Так оно и есть. Как-то все не так.

Ну, ладно, крепко тебя целую. Люблю.

Твой [подпись].

P. S. Передавай привет Ант<онине> Ник<олаевне>, Андр<ею> Иосиф<овичу> <Карпелюкам> и Андрюхе.

Без тебя мне плохо.

Борис — супруге, 16 июля 1962, Л. — Киев

Дорогая Адонюшка!

Получил сегодня от тебя сразу два письма. Очень хорошо, а то я уж собирался писать, не дожидаясь.

Очень сочувствую тебе в твоих мытарствах, но ничего поделать не могу. Как мы тут будем с Андрюшкой, я тоже не знаю, но считаю, что пора уже сейчас привыкнуть к мысли, что не придется ему каждый день ходить в новом костюме. И вообще всякие вольности и капризы придется выжигать. Некогда нам будет с ним нежничать. С гостиницей по-прежнему неважно. Начиная с 20-го примусь хлопотать по-настоящему (пока я только выясняю обстановку). Думаю, что будет очень нелегко. На всякий случай повторяю еще раз насчет детсада: можно приезжать к концу отпуска и оформлять младенца к 30 июля. Но, повторяю, тебе понадобится время (и м<ожет> б<ыть> не малое) для медосмотров — это ты имей в виду.

Деньги (семьдесят рублей) высылаю сейчас же. Постарайся все-таки уложиться в эти рамки.

Новостей особых нет. Я переделал рассказ про осьминогов (помнишь?) в третий раз и отослал Арку. Больше возиться с ним не буду. Сейчас размышляю над Аркашкиным докладом о н<аучной> ф<антасти>ке. Никуда не хожу, никого к себе не зову. Читаю Салтыкова-Щедрина, смотрю телевизор или просто валяюсь с сигаретой и гляжу в потолок. Очень жду тебя. Даже перспективы приятной жизни с детьми не мешают ждать тебя с нетерпением. Очень без тебя скучаю и чувствую себя каким-то лишним и никому не нужным. Кажется, это уже третье лето, которое у нас с тобой идет насмарку? Ну и жизнь!

Ну, ладно, жду, люблю, крепко целую, твой [подпись].

P. S. Смотри там не потони, моя маленькая!

Борис — супруге, 20 августа 1962, М. — Л.

Дорогая Адонюшка!

За истекшее время никаких интересных событий не произошло. Вообще нам не повезло. В день моего приезда начался падеж Ошаниных. Один за другим очутились в

постели, прикованные разнообразными болезнями, Илья Михайлович, Екатерина Евгеньевна <Ошанины>, Ленка и Наташка <Воскресенские>. В течение 24 h квартира превратилась в госпиталь. Все это, естественно, не способствует ни отдыху, ни работе, ни душевному равновесию.

Вчера мы с Арком ходили на банкет. Собрались в банкетном зале гостиницы «Колос» на территории ВДНХ. За огромным столом расселись редакторы, художники, жены, дети и писатели. Писателей было четверо: мы с Арком, Гансовский и Войскунский. Скука была лютая. Произносились идиотские тосты. Жрали водку. Курили. Один чех нажрался как свинья и принялся буйствовать. Удержу на него не было. Он орал здравицы, требовал любви, пил «за коммунизм», плакал о Фучике и о павших, рыгал, шатался, ронял посуду и тряс цветами: «Мне их подарила в уборной русская мать! Она назвала меня сыном! Други миленькие!..» Потом он расстегнул штаны и принялся заправлять рубаху.

Мы удрали сразу после мороженого и сели в другом зале, где и проговорили до 23 h. Север Гансовский произвел на меня громадное впечатление, и я его полюбил, наверное, на всю жизнь — милейший, скромнейший человек, удивительно культурный, ласковый и хороший.

Войскунский мне тоже понравился, но вряд ли я смогу его полюбить — есть в нем какая-то жесткость, практичность, категоричность. Но говорить с ним интересно. Он много видел, воевал. Выяснилось, что они с Севером воевали чуть ли не в одной части на Ленинградском фронте, и было много разговоров по этому поводу, очень интересных.

С совещанием творится бардак. Выяснилось:

- 1). Зарубежных писателей вообще почему-то не будет. Будут только редакторы.
- 2). ЦК до сих пор не дало разрешения на проведение совещания.
- 3). Совещание длится всего два дня: 22 и 23. Остальное время (8 дней) отведено для показа иностранцам Советского Союза.

Поэтому я, м<ожет> б<ыть>, вылечу в Крым раньше. Предупреди Сашку <Копылова>, чтобы он был готов перебраться в Москву не 28-го, а раньше, м<ожет> б<ыть>, 25–26. Билетов я еще пока не брал, но пусть он имеет в виду, что а) мы можем вылететь раньше, чем собирались, т. е. раньше 29-го; б) Арк, возможно, полетит с нами (но это тоже не ясно).

Ну пока, крепко тебя целую, люблю, твой [подпись].

P. S. Поцелуй Андрюшку. И привет всем.

Борис — супруге, 25 августа 1962, М. — Л.

Дорогая Адока!

Странно, но ты так и не ответила на мое письмо. Теперь уже не успеешь: завтра мы улетаем.

Конференция кончилась. Она показала очень значительный раскол и то, что во главе раскола стоим мы с Арком. Где-то между «старыми» и «молодыми» болтается Толя Днепров со своей антигуманной точкой зрения на человека как на несовершенную машину. На втором заседании произошла стычка с неким Сытиным — бессменным до последнего года партторгом Союза писателей, старым отвратительным демагогом. Теперь уже ходят слухи, что мы составили антипартийную группировку на совещании — хохма, конечно, но она содержит в себе всю ярость «старых». На второй день нам показали в Министерстве культуры закрытым образом знаменитый фильм «На берегу», о том, как человечество умирает после атомной войны. Это фильм, равного которому я не знаю. Я без малого плакал, когда смотрел его, а ты бы, наверное, просто заплакала. Величайшим идиотизмом только можно объяснить, что этот фильм так тщательно скрывают от широчайших масс людей. После фильма состоялась встреча с Титовым. Симпатичный

такой, незамысловатый летчик. Мне он понравился уже тем, что самим видом своим убивает всех выдуманных героев Казанцева, Мартынова и пр<очих>.

Ну, подробности потом.

Летим мы вместе с Арком — он все-таки соблазнился.

Я посылаю тебе одновременно с письмом бандероль с книжками, там будет лежать еще пародия на нас И. И. Варшавского, очень смешная — почитай.

А пока крепко целую, твой [подпись].

P. S. Из Крыма я тебе сообщу адрес, которого, между прочим, пока и сам не знаю.

Борис — супруге, 27 августа 1962, Симеиз — Л.

Дорогая Адока!

Вот мы и в Крыму. Арк спит. Женщины спят. А мы с Сашкой <Копыловым> сидим в его халупе (домик, построенный из старых дверей, мешков, марли и картины Шишкина «Медведи в лесу»). Сашка чинит приемник. Рядом с ним стоит и жадно наблюдает за трудовым процессом соседский мальчик Боря.

Все мы уже обгорели и опухли. Купались сегодня до пупковой грыжи с масками, в лаптах и без. Очки приспособили, так что под водой видим прекрасно. Наглотались воды, теперь, наверное, будет нести.

Вообще, жить хорошо. Но скучно. Я без тебя скучаю. Может быть, даже приеду пораньше. Но ненамного. Еще напишу.

Крепко целую, твой [подпись].

P. S. На всякий случай адрес:

Крым Симеиз п/о до востребования.

Борис — супруге, 4 сентября 1962, Симеиз — Л.

Дорогая Адонюшка!

Пользуюсь услугами бесплатной почты в лице этой всему миру известной Наташеньки <Свенцицкой>. О том, как мы и что мы, она расскажет сама. Но вряд ли она расскажет, как я по тебе соскучился, ибо я — мужчина хромо-никелево-стальной и свои переживания держу в стальном доте без дверей и амбразур.

Мне здесь уже надоело, и только мысль о том, что это мой отпуск на n лет вперед, удерживает меня от желания подтереться билетом на самолет и уехать с Натальей.

Давеча приснился мне сон, будто я приехал, пришел в гостиницу, ворвался в номер, а там горит свет, и Андрюшка спит, а тебя нет, и так мне грустно стало, что я проснулся. Смотрю — Копылов сидит на своей кровати и давит клопов, озаряя их фонариком. Вот как.

Крепко тебя целую, моя славная, твой [подпись].

Борис — супруге, 10 декабря 1962, Л. — Кисловодск, Горная станция

Дорогая Адонюшка!

Наконец-то пришло письмо от тебя. Я было начал беспокоиться, а потом, когда приехал Генка <Вяльшин>, то и сердиться. Очень рад, что у тебя все благополучно и даже весело. Мы тут с Поттером обсуждали вопрос о влиянии Луны на погоду Горной станции и пришли к выводу, что во всем виноваты женщины, которых на Горной ненормально много и связь которых с Луной хорошо известна.

Не подумай только, что я часто бываю в Пулкове. Оттуда мне что-то совсем перестали звонить, а сам я, конечно, и не думаю туда ехать. Мы с Арком уже накатали черновой вариант «Далекой Радуги» и теперь возимся с чистовым. Идет очень трудно. Даже писать об этом не хочется.

Встречались пару раз с писателями. Все как обычно — коньяк, водка и социальные проблемы. В «Звезде» был устроен вечер фантастического рассказа. Молодые писатели читали свои произведения. Дерьмо.

Чистяков звонит и горюет, что не с кем устраивать Новый год. Саша за этот вонючий приемник продан беззаветно и безвозвратно. Будем встречать, наверное, вчетвером — Юрка <Чистяков>, да Наташка <Свенцицкая>, да Войка <Милованович>, да я. Арк уедет на это время в Москву.

Звонил тут давеча пресловутый Львов. Долго крутил вокруг да около, пока наконец не перешел к главному: как я отношусь к гипотезе Пришельцев и к его борьбе против этой гипотезы. Трудный был разговор. Говорят, что я провел его с честью — корректно, холодно и вежливо. Львов готовится к выступлению Казанцева по телевизору. Будет большой бой: приедет Агрест, Казанцев, приглашены крупные ученые из Эрмитажа и Института материальной культуры. Пригласили и нас. Львов хотел, вероятно, завербовать нас в сторонники. Но мы, скорее всего, не пойдем. Очень интересно, но до боли неохота выступать. Такие уж мы: терпеть не можем гласности, не то что Поль Гнедых.

Такие вот, маленькая, новости. Жизнь, сама видишь, бедна событиями, но что делать, если мы и из дому-то не выходим. Разве что за сигаретами.

Днем ничего, голова забита, а ночью очень по тебе скучаю. Часто вижу во сне. Даже Андриюшку один раз видел.

Привет тебе от всех наших: от мамы, от Аркаши, от Юры, от Наташи, от Гали <Пановой>, от Гали <Тимашковой>, от Вити <Новопашенного>, от Саши <Копылова>, от Володи <Травинского>, от Димы <Брускина>, от Ильи Иосифовича <Варшавского> и от Тани <Калецкой>.

А я тебя безумно целую, твой верный [подпись].

Борис — супруге, 11 декабря 1962, Л. — Кисловодск, Горная станция

Дорогая Адонюшка!

Только что отправил ответ на твое первое письмо, а тут вдруг приходит второе, да такое грустное, что я даже расстроился. Ну что ты, маленькая! Ну разве же я был равнодушным? Я же был совсем наоборот. Это ты была какая-то обалделая, что и понятно, если учесть все твои заботы. А я тебя очень люблю и никаких таких дурацких морщин и вовсе не замечаю, а глаза у тебя совсем не больные (что за глупость!), а прекрасные, серые с чудесными ресницами и любимые. И ты даже думать не моги на такие темы, а лучше сама этими самыми болезненными глазами поменьше там засматривайся на разных дизелистов и вообще. Я тебя очень люблю и всегда буду при тебе до самого конца включительно.

Новость появилась пока только одна, но приятная. Вышли в свет «Стажеры». Книги у нас пока нет, а когда появится, я тебе обязательно вышлю.

Так что ты там работай спокойненько и ни о чем таком не думай. Это все — плохое настроение. Пройдет — и тебе снова станет на меня начхать, как это всегда бывает во время твоих поездок.

Мы тут ведем активнейшую переписку. Каждый день приходит по два-три письма. Но из Киева пока ничего нет.

Крепко тебя целую, очень люблю, твой [подпись].

Борис — супруге, 16 декабря 1962, Л. — Кисловодск, Горная станция

Дорогая моя Адока!

Получил третье твое письмо. Спешу ответить.

Вчера прислали нам из Москвы «Стажеров». К сожалению, только один экземпляр. Я уже перечитал его и очень доволен: это лучшая, по-моему, из наших книжек. И издана довольно симпатично. Как только будут еще экз-ры, пришлю тебе и в Киев.

Последнее письмо твое уже не грустное. Очень рад, что ты там на лыжах все-таки ходишь, да еще нагишом. Это, наверное, смачно. Я очень живо представляю тебя в таком виде, и мне очень нравится это зрелище.

Мы продолжаем работу. Сделаны начисто теперь уже три главы. Осталось шесть. Работать, честно говоря, нелегко. Я чувствую, что мы все больше и больше отклоняемся от принципов и приемов фантастики, а куда идем — God knows!¹ Получается вещь почти не фантастическая, скорее — бытовая. Но ведь у бытовых повестей свои законы! В общем, не знаю, что у нас получится.

Последнее время никого не видим. И никуда не ходим. Сегодня, например, приглашали нас на телестудию для участия в диспуте с Агрестом и Казанцевым. Мы отказались. Давеча заходил Варшавский, рассказывал нам план и общий ход своего фильма о кибернетике, который собираются ставить на Ленфильме. Могучая он, все-таки, голова! Если удастся ему все это протащить — фильм будет во!

Вот и все. Привет тебе от всех.

Крепко-крепко целую, твой [подпись].

Прилагаю письмо, полученное мною недавно.

Борис — супруге, 19 декабря 1962, Л. — Кисловодск, Горная станция

Дорогая моя Адонюшка!

Новых писем от тебя я пока не получал. Но вот только что мы закончили пятую главу, образовался естественный перерыв, и я решил написать просто так. Просто так потому, что писать собственно особенно не о чем. Пятая глава добита. Осталось еще пять, самых трудных. Повесть идет без особого скрипа, но как-то мало удовлетворяет меня. Я все время ною, и Аркашка на меня рывкает. Больше не будем мы писать о столь отдаленных временах. Пора вернуться в наше время. Да и получится это у нас лучше, по-моему. Вот я перечитал «Стажеров». Остался очень доволен. Читал прямо-таки с наслаждением — смешно признаваться. Когда прочитал, хотелось, подобно Пушкину, бегать по комнатам, вскрикивая: «Ай да Стругацкие! Ай да молодцы!» Но была поздняя ночь, все спали, я читал в клозете и бегать было негде. Не знаю, может быть, тебе, например, книжка эта и вовсе не понравится, но я считаю, что это — лучшее из нами сделанного — настоящая книга. Книга. Дело не в том — хороша она или плоха. Это первый случай, когда я чувствую, что мы написали книгу. Не могу, кажется, объяснить свою мысль. Все прежнее казалось мне каким-то ненастоящим, пусть забавным, пусть интересным, пусть полезным, но ненастоящим. А «Стажеры» — настоящие. И я без всякой ложной скромности могу теперь заявить: впервые в истории советской и даже вообще русской фантастики написана книга! Вот.

Звонили нам из «Литгазеты», просили эссе для новогоднего номера. Мы согласились и, повесив трубку, побежали искать в словаре, что такое эссе. Оказалось, что по-нашему, по-простому, по-советски это всего-навсего очерк. Просили эссе на тему «Наука и

¹ Бог знает! (англ.)

фантастика». Увлеченные новизной и свежестью темы, мы пять дней мучились, пытаюсь что-нибудь придумать, и в конце концов написали что-то вроде пародии. Рассказик про человека, который изобрел Машину Времени, которая помогает путешествовать по описанному будущему, по будущему, как оно изображено в книгах. Получилось, кажется, довольно забавно, но, скорее всего, не напечатают — слишком зло и вообще не на тему.

Давеча звонил Юрка. Он уходил в отпуск на неделю. Зачем — не знаю. Новый год, вероятно, встречать будем у Натальи всем кагалом, т. е. всей восемнадцатой. Перспектива хилая, но ничего другого не придумаешь — Сашка ведь продан. Могу себе представить, какой это будет Новый год — без тебя, с Пановой и с больной печенью. Даже напиться и то нельзя. Звали меня и братья-писатели, но туда мне еще меньше хочется. Ну их!

Вот и все новости, если этот бред можно назвать новостями. А вот то, что не ново: очень тебя люблю и очень скучаю. Очень часто вижу во сне и вообще. Плохо без тебя. Пиши почаще: тебе-то уж делать ведь совсем нечего.

Крепко, крепко целую. Твой верный [подпись].

P. S. Привет от мамы и Арка!

Борис — супруге, 24 декабря 1962, Л. — Кисловодск, Горная станция

Дорогая Адонюшка!

Это мое пятое письмо.

Наши армии успешно продвигаются вперед и подошли к последнему мощному глубоко эшелонированному укрепрайону под кодовым названием «Глава Десятая, Последняя». В честь такого знаменательного события решено отпустить солдат на побывку, и весь сегодняшний день посвятить поездке в Пулково за деньгами с последующим посещением кино. Отбытие было задержано глубокой мыслью о том, что мы еще не сходили в клозет, и отложено на час. Этот час солдаты посвятили письмам домой — женам, матерям и пр.

Ты спрашиваешь, что за «Далекая Радуга»? Я тебе, по-моему, рассказывал — это наша последняя книга о далеком будущем, где рассказывается о возможных конфликтах и том, к чему они приводят. А приводят они к катастрофе. Радуга — это планета очень отдаленной звезды. Кроме того, Радуга — это символ будущего — яркого и многоцветного. Название нам нравится (может быть, потому, что мы не читали «Крутую радугу»), и менять его мы, скорее всего, все-таки не будем.

Недавно ходили в Писдом на заседание секции. Должны были слушать главы из книги Травинского «Черные судьбы», но одновременно там состоялась лекция известного телепата Васильева, и весь народ ушел туда. Заседание было отменено. С горя Травинский предложил идти к молодому фантасту Юре Коптеву (старому другу Мидии), и мы пошли в обычном составе и просидели целый вечер довольно интересно.

А больше ничего не произошло.

Напиши мне, Адока, сколько ты отсняла пластинок и вообще о своей работе. А то я ведь пишу тебе о главах, а как твои дела — так и не знаю.

Если ты читаешь последние газеты, то должна понимать, что наше настроение не из самых бодрых. Одна надежда — как-нибудь обойдется. Советую настоятельно газеты читать. Это тебе необходимо, как жене писателя.

Что делается в Пулкове — не знаю. И не узнаю, так как никуда заходить не буду — только в сберкассе. Напиши, кстати, не выслать ли тебе зачем-нибудь денег.

Очень тебя люблю и радуюсь, что настроение твое, кажется, исправилось. Дуй в том же духе. Прошла уже половина срока. Скоро встретимся.

Крепко тебя целую много раз, твой [подпись].

Р. Т. Привет от мамы и Арка.

Борис — супруге, 26 декабря 1962, Л. — Кисловодск, Горная станция

Здравствуй, Адока!

Получил твое очередное письмо и пишу ответ. Это мое шестое письмо. И так, «Радуга» окончена. Осталось только сочинить или найти где-нибудь два четверостишия для песенок, но это уже не столь важно. Получилось 135 страничек, десять глав. Перечитывать я не решаюсь: боюсь, что не понравится. Не знаю, хорошо получилось или плохо, но одно мне ясно — возиться с этой повестушкой еще придется немало. И ясно также, что вряд ли ее напечатают. Но посмотрим.

А здорово вы там развлекаетесь. Я очень рад, что меня не было рядом, когда ты пила вино из крышки телескопа: ты знаешь, я не очень-то люблю все это гусарство и кавалергардство. Впрочем, ты, вероятно, тоже рада, что была одна. Я бы только мешал.

Прием, оказанный тебе в Ставрополе, привел меня в восхищенное изумление. Вот все-таки какие разные люди бывают! Представляешь, как я бы встретил какого-нибудь парня, приехавшего к нам в гости без предупреждения? Впрочем, ты, кажется, девочка тактичная и не очень их обременяла.

С Новым годом, я вижу, у тебя дела обстоят неважно. У меня тоже. Сборище восемнадцатой не состоится по разным причинам. Чистяковы предлагают идти к Норке <Бютнер>. Братья-писатели предлагают воссоединиться у них. И можно было бы еще пойти к Громову. Но, господи, до чего же мне никуда не хочется! Сильно подозреваю, что никуда я не пойду и буду встречать Новый год дома с мамой. Мама себя последнее время очень неважно чувствует и тоже никуда не хочет идти.

И вообще настроение хреновое. Как всегда, после конца работы наступила реакция, переходящая в апатию. Ничего не хочется и никуда не хочется. В голове ни единой мысли. Видеть никого неохота. Ну, ты видела меня в таком состоянии, знаешь.

Ходили мы с Арком смотреть «Три мушкетера» — цветной, французский, широкоэкранный. Смотрели первую серию. От дают копоты! Он ему ка-ак врежет! А тот его ка-ак гвозданет столом! А этот ка-ак повалит на него шкаф! Весело люди жили, незамысловато.

Арк уезжает вечером тридцатого. Приедет теперь только весной. Будем писать «Магов».

Скучно я пишу, маленькая, но что поделаешь! Есть интересные новости, но они не для письма. А жизнь наша скучная. Жили от главы до главы, а Арк от рюмки коньяку до рюмки водки, а я — и сам не знаю от чего до чего. Сегодня вот сон видел, как мы с Чистяковым участвуем в русско-японской войне под командованием генерала Куропаткина. Чистяков — в кавалерии, а я — в пехоте.

Ну, ладно, Адоня, крепко целую тебя, твой [подпись].

Р. S. Поздравляю тебя с Новым годом и желаю оставаться такой, какая ты есть. Лучше не бывает.

С Новым годом тебя поздравляю,
От машинки свой взор отведя,
И чего я тебе пожелаю,
Это чтоб ты любила меня.

Р. P. S. Привет от мамы и от Арка.

Борис — супруге, 31 декабря 1962, Л. — Кисловодск, Горная станция

Дорогая моя Адонюшка!

С Новым годом тебя. Желая тебе всего желанного и мира — в мире и в семье. Как видишь, я не приехал. Это было невозможно. Очень плохо чувствует себя мама. У нее стенокардия, и был очень сильный приступ. Последняя неделя была самая печальная в этом году. Теперь ей получше, но я стараюсь быть рядом.

Вчера уехал Арк. Сегодня будем встречать Новый год. К нам придут Юрка с Наташкой, будем сидеть и ничего не делать. Они будут пить вино и водку, а я — так. Думаю, ничего хорошего не будет. И ладно. Все равно настроение паршивое.

Дорогая кошенька. Ну конечно же я готов «подарить» тебе неделю. Будем ходить, куда тебе захочется. В окрестностях Пулкова можно будет даже попробовать на лыжах — только попозже вечером, в темноте и безлюдье, чтобы я не срамился. Не хочется же мне срамиться! В Пулкове я не был очень давно. Ничего не знаю. Звонил по одному делу Витеньке, но ничего путного от него не узнал, так как он весь разговор свел к пространному доказательству того, что я хам. Дня два назад они позвонили и спросили, можно ли съесть подарок, полученный для Андрюхи от месткома. Я разрешил, и он урчал в трубку, пожирая.

Теперь начнется прежняя жизнь, и очень постараюсь не забыть отдать 30 руб. Свете <Мурри>. Но могу забыть. Напомни, пожалуйста, еще раз. Следующие письма посылай уже на Пулково — тогда я буду тебе быстрее отвечать.

Очень жалко, что тебя преследуют неудачи. Может, в январе будет лучше? И как много у тебя работы! По-моему, никогда еще не было так много. Знаешь, это хорошо. Работа отвлекает от ерунды. Правда? С работой как-то и время быстрее идет. Вот просто не знаю, как я теперь буду без тебя. Когда кончились литтруды. Правда, у нас гигантские планы. На очереди куча повестей: «Маги», «Кракен», «Записки здравомыслящего», «Между двух фронтов», «Заколдованное место» — все названия условные — и еще пара рассказов.

Я очень тебя люблю. Сейчас мне одиноко-одиноко. Никого не хочется видеть. Я совсем было решил уже никуда не ходить и встретить Новый год с мамой, но тут Чистяковы буквально напросились. Им тоже некуда деваться. У Саши — балерины и судейские, которые им надоели. Норка с Юлькой <Готлибом> уходят к своим физикам. Войка куда-то исчезает. Ну я согласился.

А пока прощай. Крепко тебя целую и жду. С первого числа начну ждать тебя по-настоящему. А сейчас мне надо идти заниматься хозяйством: покупать сахар, хлеб и масло; принести дров; притащить из подвала елку и приукрасить ее мал-мало.

Большой привет тебе от мамы. Она тоже очень огорчена, что тебе не везет с наблюдениями.

Еще раз крепко целую, твой [подпись].

P. S. Это должно быть мое седьмое письмо.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Рабочие записи, 1962

I. «Молитва о победе». Феодалный диктатор молится перед оракулом — приемопередатчиком — о даровании указаний для победы в походе против другого феодалного диктатора или против восставших холопов. Старший жрец нажимает кнопку приема. В молитве перечисление былых заслуг богов: засуха и каналы, саранча, нашествие кочевников, предупреждение об извержении.

А на Земле ломают голову коммунары: что делать?

II. «Между двух фронтов», «Седьмое небо». Корабль Антона и Вадима терпит аварию и садится ночью на ничейной земле между позициями враждующих армий. Война типа первой мировой.

III. «Заколдованное место». Сельский учитель-коммунист, в десяти километрах от села — заколдованное место, равнина и холм посередине, куда почему-то в течение многих столетий высаживаются разнообразные пришельцы. Учитель сам свидетель одного из посещений, и находит разные архивные свидетельства о высадке в другие времена. В частности, во времена Алексея Михайловича и в Отечественную войну. Заколдованный холм с лесником, который не может сойти с холма. Прилет марсианских Белок и Стрелок. Реактивная пирога с межпланетными пиратами. Турист, не обращавший внимания на людей. Стрелец продал пришельца скоморохам.

IV. «Волчья яма». Феодалная цивилизация попросила помощи у землян справиться с гнусными животными и отобрать у них плодородный участок почвы. Земляне с танками и дезинтеграторами двинулись на истребление, танк попадает в волчью яму. Оказывается, это разумные существа. Редчайший случай — два вида разумных существ на одной планете.

1. Мыслящая оса.
2. Война гигантов.
3. [Далее текст отсутствует.]

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965

1962

6 января, сб

В Новый год было за столом семеро из-за Наташкиного <Воскресенской> коклюша. Старшие и младшие около часу удалились спать, а мы с Ленкой еще пили крошон и плясали часов до 4-х.

На следующий день были у Макарова.

Приходил Андреев, он будет-таки делать что-то вроде предисловия для «В», поэтому верстка все еще не сдается.

Костя Семенов уговаривает переходить работать в агентство «Новости»: оклад, свобода, поездка в страну и пр<очее>.

Послал в Киев марсианские главы из «Стажеров».

Сдал «Экипаж Меконга», сейчас тружусь над Болдыревым.

<...>

Андреев считает, что надобно написать нефантастическую вещь.

8 февраля, чт

Наконец собрался за дневник. Прежде всего о творческо-издательских делах:

«Возвращение» — была сверка и третья читка, и все отправлено (если верить Мих<аилу> Соломоновичу Погостеру) в Главлит. Я приложил список, где уже публиковались главы — «Урал», «Золотой лотос», «Янтарная комната».

«Стажеры» — по приглашению заходил к Б. Ключевой, кое-что повычеркнули, кое-что добавили. Теперь рукопись идет в главную редакцию у них.

«Должен жить» — в альманахе — альманах сдан вчера в производство.

«В стране водяных» — сегодня получил верстку. Отличная книжка получилась, читать приятно. Витя Санович хорошее предисловие написал.

«Злоумышленники» и «Крестьяне», по слухам, идут во 2 и 3 №№ «Знание — сила», а две разбойных главы из «Стажеров» — во 2-й номер «Искателя».

«Знания та праця», кажется, приняла марсианские главы «Стажеров».

Вот и все. Из Румынии прислали экземпляр перевода «Страны».

Закончил перевод «61 Лебедя», теперь надо литературно обрабатывать. Это потребует много времени. Сейчас перевожу для кого-нибудь «Пену» из японской фантастики.

Слушали Окуджаву — понравилось. «Бумажный солдат», «Последний троллейбус» — отлично.

Слухи: Елкину из «Комсомольской» правды» набили рыло. Кочетову намяли бока в «Новом мире» — это хорошо, теперь хоть и отметили его 50-летие, однако больше он, вероятно, уже не поднимется. Хотя кто его знает...

Дома все здоровы. Коклюш у детей прошел, Ленка собирается в «Интурист» и в безопасность, с 10-го идет на первые занятия. Дай ей бог спокойствие духа, а то я прямо работать спокойно не могу. Жалко и смешно, и злюсь, и люблю.

Все лезут в голову разные идеи из литературы. Ясно, что мало одного только стилистического мастерства. Совершенно необходима солнечная идея. Вот например, если писать «Звездочетов», то героем необходимо сделать человека, который страшно любопытен и заглядывает в души людей. Вроде Дон-Кихота. И его бьют, а он, охваченный любовью, жалостью и возмущением, все же заглядывает.

И в фантастике (тем более) нужна солнечная идея. Я уже предложил, и Борька согласился. Кстати, 12-го я еду в Ленинград в отпуск, а мы еще не знаем, за что взяться. На месте, конечно, будет видно. Вообще очень привлекает идея «Звездочетов», здесь можно было бы так развернуться, столько идей насовать, чтобы показать глубочайший мир современного образованного человека... Эх, а кто будет печатать? Ну, посмотрим.

21 апреля, сб

Для чего пишется [иероглифами «дневник»]? Смутная мыслишка о потомках — это, видимо, просто результат чтения о муках литературоведов. Видимо, главное — любопытство в будущем: а что я был десять лет назад?

Итак, 15 февраля я выехал в Ленинград, где просидел до 16-го марта. За это время были написаны: «Дорожный знак» — как 1-я глава «Родился в 2017-м» и фантастический памфлет «Возлюби дальнего». Устали ужасно. Отрастил усы. За день до конца отпуска меня вызвала Фельдман присутствовать на вечере памяти Акутагавы с чтением отрывков из переводов.

Что дальше? Начнем с неприятностей. Вышла кретиническая инструкция, обязующая Главлит проводить всю научную фантастику через Главатом. «Возвращение» первым в СССР попало под этот эдикт и до сих пор томится там (было передано в Главатом 18 марта и с тех пор не возвращалось).

«Каппа» в Гослитиздате был сверкой — неделю назад.

«Стажеры» в «Мол^одой гвардии» были версткой — тоже примерно неделю назад.

«Должен жить» в «Альманахе» — вчера пришла сверка.

«Возлюби дальнего» — всем очень долго нравилось и все пускали сопли, но брать боялись, даже Варшавский. А затем в «З-С» прочитал Жигарев, всех обругал, объявил, что это превосходно, и дал команду пустить с № 7 по № 9. Все хорошо, пока Мезенцев в отпуске. Поэтому торопятся сделать иллюстрации — я попросил за Макарова. Причем имя «Саул» сменил на «Яков», а название оказалось из Ницше, и придется тоже менять.

«Дорожный знак» посылал в «Новый мир» — оттуда вернули с уважительным письмом. Послал в «Юность» Мэри Лазаревне Озеровой. Будем ждать.

На работе масса всякого. «Экипаж “Меконга”» пошел в Главлит — что-то будет!

Болдырев — «Синий орел» — оказался сволочью, что, собственно, явствовало из его внешнего вида. Заключил договор почти одновременно с нами и с Саратовом. Сейчас Ниночка Беркова с проклятиями во всем этом разбирается.

Скандал с Сат-Оком и Стадниченко. То, что прислано, — давать книгой нельзя. А денег уплачено много.

Впрочем, сейчас, когда все более или менее определилось, больше всего беспокоит меня рассказ для конкурса «Техника — молодежи». Есть две идеи:

1. «Ее тайна» — о девочке и юноше и ноль-транспортировке.

2. «Обратный» — о человеке, движущемся в обратном направлении по времени.

Никак не могу добраться до машинки и поработать.

Отличную вещь сделал Лагин — «Майор Велл Эндью».

«Искатель» с «Генеральным» еще не вышел.

Сегодня день рождения дочек — обеих.

8 мая, вт

«Возвращение» все в застенках. Главатом предлагает не издавать. Сволочи и чиновники.

Дал в «Иск<атель>» «Человека из Пасифиды».

Ругнулся с Борисом по почте, а сегодня послал ему рецензию Андреева на «ВД» и написанную часть «Окна» (она же «Ее тайна»).

«Иск<атель>» с «Генеральным» вышел.

Вчера было организационное собрание молодых фантастов. Инициатор — Андреев, поддержка [вычеркнуто — «Клюева»] Жемайтис. Андреев рассказывал, что Захарченко и Казанцев до скандала противились. Я попал в оргкомитет. Там нас пятеро: Днепров, Громова, Анфилов, Полещук и я.

«Дорожный знак» послан в «Юность», оттуда пока ничего.

13 мая, вс

«В» все в неизвестности. В четверг послано туда от Компанийца «мужское» письмо, в котором мы четко определили, чего следует ожидать от Главатома. Ответа, равно как и приветов, нет.

Макаров развелся с женой и по этому случаю затащил меня в «Будапешт», где сам надулся безобразно и напоил свору подонков-официантов. Это меня ужасно раздражает. Сегодня звонил, хотел, чтобы я пришел. Фиг с маслом.

Вчера послал Борису письмо с идеей «Кракена». Действительно, почему бы и нет? Сверхопыт, или сверхинстинкт, или черт его знает, как это назвать. Получил вчера же от него письмо с предложениями по «ВД» и сегодня направил ему свое, ответное. Переписка всюю.

В пятницу сдали верстку альманаха.

В четверг встречался оргкомитет литобъединения.

Да, Абызов прислал «Возвращение со звезд» Лема — неплохо. Но иногда очень растянуто и вяло.

27 мая, вс

Съездил в Ленинград, «ВД» основательно переделали. Теперь называется «Попытка к бегству». Поговорили с Бобом о «Кракене» и о прочем. Советует пока делать «День волшебника». Но мне все время хочется «Кракена».

В «З-С» отложили «ВД». Кажется, не без вины Макарова, который так и не сделал рисунков. Опять Макаров. В конечном счете ведь это из-за него «Возвращение» до сих пор болтается в Главатоме.

Отнес «Человека» из Пасифиды» в «Советский» воин — псевдоним «А. Бережков».

Сегодня ездил в Абрамцево к Ефремову. Отличный человек — добрый и умный и ненавидит дураков.

Буду все-таки делать «Кракена». Никак не могу нащупать сюжет.

19 июня, вт

Давно не писал. События: «Возвращение» вырвалось из цензуры (с абракадаброй).

«Стажеры» в Главлите: сегодня иду к Жемайтису смотреть, что там случилось.

«Должен жить» — пошел в Главлит.

«Попытка к бегству» уже в наборе, жду верстку — надо исправить блокляйтера на блоkfризера или блокэльстера.

Взяли меня было в армию — с отправкой на ст. Смоляниново (между Владивостоком и Находкой), да обошлось: по счастью, я б<ес>п<артийный>.

Ленка льет пот в Интуристе — вот где царство дураков: инцидент с монгольским посольством и с американцем, который попросил позвонить в Мин<истерство> культуры.

Вообще, ужасно, что так много сильных равнодушных дураков.

А голова занята «Кракеном». Думаю и думаю. Как создать коллизию? Нужны ситуации, в которые можно вложить всю ненависть к дуракам, к наступающему мещанству, к ограниченности. А что-то не получается.

Абызов прислал «Возвращение со звезд» Лема. Эх, вот бы... А чувствую, вот всем нутром чувствую, что заложены в идее кракена гигантские возможности.

Тезисы к докладу о фантастике Борис одобрил, будем писать.

А, дети в лагере уже неделю. Мы с Ленкой по миновании угрозы армии переселились в детскую. Пили ночью коньяк и радовались. И слушали ожившие пластинки.

Да, еще. «ПКБ» Мезенцевым была отвергнута, и я отослал ее Борису. Пусть попробует протолкнуть в «Неву». А может быть, стоит попытаться счастья в «Науке и технике» рижской?

28 июня, чт

Сегодня сидел и обрабатывал присланный Борисом черновик «Мигрантов». Получилось всего 11 стр. Но, по-моему, очень мило. Вечером буду читать Крысе.

Соображения по «Кракenu» мы с Ленкой за бутылкой коньяку обсудили еще в субботу. Сейчас же отослал Борису.

На издательских фронтах все пока без перемен.

В понедельник были у Олега Соколова, пили за счастливое окончание Университета. Ленка была довольна, и я рад за нее.

Имерманис пишет письма и <посылает> №№ «Науки и техники» с братьями Strugatskis, просит заключить с ним договор на «Тень спутника». Я бы с большим удовольствием. Но мадам <т. е. М. Калакуцкая> совершенно недостижима.

Волков чуть не вылетел из альманаха.

19 июля, чт

Уезжаю в Л<енингра>д. Крыса сегодня улетела с американками в Сочи.

Вышел «Экипаж “Меконга”».

Сегодня отослал в Ригу «Мигрантов».

Была верстка «Попытки к бегству».

«Кракен» думается и оформляется. Пока еще не очень ясно, но что-то вырисовывается. Думаю обсудить с Борисом.

В № 7 «Нового мира» чудесный рассказ И. Грековой «За проходной». Повезу Борьке — пусть позавидует.

В Ленинграде написали доклад «Фантастика» и доклад к международной конференции «Человек и общество будущего».

С «Кракеном» весьма трудно.

31 июля, вт

27 июля получился сигнал «Возвращения». Завтра, по слухам, можно будет получить и тираж — авторские и 30 шт<ук>, которые я заказал для себя за деньги. Дарить придется многим, и хочется создать у себя небольшой резерв.

После небольшого подъема духа наступила депрессия: слишком долго ждалось и трудно мучалось.

Был у Ирины Львовны Иоффе. Она собирается перевести несколько книг в Гослите и в Инлите и попросила меня отрецензировать для ППП<етрова> Эндо Сюсаку «Море и яд». Я из любопытства взял. И теперь не жалею. Читается отлично, и очень интересная вещь. С удовольствием бы взялся переводить сам. Ничего, ничего. Посмотрим, что будет дальше. Если ППП, как условлено, будет звонить мне, я намекну ему, а тогда, может быть, и получу переводик. Вижу я, что Саньютэй — дело длинное. Это на несколько лет. А мне нужно что-нибудь быстрое, современное.

Вчера был у Белы Ключевой. Выяснили, что «Стажеры» выйдут не раньше сентября. Бела, по-моему, удивилась тому, что я не огорчен. А я подумал, что, возможно, успеет выйти альманах. Но альманах все никак не может дойти до Главлита. Правда, там он не задержится. Все визы уже есть. Но и от Главлита до сигнала тоже дистанция изрядная.

Со вчерашнего дня я, раб божий, перестал пить и курить. Очень скверно чувствовал себя. Сейчас несколько лучше. Прервусь на два-три месяца с курением, воздержусь от водки и коньяка, а там видно будет.

Вот и все for the present¹.

9 августа, чт

Ну, «Возвращение» вышло, казалось бы — все в порядке. Но надвинулись гнусные маленькие неприятности и перспективки.

1. Нелепый фельетон в «Молодом коммунисте» — поразительный по развязности, неграмотности и демагогии. В «Мол<одой> гв<ардии>» только получили сигнал, и уже Потемкин направил его в редакцию, и уже Строев поднял геволт по этому поводу, и есть опасность, что «Стажеры» из-за этого задержатся.

2. Забыли вовремя Машку <Стругацкую> записать в школу, надо сейчас идти.

¹ Здесь: на сегодня (англ.).

3. Затеяна гнусная возня со всякими антресолями и прочим г..., на которое мне в высшей степени начхать, а приходится притворяться, что я в этом горячо заинтересован.

4. Надо ехать в Каширу за детьми — тоже удовольствие на все катушки. Господи, ничего так не хочу — оставьте меня в покое! Так надоело все, пожить бы совершенно одному хотя бы месяц.

Ну, ничего. Надо держаться.

Вот сегодня понесу Боровику в АПН статью. И нужно писать для «Известий» психологическое ЭССЭ-Э-Э... черт бы их всех подрал.

5 октября, пт

Только что вернулся из Горького.

Итак, с 18 августа было т<ак> н<азываемое> совещание на международном уровне. Единственно приятная штука на этом совещании — приезд Бориса. Правда, в тот же день все заболели scarlatinой, а Ошанина даже отправили в больницу. Неудача громовая. Конечно, было уже не до хорошего настроения. Очень жалко было Крыску и К<атерину> Е<вгеньевну> <Ошанину>, да и детей тоже, которых пришлось отправить к Доне Владимировне.

Совещание выглядело до предела глупо. Захарченко окончательно обнажился как дурак и демагог. Зато заметно сконцентрировались и консолидировались молодые. Мы все сидели в одном ряду: Женя Лукодьянов (Исяя не было), Джереми Парнов, мы с Борькой, ленинградец Варшавский. Днепров сидел сначала в стороне, но затем стоны и вопли Сытина и Немцова бросили его в наши объятия. И Ариадна Громова была с нами. Кто же против нас? Враги поджали хвост и только хныкали.

25-го <августа> мы обманом удрали с Борькой в Крым. Там с Копыловым, Наташей <Свенцицкой> и еще одной девочкой нежили тела под солнцем и в соленой воде пополам с дерьмом и презервативами. Вернулся десятого с обожженными ногами.

А 20-го <сентября> с поэтами и Белой Ключевой укатил в командировку в Казахстан. Вот записи.

Борис Гайкович,
Иван Лысцов,
Юрий Полухин,
Джемс Паттерсон,
и мы с Белой.

22.09. Актюбинск.

Прилетели в 4.30 (по местному). Никто не встретил. Взяли такси, кинулись в гостиницу. Мест нет. Тогда с Б<елой> Г<ригорьевной> отправились искать крайком КСМ. (Актюбинск 3 м<еся>ца назад стал краевым центром.) Нашли горком партии. Стучим — открывает старушка. Б. Г. объясняет: «Вот мы из Москвы приехали, а остановиться негде». — «А заходите», — говорит старушка. И мы зашли. Второй этаж, что-то вроде лектория. Поели, стали ждать. Рассвет. Затем за нами пришли и до часу мурыжили и держали в крайкоме. Мы с Джимом и Ваней ходили на рынок. Арбузы, дыни, виноград, гранаты. Купили «сладкой ваты», которая здесь назыв<ается> «восточная сладость». Потом явились Юра и Борис и злорадствовали. Наконец нас поместили в «люкс» втроем, а Б. Г. внизу, в комнате 5 девиц.

Спали. А затем в редакцию «Западного Казахстана». Там нас снимали, и сидел развальясь казах-главред, положив рядом брюхо.

Возле пяти зашли в ресторан. Ничего, но паршиво. Затем опять поспали полчаса, а затем в горком, в тот самый лекторий на встречу с лит<ературной> общественностью. Я говорил о фантастике. Но здесь это всем чуждо. Правда, был дельный вопрос: просили ввести в лабораторию творчества: откуда берутся детали. Я ответил неудовлетворительно.

25.<09.> Гурьев.

Были: на знаменитом заводе ферросплавов. Очень впечатляет. Бела набрала кило 2 готовой продукции, и теперь все это бренчит в кармане моего плаща.

На вечере молодежи в ДК жилгородка. Поэты читали, я промолот какую-то чушь. Дали в местную газету «Западный Казахстан» свои вещи, я дал «Дорожный знак». В воскресенье глянули и плюнули. Фото уродливое, стихов по одной штуке, рассказа нет. Рассказ я отобрал.

Выступали еще в юношеской библиотеке и по телевидению. Все моча. Я лишний. Хотя в библиотеке поругались с Полухиным.

Вчера записались на радио (я не стал наговаривать), а вечером поехали в Н. Михайловское, совхоз им. Дзержинского. Обстановочка. Все усталые и злые. Парторг с притворным недоумением объявил, что ему обещали цирк. Впрочем, вопреки ожиданиям вечер прошел хорошо. Я рассказал о «Пепле Бикини», слушали внимательно. Вернулись около 2 ночи. Итого 250 км в оба конца.

Сегодня с утра спорили с Иваном. Бедняга очень озлоблен, как всегда не понимает, кто виноват, поэтому считает необходимым перебить интеллигенцию.

Вылетели в Гурьев. Актюбинск-Гурьев — 2 часа. Встретили нас отлично. Принял сам секретарь обкома, рассказал об области. От него повезли в гостиницу. Опять я с Джимом и Иваном в люксе, Бела с Таней в общей, а Юра с Борисом в простой, но на двоих.

26.<09.>

Никак не могу добраться до почты. Все время на машине.

Расстояния громадные. Ездим из Европы в Азию и обратно (через Урал).

Вчера вечером выступали перед школьниками. Неожиданный и громадный успех. Даже мне присылали записки. Но в общем я чувствую себя не совсем в своей тарелке — пир-то чужой, поэтический. Не подозревал, что стихи так любят. И — главное, вероятно — «мы впервые видим живых писателей». Ох и работы же еще до коммунизма! Кстати, вот заметить для «РЗ» — проблема коммуникаций. В Гурьев не доходят книги, не доезжают писатели. Утилитарное использование гигантских областей, ничего не давая им взамен — т. е. не давая им культуры. Это надо очень продумать. Посылать просто сюда культуртрегеров мало. Нужны издательства, свои журналы и газеты, все свое, на месте. А здесь своих творческих работников до изумления мало.

Сегодня ездили на нефтеперерабатывающий завод. Изумительный цех. Полностью автоматизированный процесс. Управление с дистанции. Всего 12 человек на огромной площади, заставленной башнями, трубами и цистернами с температурой 500° и давлениями до 40 атм. Строжайшая дисциплина. «За курение — под суд».

Затем были в областной газете «Каспийская коммуна». Поговорили. Жалуются, что их не печатают в Москве. Вернулись в гостиницу, и тут напали пионеры. Стали фотографироваться с нами. Я смылся. Они норовили с Джимом и с поэтами. Сейчас жду, когда это кончится, и поедem на встречу с рабочей молодежью. Тоже в клубе жилгородка.

27.<09.>

Выступали в клубе. Клуб — ДК — великолепный. Строен в мавританском стиле, просторен, чист, удобен, с двумя залами, с наклонным полом. Народу было немного — большей частью школьники. Рабочая молодежь была, по-моему, на футболе, хотя парторг одного из цехов нефтеперегонного завода сказал, что дело здесь вовсе в нераспорядительности властей, не объявивших о нашем приезде. Успех был. Даже мне прислали записку.

Едва вернулись (а был еще Уральск, отличная встреча, усталость, прогулка по городу и окрестностям), как мне позвонили из Горького. Юрий Борисович Беспалов, режиссер молодежной редакции телевидения. Съездили с Ленкой, пробыли день. Я выступал перед горьковчанами, была инсценировка «Смерть-планетчиков».

«Стажеры» выйдут в октябре.

Альманах тоже.

Хочется писать «Кракена», «Родился завтра», «Катастрофу».

Все.

16 октября, вт

Вчера выпал первый снег.

Подал заявление об увольнении. М<ария> М<ихайловна> <Калакуцкая> предлагает три месяца отпуска за свой счет, я бы и не прочь, но это, кажется, не выйдет — нужен заместитель.

Для «Вопр<осов> л<итерату>ры» переделываем статью о фантастике. Отослал Борису половину нового варианта. А нужно еще для «Лит<ературной> газеты».

Втайне от Бориса норовлю заняться «Кракеном». Ноябрь напишу — страниц 150 можно сделать, если до ноября тщательно разработать план. А в декабре поставлю Борьку перед фактом — хошь не хошь, а пиши «Кракена». Впрочем, я ему, пожалуй, сообщу все-таки.

Громова Ариадна Григорьевна пишет о фантастике статью в «Новый мир». «Возвращение» нравится Славину, Радову из «Лит<ературной> газ<еты>», Злобину. Кто-то из них хочет и не может написать рецензию. Вчера был у Севера Гансовского. Попросил написать рецензию его. Он сказал, что попытается.

В «Пионере», по-видимому, пойдет «61 Лебеда». Попролам с Ниной Берковой.

Ужасно не хочется писать статью. Неужто все-таки придется?

1 ноября, чт

Сегодня первый день трехмесячного творческого отпуска. Думал уйти из Детгиза совсем, но постеснялся, принял предложение отдохнуть три месяца.

За это время вышел «Мир приключений» с «Должен жить». Теперь в работе остались только

«Стажеры»,

«Попытка к бегству»,

«В стране водяных».

Были горячие денечки. 26-го наговаривал по радио болтовню о человеке будущего — кажется, так и не пустили в эфир. 27-го делал доклад о фантастике в Детгизе — все стали смотреть на меня с благоговением. 28-го выступал с Андреевым, Громовой, Днепровым, Полещуком, Парновым и Емцевым в Политехническом музее. Кажется, прошло успешно. Во всяком случае, так Крыса говорит.

Сегодня закончил статью для «Воплей». Завтра отнесу. Интересно, напечатают ли. Очень ругательная, хотя Крыс считает, что не очень. Для «Лит<ературной> газеты» ничего не пишу. Парнов пишет про «Экипаж». Громова говорила, что Злобин пишет про «Возвращение». С трепетом открываю «Лит<ературную> газ<ету>», но тщетно.

Ходят всякие слухи. Казанцев грозит искоренить громовщину и днепровщину.

Но надо думать, как работать теперь. У меня на руках рукопись Чижевского — как кандалы. Надо читать японскую книжку «Уки тодай» для «Бюллетеня Ин<остранной> л<итерату>ры». Надо решиться, что переводить. И самое главное — надо писать «Кракена». План у меня есть, нужно писать по 3–5 стр. в день. Выйдет ли? И еще — письма.

23 ноября, пт

Сегодня ровно неделя, как я в Ленинграде. Вышла «В стране водяных», но я ее так и не видел.

Незадолго до отъезда было заседание у Айдинова относительно альманаха «Мечта и наука». Альманах с общественной редколлекцией, Айдинов, Ефремов, Андреев, Этингер, Дубровский, Днепров, Дмитревский и я. Я дал в альманахе «Обывателя» (бывш<ие> «Мигранты»). Ожидается, что 1-й номер будет сдан в первых числах января. Но он под контролем товарищей из ЦК. Будем надеяться, что это лучше, чем главлитовская цензура.

Мы с Борькой решили начать работу с двумя повестями сразу. На первом месте — «Дальняя Радуга», последняя повесть о «далеком» коммунизме, которую мы пишем. План по Борькиным наброскам я составил.

Что касается «Кракена», то Борис не совсем уверен, что нам удастся его написать. Мой план он забраковал, мы выработали концепцию Кракена — фактор омещанивания, элемент, в присутствии которого люди становятся животными. Показать непосредственную связь — мещанство — культ личности.

Борька с понедельника в Пулкове, сегодня провожает Аду и приезжает. Вероятно, поговорим и начнем «ДР».

Кое-какие наброски для «Кракена» я сделал — облик Андрея. У Борьки нашлись наброски для образа Виктора. А я открыл противоречие между нами, которое в последнее время движет нашу работу: меня тянет к внешнему описанию событий, а Борьку — к поискам идейного содержания сюжета.

«Литгаз» молчит. Андреев предполагал, что рецензию дадут в прошлую субботу, да вот ничего нет.

Приезжал С. Лем. Выступал по радио, сказал, что больше всех в СССР из фантастов ценит Стругацких и Ефремова. Очень лестно.

29 декабря, сб

25-го закончили «Далекую Радугу». Впечатление смутное. Ясно одно — последнюю главу нужно в корне переменить. Нужно, чтобы шла она от лица Роберта — отчаявшегося, опустошенного, чувствующего, что он причинил любимой женщине непоправимое горе, растлил ее совесть и убил ее стыдом еще до мгновения катастрофы.

Очень мы устали с Борисом. Числа 20-го послали в «Лит<ературную> газету» рассказ «Машина Времени» вместо «эссе» о науке и фантастике, как это от нас требовалось.

Множество событий, живо нас взволновавших: и разгром абстракционистов, и встреча правительства с писателями и художниками 17-го, и особенно — встреча членов правительства с молодыми совсем недавно. Удручает, что кроме извещения ничего, никаких подробностей об этой встрече не было. А ходят слухи, что Серебрякова напала на Эренбурга, что правительство получило от ведущих физиков (Алиханян и др.<угие>) письмо с просьбой оставить абстракционистов в покое, а Хрущев сказал: «Люди это нужные, к их мнению не прислушаться мы не можем, так что пусть абстракционисты малюют, но пусть платят им физики». Что Шостакович отказался убрать первую часть новой симфонии («Бабий Яр»), и ее исполнили при потрясающем успехе. Что Грибачев потребовал призвать редактора «Лит<ературной> газ<еты>» к ответу за публикацию евтушенковского «Бабьего Яра», и Евтушенко ему прямо там и ответил. Но насколько это правда — сказать трудно.

Несколько раз встречались с ленинградской группой фантастов. Илья Иосифович Варшавский, отличный и умнейший старик. Владлен Травинский, зам<еститель> гл<авного> редактора «Звезды», умница, тяжеловатый и эрудированный. Владимир

Иванович Дмитревский, зав<едующий> отд<елом> прозы «Невы», Юра Коптев и его жена Рита, у них пили коктейли, Дмитрий Брускин, переводчик Лема. Мы встречались в Доме писателей, в «Звезде», дома у Травинских и у Коптевых. Славные ребята, гораздо более интересные и дружные, чем наши в Москве. Или мне так кажется? Ведь таких, как Север, среди них нет, например.

Были две телепередачи, касающиеся фантастов. Обе идиотские. Мы с Борькой не пошли, хотя нас и приглашали всюю.

Мама прихворнула сердцем. Видимо, стенокардия. Мы ее гулять на улицу не пускаем, за продуктами ходим сами. Нынче купили ей подарок к Новому году — торшер.

Очень соскучился по Ленке и детям. Завтра выезжаю.

Аркадий Стругацкий Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970

1.03.62.

3.03.62.

4.03.62.

5.03.62.

7.03.62.

8.03.62. У Бореньки зубки болят.

9.03.62.

10.03.62.

12.03.62.

13.03.62.

14.03.62.

15.03.62.

20.05.62. Приезжал АНС для починки «Попытки к бегству» (бывш<ее> «ВД»).

22.07.62. Приезд без особой цели. Впрочем, сделали статью-доклад о фантастике.

Приехал 16 ноября 1962 г. писать «Кракена», а писать стали «Далекую Радугу», так-то.

24.11.62.

6.12.62.

7.12.62.

8.12.62.

9.12.62.

18.12.62.

19.12.62. Закончена 5-я глава «Радуги». Фруктовый торт.

20.12.62.

22.12.62. Кончена 8-я глава.

23.12.62. Кончена 9-я глава «ДР».

24.12.62. Три Мушкетера, франко-порт.

25.12.62. «Радуга» окончена.

26.12.62.

27.12.62.

30.12.62. Отъезд.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1963

5.11 <1962>

Позвонить Василевскому, дать «Ударом меча».

11.11

1092 р. — «Должен жить».

12.11

Обсуждение Днепра: докл<ад>Полещука, содокл<ад> Андреева.
Гослитиздат.
АПН — гонорар.

13.11

Гонорар за «Каппу».

14.11

10 ч. редколлегия. А. Г. Громова, Гансовский.
13.30 Детгиз — для Вайсброта.
18.00 для Гослитизд<ата> Coldwell.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1965

Немирович-Данченко и Станиславский:
— Владимир Иванович! В фойе криво висит портрет Кузьмича.
— Ах, не Кузьмича, а Ильича! Вас, Константин Сергеевич, с вашей аполитичностью скоро посадят в ГУМ.

Сталин, Берия и Чиаурели смотрят «Падение Берлина». Чиаурели играет на гитаре.

Смотрят фильм «Клятва». Сталин спрашивает, хорошо ли, смотрят второй раз. Потом 3-й. Сталин уходит.

История с приездом Мао Цзедуна.
Поскребышев, Маленков: Едет!.. — Пусть едет.

Статья для АПН.
Поездка в Горький.
Выступление по радио.
Выступление в Политехнич<еском> музее.

Всегда требует самое лучшее и удовлетворяется тем, что дают.

Долматовский (вдохновенно):
— Мы скажем Вселенной: «Здравствуй!»

Кто-то из ребят, передразнивая преувеличенно пафосно с подвизгиванием:
— «Здравствуй!»

Свободный полет мысли в точных строгих партийных рамках.

M. J. Wells.
Brains and behavior in cephalopods¹.
Stanford University Press.
1962, 171 стр. \$ 4.

В житейских обстоятельствах не столько стараются выяснить суть дела, сколько ищут слов поядовитее уязвить соседа.

Человек, получающий информацию из себя.
Человек — телепат и левитант.
Человек, могущий бесконечно увеличивать скорость своего организма.
Человек — счетная машина.
Просто человек.

Взрослому с передовыми взглядами очень неловко оказаться на катере или в вагоне с толпой городских пионеров лет 13–14. С одной стороны, он знает, что знает больше, с другой — знает, что со временем неизбежно будет знать меньше, станет старой песочницей.

Кстати, последующее поколение грамотнее предыдущего не только потому, что начинает алгебру в пятом, а не в 7-м классе, но и потому, что освобождается от предрассудков. Собственные предрассудки кажутся старшему поколению достойными зависти. Оно желчно завидует.

И очень глупо взрослому в толпе незнакомых детей.

Пáрит... Небо смутное. По грязной дороге лениво бредут, щелкая орехи, великовозрастные пионерки в ярких сатиновых штанах ниже колен. У них очень округлые бедра, ягодицы и груди.

По радио восторженно орут: «В эту минуту герои космоса Николаев и Попович находятся на пути в Москву». А несколько ребят, не ведя и ухом, ругаются над биллиардом.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962

Вот такая схема:

1. Несколько тысячелетий назад супермены прибыли на планету Эн и построили там гигантские установки — придумать их назначение.

2. Коренные энцы — первобытные люди. Супермены не обращали на них внимания, не считали себя вправе вмешиваться в их дела. Энцы только с ужасом глазели на них издали.

3. Пробыв на планете лет сто, выполнив свои дела, супермены улетели. Энцы остались хозяевами этих установок, им непонятных. Некоторые из них стали, осмелев, играть рычагами и создавать всякие эффекты. Здесь идея — высокая техника в руках питекантропов. Каста жрецов, управляющих чудесами, которых они ни в зуб толкнуть.

¹ Мозг и поведение головоногих.

4. Спустя несколько тысячелетий прибывают земляне. Экспедиция, несколько человек, разыск<ивающие> пропавшую экспедицию. Здесь и развернуться. Ого! Какие можно дать приключения!

Супертехника — машина, управляющая случайными процессами.

Когда идут на розыски пропавшего, один отказывается брать оружие.

В составе этой группы — двое неземлян — скажем, обитатели сириусовой системы.

Люди и приключение

1. ЕН 7301.

1. Антон [«Ванстратен» исправлено на «Вандердекен»] — пилот, навигатор, 23 года.

2. Вадим Горбовский — пилот, лингвист, 22 года.

3. Анка Волина — воспитательница, спортсмен, 20 лет.

4. [«Соломон» исправлено сначала на «Самсон», затем на «Саул»] [вычеркнуто «Соловьев»] Репнин — писатель-эмоционалист, 30 лет.

[Вычеркнуто: «5. Сирано — высокомолекулярник, 22 года.»]

Вадим: Жаль, хороший был день. Чудесный у нас будет сегодня день.

После приключенческого дня: настоящей жизнью живешь только на работе. Однообразно здесь как-то.

Я Саул Соловьев. Могу (перечисление на полстраницы).

— Ясно, ясно...

Замолчал на полуслове.

При старте сидит на краю люка.

В конце Саул саморазоблачается и сообщает, что не все его мины взорвались.

«О сущ<ествовании> полиномиальной операции над Q-полем структур Симоняна».

Темы

1. История Ала-эд-Диновой лампы. (Кибер, управляемый голосом: по созвучию разрушает города и строит дворцы.)

2. Беглец из 37-го года.

3. Убийство или мистика.

4. Видение в пустыне — встреча со Всемогушим, исполнение представлений.

Приземлились.

[Карта местности с надписями: котлован, 200 км, KZ, 50 км, полигон, город, 400 км, танк — см. с. 15 вклейки.]

1. Высадка. Рука из-под снега.

2. Осмотр трупа. Вот вам и цивилизация. Сравнит<ельно> недавно умер.

3. Растят глайдер, строят гипотезу. Полярник? Слишком легко одет. Саул: раб!

4. Вылетают на разведку. Летят спиралью, на одном из витков замечают город.

Перед тем стадо скота и хищники, гонятся за ними.

5. Заметив город, находят засыпан<ный> танк и в нем десятки трупов и вокруг него. Контраст между внешностью и танком.

6. Пустой город. Прекрасные мертвые улицы, сады и парки и киберсадовники, на которых не обращ<ают> внимания: не сразу вспоминают, что это не Земля. Бассейны. В домах пусто. Но город начинается с руин на юге, чем ближе к дороге, тем новее.

Вдоль автострады энергоприемник.

Осматривают и убеждаются, что здесь не один город, а несколько городов, повторенных однообразно. Множество бегающих строй-машин. Никакой разгадки этой загадки.

7. Дошли до автострады и видят массу бегущих машин, стадо косуль, пересекающих автостраду. Косули машин не боятся. Видят дорогу, по которой уводят машины, летят над дорогой, прилетают в концлагерь.

8. Описание концлагеря и полигона, попытки установить контакт. Люди шарахаются от них, надсмотрщики их боятся, как очень вышестоящих.

9. Выясняется, что ничем нельзя помочь: еды, одежды, медикаментов слишком мало для такой массы людей. Хотят немедленно лететь назад за помощью, но корабль еще не потолстел, не хватит массы для обратного перехода. Возвращаются на корабль.

Идея о том, что человек не выходит из плоскости представлений. Врач-психолог. Как Алла-эд-Дин принимал кибера из лампы за джинна, так вы, слепцы, принимаете несчастных рабов, людей, за машины, инстинктивно оберегая как достоинство разума, так и целостность своей картины мира.

Это — беженцы из города.

Пристально смотрит на вооружение надсмотрщика — арбалет и меч. Машины — и арбалет и меч.

10. Второй день. Утром обсуждение:

а) это экипаж, потерпевший бедствие;

б) это их нормальное состояние;

в) это роботы, которыми управляют люди-надсмотрщики.

Саул ничего не предполагает, он только взывает держаться как можно осторожно.

Решают разузнать как можно больше.

11. Едут в KZ¹. Вадим подбрасывает магнитофоны. Пытаются говорить с надсмотрщиками. Авария с машиной, надсмотрщики гонят толпу на перехват, и машина увязает в кровавой каше.

12. Саул, синий от злости, берет бластер и лезет на надсмотрщиков, а ребята теперь убеждаются, что это действит<ельно> роботы и хозяева. Саул кидается на надсмотрщиков, и вдруг...

13. Вдруг тысячеголосый вой ужаса — появляется кубическое облако, начинается страшная метель. Наши укрываются в глайдере. Летят крыши, летят трупы, летят живые.

14. Метель кончается, кровь замело снегом. Коммунары выскакивают, и на них идут рабы. Саул говорит: давайте уезжать к черту.

15. Отъезжают за холмы и ждут сумерек. Дожидаясь, Саул произносит речь.

В глайдере остается Антон и Анка. Саул с Вадимом прокрадываются в деревню. Тянутся изможденные работяги, режут машины в котловане, луна. Мороз. Тишина. Страшная песня-вой. И надсмотрщики-патрули мерно проходят по улице, скрипя по снегу.

16. Выезжает человеческая упряжка с надсмотрщиком и двигается к горам на север.

¹ KZ — немецкое сокращение от «Konzentrationslager» (концентрационный лагерь).

17. Вечером в звездолете. Необходима информация. Вадим требует живого человека.
18. Третий день. Утром вонища. Трясущийся надсмотрщик в 5-й каюте. Начало допроса. Саул показывает бумагу.
19. Саул и Вадим остаются допрашивать, а Антон с Анкой летят в город.
20. Наблюдают облаву. Люди кидаются, хватают и прокусывают горло. Антона тошнит.
21. Выезжают на шоссе. Наблюдают, как с шоссе уводят машину. Едут вслед за толпой на полигон. Висят над полигоном. Впервые отчетливо видят ход работ.
22. Возвращаются на Корабль. Там допрос в полном разгаре.
23. Допрос.
24. Саул [«пинком выбрасывает надсмотрщика, взрывает глайдер, и» исправлено на «и проблема надсмотрщика»].
25. Четвертый день. Саул требует карательной экспедиции за хребет. Ребята его удерживают.
26. Рассуждения о разуме и эмоциях.
27. Саул — луддит. Побоище машин. Мысль пришла в голову Антону. Проклятье на тех, кто завез сюда эти машины. Оправдание — они не гуманоиды.
28. Возвращение на Землю. Саул исчезает. Записка на обороте автобиографии.

Савл Петрович сказал нам, что конца этой истории он не знает.

— Так не может дальше продолжаться!

Это была ложь. Так могло продолжаться дальше вплоть до вечера.

— Сынок, портвейн 1.47 есть?

Верчу катушку. Не вижу, а скорее — неграмотная. Тощенькая, с жадным вытянутым носиком, с землистым лицом.

— Вот 1.22, вот 1.87... Нет такого.

Кто-то показывает ей приблизительно. Кассирша разговаривает грубо. Она маленькая, прибитая, нарочито бодро оправдывается: «А как мне сказали, так я и говорю».

Иду обратно. Поравнялся с нею. (Покупал пельмени.)

— Не было за 1.47. Взяла за 1.22.

— Они, мамаша, все одинаковые.

— А я разве знаю? Я никогда их не пью. Это племянник из армии приехал. Боялась, денег не хватит. Я бы на эти деньги до 3-го прожила, у меня 2 рубля только, а теперь не знаю. Правда, мне завтра деньги получать за квартиру, убирала я там. А так бы я белой купила.

— Пусть бы он и дал денег.

— Совести не хватит. Родная сестра в Сибири, 4 года прослужил, просит недельку пожить.

— Всякому интересно в Москве побыть.

— Пропади они все пропадом. Приезжают, едят, пьют, откуда мне деньги брать? Мясом нужно кормить, как выйдешь — пятерка, а за сухой стол не посадишь. Брат наемдни приезжал, скот в Москву привозил, тоже жил, а откуда у меня деньги?

— Сколько вы получаете?

— 35 аванс да 14 рублей зарплаты.

— Кем работаете?

— На стройке, бетонщицей.

— Так вы скажите им, пусть хоть вино сами покупают.

— Совесть мне не позволяет. Приедут, проклятые, жрут, пьют, за сухой стол не посадишь. У них совести нет.

Мальчики и девочки в коротких юбках и брюках, озабоченные и веселые. 35 + 14.
Отмирающая неграмотная Москва.

— Мне бы одной хватило, да приезжают, пьют, жрут.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960–1962

Мы не Декарты, не Ньютоны мы,
Для нас наука — темный лес
чудес,
А мы советские астрономы, да,
Хватаем звездочки с небес.

В целях Природы обуздания,
В целях рассеять неученья
тьму
Берем картину Мироздания, да,
И тупо смотрим, что к чему.

Авиабаза зима 1948. Форт-Нокс, кап<итан> Мантел.
1/3 зол<отого> запаса. Мантел погиб (один из трех).
h = 8–9 тыс. м.
Сразу после этого госдепарт<амент> запретил.

Мантел погиб от кислор<одного> голодания!

- 1). Маунт-Рейнир.
- 2). База Аламогордо, пустыня, зона испытаний.
Мензел.

Сюжет: офицера расстреляли за перерыв радиосвязи, а дело было в солнечной активности (бывают перерывы до суток длительностью — полное молчание на огромном диапазоне).

Пятна на чужом Солнце — чем горячее звезда, тем больше магнитн<ое> поле — значит?..

Космонавт «низошел на местную дочь» — терпел, не вытерпел. Сюжет.

Повесть: завещание от отца к сыну о Пришельцах. Как рождается легенда (все врут страшно или не верят правде, реализуют ее!). «Чепуху говорил батя, просто пришел бог...»

Написать историю Христа — Виталия Горбовского.

Материальная жажда грозит физической смертью, а чем грозит духовная жажда?
Наше время: главное жратва.

В будущем: «жри, но не познавай» равно нашему «дыши, но не жри». Человек без книги погибнет, только медленнее, чем без жратвы, так же как он погибнет без жратвы, но медленнее, чем без воздуха.

— Это вы, товарищи, поймите все, а то вам будет жутко!..

Преподаватель читает полит<ическую> речь — что такое сов<етская> страна. Угрюмо огрызаются.

«Конечно, бывают уродливые семьи, можно выискать отдельные, разбросанные здесь и там довольно густые мещанские гнезда. Но ведь они отдельные, разбросанные по щелям!..»

Октябрь, 3, 189, 1962

А мещанство взяло нас [за] горло.

Я все думаю — сидит сейчас где-то умный и пишет, пишет. Старец Пимен.

Сюжеты:

- 1). Звездолетчик, выполняющий желание.
- 2). Преступление или мистика?
- 3). Человек 37 года в будущем.
- 4). Человек будущего в 37-м (?).
- 5). О преобразованной Сауле или о преобразовании ее.

«Щетка для мытья унитазов. Артикул ЛГ–106–0111».

Критическое доверие.

Сюжеты:

1). Научно-фантастический роман о будущем, написанный кроманьонцем (как критика нынешних приемов переноса в будущее одновременно с фантазией — своих допотопных вещей — охоты, камен<ных> топоров, шкур и т. д.; при этом человека возводит в некий абстрактный сияющий символ).

2). Писатель-фантаст нашего времени пишет о будущем, кот<орое> прекрасно, а вокруг-то дрянь! Иди в подвал за дровами; пьяная дрянь; что-нибудь политическое; воняющие грузовики...

Эпизод:

Человека мучает боль. Он не хочет, чтобы об этом узнали окружающие. И он стонет и извивается от боли, читая монолог ревнующего Отелло. Все восхищены.

Разговор со старухой:

— Мне нужно почистить зубы. Зубы — это такие белые штучки во рту. Может, помните?..

Перед праздниками забирают машинки («множительные аппараты»).

Разговор о смысле жизни.

— Так вы считаете, что на этот вопрос нет ответа?

— Да.

— Значит, есть вопросы, на которые человек никогда не ответит? Это же агностицизм.

— Есть такие вопросы. Например: почему у привидений красные пупки?

Вездеход с тремя ведущими осями ревел, выл и шипел. Он был похож на длинного сутулого динозавра, и его называли абегвелау; шипекве; липата; мокеле-мбембе; аилали; бади-гуи; нгакуола-нгоу.

Бытовой сюжет: «Путешествие по записным книжкам».

Всякое здание — мощный возмутитель атмосферы.

Что самое страшное в экспедиции?

— Это — когда ветер, буря... и надо идти по нужде.

Маг изобрел аппарат: как соверш<ается> жульничество — звонок. Аппарат звенел непрер<ывно,> и все думали, что он испорчен. Потом <установили> фильтр — жульничество ради добра.

«История архитектурных излишеств», гл<ава> I. Курьи ножки.

Хил — человек.

— А ты слышал, как сопят и чмокают птицы?

Про Львова: существует при всех властях; ему — как с гуся вода, а хорошим людям — проработки, проверки...

Маг-кобель; каждый вечер кобелирует. К утру у него волосатые уши. Он бреет их. Старается очеловечиваться в работе.

Натуральная магия.

Идея: что самое ценное для человека? Кто самый ценный? Прошлое, наст<оящее> или будущее?

Будущее — дети. Но будущее и наука, и искусство.

— Знаете, как страшно умирать, когда и так мало жить осталось. (Это говорит старик.)

Парень мчится спасать любимую. Спасает, оттолкнув женщин и детей. А потом, как всегда при встрече, разочаровывается. «Вблизи от милой жжет тоска...»

Рассуждения о трудностях, связанных с коллективом из малого числа членов: слишком сильны случайные флюктуации.

В спорах на большие и сложные темы (история общества, теория революции и пр.) не бывает неправых. Каждый из участников прав (и Маркс, и Каутский, и Бернштейн...). Побеждает не истина, а что-то третье.

Задатки + воспитание + личный вкус.

Равнодействующая (и только она) дает человека; но все эти факторы сталкиваясь и в совокупности с темпераментом дадут облик человека.

— Все пройдет, изменится, исчезнет. Кроме нас.

Все мы диалектики, пока речь идет не о нас, а о дяде.

Стыдно ждать смерти, сложа руки. Поэтому начинают действовать и делают глупости.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1962

Один из героев сидит и точит ножичек. Час, другой, третий, день... Апатия.

— Зверь спрятался. Но он жив. Сначала он был свободен. Потом его заковали наспех состряпанной моралью. Потом посадили в клетку благосостояния и под колпак научного воспитания. Но он жив.

«Человек с рефлексом вместо души, человек плотоядный, зараженный эгоцентризмом, должен быть уничтожен. Посмотрим, кто пересилит. Мы сильны своим гневом и непримиримостью. Они — жадностью и волосатым кулаком». Пауст<овский> т. 1, стр. 322.

Проблемы коммунизма:

1). Взаимоотношения между духовными потребностями и материальным потенциалом. (Число идей и число носителей проблем >> числа приборов, лабораторий, количества энергии для экспериментов.)

2). Планирование хоз<яйст>ва. Это планирование предусматривает знание законов развития общества, и этим заняты машины? Что же это за машины?

3). Пороки при коммунизме? (Лень.)

4). Многократное усиление всех трагедий, связанных с духом.

Один из героев — «дурак». Очень хочет заниматься делом, но все время отстает.

Гений, которого не понимают.

— Давеча отнес вот в клозет свои вычисления. Прихожу сегодня — так и висят на гвоздике. Подтираться ими и то никто не хочет...

Корова Пржевальского.

О создании человека-кибера.

1). Для ловли диких зверей.

2). Дать физиолог<ические> хар<актеристи>ки.

3). «Мне пора почковаться»...

4). «Они придут сюда и всё сметут».

5). В программу заложено уничтожение (от рака).

Период полураспада стульев.

Гению ничего не нужно, дураку нужно слишком много. Потому что гений хочет знать, а дурак — иметь.

Писать надо так: выдумывать ситуацию (если она не возникает сама собою), а затем разбирать всевозможные варианты. Лучший — неожиданный. Например. Герою нужны деньги. Где взять?

1). Занять у знакомого (скучно и избито).

2). Украсть (избито, но может оказаться не скучно).

3). Нищенствовать (уже было).

4). Обойтись без них (м<ожет> б<ыть> неплохо: герой, все время думая, где их достать, обходится без них).

5)...

Каждый пункт — источник новой ситуации, многих ситуаций.

Гений — киберчеловек — симбиоз. Одинок и бессмертен. Остается один живой. Выходит из Волны.

Бог занят ответами: да-нет, да-нет (по поводу камня).

Дурак все время мучается неуверенностью в себе. Разговор:

— Все новое — основ<ательно> забытое старое, как сказал Строгов.

— Это сказали еще в XVI в<еке>.

— Вы уверены?

— Нет, м<ожет> б<ыть,> еще раньше.

Испытывает привычн<ую> неуверенность.

Дурак скажет, что сам видел его мертвым, а тут гений свяжется по радио.

Сцена: мать спорит с Горбовским, что не воспитателя надо посылать, а ее. Что стоит воспитатель по сравнению с матерью.

— Значит, вы бессмертны?

— Ну, в какой-то степени. Но достаточно меня разрезать пополам — не поперек, а вдоль — и растащить половинки подальше... вы понимаете?..

Особого отчаяния нет, т<ак> к<ак> всё надеются вплоть до последнего дня, что подоспеет рейсовый.

Одна из причин катастрофы — торопливость. Надо давать выход, а то разгонят, прикроют, а народ бросят в КБ на производство лазеров и телестазеров — работа, конечно, тоже не черная, но малопривлекательная (такая же как сейчас — слесарить и токарить). А если даже и не разгонят, то задержат отпуск оборудования в пользу удачливых.

Что такое квалиф<ицированный> читатель?

1). Человек, кот<орый> любит читать и читает много (как минимум 20–30 стр. в сутки — в среднем).

2). Человек, кот<орый> любит перечитывать и много перечитывает (примерно столько же, сколько и читает).

Это — необходимые усл<ови>я.

М<ежду> прочим, отсюда следует, что книгу надо оценивать не по числу читателей, а по числу «перечитателей» (отпадает подавл<яющее> большинство детективов).

Отсюда:

1) Книги плохие:

а). Либо невозможно даже дочитать.

б). Либо возможно дочитать, но мысль о перечитывании кажется странной.

Примеры: почти все детективы, «Даурия», Немцов в целом; «Лунная дорога»; «Кому на Руси жить хорошо», «Семья Тибо».

2). Книги не плохие:

а). Либо невозможно перечитать.

б). Либо перечитываешь без всякого азарта.

Примеры: «Если парни всего мира», «Ученики Иисуса», «Мертвые сраму не имут», «Живые и мертвые», «Рудин» (весь Тургенев).

3). Книги хорошие и отличные.

Легко и с удовольствием перечитываешь во второй (а может > б<ыть,> и более раз).

Показать метания Гали: ревность и уязвленное самолюбие в XXII в. — показать, что они сильнее наших!

Чисто редакторский термин: матерьял дан вперехлест.

Попугай сломал клетку и попортил потолок. Добрые пионеры построили ему новую хорошую клетку, кот<орую> не сломать.

Книга должна быть провокацие-устойчивой.

Хорошо сказано: «Первым признаком отравления является посинение трупа».

Неисслед<ованные> обл<ас>ти Ю<жной> Ам<ери>ки: Мату-Гросу (Бразилия, граница с Боливией).

Истоки Ориноко (Венесуэла) — Великая Сабанна, джунгли и мезас = плоскогорья песчаника.

О роли дурака в истории.
(перечитать Эразма Роттерд<амского>)

Hoerner Sebastian von
The search for signals from other civilizations. The waiting time for answers may be greater than the longevity of the technical state of mind¹.
Green Bank. Repr. ser. A, № 12, 1961. (Obs 120)

— ... В пьяном гае изнасиловали студентку, участвовали в ограблении...

— Вы знаете, на прок<атном> автомобиле работает банда!!

В «Радугу»:

1). Рассуждение о том, что мы очень любим говорить о диалектике, но всякий раз, когда она берет нас за горло, сопротивляемся бешено и становимся чудовищными метафизиками и консерваторами.

«За проявленную бдительность и принятие мер по задержанию и сохранению заблудившегося поросенка объявить благодарность»...

Никто не боится империалистов. Все боятся особистов: никого конкретно, но какую-то безжалостную тупую машину. (Фатчихин, подписывающий акт, где упоминается ЭВ-80-3.)

— Я должен сесть к окну, минуты на три...

— Зачем?

— Мне нужно посмотреть, как взлетают американские самолеты...

После этого отношение к нему было совершенно особое.

В «Радугу»:

¹ Поиск внеземных цивилизаций. Время ожидания ответов может быть больше, чем долговечность технической стадии развития (англ.).

«Дерзну на все, что смеет человек.
Кто смеет больше — зверь».
«Макбет».

— Во Вселенной реально существует все, что мы способны себе представить... и еще кое-что, чего не способны...

— Как там насчет ведьм и привидений?

— Скажем так: существуют в природе такие явления, что увидь мы их, мы сочли бы их ведьмами и привидениями, по кр<айней> мере в первый момент.

«Понедельник начинается в субботу» (нет времени для отдыха).
Ребя готовит мощное наступление на все мыслящие слои.
«Не ожесточаться. Самое главное — не ожесточаться».

репрессионизм; сюсюреализм; раздеты камнем.

теория и история слухов

Поиски истины: глухой, слепой и немой.

Распределение: крокодилы, лейтенанты, блондинки; слепых только на открытую работу.

Агенты стран некоммунальных
Людей кастрируют морально:
Расскажут старый анекдот —
И человек уже не тот.

Не зря старались агенты,
Попал наш Саша в импотенты.
Его теперь не мучит бес —
Остался Саша вовсе без.

Изобретатель колючей проволоки.

Снайпер на вышке в лагере.

Каждый народ — аккумулятор гигантских страстей: ненависти, жестокости, доброты, любви, полового [1 слово нрзб].

MIDAS

Кто этот фрайер рядом с Лемом?

Гл<авный> ред<актор> «Звезды»
Георгий Константинович Холопов.

А долго мы здесь будем сидеть? И что надо делать? Слушать?

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 3

2.01.1962

В таком состоянии главное — сдержаться. Не бить кулаком в стол, не рвать вдоль и поперек аккуратно исписанные листки, не стирать диктофонных записей и не швырять диктофон в бешено крутящуюся центрифугу. Пусть все пройдет. Набрать воздуха в легкие, прикрыть глаза и заоченеть в кресле с таким видом, словно задумался о чем-нибудь родимом. Чтобы Сирано, скосив огромные блестящие глаза, вытянул белые губы дудкой и сочувственно подумал: «О, Володя вспоминает милое и далекое. Он так чувствителен — наш Володя». Сирано тоже чувствителен — в таком состоянии он теряет дар речи и торопливо уходит к себе, на свою странную койку. У всех бывает такое. Сигер, например, просто входит и, заливаясь смехом, сообщает: «А у меня опять не выходит! Это, ребята, не исследование, а сплошной хохот. Кто сегодня дежурный — давайте я заменю. Буду сочинять меню — единственное, на что я способен»... И идет сочинять меню. Хорошо быть экспериментатором — они всегда веселы и примитивны в эмоциях...

Володя осторожно выпустил воздух через ноздри и разжал кулаки. Сирано сочувственно косился на него, не переставая быстро набирать на клавишах программу автомата. За огромным окном ветер гнал по склону разноцветные листья.

Володя аккуратно собрал листки и сложил их в средний ящик стола на кучу таких же листков, на раздутые папки, на красные коробки диктофильмов — на весь этот мусор, на отбросы, обрывки, бред, в обширную помойку отходов интеллектуального производства. Он выключил вычислитель и всю аппаратуру, положил в карман диктофон и поднялся. «Нет на земле ни одного, кто не отчаялся ни разу...» Володя вдвинул кресло в стол и пошел к двери, прислушиваясь к гудению в темени, с любопытством следя за холодком лютого бешенства, расплзающимся по телу откуда-то из правого подреберья. Если эта дубина вздохнет, подумал он про Сирано, я залеплю ему диктофоном по его глубокомысленному, отвратительно мудрому черепу. Я выдерну ему все его хилые конечности и помочусь в ласковые всепонимающие глаза. А потом навалю чего-нибудь на объективную площадку его чудо-автомата... Сзади раздался сочувственный вздох. Володя куснул губу и необычайно деликатно прикрыл за собой дверь.

В коридоре он внимательно прочел оставшиеся еще с прошлого Нового года лозунги, развешанные по стенам, и просмотрел все карикатуры и шаржи, которые лепили ребята в веселые минуты. Потом он двинулся к выходу, бормоча без всякого выражения: «Исследование биосферы Боготы требует исключительного терпения, хладнокровия и готовности к неудачам». Это были слова знаменитого Мбога, и соответствующий лозунг — красным по пестрому — был протянут вдоль всего коридора: от кухни до выхода.

Володя откатил внешнюю дверь, прошел кессон и в лифте спустился к основанию дома. Здесь ветер крутился теплым смерчем, пригибая сохнущую траву.

Приближалась осень, и небо было белесое, а вокруг низкого сплющенного солнца стояло большое гало. У самого горизонта над джунглями белело второе — ложное — солнце, и вокруг него тоже стояло гало, но маленькое и слабое. Сразу вниз шла слабо протоптанная дорога, по которой можно было спуститься к гаражу и к мастерским, гофрированные крыши тускло отсвечивали внизу на фоне черных джунглей.

Володя сел на траву, скрестив ноги, и стал смотреть, как ветер гоняет листья. Каждую осень начинал дуть этот ветер — теплый и упорный. Он дул с Юга, со стороны Соленой степи, срывал листву с сохнувших деревьев, ломал ветки и мешал стаям белых гудзонов кочевать с пастбища на пастбище. Под ветром большие вялые птицы падали в траву и там засыпали от голода и утомления. Сигер ходил вдоль болота, где травы было много, и подбирал их для супа и жаркого. Будем считать, что происходит захват, думал

Володя. Кто нам мешает так думать? Никто. Тогда возможно предположение о регулярности коагулирующих элементов...

4.01.62

Про человека будущего. Имеется в виду человек, родившийся и выросший в условиях, когда а) материальные потребности личности удовлетворяются практически полностью, б) духовные потребности удовлетворяются в мере, отвешенной человеку от природы, и во всяком случае не ограничиваются обществом до тех пор, пока не представят социальной угрозы.

Научная фантастика должна стать мечтой о человеке (а не мечтой о техническом прогрессе или научном). При этом следует помнить, что действенным будет только такой образ, который не входит в разительное противоречие с тем, что мы видим вокруг. Это не должен быть блаженный ангел или абстрактное возвышенное существо. Это должен быть нынешний человек, у которого убрали родимые пятна и которого многому научили. Приучили быть смелым, честным, неагрессивным, доверчивым к окружающему. Приучили к понятию о счастье личном как счастье многих.

Останется индивидуальное неравенство и как следствие — зависть, обида, злоба, но никогда эти внутренние силы не побудят к активным действиям. Человек будет на примерах приучен к мысли о том, что нет людей абсолютно неспособных — каждый имеет хоть один талант.

В основе не только материальные причины, но и тщательнейшее, индивидуальное воспитание.

Новое: многогранность знаний, повышенная чуткость к окружающим, постоянное стремление к знанию, органическая ненависть к любой лжи, отчетливое понимание (от сердца идущее), что нет ничего важнее счастья человеческого. «При тебе человека обидели, и ты виноват». «Плюнь на все и береги человека». «Если в левой руке у тебя судьба открытия, а в правой — судьба товарища, разожми левую и берись двумя». Необычайно развит коллективизм, и высшая награда — одобрение близких тебе и уважаемых людей (нет стремления к великой славе).

...Говорят, Он жил последние свои дни в маленьком домике, внутри какого-то двора. Вокруг домика днем и ночью стояли цепью офицеры МВД и пропускали только по личному распоряжению. В домике всего-то и было, что кабинет да спальня. Никто не смел заглянуть в окна домика — это каралось беспощадно и жестоко, и были офицеры, любопытные или не в меру старательные, которые поплатились страшно.

В ту ночь он работал допоздна за огромным столом, занимавшим полкабинета. Полковник МВД — начальник охраны, — обходя цепь, видел в окнах яркий свет и все ждал, когда он погаснет в кабинете, зажжется в спальне, а потом погаснет и там. Утром ему стало страшно, и он решил подойти к окну и поглядеть. Кабинет был пуст. Яркая лампа озаряла стол, заваленный бумагами, и тяжелое отодвинутое кресло. Была уже половина четвертого, но полковник не рискнул войти и посмотреть. Он только подкрался еще раз к окну через полчаса и снова ничего не увидел.

Полковник и не мог ничего увидеть. Отец и Учитель половины человечества лежал под столом и тихо хрипел в беспамятстве. У него был инсульт. Совсем легкий, пустяковый инсульт, и, захвати его врачи вовремя, все могло бы быть иначе. Но был страшный приказ, и полковник нервно снова и снова молча обходил караул, ничего не ведая, дремали дежурные врачи, а Берия веселился у себя на квартире, катая ногой голых девиц по битому стеклу.

А Он лежал и тихонько хрипел — маленький, сваленный наповал и одинокий, как тот самый орел, что парит наравне. Он пролежал так пять часов, и когда спохватились, когда бледный полковник сорвал трубку и сипло закричал, когда взревели сирены

спецавтомобилей, когда безумно заметались врачи — тогда уже было поздно. Можно было только оттянуть смерть, но никакими силами нельзя было заставить ее уйти. Он сам подписал приказ о сверхстрогой охране — приказ-приговор самому себе. Он был слишком страшен, чтобы умереть в постели, и умер под столом на ковре, пока огромная страна тяжело ворочалась на своем ложе.

19.01.1962 г.

Он упал, провалившись в трещину, а когда поднялся, увидел рядом Звездолетчика. Он узнал его по рассказам негров, по рисункам несчастного Дьеппа — огромный раздутый скафандр, гигантские выпуклые чечевицы очков и странные башмаки, круглые, как грелки. И он подумал, что это мираж или бред, потому что он видел сразу и черно-бархатное небо с белыми дрожащими звездами, и ночь вокруг, и непроглядную тьму глинистой пустыни, и Звездолетчика, и горизонт сквозь Звездолетчика, и низко висящую у горизонта Вегу как раз на груди Звездолетчика, где мерно вздрагивал чешуйчатый нарост с торчащими металлическими усиками антенн.

Они стояли рядом и смотрели друг на друга, а потом человек вдруг услышал слова. Это было, как будто зазвучала хорошая мелодия, воспроизвести которую не хватает слуха, но ты ее слышишь, она в тебе.

— Я знаю, — сказал Звездолетчик. — Вы ищете меня. Как жалко, что мы встретились слишком поздно.

— Почему? — пробормотал человек.

— Я должен лететь. Простите меня, но я очень устал, и меня ждут. Вы хорошо понимаете то, что я думаю?

Он так и передал — «думаю».

— Да, — сказал человек.

— Пожалуйста, кивните головой, если понимаете меня. Я не могу перевести вас.

Человек кивнул и облизал сухие губы шершавым языком. «Бред», — подумал он.

— Я плохо слышу вас, — сказал Звездолетчик. — Кажется, вы думаете, что я — это бред. Я не бред. Я тот, кого вы искали, но нашли слишком поздно. Я должен лететь. Все было очень неудачно, я почти ничего не сделал на вашей планете. Я почти ничего не понял. Все пошло насмарку из-за... — он остановился. — Вы не поймете, — передал он. — Но это неважно. Вы хорошо понимаете меня?

— Да, — сказал человек и кивнул.

— С вами очень трудно, — сказал звездолетчик. — Я очень хотел помочь вам хоть чем-нибудь, но я почти ничего не понимаю здесь. Мне нужны ваши желания, ваши мечты. Я должен знать, чего вы хотите и чего не хотите, но только самое главное. Вы понимаете меня?

Человек кивнул. Так оно и есть. То же самое рассказывал Мбога и его жена, и этот мальчишка — дружок сына Мбоги. Он останавливает человека и спрашивает его желания. И он выполняет все желания. Значит, все это правда — и диковинная винтовка Мбога, стреляющая молнией, и поразительная посуда его жены — вместо старых ржавых кастрюль — и ручной слон этого мальчишки, понимающий наречие пигмеев. Значит, все это правда, и Звездолетчик может творить чудеса.

Он снова облизнул губы и машинально подумал: ледяная, прозрачная, текущая за воротник, и много, много ее — столько, сколько хочется, и еще больше, чем захочется.

— Нет, нет, — сказал Звездолетчик. — Это не главное. Нужно самое главное. Поймите, у меня истрачен весь запас... ах, вы же этого не поймете! У меня осталось только одно исполнение. Я искал вас по всей пустыне, чтобы истратить его. Только одно. Кивните, если понимаете.

Человек кивнул. Его качнуло, и он сел на горячую, сухую, потрескавшуюся глину. Перед глазами поплыл туман, затошнило, и он лег на спину и, облизывая губы, стал

смотреть на звезды. Потом звезды потускнели, и он снова увидел Звездолетчика. Звездолетчик, наклонившись, смотрел ему в лицо выпуклыми чечевицами глаз, где гасли и вспыхивали крошечные искры. Он почувствовал его отчаяние. Надо помочь человеку, подумал он. Только одно желание, но не воду.

— Да, да, — сказал Звездолетчик. — И скорее, если можно.

Я, наверное, не выберусь отсюда, подумал человек. Если только не пожелаю. Но пожелать надо что-нибудь важное. Я все равно не выберусь.

Он снова видел заснеженный Ленинград, и длинную белую грязную стену завода, и женщину с белым твердым лицом, лежащую у ворот, и маленький вопящий сверток рядом. И ночь, когда долго и протяжно кто-то звал во дворе: «На помощь... Помогите...» А за окном стояла ледяная беспощадная январская ночь тысяча девятьсот сорок второго года, и некому было помочь. И еще он вспомнил повестку об отце. И обезумевшие глаза матери. И маленького высохшего брата, с синим лицом. И как тащил по ступенькам лестницы завернутое в простыню тело бабушки, и тело вырвалось из бессильных рук и покатилося по лестнице, загаженной нечистотами, потому что давным-давно уже лопнули канализационные трубы и у многих не было сил спускаться во двор с помойными ведрами.

— Что это? — спрашивал Звездолетчик. — Что это? Я не понимаю вас. Это все слова. Вы должны очень сильно хотеть. Вы хотите этого?

— Нет, — сказал Человек. — Я не хочу войны.

— Не надо говорить. Надо думать. Отчетливо представлять.

Он пытается представить атомную войну и не может. Он слишком мало думал об этом. Его занимало другое, а это казалось ему политикой и чем-то очень далеким и неизбежным. Главное было — сдать экзамен, перейти на курс выше, защитить диплом, чтобы девушка любила, чтобы вышла замуж, защитить диссертацию. Написать больше статей. Чтобы не мешали работать, чтобы было в изобилии мясо, чтобы не драли так на рынке. Выпить, закусить, ухажнуть, достать книжку, съездить за границу. Щегольнуть остроумием, выставить себя в наилучшем виде.

Он отчетливо представляет себе лагерь, спасение, воду, но не может представить себе счастье человечества. Не может представить весь ужас войны. Звездолетчик грустно смотрит на него и говорит: «Ладно, вы попадете в лагерь — он тут в полукилометре к северу, прощайте». И исчезает. Человек доползает до лагеря и бормочет: «Важно только все время думать об этом... И мы сможем, всё сможем».

— О чем это он?

— Не знаю, уж во всяком случае не о разоружении.

28.01.62

Самое трудное в писательском ремесле — заставлять себя испытывать неиспытанное и — еще труднее — представлять себе, чем могут быть заняты люди. Вот сейчас, например, январский день пока еще мирного дня Европы шестьдесят второго года. На улице мороз и ветер. Барометр поднимается стремительно, отшагивая за час по делению — сиречь по два миллиметра р<тутного> ст<олба>. Девять часов вечера. Чем заняты люди? Кто-то сидит в театре (в кино, в филармонии, в цирке, в клубе на концерте). Кто-то пьет в компании — водка, анекдоты, пляс, танцы, гитара, патефон, проигрыватель, магнитофон. Кто-то щупается с налитыми кровью глазами и прочими органами и ему-то уж на все плевать. Кто-то вкалывает в воскресную смену (уже представить, где, кто, как вкалывает, невозможно). Кто-то катается на коньках. Кто-то плавает в бассейне с аквалангом или без. Кто-то читает, смотрит телевизор, лежит больной, пишет предсмертное письмо, пишет любовное письмо, пишет стихи, читает газету. Кто-то просто шатается по улицам — подышать чистым воздухом, подловить бабенку на вечер. Все это

представляется без напряжения (кроме работы). Далее: кого-то, несомненно, раздевают в глухом переулке — снимают часы и шарят по карманам. Кто-то что-то делает в тюрьме. Кто-то подъезжает к городу, кто-то располагается в купе. И пр. и пр. и т. д. и т. п. Все это банальности. Все это скучно, как повседневный разговор. Как среди этой сырой кучи событий выловить нечто захватывающее? Ведь каждый человек микрокосм. Как это легко сказать и как трудно это доказать! Человек, как правило, — это кибернетическое устройство с очень даже ограниченной программой — это его обычнейшее состояние. Но вот внешние силы — не часто — выводят его из состояния режима заданной последовательности действий. И вот тогда начинается каша. Между прочим, вся литература построена на одном приеме — берется состояние человека в переходный период и начинается наворачивание событий и эмоций. Вот почему романы так часто начинаются с того, что герой «просыпается, останавливает будильник и некоторое время еще лежит с закрытыми глазами», а кончаются свадьбой или исполнением желаний. Литературу интересует только отклонение машины от заданной программы. Все остальное однообразно, тошно и не поддается обработке увлекательностью.

Вот идея — тяжелая поступь исторических законов. Ребята вынуждены остаться на чужой планете, потому что звездолет взорвался. Пытаются что-то изменить, но вотще. История втаптывает их в землю.

Большая планета с материками, океанами, горными цепями и равнинами. Заря человечества. Многочисленные народы разрознены и дики. Средневековье. Одно большое материковое государство, раздираемое на части князьями и царьками. Необычайно мощная религиозная секта, которая держит в ужасе всю страну благодаря тому, что когда-то один не по времени умный человек раскрыл некоторые секреты машин, оставленных пришельцами. Длинная история этого открытия — история гибели тысяч людей. Мудрец, открывший способ исследовать машины последовательными испытаниями, как при обезвреживании наших мин. Ребята вмешиваются в эту жизнь и гибнут один за другим. Вот могучая моральная дилемма — прекрасно зная, что ни на что они не способны, все-таки вмешиваются, обреченные, потому что не могут бездействовать. Показать родство душ, разведенных тысячелетиями развития и даже различной физической организацией, — местные видят совсем в других лучах и слышат в другом диапазоне частот. Можно сделать, чтобы атмосфера была непригодна для дыхания и чтобы они были вынуждены организовать производство кислорода и фильтров. И как захваченный жрецами один умирает под неторопливое бормотание мудрейшего: «Не торопитесь, не проливайте крови, сейчас он замрет... сейчас... сейчас». Показать расу людей, не злобных, а просто невежественных, и весь ужас невежества. И все-таки — в чем роль отдельного человека в процессе совершенствования сапиенса? В том, чтобы умереть за правое дело?

И планету рисовать не мрачную, а очень радостную, солнечную, травобильную. Для контраста. Не место портит человека, а человек место. Обязательно устроить революцию против машин и цивилизации. Вот где герои-то попрыгают!

4.02.62

Мир пока устроен так, что выживают в нем не самые лучшие, а самые приспособленные. А приспособленные — это те, которые отчетливо представляют себе, что жизнь — это тяжелая работа и что если ты сам о себе не позаботишься, то и никто о тебе не позаботится. К сожалению, история прилагает все усилия, чтобы оставлять большинство людей при этом убеждении. Вот много говорят о народе. Народ то, народ се. А ведь совершенно не понятно, что же такое народ. Крестьянин? Рабочий? Интеллигент? Они же различны до ужаса. И до ужаса похожи. А поскольку неясно, о чем идет речь, очень удобно брать именно тот аспект, который необходим. Скажем, надо показать, что народ добр. Значит, появляется простая русская женщина — платок, полное лицо, мощная грудь и особым образом сложенные на последней руке, — которая всегда готова

приютить раненого бойца, взять на воспитание сироту (в добавление к своим четырем соплякам), выступить на собрании против зарвавшегося руководителя. Есть? Есть. Правда? Правда. Теперь эта же простая женщина запрягает лошадь, идет в город, покупает там хлеб и скармливает его свиньям. Сколь разительная перемена! И сколь удобная! Уже готов образ матерой спекулянтки, пользующейся трудностями данного времени. Хорошая вещь — сложность человеческой природы. Было бы совершенной фантастикой, чтобы в условиях этакой сложности не появились демагоги — умные беспринципные или принципиальные люди, играющие на многоликости человеческой природы, как на органе. Можно на басах, а можно и наоборот. Вот очень легко объяснить, откуда взялись демагоги, но, черт побери, до чего же сложно представить себе, куда они денутся. Поневоле придешь к выводу, что единственный путь — всеобщее равное и тайное просвещение.

Что было бы, если бы четверо молодых, знающих, смелых жителей ХХХ века попали бы в наше время? Вот, наверное, взялись бы за разоружение. Что кому хочется? Одним — чтобы черное называли черным, а белое белым, чтобы все было по-благородному. Другим — чтобы дали жить в свое удовольствие. А в общем люди делятся в основном по принципу начитанности: больше книг — идеалист, меньше книг — материалист. И подавляющее большинство просто хочет, чтобы их оставили в покое. Задача в том, чтобы найти им врага. Вообще всем плохо — так уж устроен человек. И чем человек честнее — в смысле вечных принципов, которые никем не определены, но воспринимаются как нечто данное в интуиции — тем ему сложнее (но не обязательно хуже).

Жизнь наша не требует сколько-нибудь примечательных поступков. Это лямка, существование по программе. Витька <Новопашенный>, прорывающийся ко мне через обвал; Юрка <Варовенко>, дерущийся с пьяным; как мало по-настоящему интересного и сложного. Может быть, всё в тени? Но нет для этого оснований. Можно, конечно, предположить, что тот — тончайшая натура, страдающая невыносимо от своей неполноценности, а та — гиперстеничка, но это будут домыслы, примыслы и вымыслы. А если и есть в нашей жизни что-то, стремящееся нас депрограммировать, то мы очень стойко и успешно боремся с такими влияниями. При первом взгляде мир кажется скучным и страшным, при втором — сложным и непонятным. А на третий взгляд чего-то не хватает в натуре.

...На столе стояло много тарелок и вазочек с пирогом, кремовыми розетками, печеньем, стыл недопитый чай. В бутылках было пусто, в рюмках — остатки водки (на один глоток под сладкое пирожное). Мы развалились на диване, а биологи уселись играть в бридж. Длинный и глупый Толя верещал при каждом выигрыше и орал, что карты — гимнастика ума. «Как его выносить будем? — спросил я. — Он ни в одну дверь не пройдет, придется складывать пополам». Он заржал, разевавая огромную зубастую пасть. Володька <Луконин> рассказывал про подделки, про корону мифического скифского царя, сделанную в девятьсот пятом году ювелиром из Одессы, и про своего друга — мистера Фрая, которого ловко провели, подсунув ему «Поучения сыну» с изумительными миниатюрами, сделанными берлинской лазурью. «Животные!» — заявлял время от времени пьяный Борька <Громов>. Со своими усиками он был похож не то на Хойзингера, не то на бюрократа из стандартной кинокомедии. Было очень дымно.

8.02.62

В середине ХХII века по решению соответствующих организаций началась последняя и окончательная чистка мировых бумажных архивов. Материалы сортировались по различным признакам, раздавались специалистам для изучения и шли в переделку — на синтопищу. Сын Горбовского — Виталий, специалист по парапсихологии — раскопал там интереснейшие материалы относительно одного феноменального

телепата, жившего в первой половине XX века. Это был человек недюжинных способностей, настоящий коммунист, занимавшийся революцией и строительством новой жизни, но одаренный сверх меры способностью улавливать психофизические поля чрезвычайной слабости. Он находился в постоянном общении с рядом человеков на Земле (очень интересовался их судьбой и всячески помогал, кому мог — пролетал тысячи километров, чтобы помочь) и одним неземным существом, относительно коего были у него видения. Виталий устанавливает, что существо посылало свои сигналы с N-ой звезды, относительно которой было сейчас известно, что она имеет планетную систему, но до которой совершенно не доходили руки, так как интересы человечества сместились из Космоса в совершенно другие области. Вот зачем летит экспедиция молодых оболтусов. Надо показать:

1. Разгром архивов.
2. Историю коммуниста-телепата (расстрелянного в тридцать восьмом, так как он телепатически воспринимал кое-чьи мысли).
3. Поиски этого существа, посылавшего сигналы (ненамеренно, конечно) четыреста лет назад.
4. Чтобы нашли совсем не то, что ожидали по записям телепата, воспринимавшего все с чисто земной точки зрения.

[Недатированные записи]

Не знаю, как другие, а я могу работать только, когда болен. Не потому, конечно, что мой творческий процесс связан обязательно с патологией, а просто потому, что другого свободного времени нет. Болеть лучше всего гриппом с ангиной. Это добротное, уважаемое и в меру опасное заболевание, замечательное тем, что, уже чувствуя себя здоровым, можно в то же время еще считаться больным. Сидишь в теплой комнате, голова обмотана шерстяным платком, нос забит, горло побаливает и при каждом глотке отдает в ухо, во всех членах — слабость, в мозгу этакая туманность с прояснениями — не так уж и плохо, особенно если хочется писать. Правда, сформулировать какой-нибудь сюжет в таком состоянии практически невозможно, однако не обязательно же писать что-либо сюжетное. Сейчас принято писать бессюжетную прозу, так же как испокон веков было принято писать бессюжетные стихи.

Вот передо мной стеллаж, уставленный книгами. Совсем небезынтересно читать названия и вспоминать, как эта книга попала к тебе, и зачем, и раздумывать о том, что уже немало прочитано и что было бы здорово уметь все, что ты почерпнул из книг, применять в практической жизни. Как много было разнообразных увлечений. Как интересно было увлекаться и тешить себя надеждами, что уж теперь увлечение выльется во что-нибудь путное. И как приятно теперь обо всем этом вспоминать и думать, что хотя половина жизни уже прожита, но впереди еще одна половина, наполненная интересными увлечениями и бесплодными, но увлекательными замыслами...

На первой полке стеллажа без всякого порядка громоздятся очень разнородные предметы. Здесь две кучи библиотечных карточек: запылившиеся руины одного серьезного увлечения, связанного с составлением звездного каталога. Коробка с кусочками картона, исписанного английскими словами, — следы увлечения английским языком (знаете этот приступ рвения, когда набираешь кучу английских книжек поинтереснее, точно планируешь курс обучения, режешь картонки для слов и целый месяц следуешь своему плану, и зубришь слова в метро и в автобусах, и щеголяешь новыми идиомами, и уже чувствуешь себя полиглотом, как вдруг случается чей-то день рождения и на другое утро тебе уже не хочется английского, а хочется только пить, а еще через день наступает праздник с двумя выходными, и когда приходишь в себя, оказывается, что книжки уже покрылись пылью, словарик потерян, а с ним и всякая потребность в изучении английского). Рядом с руинами английского языка стоит, немного

перекосясь, настольный психро-термо-барометр, давно уже показывающий «к ясной погоде» при температуре плюс один градус и относительной влажности сто процентов. Очень изящный и приятный для глаз прибор, его подарили мне на день рождения, предварительно уронив в переполненном автобусе. Каждый раз, глядя на него, я вспоминаю своих друзей. Это плохо: друзей надо помнить всегда — отличное правило, следовать которому так же трудно, как и любому другому, даже не столь отличному. За точным прибором следуют: мраморный стакан для карандашей с одним карандашом, торчком стоящая коробка сигарет «Спутник» (память о недавнем сигаретном кризисе) и наполовину опорожненная пачка кукурузных хлопьев глазированных. Обособленно стоит пустой флакон из-под духов, не вызывающий никаких ассоциаций. Интересно, что скажет такой набор предметов острому наблюдателю? Если учесть, что я практически никогда не пишу карандашом, терпеть не могу кукурузных хлопьев, курю только «Памир» и не пользуюсь духами. Не знаю, не знаю. Никогда в жизни я еще не встречал острых наблюдателей и подозреваю, что это только литературный прием, но не объективная реальность.

Вторая полка стеллажа забита книгами. Третья, четвертая, пятая и шестая — тоже. Посмотрим.

Слева направо. Толстая черная книжка «Что такое математика?» Куранта и Роббинса. Гуманитары обычно острят, что грош цена науке, о которой нельзя коротко сказать, что она такое. Это вздор. Книга очень хороша. Мне подарил ее брат в те времена, когда я еще совсем не знал математики. Теперь я знаю ее немножко больше, и только теперь я могу оценить всю прелесть этой книги, простыми словами рассказывающей об очень сложных вещах. Когда много занимаешься каким-нибудь одним предметом, то неизбежно становишься формалистом и перестаешь вникать в суть вещей — стараешься только побольше нахвататься нового и практически полезного. Ты становишься специалистом и уже можешь решать задачи, и уже сам черт тебе не брат, и вот тут-то какой-нибудь профан и ставит тебя в умопомрачительный тупик наивным вопросом, идущим из самых недр дремучего незнания. И выясняется, что ты — пузырь, плавающий в пустоте, и под ногами у тебя — бездна, и что материя исчезла и остались одни только уравнения. И вот тогда-то как за соломинку хватаешься за книгу, которая тебе объяснит, что же ты такое и чем до сих пор занимался.

Далее следует «Курс высшей математики» Владимира Ивановича Смирнова. Том четвертый, а всего томов шесть. Говорят, что Смирнов — последний энциклопедист-математик. Нет больше и никогда не будет людей, которые знали бы всю математику. Времена энциклопедистов проходят безвозвратно, и люди, которые считают, что в будущем ученый совместит в себе кучу профессий, просто не понимают, что говорят. Они ссылаются на кибернетику и вообще на науки-симбиозы, забывая совершенно, что для того, чтобы работать в такой науке, вовсе не надо быть полилогом. Полилог нужен для того, чтобы создать такую науку, но не для того, чтобы развивать ее.

«Курс звездной астрономии» покойного Павла Петровича Паренаго. Замечательный, единственный в своем роде учебник, написанный замечательным человеком, смыслом жизни которого была одна только наука. Говорят, он работал до последнего мгновенья, в постели, полумертвый, скрюченный раковой болью...

Древняя облупленная книжка 1864 года издания. Барон Вега, десятизначные математические таблицы. Еще один научный подвиг. Подвиг, поражающий своей будничностью. Тридцать лет одно и то же: вычисление логарифмов, синусов и косинусов. Тридцать лет цифр. Наверное, Вега — самый трудолюбивый барон в истории человечества. В наше время его работу сделала бы за месяц небольшая счетно-электронная машина типа «Минск-2». Наверное, когда-нибудь люди будут так же неохотно восхищаться подвигом Льва Толстого...

«Введение в статистическую физику» Левича. След увлечения статфизикой — замечательной наукой, построенной на незнании. Чем меньше мы знаем, тем больше

можем сказать — любопытный парадокс всех наук, связанных со статистикой и теорией вероятностей. Нежно люблю теорию вероятностей, но не люблю книгу Левича, наверное, потому, что она не ответила на мои вопросы, очень частные вопросы. Несправедливо, конечно, но неприязнь всегда несправедлива, так же как любовь всегда права.

Дальше идет какая-то синяя с золотом нетолстая книга. Не могу вспомнить, какая. Значит, и вспоминать не стоит. Потом тоненькая книжка — кандидатская диссертация моего друга насчет сасанидского серебра. Читать ее не мог — очень скучно, но — уважаю. Очень. Меня всегда восхищала эта чисто человеческая способность искренне интересоваться историей серебряного очень древнего блюда, когда вокруг происходят революции, гибнут и возникают государства и мутные волны моря житейских мелочей норовят утопить, утащить на дно и там подвесить среди грязных водорослей и скользких камней. Потом идет классическая «Кинетическая теория газов» Больцмана — великолепный образец научного исследования конца прошлого века, когда ученый не стыдился быть слишком понятным, слишком тривиальным и слишком дотошным.

До сих пор шла наука, наука будет и еще впереди. Здесь на полках, собственно, по первоначальному замыслу и должна была быть только наука: беллетристика хранится в шкафу. Но жизнь диктует нам свои суровые законы, и поэтому сразу за Больцманом следует двухтомный Валентин Пикуль — «Океанский патруль» — первый том стоит нормально, второй — вверх ногами. Ей-богу, неплохая книга. Она мне нравится кроме всего прочего еще и потому, что в ней проиллюстрированы все принципиальные трудности современной нашей литературы, твердо стоящей на краеугольном утверждении: «Все хорошее должно быть хорошо, а все плохое плохо». При этом, как сказал бы один мой знакомый, все время забывается тот очевидный факт, что никому еще не удалось написать второго тома «Мертвых душ» и это, несомненно, неслучайно. Вот и у Пикуля очень плохи «хорошие люди» — плохи именно потому, что они слишком хорошие, таких не бывает, и очень хороши люди без претензий на априорную «хорошесть» или «плохость». Человек — это такая мешанина плохого и хорошего, что разделить его на две составляющие так же невозможно, как латунь на медь и серебро. Латунь перестает после разделения быть латунью, а человек — человеком. И никакие аксиомы тут не помогут. Можно, конечно, постулировать: «Все советские офицеры — прекрасные люди», но практическое применение этого постулата приведет к появлению литературных ублюдков, раздражающе дисгармонирующих с опытом, даже самым поверхностным. Можно сформулировать и другой постулат: «Немецко-фашистские офицеры — отвратительные недочеловеки», и практически это тоже приведет к появлению ублюдков, может быть, более интересных, но так же дисгармонирующих с интуицией и опытом, почерпнутым из настоящих книг. А вот насчет финских офицеров спецпостулатов не принимают, и получаются люди — мешанина плохого и хорошего в нашем плохо-хорошем мире.

За Пикулем следует англо-русский словарь — очень полезная книга, а дальше — «Курс теории вероятностей» Гнеденко, которую следует просмотреть всякому, кто интересуется стохастическими процессами хотя бы в применении к «девятому валу» или преферансу. У меня всегда была тайная мечта открыть что-нибудь с помощью теории вероятностей. Сначала я пытался осуществить эту мечту, изучая удивительное явление природы — двойные и кратные звезды, существование которых никто еще не сумел сколько-нибудь безупречно объяснить. Дело, конечно, не в загадочности двойных звезд — если хорошенько подумать, то наука пока еще вообще ничего не сумела сколько-нибудь безупречно объяснить: то, что кажется объясненным, на самом деле просто загнано в математические формулы, описывающие явление, но ясно, что утверждение «дважды два четыре» в общем-то ничего не говорит о том, что это за «два», почему, собственно, «дважды» (а не трижды), и почему иногда получается не четыре, а четыре с небольшим. Это очень сложный вопрос, и я, пожалуй, не буду его касаться. Так вот, теория вероятностей и двойные звезды... Мне не удалось их спарить и получить жизнеспособное

потомство. Думаю, здесь вина целиком лежит на мне, потому что другим это удавалось и удается сейчас. Так или иначе, я оставил свою идею и разочаровался в двойных звездах, что говорит о недостатке упорства, знаний и таланта. Однако любовь к теории вероятностей осталась. Я применял эту теорию для того, чтобы получить оптимальную стратегию игры в «девятый вал»; чтобы выяснить вероятность проигрыша мизера при игре без семерки и на чужом ходу; чтобы найти вероятность посещения Пришельцами нашей Земли и даже для того, чтобы обнаружить вероятность попадания счастливого автобусного или трамвайного билета. Мне удалось вывести несколько формул, столь же изящных, сколь никому не нужных. Я пришел в восторг, исследуя различные карточные игры, выдуманные еще до теории вероятностей, и тем не менее построенные так, словно авторами их были Гаусс или Колмогоров: изящно, непротиворечиво и самым рациональным из возможных способов. И я нашел вероятность счастливого билета. Она равна примерно 5.5 %, то есть на каждую сотню билетов приходится в среднем пять с половиной счастливых. Представления не имею, кому это может понадобиться в практической жизни...

За Гнеденко идет Чандрасекар «Принципы звездной динамики». Я купил эту книгу, когда был аспирантом и принципы звездной динамики были моими принципами. Я читал ее с огромным интересом и прилежанием, наслаждаясь каждый раз, когда мне удавалось найти опечатку — в этой книге масса опечаток. В любой книге Чандрасекара масса опечаток, потому что он очень любит формулы и формулы у него обычно чудовищны — многоэтажные, с многоэтажными обозначениями и невообразимой символикой. Опечатки приводятся в конце книги на отдельном листочке. В этой книге они тоже приводились, но я узнал об этом только, когда дочитал ее до конца. Да, когда-то я неплохо знал звездную динамику, но мне это не помогло. И звездной динамике — тоже.

Следующая книжка — толстенькая, аккуратная и скромная. Это справочник по высшей математике Бронштейна и Семендяева. Превосходная книжка. Без нее как без рук. Там есть все, кроме идей, которые там тоже есть. Эту книгу я, несомненно, взял бы с собой на необитаемый остров — она неисчерпаема.

Дальше идет «Курс сферической астрономии» Блажко. В каждой науке есть своя поднаука-изгой. В астрономии — это сферическая астрономия, или сферика. Обойтись без нее невозможно, но изучать ее — это мука. Она очень скучна, переполнена нудными формулами и нацело лишена перспектив. Даже на Луне астрономы будут пользоваться теми же формулами, куда будут подставлять только другие величины.

За сферикой, прижатый с другой стороны «Таблицами логарифмов», о которых я распространяться не буду, стоит сильно потрепанный «Волшебник из Гель-Гью». Волшебная книжка. Я уверен, что Леонид Борисов никогда не стал бы писать эту книгу в пятидесятых годах, если бы точно знал, сколько лет ему осталось работать: он оставил бы ее напоследок и сделал бы венцом своего труда. Лучше он уже ничего не напишет.

А потом идет Володя Савченко «Черные звезды». Очень люблю Володю и люблю его эту книгу, хотя по моей собственной классификации она относится к категории «среднячков» — ее трудно перечитывать. Кстати, о классификации. Почему мы любим те или другие книги? Не знаю. Но я представляю себе, по какому признаку мы делим книги на хорошие и плохие. Когда я говорю «мы», я имею в виду квалифицированных читателей, которые отличаются от всех прочих тем, что, во-первых, читают много (в среднем по 20–30 страниц в сутки), а во-вторых, любят не только читать, но и перечитывать. Никогда не назову квалифицированным читателя, который глотает все подряд, не вспоминая, не запоминая и не влюбляясь в книжку, так же как не назову квалифицированным мрачного фанатика, всю жизнь читающего одну только Библию или, скажем, случайно завалявшийся среди тринадцати слонов двенадцатый том собрания сочинений Льва Николаевича. Так вот мы — квалифицированные — делим книги на три группы: дерьмо, середнячок и прелесть. Дерьмо — это книга, которую трудно дочитать до конца, а мысль о перечитывании заставляет вздрагивать. Пример: почти все детективы,

«Лунная дорога» Казанцева, весь Немцов, «Семья Тибо», «Золото» Полевого и «Чудодей» отличного писателя Штриттматтера. Середнячок — это книжка, которую прочитываешь, как правило, с удовольствием, но перечитывать либо не тянет, либо тяжело. Пример: «Если парни всего мира» Реми, подавляющее большинство советской и мировой фантастики, «Океанский патруль» Пикуля, «Ученики Иисуса» Франка и почти вся литература стран народной демократии. Наконец, прелесть — это книга, которую можно просмаковать хоть один раз, книга, к которой обязательно вернешься, книга, по которой вдруг начинаешь скучать, как по славному человеку. К счастью, таких книг тоже очень много.

Все эти рассуждения относятся к беллетристике. А следующая книга — это то, что у нас скучно называют научно-художественной литературой. «Свет и цвет в природе» Минаэрта. Прелестная книга. Не люблю научно-художественной литературы, но это исключение. Я ее несколько раз перечитывал, и каждый раз с середины — так интереснее. Люблю книжки, суть которых в простой мысли: «Как много на свете удивительных вещей». У нас обычно научно-художественное произведение пронизывает мрачная, с угрюмой челюстью идея: «Это вы бросьте; это мы объяснить можем и объясним, если прикажут».

За Минаэртом прислонилась пестрая книжка с великолепным названием «Солнечный бродяга». Автора я не помню. Вообще ничего, кроме названия, не помню. Надо бы ее продать или подарить — не знаю, что сложнее.

А вот и наш колосс — Леонид Леонов: «Дорога на Океан». Предмет зависти и поклонения. Если бы Леонов вздумал писать фантастику, он составил бы эпоху в этом жанре, но он не будет.

Дальше идет томик довоенного собрания сочинений Фебина. Очень хорошая книга: двадцать раз ее перечитываю и никак не могу запомнить, о чем там речь — помню только, что хорошо. Книжку эту я пятнадцать лет назад подарил своему другу на день рождения — глупый был, необразованный. Теперь она снова у меня, надеюсь — навсегда. А надпись там трогательная на тогдашнем нашем шифре, который я теперь забыл начисто.

За Фебиным следует невесть откуда взявшийся проф<ессор> Карпов — «Творчество душевнобольных». Интересная книжка, с цветными образцами творчества. Теперь таких, по-моему, не издают. Есть там одна картинка, которая называется — «Это моя боль». С большим чувством изображено.

Потом стоит другая старая книжка, «Литературные записи» Воронского. Не знаю, кто такой Воронский — вероятно, литературный критик. Судя по его точке зрения, был, надо думать, уничтожен в тридцать седьмом. Уже тогда, в тридцатом году, четко обозначилась та тенденция к тенденциозности любыми средствами, которая завела впоследствии в тупик нашу литературу. И никакие «Литературные записи» не помогли.

Еще один след увлечения стохастикой: Крамер «Математические ме- [Далее текст отсутствует.]

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 1

Основа. Планета «Радуга», принадл<ежит> к звездной системе, очень далекой от [значок «Солнце»]. Открыта около пятидесяти лет. По своим физическим хар<актеристи>кам напоминает Землю (g, p_a, t°). Примерно сорок лет назад была (наряду с другими планетами) предложена как испытательный полигон для изучения нуль-проблем. Туда была переброшена группа строителей-дистилляторщиков — для очистки атмосферы. Дистилляция продолжалась около пяти лет, после чего на Радуге была заложена научная колония, ядром которой были работники института дискретного пространства.

К моменту начала состояние дел примерно следующее:

- 1). Разработана и достигнута почти верная нуль-радиосвязь

2). Проведен ряд опытов по нуль-передаче вещества, но большинство опытов неудачны.

3). Обнаружен эффект Волны — очень неприятное побочное следствие нуль-связи и нуль-передачи: образование на полюсах вырожденной материи, которая волной раскатывается по меридианам, выжигая все.

4). Нулевики разбились на два лагеря: одни считают, что Волна представляет собою а). Явление, м<ожет> б<ыть>, небезопасное, б). Любопытное с теоретич<еской> т<очки> зрения; другие полагают, что заниматься ею сейчас значит тратить зря время и — и без того тощие ресурсы.

Опыты продолжаются, но часть нулевиков все-таки решила исследовать Волну (попутно).

На Радуге постоянно работают:

Нулевики — 40 человек.

Планетологи-энергетики — 20 чел<овек>.

Строители-энергетики — 50 чел<овек>.

Летчики-испытатели (для нуль-перелетов) — 10 чел<овек> (все бездельничают).

Администрация (плановики, связисты, обслуж<ивающий> персонал стат<истической> машины) — 10 чел<овек>.

Врачи — 10 чел<овек>.

Ассенизаторы (пищевики и следящие за равновесием в атмосфере) — 20 чел<овек>.

Всякий пришлый народ (художники, композиторы, писатели, философы — ищущие уединения для работы; тоскующие одиночки; неудачники, ищущие работу) — 20 чел<овек>.

Туристы (спортсмены, охотники — без учета детей их) — 40 чел<овек>.

[Обведена рамочкой сумма:] 220 чел<овек>.

Дети (ясли, д<ет>с<ад>, школа) — 80 чел<овек>.

Воспитатели — 10 чел<овек> (их маловато для такой уймы).

Имеется столица — на экваторе, на берегу моря (самый здоровый климат). И штук 10 постоянных поселков, связанных в основном с энергетическими сооружениями и местами планетологических исследований.

В распоряжении планеты имеются:

1 [«Рейсовый» заменено на «Десантный»] звездолет Горбовского и Валькенштейна, идущий дальше и остановившийся на дозаправку (емкость ≈ 30 чел<ове>к с соотв<етствующим> запасом продовольствия на месячный перелет);

1 рейсовый звездолет, кот<орый> только что увез экспедицию на край системы, откуда деритринитировать не может, а нормальный полет: порядка 10 дней). В рейсов<ый> звездолет могло бы влезть 200 чел<овек>.

Проблематика:

1). Отставание матер<иальной> базы от духовных потребностей.

2). Дурак.

3). Гений.

4). Проблема симбиоза-супермена.

5). Проблема стихийного развития науки; история определяется наращиванием духовного потенциала (как сейчас — производит<ельных> сил) — но законы этого роста неизвестны и слепы.

6). Проблема самого ценного в обществе; а это — будущее, дети.

7). Проблема любви (у Гали — муж на Земле; он ей изменил — и она с горя пустилась во все тяжкие).

НУЛЕВИКИ [Это заголовок, но ничего более на странице нет.]

Галя [Тут, вероятно, должна была быть ее характеристика, но тоже ничего, кроме имени и вертикальной черты, нет.]

- 1 гл. 0.10 — 9.00.
- 2 гл. до 10.00.
- 3 гл. с 10.30 до 12.00.
- 4 гл. с 10.30 до 12.00.
- 5 гл. с 12.00 до 13.00.
- 6 гл. с 13.00 до 17.00.
- 7 гл. с 15.00 до 16.00.
- 8 гл. с 16.00 до 18.00.
- 9 гл. 19.00.

Гринфилд — Пастухи.
Столица — Станция.

птеростат [зачеркнуто «птерокар»]
вертолеты
аэробус
флаер
атомокар

Роберт Скляр.
Татьяна Александровна Турчина (Галя).
Патрик.
Маляев Федор Анатольевич.
Камилл.
Матвей Сергеевич Вязаницын.
Горбовский.
Диксон.
Валькенштейн.
Габа (Петерсен).
Этьен Ламондуа.
Станислав Пишта (Старосельский).
Женя Вязаницына (Лена).

Карл Гофман (Сидоров, Виктор в берете, Прозоровский, Вальтер Гофман).
Валерик Ширяев.
Тим [зачеркнуто «Пит»] Соьер (банджист, Кавалетти, Иванов) Тимоти.
Аля Постышева (Кригер).
Банин (В. Галкин).
Канэко (Оно, Кашинцев, Габер).
Человек в темных очках.
Элен Хаггертон (художница).
Шота Петрович Пагава.
Ганс, лже-штурман.
Альпа (человек с трубкой и с письмом).
Джина [вычеркнуто «Кавалетти»] Пикбридж (Фиш).

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 2

I пара: Она — очень любит детишек. Не отдает своего в ясли и в детсад. Всю жизнь возится с ним. «Ну что я могу сделать в сервомеханике? А это — мой малыш, он должен стать лучше нас, умнее и светлее. И я вложу в него все. Это и будет моя жизнь».

Он — очень любит ее, но совершенно холоден к детишкам. Всю жизнь мучается из-за этого (семь лет). Облегченно вздыхает, когда удается ей втиснуть младенца в корабль.

Герой, кот<орый> надеется до конца. Он органически не верит в возможность гибели. Озабоченно говорит пилоту: «Передай моей, чтобы приготовила к моему приезду куронг. И чтобы не беспокоилась из-за всей этой ерунды».

II пара: забирают малыша. «Ни к чему ему. Он еще мал. Двухнедельный. Он еще ничего не любит. Пусть летят те, кто успел полюбить жизнь».

Слепоглухой. Радуетса жизни. Ему обещали выздоровление.

К Горбовскому приходят люди и, стыдясь, передают ему чертежи, планы, схемы. Трое приволокли уникальную установку весом 200 кг. Г<орбовский> отказал, тогда один пнул ее с размаху ногой и ушел, хромя, а другой вслед ему сказал: «Дурак».

Картины, ноты.

Композитор дает свой неоконченный концерт.

500 чел<ове>к:

100 детей (ясли, д<ет>с<ад>, школа),

20 воспит<ателей>,

40 ученых по нуль-проблеме,

20 планетологов,

50 строителей,

50 пищевиков-ассенизаторов,

20 административный аппарат, координация (включая связистов, инж<енеров> стат<истической> машины и пр<очее>),

50 туристов без опр<еделенных> занятий,

20 человек искусства (писатели, художники, композиторы, привлеч<енные> тишиной и спокойств<ием>),

20 летчиков-испытателей, изнывающих от безделья,

10 врачей-профессионалов.

Волна и ее развитие:

1). Ученые говорят, что это ожидалось, никакой паники, все учтено.

2). Провал попыток. Легкая паника. Сильная паника.

3). Обреченность.

4). Удалась попытка. Все воспрянули.

5). И вдруг — полный провал. Что делать? Опять сообщать о беде?

6). Окончательная обреченность.

Герой спасает свою любимую от Волны, пренебрегая детьми и пр<очим>. Любимая в ярости, но под конец приходит умереть рядом.

[Расчеты: $110 \text{ нор.} \times \frac{2}{3} = \frac{220}{3} = 70$]

Роберт. Двадцать три года. Лаборант института дискретного пространства. Кончил спецшколу с математическим уклоном. Способности средние, однако очень хотел стать физиком, и ни у кого не хватило жестокости заставить его переменить профессию. Поступил в институт 18-ти лет и был уволен через полгода за ненадобностью — физики оказались людьми жесткими и рациональными. Два года учился на сервомеханика, освоил несложную эту профессию и 20-ти лет снова поступил в институт. Попал в отдел очень доброго и не уверенного ни в чем житейском физика, который кое-как его приспособил. За три года работы в институте не сумел довести до конца ни одной задачи: его либо обгоняли товарищи, либо он бросал сам, чувствуя бессилие. Он силен физически, красив лицом, но сутуловат и кривоног. Характер мягкий и незлопамятный. Чувствует свою интеллектуальную ущербность и потому очень скромнен и относится с уважением ко всем, кроме ближайших друзей, на которых отыгрывается, чувствуя к себе хорошее отношение. Окружают его люди широкомыслящие и талантливые, с целью в жизни. Они способны вызывать уважение к себе, на что он — он это чувствует — почти не способен. Воображает, что целью его жизни является стремление продвинуть науку, но на самом деле целью своей он сделал стремление доказать, что и он может. Он очень любит жизнь и в жизни улавливает многие эмоциональные тонкости, недоступные другим — красоту природы, например — но он не знает, что ему делать с этим даром, да и не осознаёт его почти. В разговоре ему все время хочется сказать что-нибудь умное или просто свежее. Он человек, которому стать бы охотником, или инженером-прикладником, или просто бродить по жизни, делая добро — но все это слишком уж не льстит его самолюбию. Это неплохой добряк-середнячок нашего времени, но там он лежит в нулевой части гауссианы способностей. Влюблялся трижды. Два раза уходил сам, потому что девушки казались ему еще ниже, чем он, один раз ушли от него, и это сделало его нерешительным в любви. Он вообще очень неуверен в себе и потому мягок: неспособен обидеть кого-нибудь, не всегда может даже ответить резкостью на резкость. Когда ему говорят дерзость в лицо — теряется: ответить умно не способен и каждый раз колеблется между желанием замять и проглотить или дать в рыло. Выбирает всегда первое. Иногда срывается и начинает куролесить — но только среди друзей. Очень любит новые знакомства, путешествия — жадно присматривается к людям, пытаясь от них что-нибудь почерпнуть. На Радугу прибыл в числе первых — инженером-сервомехаником. Создавал новую атмосферу, но был всегда лишь на подхвате. Очень следит за собой — старается дисциплинировать: дисциплинирует память, тело, волю — все это вызывает смех и досаду. Сейчас снова работает лаборантом в институте. Выслан в район возникновения Волны, чтобы следить за часто ломающимися приборами.

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких. Отдельно даются примечания к помещенным в томе фотографиям и рисункам.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2-х тт. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 тт. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Владимиру Борисову, Константину Душенко, Владимиру Дьяконову, Юлии и Вадиму Казаковым, Михаилу Назаренко, Павлу Полякову, Юрию Флейшману.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Попытка к бегству

Беловой вариант не сохранился. Черновики были переданы БНС М. Лемхину, сохранены им и предоставлены для настоящей публикации.

Написано в 1962 г.

Первая публикация: Фантастика, 1962 год. — М.: Мол. гвардия, 1962.

С. 4. *Дигестальная система* — пищеварительная (от лат. *digestilis*).

С. 5. *Баальбекская платформа* — также — веранда; грандиозное древнее сооружение на территории Ливана, постройка которого иногда приписывается пришельцам. Упоминается также в ЗМЛДКС и ХС.

С. 5. *Суперкарго* — лицо, ведающее на судне приемом и выдачей грузов.

С. 5. *Дух ног слаб, (...) рук мощь зла!* — Подражание «Нашему маршу» В. Маяковского: «Дней бык пег. / Медленна лет арба» (размер заимствован Маяковским у Мандельштама: «Сегодня дурной день...»). Ср. также название альманаха группы футуристов «Центрифуга»: «Руконог» (М.: Центрифуга, 1914).

С. 5. *На войне и на дуэли...* — Песенка Альдемаро из постановки в Центральном театре Красной Армии пьесы Лопе де Вега «Учитель танцев»: «На войне ли, / На дуэли, / У красавиц ли в сердцах — / Только тот добьется цели, / Кто не знает слова “страх”». Слова Т. Щепкиной-Куперник, музыка А. Крейна.

С. 6. *Третьим черепом я брошу в Самсона...* — Ироническая перефразировка слов Книги Судей Израилевых: «И сказал Самсон: челюстью ослиною (...) убил я тысячу человек. Сказав это, бросил челюсть из руки своей и назвал то место: Рамаф-Лехи (Брошенная челюсть)» (гл. 15, стихи 17–18).

С. 7. *Рамфоринхи* — род летающих ящеров юрского периода.

С. 8. *Аматёр* — от франц. «*amateur*», любитель.

С. 8. *Кроме того, я второй пилот-аматёр, — говорил он. — Это на тот случай, если у капитана вдруг случится отложение солей или колено горничной...* — Отсылка к повести Дж. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки»: «I plodded conscientiously through the twenty-six letters, and the only malady I could conclude I had not got was housemaid's knee» (гл. 1). Идиома «housemaid's knee», «колено горничной» (означающая «воспаление суставной сумки, бурсит») в русских переводах Джерома сохранилась лишь у Е. Кудашевой: «колено домашней служанки» («Трое в лодке (кроме собаки)»), Собрание сочинений неподражаемого английского юмориста, кн. 10. — М.: Тип. т-ва И. Сытина, 1912).

С. 8. *Как я понял, вы летите на Пандору, — сказал незнакомец. Он смотрел на Антона. / — Да, мы идем на Пандору.* — «Идем» вместо «летим» — заимствование морской терминологии.

С. 9. *ЕН* — Единая Номенклатура (астрономических объектов). **БНС, 22.05.2011:** Наша выдумка. Придумана по аналогии с номенклатурой знаменитого тогда звездного каталога HD (Henry Draper Catalogue), с которым мне в конце 50-х много приходилось работать.

С. 9. *...что такое свобода? Осознанная необходимость.* — Установившаяся формула марксистской философии. Одна из первых формулировок — у Г. Гегеля в «Энциклопедии философских наук», § 147, добавление.

С. 9. *Скорчер* — от англ. «to scorch» — сжигать дотла; полностью уничтожать.

С. 10, 53. *Ведь что есть оптимист? Помнится, в каком-то старинном вокабулярии сказано, что оптимист суть человек, полный оптимизма. Там же, статьей выше, сказано, что оптимизм суть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором*

человек верит в будущее, в успех.; Пессимизм (...) есть мрачное мироощущение, при котором человек во всем склонен видеть дурное, неприятное. — Статьи «Словаря русского языка» С. Ожегова (М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952–1961; издания со второго по пятое): ОПТИМИЗМ. Бодрое и жизнерадостное мироощущение, при к-ром человек верит в будущее, в успех. ОПТИМИСТ. Человек, полный оптимизма. ПЕССИМИЗМ. Мрачное мироощущение, при к-ром человек во всем склонен видеть дурное, неприятное.

С. 10. ...Самсон (...) неплох против (...) библейского льва... — См. Книгу Судей Израилевых (гл. 14, стихи 5–6).

С. 11. Головоногие живут по тысяче лет безо всяких врачей... — **БНС, 22.05.2011**: Откуда взялась идея «практического бессмертия» мегатойтисов, я просто не помню. В конце 50-х — начале 60-х в руки к нам попало несколько очень интересных книг о головоногих. Идея интеллектуальности головоногих — оттуда, идея цивилизации глубоководных — оттуда же, идея о суперспрутах, никогда не умирающих современниках мозазавров, владыках океанских бездн... Бог знает, откуда это у нас. Я ЗНАЛ это всегда. Скорее всего, это действительно придумал АН. В конце концов, если не ошибаюсь, в рассказе «Как погиб Канг» почти все эти свойства древнего чудовища упоминаются, только отнесены они не к мегатойтису, а к мозазавру.

С. 11. Левитация — способность сверхъестественным образом преодолевать тяготение и парить без каких-либо приспособлений.

С. 12. Теория исторических последовательностей — видимо, авторы имеют в виду исторический материализм, развившийся в прикладную, практически точную науку. Теория упомянута также в ПХХПВ, ТББ и ОО.

С. 13. Станционный смотритель — заглавие четвертой из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А. Пушкина.

С. 13–14. Я ложусь на вычислитель ~ сгорает вычислитель. — Примета времени написания. Компьютеры уже существуют (в СССР они называются ЭВМ, электронно-вычислительная машина; отсюда — «вычислитель»), в фантастической повести — уже не столь велики, чтобы занимать огромный зал, но все же достаточно массивны, чтобы на них можно было лежать, и не настолько надежны, чтобы не «сгорать» время от времени.

С. 14. Буер — легкая лодка или платформа на особых металлических коньках, оснащенная мачтой с парусами для скольжения по льду.

С. 14–15. Двести риманов... четыреста... восемьсот... тысяча шестьсот риманов на секунду... — Единица измерения кривизны пространства (фантаст.). Г. Риман — немецкий математик XIX века; среди многих математических понятий, носящих его имя — тензор кривизны.

С. 15. ...ветер дальних странствий... — Ср.: «Муза Дальних Странствий». Н. Гумилёв, «Открытие Америки», «Отъезжающему».

С. 16. Глайдер — от англ. «to glide» — скользить, плавно двигаться, планировать.

С. 16. Эфемерида — таблица небесных координат астрономического объекта, вычисленных через равные промежутки времени.

С. 17. Юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь. — Т. е. 22 апреля 2250 г. Юлианский день — астрономический способ измерения времени, при котором вычисляется номер дня с начала так называемого «юлианского цикла».

С. 18. Небось, небось, — приговаривал Вадим. — Скрытая цитата из повести А. Пушкина «Капитанская дочка»: «Не бось, не бось, — повторяли мне губители» (гл. 7).

С. 19. Словари Даля и Ушакова — Даль В., Толковый словарь живого великорусского языка. Первое издание — 1863–1866 гг.; Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Ушакова. Первое издание — 1935–1942 гг.

С. 19. И поля и горы — / Снег тихонько все украл... / Сразу стало пусто. — Хокку Дзёсо Найто. Перевод В. Марковой.

С. 22. *Румата-Искатель* — имя персонажа впервые возникает в наброске АНС «Румата и Юмэ».

С. 22. *Джутовые мешки* — джут — растение, прядильная культура.

С. 23. *...циклопические сооружения, оставленные Странниками на Владиславе...* — Отсылка к новелле «Десантники» из ПХХПВ.

С. 24. *Джамп-режим* — от англ. «to jump» — прыгать.

С. 27. *Вы еще нам тут скажете, что цель оправдывает средства. / — А что же, — согласился Саул хладнокровно, — бывает, что и оправдывает.* — «Цель оправдывает средства» — крылатая фраза, приписываемая по одним источникам — Н. Макиавелли, по другим — иезуиту А. Эскобару. Советской идеологической доктриной осуждалась как иезуитская идеология, но, с другой стороны, оправдывалась, если дело касалось «интересов пролетариата».

С. 27. *Нуль-транспортировка* — первое употребление изобретенного Стругацкими термина.

С. 31. *... семью хлебами ты их не накормишь.* — См. Евангелие от Матфея (гл. 15, стихи 32–38).

С. 35, 36. *... ближнего своего...; Возлюби (...) дальнего.* — См. Евангелие от Матфея (гл. 22, стих 39) и Книгу Левит (гл. 19, стих 18): «... возлюби ближнего твоего, как самого себя...» Антитеза Ф. Ницше: «Братья мои, не любовь к ближнему советую я вам — я советую вам любовь к дальнему». «Так говорил Заратустра» (1, Речи Заратустры, О любви к ближнему). Перевод Ю. Антоновского.

С. 37. *Не нужны нам никакие остроумные усложнения.* — **БНС, 26.04.2011**: Этот оборот взят из выступления Митрофана Степановича Зверева, заместителя директора ГАО, на Пулковском астрометрическом семинаре. Обсуждался проект нового телескопа, и МС, помнится, очень точно сформулировал общее отношение к проекту: «остроумные усложнения».

С. 40. *Рапортфюрер* — Rapportführer — унтер-офицерская должность в нацистских концлагерях, начальник режима.

С. 41. *Кому хочется быть услужливым дураком?* — Отсылка к морали басни И. Крылова «Пустынник и медведь»: «Услужливый дурак опаснее врага».

С. 52. *Они еще будут спасать цивилизацию газовыми камерами.* — Газовые камеры использовались для массового уничтожения в нацистских концлагерях.

С. 52. *Им еще предстоит стать мещанами и поставить свой мир на край гибели.* — Тема опасности мещанства будет развита АБС в ХВВ.

С. 53. *Фарисеи, саддукеи* — представители направлений в иудаизме. Распространенное отрицательное отношение к фарисеям коренится в неодобрительном их упоминании в христианском Новом Завете.

С. 53. *Были времена, когда целые племена и государства по ходу истории перескакивали прямо из феодализма в социализм.* — В качестве примеров такого перехода рассматривались Монголия, народы Средней Азии и Крайнего Севера.

С. 53. *Народники-передвижники* — народничество — революционно-демократическое движение в России в 1860–1910-х гг.; передвижники — творческое объединение российских художников, существовавшее в последней трети XIX века. Передвижники вели активную просветительскую деятельность.

С. 53. *«Шмайссер»* — расхожее именование немецкого пистолета-пулемета MP-38–40 времен Второй мировой войны.

С. 54. *...не было еще такого случая, чтобы человечество поставило перед собой задачу и не смогло ее решить.* — К. Маркс, «К критике политической экономии», предисловие: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить...»

С. 55. *«Жрать и пить, морду бить...»* — Цитата из песни охранников немецкого концлагеря «Völgertooг»: «Морду бить, / Жрать и пить / Дай ландскнехту, да! /

Ландскнехту вволю». Лангхофф В. Болотные солдаты. 13 месяцев в концентрационном лагере. Рассказ о действительно пережитом. — М.: Гослитиздат, 1936. Перевод песни В. Нейштадта (перевод книги — Е. Казанской).

С. 60. *Это как печи... Если разрушить только печи — построят новые, и все.* — Саул имеет в виду печи крематориев в нацистских лагерях смерти.

С. 61. *Цум бэфель* — Zum (Zu) Befehl — слушаюсь (нем.).

С. 64. *Обершарфюрер* — Oberscharführer — звание в СС и СА. Соответствовало армейскому званию фельдфебеля.

С. 64. *Блокфризер* — Blockfriseur — парикмахер барака (нем.).

С. 64. *...взятый в плен немецкой армией еще под Ржевом...* — Вторая Ржевско-Сычевская операция — одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны (участвовали с обеих сторон более трех с половиной миллионов человек), состоялась в конце ноября — начале декабря 1942 г. под руководством генерала армии Г. Жукова. Потери Красной Армии в этой операции были огромны. В советские времена эта операция замалчивалась.

С. 64. *Оберштурмфюрер* — Obersturmführer — звание в СС и СА. Соответствовало армейскому званию оберлейтенанта.

С. 64. *Крайцхагельдоннерветтернохайнмаль* — Kreuzhageldonnerwetternocheinmal — Гром и молния с градом накрест и еще раз! (нем.)

Из архива

Борис Стругацкий. Мыслит ли человек?

Рукописный текст из Рабочих записей БНС, 1961–1962, № 1.

Написано в 1962 г.

Первые публикации: в любительской прессе — Измерение Ф (Л.). — 1989. — № 2; в профессиональной — Компьютерра (М.). — 2000. — № 11; первое книжное издание — Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11: Неопубликованное; Публицистика. — Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica Издательского Дома «Corvus», 2001.

С. 66. *Всем неизвестный автор по этому поводу прямо сказал: «В начале было слово»...* — Зачин Евангелия от Иоанна.

С. 67. *...наисовершеннейшая пища, изготовленная природой, это коньяк с лимоном.* — БНС, офлайн-интервью от 29.12.2001: Фраза эта действительно взята из реальной беседы с Ильей Варшавским по поводу целей Природы и человечества. (Пародию на эту беседу я в свое время написал под заглавием «Мыслит ли человек».) *Сост.*: Фраза в виде «человек — это только промежуточное звено, необходимое природе для создания венца творения: рюмки коньяка с ломтиком лимона» позднее использована в ПНВС.

С. 67. *Люпус Эст* — пародируется латинская поговорка Homo homini lupus est. Люпус Эст — персонаж рассказа И. Варшавского «Диктатор», вероятно, известного Б. Стругацкому еще до его публикации в 1963 г.

С. 67. *Оруд Гаи* — ОРУД — Отдел по регулированию уличного движения; ГАИ — Государственная автоинспекция. В 1967 г. были объединены в единую ГАИ.

С. 67. *Одиннадцать больших планет* — вероятно, Оруд Гаи засчитывает Фазтон (гипотетическая планета, разорванная, как предполагается, тяготением Солнца и Юпитера на астероиды) и еще одну, не открытую до сих пор планету за орбитой Плутона.

С. 67. *Альbedo* — характеристика отражательной (рассеивающей) способности поверхности.

С. 68. *...емкостью 10² полубанок...* — Полбанки — разговорное название бутылки водки емкостью 0,5 л.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Дорожный знак

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано в 1962 г.

В измененном виде вошел в состав ТББ. В первоначальном виде публикуется впервые.

С. 70. *С вот такими плавниками?* — ключевая фраза анекдота.

С. 70. *Вицлипуцли* — вариант русской транскрипции имени одного из ацтекских богов. Более распространенная версия имени — Уицилопочтли.

С. 70. *...принялся поправлять красную повязку на голове (...) чтобы узел повязки был точно над правым ухом, как у голландских пиратов.* — Ср.: «...Петр Алексеевич (...) пунцовый платок (...) повязал на голову по примеру португальских пиратов...» А. Н. Толстой, «Петр Первый», кн. 3, гл. 6, глава 1.

С. 71. *У меня зуб со свистом...* — Скрытая цитата из комедии Н. Гоголя «Ревизор»: «Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепетываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом...» (действ. 1, явл. 3).

С. 72. *Сельва, приятель, спросит...* — См. записную книжку БНС 1954–1957 гг.: «Тайга, она, паря, спросит». **БНС, 7.10.2008**: Любил говорить Андрей Спицын.

С. 72. *«Не гнет их ветер, не валит буря».* — Псевдоцитата.

С. 73. *Hombre* — мужчина (*исп.*).

С. 73. *Майна* — утро, завтра (*исп.*). По смыслу следовало бы написать «muchacha» — девушка. Вероятно, ошибка авторов.

С. 73. *Меня зовут Себастиан Перейра (...) Меня послал господин мой Великий Альвец...* — Реминисценция к/ф 1945 г. реж. В. Журавлева «Пятнадцатилетний капитан» по одноименному роману Ж. Верна: «О, нет! Я не Негоро. Я капитан Себастьян Перейра. Слыхали? Или нет? Торговец черным деревом! Негоциант! Компаньон великого Альвеца!» В ранней редакции рассказа вместо Альвеца фигурирует Антуан Риво. Источник имени — рассказ А. Н. Толстого «Убийство Антуана Риво».

С. 73. *«И здесь он, по-видимому, ляжет — один из тех, что были с ним».* — Отсылка к роману А. Дюма «Три мушкетера»: «— Здесь, — сказал он, пародируя стих из Библии, — здесь умрет Бикара, единый из тех, которые с ним» (ч. 1, гл. 5). Перевод под ред. А. Попова. Издание романа: М.–Л.: Academia, 1936. Библейский источник пародии — Откровение Иоанна: «...Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные» (гл. 17, стих 14).

С. 74. *Когда враг не сдается, его уничтожают.* — Заглавие статьи М. Горького: «Если враг не сдается — его уничтожают».

С. 74. *«В тридцати шагах промаха в карту не дам (...) Разумеется, из знакомых пистолетов» (...)* *«Право? (...) А ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?» (...)* *«Когда-нибудь мы попробуем (...). В свое время я стрелял не худо».* — Диалог из повести А. Пушкина «Выстрел», гл. 2.

С. 76. *И начинанья, взнесишься мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия.* — Цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет», акт 3, сц. 1. Перевод М. Лозинского.

С. 77. *И скелет фашиста, прикованный цепями к пулемету.* — Ср. параллель в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам»: «Сразу стало тихо, только, борясь, хрипел тот, кого он отдирает от пулемета. (...) — Ваше благородие, он прикованный» («Сестры», гл. 16).

Аркадий Стругацкий. Окно

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано в 1962 г.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты. — Донецк: Сталкер, 2005.

С. 78. ...отнюдь не кочегары и не плотники и нимало об этом обстоятельстве не сожалеют. — Аллюзия на «Веселый марш монтажников» из к/ф «Высота». Слова В. Котова, музыка Р. Щедрина.

С. 80. *Царь Додон и царь Салтан* — персонажи «Сказки о золотом петушке» и «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и прекрасной царевне Лебеди» А. Пушкина. (У Пушкина — Дадон.)

С. 83. ...диковинную картину, (...) словно внутри хрустального яйца, найденного несчастным Кэйвом в своей лавочке. — Отсылка к рассказу Г. Уэллса «Хрустальное яйцо».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Адарвинизм

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано в августе-сентябре 1962 г.

Первая публикация — Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11: Неопубликованное; Публицистика. — Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica Издательского Дома «Corvus», 2001.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Машина времени

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано в декабре 1962 г. В измененном виде вошло в «Понедельник начинается в субботу».

Первая публикация: Неизвестные Стругацкие. От «Понедельника...» до «Обитаемого острова». — Донецк: Сталкер, 2006.

С. 86. ...заявил рыжеволосый Филя, большой спорщик. — Цитата из повести Г. Уэллса «Машина времени»: «...сказал рыжеволосый Филби, большой спорщик».

С. 86. *Время есть форма существования материи* — формулировка марксистской философии, восходящая к «Диалектике природы» Ф. Энгельса: «Как будто время есть что-то иное, нежели совокупность часов, а пространство что-то иное, нежели совокупность кубических метров! Разумеется, обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления абстракции, существующие только в нашей голове» (примечания к «Анти-Дюрингу» 1878 г., раздел «с»).

С. 86. *Анна Каренина, Толстой* — Анна Каренина — персонаж одноименного романа Л. Толстого.

С. 86. *Дон Кихот, Сервантес* — Дон Кихот — персонаж одноименного романа М. Сервантеса.

С. 86. *Пантагрюэль, Рабле* — Пантагрюэль — персонаж романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле.

С. 86. *Железная стена* — **БНС**, онлайн-интервью от 14.11.2009: *Вопрос*: является ли Берлинская стена первоисточником придуманного АБС образа Железной стены? *Ответ*: Нет. Если Берлинская стена и маячила тогда в нашем подсознании, то решающего влияния никак не оказала. Мало ли «стен» на свете. Китайская, например. Или — Кремлевская. Кроме того, существовал же тогда на зубах навязший Железный Занавес. Чем не стена?

С. 87, 88–89. ...здание с надписью «Пантеон-Рефрижератор». (...) «Я хотела бы стать астральной пылью (...) Я бы космическим облаком обняла твой корабль...»; *Теперь я бросился вперед не меньше чем на миллион лет (...) ракета в виде шара (...) Поодаль, чуть смущаясь, индифферентно стоял какой-то старикан и ловил золотых рыбок.* — Аллюзии на роман А. Колпакова «Гриада» (М.: Мол. гвардия, 1960). Ч. 1, гл. 7: «Пантеон Бессмертия»; ч. 1, гл. 3: «Я хотела бы раствориться в бесконечности (...) Превратиться в

астральную субстанцию, вечно следовать за “Уранией”»; «Вместо эпилога»: «Неужели мы прожили по миллиону лет?», «...необыкновенный Голубой Шар, висящий над крышей Пантеона...», «Чуть смущаясь и делая вид, что он нас не замечает, поодаль стоит милый старикан Самойлов. Он бросает корм рыбам, плавающим в бассейне...»

С. 87–88. *...с неба свалилась громадная ржавая ракета. (...) Увечный человек начал читать речь, в которой призывал всех лететь на планету Хош-ни-Хош освободить братьев по разуму, стенающих под властью свирепого диктатора.* — Аллюзии на роман О. Бердника «Пути титанов», «Мир приключений», кн. 7 (М.: Детгиз, 1962). Перевод с украинского В. Доронина и А. Семенова.

С. 88. *На горизонте виднелись прозрачные купола, виадуки и спиральные спуски. (...) Возле меня стоял маленький мальчик с глубоко посаженными горящими глазами. (...) спросил он мелодично (...) Это был славный мальчуган (...) но слишком серьезный, на мой взгляд.* — Аллюзии на роман И. Ефремова «Туманность Андромеды»: термин «Спиральная Дорога», «...вызывали к жизни на своих планетах плоские купола и спирали...» (гл. 2), а также множество других упоминаний спирали; «...объяснял пожилой преподаватель с глубоко посаженными горящими глазами...» (гл. 9); «Тотчас зазвучал мелодичный и нежный голос переводящей машины...» (гл. 2), «Мелодичный, нежный и сильный голос проник в сердце Мвена Маса» (гл. 10); «Эрг Ноор вспомнил Рен Боза с его застенчивой мальчишеской внешностью, так не соответствовавшей величию его ума» (гл. 13).

Аркадий Стругацкий. Дни Кракена

Машинопись из папок «Отрывки, замыслы» и «Дни Кракена».

Написано в 1962–1963 гг.

Первая публикация первого варианта повести — Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11: Неопубликованное; Публицистика. — Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica Издательского Дома «Corvus», 2001. Последний вариант публикуется впервые.

С. 89. <Заглавие> — таинственное морское чудовище «кракен» описано Э. Понтонпиданом, епископом Бергенским, в его «Естественной истории Норвегии». Позднее это название было использовано А. Теннисоном в стихотворении «Кракен». Собственно заглавие «Дни Кракена» — контаминация заглавий романов Дж. Уиндема «Кракен пробуждается» (во вступлении к которому помещено упомянутое стихотворение Теннисона) и «День триффидов».

С. 89. *Политзанятия* — вид пропагандистской работы с целью «коммунистического воспитания масс», осуществлялось в различных формах повсеместно и принудительно — в армии, на производстве, в местах заключения.

С. 91. «Маз» — грузовой автомобиль Минского автозавода.

С. 92, 111. *Цутому Хида*; «Луна над Малайей», «Один в пустоте» — аллюзия на японского писателя Нома Хироси и его произведения «Красная луна над Филиппинами» и «Зона пустоты».

С. 93. «Кодзиэн» — «Большой сад слов», толковый словарь японского языка издательства «Иванами сётэн» под редакцией Симмуры Идзуру. Издавался с 1955 г.

С. 94. *Эдо* — древняя столица Японии.

С. 94. *Бидзэн* — историческая провинция Японии на западе острова Хонсю.

С. 94. *Ёсивара* — токийский «район красных фонарей» эпохи Эдо.

С. 94. *...вся Япония от Сэндая до Сацумы...* — То есть вся Япония от севера до юга. Сэндай — город на севере острова Хонсю; Сацума — провинция и город на юге острова Кюсю.

С. 94. *«Пришел все-таки, сволочь тоскливая, — сказал Тёдзаэмон. — И что ты под ногами путаешься?..» Цумаранээ яцу, отлично сказано.* — Дословный перевод выражения «цумаранээ яцу» — «никчемный мужик». Перевод Головина — «сволочь тоскливая».

С. 95. *Правда, вещь эта скучна. До синих пятен скучна. Что-то из жизни наираспробеднейшего крестьянства, страдающего в лапах ростовщиков. Она сказала и заплакала. Он сказал и заплакал. И сопля дрожала на кончике его носа.* — Аллюзия на переводческую работу АНС — повесть Миямото Юрико «Блаженный Мияда». Иллюстративные цитаты: «На добродушном лице его смешались слезы и улыбка» (гл. 1); «Крупные капли пота стекали с кончика ее носа», «...в умилении перед этим совершенством прекрасные, детски-чистые глаза Мияда наполнялись слезами», «В больших глазах стояли слезы, рот был растерянно открыт» (гл. 3); «Он ходил по своему полю, с которым ему вскоре предстояло расстаться, и на глаза его набегали непрошеные слезы», «Оглушенный нестерпимым чувством одиночества, он вдруг заплакал», «Горькие слезы полились из его добрых глаз, бесцельно уставившихся в пространство, и исчезали в реденькой бородке» (гл. 4).

С. 95. «Поликушка» — рассказ Л. Толстого.

С. 95. *...да и взят он у какого-то китайца, чуть не у Цюй Ю Цзун-цзи...* — «Цзун-цзи» употреблено ошибочно, термин переводится как «антология, сборник произведений нескольких авторов». Сборник рассказов Цюй Ю, включавший и «Записки о пионовом фонаре», именовался «Цзянь дэн синь хуа» — «Новые рассказы у горящего светильника».

С. 95. «Кондзяку» — «Кондзяку моногатари» — памятник японской литературы XI века.

С. 96. *Small talk* — светская болтовня, разговор о пустяках (англ.).

С. 97. *Объявление я дам в ближайшее время.* — Судебная процедура развода (с опубликованием в печати) существовала до 1968 г. — до принятия Основ законодательства о браке и семье СССР и новых республиканских кодексов 1969–1970 гг.

С. 99. *Фиксирующие смеси* — в гистологии фиксация — это подготовка образца ткани к дальнейшей обработке и исследованию. Для различных задач фиксации применяются соответственно различные смеси реагентов.

С. 100. *Стенобионты* — животные и растения, способные существовать лишь при относительно постоянных условиях окружающей среды.

С. 101. *Абиссальный* — глубоководный (дословно: живущий в бездне).

С. 101. *Что кушает за обедом крокодил?* — вопрос, интересовавший слоненка из одноименной сказки Р. Киплинга.

С. 101. *Хэнтайгана* — «необычная кана» — в японской письменности альтернативная слоговая азбука — кана, отличающаяся вычурным написанием символов.

С. 101. *Токугавская грамота* — здесь: документ эпохи Токугавского сёгуната (она же — эпоха Эдо).

С. 102. *Вот здесь был запах так запах. ~ сонмища гнусной липкой нежити.* — Использовано в измененном виде в описании запаха у бассейна спрута Спиридоны, СОТ-0, СОТ-1.

С. 103. *...гроза кашалотов и корсар открытых морей походил больше всего на кучи простыней небеленого холста, брошенные отмокать перед стиркой.* — Ср. СОТ-0, СОТ-1: «Опиши меня, — потребовал Спиридон. — Пожалуйста, — сказал я. — Но я не Альфред Теннисон, я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи. Ты сейчас похож на кучу грязного белья, которую бросили отмокать перед стиркой».

С. 103. *...чудовищами, лихо карабкающимися на борт «Наутилуса»...* — Сцена из главы 18 части 2 романа Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой».

С. 104. *Хончхон* — уезд в современной Южной Корее, провинция Канвондо.

С. 106. *Ламентации* — плач, стенания, от лат. lamentatio.

С. 106. *Не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй.* — Исход, гл. 20, стихи 13, 15, 16.

С. 106–107. «Книга вод», «Предания юга», «Записи об обитателях моря», «Книга гор и морей», «Сведения о небесном, земном и человеческом», «Упоминание о тиграх вод», «Свидетельство господина Цугами Ясумицу» — упомянуты и процитированы в СОТ-0,

СОТ–1. (Последнее в варианте «Свидетельство господина Цугами Ясумицу о поясе Восточных морей».) *БНС*, офлайн-интервью от 6.05.2010: *Вопрос*: (...) упоминаемый в Вашей книге «Волны гасят ветер» японский манускрипт 13-го века, в котором описывается чудовище катацуморидако (также в «Сказке о Тройке» цитируются разнообразные японские легенды о гигантских головоногих). Очень хотелось бы узнать, действительно ли существует такой манускрипт и есть ли его «официальный» перевод на русский (например, сделанный Аркадием Натановичем), или это своеобразная мистификация? *Ответ*: Насколько я помню, часть (небольшая) этих материалов была действительно обнаружена АН в каких-то (старинных?) японских книжках. Теперь уже и не установишь, в каких именно. Но главным образом, это, конечно, — авторская выдумка. То, что сами авторы называли «псевдоквазией»: цитаты из несуществующих текстов.

С. 108. *Мой нравственный долг. Принцип «и»*. (...) *Будь гуманен. Соблюдай принцип «жень»*. — Конфуцианские этические категории или принципы: «и» (долг, справедливость), «жень» (гуманность, милосердие).

С. 108. *Винер сказал: «Чем более вероятно сообщение, тем меньше оно содержит информации»*. — Цитата из гл. 1 книги Н. Винера «Кибернетика и общество» (М.: Изд-во иностр. лит., 1958). Перевод Е. Панфилова.

С. 108. *Как сказал товарищ Апулей, «зловоннейшей мочой меня совсем залили»*. — «Метаморфозы, или Золотой осел» (ч. 1, гл. 13). Перевод М. Кузмина.

С. 109. *Байково* — ранее — населенный пункт на о. Шумшу (северная группа Курильских островов). В настоящее время заброшен.

С. 109. *Дзэн-дзэн дэкимасэн-ка? / — Скоси дэкиру-то омоимас-га... / — Наруходо дзаннын дэс*. — Совсем-совсем не можете? — Я думаю, мог бы попытаться... — Простите, в самом деле (япон.).

С. 110. *Дайдзёбу дэс (...)* — *Дэ-ва саёнара (...)* — *Асьта мадэ (...)* — *Окакэнасай...* — Все в порядке. — До свидания (...) — До завтра. — Садитесь, пожалуйста... (япон.)

С. 110. *Мистер Кленнэм, Флора Финчинг* — персонажи романа Ч. Диккенса «Крошка Доррит».

С. 112. *Вэймэйсы* — китайское сливовое вино.

С. 114. *Хлеб свой насыщенный снискиваю в поте лица*. — Контаминация слов Книги Бытия (гл. 3, стих 19) и Евангелия от Матфея (гл. 6, стих 11).

С. 114. *Корэ-ва кабан дэс*. — Это портфель (япон.).

С. 115. *Году в пятидесятом я отказалась подписаться на заем...* — Речь идет об облигациях «Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР», последний выпуск — 1957 г. Подписка на эти облигации была принудительной.

С. 116. *Голодные глаза Босини, «Сага»* — см. главы 3, 4, 9 части 2 книги «Собственник» романа Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах».

С. 118–119. *Строго говоря, это моя пятая библиотека. ~ Вон они стоят рядышком...* — Фрагмент в измененном виде вошел в ХС.

С. 119. *Вторую библиотеку я бросил в Порт-Артуре*. — В августе 1945 г. город был захвачен советскими десантниками и после капитуляции Японии получил статус базы совместного использования СССР и Китая. В мае 1955 г. СССР безвозмездно передал базу Китаю.

С. 119–122. *Вот, например, на третьей полке в углу имеет место целая выставка очень разнородных предметов, которым там совершенно нечего делать. ~ Представления не имею, кому это может понадобиться в практических целях...* — В основе отрывка — публикуемый в этом томе текст из Рабочих записей БНС, 1961–1962, № 3: «На первой полке стеллажа без всякого порядка громоздятся очень разнородные предметы. ~ Представления не имею, кому это может понадобиться в практической жизни...»

С. 120. *Квалифицированный читатель* — см. ниже трактовку термина в рабочих записях БНС 1961–1962 гг. № 3: «...я имею в виду квалифицированных читателей,

которые отличаются от всех прочих тем, что, во-первых, читают много (...), а во-вторых, любят не только читать, но и перечитывать». См. также в т. 4 эссе АНС.

С. 120. *Семь слоников* — семь мраморных слоников считались символом мещанского уюта; в публицистике их упоминание было часто используемым штампом.

С. 120. *«Семья Тибо»* — роман Р. Мартен дю Гара.

С. 120. *«Лунная дорога»* — повесть А. Казанцева.

С. 120. *«Учитель Гнус»* — роман Г. Манна.

С. 120. *«Три товарища»* — роман Э.-М. Ремарка.

С. 120. *«Брат мой, враг мой»* — роман М. Уилсона.

С. 121. *«Швейк»* — роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны».

С. 121. *«Вернер Хольт»* — роман Д. Нолля «Приключения Вернера Хольта». Имеется в виду журнальное издание романа: «Иностранная литература», 1962, №№ 4–7.

С. 121. *«Счастливчик Джим»* — повесть К. Эмиса. Имеется в виду журнальное издание повести: «Иностранная литература», 1958, № 11.

С. 121. *«Над пропастью во ржи»* — повесть Дж. Сэлинджера. Имеется в виду журнальное издание повести: «Иностранная литература», 1960, №№ 10–12.

С. 121. *Дудинцев* — имеется в виду журнальное издание романа «Не хлебом единым»: «Новый мир», 1956, №№ 8–10.

С. 121. *Трилогия Яна* — «Чингиз-Хан», «Батый», «К последнему морю».

С. 121. *«Три мушкетера»* — роман А. Дюма.

С. 121. ...*«Совершенный стратег»*, он же *«Букварь по теории стратегических игр»* Дж. Д. Вильямса... — Вильямс Дж. Д. Совершенный стратег, или Букварь по теории стратегических игр. — М.: Сов. радио, 1960.

С. 122. *«Введение в статистическую физику» Левича*. — Левич В. Введение в статистическую физику. Изд. 2-е. — М.: Гостехиздат, 1954.

С. 122. *«Курс теории вероятностей» Гнеденко*. — Гнеденко Б. Курс теории вероятностей. — М.–Л.: Гос. изд. техн.-теорет. лит., 1950.

С. 122. *Горторг* — городское управление торговли.

С. 122. *Кугэ* — древняя японская несамурайская придворная аристократия.

С. 123. *«Последние залпы»* — к/ф 1960 г. по одноименной повести Ю. Бондарева, реж. Л. Сааков.

С. 123. ...*сосед позвал меня к телефону*. — Установленным в коммунальной квартире телефоном пользовались все жильцы.

С. 124. *Политзанятия* — см. примечание к с. 89.

С. 124. *Субботник* — формально — добровольная, фактически принудительная бесплатная работа в свободное время, служила средством «коммунистического воспитания масс».

С. 125. *«Маз»* — см. примечание к с. 91.

С. 125. *Пристенок* — здесь: азартная игра.

С. 126. *Хэйкэ* — «Хэйкэ-моногатари» или «Повесть о доме Тайра», японский эпический роман XII–XIII вв. авторства Юкинага.

С. 126. ...*как жена Цезаря, должен быть выше всяких подозрений...* — Отсылка к поговорке, восходящей к историческому анекдоту.

С. 126. *Сандуны* — Сандуновские бани в Москве.

С. 126–127. *Цутому Хида* — см. примечание к с. 92.

С. 127. *Эдо* — см. примечание к с. 94.

С. 127. *Бидзэн* — см. примечание к с. 94.

С. 127. *Ёсивара* — см. примечание к с. 94.

С. 128. ...*вся Япония от Сэндая до Сацумы...* — См. примечание к с. 94.

С. 128. *Только вот работать было бы скучно. Что-то из жизни распронаибеднейшего крестьянства в лапах ростовщиков. Она сказала и заплакала. Он сказал и заплакал. И сопля дрожала на кончике его носа.* — См. примечание к с. 95.

С. 128. «Поликушка» — см. примечание к с. 95.

С. 128. *...да и взят он у какого-то китайца, чуть не у Цюй Ю Цзун-цзи...* — См. примечание к с. 95.

С. 129. «Кондзяку» — см. примечание к с. 96.

С. 129. *Вечный и довольно однообразный бой. Покой нам уже даже и не снится.* — Реминисценция стихотворения А. Блока «На поле Куликовом»: «И вечный бой! Покой нам только снится» (1).

С. 130. *Пантагрюэль* — персонаж романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

С. 130. *Человек-гора* — именование Гулливера лилипутами в романе Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» (Путешествие первое).

С. 130. *Это моя четвертая библиотека, четвертая и последняя. ~ Это моя последняя, пятой у меня уже не будет...* — См. примечание к с. 118–119.

С. 130. *Вторую библиотеку я бросил в Порт-Артуре.* — См. примечание к с. 119.

С. 130–131. *Он снова ощутил активный интерес к жизни во всех ее проявлениях и стремление неуклонно уменьшать энтропию Вселенной...* — Здесь подразумевается тезис И. Ефремова: «Жизнь — это борьба с энтропией».

С. 131. *Хочешь водички? / — Отчего же? — сказал Капитан и вытер ладонью лоб. — А хороша? / — Хороша. Тебе с сиропом или без? / — Без. И не рассказывай старых анекдотов.* — Имеется в виду анекдот: «— Стакан воды, пожалуйста. — С сиропом или без? — Без сиропа. — Без лимонного или без апельсинового?»

С. 131. *Рахмат* — «Спасибо» на многих тюркских языках.

С. 131. *Тамильский* — язык, на котором говорит население южной части Индии и более половины населения острова Цейлон.

С. 132. *Фиксирующие смеси* — см. примечание к с. 99.

С. 133. *Стенобионты* — см. примечание к с. 100.

С. 134. *Абиссальный* — см. примечание к с. 101.

С. 134. *Что кушает за обедом крокодил?* — См. примечание к с. 101.

С. 134. *Хэнтайгана* — см. примечание к с. 101.

С. 135. *Вот здесь был запах так запах. ~ сонмища гнусной липкой нежити.* — См. примечание к с. 102.

С. 136. *...гроза кашалотов и корсар открытых морей походил больше всего на кучи простыней небеленого холста, брошенные отмокать перед стиркой.* — См. примечание к с. 103.

С. 136. *...чудовищами, лихо взбирающимися на борт «Наутилуса»...* — См. примечание к с. 103.

С. 136. *Все это, впрочем, философия,* — сказал вслух Капитан, — *а не пора ли заняться делом?* — Часто используемая АБС цитата из повести А. Куприна «Колесо времени»: «Впрочем, это все философия» (гл. 12).

С. 137. *Хончхон* — см. примечание к с. 104.

С. 138. *Ламентации* — см. примечание к с. 106.

С. 139. *Не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй.* — См. примечание к с. 106.

С. 139. «*Книга вод*», «*Предания юга*», «*Записи об обитателях моря*», «*Книга гор и морей*», «*Сведения о небесном, земном и человеческом*», «*Упоминание о тиграх вод*», «*Подлинное свидетельство господина Цугами Ясумицу*» — см. примечание к с. 106–107.

С. 141. *...сосед позвал его к телефону.* — См. примечание к с. 123.

С. 141. *Мой нравственный долг. Принцип «и». (...) Будь гуманен. Соблюдай принцип «жень».* — См. примечание к с. 108.

С. 141. *Винер сказал: «Чем более вероятно сообщение, тем меньше оно содержит информации».* — См. примечание к с. 108.

С. 141. *Как сказал товарищ Апулей: «зловоннейшей мочой меня совсем залили».* — См. примечание к с. 108.

С. 141. *Байково* — см. примечание к с. 109.

С. 142. *Дзэн-дзэн дэкимасэн-ка? / — Скоси дэкиру-то омоимас-га... / — Наруходо дзаннэн дэс.* — См. примечание к с. 109.

С. 142. *Дайдзёбу дэс (...)* — *Со дэс кара, саёнара (...)* — *Асьта мадэ. (...)* — *Окакэнасай...* — См. примечание к с. 109.

С. 143. *Мистер Кленнэм, Флора Финчинг* — см. примечание к с. 110.

С. 144. *Вэймэйсы* — см. примечание к с. 112.

С. 145. *...книги и дети делаются из одного материала.* — Ф. Ницше в книге «Сумерки идолов» («Набеги несвоевременного», гл. 27) приводит императив «Aut liberi aut libri» (лат.) «Или дети, или книги». Возможно, императив принадлежит Сократу.

С. 145. *Кугэ* — см. примечание к с. 122.

С. 145–147. *«У берегов Иё обитает животное ~ удостоился светлейшей похвалы».* («Хроники Цукуси») — в измененном и сокращенном виде использовано в СОТ–1.

С. 147. *Пора выпить холодного пива, сказал лейтенант Брэдли.* — Цитата из книги О. Курганова «Американцы в Японии. Репортаж» (М.: Сов. писатель, 1947).

С. 148. *А что народ? / — Главным образом безмолвствовал.* — Аллюзия на финальную ремарку трагедии А. Пушкина «Борис Годунов» «Народ безмолвствует».

С. 148, 152. *Деятель культуры от инфантерии; Культуртрегер от инфантерии.* — Здесь: уподобление культуры воинской табели о рангах. Инфантерией в российской армии XVIII–XIX вв. именовалась пехота.

С. 149. *«Паедем кырасотыка катацца...»* — «Поедем, красotka, кататься» — строка русской народной песни «Окрасился месяц багрянцем...»

С. 150. *...до изумления...* — оборот, характерный для романа А. Н. Толстого «Петр Первый».

С. 152. *Тамады* — грубое китайское ругательство.

С. 153. *...обладатель права разрешать и вязать...* — Евангелие от Матфея: «что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (гл. 16, стих 19).

С. 153. *Цзай цзянь* — до свидания (кит.).

Аркадий Стругацкий. Се ля ви

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано, вероятно, около 1962 г.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты. — Донецк: Сталкер, 2005.

БНС, 10.08.2004: Маленькие пьески [«Се ля ви» и «Веселый разговор»] — это сочинение АНа. Он одно время выпускал (по настроению) домашнюю газету для семьи. Это — оттуда. Очень смешные и очень точные зарисовки действительности.

Аркадий Стругацкий. Веселый разговор

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано, вероятно, около 1962 г.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты. — Донецк: Сталкер, 2005.

Аркадий Стругацкий. [Отрывок о Кольцове]

Машинописный отрывок на обороте листа из папки «Разные черновики». Текст продолжает набросок «Какой ты здоровяк...» с теми же персонажами из папки «Творения юношеских лет». См. также в т. 1 письмо АНС от 24.10.53.

Написано, вероятно, около 1962 г.
Публикуется впервые.

Борис Стругацкий. Сочинения времен ГАО

Рукописные и машинописные тексты из папки «Материалы ГАО». Песня и шуточные эпитафии БНС к серии шаржей Л. Камионко на завсегдатаев 18-й комнаты ГАО. Предназначалось для стенгазеты и капустников ГАО.

Написано, вероятно, в 1961–1964 гг.

Песня в оригинальном виде публикуется впервые. Эпитафии публикуются впервые.

С. 159. *Мы не Декарты, не Ньютоны мы ~ И тупо смотрим, что к чему.* — Восходит к «Веселому маршу монтажников» из к/ф «Высота», слова В. Котова, музыка Р. Щедрина; первые две строфы использованы в ПНВС (песенка Корнеева).

С. 159. *...в ВК...* — контаминация «в ватерклозет» и «в века».

С. 160. *Система Це Же Эс* — система физических единиц измерения CGS (сантиметр-грамм-секунда).

С. 160. *Бородатый* — т. е. К. Маркс.

С. 160. *Усатый* — т. е. И. Сталин.

Варианты рукописей и изданий

«Попытка к бегству»

С. 162. *Демонтер* — фантаст.

С. 162. *Тохорг* — во всех других вариантах и в других книгах — тахорг.

С. 162. *Предоминантный* — преобладающий (от англ. predominant).

С. 164. *Фляк* — акробатический элемент, при котором спортсмен, отталкиваясь ногами, совершает переворот назад, при этом становясь на руки, а затем опять на ноги.

С. 164. *Арабское сальто* — боковое сальто.

С. 167. *Керметы* — керамико-металлические материалы.

С. 168. *Вандердекен* — Вандердеккен — одно из легендарных имен капитана «Летучего голландца», персонаж романа Ф. Марриета «Корабль-призрак».

С. 169. *Курвиспат* — фантаст. прибор для измерения кривизны пространства. От лат. *curvum* — кривизна. Термин использован в повести «Мальш».

С. 170–171. *Опять очередь,* — сказал Антон. — *Второй раз за день ~ Дверь распахнулась. В душевой никого не было.* — Сцена в более поздние варианты повести не вошла, но аналогичная сцена впоследствии включена в ОУПА.

С. 171. *Эмбриомеханик* — первое появление термина «эмбриомеханика» см. в т. 4 в письме БНС от 7.03.60; термин употреблен также в ПХХПВ, ОО и ВГВ.

С. 178. *...подчинялось нормально-логарифмическому закону...* — То есть логарифм случайной величины распределен по нормальному закону.

С. 178. *Палеолингвист* — здесь: специалист по древним языкам.

С. 180. *«Но уэпон элауд он ЮЭн 7031».* — Оружие на ЕН 7031 не разрешено (англ.).

С. 181. *Эфемериды* — см. примечание к с. 16.

С. 181. *Из портфеля то и дело вываливались разные предметы, и Саул, бормоча проклятья, торопливо запихивал их обратно.* — В издававшихся вариантах сцена с портфелем не вошла. Ср. описание портфеля Агасфера Лукича в ОЗ.

С. 182. *Плоскость экватора почти совпадает с плоскостью эклиптики, сжатия нет...* — То есть на планете практически нет смены времен года, и длина меридиана равна половине длины экватора.

С. 188. *...глайдер-антиграв типа «тако»...* — В японском языке один из иероглифов с чтением «тако» означает «воздушный змей». (Другой иероглиф с чтением «тако» — «осьминог, спрут».)

С. 189, 200. *А по отчеству? / — Что? / — Ах да, простите...; Стало быть, Вадим... А по отчеству? / — Что? / — Ах да, извините великодушно... Конечно...* — Подразумевается, что во время действия повести отчества не употребляются.

С. 190, 201. *Лежу это я однажды на вычислителе ~ сгорел анализатор.; Лежу это я на анализаторе ~ спалил анализатор.* — См. примечание к с. 13–14.

С. 192. *Возлюби дальнего* — см. примечание к с. 35.

«Дни Кракена»

С. 250. *«Раз в году можно безумствовать».* Скиапарелли. — Перевод латинской поговорки «*Semel in anno licet insanire*», использованной Дж. Скиапарелли в качестве эпиграфа к своей статье «*La vita sul pianeta Marte*» («Жизнь на планете Марс», итал.), опубликованной в обозрении «*Natura ed Arte*», 1895, № 11. Факт упомянут в книге И. Полака «Планета Марс и вопрос жизни на ней» (М.: ГОНТИ, 1939). Полак перевел поговорку так: «Раз в год разрешается наговорить глупостей». Вариант перевода АБС взят из гл. 9 книги М. Ивановского «Солнце и его семья» (Л.: Детгиз, 1957). (В беседе с Ю. Флейшманом 15.11.2010 БНС сообщил, что по договору с ленинградским отделением Детгиза он осуществлял научную редактуру книги Ивановского, однако в выходных данных указан не был. За эту работу он получил первую свою зарплату, 800 рублей, и приобрел на нее подарок маме — телевизор «КВН-49».)

С. 250. *«Моби Дик», «Перед нами была ~ сама бессмысленная жизнь».* — Цитата из главы 59 романа Г. Мелвилла. Перевод И. Бернштейн.

С. 251. *Катакана* — одна из двух графических форм японской слоговой азбуки.

С. 252. *«Пионовый фонарь»* — будущее издание: Санъютэй Энтё. Пионовый фонарь / Пер. с яп. А. Стругацкого. — М.: Худож. литература, 1964.

С. 252. *Ит депендз* — *It depends* — здесь: зависит от того, что предложишь (англ.).

С. 253. *Интродукция: история взятия самурайского меча.* — **БНС, 5.03.2007**: Это рассказ сокурсника АНа по ВИИЯ Андрея Николаевича Спицына. Вот изложение БНом рассказа Спицына: «Манчжурия. Спицын вместе со всей Советской Армией врывается в некий город. Идет по пустынной улице. Один. В доме напротив распахивается дверь — на пороге возникает самурай с обнаженным клинком наперевес (все как положено: каменное лицо, а перед лицом — двуручный меч вертикально вверх и такой же твердый, как и лицо). Спицын срывает с плеча винтовку. Самурай бежит на него. Спицын стреляет. Самурай (верхняя половина туловища с мечом — совершенно окаменелая) продолжает бежать. Спицын стреляет. Самурай бежит. Спицын стреляет беспорядочно — самурай вдруг останавливается и валится навзничь. Спицын забирает себе меч. Теперь меч красиво висит в комнате Спицына в Москве». Это — каноническая форма рассказа, повторенная неоднократно. За что купил, за то и продаю.

С. 254. *Виктор рассказывает о профиле Троцкого на спичечном коробке...* — Имеется в виду реальная история, когда на продукции фабрики «Маяк» в изображении горящей спички, в зубчатых языках пламени однажды обнаружили профиль «врага советской власти» Л. Троцкого.

С. 254. *Тут же рядом другого абитуриента допрашивают, чувствует ли он себя евреем.* — См. в разделе публицистики т. 29 интервью БНС «Большой вопрос»: «Кто придумал эту блистательную формулировку: “Чувствуете ли вы себя евреем?” Впервые я услышал о ней от своего старшего брата, когда он с отвращением и ненавистью рассказывал мне, как в конце 40-х на одном из комсомольских офицерских собраний ихний главный политрук допытывался у него прилюдно: “Но вы, все-таки, чувствуете себя евреем, лейтенант, или нет?”»

С. 255. *«Кодзики»* — «Записи о деяниях древности» — крупнейший памятник древнеяпонской литературы, свод мифов и легенд, собрание древних песен, историческая хроника. Завершение работы над «Кодзики» датируется 712 г.

С. 255. *Токугавская эпоха* — она же — эпоха Эдо, 1603–1698 гг.

С. 255. *Интродукция: притча о пленном немце, которому студенты дали покурить.* — **БНС, 5.03.2007**: Рассказ АНа. Эта интродукция была, помнится, написана. Деталей не помню: холодный слякотный день, жалкий немец — ощущение неловкости происходящего...

С. 255. *Бакуфу* — здесь: правительство сегуна.

С. 256. *«Император... Архитойтис Рекс...»* — Здесь: гигантский кальмар-король. От лат. *Architeuthis Rex*.

С. 257. *...после установления коммунизма очень скоро прогресс за счет развития средств производства прекратится. В основу прогресса ляжет бесконечное духовное развитие...* — Ср. рассуждения об источниках развития общества при коммунизме в новелле ПХХІВ «Какими вы будете».

С. 257. *...у Теннисона...* — См. примечание к с. 89.

С. 258. *Интродукция: как я убил политрука, которого схватили эсэсовцы.* — Рассказ Тимофея Сыщенко, сотрудника экспедиции ГАО 1960 г. на Северном Кавказе. См. записную книжку БНС 1960 г.: «Двое немцев держали политрука, завернув ему руки за спину, а третий срывал с него петлицы, срезал пистолет, рванул ворот. Он выстрелил из автомата, и все четверо упали, а он побежал в кусты. Немцы издевались над политруком. Он не знал, правильно ли сделал. Это были его первые». Позднее эпизод использован в ГО.

С. 258. В «Комсомолке» статья Палкина о разгоне поэтов у памятника Маяковскому. — Одно из проявлений «оттепели» — чтение стихов в 1958–1965 гг. возле памятника В. Маяковскому на одноименной площади Москвы. Власти неоднократно предпринимали попытки прекратить эти стихийные собрания, сначала вели «разъяснительную работу», а закончили арестами.

С. 258. *Зиц-председатель* — возможно, аллюзия на зицпредседателя Фунта, персонажа романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

С. 259. *Табулятор* — см. в разделе публицистики т. 29 интервью БНС «Игра в фанты по-научному»: «Самым сильным впечатлением молодости остался обычный арифмометр «Феликс». Когда громыающий кусок железа с нелепой рукояткой может складывать, умножать, исчислять корни... Это просто незабываемо! Потом я работал в Пулковской обсерватории, там стояли просто огромные трофейные немецкие табуляторы «Синклер», которые, несмотря на свою теперешнюю примитивность, делали довольно сложные астрономические расчеты — это тоже произвело на меня сильнейшее впечатление».

С. 260. *Слухи, что зам по научной части сошел с ума — предложил директору проект о введении смертной казни за опоздание. Директор вскричал: Да ведь это же превосходно! Но тут же, спохватившись, сказал: Но позвольте, ведь существует трудовое законодательство...* — Ср. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1940 г.: «Установить, что за прогул без уважительных причин рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до шести месяцев». Опоздание на работу более чем на двадцать минут считалось прогулом. Ср. также проект «Директивы о привнесении порядка» в УНС.

С. 263. *«Махабхарата»* — древнеиндийский эпос.

С. 264. *«Современный Восток»* — под таким названием в 1957–1961 гг. выходил журнал «Азия и Африка сегодня».

С. 265. *...ты рассказывал, как вы, дружинники, разогнали поэтов у памятника Некрасову.* — См. примечание к с. 258.

С. 265. *Стиляга* — термин официальной пропаганды времен борьбы с молодежной субкультурой 1950–1960 гг. Источник — фельетон Д. Беляева «Стиляга» («Крокодил», 1949, № 7).

С. 265. *Туняедец* — в советские времена обвинение в туняядстве было далеко не безобидным: в марте 1964 г. поэт И. Бродский был осужден по соответствующей статье Уголовного кодекса и приговорен к пяти годам ссылки.

С. 266. *«Подмосковные вечера»* — песня В. Соловьева-Седого на слова М. Матусовского из кинофильма «В дни Спартакиады».

С. 266. *Двенадцать красных примерно.* — «Красной» («красенькой») именовалась в советские времена купюра достоинством в десять рублей.

С. 266. *«Зоркий-Д»* — «Зоркий» — марка советских фотоаппаратов. Модификация «Д» не выпускалась.

С. 267. *«Перед прочтением сжечь»* — «Top Secret. Burn Before Reading» — заглавие рецензии в журнале «Панч» британского юмориста А. Герберта на книгу американского журналиста Р. Ингерсолла «Top Secret» (об англо-американских разногласиях в 1944–1945 гг.). Фраза часто цитировалась, в частности — Р. Хайнлайном («Гражданин Галактики»). В виде «Совершенно секретно. Перед прочтением сжечь» использовано в ПНВС.

С. 267. *Царь Салтан и царь Додон* — см. примечание к с. 80.

С. 268. *Антр-нужник* — шутливая контаминация франц. выражения «антр-ну» (entre nous — между нами) и слова «нужник».

С. 269. *А у нас так и смотрят: не состоял ли ты, не дай бог, в оппозиции? И если состоял — стоп. Все кончено. Хоть стену головой ломай — хода нет.* — Имеется в виду оппозиция к «генеральной линии» партии, то есть любая форма несогласия с происходящим в стране.

С. 270. *О замещении понятия «отечество» понятием «ваше превосходительство».* — Выражение из цикла очерков М. Салтыкова-Щедрина «За рубежом»: «Под «бонапартистом» я разумею вообще всякого, кто смешивает выражение «отечество» с выражением «ваше превосходительство» и даже отдает предпочтение последнему перед первым. Таких людей во всех странах множество, а у нас до того довольно, что хоть лопатами огребай» (очерк 1).

С. 271. *Некробиотическое излучение* — гипотетическое особое излучение мозга умирающих живых организмов.

С. 271. *Люди, будьте бдительны!* — «Люди, я любил вас, будьте бдительны!» — финальные слова «Репортажа с петлей на шее» героя чешского Сопротивления времен Второй мировой войны, писателя Ю. Фучика.

С. 271. *Пример с крысой, которая нажимает на педаль до истощения.* — Речь идет об упомянутых в ХВВ опытах Дж. Олдса и П. Милнера по мозговой стимуляции крыс.

С. 272. *Рассуждения о коммунизме: на отдельно взятой усадьбе.* — Ср. в ПНВС: «Они неразборчивы в средствах и терпеливы, как пауки. И как часто они достигают значительных высот и крупных успехов в своем основном деле — в строительстве светлого будущего в одной отдельно взятой квартире и на одном отдельно взятом приусадебном участке, отгороженном от остального человечества колючей проволокой под напряжением...»

С. 272. *Аммонит* — аммониты — вымерший подкласс головоногих моллюсков, существовавших с девона по мел.

С. 274. *На недельку атмосфера культа личности.* — То есть атмосфера времен культа личности И. Сталина.

С. 275. *Горторг* — см. примечание к с. 122.

С. 275. *Пантагрюэль* — см. примечание к с. 130.

С. 275. *Человек-гора* — см. примечание к с. 130.

Публицистика

Опубликованное

Человек нашей мечты: Встреча писателей-фантастов

Запись выступления БНС на «круглом столе» в редакции журнала «Нева» в январе 1962 г. Полный текст «круглого стола» будет опубликован в дополнительных томах.

Публикуется по изданию: Нева (Л.). — 1962. — № 4.

Аркадий Стругацкий. «Движущей силой будущего общества является удовлетворение духовных потребностей человека»

Рукопись не сохранилась.

Написано в 1962 г.

Публикуется по изданию: Техника — молодежи (М.). — 1962. — № 12.

Из архива

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Врезка к отрывку из «Стажеров» в журнале «Знания та праця»]

Рукописный текст из блокнота БНС Рабочие записи, 1961–1962, № 2.

Написано в январе 1962 г. Упоминается в письмах БНС от 26.12.61, 2.02.62 и АНС от 5.01.62 и 30.01.62.

Опубликовано в переводе на украинский язык: Знання та праця (Київ). — 1962. — № 4. На русском публикуется впервые.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Человек и общество будущего

Машинопись из папки «Черновики статей».

Написано в июле 1962 г. для международного совещания при редакции журнала «Техника — молодежи», состоявшегося 18–28 августа 1962 г., в котором принимали участие и АБС. Упоминается в переписке АБС от августа–октября 1962 г. и в дневнике АНС 1961–1965 гг. 19.07, 1.11.62. В апреле 1965 г. АНС доработал статью, возможно, имея целью публикацию в «Литературной газете». Позднейшие вставки приведены в подстраничных сносках.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008.

С. 283. *Сколько уже людей есть на Земле, которые скорее откажутся от хлеба, чем от книги!* — Ср. ГЛ: «Не давали ему читать, и он умер от голода».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Фантастика: доклад

Машинопись из папки «Черновики статей».

Написано в июле 1962 г. Прочитано АНС на августовском совещании Московского общества молодых писателей-фантастов и в октябре в издательстве Детгиз. Впоследствии доклад переработан в статью «О советской фантастике». Упоминается в переписке АБС от июня–октября 1962 г., дневнике АНС 1961–1965 гг. 19.07, 1.11.62 и в дневнике приездов АНС в Ленинград 1962–1970 гг. 22.07.62.

В составе доклада публикуются дополнительные материалы из той же архивной папки и написанные в том же году. Тезисы к докладу (второй их вариант; первый см. в письме АНС от 7.06.62) упоминаются в письме АНС от 12.08.62 и его дневнике 1961–

1965 гг. 19.06.62. Вставка 1 дополняет тезисы. Планируемое место вставки 2 установить не удалось.

В виде доклада публикуется впервые.

С. 286. *...академика Ферсмана сочинение*. — Возможная аллюзия на слова из комедии Н. Гоголя «Ревизор»: «...господина Загоскина сочинение» (действ. 3, явл. 6).

С. 286. *Педология* — направление, распространенное в советской школе в 20-е и начале 30-х гг., было в 1936 г. запрещено, а сам термин сделался ругательным.

С. 287. *«Северянка»* — научно-исследовательская подводная лодка Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО).

С. 287. *Профессор Аронакс, «Наутилус»* — отсылка к роману Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой».

С. 288. *«Медная пуговица»* — повесть Л. Овалова.

С. 288. *Квалифицированный читатель* — см. примечание к с. 120.

С. 289. *...затвердить что-нибудь из Белинского или из Гоголя!* — Возможная аллюзия на строки из поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Когда мужик не Блюхера / И не милорда глупого — / Белинского и Гоголя / С базара понесет?» (ч. 1, гл. 2).

С. 291. *«Экипаж “Меконга”»* — роман Е. Войсунского и И. Лукодянова.

С. 291. *«Глиняный бог»* — повесть А. Днепрова.

С. 293. *«Борис Годунов»* — драма А. Пушкина.

С. 293. *Пьер Безухов* — персонаж романа Л. Толстого «Война и мир».

С. 293. *Телегин* — персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам».

С. 293. *Григорий Мелехов* — персонаж романа М. Шолохова «Тихий Дон».

С. 293. *...Юрий Рюриков смог...* — Через 100 и 1000 лет. Человек будущего и советская худож. фантастика. — [М.:] Искусство, 1961.

С. 293. *Наташа Ростова* — персонаж романа Л. Толстого «Война и мир».

С. 293. *«Дневник горничной»* — роман О. Мирбо.

С. 293. *Нат Пинкертон* — персонаж анонимных детективных историй о гениальном сыщике.

С. 294. *«Ничего не понять, иностранцы какие-то»* — отсылка к рассказу А. Чехова «Чтение»: «Четыре раза уже начинал, (...) но ничего не разберу... Какие-то иностранцы...»

С. 298. *«Человек — это звучит гордо»* — цитата из пьесы М. Горького «На дне»: «Чело-век! (...) Это звучит... гордо!» (акт 4).

С. 298. *Небось к 40-летию пионерской организации не так подходите*. — Отмечалось 19 мая 1962 г.

С. 298. *«9 дней одного года»* — «Девять дней одного года» — к/ф 1961 г., реж. М. Ромм.

С. 298. *«Тихий Дон», «Белеет парус»* — произведения М. Шолохова и В. Катаева («Белеет парус одинокий»).

С. 299. *...не оказывается в положении униженного или, скажем, оскорбленного...* — «Униженные и оскорбленные» — роман Ф. Достоевского.

С. 299. *«Братья Карамазовы», «Братья Земганно»* — романы Ф. Достоевского и Э. Гонкура.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Перспективы

Машинопись из папки «Черновики статей».

Написано предположительно в 1962 г.

Публикуется впервые.

С. 301. *Паустовский, «Человек с рефлексом вместо души, человек плотоядный, зараженный эгоцентризмом, должен быть уничтожен. Посмотрим, кто кого пересилит. Мы сильнее своим гневом и непримиримостью, они — жадностью и волосатым кулаком»* — цитата из романа «Блистающие облака» (гл. «Беззаботный попутчик»).

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. О советской фантастике

Машинопись из папки «Черновики статей».

Статья, переработанная из доклада «Фантастика». 18 сентября 1962 г. предложена авторами в журнал «Вопросы литературы». Различные этапы доработки статьи упомянуты в переписке АБС от октября–ноября 1962 г. и дневнике АНС 1961–1965 гг. 16.10, 1.11.62.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008.

С. 301. «Меканикус» *Полещука* — повесть А. Полещука «Великое делание, или Удивительная история доктора Меканикуса и его собаки Альмы».

С. 304. *Просто диву даешься, до чего в нашей литературе мало произведений, героями которых являются люди науки. Если не считать отличных повестей Гранина, рассказа Грековой — почти нет.* — Имеются в виду «Искатели» и «Иду на грозу» Д. Гранина и «За проходной» И. Грековой.

С. 304. «Черные звезды», «Звездные корабли», «Ошибка Алексея Алексеева» — повести В. Савченко, И. Ефремова, А. Полещука.

С. 304. «Дорога на Океан» — роман Л. Леонова.

С. 305. «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» — приблизительная цитата из «Письма к ученому соседу» А. Чехова.

С. 305. *А вот товарищи из «Экономической газеты» во время дискуссии по поводу «Туманности Андромеды»...* — Дискуссия между «Промышленно-экономической газетой» и «Литературной газетой» состоялась в июне-августе 1959 г.

С. 306. «*Пойдем прошвырнемся по Броду*» — фразеологизм, появившийся в молодежной субкультуре 1950-х гг. «Брод» — традиционное место встреч и прогулок; от названия главной улицы Нью-Йорка Бродвей.

С. 306. *...считает фантастику опиумом для народа...* — Отсылка к фразе из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» «Почем опиум для народа?» (ч. 1, гл. 12). Последнее, в свою очередь, от «Религия есть опиум народа», К. Маркс, «К критике гегелевской философии права», введение.

С. 307. «*Магелланово облако*» — роман С. Лема.

С. 307. «*Оранжевая планета*» — точнее, «На оранжевой планете» Л. Оношко.

С. 309. *Фантастику он любит, но странную любовью.* — Реминисценция строки стихотворения М. Лермонтова «Родина»: «Люблю отчизну я, но странную любовью!»

С. 310. *Остров Забвения* — реалия романа И. Ефремова «Туманность Андромеды».

С. 312. *...удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей», как говорил Моэм...* — Цитата из гл. 2 романа «Луна и грош». Перевод Н. Ман.

С. 312–313. *Ефремов, «Не популяризация ~ не как особый жанр»* — цитата из статьи И. Ефремова «Наука и научная фантастика».

Аркадий Стругацкий. Советская научно-фантастическая литература

Машинопись из папки «Черновики статей».

Написано предположительно в 1962 г.

Публикуется впервые.

С. 313. *...литература «кагаку сёсэцу» (правильнее «куусоо-кагаку сёсэцу»)...* — соответственно, «научная новелла», «фантазия».

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть В. Михайлова «Особая необходимость»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Написано в июле 1962 г. для Латгосиздата.

Публикуется впервые.

Повесть В. Михайлова была опубликована в 1962 г. в журнале «Искатель» и в 1963 г. отдельным изданием в Риге.

Аркадий Стругацкий. Рецензия [на повесть Эндо Сюсаку «Море и яд»]

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Написано в конце июля — начале августа 1962 г. Упоминается в письме АНС от 2.08.62 и в записи от 31.07.62 его дневника 1961–1965 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Эндо Сюсаку была опубликована в 1964 г. в издательстве «Молодая гвардия».

Аркадий Стругацкий. [Рецензия на повесть] Сёно Дзюндзо «Плавающий маяк»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Написано в ноябре 1962 г. Упоминается в записи от 1.11.62 дневника АНС 1961–1965 гг.

Повесть Сёно Дзюндзо не была переведена на русский язык.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Анатолий Днепров

Машинопись из папки «Черновики статей».

Написано в ноябре-декабре 1962 г. по просьбе К. Андреева для журнала «Советская литература (на иностранных языках)». Упоминается в письме БНС от 4.02.63.

Публикуется впервые.

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1962

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Часть писем авторами не датирована. Такие письма датировались составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. В этом же разделе помещены и несколько писем АНС матери. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в текстах писем в угловых скобках.

Часть писем публиковалась в издании: *Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962.* — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008. Настоящее издание дополнено публикуемыми впервые письмами, обнаруженными позднее в архиве АБС и М. А. Стругацкой.

С. 320. *...хитрые умом писатели...* — Перефразировка «...быстрых разумом Невтонов...» из «Оды на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» М. Ломоносова.

С. 320. *А еще в «Неве» организуют заседание писателей на тему «Как писать о человеке будущего». Пригласили меня, просят поделиться. Ужо пойду поделюсь.* — См. в разделе публицистики материал «Человек нашей мечты: встреча писателей-фантастов».

С. 322. *...думай и, следовательно, существуй.* — «Мыслью — следовательно, существую» — положение Р. Декарта.

С. 322. *Подзаголовок удалось пробить: «Полдень, XXII век».* — К изданию «Возвращение» 1962 г.

С. 322. *Пиши врезку для Киева. Завтра посылаю туда главы.* — Будущая публикация: Облава: Глава из повести «Стажеры» // Знання та праця (Київ). — 1962. — №№ 4, 5.

С. 322. *Чешское издание СБТ отнюдь не сокращено.* — Krajina purpurových mračien / Prel. K. Izakovic. — Bratislava: Smena, 1961. Издание на словацком языке.

С. 323. *...не пропадет наш труд.* — Реминисценция «Не пропадет ваш скорбный труд». А. Пушкин, «Во глубине сибирских руд...».

С. 323. *«Верить или не верить?» (Экскурсия в область таинственных явлений).* — Битнер В. Верить или не верить? Экскурсия в области таинственного. — СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. Книга упомянута и использована в ПНВС.

С. 323. *Телефания* — согласно книге В. Битнера, частный случай телепатии, передача мысли и образов на расстоянии.

С. 323. *А мы ведь о человеке ничегошеньки не знаем. Знаем только то, что он по природе добр.* — Центральное положение нравственной философии Ж.-Ж. Руссо.

С. 323. *А где ж его еще искать, как не в будущем?* — В черновике письма мысль продолжена: «...настоящих-то постреляли в 37 году».

С. 324. *...смутному потомку...* — В черновике письма: «смутному, закутанному в гипсилон потомку». **БНС, 11.08.2011**: Это выдуманное слово. Не помню контекста, но, похоже, имеется в виду какая-то одежда будущего, не знакомая и не доступная воображению человека сегодняшнего дня.

С. 324. *Предлагается середина 22 века ~ На планете ребята нюхнут революции и средневековщины. Почуют, каково было предкам.* — набросок сюжета будущего «нулевого варианта» ПКБ.

С. 324. *Фотобот* — небольшой корабль на фотонной тяге, транспортируемый на Д-звездолете и предназначенный для высадки на планеты. См. ПХХПВ: «Д-звездолеты не приспособлены к высадкам на массивные планеты (...). Высадки осуществляются вспомогательными кораблями-ботами с атомно-импульсным или фотонным приводом...» (новелла «Десантники»).

С. 324. *Герой А — главный герой...* — В черновике письма: «Главный герой А., измученный метафизикой...» Вероятна отсылка к фразе романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» «Я человек, измученный нарзаном» (ч. 3, гл. 36).

С. 324. *Жаль только, что это сильно пахнет Алешей Толстым.* — Имеется в виду «Аэлита» А. Н. Толстого.

С. 324. *P<ost> T<extum>* — АБС использовали это сокращение, поскольку на клавиатуре пишущих машинок не было латиницы. Но в рукописных письмах употребляли обыкновенное «P. S.».

С. 324. *Одическое излучение* — оккультный термин; од — «бесконечно тонкая субстанция», происходит от имени скандинавского бога Одина.

С. 324. *Телепластика* — то же, что и материализация.

С. 325. *...кто-нибудь длинно и нежно любил...* — Ср. заглавную строку стихотворения М. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...».

С. 325. *Читал «Технику-молодежи» 12? А) Статья о фантастике за 61 г.* — Кротов Ю. Фантастика, 1961 год // Техника — молодежи (М.). — 1961. — № 12.

С. 326. *...«Эдем» в переводе (и неплохом) Абызова.* — На русском языке этот роман С. Лема издается в переводе Д. Брускина.

С. 326. *НичеГё* — **БНС, 17.07.2010**: Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?.. ОтчегЁ же...»

С. 327. *Пришло в Детгиз румынское издание «Страны».* — Țară norilor purpurii / Trad. de I. Block. — București: Ed. Tineretului, 1961.

С. 328. Гор Г. С. Написал скучнейшую повесть «Докучливый собеседник»... — Гор Г. Докучливый собеседник // Звезда (Л.). — 1961. — № 7.

С. 328. Послезавтра в Писдоме интересный доклад доцента и филолога Зайцева: «Космические реминисценции в искусстве древних». — В самиздате распространялась работа В. Зайцева «Космические реминисценции в памятниках древней письменности».

С. 329. Читал, как нас в «Литературке»? — Рачков Д. Диплодок без головы // Лит. газ. (М.). — 1962. — 20 марта.

С. 329. Рассказ о Звездолетчике из другого мира, исполняющем желания. — См. в этом томе записную книжку БНС 1960–1962 гг. и рабочие записи БНС 1961–1962 гг. № 3 (запись от 19.01.62).

С. 330. Ты знаешь, что Адкин портрет есть в «Работнице»? Или в «Сов<етской> женщине», не помню. — Неуймина Н. В объективе — Венера // Сов. женщина (М.). — 1962. — № 3. — Фото И. Петкова.

С. 331. В «Известиях» вырезал любопытную заметку о «тасманском чуде»... — Кедрин С. Тасманское чудо (рубрика Загадки природы) // Известия (М.). — 1962. — 23 марта. Заметка о находке на о. Тасмания туши неизвестного животного. «Речь идет о туше неизвестного существа, обнаруженной в прибрежном песке, диаметром около шести метров и толщиной свыше метра, покрытой толстой кожей с нежным пушком».

С. 331. В журнальчике «Новости зарубежной военной электроники» есть любопытная статья... — [Сергованцев Б.] Работы, проводимые в США по созданию новых видов противоракетного оружия. Краткий обзор зарубежной печати // Новости зарубежной военной радиоэлектроники (М.). — 1962. — № 7.

С. 332. Аркадий — брату, 12 апреля 1962... — Датировка составителей.

С. 332. Посылаю тебе с мамой письмо и «Моби Дика». — Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит. — М.: Географгиз, 1961.

С. 333. Очень ругал «социолога», поместившего статейку в «Вопросах философии» за № 3. — Араб-Оглы Э. Светопреставление в космосе. Заметки социолога о современной фантастической литературе на Западе // Вопросы философии (М.). — 1962. — № 3.

С. 333. ...в «Новом мире» читал начало повести Бондарева «Тишина». — Бондарев Ю. Тишина // Новый мир (М.). — 1962. — №№ 3–5.

С. 333. Тангуты — исчезнувший народ тибето-бирманской группы.

С. 334. Читал в «Неве» про заседание? — «Человек нашей мечты» («Нева», 1962, № 4).

С. 335. «Mein Kampf» — книга А. Гитлера.

С. 335. ...раз уж ты редактор, то ничто редакторское тебе не чуждо. — Аллюзия на поговорку «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».

С. 335. ...не проводится пинок в сторону Пур Генов, Акри Хинов и Аска Ридов. — Пародирование системы имен персонажей фантастических произведений И. Ефремова и других фантастов.

С. 335. Изячно — реминисценция заглавия стихотворения В. Маяковского «Даешь изячную жизнь».

С. 335. «Следы невиданных зверей» — Акимусшкин И. Следы невиданных зверей. — М.: Географгиз, 1961.

С. 336. «Философия страха и отчаяния» — Чалин М. Философия отчаяния и страха. — М.: Госполитиздат, 1962.

С. 336. ЗИЛ–157 — грузовой автомобиль завода им. Лихачёва, выпускался серийно с 1958 г., в основном для Вооруженных сил.

С. 336. ...выну след... — Ср. в ПНВС: «След обыкновенный и след вынутый. Гипсовые отливки». Термин из книги В. Битнера.

С. 337. Посылаю тебе то, что смог родить за последние полмесяца. — Рассказ «Окно».

С. 337. *Все дали оказываются нарисованными на бумаге. Прорвешь бумагу и окажешься в соседней кладовой.* — Параллель с «Золотым ключиком» А. Н. Толстого. Очаг на холсте в каморке папы Карло. Ср. также афоризм С. Е. Леца: «Ну, пробьешь ты головой стену. И что будешь делать в соседней камере?» («Непричесанные мысли»).

С. 337. *На обороте страниц, чтобы ты не задавался вопросами, Бердник «Пути Титанов».* — АНС редактировал повесть для следующего издания: Мир приключений. — Кн. 7. — М.: Детгиз, 1962.

С. 338, 339. *В конце концов, элементарные правила принципа «Ко» не позволили бы мне занять Ваше место, сэр.; Мальчиков нужно сделать братьями — двенадцать и шесть лет. Принцип «Ко» и все такое.* — Еще один конфуцианский принцип — «ко» (яп.) или «сяо» (кит.), означающий почитание родителей и старшего, усердное исполнение сыновнего (дочернего) долга.

С. 339. *«Три девицы под окном»* — первая строка «Сказки о Царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» А. Пушкина.

С. 340. *...попробуй извлечь квинтэссенцию a la Рабле.* — Отсылка к подзаголовку романа «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции».

С. 340. *Капитан прибывает к мачте рублевую бумажку — как Ахав. Кто первый заметит Кракена, тот... и т. д. Все орут «ура!» и пьют шампанское.* — Г. Мелвилл, «Моби Дик, или Белый кит»: «Получив от Старбека молоток, он приблизился к грот-мачте и, подняв его кверху в одной руке, а другой протягивая перед собой монету, громким, пронзительным голосом воскликнул: — Тот из вас, кто первый увидит белоголового кита со сморщенным лбом и свернутой челюстью; тот из вас, кто первым даст мне знать о белоголовом ките с тремя пробоинами у хвоста по правому борту; тот из вас, говорю я, кто первый увидит белого кита, тот получит эту унцию золота, дети мои! — Ур-ра! Ур-ра! — кричали матросы, приветственно размахивая знойдвестками, покуда Ахав прибывал монету к мачте» (гл. 36). Перевод И. Бернштейн.

С. 342. *«ЧиП» отнес в «Сов<етский> воин» с псевдонимом «А. Бережков».* — Это первое использование АНС псевдонима «Бережков». Ср. запись от 27.05.62 в дневнике АНС 1961–1965 гг.

С. 342. *Получил из Киева номер «Знания та праця» с окончанием «Облавы». Ох и рисуночки там — закачаешься!* — Художник — В. Гринько.

С. 342. *Там ругали Львова за очередную пасквильную статью на одного ученого, защищающего теорию a la Агрест.* — **БНС**, офлайн-интервью от 23.01.2002: *Вопрос:* (...) При чтении мне на глаза попало одно знакомое имя («...с легкой руки историка и публициста Агреста». Декабрь 1999 г.). (...) (Матест Агрест) — личность довольно неординарная и интересная. Мне достоверно известно, что в прошлом он занимался вопросами возможных посещений нашей планеты внеземными цивилизациями. О нем ли Вы упомянули в одном из своих ответов или же это просто совпадение? *Ответ:* Думаю, был только один Агрест, занимавшийся палеоконтактом. Я ничего не знаю о нем. Одно время (самое начало 60-х) было много разговоров о его не то статье, не то брошюре, я уже не помню. Фантасты приняли ее на ура, идеологические шавки бросались на нее со злобой и ненавистью, было много шума, а потом ко всему этому гармидеру подключился еще Вячеслав (кажется) Кондратьевич Зайцев со своей гипотезой «Христос был пришельцем», шума стало еще больше, а потом Оттепель закончилась, и стало тихо. **Сост.:** гармидер — суета, беспорядок, неразбериха (*идши*).

С. 343. *Прочел перевод «Соляриса».* — **БНС**, 13.08.2012: Дмитрий Брускин — один из лучших переводчиков Лема на русский (по признанию самого Лема). Я читал его перевод в рукописи. Позже этот перевод вышел в «Звезде». **Сост.:** «Звезда», 1962, №№ 8–10.

С. 344. *Кефалопода* — или цефалопода — Cephalopoda (лат.), головоногие моллюски. Основные современные группы: осьминоги, кальмары и каракатицы.

С. 344. ...на очередном сборище фантастов, думаю предложит на рассмотрение нашу статью о критиках. — Статья «Про критику научной фантастики».

С. 345. *Посылаю тебе «Тезисы»*. — Первый вариант тезисов. Второй вариант см. в разделе публицистики в составе доклада «Фантастика».

С. 345. *«Гиперболоид»*, *«Аэлита»* — романы А. Н. Толстого.

С. 345. *«451 по Фаренгейту»* — роман Р. Брэдбери.

С. 346. *Как бы чего не вышло*. — Цитата из рассказа А. Чехова «Человек в футляре».

С. 346. *Аркадий — брату, 10 июня 1962...* — Датировка составителей.

С. 348. *Послал тебе также экземпляр «Туманности Андромеды» с дарственной надписью Ефремова. Это роман-газетовское издание, почти уникальное*. — Ефремов И. Туманность Андромеды // Роман-газета (М.). — 1959. — № 15.

С. 348. *Пусть расцветают все цветы...* — «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» — лозунг, под которым китайский лидер Мао Цзэдун провозгласил в 1957 году широкую кампанию по усилению гласности и критики.

С. 349. *Жаль, что не смогу при сем присутствовать хотя мичманом*. — Анекдот об А. Суворове. Получив известие о взятии Ф. Ушаковым острова Корфу, Суворов воскликнул: «Зачем не был я при Корфу хотя мичманом?» Е. Фукс, «Анекдоты князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического».

С. 349. *Я тут написал рассказ, но это и не «Окно», и не про «живущего назад»*. — Рассказ не сохранился. Первое упоминание идеи, позднее, в ПНВС, именуемой контрамоцией.

С. 349. *Остров погибших кораблей* — заглавие романа А. Беляева.

С. 349. *Борис — брату, 15 июня 1962...* — Датировка составителей.

С. 350. *Его надпись разбирали лучшие дешифровщики, но, однако, некоторые из слов остались двусмысленными*. — Автограф И. Ефремова: «“О, поэт, устрани эту грубую брань, / Шутовство балаганное это. / И большое искусство создай ты для нас / И высокую башню построив / Из возвышенных мыслей, из важных речей, / Из тончайших, не рыночных шуток...” (Аристофан, Мир) Борису Натановичу Стругацкому на добрую память от автора. Москва 11.06.62. (подпись)». Источник Ефремова: Аристофан, «Мир»: «Наш поэт устранил эту грубую брань, шутовство балаганное это, / И большое искусство он создал для нас и высокую башню построил / Из возвышенных мыслей, из важных речей, из тончайших, не рыночных, шуток» (эпизодий 2). Перевод А. Пиотровского.

С. 350. *Аматуни, «Гаяна»* — Аматуни П. Гаяна. — Ростов н/Д: Ростовское кн. изд., 1962.

С. 350. *Начал читать — какие-то американцы...* — См. выше примечание к с. 294.

С. 350. *Замечания по докладу принимаю, надо, значит, четче определить круг тем (философских проблем), которые возникают в фантастике в укор и поношение «нормальным» жанрам*. — Вероятно, еще не по самому докладу, а лишь по тезисам к нему.

С. 351. *Днепров принес мне в альманах хорошую повесть о кремнийорганических преступлениях*. — Повесть «Глиняный бог»; опубликована в издании: Мир приключений. — Кн. 9. — М.: Детгиз, 1963. Редакторы Н. Беркова и А. Стругацкий.

С. 351. *Раздобыл я книжку Мензела «О летающих тарелках»...* — Мензел Д. О «летающих тарелках». — М.: Изд-во иностр. лит., 1962. См. также в этом томе записную книжку БНС 1960–1962 гг.

С. 352. *Никакая это не статья, а доклад, который я буду делать у фантастов в августе и в Детгизе в октябре. И не думаю писать без тебя. Писать будем вместе вариантами — я, потом ты, потом я и т. д.* — Будущий доклад «Фантастика».

С. 353. *Двадцатилетний план* — отсылка к принятой на XXII съезде КПСС Третьей Программе КПСС, в которой неоднократно упоминается двадцатилетний период развития.

С. 354. *В сентябре в Москве международная конференция фантастов.* — Фактически международное совещание при редакции журнала «Техника — молодежи» состоялось 18–20 августа. Для совещания АБС был написан доклад «Человек и общество будущего». См. текст доклада в разделе публицистики.

С. 354. *...шумят витии.* — Из стихотворения А. Пушкина «Клеветникам России»: «О чем шумите вы, народные витии?»

С. 355. *Очень рад, что тебе так понравился доклад. Я думал о нем хуже. Только ты учти, что это не только доклад, но и наша статья для ежегодного сборника Дома Детской Книги, так что работай и в редакторском отношении.* — Вновь речь о докладе «Фантастика».

С. 355. *...мы будем хабен первый в истории нашей литературы...* — «Haben» — «иметь» (нем.). *БНС, 16.08.2011:* «Вас вир хабен хир?» — «Что мы здесь имеем?»: излюбленный вопрос АНа, который он задавал, когда хотел обратить мое внимание на некую ситуацию.

С. 356. *Исайя, ликуй!* — Восклицание из православного свадебного песнопения — ирмоса: «Исайя ликуй, се дева име во чреве, и роди сына Эммануила, Бога же и человека, Восток — имя ему».

С. 356. *Борис — брату, 30 июля 1962...* — Датировка составителей.

С. 356. *...купил журнал «Мол<одая> зв<ардия>» со статьей Громовой.* — Громова А. На пороге неведомого века // Молодая гвардия (М.). — 1962. — № 6.

С. 357. *...отрецензировать одну японскую книгу — «Море и яд» Эндо Сюсаку.* — См. рецензию в разделе публицистики. Будущее издание книги: Сюсаку Эндо. Море и яд / Пер. П. Петрова. — М.: Мол. гвардия, 1964.

С. 358, 372. *«Иду на грозу»; Впрочем, Граниным наслаждался.* — Гранин Д. Иду на грозу // Знамя (М.). — 1962. — №№ 8–10.

С. 359. *«Человек и общество будущего»* — см. текст доклада в разделе публицистики.

С. 360. *А то у меня зуб со свистом...* — Цитата из комедии Н. Гоголя «Ревизор»: «Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепетываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом...» (действ. 1, явл. 3).

С. 360. *В № 8 «Молодого коммуниста» опубликован похабнейший фельетон про наши две главы из «Стажеров» в «Искателе».* — Мелеус А. Запорожцы в космосе // Молодой коммунист (М.). — 1962. — № 8.

С. 360. *Мазер* — английская аббревиатура, означающая квантовый генератор сантиметрового диапазона.

С. 360. *«Во, сила — здорово он приятно пахнет»* — ср. с Рабочими записями БНС 1961–1962, № 3, 28.12.61: «Мы с Сашкой тащим магнитофон ~ “Во пахнет, законно!”».

С. 361. *Фактически спор между старым стилем и новым сводится, по-моему, к исходной гипотезе о человеке: прост человек или сложен. В этом смысле классики чертовски схематизируют героя, делая его «предсказуемым». Их человек — прост, ибо все, что поддается объяснению, — просто.* — Ср. диалог Бородина и Жилина в повести «Стажеры»: «Я, разумеется, знаю, что это классика и все такое, — сообщил он. — Но читать «Гэндзи» пять раз я бы не стал. Там все запутано, усложнено... А жизнь по сути своей проста, много проще, чем ее изображают в таких книгах. — А жизнь по сути своей сложна, — сказал Жилин. — Много сложнее, чем описывают ее такие фильмы, как “Первооткрыватели”».

С. 361. *...Белый тезис, который и представляет собою рецепт общечеловеческого счастья.* — Использовано в ПНВС.

С. 361. «Чтобы все были довольны, надо каждому дать горшок и гараж — пусть зарабатывают на курицу и автомобиль» — лозунг амер. президента Г. Гувера: «Машина в каждом гараже и курица в каждой кастрюле». Источник — выражение, приписываемое франц. королю Генриху IV Бурбону: «У каждого француза по воскресеньям должна быть курица в горшке».

С. 362. «Согласно решению п<артии> и п<равительства> приступаю к заполнению ассенизационного мешка» — утрируется реально употреблявшийся стиль газетных публикаций.

С. 362. *Посылаю тебе письмо нашего нового корреспондента и проект ответа на него. На новосибирское совещание посылается делегация и от Пулково...* — Письмо математика Юрия Ивановича Манина, приглашавшего АБС и других фантастов на совещание молодых ученых в Новосибирске, явилось отправной точкой их многолетней дружбы. Ю. Манин считается прототипом ученых в их книгах: Ламондуа (ДР), Симонэ (ОУПА) и Вечеровского (ЗМЛДКС). Книга Ю. Манина «Кубические формы» упомянута в ХС. Его перевод эпитафии Киплинга цитируется в ЗМЛДКС. Ю. Манин длительное время является хранителем рукописей книг АБС, его экземпляры наряду с имевшимися в архиве АБС были использованы для текстологической работы и восстановления авторских, «канонических» текстов книг.

С. 363. *Аркадий — матери, 14 сентября 1962...* — Датировка составителей.

С. 364. *Думаю насчет «Катастрофы». Кстати, ведь нужно нам изменить название сборника.* — Речь о планировавшемся сборнике в издательстве «Молодая гвардия».

С. 364. *...цена коей дерьмо.* — Приблизительная цитата из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»: «Всему этому цена дерьмо!» (ч. 1, гл. 1). Перевод П. Богатырёва.

С. 365. *Вчера ввечеру вернулся. (...) Место: Актюбинск, Гурьев, Уральск.* — Ежегодно в октябре месяце издательство «Молодая гвардия» проводило выездные декады молодежной книги. АНС был включен в группу Б. Клюевой по ее просьбе.

С. 365. *В Горьком 4-го телепередача с экранизацией 1-й главы из «Искателя» — «Нищие духом». Меня просят приехать и выступить. Наверное, съезжу.* — 4 октября АНС принимал участие в передаче Горьковского телевидения «Телевизионный час для молодежи “Пять лет космической эры”».

С. 365. «Человек из Пасифиды» вышел в «Сов<етском> воине»... — Человек из Пасифиды // Сов. воин (М.). — 1962. — № 17.

С. 365. *Сегодня позвонили из «Вопросов литер<ату>ры», куда я послал нашу статью о фантастике.* — Статья «О советской фантастике» была послана в журнал «Вопросы литературы» 18 сентября. Публикация в журнале не состоялась. См. текст статьи в разделе публицистики.

С. 365. *Борис — брату, 4 октября 1962...* — Датировка составителей.

С. 365–366. *...с криком и визгом отмежевываются.* — Приблизительная цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «И вы будете долго и тоскливо его судить, а он будет с визгом и стонами отмежевываться» (ч. 3, гл. 26).

С. 366. *Если не будет очередного зажима, то в ближайших номерах «ЛитГаз» жди грозного письма о Львове.* — Публикация не состоялась.

С. 366. *Так что по шапе Львов все-таки, видимо, получит.* — **БНС, 9.08.2012:** Тут возможен любой вариант: как ироническое «шапа» вместо шапки, так и обычная опечатка. Давайте считать это иронией.

С. 366. *М<ежду> п<рочим,> «ВЛ» здорово взялись за это дело. Прочитай в № 8 статью Ефремова и в № 6 статью Кагарлицкого.* — Ефремов И. Наклонный горизонт // Вопросы литературы. — 1962. — № 8; Кагарлицкий Ю. Г. Уэллс и Ж. Верн // Вопросы литературы. — 1962. — № 6.

С. 368. *Хозяйка и жена Таня <Калецкая> ~ пара ее рассказов (правда, не лучших) принята в «Неву».* — Рассказы Т. Калецкой опубликованы в разделе сатиры и юмора

журнала «Нева» в 1963 г.: «Люблю!!» — № 2, «Свидетельство о браке» — № 3, «Ботинки» — № 4, «Мой плащ» — № 10, «Первая любовь» — № 12.

С. 368. *Готовится выпустить книгу «Черные судьбы» с беспристрастным изложением биографий некоторых деятелей, вроде генерала Ферча.* — Травинский В. Черные судьбы. — Л.: Детгиз, 1963; Травинский В. «Настоящее дело» генерала Фёрча. — М.: Госполитиздат, 1962.

С. 368. *«Русь изначальная»* — роман В. Иванова.

С. 369. *Миша Хейфец ~ Историк. Пишет книгу «Народная Воля».* — Хейфец опубликовал биографическую книгу о народовольце Н. Клеточникове (Секретарь тайной полиции. — М.: Мол. гвардия, 1968). Дружба М. Хейфеца с БНС длилась многие годы. В 1974 Хейфец был арестован КГБ. БНС проходил свидетелем по его делу. Эта история получила художественное отражение в ПП.

С. 369. *Нузл — БНС, 9.08.2012:* «Нузл» = «нос» на идиш. Как известно, евреи частенько являются обладателями мощных носов, и у нас частенько было принято называть «нузлом» еврея вообще. Как в этом отрывке, например.

С. 369. *Я прочел в «Ин<остранной> лит<ерату>ре» Пристли «31 июня»...* — Пристли Дж. Б. 31 июня. Повесть о верной любви, предприимчивости и прогрессе в век короля Артура и век атома // Иностран. лит. (М.). — 1962. — № 9.

С. 369. *Я отвечаю прямо, по-стариковски...* — Реминисценция «Голого короля» Е. Шварца.

С. 369. *Абгемахт? — Abgemacht? — Согласен? (нем.)*

С. 369–370. *Но ты не приходи в гнев, о, брат мой!* — Пародируется стиль арабских сказок.

С. 370. *...восторженные отзывы о «В» от Славина (не от Жени, а от автора «Интервентов» и др<угого>)...* — Женя (Евгений) Славин — персонаж «Возвращения».

С. 371. *...записываюсь с выступлением о человеке будущего (наш доклад на конференции я им подsunул, слегка изменен и переставлен).* — Доклад «Человек и общество будущего».

С. 371. *Завтра читаю нашу статью в Детгизе на литературных чтениях.* — Статья «О советской фантастике».

С. 372. *Он «Зеленых холмов Земли» даже не читал, бедняга.* — В дальнейшем В. Кан — автор первого русского перевода этого рассказа Р. Хайнлайна («Эллинский секрет», Л.: Лениздат, 1966). См. в т. 8 письмо БНС от 3.02.64.

С. 373. *Что ты мне пародишь на Варшавского сулишь?* — Пародия БНС «Мыслит ли человек?».

С. 374. *Гектокотиль* — своеобразно измененное («гектокотилизированное») щупальце у самцов головоногих моллюсков, часть аппарата размножения.

С. 375. *...у Энгельса прямо и очень точно сказано насчет коммунизма как эпохи «очеловечивания человека»...* — Точнее, у К. Маркса. См. главку «Коммунизм» его «Экономическо-философских рукописей 1844 года».

С. 375. *«Наш человек в Гаване»* — роман Г. Грина.

Аркадий Стругацкий. Письмо супруге, 1962

Письмо публикуется впервые.

С. 377. *Бехтеревка* — или микстура Бехтерева — препарат, оказывающий успокаивающее действие на центральную нервную систему.

Борис Стругацкий. Письма супруге, 1962

Подборка писем БНС Аделаиде Андреевне за 1962 г. Часть писем не датирована. Их датировка была выполнена составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях.

Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Публикуются впервые.

С. 378. *Арк к этому семинару подготовил очень хороший доклад о НФ.* — См. в разделе публицистики доклад «Фантастика».

С. 378. *Борис — супруге, 16 июля 1962...* — Датировка составителей.

С. 378. *Я переделал рассказ про осьминогов...* — «О странствующих и путешествующих».

С. 379. *...мы составили антипартийную группировку на совещании...* — Аллюзия на формулировку «Антипартийная группа Молотова, Кагановича, Маленкова и примкнувшего к ним Шепилова» (1957 г.).

С. 379. *«На берегу»* — или «На последнем берегу» — название в советском прокате амер. к/ф 1959 г. «On the Beach» по одноименному роману Н. Шюта, реж. С. Крамер. Фильм стал отправной точкой замысла «Далекая Радуга» (см. «Комментарии к пройденному» БНС). Фильм упомянут также в СОТ.

С. 380. *Борис — супруге, 27 августа 1962...* — Датировка составителей.

С. 380. *...и картины Шишкина «Медведи в лесу»...* — И. Шишкин, «Утро в сосновом лесу».

С. 381. *Поль Гнедых* — персонаж ПХХПВ.

С. 382. *Очень рад, что ты там на лыжах все-таки ходишь, да еще нагишом.* — Командированные на Горную станцию астрономы ГАО А. Стругацкая и С. Мурри при -5°С совершали лыжные прогулки в купальных костюмах.

С. 382. *...хотелось, подобно Пушкину, бегать по комнатам, вскрикивая: «Ай да Стругацкие! Ай да молодцы!»* — Аллюзия на слова письма А. Пушкина П. Вяземскому от (около) 7 ноября 1825 года: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

С. 382. *По-нашему, по-простому, по-советски* — вероятно, реминисценция сказки Е. Шварца «Голый король»: «по-грубому, по-стариковски, по-отцовски» (действ. 2).

С. 383. *Этот час солдаты посвятили письмам домой — женам, матерям и пр.* — В советской армии для написания писем выделяется специальный час «личного времени».

С. 383. *«Крутая радуга»* — Туренская В. Крутая радуга. — М.: Детгиз, 1961.

С. 383. *Мидия* — прозвище Лидии Камионко. Упоминается также в «Дне затмения».

С. 383. *Если ты читаешь последние газеты, то должна понимать, что наше настроение не из самых бодрых. Одна надежда — как-нибудь обойдется.* — Речь о состоявшихся 17–18 декабря встречах Н. Хрущева и других руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства.

С. 384. *«Три мушкетера»* — франко-итал. к/ф 1961 г., реж. Б. Бордери.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1962

Лист с недатированными набросками сюжетов, вложенный в Рабочий дневник АБС № 2.

Написано в декабре 1962 г.

Первая публикация: Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1967–1971. — Волгоград, ПринТерра-Дизайн, 2013.

С. 385. *«Молитва о победе». ~ А на земле ломают голову коммунары: что делать?* — Сюжет, воплотившийся в рассказ БЗЛ.

С. 386. *Заколдованный холм с лесником, который не может сойти с холма.* — Использовано в СОТ.

С. 386. *Реактивная пирога с межпланетными пиратами.* — Сюжет, воплотившийся в рассказ ПЛНПП.

С. 386. *«Волчья яма» ~ Редчайший случай* — два вида разумных существ на одной планете. — Первоначально сюжет планировалось использовать в «Седьмом небе», раннем плане ТББ. См. в т. 7 письмо АНС от 1.02.63.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965

Фрагмент дневника за 1962 г. Часть записей выполнена иероглифами. Составители признательны Н. Караеву и Д. Макарову за перевод с японского. Записи о поездке в Казахстан находятся в папке «Дневники АНС 1960–1970 гг.».

Публикуется впервые.

С. 387. Закончил перевод «61 Лебеда», теперь надо литературно обрабатывать. — Черновой перевод АНС повести Масао Сэгавы сохранился в его архиве.

С. 387. Сейчас перевожу для кого-нибудь «Пену» из японской фантастики. — Неопубликованный перевод АНС рассказа Хидэо Цутя.

С. 387. Кочетову намяли бока в «Новом мире»... — Марьямов А. Снаряжение в походе (О романе В. Кочетова «Секретарь обкома») // Новый мир (М.). — 1962. — № 1.

С. 388. Болдырев — «Синий орел» (...) Заключил договор почти одновременно с нами и с Саратовом. Сейчас Ниночка Беркова с проклятиями во всем этом разбирается. — Речь о следующих изданиях повести «Гибель Синего Орла»: Саратов: Кн. изд., 1960 и М.: Детгиз, 1962.

С. 388. Скандал с Сат-Оком и Стадниченко. То, что прислано, — давать книгой нельзя. — Будущее издание: Сат-Ок. Земля Соленых Скал / Пер. с польск. Ю. Стадниченко. — [М.: Дет. лит., 1964].

С. 388. ...Абызов прислал «Возвращение со звезд» Лема... — Роман впервые был опубликован на русском языке в журнале «Молодая гвардия», 1965, №№ 3–5 в переводе Е. Вайсброта и Р. Нудельмана.

С. 389. Блокляйтер, блокфризер, блокэльстер — Blockleiter (руководитель блока) — руководитель низшего звена в партийной структуре НСДАП; Blockfriseur — парикмахер барака; Blockelster — заключенный, которому предписано докладывать о происшествиях в бараке (нем.).

С. 389. ...№№ «Науки и техники» с братьями Strugatskis... — Путь на Амальтею // Наука и техника (Рига). — 1961. — №№ 8, 9.

С. 391. АПН — Агентство печати «Новости».

С. 391. ...Женя Лукодянов (Исяя не было)... — Оговорка: АНС имеет в виду писателей-соавторов Евгения Войскунского и Исяя Лукодянова.

С. 391. Крайком КСМ — Краевой комитет Ленинского коммунистического союза молодежи Казахстана.

С. 393. В «Пионере», по-видимому, пойдет «61 Лебеда». Попролам с Ниной Берковой. — Публикация не состоялась.

С. 393. У меня на руках рукопись Чижевского — как кандалы. — Будущее издание: Чижевский Г. В дебрях времени — М. Детгиз, 1963. Ответственные редакторы Н. Беркова и А. Стругацкий. Повесть написана при фактическом участии АНС.

С. 393. Надо читать японскую книжку «Уки тодай» для «Бюллетеня Ин<остранной> л<итерату>ры». — Рецензию на «Плавучий маяк» Дзюндзо Сёно см. в разделе публицистики. Полное именование «Бюллетеня»: «Всесоюзная Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Иностранная литература. Информационный бюллетень новых книг, поступивших в библиотеку».

С. 394. Разгром абстракционистов — имеются в виду последствия визита тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС и Предсовмина СССР Н. Хрущева на выставку «30-летие МОСХ» в Манеже 1 декабря 1962 г.

С. 394. ...встреча правительства с писателями и художниками 17-го, и особенно — встреча членов правительства с молодыми совсем недавно. — Первая встреча с участием Н. Хрущева проходила в Доме приемов на Ленинских горах. Немного спустя молодые писатели, художники, композиторы, работники театра и кино были «вызваны на ковер» в Идеологическую комиссию при ЦК КПСС, эту встречу вел председатель комиссии Л. Ильичев.

С. 394. ...публикацию евтушенковского «Бабьего Яра»... — Стихотворение Евтушенко было напечатано в «Литературной газете» 19 сентября 1961 г.

Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970

Фрагмент дневника приездов АНС в Ленинград за 1962 г. Дневник представляет собой ряд датированных записей карточных игр АБС и Александры Ивановны с комментариями о работе над произведениями АБС. (Счет игр в настоящем издании опущен.)

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008.

С. 395. *Три Мушкетера, франко-порт.* — Франко-итал. к/ф 1961 г. по одноименному роману А. Дюма, реж. Б. Бордери.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1963

Книжка включает в себя планы занятий и встреч, выписки из книг, адреса и телефоны знакомых. Для настоящей публикации отобраны записи, относящиеся к 1962 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 396. «Ударом меча» — заглавие романа англ. писателя Э. Бальфура «By Stroke of Sword». В русском переводе 2001 г. — «Удар шпаги».

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1965

Книжка включает в себя наброски замыслов, выписки и цитаты из книг и статей, заметки по переводам, записи анекдотов, забавные диалоги. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1962 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 396. *Немирович-Данченко и Станиславский ~ скоро посадят в ГУМ.* — Анекдот использован в ХС.

С. 396. «Падение Берлина» — к/ф 1950 г., реж. М. Чиаурели.

С. 396. «Клятва» — к/ф 1946 г., реж. М. Чиаурели и Э. Ишмухамедов.

С. 396. *Статья для АПН. ~ Выступление в Политехническом музее.* — События октября 1962 г.

С. 396. *Мы скажем Вселенной: «Здравствуй!»* — строка песни «Космонавты», слова Е. Долматовского, музыка В. Мурадели.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962

Блокнот из папки «Рабочие записи АНС разных лет» заполнен разнообразными записями: заметками по «Стажерам», «В дебрях Европы», ПКБ, ДК, запомнившимся фразами и диалогами. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1962 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 397. *Вот такая схема...* — См. письмо АНС от 5.01.62.

С. 398. *В конце Саул саморазоблачается и сообщает, что не все его мины взорвались.* — Эта фраза вписана почерком БНС.

С. 398. «*О суц<ествовании> полиномиальной операции над Q-полем структур Симоняна* (...) *История Ала-эд-Диновой лампы. (Кибер, управляемый голосом: по созвучию разрушает города и строит дворцы.)* — Использовано в ПКБ.

С. 400. *Луддит* — луддиты — группа английских рабочих, протестовавших в начале XIX в. против изменений, которые повлекли промышленный переворот, и считавших, что их рабочим местам угрожает опасность. Часто протест выражался в разрушении машин и оборудования.

С. 400–401. *Сынок, портвейн 1.47 есть? ~ да приезжают, пьют, жрут.* — Зарисовка на отдельном листе из папки «Рабочие записи АНС разных лет».

С. 400. *А так бы я белой купила.* — То есть водки.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960–1962

Книжка включает в себя запомнившиеся фразы и диалоги, цитаты из книг, адреса и телефоны знакомых и корреспондентов. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1962 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 401. *Мы не Декарты, не Ньютоны мы ~ И тупо смотрим, что к чему.* — Использовано в ПНВС.

С. 401. *Авиабаза ~ Мензел.* — Сведения из книги Д. Мензела «О “летающих тарелках”», М.: Изд-во иностр. лит., 1962.

С. 401. *Форт-Нокс, золотой запас* — в Форт-Нокс в 30 милях к юго-западу от Луисвилла, штат Кентукки, находится военная база, на территории которой хранится золотой запас США.

С. 401. *Человек без книги погибнет, только медленнее, чем без жратвы, так же как он погибнет без жратвы, но медленнее, чем без воздуха.* — Идея реализована в описании мокрецов в ГЛ.

С. 402. *«Конечно, бывают уродливые семьи, можно выискать отдельные, разбросанные здесь и там довольно густые мещанские гнезда. Но ведь они отдельные, разбросанные по щелям!..» / Октябрь, 3, 189, 1962* — цитата из статьи Л. Крячко «Модерн»-мещанство и его обличители // Октябрь (М.). — 1962. — № 3.

С. 402. *Я все думаю — сидит сейчас где-то умный и пишет, пишет. Старец Пимен.* — Отец Пимен — персонаж драмы А. Пушкина «Борис Годунов».

С. 402. *...монолог ревнующего Отелло.* — Из третьей сцены третьего акта трагедии У. Шекспира.

С. 402. *Перед праздниками забирают машинки («множительные аппараты»).* — Реальная советская практика; см. ниже примечание БНС к с. 406.

С. 402. *Значит, есть вопросы, на которые человек никогда не ответит? Это же агностицизм.* — Назвать воззрения человека агностицизмом (или любым другим немарксистским философским течением) было в советские времена идеологическим обвинением.

С. 402. *...абегвелау; шипекве; липата; мокеле-мбембе; аилали; бади-гуи; нгакуола-нгоу.* — Перечень именованных драконоподобного существа, будто бы обитающего в тропической Африке, из книги И. Акимушкина «Следы невиданных зверей» (М.: Географгиз, 1961).

С. 403. *Что самое страшное в экспедиции? / — Это — когда ветер, буря... и надо идти по нужде.* — Использовано в ГО.

С. 403. *Маг-кобель; каждый вечер кобелирует. К утру у него волосатые уши. Он бреет их. Стараются очеловечиваться в работе.* — Ср. ПНВС.

С. 403. *Парень мчится спасать любимую. Спасает, оттолкнув женщин и детей.* — Использовано в ДР.

С. 403. *«Вблизи от милой жжет тоска...»* — Искаженные слова газели А. Навои «Кому разлука суждена — великая тому печаль...»: «Вдали от милой жжет тоска, вблизи терзает страх измен». Перевод В. Потаповой. Использовано в ПП.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1962

Книжка, начатая в сентябре 1962 г., включает в себя запомнившиеся фразы и диалоги, цитаты из книг, адреса и телефоны знакомых и корреспондентов. В записную книжку вложено письмо-поручение БНС от журнала «Звезда» о «сборе материалов для

очерка о жизни трудящихся и природе в районе Ладожского озера и его окрестностей, а также в Карелии».

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 404. *«Человек с рефлексом вместо души ~ жадностью и волосатым кулаком»*. Пауст<овский> т. 1, стр. 322. — См. примечание к с. 301.

С. 404. *Проблемы коммунизма: / 1). Взаимоотношения между духовными потребностями и материальным потенциалом. (Число идей и число носителей проблем >> числа приборов, лабораторий, количества энергии для экспериментов.)* — Ср. ДР.

С. 404. *Один из героев — «дурак». Очень хочет заниматься делом, но все время отстает.* — Ср. образ Роберта Склярова в ДР.

С. 405. *Гений — киберчеловек — симбиоз. Одинок и бессмертен. Остается один живой. Выходит из Волны. (...) Дурак скажет, что сам видел его мертвым, а тут гений свяжется по радио. (...) Особого отчаяния нет, т<ак> к<ак> всё надеются вплоть до последнего дня, что подоспеет рейсовый. (...) Одна из причин катастрофы ~ в пользу удачливых.* — Наброски к ДР.

С. 405. *Бог занят ответами: да-нет, да-нет (по поводу камня).* — Использовано в ГЛ: «Вот они и зуммерят, как Господь Бог, когда его спросили насчет камня». Фактически — слова С. Лема. См. письмо БНС, опубликованное в издании: Володихин Д., Прашкевич Г. Братья Стругацкие (М.: Мол. гвардия, 2012): «Трепаться с ним [Лемом. — Сост.] было одно сплошное удовольствие, но о чем мы тогда трепались (дважды по два-три часа!), не помню совершенно. О фантастике, о литературе вообще, о науке? Наверняка... О политике? Вряд ли. Хотя не исключено... Кто-то вспомнил старый парадокс: что будет делать бог, если его, всемогущего, спросят, может ли он создать камень, который сам же не в силах будет поднять? Лем ответил мгновенно: «Бог начнет зуммерить... Заикнется: могу... не могу... могу... не могу... могу... не могу...» Быстрота реакции и остроумие пана Станислава так меня поразили, что, как видите, я запомнил этот эпизод на всю жизнь».

С. 405. *«Даурия»* — роман К. Седых.

С. 405. *«Лунная дорога»* — см. примечание к с. 120.

С. 405. *«Кому на Руси жить хорошо»* — поэма Н. Некрасова.

С. 405. *«Семья Тибо»* — см. примечание к с. 120.

С. 405. *«Если парни всего мира»* — Реми Ж. Если парни всего мира... Дневник коллективных действий, связанных с одним событием. — М.: Гослитиздат, 1957.

С. 405. *«Ученики Иисуса»* — роман Л. Франка.

С. 405. *«Мертвые сраму не имут»* — повесть Г. Бакланова.

С. 405. *«Живые и мертвые»* — роман К. Симонова.

С. 405. *«Рудин»* — роман И. Тургенева.

С. 406. *Хорошо сказано: «Первым признаком отравления является посинение трупа».* — Использовано в ПНВС.

С. 406. *В пьяном гае изнасиловали студентку, участвовали в ограблении...* — **БНС, 4.02.2009**: Это из доклада какого-то начальника. Так и было сказано: «гае».

С. 406. *Никто не боится империалистов. Все боятся особистов: никого конкретно, но какую-то безжалостную тупую машину. (Фатчихин, подписывающий акт, где упоминается ЭВ-80-3.)* — **БНС, 4.02.2009**: Фатчихин — старый глупый астроном «Поколения ДО». Подписывал приказ о заключении в секретную комнату на время праздников электронно-вычислительной печатающей машины ЭВ-80-3 как множительной техники. Общий приказ был: на время праздников спрятать в первом отделе всю множительную технику (имелись в виду пишмашинки, чтобы не печатали листовок).

С. 406. *Я должен сесть к окну, минуты на три... / — Зачем? / — Мне нужно посмотреть, как взлетают американские самолеты... / После этого отношение к нему было совершенно особое.* — **Сост.:** Это реальное наблюдение? **БНС, 4.02.2009**: Да, это так себя вел остроумный турист какой-то тургруппы.

С. 406. «Дерзну на все, что смеет человек. / Кто смеет больше — зверь». / «Макбет». — Цитата из трагедии У. Шекспира, акт 1, сц. 7. Перевод С. Соловьева.

С. 407. *Во Вселенной реально существует все, что мы способны себе представить...* — Ср.: «Раз человеческий мозг может все это вообразить, значит, все это где-то существует, иначе зачем бы мозгу такая способность?» (ОУПА), «Я совершенно не в состоянии вообразить то, чего, по-моему, не существует» (ЗМЛДКС).

С. 407. «Понедельник начинается в субботу» (нет времени для отдыха). — До 1967 г. рабочая неделя в СССР была шестидневной, суббота была рабочей. Шутка Н. Свенцицкой, придумавшей это заглавие будто бы романа Э. Хемингуэя, пригодилась в качестве заглавия будущей повести ПНВС.

С. 407. *Ребиа готовит мощное наступление на все мыслящие слои.* — Ребиа или Рэбиа — первоначально планировавшееся имя персонажа ТББ, названного впоследствии доном Рэбой.

С. 407. *Раздеты камнем* — перефразировка заглавия романа О. Форш «Одеты камнем».

С. 407. *Распределение: крокодилы, лейтенанты, блондинки; слепых только на открытую работу.* — **Сост.:** Какой-то замысел? **БНС, 4.02.2009:** Нет, это негласное распределение на какую-то закрытую работу. Деталей не помню.

С. 407. *Изобретатель колючей проволоки.* — Упомянуто в описании отца Кабани из ТББ.

С. 407. *MIDAS* — по легенде — Мидас — фригийский царь, который превращал в золото все, к чему прикасался; использовано (в русской транскрипции) в качестве названия полевого универсального синтезатора в ТББ.

С. 407. *Кто этот фрайер рядом с Лемом? / Гл<авный> ред<актор> «Звезды» / Георгий Константинович Холопов...* — **Сост.:** Чей это почерк? Кто отвечал на Ваши вопросы? **БНС, 4.02.2009:** Почерк Влада Травинского, отв. секретаря «Звезды».

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 3

Машинописные листы с записями художественного и публицистического характера; часть из них датирована 1962 г.

Публикуется впервые.

С. 408. <Запись от 2.01.1962> — **Сост.:** Это какое-то произведение? **БНС, 10.10.2008:** Возможно. Теперь уже не помню. Скорее, просто «проба пера».

С. 409. *Это должен быть нынешний человек, у которого убрали родимые пятна...* — Аллюзия на выражение «Родимые пятна капитализма», являющееся перефразированной цитатой из «Критики Готской программы» К. Маркса (пар. 3).

С. 409–410. <Запись от 4.01.1962, фрагмент «Говорят, Он жил последние свои дни ~ тяжело ворочалась на своем ложе»> — **Сост.:** А это какое произведение задумывалось? Или это кто-то рассказывал о Сталине реально? **БНС, 10.10.2008:** Это — запись легенды о смерти Сталина. Имела хождение в середине 50-х.

С. 409. *...тот самый орел, что парит наравне.* — Отсылка к строкам стихотворения А. Пушкина «Кавказ»: «Орел, с отдаленной поднявшись вершины, / Парит неподвижно со мной наравне».

С. 410–411. <Запись от 19.01.1962> — **Сост.:** А это какая задумка? **БНС, 10.10.2008:** Попытка сделать рассказ.

С. 413. *Длинный и глупый Толя...* — **БНС, 4.11.2011:** Я не помню, кто этот Толя. Может быть, кто-нибудь из малознакомых биологов (приятель Бори Громова и Жени Махлина), а может быть, и чистая выдумка — литперсонаж для описываемой сценки.

С. 413. *...карты — гимнастика ума.* — Перефразировка афоризма древнегреч. ритора Исократ «Математика есть гимнастика ума».

С. 413. *...рассказывал про подделки, про корону мифического скифского царя, сделанную в девятьсот пятом году ювелиром из Одессы...* — «Корона скифского царя

Сайтоферна» в 1896 году была продана братьями Гохман в Лувр. Подделка была изготовлена одесским ювелиром И. Рухомовским.

С. 413. ...ловко провели, подсунув ему «Поучения сыну» с изумительными миниатюрами, сделанными берлинской лазурью. — «Поучения отца сыну» — часть «Домостроя», памятника дидактической литературы XVI века. Берлинская лазурь — красящий пигмент, известный с XVIII века. Очевидно, была фальсифицирована книга, проданная коллекционеру под видом экземпляра XVI–XVII вв.

С. 415. Толстая черная книжка «Что такое математика?» Куранта и Роббинса. — Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика. Элементарный очерк идей и методов. — М.–Л.: Гостехиздат, 1947.

С. 415. «Курс Звездной астрономии» покойного Павла Петровича Паренаго. — Паренаго П. Курс звездной астрономии. Изд. 3-е. — М.: Гостехиздат, 1954.

С. 416. Потом тоненькая книжка — кандидатская диссертация моего друга насчет сасанидского серебра. — Луконин В. Иран в III–IV вв. (Сложение Сасанидского государства и формирование офиц. стиля в искусстве.) Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. — Л.: Ин-т археологии. Ленингр. отд-ние, 1961. В дальнейшем многие научные работы В. Лукониной были посвящены именно сасанидскому серебру.

С. 416. ...«Кинетическая теория газов» Больцмана... — Возможно, одно из следующих изданий: Больцман Л. Лекции по теории газов. — М.: Гостехиздат, 1956; Он же. Кинетическая теория материи. — М., 1939.

С. 416. ...двухтомный Валентин Пикуль — «Океанский патруль»... — Пикуль В. Океанский патруль. Ч. 1–2. — Л.: Лениздат, 1961.

С. 417. ...Чандрасекар «Принципы звездной динамики». — Чандрасекар С. Принципы звездной динамики. — М., 1948.

С. 417. ...«Курс сферической астрономии» Блажко. — Блажко С. Курс сферической астрономии. — М.: Гостехиздат, 1954.

С. 417. «Волшебник из Гель-Гью» — Борисов Л. Волшебник из Гель-Гью. — Л., 1945.

С. 417. ...Володя Савченко «Черные звезды». — Савченко В. Черные звезды. — М.: Детгиз, 1960.

С. 418. ...«Чудодей» отличного писателя Штриттматтера. — Штриттматтер Э. Чудодей. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

С. 418. ...«Если парни всего мира» Реми... — см. примечание к с. 405.

С. 418. «Свет и цвет в природе» Минаэрта. — Миннарт М. Свет и цвет в природе. — М. Физматгиз, 1958.

С. 418. «Солнечный бродяга» — Вульф Х. Солнечный бродяга. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

С. 418. ...проф<ессор> Карпов — «Творчество душевнобольных». — Карпов П. Творчество душевнобольных. — М.–Л.: Госиздат, 1926. Книга упомянута и процитирована в ПНВС.

С. 418. ...«Литературные записи» Воронского. — Воронский А. Литературные записи. — М.: Круг, 1926.

С. 418. ...Крамер «Математические ме-...» — Крамер Г. Математические методы статистики. — М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948.

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 1

Фрагмент блокнота с записями по «Далекой Радуге», предположительно относящимися к 1962 г.

Публикуется впервые.

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 2

Фрагмент блокнота с записями по «Далекой Радуге», предположительно относящимися к 1962 г.

Публикуется впервые.

Примечания к фотографиям и рисункам

Вкл. С. 6. На обороте нижнего фото имеется надпись: «Глубокоуважаемому Аркадию Натановичу на память о его первом выступлении в воскресных чтениях Политехнического музея 1/IV–62 г. Зав. лекционным отделом [подпись]».

Вкл. С. 14. Рисунки упоминаются на с. 249 раздела «Варианты рукописей и изданий».

Вкл. С. 15. Карта упоминается на с. 398 Рабочих записей АНС 1961–1962 гг.

Вкл. С. 16. Жираф — домашнее прозвище АНС, данное ему И. Ошаниным.

В. Курильский, Р. Муринский, Л. Рудман

Библиография. 1962 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1.1.1. Возвращение (Полдень, XXII век): Фантаст. повесть / Предисл. «Будем ли мы такими?» К. Андреева; Худож. Г. Макаров. — М.: Детгиз, 1962. — 256 с., ил. — (Б-ка приключений и науч. фантастики). — [1-й вариант].

1.1.2. Стажеры: Науч.-фантаст. повесть / Предисл. авторов; Худож. А. Билюкин. — М.: Детгиз, 1962. — 256 с., ил.

1.1.3. Глубокий поиск: Рассказ / Худож. Ю. Синчилин // Капитан звездолета. — Калининград: Кн. изд-во, 1962. — С. 201—215.

1.1.4. Должен жить: Фантаст. повесть. Сокр. вариант [повести «Стажеры»] / Худож. Ю. Макаров // Мир приключений. — Кн. 8. — М.: Детгиз, 1962. — С. 39—103.

1.1.5. Попытка к бегству // Фантастика, 1962. — М.: Мол. гвардия, 1962. — С. 146—261.

1.1.6. Злоумышленники: Главы из науч.-фантаст. повести «Возвращение», выходящей в Детгизе / Худож. Г. Макаров // Знание — сила (М.). — 1962. — № 2. — С. 25—29.

1.1.7. Генеральный инспектор: [Две главы из повести «Стажеры»] / Предисл. ред-ии; Худож. Н. Гришин // Искатель (М.). — 1962. — № 2. — С. 1—30.

1.1.8. Человек из Пасифиды: Рассказ / Худож. Н. Абакумов // Сов. воин (М.). — 1962. — № 17. — С. 26—31.

2. Статьи, интервью, выступления

2.2. А. Стругацкого

2.2.1. «Движущей силой будущего общества явится удовлетворение духовных потребностей человека» // Техника — молодежи (М.). — 1962. — № 12. — С. 11. — [Фрагмент выступления на встрече писателей-фантастов и ученых «Человек и будущее»].

2.3. Б. Стругацкого

2.3.1. К вопросу об асимметрии фигур больших планет / Х. Поттер, Б. Стругацкий // Известия Главной астрономической обсерватории в Пулкове (Л.). — 1962. — Т. 23. — Вып. 1. — № 171. — С. 145—150.

2.3.2. Человек нашей мечты: Встреча писателей-фантастов // Нева (Л.). — 1962. — № 4. — С. 166—173. — [Фрагменты выступлений в дискуссии о НФ].

3. Работа над переводами

3.1. Акутагава Рюноскэ. В стране водяных: Повесть / Пер. с яп. А. Стругацкого. — М.: Гослитиздат, 1962. — 80 с.

4. Редакторская и составительская работа

4.1. Болдырев В. Гибель Синего Орла / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1962.

4.2. Брагин В. В Стране Дремучих Трав / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1962.

4.3. Войскунский Е., Лукодянов И. Экипаж «Меконга» / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1962.

4.4. Гуревич Г. Пленники астероида / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1962.

4.5. Мир приключений. Кн. 7 / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1962.

В. Казаков, Ю. Флейшман

Указатель имен

Coldwell — см. Колдуэлл.

Hoerner Sebastian von — немецкий физик и астроном.

Wells Martin John — Уэллс Мартин Джон, английский биолог.

Абызов Юрий Иванович — переводчик, критик.

Абэ Кобо (Кимифуса, в тексте также — Абэ Кообоо) — японский писатель.

Агрест Маттес Менделевич — математик, физик, уфолог.

Адамов Аркадий Григорьевич — писатель.

Айдинов Георгий Иванович — директор издательства «Знание», писатель.

Аксёнов Василий Павлович — писатель.

Акутагава Рюноскэ — японский писатель.

Александр III Александрович (Романов) — император.

Александр Македонский — македонский царь, полководец.

Алексей Михайлович (Романов Алексей Михайлович) — царь.

Алиханян Артем Исаакович — физик.

Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.

Аматуни Петроний Гай — писатель.

Анатолий (в тексте — Толя) — неустановленное лицо.

Андреев Кирилл Константинович — критик.

Андреев Николай Дмитриевич — лингвист.

Антонов Сергей Петрович — писатель.

Анфилов Глеб Борисович — писатель, популяризатор науки, ответственный секретарь журнала «Знание — сила».

Апулей Луций — древнеримский писатель.

Архимед — древнегреческий математик, механик, инженер.

Бабель (Бобель) Исаак Эммануилович — писатель.

- Бакин, Кёкутэй Бакин (Такидзава Окикуни) — японский писатель.
 Бакланов (Фридман) Григорий Яковлевич — писатель.
 Бальзак Оноре де — французский писатель.
 Бах Иоганн Себастьян — немецкий композитор.
 Белинский Виссарион Григорьевич — критик, литературовед.
 Бёлль Генрих Теодор — немецкий писатель.
 Беляев Александр Романович — писатель.
 Бердник Олесь Павлович — писатель.
 Бережков С. — псевдоним АНС.
 Берия Лаврентий Павлович — государственный и политический деятель.
 Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства Детгиз, критик, писательница.
 Бернштейн Эдуард — немецкий публицист, политический деятель.
 Беспалов Юрий Борисович — режиссер горьковского телевидения.
 Блажко Сергей Николаевич — астроном.
 Блок Александр Александрович — поэт.
 Болдырев Виктор Николаевич — писатель.
 Больцман Людвиг Эдуард — австрийский физик.
 Бондарев Юрий Васильевич — писатель.
 Борисов Леонид Ильич — писатель.
 Боровик Эммануил Исаакович — переводчик, сотрудник АПН.
 Босх Иероним (Акен Ерун Антонисон ван) — нидерландский художник.
 Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
 Брейгель-мл. Питер — нидерландский, фламандский художник.
 Бронштейн Илья Николаевич — математик, составитель справочника.
 Бруно Джордано Филиппо — итальянский философ, поэт.
 Брускин Дмитрий Михайлович — переводчик, писатель, участник встречи в редакции журнала «Нева».
 Брэдбери Рэй (Брэдбери Рэймонд Дуглас) — американский писатель.
 Буссенар Луи Анри — французский писатель.
 Бютнер Элеонора Константиновна — физик, супруга Ю. Готлиба.
 Вайсброт Евгений Павлович — переводчик, педагог.
 Варовенко (Исаев) Юрий Дмитриевич — водитель Кисловодской экспедиционной группы ГАО 1960 г.
 Варшавский Анатолий Семёнович — редактор журнала «Знание — сила», писатель.
 Варшавский Илья (ошиб. инициал С.) Иосифович — писатель.
 Василевский Лев Петрович — писатель, ранее — сотрудник разведки.
 Васильев Леонид Леонидович — физиолог, биофизик, парапсихолог.
 Вега Юрий Бартоломей — словенский военачальник, математик.
 Верн Жюль Габриэль — французский писатель.
 Вильямс (Уильямс) Джон Дэвис — американский математик, популяризатор науки.
 Винер Норберт — американский математик, создатель кибернетики.
 Войскунский Евгений Львович — писатель.
 Волков Александр Мелентьевич — писатель, драматург, переводчик.
 Воронский Александр Константинович — критик.
 Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; домашнее прозвище — Крыса) Елена Ильинична — супруга АНС.
 Воскресенская Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
 Вяльшин Геннадий Фёдорович — астроном.
 Гагарин Юрий Алексеевич — первый космонавт.
 Гайкович Борис Александрович — поэт, переводчик.
 Галилей Галилео — итальянский физик, механик, астроном.
 Гален (Клавдий Гален) — античный врач.

- Гансовский Север Феликсович — писатель.
 Гаусс Иоганн Карл Фридрих — немецкий математик, астроном, физик.
 Генрих Наварра, Генрих IV Бурбон — король Франции.
 Герман Юрий Павлович — писатель.
 Гнеденко Борис Владимирович — математик.
 Гоген Эжен Анри Поль — французский художник.
 Гоголь Николай Васильевич — писатель, драматург.
 Гомер — легендарный древнегреческий поэт-сказитель.
 Гомикава Дзюмпэй — японский писатель.
 Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.
 Госачинский Игорь Владимирович — астроном, супруг Л. Камионко.
 Готлиб Юлий Яковлевич — физико-химик, друг БНС.
 Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.
 Грегор Манфред (Дорфмейстер Грегор) — немецкий писатель.
 Грекова И. (Вентцель Елена Сергеевна) — писательница, математик.
 Грибачёв Николай Матвеевич — поэт, писатель.
 Грин Генри Грэм — английский писатель.
 Грин Эльмар (Якимов Александр Васильевич) — писатель.
 Громов Борис Васильевич — одноклассник БНС, микробиолог, педагог.
 Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
 Гуревич Георгий Иосифович — писатель, критик, популяризатор науки.
 Даль Владимир Иванович — писатель, лексикограф, этнограф.
 Декарт Рене — французский математик, философ.
 Державин Гавриил (Гаврила) Романович — поэт, государственный деятель.
 Диккенс Чарльз Джон Хаффем — английский писатель.
 Дмитриевский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
 Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.
 Дойл Артур Игнатус Конан — английский писатель.
 Долматовский Евгений Аронович — поэт.
 Дonya Владимировна — тетья Е. Воскресенской.
 Ду Фу — китайский поэт.
 Дубровский Ефим Вульфович — заведующий редакцией издательства «Знание».
 Дудинцев Владимир Дмитриевич — писатель.
 Евтушенко (Гангнус) Евгений Александрович — поэт.
 Ёлкин Анатолий Сергеевич — заведующий отделом литературы и искусства газеты «Комсомольская правда».
 Емцев Михаил Тихонович — писатель.
 Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
 Жаколио Луи — французский писатель.
 Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.
 Жигарев Лев Викторович — заместитель главного редактора журнала «Знание — сила».
 Журавлёва Валентина Николаевна — писательница.
 Зайцев Вячеслав Кондратьевич — историк.
 Захарченко Василий Дмитриевич — главный редактор журнала «Техника — молодежи».
 Злобин Степан Павлович — писатель.
 Иванов Валентин Дмитриевич — писатель.
 Ильин — референт В. Кондорицкого.
 Имерманис Анатолий Адольфович — латышский поэт, писатель.
 Иоффе Ирина Львовна — переводчик, востоковед.

- Кагарлицкий Юлий Иосифович — литературовед, критик.
 Казанцев Александр Петрович — писатель.
 Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства Детгиз.
 Калецкая Татьяна Павловна — писательница, сценарист, супруга В. Травинского.
 Калинин Валерий Фёдорович — заместитель начальника Управления научно-технической информации Главатома (Главного управления по использованию атомной энергии Министерства среднего машиностроения СССР).
 Калинина — сотрудница Главлита.
 Камионко Лидия Александровна — инженер ГАО.
 Кан Вениамин Липманович — физик, знаток научной фантастики, критик, переводчик.
 Каракозов Дмитрий Владимирович — революционер-террорист.
 Карамзин Николай Михайлович — писатель, историк.
 Каретникова Елена Н. — астроном.
 Карпелюки — Андрей Иосифович, тесть БНС, генерал в отставке; Антонина Николаевна, теща БНС.
 Карпов Павел Иванович — психиатр, писатель.
 Кассель Исаак Маркович — старший редактор издательства Детгиз.
 Каутский Карл Иоганн — немецкий экономист, историк, публицист.
 Кацумата Сэнкитиро — японский филолог, составитель словарей.
 Келлерман Бернгард — немецкий писатель.
 Керенский Александр Фёдорович — государственный и политический деятель.
 Кернадский либо Бернадский — ошиб., см. Кирнарский.
 Кикиутикан, Кан Кикиути (Кикиути Хироси) — японский писатель, драматург.
 Ким Роман Николаевич — писатель.
 Кирнарский (ошиб. Кернадский, Бернадский) Виктор Абелевич — режиссер, сценарист.
 Ключева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».
 Ковалевский Владимир Павлович — переводчик.
 Козырев Николай Александрович — астроном.
 Колдуэлл Эрскин Престон — американский писатель.
 Колмогоров (Катаев) Андрей Николаевич — математик.
 Колпаков Александр Лаврентьевич — писатель.
 Колумб Христофор — испанский мореплаватель, первооткрыватель Америки.
 Компаниец Василий Георгиевич — главный редактор издательства Детгиз.
 Конан-Дойл — см. Дойл.
 Кондорицкий Василий Сергеевич — начальник Управления Научно-технической информации Главатома (Главного управления по использованию атомной энергии Министерства среднего машиностроения СССР).
 Конрад Николай Иосифович — востоковед, переводчик, педагог.
 Конфуций, Кун-Цзы — китайский философ, основатель конфуцианства.
 Коптев Юрий Иванович — писатель, переводчик.
 Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.
 Коротеев Николай Иванович — писатель, редактор журнала «Искатель».
 Кочетов Всеволод Анисимович — писатель, главный редактор журнала «Октябрь».
 Крамер Гаральд (Харальд) — английский математик.
 Кронин Арчибальд Джозеф — английский писатель.
 Кротова Инна Ивановна — редактор издательства Детгиз.
 Крыса — см. Воскресенская Елена.
 Куникида Doppo (Тэцуо) — японский писатель.
 Курант Рихард — немецкий, американский математик, педагог.
 Куропаткин Алексей Николаевич — военачальник, государственный деятель.

- Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.
 Лазарев (Шиндель) Лазарь Ильич — редактор журнала «Вопросы литературы».
 Левич Вениамин Григорьевич — физик.
 Лем Станислав — польский писатель, философ.
 Леонов Леонид Максимович — писатель.
 Ломоносов Михаил Васильевич — ученый-естествоиспытатель, поэт.
 Лукодянов Исая Борисович — писатель.
 Луконин Владимир Григорьевич — одноклассник БНС, историк, археолог, сотрудник Эрмитажа.
 Луначарский Анатолий Васильевич (Антонов Анатолий Александрович) — государственный деятель, искусствовед, публицист.
 Лыццов Иван Васильевич — поэт.
 Львов Владимир Евгеньевич — журналист, популяризатор науки.
 Ляпунов Борис Валерьянович — писатель, критик, библиограф.
 Ляшенко Михаил Юрьевич — писатель.
 Майн-Рид — см. Рид.
 Макаренко Антон Семёнович — педагог, писатель.
 Макаров Юрий (Георгий) Георгиевич — художник-иллюстратор.
 Макрушин Валентин Александрович — писатель, редактор.
 Максименко Игорь Илларионович — корреспондент АНС.
 Маленков Георгий Максимилианович — политический и государственный деятель.
 Мальт Виктория Сергеевна — редактор издательства Детгиз.
 Мальцев (Пупко) Елизар Юрьевич — писатель.
 Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.
 Манн Пауль Томас — немецкий писатель.
 Мантел Томас Френсис — американский летчик.
 Мао Цзедун — китайский политический и государственный деятель.
 Маркс Карл Генрих — немецкий экономист, философ, политик, создатель марксизма.
 Мартынов Георгий Сергеевич — писатель.
 Мезенцев Владимир Андреевич — главный редактор журнала «Знание — сила».
 Мелвилл Герман — американский писатель.
 Мендельсон Якоб Людвиг Феликс — немецкий композитор, дирижер.
 Мензел Дональд Хоуард — американский исследователь НЛО.
 Милованович Воислав Драгомирович — инженер-кораблестроитель.
 Минаэрт (Миннарт) Марсел Гиллес Йозеф — нидерландский физик.
 Митрофанова Наталия Петровна — хозяйка квартиры в Гурзуфе, в которой останавливалась А. И. Стругацкая.
 Михайлов Владимир Дмитриевич — писатель, редактор.
 Мицкевич — см. Днепров.
 Мопассан Ги (Анри Рене Альбер Ги) де — французский писатель.
 Моэм Уильям Сомерсет — английский писатель.
 Мурасаки Сикибу — японская поэтесса, писательница.
 Мурри (Толчельникова-Мурри) Светлана Александровна — астроном.
 Нагибин Юрий Маркович — писатель.
 Некрасов Виктор Платонович — писатель.
 Некрасов Николай Алексеевич — поэт, журналист.
 Немирович-Данченко Владимир Иванович — режиссер, критик и театральный деятель.
 Немцов Владимир Иванович — писатель.
 Николаев Андриян Григорьевич — третий советский космонавт.
 Николаева (Волянская) Галина Евгеньевна — писательница.

- Ницше Фридрих Вильгельм — немецкий философ.
 Новопашенный Виктор Борисович — астроном, сотрудник ГАО.
 Носов Евгений Иванович — писатель.
 Ньютон Исаак — английский физик, математик, астроном.
 Озеров Виталий Михайлович — главный редактор журнала «Вопросы литературы».
 Озерова Мэри Лазаревна — заведующая отделом прозы журнала «Юность».
 Окуджава Булат Шалвович — поэт, писатель, бард.
 Олдингтон Ричард (Эдвард Годфри) — английский писатель.
 Олеша Юрий Карлович — писатель.
 Ошанин Илья Михайлович — синолог, составитель словарей, тесть АНС.
 Ошанин Сергей Михайлович — военный педагог.
 Ошанина-Фортулатова Екатерина Евгеньевна — теща АНС.
 Панова Вера Фёдоровна — писательница, драматург.
 Панова Галина Валентиновна — инженер ГАО.
 Паренаго Павел Петрович — астроном.
 Парнов Еремей Иудович — писатель.
 Паттерсон Джемс Ллойдович — поэт.
 Паустовский Константин Георгиевич — писатель.
 Пермьяк (Виссов) Евгений Андреевич — писатель.
 Петров П. (в тексте — ППП) — переводчик.
 Пикуль Валентин Саввич — писатель.
 Пискунов Константин Федотович — директор издательства Детгиз.
 Погостер Михаил Соломонович — сотрудник издательства Детгиз.
 Полевой (Кампов) Борис Николаевич — писатель.
 Полещук Александр Лазаревич — писатель.
 Положенцев Дмитрий Дмитриевич — астроном, заведующий вычислительной лабораторией ГАО.
 Полухин Юрий Дмитриевич — поэт.
 Попович Павел Романович — четвертый советский космонавт.
 Поскрёбышев Александр Николаевич — политический и государственный деятель.
 Потёмкин Сергей Васильевич — главный редактор издательства «Молодая гвардия».
 Поттер Хейно Иоганнович — астроном-астрометрист, соавтор БНС по астрономическим публикациям.
 Пржевальский Николай Михайлович — географ, путешественник.
 Пристли Джон Бойнтон — английский драматург, писатель.
 Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.
 Рабле Франсуа — французский писатель.
 Радов (Вельш) Георгий Георгиевич — сотрудник редакции «Литературной газеты», критик.
 Ремарк Эрих Мария (Эрих Пауль) — немецкий писатель.
 Реми Жак (Эсайя Раймон) — французский сценарист, писатель.
 Рид Томас Майн — английский писатель.
 Роббинс Герберт Эллис — американский математик.
 Роз-Иннес, Роуз-Иннес Артур — японский, английский филолог, составитель словарей.
 Росоховатский Игорь Маркович — писатель.
 Ростан Эдмон Эжен Алекси — французский поэт, драматург.
 Рюриков Юрий Борисович — критик, редактор издательства «Советский писатель».
 Савченко Владимир Иванович — писатель.
 Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — писатель.
 Санович Виктор Соломонович — переводчик, редактор Гослитиздата.
 Саньютэй Энтё — японский писатель.

Сапарин Виктор Степанович — писатель, главный редактор журнала «Вокруг света».

Сароян Уильям (Вильям) — американский писатель.

Сат-Ок (Суплатович Станислав) — польский писатель.

Свенцицкая Наталия Александровна — физик-оптик, знакомая БНС, супруга Ю. Чистякова.

Свифт Джонатан — ирландский писатель.

Семендяев Константин Адольфович — математик, составитель справочника.

Семёнов Константин Игоревич — журналист АПН.

Сёно Дзюндзо — японский писатель.

Сервантес Сааведра Мигель де — испанский писатель.

Серебрякова Галина Иосифовна — писательница.

Сигер Пит (Питер) — американский поэт, бард.

Скиапарелли Джованни Вирджинио — итальянский астроном.

Славин Лев Исаевич (Ицкович) — писатель.

Смирнов Владимир Иванович — математик.

Соколов Олег Игоревич — редактор издательства «Знание».

Сологуб Фёдор (Тетерников Фёдор Кузьмич) — поэт, писатель.

Спартак — предводитель восстания в Древнем Риме.

Стадниченко Юрий Иванович — поэт, переводчик, редактор.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — политический и государственный деятель.

Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич — режиссер, актер, педагог.

Стейнбек Джон Эрнст — американский писатель.

Строев Александр Яковлевич — редактор издательства «Молодая гвардия».

Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС, астроном.

Стругацкая Александра Ивановна — мать АБС, педагог.

Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.

Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.

Сумароков Александр Петрович — поэт, писатель, драматург.

Сытин Виктор Александрович — писатель, руководитель СП.

Сэгава Масао — японский астроном, писатель.

Такэнобу Ёситаро — редактор-составитель японско-английского словаря.

Татьяна (в тексте — Таня) — сопровождающее лицо от Союза писателей Казахстана.

Тендряков Владимир Фёдорович — писатель.

Теннисон Альфред — английский поэт.

Теселько Мария Ивановна — тетьа АБС, сестра А. И. Стругацкой.

Тимашкова Галина Михайловна — астрометрист ГАО, супруга В. Новопашенного.

Титов Герман Степанович — второй космонавт.

Ткачёв Юрий А. — слесарь, начинающий писатель, участник встречи в редакции журнала «Нева».

Токугава — династия сегунов — военно-феодалных правителей Японии.

Толстой Алексей Николаевич — писатель.

Толстой Лев Николаевич — писатель, философ, публицист.

Травинский Владилен Михайлович — писатель, ответственный секретарь журнала «Звезда».

Троцкий Лев Давидович (Бронштейн Лейба Давидович) — государственный и политический деятель.

Тургенев Иван Сергеевич — писатель.

Тушкан Георгий Павлович — писатель.

Тыч Иосиф — чешский переводчик.

Ушаков Дмитрий Николаевич — филолог, составитель словарей.

- Уэллс Герберт Джордж — английский писатель.
 Фатчихин Николай Васильевич — астроном, сотрудник ГАО.
 Федин Константин Александрович — писатель, руководитель СП.
 Фельдман-Конрад Наталия Исаевна — филолог, переводчик, составительница словарей.
 Ферсман Александр Евгеньевич — геохимик, минералог, писатель.
 Фёрч Фридрих Альберт — военный деятель в гитлеровской Германии и ФРГ.
 Флобер Гюстав — французский писатель.
 Фрай — неустановленное лицо.
 Франк Леонгард — немецкий писатель.
 Фрейд Зигмунд (Фрейд Сигизмунд Шломо) — австрийский невропатолог, психиатр и психолог.
 Фучик Юлиус — чешский писатель, журналист, участник движения Сопротивления.
 Хайнлайн Роберт Энсон — американский писатель.
 Хейфец Михаил Рувимович — литературовед, историк, друг БНС.
 Хемингуэй Эрнест Миллер — американский писатель.
 Хойзингер — возможно, Адольф Бруно Генрих Эрнст Хойзингер — немецкий военачальник.
 Холопов Георгий Константинович — писатель, главный редактор журнала «Звезда».
 Хрущёв Никита Сергеевич — государственный и политический деятель.
 Цезарь, Гай Юлий Цезарь — древнеримский государственный и политический деятель.
 Цюй Ю — китайский писатель.
 Чандрасекар Субрахманьян — американский астроном.
 Честертон Гилберт Кийт — английский писатель.
 Чехов Антон Павлович — писатель, драматург.
 Чжуан-цзы — китайский философ.
 Чиаурели Михаил Едишерович — режиссер, актер, сценарист.
 Чижевский Герман Михайлович — писатель, биолог, популяризатор науки.
 Чистяков Юрий Николаевич — астроном ГАО, друг БНС.
 Шалимов Александр Иванович — писатель.
 Шварц Евгений Львович — драматург.
 Шекспир Уильям — английский драматург, поэт.
 Шеллер-Михайлов Александр Константинович — писатель.
 Шишкин Иван Иванович — художник.
 Шкловский Виктор Борисович — писатель, литературовед.
 Шолохов Михаил Александрович — писатель.
 Шостакович Дмитрий Дмитриевич — композитор.
 Штриттматтер Эрвин — немецкий писатель.
 Щедрин — см. Салтыков-Щедрин.
 Щепкина-Куперник Татьяна Львовна — переводчик, писательница.
 Эдогава Рампо (Таро Хираи) — японский писатель, критик.
 Эйнштейн Альберт — немецкий, американский физик, общественный деятель.
 Энгельс Фридрих — немецкий экономист, философ, политик, один из создателей марксизма.
 Эндо Сюсаку — японский писатель.
 Эразм Роттердамский Дезидерий — немецкий философ.
 Эренбург Илья Григорьевич (Гиршевич) — писатель, поэт, публицист.
 Этинггоф Евгений Борисович — заместитель главного редактора издательства «Знание».
 Ян (Янчевецкий) Василий Григорьевич — писатель.

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

- 2017 — см. Родился в 2017-м.
 6 спичек — см. Шесть спичек.
 61 Лебедя — перевод АНС повести Сэгава Масао.
 Адарвинизм.
 Амальтея — см. Путь на Амальтею.
 Бедные злые люди. Вариант заглавия: Молитва о победе.
 Белый конус Алаида.
 БЗЛ — Бедные злые люди.
 В — Возвращение.
 В дебрях Европы (Три богатыря) — замысел.
 В наше интересное время.
 В стране водяных — перевод АНС повести Акутагава Рюноскэ. Японское заглавие — Каппа.
 ВБ — Возлюби ближнего.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 ВД — Возлюби дальнего.
 Великий КРИ — см. Загадка задней ноги.
 Веселый разговор.
 Возвращение — см. Полдень, XXII век.
 Возлюби ближнего — см. Попытка к бегству.
 Возлюби дальнего — см. Попытка к бегству.
 Волны гасят ветер.
 Волчья яма — замысел.
 Второе нашествие марсиан. Вариант заглавия: Записки здравомыслящего.
 Гадкие лебеди.
 Генеральный инспектор — отрывок из повести «Стажеры».
 ГИ — Генеральный инспектор.
 ГЛ — Гадкие лебеди.
 ГО — Град обреченный.
 Град обреченный.
 Далекая Радуга. Вариант заглавия: Дальняя Радуга, Катастрофа.
 Дальняя Радуга — см. Далекая Радуга.
 День волшебника — см. Понедельник начинается в субботу.
 День затмения.
 ДЖ — Должен жить.
 ДЗ — Дорожный знак.
 ДК — Дни Кракена.
 Дни Кракена.
 Должен жить — сокращенный вариант повести «Стажеры».
 Дорожный знак.
 ДР — Далекая Радуга.
 Ее тайна — см. Окно.
 Естествознание в мире духов — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант: Телепаты.
 За миллиард лет до конца света.
 Загадка задней ноги — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия: Великий КРИ.
 Заколдованное место — замысел.
 Записки здравомыслящего — см. Второе нашествие марсиан.
 Звездочеты — замысел.

- Злоумышленники — новелла из повести «Полдень, XXII век».
- ЗМЛДКС — За миллиард лет до конца света.
- К как Катастрофа.
- К как Кракен.
- Каппа — см. В стране водяных.
- Катастрофа — см. Далекая Радуга.
- Кракен — см. Дни Кракена.
- Крестьяне — см. Томление духа.
- Люди, люди... — новелла из повести «Возвращение». Вариант заглавия в повести «Полдень, XXII век» — Свидание.
- Маги — см. Понедельник начинается в субботу.
- Мальш.
- Машина Времени — рассказ, вошедший в повесть «Понедельник начинается в субботу».
- Между двух фронтов — замысел.
- Мигранты — см. О странствующих и путешествующих.
- Молитва о победе — см. Бедные злые люди.
- Мы не Декарты, не Ньютоны мы...
- Мыслит ли человек?
- Нищие духом — глава из повести «Стажеры».
- О странствующих и путешествующих. Варианты заглавия: Мигранты, Обыватель.
- Обитаемый остров.
- Облава — глава из повести «Стажеры».
- Обратный — замысел.
- Обыватель — см. О странствующих и путешествующих.
- ОЗ — Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
- Окно. Вариант заглавия: Ее тайна.
- ОО — Обитаемый остров.
- Отель «У погибшего альпиниста».
- [Отрывок о Кольцове]
- Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
- ОУПА — Отель «У погибшего альпиниста».
- ПХХПВ — Полдень, XXII век.
- ПВ — Плоскость восприятий.
- Пена — перевод АНС рассказа Хидэо Цутия.
- Первые люди на первом плоту.
- ПКБ — Попытка к бегству.
- ПЛНПП — Первые люди на первом плоту.
- Плоскость восприятий — см. Попытка к бегству.
- ПНА — Путь на Амальтею.
- ПНВС — Понедельник начинается в субботу.
- Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.
- Полдень, XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.
- Понедельник начинается в субботу. Варианты заглавия: День волшебника, Маги.
- Попытка к бегству. Варианты заглавия: Возлюби ближнего, Возлюби дальнего, Плоскость восприятий.
- Почти такие же — новелла из повести «Полдень, XXII век».
- ПП — Поиск предназначения.
- Путь на Амальтею.
- Радуга — см. Далекая Радуга.
- РЗ — Родился завтра.

Родился в 2017-м — замысел, позднее воплотившийся в повесть «Трудно быть богом».

Родился завтра — замысел, позднее воплотившийся в повесть «Трудно быть богом».

Румата и Юмэ — замысел.

С — Стажеры.

СБТ — Страна багровых туч.

Свечи перед пультом — новелла из повести «Полдень, XXII век».

Се ля ви.

Седьмое небо — замысел.

Седьмое небо — см. Трудно быть богом.

Сказка о Тройке.

Смерть-планетчики — см. Эйномия. Смерть-планетчики.

СОТ — Сказка о Тройке.

Стажеры. Варианты заглавия: Генеральный инспектор, Должен жить.

Страна багровых туч.

ТББ — Трудно быть богом.

Телепаты — см. Естествознание в мире духов.

Томление духа — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:

Крестьяне.

Трудно быть богом. Вариант заглавия: Седьмое небо.

Хромая судьба.

ХС — Хромая судьба.

Человек из Пасифиды.

ЧИП — Человек из Пасифиды.

Шесть спичек.

Шутливые эпитафии.

Эйномия. Смерть-планетчики — глава из повести «Стажеры».

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Попытка к бегству	3
ИЗ АРХИВА	
Борис Стругацкий. Мыслит ли человек?	66
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Дорожный знак	70
Аркадий Стругацкий. Окно	77
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Адарвинизм	84
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Машина времени	86
Аркадий Стругацкий. Дни Кракена	89
Аркадий Стругацкий. Се ля ви	156
Аркадий Стругацкий. Веселый разговор	157
Аркадий Стругацкий. [Отрывок о Кольцове]	158
Борис Стругацкий. Сочинения времен ГАО	159
ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ	
«Попытка к бегству»	161
«Дни Кракена»	247

Раздел II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

Человек нашей мечты: встреча писателей-фантастов	279
Аркадий Стругацкий. «Движущей силой будущего общества явится удовлетворение духовных потребностей человека»	279
ИЗ АРХИВА	
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Врезка к отрывку из «Стажеров» в журнале «Знания та праця»]	281
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Человек и общество будущего	281
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Фантастика	286
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Перспективы	299
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. О советской фантастике	301
Аркадий Стругацкий. Советская научно-фантастическая литература	313
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть В. Михайлова «Особая необходимость»	315
Аркадий Стругацкий. Рецензия [на повесть Эндо Сюсаку «Море и яд»]	317
Аркадий Стругацкий. [Рецензия на повесть] Сёно Дзюндзо «Плавучий маяк»	318
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Анатолий Днепров	319

Раздел III. ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1962	320
Аркадий Стругацкий. Письмо супруге, 1962	377
Борис Стругацкий. Письма супруге, 1962	377
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1962	385
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965	386
Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970	395

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1963	396
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1965	396
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962	397
Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960–1962	401
Борис Стругацкий. Записная книжка, 1962	404
Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 3	408
Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 1	418
Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 2	421

Раздел IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	423
Комментарии и примечания	424
Библиография. 1962 г.	458
Указатель имен	459
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	467